

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2018. № 434. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 434. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бушуева Л.А. Фреймовая модель и прототипические значения категории «неразумный поступок» (на материале русского языка)	5
Волкова Е.В. Анализ языковой личности радиоведущей «Эха Москвы» Ксении Лариной	12
Курило С.А. Тема английского и российского колониализма в книге И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»»	19
Мишанкина Н.А., Черныш О.А. Лексика делового протокола в дискурсивном аспекте (на материале протоколов 1918–1933 гг.)	30
Помаролли Дж. Концепция сопоставительного лингвокультурологического словаря пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков	40
Сумцова О.В. Русская переводческая рецепция сенсационного романа Ч. Рида «Griffith Gaunt, or Jealousy» (1860-е гг.)	50
Феоктистова Л.А. К этимологии рус. диал. тюха (да) матюха (пантюха) да колупай с братом и под.	61

ФИЛОСОФИЯ

Прохоров А.И. Язык как теоретическая реальность (применение схемы разграничения эмпирического и теоретического у Э. Гуссерля к анализу формальной тавтологии)	70
Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии	77
В.В. Целищев, А.О. Костяков А.О. Бестиповые теории истины и внутренняя доказуемость непротиворечивости: параллели и переплетения	83
Юрьев Р.А. Теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии: опыт сравнительного анализа	88

ИСТОРИЯ

Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Часть 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг.	94
Ван Гохун. Отражение в китайской иероглифической письменности разделения труда традиционной семьи	108
Зайцева О.В., Водясов Е.В. Грунтовое погребение Тимирязевского-1 курганного могильника с комплексами миниатюрных предметов	113
Зеленева И.В., Бурухина Е.Н. Эволюция политики безопасности Финляндии и НАТО	119
Селиванов Д.Е. «Эволюция взглядов национальной интеллигенции в контексте национального возрождения телеутов»	125
Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья	129
Хоменко Д.Ю. Сибирское чиновничество в революционные годы: на примере двух поколений семьи Доброхотовых	137

ПЕДАГОГИКА

Бурмистров А.Д., Чикуров А.И., Худик С.С., Радаева С.В. Функциональная асимметрия конькобежцев высокой квалификации	143
Кирьяш Н.С. К вопросу о готовности детей 4–6 лет к освоению прикладных гимнастических упражнений	149

CONTENTS

PHILOLOGY

Bushuyeva L.A. Frame model and prototypical meanings of the category “unwise act” (in the Russian language)	5
Volkova E.V. The analysis of the language personality of the radio presenter of Echo of Moscow Ksenia Larina	12
Kurilo S.A. The theme of English and Russian colonialism in Ivan Goncharov’s <i>The Frigate “Pallada”</i>	19
Mishankina N.A., Chernysh O.A. Lexical organization of the record in a discursive aspect (on the basis of records dated by 1918–1933)	30
Pomarolli G. Proposal for compiling a comparative linguo-cultural dictionary of food metaphors in Russian and Italian languages	40
Sumtsova O.V. Russian translation reception of the sensational novel <i>Griffith Gaunt, or Jealousy</i> by Charles Reade (the 1860s)	50
Feoktistova L.A. On the etymology of Russian dialectal <i>tyukha (da) matyukha, tyukha (da) pantyukha (da kolupay s bratom)</i> and others	61

PHILOSOPHY

Prokhorov A.I. Language as a theoretical reality: application of Edmund Husserl’s distinguishing between the empirical and the theoretical for formal tautology analysis	70
Faritov V.T. Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman’s research: ontological bases of the semiotic philosophy	77
Tselishchev V.V., Kostjakov A.O. Typeless theories of truth and the built-in provability of consistency: parallels and intertwining	83
Yuriev R.A. The theory of speech acts in phenomenology and in the analytic philosophy: the experience of a comparative analysis	88

HISTORY

Avilov R.S. The problem of the military defense planning of the Russian Far East in 1896–1900. Part 1. After the Sino-Japanese War of 1894–1895	94
Wang Guohong. Reflection of the division of labor within a traditional family in the Chinese hieroglyphic writing	108
Zaitseva O.V., Vodyasov E.V. The ground burial of the Timiryazev-1 burial mound with complexes of miniature objects	113
Zeleneva I.V., Burukhina E.N. Evolution of Finland’s and NATO’s security policy	119
Selivanov D.E. Evolution of national intellectuals’ views in the context of the national revival of the Teleuts	125
Tishkin A.A., Seregin N.N. Results of a comprehensive study of metal mirrors from the medieval sites of the Altai and the southern part of the Upper Ob region	129
Khomenko D.Yu. Siberian officials in the Revolution: the example of the Dobrokhoto family	137

PEDAGOGICS

Burmistrov A.D., Chikurov A.I., Khudik S.S., Radaeva S.V. Functional asymmetry of elite speed skaters	143
Kiryash N.S. On the issue of four- to six-year-old children’s preparedness to master applied gymnastic exercises	149

Манжелей И.В., Чаюн Д.В. Психологическое сопровождение подготовки спортсменов в аэробной гимнастике	155
Мовшович А.Д., Лобанов В.В. Методические основания развития координационных способностей и целевой точности укола у начинающих фехтовальщиков на рапирах 9–10 лет	162
Рожественская Е.М., Жаворонок А.В. Субъективная оценка организационно-педагогических условий проектной работы бакалавров	167

ПРАВО

Ведерников Н.Т., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Теоретические проблемы криминалистического профилирования: уголовно-процессуальный, тактико-криминалистический и психологический аспекты	178
Караваева Ю.С. Соучастие специального и неспециального (общего) субъектов преступления в свете криминологического-правового подхода	187
Кирилловых А.А. Образовательная доктрина в системе инструментов публичного управления образованием: правовой аспект	193
Мазур Е.С., Алексеева Т.А. Криминалистическое значение индивидуальных признаков устной речи	199
Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые идеи Питирима Сорокина	203
Репьев А.Г. Коррупционные риски при установлении в законодательстве правовых преимуществ	208
Романов М.Л. Юридическая природа и сущность правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации	212
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	220

Manzheley I.V., Chayun D.V. Psychological follow-up of athletes' training in aerobic gymnastics	155
Movshovich A.D., Lobanov V.V. Methodological bases of the development of coordination abilities and exactness of hit of beginning foil fencers aged 9–10	162
Rozhdestvenskaia E.M., Zhavoronok A.V. Subjective assessment of organizational and pedagogical frameworks of bachelors' project work	167

LAW

Vedernikov N.T., Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Theoretical problems of criminal profiling: criminal procedural, tactical criminalistic and psychological aspects	178
Karavaeva Yu.S. Complicity of special and non-special (general) subjects of crime in the light of a criminological and legal approach	187
Kirillovykh A.A. Educational doctrine in the system of public education management tools: a legal aspect	193
Mazur E.S., Alekseeva T.A. Forensic meaning of individual features of oral speech	199
Prozumentov L.M., Shesler A.V. Pitirim Sorokin's ideas on criminal law	203
Repev A.G. Corruption risks in the granting of legal advantages by the law	208
Romanov M.L. The legal nature and essence of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation	212
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	220

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'1

Л.А. Бушуева

ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ И ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ «НЕРАЗУМНЫЙ ПОСТУПОК» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Рассматриваются особенности категоризации знаний о неразумных поступках в терминах теории прототипов и фреймов. Представлена фреймовая модель категории «неразумный поступок», исследована специфика ее репрезентации в лексической системе русского языка, русской речи и обыденном сознании носителей русской культуры. Прототипические значения слотов фрейма определяются на основе учета и соотнесения лексикографических, дискурсивных и ассоциативных данных.

Ключевые слова: поступок; неразумный поступок; фрейм; прототип; дискурсивный анализ; вербальные ассоциации.

С точки зрения современных исследователей, центральной проблемой когнитивной лингвистики является проблема категоризации знаний об окружающей действительности. Значимость категоризации определяется тем, что, по словам Е.С. Кубряковой, «это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т.п.» [1. С. 25]. Человеческая память устроена таким образом, что языковые элементы, которые в ней хранятся, упорядочены определенным образом, при этом языковые категории выступают основанием такого упорядочения. Изучение того, каким образом «языковое сознание расчленяет действительность на отдельные», является одной из задач языкознания [2. С. 201].

Одним из способов исследования процессов категоризации действительности и отражения этих процессов в языковых структурах является интерпретация языковых средств, классифицирующих отдельные фрагменты мира. Существенным представляется вопрос о том, каким образом организованы категории в языке. Категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков [3. С. 121]. Часть знаний, получаемых человеком, структурируется по принципу вариант – инвариант, но большая часть опыта организована более сложным способом, посредством лучевых структур с прототипичными и периферийными членами категории [4. С. 11].

Для категоризации знаний весьма эффективным оказывается образ сетки или сходный с ним образ фрейма (термин М. Минского). Основным признаком фрейма является то, что это всегда структурированная единица знания. Любой вид человеческой деятельности «фреймируется» общепринятыми правилами. Эти правила образуют базовые схемы восприятия, опираясь на которые, человек осознает последовательность действий в той или иной ситуации. Согласно концепции М. Минского, процесс мышления человека основан на наличии в его памяти большого количества разнообразных фреймов, из которого при необходимости отбирается соответствующий [5. С. 14].

В когнитивной лингвистике фреймовая теория занимает одно из центральных мест. Применение мето-

дики фреймового анализа для исследования различных языковых единиц дает много преимуществ, благодаря свойствам фрейма: категориальный принцип организации знаний, представление знаний о типизированной ситуации, четко выстроенная иерархическая структура, возможность динамики [6. С. 31].

В категориях есть прототипы, выделяющиеся элементы, вокруг которых группируются все остальные входящие в категорию объекты. При распознавании объектов сознание человека опирается именно на прототипы, наиболее яркие представители множества, так как их определяющие черты, их сущность являются когнитивными ориентирами для той или иной категории [7. С. 39; 8. С. 185]. Описание языковых категорий базируется на исследовании прототипов. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей категоризации представлений о неразумных поступках в русской лингвокультуре. Инструментами решения этой задачи служат теория фреймов и теория прототипов.

Категория «неразумный поступок» является субкатегорией более общей категории «поступок», выделяемой по ряду существенных признаков. Вслед за исследователями (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв, С.Л. Сахно, Н.Д. Арутюнова и др.), полагаем, что необходимо разграничивать понятия «поступок», «событие» и «действие». В отличие от событий, поступки представляют собой то, что уже произошло. Важным признаком, отличающим поступки от действий, является оценка. Именно оценка может придать действию статус поступка [9].

Поступок в данном исследовании рассматривается как сознательное и разумное действие человека, совершающееся в результате реализации мотива и вызывающее определенную реакцию у окружающих в виде оценки.

Номинации поступков в коммуникации предшествует когнитивно-концептуальный этап. Номинатор поступков, исходя из фоновых знаний о мире, тогда корректно отражает в сознании воспринимаемые поступки, когда классифицирует их, тем самым отделяя одни поступки от других. Такая классификация возможна в том случае, если у реципиента в фоновых знаниях о мире есть представление о типах поступ-

ков. Тогда языковое сознание, а с помощью него и язык «как бы набрасывает “сетку понятий”, которая, расчлняя объективную действительность, создает языковую картину мира» [10. С. 8].

При концептуализации воспринимаемого поступка в сознании остаются только функционально обязательные компоненты, соотнесенные с прототипом структуры поступка. Использование языковым сознанием принципа аналогии в его рефлексивной деятельности и в дальнейшем проецировании функционально-семантической структуры концепта того или иного прототипа поступка на инвариант номинанта можно отнести к реализации принципа мыслительной и языковой экономии [11. С. 391].

В языке поступки представлены именами существительными и глаголами: *благодаяние, благодетельствовать; предательство, предавать* и др.). Фреймовая структура поступков ранее не подвергалась анализу, что обуславливает новизну данного исследования.

Методика фреймового моделирования ситуации поступков на основе языковых данных позволяет раскрыть структуру и содержание знаний о поступках.

Цель исследования – на примере семантической группы «неразумный поступок» показать то, каким образом в языке, речи и вербальных ассоциациях репрезентирована общая когнитивная модель поступков, т.е. их инвариантный фрейм, который, предположительно, состоит из элементов «мотив», «агент», «действие», «оценка», «результат». Как показывают проведенные ранее исследования, имена поступков поразному репрезентируют данную модель [12, 13]. В задачи данной работы входит анализ того, какие из перечисленных элементов инвариантного фрейма поступка находятся в большем или меньшем фокусе внимания в процессе восприятия ситуации «неразумный поступок», каково содержание и прототипические значения слотов фрейма данной категории поступков.

Теоретико-методологической основой исследования служит положение о том, что единицы когниции, к которым относятся фреймы, многообразно вербализованы в языке и речи: репрезентированы конвенциональными значениями языковых единиц, разными типами их отношений и связей, характером дискурсивной экспликации, закреплены в ассоциативно-вербальной сети говорящих (ср., например, приемы моделирования фреймов в работах [14–16]).

Источниками материала исследования послужили данные толковых, синонимических, идеографических, ассоциативных словарей, тексты художественной, публицистической, устной речи XX–XXI вв., включенные в Национальный корпус русского языка [17]. Рассматривались семантика, функционирование, ассоциативные связи существительных со значением «неразумный поступок» (имена неразумных поступков), а также однокоренные с ними лексемы, которые репрезентируют ситуацию данного поступка. Всего было проанализировано 13 718 контекстов с 26 лексемами, вербализующими ситуацию неразумного поступка.

В русском языке категория «неразумный поступок» репрезентирована именами поступков *безрас-*

судство, безумие, безумство, глупость, идиотизм, идиотство. Семантической особенностью данных единиц является способность обозначать свойство и поступок, например, «глупость – 1. недостаток ума, сообразительности: *Поступил так по глупости*; 2. глупый поступок» [18. С. 210]. Выделенные в русском языке на системно-языковом материале признаки поступков группы «неразумный поступок» позволяют провести разграничение внутри группы относительно разных типов действий, лежащих в основе поступков: 1) *глупость, идиотизм, идиотство* – имена глупых поступков; 2) *безрассудство, безумие, безумство* – имена несдержанных, опрометчивых поступков. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» прилагательные *глупый* и *безумный* также рассматриваются в разных группах и противопоставляются на том основании, что единица *безумный* в том числе описывает больных рассудком людей, в отличие от единицы *глупый*, обозначающей людей, умственные способности которых в том или ином отношении недостаточны [19. С. 214].

Значение «поступок, выходящий за пределы здравого смысла» объединяет поступки в одну группу. Ср.: «глупость – нечто неразумное, неумный поступок. *Большая / огромная / ужасная / страшная / несусветная / непростительная глупость. Сделать / совершить глупость*» [20. С. 190]; «идиотство – глупый, бессмысленный поступок. *Без воды идти в пустыню – идиотство!*» [21. С. 274]; «идиотизм – бессмысленный, глупый поступок, поведение. *Это просто идиотизм!*» [18. С. 375]. Лексемы *безумие, безумство, безрассудство* обозначают неразумный поступок, который также характеризуется несдержанностью и опрометчивостью. Ср.: «безумие – крайнее безрассудство, безрассудный поступок» [Там же. С. 68]; «безумство – = безумие: *Совершать безумства*» [Там же]; «безрассудство – 1. отсутствие здравого смысла; 2. безрассудный поступок», при этом «безрассудный – отличающийся безрассудством; неосмотрительный, опрометчивый. *Поступить безрассудно. Безрассудно отправляться в дорогу ночью*» [Там же].

В языке представления о поступках выражены не только именами поступков, но и однокоренными лексемами, которые вместе описывают ситуацию того или иного поступка. Лексикографический анализ, анализ сочетаемости и контекстуальных связей лексем, однокоренных с именами поступков *глупость, безрассудство, безумие, безумство, идиотизм, идиотство*, показал, что к репрезентантам ситуации «неразумный поступок» можно отнести следующие лексемы:

– имена лиц, которые могут совершать неразумные поступки: *глупец, дурак, дура, идиот, идиотка, безумец*. Все перечисленные имена могут выступать в двух функциях – служить наименованиями постоянных, имманентных свойств лица и непостоянных, «событийных» свойств. Эти две функции непоследовательно, неединообразно представлены в русской лексикографии. Ср.: в Малом академическом словаре выделена первая функция: «глупец – глупый человек» [22]; «безумец – 1. сумасшедший; 2. крайне безрассудный

человек»; «дурак – глупый, тупой человек»; «идиот – 1. человек, страдающий идиотией, слабоумием; 2. дурак, болван, тупица» [Там же]; в Большом толковом словаре русского языка подчеркнуты и первая, и вторая функции имени *глупец*: «глупец – глупый человек; о том, кто сделал или сказал глупость» [18. С. 210]; первая функция имени *дурак*, а также устойчивые выражения, актуализирующие то, что дураку свойственно совершать неразумные поступки: «дурак – глупый, тупой человек. Дураку (дуракам) закон не писан. Бесполезно требовать от глупого человека разумных поступков. Свалить дурака. Поступить глупо, необдуманно» [Там же. С. 288]; в Большом универсальном словаре русского языка подчеркиваются первая и вторая функции лексемы: «дурак – человек, который плохо соображает, примитивно мыслит, не знает, не понимает простых вещей, а также употребляется по отношению к человеку, который сказал, сделал что-то глупое, нелепое, вообще не нравится кому-либо» [20. С. 281]; *идиот* и *безумец* представлены в Большом толковом словаре русского языка в первую очередь как лица с поврежденным рассудком и вторично – как лица-носители свойств «глупость» (*идиот*) и «безрассудство» (*безумец*): «идиот – 1. человек, страдающий идиотией, слабоумием; 2. дурак, болван, тупица» [18. С. 375]; «безумец – крайне безрассудный человек (первоначально – о человеке, лишившемся рассудка; сумасшедшем)» [Там же. С. 68].

В аспекте категоризации представлений о неразумных поступках лица носители свойств, обозначаемых рассматриваемыми именами, выступают как те, кто ожидаемо может такие поступки совершать. Актуальными агентами неразумных поступков оказываются лица, их совершившие, независимо от того, являются ли они носителями соответствующих свойств. Таким образом, реализация «событийной» функции у имен типа *глупец*, *идиот* может осуществляться как на основе синкретизма с представлениями об имманентных ментальных свойствах лица, так и самостоятельно, путем точечного переноса этих свойств на лица, не являющиеся их постоянными носителями. В последнем случае для употребления данных имен характерна позиция в составе конструкции сравнения, а также предикативная функция. Ср.: *вести себя как глупец / идиот / идиотка / дура / безумец; поступок глупца / идиота / безумца; поступать как глупец / дурак / идиот / идиотка; будешь дураком / душой / идиотом / идиоткой, если сделаешь это*; «валить дурака – делать глупость, поступать не так, как следовало бы в данной ситуации. Знаешь, я дачу продал. – Это ты большого дурака свалил» [20. С. 281].

– наименование действий, лежащих в основе поступка: *глупить, наглупить, сглупить, дурить, дуровать, сдурить, безумствовать*. Действия, связанные с неразумными поступками, представлены как единичные (*сглупить, сдурить*) и повторяющиеся (*глупить, дурить, дуровать, безумствовать*), отличающиеся особой интенсивностью (*наглупить, безумствовать, дуровать*). Ср.: «глупить – делать или говорить глупости, вести себя глупо. Пойду ва-банк! – Не глупи! Разговор серьезный, а ты все глупишь!» [18. С. 210]; «наглупить – наделать глупостей, глупо

поступить. – Она очень просила ваш адрес. Я уж думал, не наглупил ли, что упомянул вашу фамилию» [22]; «сглупить – сделать глупость»; «дурить – совершать нелепые, сумасбродные поступки; делать глупости» [18. С. 288]; «сдурить – поступить глупо, необдуманно; сглупить. – Убийца был наверху, когда Кох и Пестряков стучались, и сидел на запоре. Кох сдурил и пошел вниз, тут убийца выскочил» [22]; «безумствовать – поступать крайне безрассудно; неистовствовать. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти» [Там же].

– оценочные прилагательные и наречия, характеризующие поступки / агентов поступков: *глупый, глупо, идиотский, по-идиотски, безрассудный, безрассудно, безумный*. Ср.: «безумный – перен. тот, кто поступает крайне безрассудно, неразумно; 3. свойственный неразумному человеку» [23]; «безрассудный – 1. несдерживаемый доводами рассудка, здравого смысла; 2. поступающий вопреки здравому смыслу; неосмотрительный» [Там же]; «глупый – такой, который объясняется недостатком разумности, свидетельствует о непродуманности чего-либо, а также такой, содержание которого отличается низким интеллектуальным уровнем. Глупая выходка» [18. С. 210]; «глупо – нареч. к *глупый*. Поступить глупо» [22]; «идиотский – бессмысленный, глупый, нелепый. Идиотский поступок» [18. С. 375]; «безрассудно – неразумно, опрометчиво. Идти в зимний поход, не снарядившись как следует, – безрассудно» [22].

Лексикографический анализ показал, что на уровне лексической системы русского языка вербализованы знания носителей языка о действиях, лежащих в основе неразумных поступков, лицах, склонных обычно или в отдельных случаях совершать подобные поступки, а также об оценке неразумных поступков и их агентов. Выделенные признаки позволяют смоделировать соответствующие слоты: 1. Агент неразумного поступка (*глупец, дурак, дура, идиот, идиотка, безумец*); 2. Действие, лежащее в основе неразумного поступка (*глупить, наглупить, сглупить, дурить, дуровать, сдурить, безумствовать*); 3. Оценка неразумного поступка / агента неразумного поступка (*глупый, глупо, идиотский, по-идиотски, безрассудный, безрассудно, безумный*).

В русскоязычном дискурсе содержание данных слотов раскрывается следующим образом (источниками материала послужили тексты Национального корпуса русского языка [17]):

Слот «Агент неразумного поступка». В целом из контекстов ясно, что любой человек способен на неразумный поступок: *А Ленка ушла. Он сделал глупость. Все делают глупости. Все ошибаются* (В. Дергачева. Монологи); *Мало найдется людей во все неспособных совершать глупости, но Тусяда совершил то, чего боялся совершить даже неразумные дети* (А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы).

Однако к наиболее типичным агентам неразумного поступка относятся:

– молодой и неопытный человек: *Единственное, чему можно завидовать, это молодости и ее безрассудствам* (С. Есин. Марбург); *Нагромождение нелепых поступков, глупостей, просто идиотизма – и со*

стороны Ирины, и со стороны Леонида, который будто и не повзрослел, вел себя неадекватно (А. Славковский. Большая книга перемен);

– человек в измененном психологическом состоянии: *Но несравненно больше глупостей наделают те, кто поддастся паническим настроениям* (Р. Хестанов. Как пережить кризис); *Вторая версия более правдоподобна, поскольку наделать столько глупостей в здравом уме невозможно* (А. Макаров. Киевские конкистадоры).

Слот «Действие, лежащее в основе неразумного поступка». Признаки, объединяющие поступки группы, включают компоненты «делать что-то, что не согласуется с общепринятой нормой / ситуацией». Оценивание происходит по одной схеме: действие рассматривается в соотношении с конкретной ситуацией, мотивом, возможными последствиями или же личностью самого агента. Например, в следующем контексте номинация *глупый* употребляется применительно к человеку, чьи действия не соответствуют ситуации: *Говорили про подружку одного из них – глупую приезжую девушку, все делающую невпопад, открывающую рот где не надо и вводящую в конфуз* (Е. Долгинова. В сугроб обратно!). В следующем примере описывается ситуация, в которой возможные последствия не соответствуют мотиву поступка: *В конце пятидесятых годов мама вдруг решила отделаться от следа «заблудшей юности» и, заперевшись в ванной комнате коммунальной квартиры, облила татуировку соляной кислотой. В результате она вместе с заблуждениями едва не лишилась руки. Спрошенная сыном-подростком, почему она совершила подобную глупость, мама, стесняясь, сослалась на трагическую невозможность носить платья с коротким рукавом и на то, что жена советского офицера не может выглядеть как хулиганка* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха).

Слот «Оценка неразумного поступка / агента неразумного поступка». В дискурсе выявляется негативное отношение к поступкам данной группы, подчеркивается идея нелепости, необоснованности неразумного поведения и вытекающей отсюда необходимости пресекать подобные поступки. Прототипической для глупости следует считать отрицательную оценку, которая может быть выражена эксплицитно или имплицитно: *В жизнь я встал трудно, медленно, делал глупости, досаждал себе и другим* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей); *Если бы я рассказал вам хоть пятую часть всех безрассудств его молодости, вы бы были шокированы* (Д. Рубина. Наш китайский бизнес).

Оцениваться как неразумные могут самые разные поступки: *глупая выходка / шалость / жест / геройство; идиотская шалость / выходка; безрассудное геройство / выходка / дерзость; идиотская шалость / выходка / дерзость; безумный жест / шалость / дерзость / геройство / шаг*. Это позволяет определить категорию неразумных поступков как оценочную, репрезентирующую среди структур знания структуры мнения и оценки мира (см. типологию категорий в работе [24. С. 12]).

Единицы слотов сочетаются с интенсификаторами, что свидетельствует о наличии шкалы отрицательной

оценки поступков. Ср.: *круглая дура / дурак; полный дурак / идиот; большая / полная глупость*. Например: *Связываться с газетой, где редактор – император, а члены редколлегии – Толстой, Достоевский, Илья Муромец и Алеша Попович, – значит заранее записаться в законченные идиоты* (П. Ковригин. Кто последний в цари?); *Немец полный дурак – стреляет* (В. Гельфанд. Дневники); *Она не склонна к суициду, потому что это полная глупость – кончать с собой* (М. Перова. «Металлик» для Джульетты); *При нем больших глупостей почти не делалось* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий).

Человек, совершающий безрассудства, как положительно оцениваемый агент поступка, эксплицирован прежде всего в художественных текстах, в которых внимание уделяется характерным признакам русского национального характера, а склонность к безрассудным поступкам, осознается как неперенный атрибут русской души. Например: *Конечно, в глазах многих Марк Семенович Шубкин был и остается комической фигурой: все его идеалы, верования, приход к ним и уход от них, а главное, всякие по этому поводу ужимки и жесты выглядели смешно, – но при этом в нем было и что-то трогательное, в его действиях имели место благородные порывы и элементы почитаемого в нашем обществе безрассудства* (В. Войнович. Монументальная пропаганда).

Глупость оценивается положительно, когда она противопоставляется скучной предсказуемости зрелого человека, привыкшего к размеренному образу жизни. В таком случае неразумный поступок соотносим с порывом, с демонстрацией себе и окружающим, что жизнь с ее радостями и приключениями продолжается. Например, в следующем примере глупость сближается с чудачеством, и в этом случае может оцениваться положительно. *В их медовом году ей нравились даже его пьяные эскапады. Они так прямо приправляли жизнь. Протрезвев, Шурик ничего не помнил, требовал все новых подробностей, каждую малость встречал прокуренным гоготанием: «Врешь, зараза!», и страшно гордился тем, что еще способен глупить и куролесить* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана).

Слот «Мотив неразумного поступка». Для неразумных поступков характерны неясные мотивы. Непонимание мотива является во многих случаях одним из оснований причислить поступки к данной группе. Ср. высказывание В.И. Карасика: «Людам свойственно считать свое собственное поведение нормой, точкой отсчета, по отношению к которой устанавливают приемлемые и неприемлемые отклонения от нормы. Первое, что приходит в голову при столкновении с человеком, чей стиль поведения резко отличается от моего собственного, чьи ценности лишены целесообразного (с моей точки зрения) объяснения, – это сомнение в интеллектуальной состоятельности этого человека» [25. С. 252]. Например: *К тому же меня смущала слишком уж очевидная глупость этого поступка. Немотивированность и бессмысленность его сбивали с толку. Для чего Лене этот портрет? Загадки, загадки...* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда).

В речи, ввиду неясности и множественности мотивов, акцентируются причины неразумных поступков. Судя по примерам НКРЯ, поступок, который в результате оценивается как неразумный, совершается, когда человек находится под воздействием факторов, способствующих изменению привычного состояния (покоя и стабильности), в результате чего утрачивается способность контролировать свои эмоции, например, в стрессовой ситуации, когда агент поступка испытывает страх или напряжение, когда влюблен и т.д. Ср.: *Вот их я очень боюсь. А когда я боюсь – я делаю глупости* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки); *Если совершить величайшее безрассудство во имя любви можно в молодые годы, то понять его и, быть может, пожалеть, что в твоей жизни такого не было, можно лишь в зрелые* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Слот «Результат неразумных поступков» представлен в русскоязычном дискурсе как отрицательный. Устойчивое словосочетание *непростительная глупость* характеризует негативные последствия поступка. Ср.: – *Не делай глупостей, сынок! Малейший намек на вранье, на обман – и тебе конец* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет); *Опомнись, сыночек. Твои безумства не кончатся добром. Ты должен остепениться и начать совершенно новую жизнь* (Е. Парнов. Александрийская гемма).

Представления о неразумных поступках незначительно эксплицированы в вербальных ассоциациях говорящих на русском языке. В «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова в качестве стимулов, имеющих прямое или косвенное отношение к категории «неразумный поступок», представлены лексемы *глупая, глупый, глупое, глуп, глупец, глупо, глупа, глупости, глупость, идиот, дура, дурак, дураки, идиот, идиотка, идиоты, идиотизм, идиотский, безумие, безумная, безумный* [26].

Ассоциативный материал показывает, что глупость осознается как характеристика личности, а не поступок, например, стимул *глупец* вызвал реакции *безграмотный 1, бездарь 1, безмозглый 1, глупость – безграмотность 1, недалекость 1*; аналогичные реакции выявлены на стимулы *дура* и *дурак*: *безграмотная 1, безмозглый 1*.

Представления о поступках отражены в ассоциативно-вербальной сети незначительно. Ассоциаты выявляют то, что глупые поступки свойственны молодому и неопытному человеку: стимул *глупости*: *детские 5, дети 1, маленькие дети 1, молодости 1, неопытность 1, ребенок 1*.

Ассоциативные данные позволяют лишь предположительно утверждать об основных характеристиках действий в основе неразумных поступков. В Русском ассоциативном словаре актуализированы действия разного характера, которые ассоциируются у носителей русского языка с глупостью. Ср. разнообразные реакции на стимулы *глупо*: *курить 1, не делать 1, отпираться 1, притворяться 1, пропадать 1, спрашивать 1, уходить 1*; *идиот*: *идущий от людей в ночь 1, тот, кто пьет 1*. Стимулы *мечь 2, пожениться 2, атаковать 1, совет 1* породили реакцию *глупость*. Мечь также ассоциируется с поведением дурака: стимул *мечь* – реакция *дурак*. Выделяется группа

единиц, которая указывает на одну и ту же особенность действия в основе глупого поступка, – это действие, выполняемое по собственному желанию, без принуждения. Ср. стимулы, вызвавшие реакции *идиот*: *доброволец 5, активист 3, инициативный 3, активный 1*; *глупый*: *инициативный 1, донор 1*; *безрассудный*: *доброволец 1*; *дурак*: *инициативный 15, деятельный 5, активный 3, активист 2, доброволец 2*. Лживое поведение также ассоциируется с глупостью: стимулы *враки 1, вранье 1, сплетни 1, ложь 1, байки 1* вызвали реакции *глупости* и *глупость*; стимулы *обман 1* и *плут 1* вызвали также реакцию *дурак*.

Также выявляется прототипическая отрицательная оценка неразумных поступков: стимул *глупости* вызвал реакции *пакости 1, плохо 1*; стимул *глупость* – реакции *ошибка 1, проблема 1, непростительная 1*; стимул *дурак* – реакции *неприятности 1, попал впропак 1*.

То, что глупость результативна, подтверждается стимулом *последствие*, который вызвал реакцию *глупости*.

Проведенное исследование показало, что имена *глупость, безрассудство, безумие, безумство, идиотизм, идиотство* являются именами поступков, так как они обозначают сознательные, социально направленные действия, получающие оценку. Представления о неразумных поступках концептуализированы в русском языке, русской речи и сознании говорящих в виде фрейма, имеющего определенную логико-когнитивную структуру: слоты «мотив поступка», «агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «оценка поступка», «результат поступка». Некоторые элементы данной модели получают лексическую репрезентацию в виде слов с соответствующими лексическими значениями: агент: *глупец, дурак, дура, идиот, идиотка, безумец*; действие: *глупить, наглупить, сглупить, дурить, дуровать, сдурить, безумствовать*; оценка: *глупый, глупо, идиотский, поидиотски, безрассудный, безрассудно, безумный*. Слоты «Агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка» и «Результат поступка» получают актуализацию в дискурсе, ассоциативных реакциях. «Мотив поступка» эксплицирован только в дискурсе.

На всех уровнях вербализации знаний актуализированы слоты «Агент поступка», «Действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка, агента поступка».

К прототипическим признакам элементов ситуации «неразумный поступок», судя по проведенному исследованию, относятся следующие особенности. Признается распространенность подобных поступков. Прототипическим агентом является человек, неспособный адекватно оценивать ситуацию вообще или в конкретный момент (из-за юного возраста или под воздействием эмоций). К прототипическим следует отнести действие, противоречащее общепринятым правилам поведения или не согласующееся с конкретной ситуацией / личностью агента. Понятие «неразумный поступок» связано с отрицательной коннотацией; лексемы, вербализующие группу «неразумный поступок», служат для негативной характеристики интеллекту-

альных способностей человека и результатов его интеллектуального труда, его поступков. Дискурсивные и ассоциативные данные также показывают, что неразумные поступки могут вызывать сочувствие, в некоторых случаях – положительную оценку (романтические безумства влюбленного человека). Результат поступка эксплицирован в дискурсе и представляется как негативный для агента поступка. В основе любого поступка лежит определенный мотив. Поступки данной группы – не исключение. Однако мотив занимает пе-

риферийное положение по сравнению с другими элементами в структуре ситуации «неразумный поступок». В целом мотивы неразумных поступков неясны. В дискурсе конкретизированы лишь причины неразумных поступков за счет упоминания обстоятельств, при которых совершаются поступки, в результате оцениваемые как неразумные: регулярны упоминания о том, что агент совершает поступок в измененном психологическом состоянии (находится под воздействием алкоголя, переживает личную трагедию и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
2. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
3. Пименова М.В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. Тамбов : Ин-т языкознания РАН, 2010. Вып. VII. С. 119–129.
4. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.
5. Некрасов С.И., Молчанова Н.С. Значение теории фреймов в современной науке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Филология. Социология. Право. 2009. Т. 16, № 10. С. 13–17.
6. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5. С. 29–35.
7. Smith E.E., Medin D.L. Categories and Concepts. Cambridge, 1981. P. 260–272.
8. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. Oxford, 2010.
9. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 23–34.
10. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
11. Кручинкина Н.Д. Категориальное пропозитивное семантико-грамматическое оформление концептуализации прототипов событий // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. Тамбов : Ин-т языкознания РАН, 2010. Вып. VII. С. 386–394.
12. Бушуева Л.А. Фреймы поступков «геройство» и «подвиг» в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. Вып. 102, № 9 (391). С. 51–57.
13. Бушуева Л.А. Реализация инвариантной модели фрейма поступка (на примере фрейма «чуждачество») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 2, т. 1. С. 80–87.
14. Осадчий М.А. От пропозиционального моделирования типа к пропозиционально-фреймовому моделированию гнезда и словообразовательной системы в целом // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посв. 75-летию проф. А.Н. Тихонова. Елец, 2006. С. 286–289.
15. Муратова Е.Н. Структура семантического фрейма «школа» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. С. 31–34.
16. Капусткина О.Ю. Слот «любовь» в рамках фрейма «межличностные отношения» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54. С. 74–79.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.03.2018).
18. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
19. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003.
20. Большой универсальный словарь русского языка / ред. В.В. Морковкин. М. : Словари XXI века, 2017.
21. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998.
22. Малый академический словарь. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 24.04.2018).
23. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М. : Рус. яз., 2001.
24. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
25. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009.
26. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М. : Астрель, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 июня 2018 г.

FRAME MODEL AND PROTOTYPICAL MEANINGS OF THE CATEGORY “UNWISE ACT” (IN THE RUSSIAN LANGUAGE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/434/1

Lyudmila A. Bushuyeva, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sebeleva@yandex.ru

Keywords: act; unwise act; frame; prototype; discourse analysis; verbal associations.

The aim of this paper is to show how the frame model of acts is represented in the system of the Russian language, discourse and word associations. The semantic group “unwise act” is taken as an example. The research objectives are to determine the components and its prototypical characteristics of the frame of the group “unwise act”, to analyze which of the components are expressed more than the others in the system of the language, discourse and associations. The sources of the material are dictionaries of the Russian language including the dictionary of synonyms, the ideographic dictionary, the association dictionary; the texts of the Russian National Corpus (13,718 texts; 26 words of different parts of speech that represent the group “unwise act”). To reach the objectives, the following methods are applied: the analysis of the semantics of the words; the analysis of word combinations, synonymous and derivational links, associative data. The research is based on the current cognitive approach, according to which people learn about the world through categorization, which is a process in which ideas and objects are recognized, differentiated, and thus understood. The categories in a language are arranged with the help of structures with prototypical and peripheral elements. A prototype is viewed in

the paper as an object that can be defined as a unity of elements with the features which are associated with a certain category. In other words, it is the most central member of a category. A frame is considered to be one of the means of structuring knowledge and experiences. By means of vocabulary research, words, which denote the situation of an unwise act, are identified. These words are thoroughly analyzed in terms of their semantic peculiarities, which helps to design a model of the situation the words represent. As part of the study, the peculiarities of their functioning in the Russian discourse and their associative links are investigated. The analysis of the dictionary data helps to build a frame and determine its basic elements: “aim”, “act”, “subject”, “assessment”, “result”. Discourse analysis specifies the core of the frame and the prototypical characteristics of its components. The study of the word associations makes the prototypical features of the frame of the group “unwise act” more exact. Comparison of the dictionary, discourse and associative data helps to find out the most and least important elements within the frame.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (1997) *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Doroshevskiy, V. (1973) *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow: Progress.
3. Pimenova, M.V. (2010) Estestvennaya kategorizatsiya v yazyke (na primere kontseptov vnutrennego mira) [Natural categorization in language (on the example of concepts of the inner world)]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Tipy kategoriy v yazyke* [Cognitive studies of language. Types of categories in the language]. Is. 7. Tambov: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 119–129.
4. Boriskina, O.O. & Kretov, A.A. (2003) *Teoriya yazykovoy kategorizatsii. Natsional'noe yazykovoe soznanie skvoz' prizmu kriptoklassa* [Theory of language categorization. National linguistic consciousness through the prism of a cryptoclass]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Nekrasov, S.I. & Molchanova, N.S. (2009) Znachenie teorii freymov v sovremennoy nauke [The value of the theory of frames in modern science]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Sotsiologiya. Pravo*. 16(10). pp. 13–17.
6. Gusel'nikova, O.V. (2009) Vozmozhnosti freymovogo analiza [Opportunities of frame analysis]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5. pp. 29–35.
7. Smith, E.E. & Medin, D.L. (1981) *Categories and Concepts*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 260–272.
8. Geeraerts, D. (2010) *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Gol'din, V.E. (1997) Imena rechevykh sobyitiy, postupkov i zhanry russkoy rechi [The names of speech events, actions and genres of Russian speech]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 1. Saratov: Saratov State University. pp. 23–34.
10. Ufimtseva, A.A. (1974) *Tipy slovesnykh znakov* [Types of word signs]. Moscow: Nauka.
11. Kruchinkina, N.D. (2010) Kategorial'noe propozitivnoe semantiko-grammaticheskoe oformlenie kontseptualizatsii prototipov sobyitiy [Categorial propositive semantic-grammatical forms of conceptualization of event prototypes]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Tipy kategoriy v yazyke* [Cognitive studies of language. Types of categories in the language]. Is. 7. Tambov: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 386–394.
12. Bushueva, L.A. (2016) The frames of the acts of heroism and exploit in the Russian language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences*. 102:9(391). pp. 51–57. (In Russian).
13. Bushueva, L.A. (2017) Realizatsiya invariantnoy modeli freyma postupka (na primere freyma “chudachestvo”) [Implementation of the invariant model of the frame of action (by example of the frame “eccentricity”)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2(1). pp. 80–87.
14. Osadchiy, M.A. (2006) [From the propositional modeling of the type to the propositional frame modeling of the nest and the derivational system as a whole] *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki. Tikhonovskie chteniya* [Topical issues of modern linguistics. Tikhonov readings]. Proceedings of the International Conference on the 75th anniversary of Prof. A.N. Tikhonov. Elets: Elets State University. pp. 286–289. (In Russian).
15. Muratova, E.N. (2011) Structure of the semantic frame “school”. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 10(64). pp. 31–34. (In Russian).
16. Kapustkina, O.Yu. (2011) Slot “lyubov” v ramkakh freyma “mezhluchnostnye otnosheniya” [Slot “love” in the frame “interpersonal relationships”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*. 13 (228):54. pp. 74–79.
17. National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. (Accessed: 15.03.2018). (In Russian).
18. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
19. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2003) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Shkola “Yazyki slavyanskoy kul'tury”.
20. Morkovkin, V.V. (ed.) (2017) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Big universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovare XXI veka.
21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957–1984) *Malyy akademicheskii slovar'* [Small academic dictionary]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. [Online] Available from: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>. (Accessed: 24.04.2018).
23. Efremova, T.F. (2001) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Interpretive word-formation: in 2 vols]. Moscow: Rus. yaz.
24. Kubryakova, E.S. (2006) Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 65(2). pp. 3–13.
25. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis.
26. Karaulov, Yu.N. et al. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow: Astrel'.

Received: 21 June 2018

Е.В. Волкова

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАДИОВЕДУЩЕЙ «ЭХА МОСКВЫ» КСЕНИИ ЛАРИНОЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-29-09132.

Представлен лингвистический и коммуникативно-прагматический анализ языковой личности радиоведущей Ксении Лариной. Материал исследования – высказывания журналиста в культурно-просветительских радиопрограммах «Эха Москвы». Проанализированы языковые особенности личности Ксении Лариной как радиоведущей, описана обусловленность их выбора принадлежностью языковой личности К. Лариной к элитарной речевой культуре. Выявлены дискурсивные особенности радиокоммуникации в культурно-просветительских радиопрограммах.

Ключевые слова: языковая личность; радиодискурс; новые медиатексты; коммуникативно-прагматический анализ; лингвоперсонология; медиалингвистика.

Смещение научной парадигмы на изучение языка сквозь призму речевой деятельности человека обусловило появление новой терминологии. В результате понятие «языковая личность» (ЯЛ) становится одним из ключевых в лингвистике и смежных с ней науках. В настоящее время многочисленные работы посвящены различным аспектам теории ЯЛ: терминологическому аппарату, классификации, методологии и т.д. [1–3]. ЯЛ рассматривается с точки зрения ее социальной, территориальной, гендерной принадлежности. Междисциплинарность данного термина обусловила множество его трактовок.

В последнее десятилетие XX в. выделилось новое направление в лингвистике – лингвоперсонология, изучающее феномен ЯЛ. Е.В. Иванцова, разрабатывая новую область научного знания, обращает внимание на то, что в реалиях современной науки перспективным представляется анализ не собирательного образа, а конкретного воплощения языковых способностей индивида [4. С. 42]. Один из подходов, предлагаемых Е.В. Иванцовой, – исследование реальных современных рядовых носителей языка, посредством «недифференциального комплексного речевого портрета, включающего системное описание всех отмеченных в дискурсе информанта фактов различных ярусов языковой системы – фонетических, грамматических, лексических, синтаксических, текстовых – в сочетании с изучением языкового сознания говорящего и его концептосферы» [Там же. С. 128].

Рассуждая о методологических трудностях изучения индивидуальной речи, Е.В. Иванцова выделяет одну из них – выбор исследуемого объекта [5. С. 27]. Разные трактовки термина «языковая личность» определяют два подхода к выбору объекта изучения современных исследований: в первом случае ЯЛ рассматривается как коллективный, собирательный образ представителя определенной социалингвистической группы, во втором – ЯЛ предстает как конкретная личность, черты которой находят индивидуальное воплощение в речи. При обращении к реальной ЯЛ «наиболее доступной для наблюдения является сфера профессиональной публичной речи...» [4. С. 111]. Это становится причиной появления научных исследова-

ний ЯЛ медиаперсон: политика, представителя творческой профессии, журналиста, теле- и радиоведущего [6–8]. Активная текстовая деятельность в медиасреде, возможность регулярного наблюдения за объектом исследования, относительно свободный доступ к информации о событиях жизни, интересах, окружении, мировоззрении публичных людей позволяют изучать не только речевой материал ЯЛ, но и экстралингвистические факторы, способные влиять на выбор медиаперсоной языковых средств. В настоящее время разрабатываются и уточняются методология и методы комплексного исследования медийной языковой личности с учетом влияния на самовыражение публичной персоны различных факторов: константных, обусловленных характером, темпераментом, социальным и профессиональным статусом говорящего, и переменных – формата медиакommunikации, ситуации общения, адресата [9, 10].

Целью исследования является лингвистический и коммуникативно-прагматический анализ ЯЛ радиоведущей «Эха Москвы», журналиста Ксении Лариной. Материалом для изучения послужили высказывания К. Лариной в радиопрограммах – медиатекстах нового типа: «Дифирамб», «Культурный шок», «Родительское собрание», «Книжное казино». Выбор программ обусловлен их культурно-просветительской направленностью. Гостями студии становятся деятели науки и искусства, чиновники российской системы образования, издатели книг и учебников. Обсуждаемые темы характеризуются социокультурным содержанием, направленным на расширение кругозора, формирование нравственных и этических ценностей, развитие эстетического вкуса радиослушателей. Аудитория радиопередач – интеллигентные люди среднего и зрелого возраста, которые ждут от радиовещания интеллектуальной информации из сферы культуры, творчества, науки и образования. Для выбора материала существенным является дискурсивная специфика радиопрограмм: интерактивность, реализация в прямом эфире в форме спонтанного диалога или монолога, ориентация на коммуникативное равноправие участников радиопрограмм, соблюдение речевого этикета, языковой нормы.

В качестве основных методов исследования выступают метод лингвистического описания, включающий в себя наблюдение, обобщение, классификацию и систематизацию материала, и коммуникативно-прагматический анализ. В ходе исследования было проанализировано 22 выпуска радиопрограмм, представлено 87 контекстов, отражающих лексические, синтаксические и стилистические особенности ЯЛ радиоведущей.

Актуальность данной работы обусловлена коммуникативно-прагматическим аспектом исследования ЯЛ, что соответствует тенденциям развития современной лингвистики. Языковые особенности анализируются с точки зрения коммуникативных потребностей говорящего: желания воздействовать на реципиента, стремления к выражению собственного мнения, эмоций, оценочных суждений. Учитываются также и экстралингвистические факторы, обуславливающие выбор тех или иных языковых средств. Таким образом, в исследовании языковые особенности индивида рассматриваются в качестве средств достижения определенных коммуникативных целей.

Для анализа ЯЛ выбран радиодискурс, что обусловлено популярностью радио в реалиях современного времени. В фокусе внимания исследователей находятся коммуникативные стратегии и тактики, характер коммуникации, способы реализации речевых интенций в радиодискурсе [11–14]. Преимущество радио перед другими СМИ видится в устной реализации коммуникации в прямом эфире, что создает естественные условия для спонтанной речи и определяет широкий диапазон используемых языковых средств [15. С. 129].

В данной работе используется определение ЯЛ как «личности в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженных в созданных ею текстах» [3. С. 11]. К. Ларина является ярким представителем журналистской профессии, что обусловило выбор ЯЛ для исследования. Ксения Ларина – творческий псевдоним, настоящее имя ведущей – Барышева Оксана Андреевна. К. Ларина окончила актерский факультет ГИТИСа, работала актрисой в Александринском театре и в театре «Сатирикон». В журналистику пришла в 90-е гг., а с апреля 1991 г. является сотрудником радиостанции «Эхо Москвы». Ведет программы «Книжное казино», «Дифирамб», «Родительское собрание», «Человек из телевизора», «Говорим по-русски», «Культурный шок» и др. [16].

Определяющей коммуникативной характеристикой ЯЛ К. Лариной является её принадлежность к элитарной речевой культуре. «Носителю элитарной речевой культуры свойственны: высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; сочетание разнотилевых элементов речи, адекватное целям и задачам общения; свободное владение как устной, так и письменной формой речи и безошибочный выбор формы речи в зависимости от коммуникативных целей; соблюдение

существующих этических норм, всемерное уважение к адресату» [17. С. 22]. К. Ларина владеет нормами кодифицированного литературного языка, имеет значительную практику публичного речеупотребления, каждый акт коммуникации осуществляется ведущей с учетом стилистических норм и коммуникативных целей.

Необходимо отметить, что в данной статье анализируется только устная форма речи журналиста с учетом профессиональной роли радиоведущей культурно-просветительских программ. Речевое поведение К. Лариной зависит как от жанра программы, так и от формата и темы коммуникации: обсуждая острые социальные и политические вопросы в аналитических программах полемического характера, в личных постах и комментариях в блогах, К. Ларина позволяет себе отклонения от норм речевого этикета, но в культурно-просветительских радиопрограммах ведущая придерживается определенного стиля, направленного на гармоничное, доброжелательное общение с приглашенными гостями и позитивное отношение к радиослушателям. В речи радиоведущей этикетные формулы чаще всего реализуются в традиционных коммуникативных ситуациях приветствия, прощания, благодарности, пожелания, обращения к аудитории, презентации собеседников, а также в положительной оценке самой коммуникации: *Дорогие друзья, напомню, что это Алексей Гуськов; Лёша, спасибо большое! Для меня такое удовольствие с тобой встречаться. Я желаю тебе успеха. Поклон всей семье* («Дифирамб», 09.10.16); *Ну что ж, этот голос прекрасный вы, наверное, узнали. Это Екатерина Гусева – замечательная актриса и певица, актриса Театра имени Моссовета, актриса кино, исполнительница больших ролей во многих мюзиклах российских* («Дифирамб», 11.12.16); *Добрый день, дорогие друзья! Здесь, в студии на «Эхе Москвы», наши замечательные гости – Сергей Никитин и Татьяна Никитина; Вы знаете, я сейчас слушаю вас и думаю: какой же я счастливый человек! Вот я сижу здесь одна, а мне Никитины поют живую песню, мне лично!* («Дифирамб», 31.12.17). В беседе с несколькими гостями К. Ларина контролирует ведение диалога, соблюдая коммуникативное равноправие: *Иин, ну, давайте, вам слово; Давайте, Борису дадим слово* («Родительское собрание», 16.10.16).

К индивидуальным речевым особенностям, подтверждающим языковую оригинальность К. Лариной и ее принадлежность к элитарной ЯЛ, относится активное обращение к целому комплексу выразительных лексических, образных и стилистических средств. Характерной чертой радиоведущей является высокочастотное обращение к **лексике книжного стиля** (классификация лексики приводится в соответствии с данными Толкового словаря Ушакова [18]):

– книжно-литературным словом высокого стиля: *Он вообще любил красивых актрис и очень их **пестовал*** («Дифирамб», 11.12.16; устар.); *Ты никогда **не охладевала** к профессии и к месту, в котором ты работаешь?* («Дифирамб», 21.01.18; книжн.); *И это, конечно, **зрелище** какое-то невероятное, завораживающее* («Дифирамб», 25.06.17; книжн.); *Ну, давайте*

мы начнем с **грядущей** премьеры («Дифирамб», 19.02.17; книжн. ритор.); Он сумел построить в такое время, скажем так, достаточно **нивелированное**, когда все... ну, как бы нет никаких ярких всплесков («Дифирамб», 21.01.18; книжн.);

– общенаучным словам, производным от терминов: Я этого не знаю, я так не могу **экстраполировать**, это невозможно («Дифирамб», 25.10.15; мат., стат.); Вот эта возможность самореализации – она им помогает, она их не превращает в таких... **не девальвирует** ли это профессию? («Дифирамб», 30.04.17; экон.); Там уже какой-то целый **синдикат**, да? («Дифирамб», 25.06.17; экон.); И как это **резонирует** с сегодняшним днем? («Дифирамб», 07.01.18; физ.).

Важно отметить, что использование К. Лариной трудной для понимания книжной лексики без пояснения значения свидетельствует о высокой оценке интеллектуального уровня целевой аудитории радио-программ.

В исследовании индивидуальных особенностей ЯЛ радиоведущей интерес представляют примеры одновременного употребления К. Лариной **стилистических синонимов** в рамках одного высказывания: Это тоже наша традиция, к сожалению, – говорю я, потому что живем мы во времена **тяжелые, тягостные**, и событий хороших почему-то всегда меньше, чем плохих («Дифирамб», 31.12.18); Но пиджаки **классные**! Я посмотрела, фрагменты были из «Таинственной страсти», где образ Евтушенко с этими **потрясающими** пиджаками и галстуками («Дифирамб», 30.10.16).

Стилистические синонимы с возрастающей смысловой и эмоциональной значимостью используются К. Лариной для создания приема **градации** с целью усиления воздействия на радиослушателя: История **страшная**, история **жуткая**, но как-то так ты весело ее отработываешь («Дифирамб», 21.01.18); Но при этом мы помним, я, во всяком случае, помню, что со многих фильмов уходили, потому что **скучно, непонятно**, про что это, **тоска смертная** («Дифирамб», 30.10.16; контекстуальные синонимы); Но при этом это абсолютно совместимо, как выяснилось, со **страшным злодейством, нечеловеческой жестокостью** («Дифирамб», 07.01.18); Почему это ощущение публичности не сдерживает человека от каких-то его проявлений **негативных, дурных, необузданных**? («Культурный шок», 19.11.16). В некоторых случаях для создания градационного ряда радиоведущая использует выражения с общим компонентом значения с целью создания образного представления о предмете беседы: **Даже не знаю, сколько лет то вы уже работаете в свободном плавании**, когда ушли из стационарного театра и стали **свободной артисткой**. Сколько лет уже ваша **жизнь** продолжается **вольная и цыганская**? («Дифирамб», 30.04.17).

Характерной чертой речи радиоведущей является частое обращение к следующим средствам выразительности, призванным создать определенный стилистический эффект и воздействовать на радиослушателей.

– **Метафора**: То есть, можно было этот **трагический шлейф** все-таки как-то преодолеть, да?

(«Дифирамб», 11.12.16); И там попали в самую **сердцевину золотого времени**, когда только-только Марк Захаров, по сути, собирал свою главную труппу («Дифирамб», 07.01.18); А ты успеваешь, когда такой жесткий график, успеваешь, что называется **разбудить вдохновение**? («Дифирамб», 25.04.17); А мы пока продолжим наше **погружение в воспоминания** («Дифирамб», 19.02.17).

– **Сравнение**: А сам факт, что человек в принципе сегодня подключен постоянно к публичному пространству? **Как на коротком поводке он бродит**, начиная с мобильных телефонов («Культурный шок», 19.11.16).

– **Эвфемизмы**: Достаточно ограничен репертуар для актрис **нежного возраста** – там несколько названий можно в качестве примера предложить («Дифирамб», 19.02.17); И, кстати, ты говоришь по поводу того, что он молодой всегда был до самого **ухода своего физического из жизни** («Дифирамб», 31.12.17).

– **Фразеологизмы**: Совершенно прекрасная была работа (именно работа) с Борисом Берманом и Ильдаром Жандаревым, просто **глаз не оторвать** («Дифирамб», 30.10.16). Хотя, я так надеюсь, обнаружим **свет в конце тоннеля** («Дифирамб», 07.01.18); Абсолютно человек **раздавленный обстоятельствами**; Мой вопрос: это вообще природное качество или это то, что **в боях закалилось**? («Дифирамб», 25.06.17).

– **Лексические повторы**: Ну не **важно. Важно**, что это **прозвучало**. Но если это **прозвучало**, значит, к этому обязательно вернуться. А **прозвучало** вот что («Родительское собрание», 16.10.16).

– **Многосоюзи**: У меня там есть сегодня **и** вечер интересный музыкальный, есть **и** театр, есть **и** кино, вот («Родительское собрание», 11.12.16).

– **Инверсия**: И в качестве представителя **общественности родительской** у нас сегодня Сергей Варшавчик, хотя Сергей тоже, я знаю, на профессиональном уровне интересуется историей, и сам является автором и многих **программ телевизионных**, и радиопрограмм по истории («Родительское собрание», 20.11.16); Я, кстати, чуть-чуть позже дам вам **задание наше традиционное**; Я смотрю **работу актерскую** («Дифирамб», 09.10.16); Есть какие-то предложения по **текстам духовным**? («Родительское собрание», 16.10.16). Постпозиция прилагательного по отношению к существительному, являясь признаком разговорной речи в русском языке, становится отличительной чертой ЯЛ К. Лариной и используется ею для логического выделения определяемого слова. Этот прием ведущая использует также при употреблении в речи устойчивых словосочетаний, например, названия радиопередачи «Родительское собрание»: **Продолжаем собрание родительское** («Родительское собрание», 21.01.17).

Как элитарной ЯЛ К. Лариной свойственно стремление к оригинальности речевого высказывания:

– создание **авторских метафор**: Но Даша там, конечно, как мне кажется, лучше всех (может быть,

и быстрее всех) **поймала вот эту бабочку, которую бросил режиссер** («Дифирамб», 25.06.17); И в то время, когда она начинала это делать, мне кажется, в советском театре никто даже помыслить себе не мог, что артист драматического театра – раз! – и свое **тело превратит в текст сплошной** («Дифирамб», 25.04.17);

– использование приема **языковой игры**, основанной на использовании общеизвестных исторических, культурных и литературных сюжетов: На самом деле, **тонкое** название («**Тонкий лед**» – название сериала), потому что, как я его понимаю, это выражение, когда мы беседуем, и возникает какая-то очень деликатная тема. И мы говорим друг другу: «**Осторожно, мы ступаем на тонкий лед**». Да? («Дифирамб», 09.10.16); Давайте, «**задавим**» **Анну Каренину** и пойдем дальше («Родительское собрание», 11.12.16);

– обращение к прецедентным текстам и прецедентным именам: **Обмануть меня нетрудно. Я сам обманываться рад** («Культурный шок», 23.04.16); Ну, на самом деле, как говорят актёры: «Своего **короля Лира** я могу сыграть в любой роли, если захочу» («Дифирамб», 25.06.17).

Контент-анализ словарного запаса К. Лариной показал, что имеется группа высокочастотных слов, употребление которых зафиксировано в каждом проанализированном выпуске:

1) прилагательные – **сегодняшний, абсолютный**: Это абсолютно современная литература, **сегодняшняя** литература («Книжное казино», 22.02.15); Кстати, герой **абсолютный** («Дифирамб», 09.10.16); То есть, правильно я понимаю, Валерий, все-таки вы такой оптимист у нас сегодня **абсолютный**... («Родительское собрание», 21.01.17);

2) наречия – **абсолютно, безусловно, вообще, просто**, используемые К. Лариной в качестве оценочных средств для усиления экспрессивности высказывания: Это твоя роль **абсолютно**; Я понимаю, что актер должен работать, это **безусловно**; И там случился этот разрыв, который много **вообще** обсуждался; **Вообще** удивительно!; **Просто** там роль-то небольшая, но там есть несколько сцен **просто** блестящих! («Дифирамб», 09.10.16);

3) глаголы в повелительном наклонении (**смотри, смотрите, давай, давайте**), обусловленные коммуникативной задачей сближения с аудиторией и выполняющие функцию обращения или призыва к совместному действию: **Смотрите**, в каком воинском чине Толстой вышел в отставку в 1856 г. после участия в обороне Севастополя?; **Давайте** мы на вопрос ответим по телефону уже («Книжное казино», 22.02.15);

4) слова, выражающие различные экспрессивно-эмоциональные оценки, например **молодец, кошмар** – положительные употребляются по отношению к участникам и слушателям радиопрограмм, отрицательные, как правило, к обсуждаемым событиям: А потом, конечно, Катя Гусева – **просто** мастер, тончайшая актриса. И Егор Бероев. **Вообще, просто молодцы!** («Дифирамб», 09.10.16); Какая **молодец!** («Дифирамб», 11.12.16); Главное, что это при том,

что наш модератор уже там поработал, уже почистил самый **кошмар** («Дифирамб», 25.10.15); Да, **просто кошмар** («Дифирамб», 30.04.17). С целью усиления экспрессивно-эмоциональной оценки часто используются также слова **невероятно, ужасно**: Он же **невероятно** какой-то энергичный парень был, очень много хотел успеть. **Ужасно** жалко! («Дифирамб», 30.04.17); Значит, давайте так, во-первых, появилась какая-то статья в «Независимой газете», которая меня **ужасно** напугала <...> («Родительское собрание», 16.10.16); Это **невероятно** сложно! («Дифирамб», 25.10.15); И вообще, конечно, **невероятно** страстный человек («Дифирамб», 31.12.17);

5) среди служебных частей речи одной из высокочастотных является частица **да**, используемая радиоведущей для поддержания контакта с аудиторией и удержания интереса слушателей: **Да, антиартист**, именно так; **Вот так. Все, конец, да** («Дифирамб», 09.10.16).

На синтаксическом уровне прослеживается высокочастотное употребление вводных слов **прежде всего, кстати, тем не менее, конечно, по сути, безусловно**, использующихся при анонсировании содержания радиопередач, с целью привлечения внимания адресата к теме или предмету беседы: **Безусловно. Это зрелище, прежде всего**, да. («Дифирамб», 25.10.15); Поскольку это собрание родительское, мы будем говорить, **прежде всего**, о школьниках («Родительское собрание», 16.10.16); А книжка, **кстати**, создана по мотивам как раз передач на радиостанции «Эхо Москвы» <...> («Родительское собрание», 11.12.16); Но, **тем не менее**, как ты находишь там интерес, вот, чтобы тебе было не скучно самому отработать этот номер? («Дифирамб», 09.10.16); Но ты там играешь, **по сути**, саму себя, да? («Дифирамб», 30.04.17); Короче, я хочу сказать о хорошем, **безусловно** («Родительское собрание», 16.10.16).

Частое обращение к союзу **все-таки** обусловлено профессиональной коммуникативной необходимостью. Таким способом радиоведущая корректирует направление беседы: Я хотела **все-таки** поподробней, раз мы с этого начали, Сереж и Таня, по поводу «Никитинских встреч»; Ну, давайте, раз уж мы про Новый год говорим, то **все-таки**, наверное, надо, чтоб каждый нам рассказал, как год прошел; Ну, давайте мы **все-таки** начнем с года ушедшего, уходящего («Дифирамб», 31.12.17).

При присоединении придаточных предложений причины К. Ларина преимущественно использует книжный союз **поскольку** в значении «так как»: Значит, **поскольку** у нас в гостях актриса (давайте об этом не забывать), вам задание, дорогие друзья, нашим слушателям: пожалуйста, предложите роль Алле Сигаловой, которую вы все знаете, вы ее видите часто («Дифирамб», 21.01.18). Я прекрасно понимала, что мы с тобой не сможем обойти эту тему, **поскольку**, как я в начале сказала, что ты не только народная артистка, но и женищина, и мать («Дифирамб», 21.01.18).

Для уточнения, подтверждения сказанного ранее, а также с целью побуждения собеседника к ответу в

конце вопросительных высказываний К. Ларина обычно употребляет частицу **да**: *Были периоды тяжёлые, да?* («Дифирамб», 09.10.16); *Это было кино настоящее, да?* («Дифирамб», 25.06.17).

Одним из параметров, характеризующих К. Ларину как элитарную ЯЛ, является ее способность менять речевое поведение в зависимости от темы программы и экстралингвистических условий радиокommunikации. Элитарная ЯЛ обладает совершенным знанием языковой нормы, различением основных подсистем языка (диалектов, жаргонов, сленга и т.д.), а также способностью использовать их в соответствии с ситуацией общения. Таким образом, «культура речевого общения предполагает <...> не только правильное, но и уместное (оптимальное) использование языковых средств в определенной речевой ситуации» [17. С. 18]. Намеренное использование сниженной лексики, разговорного стиля является формой самовыражения ведущей или может объясняться коммуникативно-прагматической установкой общения.

Коммуникативная ситуация в разных выпусках радиoproграмм обуславливает переключение К. Лариной с одного языкового кода на другой. Основоположающим фактором для выбора языкового кода видится ориентация ведущей на адресата. Предположительный образ аудитории радиoproграммы определяет стиль общения и отбор лексических единиц в речи ведущей. «Интуитивное или основанное на фактах представление об образе радиослушателя, отдающего предпочтение определенной радиостанции, помогает радиоведущему находить соответствующий стиль общения, согласовывать свое речевое поведение с ожиданиями адресата» [15. С. 83]. Важно отметить, что К. Ларина, используя лексику разных функциональных стилей, приравнивает себя к образу аудитории, но не отождествляет себя с ней полностью. Это выражается в использовании вводных слов и конструкций вводного характера «как сейчас говорят», «так называемый», «как принято говорить», подчеркивающих чужеродность внелитературной лексики кодифицированной норме русского языка: *Ну, у нас такой, как говорят современным языком, баттл намечается* («Родительское собрание», 08.01.17; *жарг.* [19]).

При использовании лексики из различных подсистем русского языка обнаруживается активное обращение ведущей к заимствованиям, обусловленное

функцией ориентации на языковую моду: *Андрея Сахарова предлагают, если была бы экранизация, байопик такой.* («Дифирамб», 09.10.16); *Насколько она вписывается в сегодняшний тренд телесериальный?; Саундтрек такой впечатляющий* («Культурный шок», 23.04.16).

С целью сближения с участниками и слушателями радиoproграмм К. Ларина использует жаргонизмы, молодежный сленг, профессионализмы: *Просто другой уровень, когда смотришь на всякое «мыло»* («Дифирамб», 09.10.16); *Еще раз хочу напомнить нашим слушателям, что это не просто какая-то инженерия, голубая героиня, а роли очень серьезные* («Дифирамб», 11.12.16). Сознательное использование некодифицированной лексики подчеркивается вопросительными предложениями с частицей **да**, выражающей ожидание одобрения собеседника: *Беспредел, да?* («Родительское собрание», 16.10.16); *То есть, такой жесткач в основном, да?* («Культурный шок», 23.04.16).

Просторечные элементы с ярко выраженной экспрессивной негативной оценкой употребляются ведущей очень редко и связаны с повышением эмоционального уровня высказывания: *Ни черта мы не успели!* («Дифирамб», 09.10.16).

Итак, коммуникативно-прагматический анализ высказываний позволяет говорить о том, что ориентация на аудиторию, а также следование определенным коммуникативным целям: поддержанию контакта с адресатом и удержанию интереса слушателей к радиoproграммам – определяют стиль общения и отбор лексических единиц радиоведущей. Анализ словарного запаса К. Лариной свидетельствует о высокой степени его экспрессивности, о разнообразии используемых ею языковых и стилистических средств. Кроме того, исследование лексического своеобразия речи К. Лариной характеризует ее как ЯЛ, способную к намеренному употреблению и смешению в одном высказывании элементов из разных подсистем языка в соответствии с коммуникативной задачей радиoproграммы. Таким образом, дискурсивные характеристики радиокommunikации, с одной стороны, создают естественные условия для проявления речевых особенностей говорящего, характеризую ведущую как яркую ЯЛ – носителя элитарной речевой культуры, с другой стороны, определяют выбор используемых ею языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 2003. 264 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
4. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология : Основы теории языковой личности : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
5. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 27–43.
6. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.
7. Галстян С.С. Роль языковой личности в телевизионной речевой культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
8. Языковая личность в современном коммуникативном поле / ред.-сост. Е.А. Селюткина, О.Г. Усанова. Челябинск, 2017. 180 с.
9. Болотнова Н.С. Варьирование идиостиля публичной языковой личности в медиатекстах разных жанров // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 150–158.
10. Болотнова Н.С. Идиостиль публичной языковой личности в аспекте константных и переменных признаков // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 203–214.

11. Нестерова Н.Г. Феномен радиодискурса: современные дискурсивные практики : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 459 с.
12. Нестерова Н.Г. Коммуникативная личность ведущего разговорных радиопрограмм // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Гранада, 13–20 сентября 2015 г. Гранада, 2015. Т. 8. С. 184–188.
13. Нестерова Н.Г., Фашанова С.В. Радиотекст в аспекте медиаобразования // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 64–74.
14. Фашанова С.В., Цзюй Ч. Коммуникативная стратегия самопрезентации и способы её языкового моделирования в культурно-просветительском радиодискурсе // Казанская наука. 2017. № 3. С. 59–61.
15. Нестерова Н.Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 320 с.
16. Эхо Москвы: офиц. сайт. М., 1997. URL: <https://echo.msk.ru/contributors/30/> (дата обращения: 05.03.2018).
17. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. 1996. Вып. 26. С. 14–24.
18. Толковый словарь Ушакова. 2008. URL: <http://ushakovdictionary.ru/search.php> (дата обращения: 05.03.2018).
19. Словарь молодежного слэнга. 2012. URL: teenslang.su/id/8169 (дата обращения: 05.03.2018).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 августа 2018 г.

THE ANALYSIS OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE RADIO PRESENTER OF ECHO OF MOSCOW KSENIA LARINA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 12–18.

DOI: 10.17223/15617793/434/2

Evgeniya V. Volkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evgeniavolkova@yandex.ru

Keywords: language personality; radio discourse; new media texts; communicative and pragmatic analysis; linguopersonology; mediallynguistics.

The article presents linguistic and communicative-pragmatic analysis of the language personality of a radio presenter of the radio station Echo of Moscow, a journalist Ksenia Larina. The relevance of the article is determined by the communicative-pragmatic aspect of the research, which corresponds to the trends in the development of modern linguistics. The paper materials for the study were the statements of the radio presenter used in cultural and educational programs – media texts of a new type: “Dithyramb”, “Cultural Shock”, “Parents’ Meeting”, “Book Casino”. The choice of radio discourse for the analysis of the language personality is determined by the oral implementation of communication, which creates natural conditions for spontaneous speech and determines a wide range of the used linguistic means. The main methods of research are the method of linguistic description, which includes observation, generalization, classification and systematization of the material, and communicative-pragmatic analysis. Within the research 22 radio programs were analyzed, 87 contexts reflecting lexical, syntactic and stylistic features of the language personality of the radio presenter were presented. The article gives a general description of the situation in the scientific world, related to the term “language personality”, the choice of the research object and also the examples confirming the fact that the language personality of Larina belongs to elite speech culture. The main part of the article is devoted to the analysis of language features of the radio host. This analysis revealed the following features: use of complex expressive lexical, figurative and stylistic means: the lexicon of a bookish style, stylistic synonyms, gradation, metaphor, comparison, euphemism, lexical repetitions, multi-union, inversion; desire for the originality of speech utterance: creation of authorial metaphors, use of language games, quotations of precedent texts; frequent vocabulary of the active vocabulary; original syntax of statements; intentional use of lexical elements from different language subsystems in one statement in accordance with the communicative task of a radio program. Thus, the article reveals linguistic features of the personality of Larina as a radio presenter, describes the reasons of the use of these features by Larina’s belonging to elite speech culture, and also by the influence of discursive features on radio communication.

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Karaulov, Yu.N. (2003) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
3. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of dialectal language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Ivantsova, E.V. (2010) *Linguopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: Fundamentals of the theory of language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Ivantsova, E.V. (2008) Problems of forming methodology bases of linguopersonology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(4). pp. 27–43. (In Russian).
6. Kancher, M.A. (2002) *Yazykovaya lichnost' televedushchego v ramkakh russkogo ritoricheskogo etosa (na materiale igrovyykh programm)* [The language personality of the TV presenter in the framework of the Russian rhetorical ethos (on the material of game programs)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Ekaterinburg.
7. Galstyan, S.S. (2008) *Rol' yazykovoy lichnosti v televizionnoy rechevoy kul'ture* [The role of linguistic personality in the television speech culture]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
8. Selyutina, E.A. & Usanova, O.G. (eds) (2017) *Yazykovaya lichnost' v sovremennom kommunikativnom pole* [The language personality in the modern communicative field]. Chelyabinsk: OOO Tsentr intellektual'nykh uslug “Entsiklopediya”.
9. Bolotnova, N.S. (2015) Idiostyle variation of public language personality in media texts of different genres. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 150–158. (In Russian).
10. Bolotnova, N.S. (2015) Idiostyle of public language personality in the aspect of constant and variable signs. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 203–214. (In Russian).
11. Nesterova, N.G. (2015) *Fenomen radiodiskursa: sovremennye diskursivnye praktiki* [The phenomenon of radio discourse: modern discursive practices]. Philology Dr. Dis. Tomsk.
12. Nesterova, N.G. (2015) [Communicative personality of the presenter of conversational radio programs]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL). Granada, September 13–20, 2015. Vol. 8. Granada. pp. 184–188.
13. Nesterova, N.G. & Fashchanova, S.V. (2017) Radio Text in the context of media education. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 3 (18). pp. 64–74.

14. Fashchanova, S.V. & Tsyuy, Ch. (2017) Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii i sposoby ee yazykovogo modelirovaniya v kul'turno-prosvetitel'skom radiodiskurse [Communicative strategy of self-presentation and ways of its language modeling in the cultural and educational radio discourse]. *Kazanskaya nauka*. 3. pp. 59–61.
15. Nesterova, N.G. (2015) *Sovremennyy radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt)* [Modern radio discourse (a communicative and pragmatic aspect)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Echo of Moscow: official website. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/contributors/30/>. (Accessed: 05.03.2018).
17. Kochetkova, T.V. (1996) Problema izucheniya yazykovoy lichnosti nositelya elitarnoy rechevoy kul'tury (obzor) [The problem of studying the language personality of the bearer of the elite speech culture (review)]. *Voprosy stilistiki*. 26. pp. 14–24.
18. Ushakov, D.N. (2008) *Tolkovyy slovar' Ushakova* [Ushakov's explanatory dictionary]. [Online] Available from: <http://ushakovdictionary.ru/search.php>. (Accessed: 05.03.2018).
19. Teenslang.su. (2012) *Slovar' molodezhnogo slenga* [Dictionary of youth slang]. [Online] Available from: teenslang.su/id/8169. (Accessed: 05.03.2018).

Received: 17 August 2018

УДК 821.161.1

С.А. Курило

ТЕМА АНГЛИЙСКОГО И РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В КНИГЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Рассматриваются понятия Запада и Востока как культурные концепты и связанная с ними колониальная проблематика книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», осмысленная в аспекте современной концепции постколониализма и ориентализма. Впервые исследуется русский (сибирский) материал колонизации, описанный в произведении. Показано, что Гончаров, сопоставляя русский (сибирский) и английский, и шире, европейский варианты колонизации, создает два собственных образа Востока: европейский колониальный и сибирский русский.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; Э. Саид; колониализм; постколониализм; ориентализм.

Одной из центральных тем книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» является тема колониализма.

Около 20 лет служа чиновником Департамента внешней торговли министерства финансов, Гончаров, прежде всего, по долгу службы наблюдал и осмыслил многие политические, социальные и экономические процессы, происходившие в России и мире. При этом он хорошо знал и западноевропейскую литературу, посвященную судьбе колонизированных народов (роман В. Гюго «Бюг Жаргаль», романы Ф. Купера о борьбе индейцев против американских колонизаторов, роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», роман Е. Сю «Атар-Гюль» и др.). Как справедливо утверждает Н.К. Пиксанов, именно во время кругосветной экспедиции фрегата «Паллада» «в продолжительном путешествии перед Гончаровым раскрылась та сторона международной жизни, какая была недоступна наблюдениям многих русских писателей – Тургенева, Достоевского, Толстого: картины колониального угнетения и мировой торговли» [1. С. 29]. Гончаров, еще до путешествия имевший возможность осмыслить современную ему колониальную проблематику, в течение путешествия лично наблюдал и осмысливал многие политические, экономические, социокультурные аспекты колонизаторской деятельности Великобритании, Голландии, Испании, Северо-Американских Соединенных Штатов и других европейских держав на Востоке, а также Российской империи в Сибири.

Актуальность исследования определяется обращением к современной теории постколониализма и ориентализма; в указанном контексте она обусловлена также и крайне скудным изучением темы колониализма во «Фрегате “Паллада”».

На сегодняшний день литературоведческие исследования, посвященные этой теме, немногочисленны: это работы Н.К. Пиксанова [1] и В.А. Михельсона [2], в которых указаны определенные особенности гончаровского отношения к колониальной тематике на материале «чужой» колонизации Африки и Азии. О.Г. Постнов в своей работе [3] рассматривает посвященные Сибири главы «Фрегата “Паллада”» с позиций эстетико-философских воззрений Гончарова и творчества писателя в целом. Внимание исследователя обращено к мыслям романиста о «своем», российском освоении сибирского региона, однако детально

взаимодействие русских переселенцев с коренными сибирскими народами в статье не рассматривается. Исследователь приходит к выводу, что именно к концу кругосветного путешествия, в Сибири, писатель обнаруживает искомый им идеал человека, органично сочетающего в себе высокий героический «романтизм» и повседневный, деятельный «реализм». Как отмечает О.Г. Постнов, именно в сибиряках-переселенцах воплотился «идеал Гончарова <...> человек бескорыстного, творческого, духовного труда» [3. С. 53]. S.S. Lim и R.D. Clark в своей работе [4] исследуют гончаровские образы Востока (анализируя главным образом авторские представления о Японии, Китае, островах Рюкю и Корее). Сибирь же исследователи бегло рассматривают главным образом в связи с образом Японии, относя как Сибирь, так и Японию к собственно русскому Востоку. Указанные авторы также доказывают, что данные образы формируются у Гончарова в тесной и сложной связи с его представлением о Европе. Они также тщательно анализируют гончаровские представления об историческом прогрессе, развитии цивилизации, формирующемся новом мировом порядке и месте России в нем. Тем не менее в данной работе практически не затрагивается колониальная проблематика.

Поэтому цель данного исследования – целостно проанализировать и описать тематику российского и английского колониализма во «Фрегате “Паллада”». Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассмотрен колониальный материал «Фрегата “Паллада”» в аспекте современной концепции постколониализма и ориентализма, а также специально исследован российский вариант колонизации Сибири, описанный Гончаровым. Материалом для анализа послужили текст «Фрегата “Паллада”» и письма Гончарова о его путешествии, а также теоретические работы основателя современной теории постколониализма Э. Саида и современных исследователей литературоведческих, исторических, философских и культурологических аспектов колониализма и ориентализма.

В течение многих веков в основе контактов между Западом и Востоком, осуществлявшихся в форме путешествий, географических открытий, торговых отношений и войн, лежало строгое разграничение и противопоставление Запада и Востока. «Поиски но-

вых рынков сбыта и захват новых колоний привели к открытию Востока, что обусловило интерес науки к этому региону, в исследовании которого частногуманитарные методы (прежде всего филологический) сочетались с философско-теоретическими обобщениями» [5. С. 11]. Восток рассматривался европейцами с двух позиций: гуманистической, идеалы которой были заложены в эпоху Возрождения, и колониальной, в рамках которой Восток использовался западным миром как экономически выгодная материально-сырьевая база.

При этом, «Восток» и «Запад» – это только не географические регионы, но и культурные конструкты. Процесс познания Востока, изучение его культурных, языковых, ментальных и религиозных особенностей обозначаются востоковедами термином «ориентализм». Ориентализация Востока осуществлялась в логике бинарных оппозиций: подчеркивались различия между Востоком и Западом, противопоставлялись ментальности восточного человека и европейца.

Американский исследователь ориентализма и основатель постколониальной теории Э. Саид в своей работе [6] вводит термин «имагинативная география», который предполагает простейшее разделение пространства по принципу «мы» – «свое», «они» – «чужое». Такова древнейшая практика проведения географических различий. Соответственно, «их» территории и ментальность отличаются от «наших» и, таким образом, географические границы приравниваются к границам этническим, культурным и социальным.

Э. Саид для постижения чужого пространства предлагает новую категорию, позволяющую воспринимать новое пространство как уже известное: «Ситуации предстают уже ни как полностью новые, ни как абсолютно известные, появляется новая опосредующая категория – категория, позволяющая людям воспринимать новое (то, с чем они сталкиваются впервые) как версию известного прежде» [Там же. С. 93]. Тем самым далекое, новое, чужое и неизвестное пространство при определенных обстоятельствах приобретает статус знакомого и изведенного. Причем, по мнению Э. Саида, такой процесс «доместикации экзотического» абсолютно естествен, и он осуществляется между любыми культурами и их носителями. Поскольку человеческому сознанию свойственно сопротивление чуждому и незнакомому, все культуры подвергают воспринимаемые культуры определенным трансформациям, т.е. воспринимают их не такими, каковы они на самом деле, а такими, какими они должны являться с точки зрения воспринимающей культуры.

Как отмечают многие исследователи, например Г.Д. Гачев [7], А. Дима [8] и Э. Саид, представление образа «Другого» неизбежно отражает культуру того, кто создает этот образ. Таким образом, непременным условием существования и развития любой культуры является наличие чужой, конкурирующей культуры. Следовательно, конструирование собственной национальной и культурной идентичности «предполагает нахождение противоположного, «Другого», чья действительность является предметом постоянной интер-

претации и переинтерпретации с точки зрения его отличия от «нас»» [6. С. 513]. При этом каждое общество в различные эпохи создает собственных «чужих», по-своему интерпретируя противопоставленные им культурные идентичности.

Несмотря на то что взаимообмен между европейцами и «другими» начался около пяти веков назад, одна идея остается неизменной: есть «мы», есть «они». К XIX в. именно эта идея стала отличительной чертой как культуры империализма, так и противостоящих Европе культур. По мысли Э. Саида, «это деление вполне устоялось, оно всем понятно, неопровержимо и самоочевидно» [9. С. 31]. XIX в. явился кульминацией имперской мощи Запада, что привело к приобретению и аккумуляции территорий и подвластного населения действительно впечатляющих масштабов. С начала XIX в. до конца Второй мировой войны основными державами, доминировавшими на Востоке и в сфере ориентализма как совокупных знаний о Востоке, являлись Британия и Франция. Британская империя, начавшая наращивать свою имперскую мощь еще в XVI в., к началу XIX в. стала безусловным мировым лидером.

При этом главной задачей Запада было привести Восток от враждебного состояния к смирному сотрудничеству, и для западных империй восточные и африканские народы априори выступали не населением определенной географической области, а представителями подчиненной расы. В концепции ориентализма отсталость и неразвитость Востока, неравенство восточных рас перед западными предстают как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее сомнению. В этой связи «<...> прежде всего он <человек. С.К.> – восточный, и лишь затем – человек <...>» [6. С. 159]. Для англичанина-писателя или британского колониального администратора равным образом Восток предстает территорией, на которой должна главенствовать Британская империя, и это бесспорный факт. В рамках колониального подхода «<...> англичане <...> рассматривали Восток как географическую – а также культурную, политическую, демографическую, социологическую и историческую – сущность, над судьбой которой, как они считали, они традиционно властны» [Там же. С. 341–342].

XIX в. стал кульминацией имперской идеологии не только у ведущих европейских держав, но и в Российской империи, что также привело к приобретению огромных территорий и многочисленного подвластного населения. С точки зрения Э. Саида, принципиальное различие между русским и европейским колониализмом заключается в том, что ведущие европейские колониальные державы колонизировали отдаленные территории, находящиеся далеко от их границ, на других континентах, за тысячи морских миль, в то время как Россия колонизировала исключительно соседние территории, «что вело к поступательному движению на восток и на юг» [9. С. 52]. При этом русский тип освоения континентального пространства характеризовался более тесными, рутинными, повседневными контактами с местным населением. Так, в первую очередь, из-за своих географических особенностей Российская империя существенно отличается

от классических империй (Британской, Французской, Голландской и т.д.), метрополии которых находились в Западной Европе.

По поводу российского колониализма и его специфики у исследователей нет единой точки зрения. Одни полностью уподобляют российский колониализм западноевропейскому (А. Халид [10], М. Тодорова [11], В. Доулер [12]), другие ратуют за его уникальность и полную противоположность колониализму европейскому (М. Бассин [13], А. Миллер [14], Э. Саид [6], П. Верт [15], В. Кивельсон [16]).

Нам наиболее близка позиция Н. Найта [17], относящаяся к «золотой середине»: исследователь предлагает достаточно осторожно говорить об определенных особенностях России в ее колониальной политике. С точки зрения Н. Найта, только приняв идею определенных особенностей России (в отличие от идеи ее уникальности или, наоборот, полного соотнесения с Европой), можно объяснить то, как русские выстраивали свои отношения с «другими». Вслед за русскими путешественниками (например, П.П. Семеновым Тянь-Шанским), Н. Найт позитивно воспринимал освоение Россией Востока, считая, что она несет восточным народам цивилизацию и порядок, причем делает это значительно лучше по сравнению с Англией и Францией: «Там, где западные державы преследовали свои имперские амбиции с кровавым азартом, не позволяя никаким моральным соображениям вставать на пути их хищнических инстинктов, Россия несла миру более добрый, более мягкий империализм, руководствуясь интересами благополучия покоренных народов» [Там же. С. 331]. И если, как считает П. Верт, «„смешение“ теперь считается атрибутом колониальной жизни, в особенности постколониального периода, то готовность русских имперских властей разрешать браки между людьми разных национальностей и поощрять усвоение местным населением русских традиций, так же как и участие представителей нерусских народов в важных аспектах имперского правления – распространении русской версии “ориентализма”, миссионерской деятельности и т.д.» [15. С. 62] – это как минимум свидетельствует об особом характере русского колониализма. Поскольку Российскому государству было жизненно необходимо военно-политическое освоение колонизируемых территорий, то, как отмечает В.С. Киселев, «гуманитарные и даже экономические стороны (извлечение прибыли) оказывались на втором плане, что демонстрировала, в частности, колониальная политика России на Кавказе и в Средней Азии» [18. С. 280].

При этом основной для русских имперских властей являлась «культуртрегерская установка: освоение имперской периферии мыслилось как приобщение новых земель к интеллектуальным и материальным благам европейской цивилизации» [18. С. 280]. Соответственно, русификация местного населения и изменение его национальной и культурной идентичности являлись обязательным условием для социального и культурного развития колонизируемых имперских окраин. Тем не менее некоторые исследователи (Т. Баррет [23], К. Клэй [24] и В. Сандерленд [25]), изучая сложную палитру взаимоотношений между

русскими колонизаторами-поселенцами и местным населением, отмечают, что иногда в результате таких взаимоотношений русские отказывались от собственной национальной идентичности и усваивали идентичность местного населения. При этом В. Сандерленд в своих исследованиях, помимо исторических, этнографических и географических источников, ссылается также и на художественное произведение – «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова.

Наряду с этим имел место и обратный процесс: нерусские народности вместе с принятием православия усваивали религиозную и культурную идентичность русского народа. В связи с этим П. Верт отмечает, что «некоторые нерусские народности <...> сочли православное христианство достаточно заманчивым с точки зрения возможности приобретения знаний, грамотности, овладения русским языком и тем самым вызвали значительные изменения религиозной самоидентификации и интеллектуального кругозора» [15. С. 65]. С принятием православия представители нерусских народностей положительно оценивали свои перспективы дальнейшего существования в рамках Российской империи. Исследователи S.S. Lim и R.D. Clark также отмечают, что православие – весьма гармоничная форма сглаживания противоречий между колонизаторами и туземцами в Сибири [4].

Саидовский постулат об опосредующей категории восприятия чужого пространства через призму своего, безусловно, актуален для «Фрегата «Паллада»». Наблюдая иные формы жизни и рефлексируя над чужими культурами, Гончаров в своих сравнениях и противопоставлениях ищет и формирует черты собственно русской идентичности, создавая при этом и Россию и ее собственный Восток – Русскую Сибирь: «<...> the Russian traveler's encounters with various others – English, African, Japanese, Chinese, American, Ryukyu, Korean – ultimately lead to contemplation of the self: Goncharov's Frigate Pallada highlights the extent to which a sense of Russian national identity is possible only when reflected and measured against these others. («Русский путешественник встречает других: англичан, африканцев, японцев, китайцев, американцев, корейцев, жителей островов Рюкю и это, в конце концов, приводит к размышлениям над собой. «Фрегат «Паллада»» И.А. Гончарова подчеркивает степень, в которой чувство русской национальной идентичности возможно только в том случае, если оно отражено и оценено с учётом вышеперечисленных других» (здесь и далее перевод мой. – С.К.) [4. С. 37].

Именно таков основной подход Гончарова во «Фрегате “Паллада”» – воспринимать чужое пространство через проекцию пространства своего, близкого и знакомого, это его авторское и человеческое видение мира: «Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что истинный результат путешествия – это параллель между чужим и своим» [19. Т. 1. С. 66–67]. Отсюда характерны частые сравнения чужих реалий с собственными. Например, чтобы передать читателю особенности традиционных нарядов португалок, Гончаров сравнивает их с русскими деревенскими женщинами: «Нам попадались всё рослые португальцы. Женщины, осо-

бенно старые, повязаны платками и в этом наряде – точь-в-точь наши деревенские бабы» [19. Т. 1. С. 95].

В подробном описании якутской юрты как бытовой детали чужого колонизируемого пространства подтверждается постоянное внимание автора к чужому быту и культуре на протяжении всего путешествия: «Я думал хуже о юртах, воображая их чем-то вроде звериных нор; а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющие стену, ставятся вертикально; притом она без клопов и тараканов, с двумя каминами; дым идет в крышу; лавки чистые» [Там же. Т. 2. С. 641].

Или достаточно пренебрежительное сравнение Национальной картинной галереи Лондона всего лишь с прихожей Санкт-Петербургского Эрмитажа: «<...> я <...> успел осмотреть <...> национальную картинную галерею, которая величиною будет с прихожую нашего Эрмитажа» [Там же. Т. 1. С. 42–43].

Наблюдая в Маниле сцену гуляния испанской публики на кальсадо, Гончаров вопрошает: «Где это я? Под Новинским или в Екатерингофе 1-го мая?» [Там же. Т. 2. С. 541]. Автор ссылается на знаменитые места в России, отведенные для народных гуляний на большие праздники в Москве (близ Новинского монастыря) и Петербурге (Екатерингоф – парковая зона на западной стороне Петербурга). Далее автор приходит к выводу, что Манила с ее знаменитым кальсадо – «это та же Москва, Петербург, Берлин, Париж и т.д.» [Там же].

И наиболее обобщенное и типичное сравнение «своего» и «чужого» делает автор в главе «Шанхай», сравнивая русскую и китайскую провинциальные народные ярмарки. «Мне показалось, что я вдруг очутился на каком-нибудь нашем московском толкучем рынке или на ярмарке губернского города, вдалеке от Петербурга, где еще не завелись ни широкие улицы, ни магазины; где в одном месте и торгуют, и готовят кушанье, где продают шелковый товар в лавочке, между кипящим огромным самоваром и кучей кренделей, где рядом помещаются лавка с фруктами и лавка с лаптями или хомутами. Разница в подробностях: у нас деготь и лыко – здесь шелк и чай; у нас груды деревянной и фаянсовой посуды здесь фарфор. Но китайская простонародная кухня обилием блюд, видом, вонью и затейливостью перещеголяла нашу <...> А вон пронесли двое покойника, не на плечах, как у нас, а на руках <...> Разносчики кричат, как и у нас» [Там же. С. 416–417].

Подобные гончаровские сравнения якутской юрты с русской избой, традиционной одежды русских и португальских женщин, а также русского и британского музеев, русских и европейских городов, китайской и русской ярмарки демонстрирует авторское восприятие чужого пространства через призму пространства своего.

В этой связи справедливо замечание Е.Г. Новиковой, что «центральная тема всего гончаровского кругосветного путешествия – экзотичность, “инаковость” описываемых им локусов и пространств» [20. С. 93]. Данная авторская установка на «другое», «чужое» воплотилась и в его восприятии и изображении Сибири. Для Гончарова Сибирь середины XIX в. – такая же

колония Российской империи, как Сингапур и Гонконг для Британской империи. С точки зрения Е.Г. Новиковой, «Сибирь во «Фрегате “Паллада”» – это экзотический “чужой” мир, который России, по примеру других западных стран на Востоке, надлежит эффективно колонизовать и цивилизовать» [20. С. 98]. Соответственно, Сибирь в гончаровском произведении выступает восточным пространством, которое Россия успешно колонизует. При этом сам процесс колонизации Сибири Гончаров вписывает в общемировой контекст и сравнивает с английскими колониями: «Туда стекается народ: предметов потребления надобится всё больше и больше, обозы идут чаще из Иркутска на прииски и обратно – и формируется центр сильного народонаселения и деятельности. Та же история, что в Калифорнии, в Австралии» [19. Т. 2. С. 702].

Пространство Сибири видится Гончарову пустынным, скучным, глухим и унылым, автор часто использует такие эпитеты, как «унылый», «скучный», «пустынный», «глухой», «печальный» и т.д.: «Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [Там же. С. 642]. Авторский прием лексического повтора (троекратное повторение слова «пустыня») усиливает читательское впечатление об обширности и пустынности сибирского края. Сибирь видится Гончарову практически незаселенной: «Нигде ни признака жилья, ни встречи с кем-нибудь» [Там же. С. 641].

Вот как воспринимает Гончаров берега Татарского пролива, очевидно, как чужого и незнакомого пространства: «Что это за край; где мы? сам не знаю, да и никто не знает: кто тут бывал и кто пойдет в эту дичь и глушь? Кто тут живет? что за народ? Народов много, а не живет никто» [Там же. С. 625].

Пространство Сибири видится автору собственным русским Востоком, по его мысли, это все же Русь, хотя и сибирская Русь: «to Goncharov <...> desolate, uncultivated lands of Siberia are Russia's own Orient» («Для Гончарова безлюдные, неосвоенные земли Сибири являются собственно русским Востоком») [4. С. 35]. Гончаров рисует в произведении также собственные перспективы русификации сибирского края: «Много и русского и нерусского, что со временем будет тоже русское» [19. Т. 2. С. 674].

У Гончарова как типичного представителя русской интеллигенции XIX в., разделявшего идеи господствовавшего тогда европоцентризма и культурного превосходства Запада над Востоком, похожее отношение к колонизованным туземцам как к нациям, находящимся на более низкой, чем европейцы, ступени развития. Так, в письме к Е.П. и Н.А. Майковым от 15 июля 1854 г. Гончаров соотносит колонизованных европейцами туземцев с южными растениями и оценивает их даже ниже, чем местную флору: «<...> эти бананы, пальмы да ананасы у себя дома, вся эта аристократия природы, и плебеи ее – негры, малайцы, индийцы» [21. С. 695].

Но при этом Гончаров со свойственным ему гуманизмом, наблюдая заключенных в английскую тюрьму и содержащихся в невыносимых условиях представителей африканского племени бушменов, загнан-

ных, забитых людей, казавшихся ему «старичками, хотя им было не более как по тридцати лет», сочувственно восклицает: «И это мой брат, ближний!» [19. Т. 1. С. 206]. Несмотря на их неприглядную внешность, неблагозвучный язык и внешний вид, вызывающий зоологические ассоциации, Гончаров признает африканцев равными себе, называя их братьями, ближними: «Перед нами стояло существо, едва имевшее подобие человека, ростом с обезьяну. <...> Я давно слышал, что язык бушменов весь состоит из смеси гортанных звуков с прищелкиванием языка и потому недоступен для письменного выражения. <...> Совершенно звериный способ объясняться! “И это мой брат, ближний!” – думал я, болезненно наблюдая это какое-то недосозданное, жалкое существо» [Там же]. Данное эмоциональное, полное душевной боли восклицание ярко свидетельствует о гуманизме Гончарова, осуждающего господствующую в европейских колониях идею безусловного превосходства европейских колонизаторов над туземцами. Гуманизм Гончарова выражен также и в его искреннем желании хоть чем-нибудь помочь арестантам, хоть как-то облегчить их пребывание в жестких условиях тюремного режима: «Я спросил, можно ли, как это у нас водится, дать денег арестантам, но мне отвечали, что это строго запрещено» [Там же. С. 207]. Так, к большому сожалению автора, английский колониальный режим не приемлет русские традиции гуманизма и сострадания к страждущим. Над английским же гуманизмом, в свою очередь, Гончаров едко иронизирует, описывая эпизод «гуманного» изменения формы наказания для плененного кафрского вождя Сейоло: «Он взят в плен в нынешнюю войну. Его следовало повесить, но губернатор смягчил приговор, заменив смертную казнь заключением» [Там же. С. 239]. Как уже говорилось выше, условия содержания туземных арестантов в тюрьме видятся автору невыносимыми, поэтому изменение смертной казни на более гуманное, с точки зрения английской колониальной администрации, тюремное заключение представляется Гончарову весьма сомнительным.

Гончаров считает «дикими» и колонизируемые русскими народы Сибири. В русской Сибири автор также помещает коренное население в одну плоскость с животными и насекомыми, тем самым выражая собственное отношение к их низкому уровню цивилизации: «Тут <...> дикири всех родов, звери, начиная от черных и белых медведей до клопов и блох включительно» [Там же. Т. 2. С. 633].

В гончаровском интересе к проблемам прогресса и цивилизации одновременно прослеживается и поиск новых форм взаимодействия Запада и Востока. В этой связи, «Goncharov's travelogue <...> can be read as an account of how Europe and Asia (and to a lesser extent also Africa) meet and intersect in the context of the growth of industrialization, colonial expansion, overseas trade, and nationalist visions» («Травелог Гончарова прочитывается в качестве доклада о том, как Европа и Азия (а также Африка в меньшей степени) встречаются и пересекаются в контексте индустриального роста, колониальной экспансии, внешней торговли и националистических воззрений» [4. С. 21]. Что же касается

отношения Гончарова к западной цивилизации, то «<...> во «Фрегате “Паллада”» она <цивилизация. – С.К.> предстает напористой, агрессивной, порой наглой, но, тем не менее, неизбежной и неотвратимой и, в конечном счете, полезной» [22. С. 96]. Кроме того, Гончаров реалистично и объективно изображает как приобщение Востока к цивилизации, так и попытки остаться от нее в стороне. С его точки зрения, в цивилизаторской практике западного колониализма наряду с негативными, есть и положительные аспекты: его описания Мадеры, Капской колонии, Гонконга, Сингапура; поэтому, по мнению автора, попытки искусственно отгородиться от цивилизации (например, Япония) ведут к отставанию народа в культурном и материальном развитии.

Гончаров, безусловно, был просветителем и сторонником прогресса и цивилизации, он понимал ценность «чужого» и активно изучал чужие нравы и обычаи. Он искренне желал странам Востока преодоления закрытости, знакомства с мировой цивилизацией, развития, индустриализации, но не по английскому типу, по которому человек постепенно превращается в бездушную машину.

Примечательно, что с цивилизацией у Гончарова из всех упоминаемых в книге колонизаторских наций (голландцы, испанцы, немцы, русские) ассоциируются именно англичане: «Успеху англичан, или, лучше сказать, успеху цивилизации» [19. Т. 1. С. 167]. Так, при описании Капской колонии автор делает заключение о господстве в ней английской нации: «Нужно ли говорить, кто хозяева в колонии? конечно, европейцы, и из европейцев, конечно, англичане» [Там же. С. 158]. Для усиления восприятия роли англичан как ведущей колонизаторской нации в мире Гончаров использует свой излюбленный художественный прием – лексический повтор: «Я <...> проехал сквозь ряд португальцев и англичан – на Мадере и островах Зеленого Мыса; голландцев, негров, готтентотов и опять англичан – на мысе Доброй Надежды; малайцев, индусов и ... англичан – в Малайском архипелаге и Китае» [Там же. С. 14]. Сначала Гончаров просто называет англичан, во второй раз делает экспрессивный акцент на наречии «опять», а в третий раз использует многоточие для усиления общего впечатления.

Так, ключевыми носителями «западной», европейской цивилизации предстают прежде всего англичане. Автор приводит пример деятельности англичан и американцев в Китае: китайцы за опиум «<...> отдают свои чай, шелк, металлы, лекарственные, красильные вещества, пот, кровь, энергию, ум, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берут все это и обращают в деньги <...>» [Там же. Т. 2. С. 472]. Показателен прием перечисления, использованный автором для описания этого неравноценного обмена: от англичан китайский народ получает только опиум, который противопоставлен целому ряду действительно ценных товаров, получаемых англичанами. Характерно также, что начинается данный предметный ряд перечислением материальных вещей, далее следуют нематериальные понятия (энергия, ум) и заканчивается этот ряд обобщающим существительным «жизнь», которую, по сути, англичане отнимают у китайцев. В целом в

данном описании Гончаров моделирует английскую ментальность, для которой, с его точки зрения, торговля равнозначна жизни. При описании Лондона Гончаров отмечает: «Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» [19. Т. 1. С. 48].

В главе «Русские в Японии» следующим образом описывается английский образ жизни и действия: «Выйти без спросу на берег, и когда станут не пускать, начать драку, самим же пожаловаться на оскорбление и начать войну» [18. Т. 2. С. 431]. В связи с этим нельзя не согласиться с точкой зрения В.А. Михельсона, что «Фрегат “Паллада”» – это «страстный вызов русской передовой мысли английскому, французскому и американскому колониализму <...>» [2. С. 10].

В свою очередь, в указанной главе участники русской экспедиции демонстрируют совершенно иное отношение к японцам, к традиционной японской культуре. Они воспринимают оригинальную японскую цивилизацию как самостоятельную нравственную и эстетическую ценность. Такой характер восприятия культуры Японии художественно выражается в предельно детализированном, подробном описании порядков, обычаев, нравов, одежды, причесок, пищи и т. д. Например, описание японских обычаев: «Вскрыть себе брюхо – самый употребительный здесь способ умирать поневоле <...> Заупрямься кто сделать это, правительство принимает этот труд на себя; но тогда виновный кроме позора публичной казни подвергается лишению имения, и это падает на его семейство» [19. Т. 2. С. 317]. Или описание одежды высших чиновников прибывшей на фрегат японской делегации: «<...> кофты у них из тонкой, полупрозрачной черной материи, у некоторых вытканы белые знаки на спинах и рукавах – это гербы. Каждый, даже земледелец, имеет герб и право носить его на своей кофте. Но некоторые получают от своих начальников и вообще от высших лиц право носить их гербы, а высшие сановники – от сиюгуна, как у нас ордена. Но не все имеют право носить по две сабли за поясом: эта честь предоставлена только высшему классу и офицерам; солдаты носят по одной, а простой класс вовсе не носит; да он же ходит голый, так ему не за что было бы и прицепить ее, разве зимой» [Там же].

В свою очередь, процесс русской колонизации Сибири Гончаров описывает как более гуманный, мягкий и органичный по сравнению с английской и, шире, западноевропейской колонизацией Африки и Азии. В этом отношении показателен описанный Гончаровым и действительно существовавший в XIX в. законодательно закрепленный запрет продажи спиртных напитков представителям коренных сибирских народов: «А вина нет нигде на расстоянии тысячи двухсот верст <...> в этом молодом крае, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей <...> здесь вино погубило бы эту горсть, как оно погубило диких в Америке» [Там же. С. 685].

Данная особенность русской колонизации Сибири проявляется у Гончарова в описаниях сибирских героев

его произведения. Например, русский колонизатор Егор Петрович Бушков работает на колонизируемого якута и живет с ним в одной юрте, при этом русские дети Егора Петровича по-русски не говорят, а владеют только якутским языком. «Другую станцию, Ичугей-Муранскую, вез меня Егор Петрович Бушков, мещанин, имеющий четыре лошади и нанимающийся ямщиком у подрядчика, якута. Он и живет с последним в одной юрте; тут и жена его, и дети. Из дверей выглянула его дочь, лет одиннадцати, хорошенькая девочка, совершенно русская. “Как тебя зовут?” – спросил я. “Матреной, – сказал отец. – Она не говорит по-русски”, – прибавил он. “Мать у нее якутка?” <...> “Нет, русская; а мы жили всё с якутами, так вот дети по-русски и не говорят”. Ох, еще сильна у нас страсть к иностранному: не по-французски, не по-английски, так хоть по-якутски пусть дети говорят! Отчего Егор Петрович Бушков живет на Ичугей-Муранской станции, отчего нанимается у якута и живет с ним в юрте – это его тайны, к которым я ключа не нашел» [19. Т. 2. С. 658–659]. Так, в истории персонажа гончаровского произведения Егора Петровича Бушкова с его семьей подтверждается идея гармоничного сосуществования и смешения русской культуры с культурами колонизируемых народов.

Соответственно, из этой позиции русских по отношению к туземному населению вырастает и принципиально иной тип колонизации: способность русской культуры не доминировать, а мирно сосуществовать и смешиваться с культурой колонизируемых народов. Выражалась такая позиция и в практике поощрения смешанных браков между русскими колонизаторами и туземцами. «Если западноевропейские ориенталисты заведомо считали людей Востока “органически” интеллектуально ограниченными в сравнении с европейцами, а политика западноевропейских империй не предполагала возможности и тем более желательности смешения населения, то русские востоковеды не считали “азиатов” менее одаренными, и не только не видели ничего дурного в смешанных браках, но воспринимали такое этническое смешение как неотъемлемую часть процесса формирования русской нации» [14. С. 396].

Так, Гончаров в очерк о Капской колонии включает рассказ о встрече с русским солдатом, попавшим в плен во время войны с Наполеоном и, по воле обстоятельств, оказавшимся в Африке. Он женился на африканке, в их браке родилось шесть детей. Гончаров не случайно повествует об этой семье, которую создали уроженка южной Африки и уроженец Орловской губернии; далее же автор приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о национальном и социальном неравенстве между европейскими колонизаторами и туземным населением в Африке. Так, например, Гончаров описывает расовую дискриминацию в церкви: «Мы вошли в церковь черных. Проще ничего быть не может: деревянная, довольно большая зала, без всяких украшений, с хорами. Вдоль от алтаря до выхода в два ряда стояли скамьи грубой работы. Впереди, ближе к алтарю, было поставлено поперек церкви несколько скамеек получше. “А это для кого?” – спросил я. “Это для белых, которые бы вздумали прийти сюда”. – “Зачем это отличие в церкви? –

заметил я» [19. Т. 1. С. 221]. Помимо различных мест внутри самой церкви, для африканцев и европейцев существуют отдельные церкви, и это вопреки базовой установке христианства о равенстве всех верующих перед Богом. В этом описании Гончаров с помощью одного глагола сумел выразить всю идею расового неравенства на Африканском континенте: глагол «вздуматься», означающий «неожиданно захотеться, прийти на ум» [26. С. 80] точно выражает смысл того, что автор стремится донести до читателя: европейцы практически не появляются в церквях для африканцев, а если какой-нибудь европеец посетит ее, то это, в изображении Гончарова, станет исключительным, из ряда вон выходящим событием.

Показателен также эпизод с описанием африканского отеля, которым владеют англичане. Гончаров с восхищением описывает архитектурные особенности английского отеля, делая особый акцент на лестнице как детали архитектуры: «Мы вошли в чистые, круглые, освещенные сверху сени с прекрасной деревянной лестницей и выходом прямо на дворик, с балконом. Двери направо в гостиную и налево в столовую были отворены настежь, с полуоткрытыми жалюзи и окнами. Везде сумрак и прохлада» [19. Т. 1. С. 136]. Тем не менее при ближайшем рассмотрении «прекрасная лестница» наделяется более глубоким символическим содержанием, она одновременно оказывается и лестницей расового и социального неравенства: на нижних ступеньках размещены «черные» туземцы, на верхних – «белые» колонизаторы. «У подъезда, на нижней ступеньке, встретил нас совсем черный слуга; потом слуга малаец, не совсем черный, но и не белый, с красным платком на голове; в сенях – служанка, англичанка, побелее; далее, на лестнице, – девушка лет 20, красавица, положительно белая, и, наконец, – старуха, хозяйка, нес plus ultra белая, то есть седая» [Там же. С. 135]. Такая иронически представленная автором градация цветовой гаммы от черного к белому отражает всю сущность социального неравенства между туземцами Африки и европейскими колонизаторами, характерную для африканского континента середины XIX в.

В сибирских главах, напротив, Гончаров отмечает социальное, экономическое и даже культурное равенство русского и коренного населения в Сибири, подтвержденное многочисленными сценами совместного проживания, работы, досуга русских, якутов, тунгусов и других коренных сибирских народов. Многие исследователи отмечают, что особенностью русской колонизации большинства новых территорий, в отличие от европейской, является непротивопоставление русского и коренного населения, «поскольку нерусское население во многих частях империи расселялось среди русских и юридически не отличалось от них ни с точки зрения социального статуса, ни в отношении привилегий или обязанностей, то специфический “имперский”, или “колониальный” характер государственного владычества является здесь не вполне очевидным <...>» [15. С. 49].

В этом отношении показательна приведенная в главе «Обратный путь через Сибирь» сцена совместной работы русского и туземца, демонстрирующая

образец равноправного взаимодействия колонизатора и представителя колонизируемого народа: «Я пробрался как-то сквозь чашу и увидел двух человек, сидевших верхом на обоих концах толстого бревна, которое понадобилось для какой-то починки на наших судах. Один высокого роста, красивый, с покойным, бесстрастным лицом: это из наших. Другой невысокий, смуглый, с волосами, похожими, и цветом и густотой, на медвежью шерсть, почти с плоским лицом и с выражением на нем стоического равнодушия: это – из туземцев. Наш пригласил его, вероятно, вместе заняться делом. Русский делал вырубку на бревне, а туземец сидел на другом конце, чтоб оно не шевелилось, и курил трубку. Щепки и осколки, как дождь, летели ему в лицо и в голову: он мигал мерно и ровно, не торопясь, всякий раз, когда горсть щепок попадала в глаза, и не думал отворотить головы, также не заботился вынимать осколков, которые попадали в медвежью шерсть и там оставались. Русский рубил сильно и глубоко вонзал топор в дерево. При всяком ударе у него отзывалось что-то в груди. Он кончил и передал топор туземцу, а тот передал ему трубку. Русский закурил и сел верхом на конец, а туземец стал рубить. Щепки и осколки полетели в глаза казаку; он, в свою очередь, стал мигать» [19. Т. 2. С. 627].

Приглашение к совместной работе, а не односторонняя эксплуатация, обмен топором и трубкой после рубки бревна свидетельствуют о совершенно уникальной (в противоположность европейскому колониализму) черте русского колониализма: о способности относиться к туземному населению как к равному. На наш взгляд, авторский выбор именно данных предметов символичен: топор является орудием труда, трубка ассоциируется с отдыхом. В художественном мире Гончарова вещи играют важную роль, ему свойственно создавать яркий художественный образ с помощью вещественной детали (например, халат Обломова, бакенбарды Захара, локти Агафьи Матвеевны и др.). Представляется, что в этом описании содержатся также аллюзии на историю колонизации североамериканских индейцев (с которой Гончаров, несомненно, был знаком), относящиеся к таким концептам, как «топор войны» и «трубка мира». Русские колонизаторы используют топор не для военных нужд, но для совместного труда, а после него выкуривают «трубку мира».

Размышляя во время путешествия о мировой жизни, Гончаров приходит к важному выводу: «хозяин исторической сцены – капиталист» [1. С. 29]. Этот вывод воплотился в ярком и самобытном образе английского купца-колонизатора, который «становится символом международной торговли, промышленности, колониальной политики» [Там же. С. 31], встречаемого Гончаровым во всех английских колониях, начиная с Африки и заканчивая Азией. Образ английского колонии и британского купца-колонизатора лейтмотивом проходит через всю сюжетную канву «Ферата “Паллада”». «The sense that he is setting out to a world created, owned, and maintained, essentially, by England is evident in the images of Englishmen that persistently dot the Goncharov's landscape» («Чувство, что он отправляется в мир, фактически созданный,

хранимый и управляемый Англией, очевидно в образах англичан, которые постоянно встречаются Гончарову в его путешествии») [4. С. 25]. Соответственно, путешествие Гончарова, по сути, является «путешествием русского в мир англичан», и автор, будучи образованным путешественником и чиновником Министерства иностранных дел, объективно отмечает сложившееся к середине XIX в. положение вещей – безусловное мировое превосходство Британской державы. Сам фрегат «Паллада», мощное судно, в ореоле былой славы, но постепенно дряхлеющее и разваливающееся, является символом существующего мирового порядка того времени и положения России в нем, конкурирующей с Британской империей за главенствующее положение в мире.

В своем письме к А.С. Норову от 20 сентября / 2 октября 1853 г. Гончаров описывает азиатские колонии Британии следующим образом: «Сингапур и Гонконг <...> – два новые и живые создания силы воли и энергии англичан. Везде памятники неимоверных усилий, гигантских работ, везде цивилизация, торговля и комфорт, особенно торговля. <...> в Сингапуре 40 тыс. китайцев и 20 тыс. индийцев и малайцев говорят по-английски, торгуют английскими товарами, покупают и продают на английскую монету. <...> и над всем этим носится холодное, покойное и разумное могущество английского духа. Англичан всего четыреста человек там, но они господа, а 60 тыс. их покорнейшие слуги <...>» [21. С. 682]. Англичане используют разные способы колонизации туземцев: религиозное просвещение, торговля, покорение силой оружия, приобщение аборигенов к роскоши и комфорту. При этом английские колонизаторы, используя два главных инструмента колонизации: религию и материальные ценности – стремятся покорить туземцев и переделать их по своему образу и подобию.

В образе английского купца-колонизатора нет героизма, величественности, физической силы: «<...> И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии – на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже. <...> тот же образ; холодным и строгим взглядом следил он, как толпы смуглых жителей юга добывали, обливаясь потом, драгоценный сок своей почвы, как катили бочки к берегу и усылали вдаль, получая за это от повелителей право есть хлеб своей земли. <...> Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чаю, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками,двигающего необъятными естественными силами природы <...> Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!» [19. Т. 1. С. 15]. Гончаров организует описание этого образа антитезами и параллелями: тепло и ласково синее небо Мадеры, но холодно и повелительно глядят синие глаза англичан; отсутствие героизма, силы и огня в образе купца компенсируется спокойствием, обыденностью и

вездесущностью «знакомых образов»; голубые волны и яркие краски зелени на Мадере контрастируют с черным платьем колонизаторов. Глаголы, использованные в описании образа колонизатора-господина: властвовать, повелевать, двигать естественными силами природы, носиться над стихиями, торжествовать над природой.

В этом контексте Гончаров неоднократно противопоставляет сибирских и английских колонизаторов. Например, английским колонистам, в отличие от русских, свойственно тщеславие: «<Русские. – С.К.> купцы отправляются в ноябре и возвращаются в апреле. Им сопутствуют иногда жены – и все переносят: ездят верхом, спят если не в поварнях, так под открытым небом, и живут по многим месяцам в пустынных, глухих уголках, и не рассказывают об этом, не тщеславятся. А американец или англичанин какой-нибудь съездит, с толпой слуг, дикарей, с ружьями, с палаткой, куда-нибудь в горы, убьет медведя – и весь свет знает и кричит о нем!» [19. Т. 2. С. 697]. Характерно и различие центральных образов в гончаровском описании английских и русских колоний. Если в английских владениях ключевой фигурой выступает купец-колонизатор, то в русских – это священник-миссионер.

Английские миссионеры, в свою очередь, не спешат обращать в христианскую веру туземцев, выступающих «их покорнейшими слугами, в ожидании чести сделаться братьями по Христу и по человечеству» [21. С. 682]. Помимо этого, английские священники ради собственной выгоды пренебрегают христианскими нормами морали и нравственности и подстрекают туземцев к войнам: «<...> в Кафрарии <...> миссионеры <...> действовали не совсем добросовестно; они возбуждали и кафров, и готтентотов к восстанию, имея в виду образовать из них один народ и обеспечить над ним свое господство» [19. Т. 1. С. 164]. В описаниях Гончарова церковь в колонии активно поддерживается военной силой и, как правило, соседствует с военными казармами или боевыми кораблями: «У самого подножия горы лежат домов до сорока английской постройки; между ними видны две церкви, протестантская и католическая. У адмиралтейства английский солдат стоит на часах, в заливе качается английская же эскадра» [Там же. С. 127]. В главе «Шанхай» Гончаров показывает, что европейским миссионерам и их семьям свойственно совершенно не христианское стремление к роскоши: «<...> одну леди, кажется жене пастора, несли четыре китайца в железных креслах, поставленных на двух бамбуковых жердях» [Там же. Т. 2. С. 423]. С точки зрения автора и его православных убеждений, очевидно, что и сами миссионеры и члены их семей должны подавать обращаемым в христианство туземцам наглядный пример скромности, бескорыстия, трудолюбия, самопожертвования и других христианских ценностей, но европейские миссионеры на деле, по Гончарову, весьма далеки от проповедуемых ими убеждений.

В свою очередь, русские миссионеры в суровом сибирском климате совершают далекие разъезды по селениям якутов, тунгусов и других народов для их обращения в христианскую веру, ночуя под открытым небом на снегу в трескучие сибирские морозы. И их тяжелый труд приносит свои плоды. Гончаров описывает якутов следующим образом: «Все они христиане,

у всех медные кресты; все молятся <...> всюду здесь водружен крест благодаря стараниям Иннокентия и его предшественников» [19. Т. 2. С. 652]. Писатель в период своего пребывания в Сибири также наблюдал и описывал, что большинство других коренных сибирских народностей обращены в православие, они усердно молятся и носят православные кресты.

В этой связи, как верно отмечают S.S. Lim и R.D. Clark, именно духовные ценности русского православия, с точки зрения Гончарова, обуславливают более гуманный и гармоничный тип русской колонизации Сибири: «<...> in contrast to the British entrepreneur and the Chinese coolie, Siberia represents a colonial model in which the relationship between colonizer-settler and native laborer is perhaps less cynical, more organic: the difference separating one from the other not as stark, softened, in Goncharov's view, by Russian Orthodox values» («<...> по сравнению с британским дельцом и китайским кули Сибирь представляет колониальную модель, в которой отношения между колонизатором-поселенцем и туземным рабочим, возможно, менее циничные и более органичные. Различие между первым и вторым не столь резкое, смягчённое, с точки зрения Гончарова, ценностями русского православия») [4. С. 36].

Классическим колонизаторским методам англичан Гончаров противопоставляет в сибирских главах способы колонизации этого «печально пустынного и сурового края» русскими просветителями и землепроходцами – безвестными героями, участниками и двигателями исторического процесса приобщения Сибири к просвещению и цивилизации. «И когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание <...>» [19. Т. 2. С. 678]. В то же время перед русскими колонизаторами Сибири стоит гораздо более трудная задача, нежели перед европейскими, из-за сурового климата, огромных расстояний, территориальной удаленности от европейской России. Гончаров размышляет, что «<...> создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом» [Там же].

В противоположность холодному и повелительно-му обращению английских колонизаторов с туземцами, русские колонизаторы в Сибири обращаются с коренным населением душевно и ласково, проявляя о них заботу, с точки зрения Гончарова. Каждый из проживающих в описываемом автором сибирском поселении Аян сохраняет свою культуру, свой традиционный бытовой уклад, что выражается в типах жилищ, присущих каждой социокультурной группе: русские чиновники помещаются в домах, казаки – в палатках, якуты – в юртах. Здесь же Гончаров подробно описывает традиционные якутские и тунгусские костюмы, которые носят туземцы. Колонизируемые якуты занимаются работой, предоставленной им русскими, и живут, по наблюдениям Гончарова, в достатке: «Теперь же пока это скромный, маленький уголок России, в десяти тысячах пятистах верстах от Петербурга, с двумястами жителей, состоящих, кроме командира порта и некоторых служащих при конторе лиц с

семействами, из нижних чинов, командированных сюда на службу казаков и, наконец, якутов. Чиновники компании помещаются в домах, казаки в палатках, а якуты в юртах. Казаки исправляют здесь военную службу, а якуты статскую. Первые содержат караул и смотрят за благочинием; одного из них называют даже полицеймейстером; а вторые занимаются перевозкой пассажиров и клади, летом на лошадях, а зимой на собаках. Якуты все оседлые и христиане, все одеты чисто и, сообразно климату, хорошо. <...> От русских у них есть всегда работа, следовательно, они сыты, и притом, я видел, с ними обращаются ласково» [19. Т. 2. С. 633]. В английских же колониях Гончаров описывает крайнюю бедность большинства туземцев и презрительно-повелительное обращение с ними господ-колонизаторов.

Гончаров также отмечает, что русские колонизаторы, в том числе из высших сословий, в отличие от европейцев, стремятся говорить с сибирскими туземцами на их родном языке, в то время как в английских колониях, в описании автора, наоборот, коренное население стремится говорить по-английски, носить английское платье и постепенно приобщаться к английскому образу жизни. В этой связи, как верно отмечает американский историк В. Кивельсон, в Сибири «местных жителей поощряли продолжать жить в соответствии со своими традициями, держать землю и разрешать споры согласно обычаю <...>» [16. С. 261].

Соответственно, сравнив и сопоставив в процессе своего кругосветного путешествия европейский и русский варианты колонизации, Гончаров дает высокую положительную оценку русскому колониализму. В письме к Е.П. и Н.А. Майковым от 13 января 1855 г. он рассказывает о своей статье о Якутске, в которой «фактами подтверждаю <...> мысль о том, как Россия подвластным ей народам открывает обширное поле деятельности и разумного приложения сил» [21. С. 712].

Таким образом, Гончаров во «Фрегате “Паллада”» описывает русский колониализм в Сибири как уникальный, противопоставляя его английскому и, шире, европейскому. Автор принципиально соотносит позицию английских колонизаторов по отношению к туземцам Африки и Азии и поведение русских в Сибири. Будучи приверженцем прогресса, автор отмечает появление многочисленных благ цивилизации в английских колониях: мосты, дороги, города. Тем не менее Гончаров-гуманист не может не осуждать эксплуатацию англичанами туземного населения, продажу китайцам опиума ради наживы и других негативных проявлений английского колониализма. Наблюдая же русских колонизаторов в Сибири, Гончаров подчеркивает гуманное, как это ему представляется, обращение с коренным населением, тунгусами, якутами и др.

По мысли писателя, гуманное отношение русских к сибирским туземцам формирует принципиально иной тип колонизации: это не имперское доминирование русской культуры по английскому типу, но мирное сосуществование и диалог с культурами колонизируемых народов. В основе этих наблюдений лежало представление о том, что русские колонизаторы обладают чрезвычайной терпимостью и уживчивостью по отношению

к инородцам. Русские колонисты, в противоположность европейским, не несут в себе подавляющего чувства культурного превосходства при контактах с коренным населением, находящимся на более низкой ступени социального, экономического и культурного развития.

Как уже было указано, основополагающий пункт концепции Э. Саида – это создание в западной научной и литературной традиции определенного образа Востока. Гончаров точно так же создает два соб-

ственных образа Востока: европейский колониальный и сибирский русский, собственные их репрезентации. И если европейский колониальный Восток описан у Гончарова в значительной степени негативно, то русский Восток в Сибири – идиллически положителен. Таким, образом, во «Фрегате «Паллада»» Гончаров описывает и сопоставляет принципиально различные по своей природе, с его точки зрения, русский и европейский варианты колонизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиксанов Н.К. Гончаров и колониализм // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 23–53.
2. Михельсон В.А. Гуманизм И.А. Гончарова и колониальный вопрос. Краснодар : [б. и.], 1965. 282 с.
3. Постнов О.Г. Сибирские главы «Фрегата «Паллада»»: (К проблеме положительного героя в творчестве И.А. Гончарова) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. № 10, вып. 2. С. 50–55.
4. Lim S.S., Clark R.D. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East // The Slavic and East European Journal. (SPRING 2009). Vol. 53, № 1. P. 19–39.
5. Проблема «Запад–Восток» в культурологии: взаимодействие художественных культур / М.С. Каган, Е.Г. Хилтухина. М. : Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 160 с.
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 640 с.
7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Издательская группа «Прогресс»–«Культура», 1995. 480 с.
8. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. 229 с.
9. Саид Э.В. Культура и империализм. СПб. : Владимир Даль, 2012. 736 с.
10. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 311–323.
11. Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 345–359.
12. Dowler W. Classroom and Empire: The politics of Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Toronto, 2001. P. 27–28, 66–68.
13. Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 277–310.
14. Миллер А. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 393–406.
15. Верт П. «От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 48–82.
16. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России в XVII в. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
17. Найт Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 324–344.
18. Киселев В.С. «Русская Австралия»: маргинализация колониальных окраин в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Чехов и время. Томск, 2011. С. 280–294.
19. Гончаров И.А. Фрегат «Паллад». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. СПб. : Наука, 1997.
20. Новикова Е.Г. Образ Сибири в «очерках путешествия» Гончарова «Фрегат «Паллада»» // Гончаров и время. Томск, 2014. С. 89–98.
21. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. 881 с.
22. Сапченко Л.А. Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова и материалы карамзинского «Вестника Европы» // И.А. Гончаров : матер. Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск : Обл. тип. «Печатный двор», 1998. С. 91–97.
23. Barret T.M. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // Slavic Review. 1995. Vol. 54, № 3. P. 593–595.
24. Clay C.B. Ethnography and Mission: Imperial Russia and Muslim Turkic Peoples on the Caspian Frontier in the 1850s // Turkish Studies Association Bulletin. 1994. Vol. 18, № 2. P. 36.
25. Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 199–227.
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : А Темп, 2006. 944 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 апреля 2018 г.

THE THEME OF ENGLISH AND RUSSIAN COLONIALISM IN IVAN GONCHAROV'S *THE FRIGATE "PALLADA"*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 19–29.

DOI: 10.17223/15617793/434/3

Svetlana A. Kurilo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: coureelosvetlana@gmail.com

Keywords: I. Goncharov; *The Frigate "Pallada"*; E. Said; colonialism; post-colonialism; Orientalism.

The colonial problems of Ivan Goncharov's book *The Frigate "Pallada"* has been considered in the context of the modern theory of post-colonialism and Orientalism for the first time in the article. In addition, the Russian (Siberian) colonization has been particularly considered. The relevance of the article is determined by its reference to the modern theory of post-colonialism and orientalism as well as to the extremely insufficient study of the colonial problems in *The Frigate "Pallada"*. The article aims to analyze Goncharov's attitude to colonialism in general and its English (European) and Russian (Siberian) variants in particular. The material for analysis has been the text of *The Frigate "Pallada"*, Goncharov's letters about his journey, and theoretical insights into the theory of post-colonialism made by its founder E. Said and contemporary scholars of literary, historical, philosophical and cultural aspects of colonialism and Orientalism. The research methods of text analysis are a literary method and a cultural one according to the problems discussed in the article. The terms Occident and Orient as cultural concepts and the colonial problems associated with them are analyzed. Goncharov's (simultaneously writer's and civil officer's) position and attitude to colonialism are considered in the article. The fundamental idea of Said's theory is the creation of a certain image of the Orient in the Western academic and literary tradition. Gon-

charov also creates his own images of the Orient: the European colonial Orient and the Siberian Russian one and his personal representations of them. Goncharov compares the Russian and European variants of colonization in *The Frigate "Pallada"*. From his point of view, they are fundamentally different in their nature. Goncharov's European Orient seems to be largely negative, and the Siberian Russian one tends to be ideally positive. Goncharov describes the Russian colonialism in Siberia as unique and contrasts it with the English one (and European in general). The author correlates the position of the English colonialists and their behavior towards the natives of Africa and Asia and Russian colonialists' behavior in Siberia. Being an adherent of progress, the author notes the appearance of numerous civilization benefits in the English colonies: bridges, roads, cities, etc. Nevertheless, simultaneously being a great humanist, Goncharov can not help criticizing the exploitation of the native population by British colonialists, opium trade with the Chinese people for the sake of profit, and other negative manifestations of the English colonialism. However, observing Russian colonialists in Siberia, Goncharov emphasizes a much more humane, as it seems to him, treatment of the indigenous population: the Tungus, the Yakuts, and others. The author also highlights the ability of the Russian culture to coexist harmoniously and mix with the cultures of the colonized peoples.

REFERENCES

1. Piskunov, N.K. (1963) *Goncharov i kolonializm* [Goncharov and colonialism]. Materials of the anniversary Goncharov conference. Ulyanovsk: [s.n.]. pp. 23–53. (In Russian).
2. Mikhel'son, V.A. (1965) *Gumanizm I.A. Goncharova i kolonial'nyy vopros* [Humanism of I.A. Goncharov and the colonial question]. Krasnodar: [s.n.].
3. Postnov, O.G. (1988) Sibirskie glavy "Fregata "Pallada"": (K probleme polozhitel'nogo geroya v tvorchestve I.A. Goncharova) [Siberian chapters of the Frigate "Pallada": (On the problem of the positive hero in the works of I.A. Goncharov)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*. 10(2). pp. 50–55.
4. Lim S.S. & Clark, R.D. (2009) Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East. *The Slavic and East European Journal*. 53 (1). pp. 19–39.
5. Kagan, M.S. & Khiltukhina, E.G. (1994) *Problema "Zapad–Vostok" v kul'turologii: vzaimodeystvie khudozhestvennykh kul'tur* [The problem of "West–East" in cultural studies: the interaction of artistic cultures]. Moscow: Nauka, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura".
6. Said, E.V. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Translated from English. St. Petersburg: Russkiy mir.
7. Gachev, G.D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikhologos* [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logo]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress"–"Kul'tura".
8. Dima, A. (1977) *Printsipy sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Principles of comparative literature criticism]. Moscow: Progress.
9. Said, E.V. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Culture and imperialism]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Khalid, A. (2005) Rossiyskaya istoriya i spor ob orientalizme [Russian history and the debate over Orientalism]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Todorova, M. (2005) Est' li russkaya dusha u russkogo orientalizma? Dopolnenie k sporu Natanielya Nayta i Adiba Khalida [Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? Addition to the dispute between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
12. Dowler, W. (2001) *Classroom and Empire: The politics of Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Toronto: McGill-Queen University Press. pp. 27–28, 66–68.
13. Bassin, M. (2005) Rossiya mezhdru Evropoy i Aziei: Ideologicheskoy konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographic Space]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
14. Miller, A. (2003) Rossiyskaya imperiya, orientalizm i protsessy formirovaniya natsiy v Povolzh'e [Russian Empire, Orientalism and the formation of nations in the Volga Region]. *Ab Imperio*. 3. pp. 393–406.
15. Vert, P. (2005) "Ot 'soprotivleniya' k 'podryvnoy deyatel'nosti': vlast' imperii, protivostoyaniye mestnogo naseleniya i ikh vzaimozavisimost' [From "resistance" to "subversion": the power of the empire, the opposition of the local population and their interdependence]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
16. Kivelson, V. (2012) *Kartografiya tsarstva: Zemlya i ee znachenie v Rossii v XVII v.* [Cartographies of Tsardom. The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Knight, N. (2005) O russkom orientalizme: Otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: A response to Adeeb Khalid]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
18. Kiselev, V.S. (2011) "Russkaya Avstraliya": marginalizatsiya kolonial'nykh okrain v knige A.P. Chekhova "Ostrov Sakhalin" [Russian Australia": the marginalization of the colonial margins in A.P. Chekhov's "Sakhalin Island"]. In: Novikova, E.G. (ed.) *Chekhov i vremya* [Chekhov and time]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Goncharov, I.A. (1997) *Fregat "Pallada". Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh* [The Frigate "Pallada". Essays on travel in two volumes]. In: Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 tt.* [Complete Works and Letters]. Vols 2–3. St. Petersburg: Nauka.
20. Novikova, E.G. (2014) *Obraz Sibiri v "ocherkakh puteshestviya" Goncharova "Fregat "Pallada""* [The image of Siberia in the travel essays of Goncharov The Frigate "Pallada"]. In: Novikova, E.G. (ed.) *Chekhov i vremya* [Chekhov and time]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Goncharov, I.A. (1986) *Fregat "Pallada"* [The Frigate "Pallada"]. Leningrad: Nauka.
22. Sapchenko, L.A. (1998) [The Frigate "Pallada" by I.A. Goncharov and materials of Karamzin's Vestnik Evropy]. *I.A. Goncharov* [Ivan Goncharov]. Proceedings of the International Conference on the 185th anniversary of the birth of I.A. Goncharov. Ulyanovsk: Obl. tip. "Pechatnyy dvor". pp. 91–97. (In Russian).
23. Barret, T.M. (1995) Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus. *Slavic Review*. 54(3). pp. 593–595.
24. Clay, C.B. (1994) Ethnography and Mission: Imperial Russia and Muslim Turkic Peoples on the Caspian Frontier in the 1850s. *Turkish Studies Association Bulletin*. 18(2). p. 36.
25. Sanderlend, V. (2005) Russkie prevrashchayutsya v yakutov? "Obynorodchivanie" i problemy russkoy natsional'noy identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians transforming into Yakuts? "Foreignization" and problems of Russian national identity in northern Siberia, 1870–1914]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
26. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: A Temp.

Received: 16 April 2018

Н.А. Мишанкина, О.А. Черныш

ЛЕКСИКА ДЕЛОВОГО ПРОТОКОЛА В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ 1918–1933 гг.)

Исследуется лексика делового протокола 1918–1933 гг. из Госархива Томской области. Цель работы – выявить через анализ количественных параметров лексической организации протокола аспекты отражения исторических событий, происходивших в Томске. Исследование выполнено в русле дискурсивного подхода, основной метод – контент-анализ. В результате проведенного исследования определены дискурсивные параметры протокола: собственно документные, включая фактографические, историко-культурные.

Ключевые слова: документный дискурс; протокол; лексическая организация дискурса; дискурсивные параметры, контент-анализ; историко-культурный контекст.

История вопроса и постановка проблемы исследования

Русский деловой документ имеет давнюю историю. Возникнув одновременно с русской государственностью, он успешно функционирует, обслуживая самые разнообразные формы официальной коммуникации – от межличностной до массовой. Несмотря на ключевую роль в обеспечении государственных и деловых социальных процессов, несмотря на значительные массивы и разнообразные типы текстов документов, эта область речевой деятельности привлекает внимание лингвистов только во второй половине XX в.

Емко и выразительно эту ситуацию обозначила Е.Б. Богатова в названии своей работы: «Документный дискурс – “нелюбимый ребенок” русской лингвистики», отметив, что, несмотря на свой социокультурный потенциал, деловой документ крайне редко выступает объектом исследования в силу ряда причин, одна из которых состоит в том, что «дискурсивные характеристики документов предопределяют особый подход и специфические исследовательские задачи, но требуемый теоретико-методологический инструментарий не сформирован» [1. С. 43]. Действительно, в настоящее время только намечаются подходы к исследованию документного текста в дискурсивном аспекте, способном раскрыть его информационное богатство.

Обращение к истории изучения документа позволяет говорить о нескольких направлениях исследования документного текста. Безусловно, интерес к этой предметной области традиционно проявляли представители исторической науки, и документный текст в качестве историографического источника уже давно выступает в качестве объекта исследования историков. Но стоит обратить внимание на то, что сформированный на текущий момент огромный корпус текстов русской документации отражает все события, происходившие в русской истории: политические, социальные, культурные, не только в содержании, но в своей языковой структуре.

Именно к этому формальному аспекту обращено наиболее ранее направление его изучения – документоведческое, рассматривающее данный тип текста прежде всего с позиции его функциональной органи-

зации как части целостной коммуникативной системы, обеспечивающей процессы государственного и делового регулирования (М.П. Илюшенко, Н.С. Ларьков, Е.А. Плешкевич, Г.Н. Швецова-Водка и др.). В рамках этого направления осуществлено описание типов документов, их основные функции (информационная, коммуникативная, кумулятивная) [2. С. 15]. Близко к вышеописанному методологическое направление, сформировавшееся в ответ на проблему изучения лингвистической специфики документа и активно в настоящее время развивающееся – документная лингвистика (Е.Б. Богатова, Г.А. Дюженко, М.В. Косова, С.П. Кушнерук и др.). Система текстов этого типа выступает традиционным объектом изучения для функциональной стилистики, в рамках которой было осуществлено описание их специфики как целостной системы – официально-делового стиля (Т.М. Веселовская, И.С. Вольская, Т.В. Губаева, Е.М. Иссерлин, М.Н. Кожина, Л.Г. Кыркунова, И.Р. Подзолкова, О.П. Сологуб и др.).

В работах исследователей названных направлений основное внимание обращено на структурные, композиционные, собственно стилистические особенности, проведено номенклатурное описание современной документации, осуществлена функциональная классификация текстов, выявлены общие параметры языкового оформления. На настоящем этапе исследований описаны базовые свойства документного текста [3], к таковым могут быть отнесены: 1) высокий уровень унифицированности, в том числе стабильность композиционных структур текстов и ограничение состава языковых средств; 2) актуальность и адресность содержания, реализующаяся в последовательной фактографичности; 3) информационная точность и нейтральность, обеспечивающая выполнение базовой функции данного типа текстов – «информационную функцию регулятивного и ориентирующего действия в институциональной официальной коммуникации» [1. С. 42].

Вместе с тем в работах исследователей названных направлений отмечаются тенденции, наблюдаемые в данной текстовой сфере, но идущие вразрез с описанными свойствами. В частности, исследуя коммуникативно-прагматические и языковые особенности заявления начала XX в., Т.П. Рогожникова отмечает: «В связи с социально-историческими, культурными и

языковыми изменениями исторически развиваются языковые, жанрово-стилистические и прагматические способы и средства выражения ситуации, в частности коммуникативных целей, адресанта и адресата» [4. С. 11]. Е.Б. Богатова пишет в этой связи о целом ряде проблем, препятствующих полноценному исследованию сферы документного текста, наиболее актуальными можно назвать онтологическую неопределенность документа как текста, его невключенность в целостную концепцию теории текстов, а также необходимость формирования особого методологического инструментария [1. С. 43].

Эта ситуация, свидетельствующая об определенной стагнации в области лингвистического изучения документа при констатации факта изменений документной «реальности», а также формирование новых методологических подходов послужили толчком к появлению в последние десятилетия новых исследовательских проектов, реализующих анализ в рамках дискурсивного и когнитивного направлений. Начато исследование коммуникативно-прагматической структуры документа, и в фокус исследовательского внимания попадает текст документа как особый вид коммуникативного акта, параметры адресата и адресанта, прагматические смыслы (А.С. Давыдова, Е.З. Киреева, А.А. Моисеенко, Н.В. Орлова, Т.В. Чернышова, Т.А. Ширяева).

Взгляд на документ как на процесс и результат коммуникативных взаимодействий, как на дискурсивную формацию обуславливает подход, заданный еще представителями французской школы анализа дискурса [5] и реализуемый в исследованиях последних лет (С.В. Ахметова, Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева, Н.В. Орлова, Т.П. Рогожникова, М.В. Ромашко, А.О. Стеблецова). Дискурсивный анализ позволяет по-новому отразить отражение в документных массивах социальных, культурных, исторических процессов, актуализирует их потенциал в аспекте изучения дискурсивных картин мира. В частности, в работах Н.В. Орловой [6–8] представлен взгляд на структуру и речевую ткань документа с точки зрения коммуникативных процессов, протекающих в определенной области официальных взаимодействий (например, в области образования). Автор на основе анализа тестов официально-деловых документов (приказов), относящихся к различным эпохам (70–80-е гг. XX в. и 2010–2012 гг.) констатирует изменение речевой организации как показатель смены мировоззренческих установок, свидетельствующих о трансформации дискурсивной картины мира. Исследование Н.В. Орловой убедительно доказывает, что дискурсивные факторы вызывают серьезные изменения официально-деловой коммуникации.

В этой связи особый интерес представляет исследование документного дискурса в историческом аспекте. В работе Н.А. Мишанкиной и Ж.А. Рожневой представлены результаты анализа текстов судебных приговоров 1920-х гг., авторы выявляют особенности картины мира, отраженной в этих документах и проявленной прежде всего в системе аргументации: 1) наличие своеобразной социальной модальности документа, свидетельствующей о смене логики дока-

зывания, когда решение обосновывалось не буквой закона, а социальными мотивациями; 2) мифологизация процессов установления новой власти, выражающаяся в именовании новых учреждений и регламентирующих процедур с заглавной буквы [9]. Объектом исследования О.А. Горбань выступила категория субъекта текста в документах различных жанров (рапорты, доношения, прошения, расписки, войсковые грамоты, приговоры станичного сбора, свидетельские показания и др.) фонда «Михайловский станичный атаман», хранящегося в Государственном архиве Волгоградской области, относящиеся к середине XVIII в. Результатом их изучения стал вывод о том, что «сравнение с современными документами позволяет судить о более высокой степени участия субъекта в описываемых действиях, о большей значимости социальной иерархии при выборе средств и способов репрезентации субъекта в документах XVIII в.» [10. С. 359].

Наиболее близкой области наших интересов представляется статья Л.П. Батыревой, посвященная языковой специфике протокола собрания 1929 г. граждан с. Студенцы: автор устанавливает, что язык документа неоднороден, он представляет собой смешение стилистических пластов, «смешение старого и нового, привычного, своего и чужого, чуждого», что отражает в первую очередь социальные процессы [11. С. 55]. Эту проницаемость, уязвимость официально-делового стиля в периоды социальных катаклизмов, его зависимость от общественного и политического строя отмечает В.К. Харченко в более ранней работе [12. С. 131]. Интересные с этой точки зрения наблюдения представлены в работе Т.П. Рогожниковой, посвященной изучению языковых особенностей «Отчетов общества попечения о начальном образовании в г. ОмскЪ» за 1890–1900 гг. из фондов историко-краеведческого музея г. Омска, где отмечается очевидное несоответствие исследуемых текстов параметрам формализации документов подобного типа, объясняемое «умонастроением этого времени» [13. С. 362].

Таким образом, изученные источники позволяют констатировать, что документный дискурс представляет собой одну из значимых областей социальной коммуникации, получающую последовательное отражение в документных текстах различного рода. При этом документный текст в дискурсивном аспекте только начинает изучаться. Более того, некоторые виды документов еще практически не попадали в фокус исследовательских интересов. Например, практически отсутствуют работы, посвященные такому виду регламентирующих документов как стандарт, единичны работы, в которых рассматривается протокол – один из интереснейших документов, выполняющих функцию фиксации хода реальных социальных событий и документального их подтверждения. Обращение к исследованию текста делового протокола в дискурсивном аспекте представлено в работе [14], но приходится констатировать, что исследования, посвященные этой проблематике, единичны.

Полагаем, что изложенное выше убедительно показывает необходимость изучения документного дис-

курса как целостной формации, отражающей самые различные трансформации социальной реальности. В связи с исследованием параметров трансформации текста документа особый интерес представляют исторически переломные периоды. К таковым могут быть отнесены послереволюционные годы. Первая треть XX в. в России является эпохой глобальных изменений в жизни общества, так как за относительно краткий промежуток времени происходит большое количество исторически важных событий: революции, Первая мировая и Гражданская войны, новая экономическая политика, коллективизация и индустриализация.

Все эти события коренным образом изменили существующий порядок вещей и сформировали новое общество. Именно задачи его построения определили темпы общественной жизни, необычайно быстрые, энергичные, напряженные, которые в свою очередь получили отражение в речевых практиках и текстах [15. С. 21]. Изменения, происходящие в социально-политической системе общества, все нововведения и эмоциональное отношение к этим изменениям со стороны общества не могли не оставить следа в документном дискурсе. И если публицистические и художественные тексты этого периода ранее уже выступали объектом исследования [15–19], то корпус документов практически не изучен в этом аспекте.

В связи со сказанным, цель настоящей работы – выявить количественные характеристики лексической организации текста протокола в аспекте отражения исторических событий, происходивших в Томске в послереволюционный период (1918–1933 гг.). Идея о лексическом отражении социальных изменений была неоднократно высказана и убедительно аргументирована в работах таких исследователей, как С.И. Карцевский [19], Л.П. Крысин [20], С.И. Ожегов [21], А.М. Селищев [15], Н.М. Шанский [22].

Методология и методы исследования

В качестве ведущего методологического подхода в работе принимается анализ дискурса, представленный в работах исследователей французской школы, в частности, в определении предмета анализа: «... тексты в полном смысле этого термина: произведенные в институционных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [5. С. 27]. Избранный нами в качестве предмета анализа материал полностью соответствует данным требованиям – это корпус текстов протоколов, опубликованных в сборниках документов Государственного архива Томской области (подсерия «Народ и власть») за определенный период¹. Протокол был выбран в качестве эмпирического материала в силу того, что этот документ относится к ряду организационно-распорядительных, создается в соответствии с особыми жанровыми характеристиками, отражающими «структуру коммуникации в этой сфере и деятельность по совместному принятию решений коллегиальным органом или группой работников» [23. С. 104]. «Краткий словарь видов и разновидно-

стей документов» определяет протокол как «документ, содержащий последовательную запись хода обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов» [24. С. 60], что вполне соответствует его «свидетельской» функции. В ходе исследования было проанализировано 126 документов, общее количество словоформ в которых составило более 40 000.

В качестве основного метода был применен автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественный аспект лексической организации документов. Эффективность применения этого метода (в том числе автоматизированного) показана в работах уже упомянутых исследователей французской школы анализа дискурса [5], более поздних работах зарубежных и российских ученых [25–28].

В ходе анализа была применена следующая процедура.

На первом этапе весь массив документных текстов был переведен в электронный текст формата txt и обработан программой количественного анализа Content Pro (программа распространяется свободно в сети Интернет), были получены значения частотности для каждой лексемы. Полученные данные были доработаны: исключены служебные слова, скорректированы результаты в случае неудовлетворительного грамматического / орфографического оформления. В некоторых случаях были созданы более крупные категории для общей количественной оценки их соотношения с общим объемом массива и определения степени фактографичности. Например, категория «Персоналии» позволила оценить объем антропонимов, категория «Топонимы» – объем маркеров локализации, категория «Годы» – хронологические маркеры.

Далее массив документов был разделен на подмассивы по году создания. Всего было создано 14 файлов документов, так как в массиве не оказалось документов за 1919 и 1926 гг. Каждый из файлов был обработан программой количественного анализа Content Pro, полученные данные были аналогичным образом доработаны. В итоге были сформированы частотные профили лексических единиц для каждого подмассива, что позволило оценить динамику лексической организации документов разных лет. Итоговые данные проинтерпретированы, осуществлен сопоставительный анализ результатов.

Результаты анализа

В результате автоматизированного контент-анализа были выявлены количественные параметры организации лексического состава всего массива исследуемых документов, отражающие различные дискурсивные аспекты. Наиболее частотные результаты представлены в табл. 1.

Как уже говорилось выше, результаты автоматизированной обработки текста были скорректированы в формальном (орфография, лемматизация) и семантическом аспекте (формирование групп на основе семантических категорий). Лексемы были объединены в категории фактографического характера: «Пер-

соналии», «Топонимы», «Год», так как необходимо было установить степень «документальности» исследуемых текстов. Единицы именно этих категорий оказались наиболее частотными в текстах протоколов, что подтвердило высокую степень их фактографичности.

Категория «Персоналии» составляет более 4% от всех словоупотреблений. В нее включены все антропонимы: имена, фамилии, отчества. Ранжирование антропонимических лексем в ее рамках позволило

установить, что наиболее часто упоминаются личные имена и фамилии (табл. 2, 3).

Из табл. 2 видно, что наиболее частотные имена, функционирующие в текстах протоколов, демонстрируют очевидный гендерный дисбаланс – в документах практически не представлено женских имен. Это обстоятельство позволяет предположить, что в данный период женщины еще не входили в структуры власти, фактически их позиция в социальной иерархии не изменилась.

Таблица 1

Наиболее частотные единицы в полном массиве документов

№	Единицы	Абсолютная частота	Относительная частота
1	«персоналии»	1 338	4,220
2	«топонимы»	483	1,524
3	«годы»	225	0,710
4	протокол	136	0,429
5	постановить	131	0,413
6	работа	192	0,606
7	товарищ	124	0,391
8	слушать	116	0,366
9	время	106	0,334
10	иметь	98	0,309
11	председатель	91	0,287
12	год	84	0,271
13	заседание	85	0,268
14	разверстка	81	0,255
15	член	81	0,255
16	принимать	80	0,252
17	дело	78	0,246
18	выполнить	76	0,240
19	гражданин	75	0,237
20	бедняк	75	0,237
21	томск	71	0,224
22	власть	70	0,224
23	собрание	67	0,211
24	волость	65	0,205
25	говорить	62	0,205
26	район	64	0,202
27	вопрос	61	0,196
28	хозяйство	62	0,196
29	советская	59	0,189
30	колхоз	59	0,186
31	элемент	58	0,183
32	крестьяне	49	0,180
33	дать	56	0,177
34	хлеб	56	0,177
35	стаж	55	0,173
36	меры	53	0,167
37	против	53	0,167
38	партия	52	0,164
39	рабочий	50	0,158
40	арест	50	0,158
41	секретарь	49	0,154

Таблица 2

Личные имена

Личные имена	Частота, %
Александр	0,08
Иван	0,06
Василий	0,06
Григорий	0,05
Петр	0,05
Михаил	0,04
Николай	0,04
Семен	0,02
Борис	0,02

Таблица 3

Фамилии

Фамилия	Частота, %
Колчак	0,15
Беленец	0,12
Кузоватов	0,12
Орлов	0,06
Некрасов	0,05
Раузин	0,03
Лыткин	0,02
Ленин	0,02
Бухарин	0,01
Сталин	0,005
Калинин	0,005

Данные о частотности в массиве документов фамилий, представленные в табл. 3, показывают высокую частотность упоминания фамилии (и ее производных) контрреволюционного адмирала *А.В. Колчака*, что, как можно предположить, связано с его военной деятельностью в Сибири. Часто встречается фамилия революционного деятеля, запечатленная в современной топонимике города Томска – председателя губисполкома *Беленца*. Отметим, что частотна также фамилия *Орлов*, фигурирующая в текстах протоколов как дискурсивный маркер – это фамилия секретаря, подписавшего большую часть исследуемых документов.

Однако наряду с часто упоминаемыми фамилиями лидеров революционных преобразований частотны и фамилии личностей, негативная роль которых в социальных событиях обсуждается на заседаниях и, соответственно, фиксируется в текстах протоколов. В частности, к таковым относится фамилия члена сельсовета с. Судженка *Кузоватова* (и членов его семьи), уличенного в укрывательстве хлеба от продразверстки, а также фамилия студента университета, комсомольца *Раузина*, скрывшего при поступлении в вуз свое социальное происхождение.

Отметим, что упоминание революционеров столичного, государственного масштаба единичны. Например, фамилия *В.И. Ленина*, организатора и лидера революции, упомянута только в двух протоколах 1923 г. в связи с его болезнью и осложнением политической ситуации: «Предложить нач. ГОГПУ информировать президиум губкома, каким образом отразилось сообщение о болезни т. *Ленина* на настроение рабочих, крестьян, коммунистов и др., по городу 2 раза в неделю и по губернии 1 раз в неделю» (Протокол закрытого заседания президиума губкома РКП(б) о мерах по повышению авторитета органов ГПУ 18 марта 1923 г.); «Совершенно но. [...] СЛУШАЛИ: Доклад тов. *Строганова* о мерах, какие необходимо предпринять для удержания

в губернии устойчивого политического положения в связи с болезнью тов. **Ленина** и наступлением весенней поры – обычного времени возрождения белогвардейского движения» (Протокол заседания фракции РКП(б) губисполкома о мерах по стабилизации политической ситуации в губернии в связи с болезнью В.И. Ленина 23 марта 1923 г.)

Имя **Н.И. Бухарина** упоминается в протоколе общего собрания ячейки ВКП(б) при Томском окротделе ОГПУ о правом уклоне в ВКП(б) и Коминтерне 11 ноября 1929 г.: «После выхода “Заметок экономиста” меры к **Бухарину** не были приняты потому, что еще меры воздействия на тов. **Бухарина** по поводу его ошибок не были исчерпаны. Сейчас же, видя, что он свои ошибки не оставляет, будут приняты более крупные меры».

И.В. Сталин упомянут единожды в протоколе заседания бюро ячейки РКП(б) Томского государственного университета о мерах по усилению партийного влияния в вузе 15 мая 1925 г. в связи с его письмом к союзной конференции пролетстуда: «Информационный доклад тов. **Федотова**. Какова политика наша в вузе. Объективной предпосылкой к сегодняшнему вопросу мне хочется сделать письмо тов. **Сталина**, которое он адресовал. (Зачитывается письмо)».

Фамилия **М.И. Калинина** употребляется в контексте, связанном с празднованием в татарском селе религиозного праздника: «Из мечети все пошли в старую школу, сняли портреты, плакаты и лозунги, сложили в кучу, часть плакатов и лозунгов была выброшена, портрет т. **Калинина** был испачкан сажей» (№ 113 Выписка из протокола № 20 общего собрания калтайской ячейки ВКП(б) от 10/X – 26 г. с. Юрт-Калтай).

Итак, «антропонимическая картина» свидетельствует о региональном характере фиксируемых протоколом событий и проблем.

Анализ категории «Топонимы» подтверждает региональный характер, отражаемых в исследуемых документных текстах событий, так как топонимы, упоминаемые в документах, региональные. Это, как правило, названия населенных пунктов или образованные от них относительные прилагательные. В табл. 4 представлены наиболее часто встречающиеся в массиве документов топонимы². Мы выделили номинации территорий и населенных пунктов, не имеющих непосредственного отношения к Томской губернии. Как можно убедиться, это не самые частотные единицы.

Следующая выявленная категория объединяет числовые обозначения годов, упоминаемых в исследуемых протоколах. В данную категорию не были включены обозначения точных дат, так как они, как правило, выполняют в тексте документа функцию собственно документную – фиксацию даты создания протокола. Обозначение года обычно связано с указанием на некоторое событие, случившееся в этом году и значимое для настоящего времени составления протокола. Полученные данные представлены в табл. 5. Как можно видеть, в текстах протоколов чаще упоминаются годы, к которым относятся исследуемые тексты (1920, 1921 и под.), но значимая частота встречаемости отмечается также

для обозначений, выходящих далеко за рамки исследуемого временного периода.

Итак, рассмотренные нами категории и единицы, их формирующие, позволяют сделать вывод о таком значимом свойстве исследуемого документа, как фактографичность. Информация, представленная в текстах референтна, носит реалистичный характер, связана с событиями, происходящими с конкретными людьми (революционные и общественные деятели Томска), в определенной местности (Томская губерния и Томск). Однако временные рамки оговариваемых в текстах документов событий шире, чем временной период, к которому относятся анализируемый массив протоколов. Полагаем, что выявленные параметры вполне могут быть отнесены к такой группе параметров, как собственно документные, связанные с маркированием жанровой и дискурсивной принадлежности текста, с указанием коммуникативно-прагматических параметров коммуникации.

Таблица 4

Топонимы	
Населенный пункт	Частота, %
Томск	0,589
Новониколаевск	0,12
Нарым	0,095
Сибирь	0,08
Колывань	0,07
Анжеро-Судженск	0,06
Варюхино	0,05
Мариинск	0,04
Молчаново	0,035
Москва	0,03
Эушта	0,03
Россия	0,025
Жуково	0,02
Заварзино	0,02
Кривошеино	0,02
Ленинград	0,02
Тайга	0,02
Алтай	0,015
Новосибирск	0,015

Таблица 5

Годы	
Год	Частота, %
1920	0,15
1921	0,09
1918	0,05
1931	0,05
1929	0,04
1930	0,04
1922	0,03
1927	0,02
1886	0,02
1928	0,02
1917	0,02
1919	0,02
1923	0,01
1924	0,01
1912	0,01
1867	0,01
1875	0,01
1880	0,01
1881	0,01
1883	0,01
1885	0,01
1887	0,01
1889	0,01

К этой же группе собственно документных маркеров могут быть отнесены некоторые лексические единицы, номинирующие: тип документа – тип коммуникативной ситуации – *заседание* (0,268%), *собрание* (0,211%), типичные коммуникативные действия – *постановить* (0,413%), *слушать* (0,366%), *принять (решение)* (0,252%), *выполнить* (0,240%), типовые участники коммуникации – *председатель* (0,287%), *член (призидиума, ВКП(б))* (0,255%), *секретарь* (0,154%), типовой локус – *Томск* (0,224%)³. В табл. 1 представлены данные о частотности названных единиц в массиве документов. Полагаем, что такие выявленные особенности, как непоследовательное обозначение места создания документа, разница в упоминании обязательных участников коммуникации (*председатель, секретарь*), связаны с непоследовательным воспроизведением собственно документных параметров, обусловленные ситуацией их становления.

Лексические единицы, не относящиеся к группе собственно документных единиц, можно рассматривать как маркеры историко-культурных параметров данного дискурса. Анализ массива протоколов, представленный в табл. 1, показал, что наиболее частотной в этом аспекте является лексема *работа* и ее производные (0,606%). Контексты показывают, что данная единица, как правило, встречается в значении «общественная / организационная / трудовая деятельность»: «По лесозаготовкам проделана **организационная работа**: уезд разбит на районы во главе с райуполномоченными, волуполномоченными и селуполномоченными» (Протокол совещания заведующих отделами управления уисполкомов губернии об итогах лесозаготовительной кампании и о выборах в местные советы. 28 февраля 1922 г.).

Второй по частотности единицей является лексема *товарищ* (0,391%), маркирующая новые формы социальных отношений. Функционально близка к ней и

лексема *гражданин* (0,237%), употребляемая реже, но все же входящая в число частотных. Отметим, что названные единицы маркируют новую социальную реальность по принципу «свой – чужой», где социально «свой» – это *товарищ*, а социально «чужой» – *гражданин*: «да и вы, **товарищи**, видите сами, где бы ни было восстание, всегда возглавлялось **правыми с.-р.**» (Протокол общего собрания Совета рабочих и солдатских депутатов о положении в г. Томске 9 апреля 1918 г.); «**Постановили: С заключением уземотдела о выселении поименованных **граждан** и предоставлении их домов во временное пользование коммуне “Победа” согласиться**» (Протокол № 24 заседания президиума Томского уисполкома о выселении группы крестьян деревни Алаевой и передаче их домов коммуне «Победа» 8 марта 1921 г.). Частотно значимыми единицами, формирующими историко-культурное содержание дискурса, можно считать следующие (указываем в порядке следования, данные о частотности см. в табл. 1): *разверстка, дело, бедняк, власть, хозяйство, советский, колхоз, крестьяне, хлеб, против, партия, рабочий, арест*. Полагаем, что частотность этих единиц отражает основные события, значимые для общественно-политической жизни губернии. Конечно, эти события происходили не одновременно, и в более детализированном виде их отражают данные количественного анализа текстов за каждый отдельный год. Рассмотрим эти результаты далее.

Динамика лексического состава протоколов позволяет проследить отражение событий каждого года. В приведенной ниже табл. 6 представлен первый десяток частотных единиц в подмассивах текстов протоколов по годам. Как представляется, эти количественные данные достаточно наглядно отражают динамику социальных событий и политических действий новой власти.

Таблица 6

Наиболее частотные единицы в подмассивах документов

1918		1920		1921	
разверстка	0,881	разверстка	1,113	налог	0,677
товарищ	0,812	крестьяне	0,601	гражданин	0,492
советский	0,691	выполнить	0,556	сессия	0,461
Томск	0,673	деревня	0,490	член	0,400
крестьяне	0,501	Томск	0,490	милиция	0,400
хлеб	0,501	волость	0,467	работа	0,369
деревня	0,484	товарищ	0,445	губисполком	0,369
член	0,484	хлеб	0,445	уезд	0,369
1920	0,466	советский	0,378	обвинение	0,338
арест	0,466	скот	0,356	дело	0,338
1922		1923		1924	
партия	1,117	партия	1,331	церковь	4,511
налог	0,924	ГПУ	1,082	копи	4,135
убийство	0,770	ссылные	0,749	анжерские	3,383
социалист-революционер	0,770	говорить	0,666	закрывать	3,383
приказ	0,539	место	0,582	рабочие	1,504
революция	0,462	необходимость	0,582	исполком	1,504
дать	0,462	работа	0,582	верующие	1,504
борьба	0,424	попы	0,582	пионеры	1,128
доклад	0,424	меры	0,582	клуб	1,128
работа	0,424	крещение	0,582	требование	1,128

1925	
партия	1,839
комсомол	1,199
профессура	0,959
товарищ	0,879
год	0,799
работа	0,719
университет	0,639
уком	0,560
район	0,560
ссылные	0,480

1927	
научный	1,107
работник	0,984
власть	0,984
советская	0,861
вопрос	0,615
отношение	0,615
газета	0,615
мулла	0,615
иметь	0,492
институт	0,492

1928	
советский	1,312
работа	1,078
стаж	0,937
уволить	0,750
относится	0,609
иметь	0,586
время	0,516
дело	0,492
политика	0,469
враждебный	0,469

1929	
партия	1,639
работа	1,203
чистка	1,152
вопрос	0,640
товарищ	0,538
аппарат	0,512
лишенцы	0,461
права	0,461
ячейка	0,461
советская	0,435

1930	
кулак	1,387
хозяйство	0,890
батрак	0,838
район	0,812
работа	0,681
труд	0,628
сельский	0,628
партия	0,524
РИК	0,471
выселение	0,393

1931	
колхоз	1,030
кулак	0,931
хозяйство	0,892
беднота	0,812
средняк	0,773
работать	0,575
говорить	0,535
держать	0,456
батрак	0,416
хлеб	0,396

1932	
обязать	1,342
зерносовхоз	1,174
хлебоуборочная	1,007
командируемый	1,007
товарищ	1,007
обеспечить	0,839
зарплаты	0,839
организация	0,839
выполнение	0,671
выделить	0,671

1933	
политика	1,248
государство	1,092
организация	0,936
крестьянство	0,780
завершение	0,624
соввласть	0,624
коллективизация	0,624
вооруженный	0,624
население	0,624
народнический	0,624

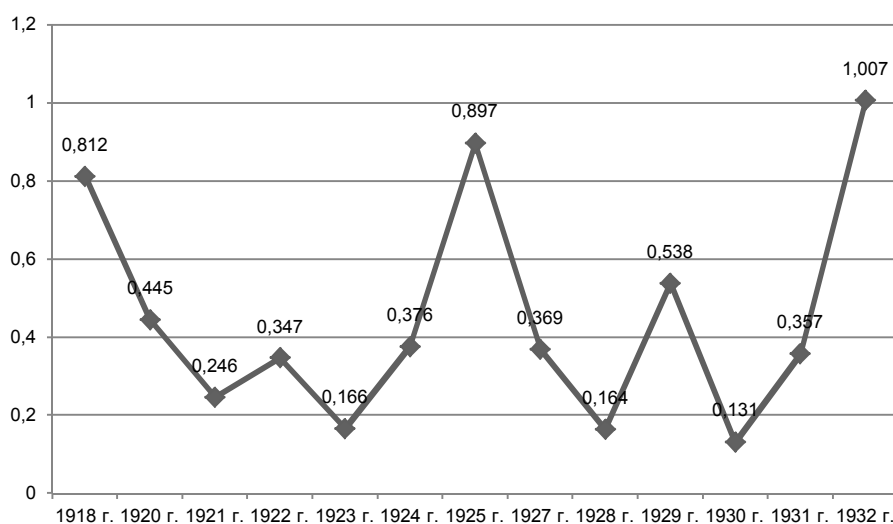

Рис. 1. Распределение лексемы *товарищ* в массиве протоколов, % от общего количества словоформ

Итак, как можно убедиться, наиболее частотные лексические единицы отражают политические тенденции и проблемы, решаемые местными органами власти в соответствии с общегосударственным курсом: в 1918–1920 гг. одной из главных обсуждаемых

проблем является продовольственная *разверстка* – задача изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьянского населения. В 1921 г. ее сменяет налог, связанный с новой экономической политикой. 1922–1925 – годы партийного строительства и укрепления

РКП(б) в качестве ведущей политической силы, в 1922 г. ее руководителем становится И.В. Сталин. В эти же годы решается вопрос о статусе религиозных институтов и учреждений: православной и мусульманской конфессии в случае с Томской губернией. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) принимается решение о коллективизации. 1929 г. связан с таким социально-политическим явлением, как *чистка* – проверка членов коммунистической партии и государственных служащих на соответствие предъявляемым требованиям, касающимся, в частности, социального происхождения. В текстах 1930–1933 гг. появляется лексика, связанная с коллективизацией сельского хозяйства – образованием *колхозов* и *раскулачиванием* крестьянства.

Таким образом, лексическая организация протоколов определенных лет отражает корреляцию региональных и общегосударственных социально-политических процессов. При этом можно говорить о наличии «сквозных» лексических единиц, актуальных для всего документного массива. К таковым относится, например, лексема *товарищ*, которая, с одной стороны, встречается во всем корпусе исследуемых документов, с другой – в разные годы частота ее различна (см. рис. 1).

Выводы

Итак, подводя итоги, можно говорить о том, что протокол как документный жанр в полной мере выполняет «свидетельскую» функцию, отражая социальный контекст, в котором он создается.

Анализ количественных параметров лексической организации позволяет установить, что корпус протоколов заседаний различных органов власти Томской губернии 1918–1933 гг. отвечает требованиям к документному дискурсу в целом:

– наиболее частотны в текстах собственно документные маркеры в соответствии с требованием фактографичности: антропонимы, топонимы и обозначение дат;

– аналогичным образом тексты соответствуют и требованию унифицированности языковой структуры протокола – наиболее частотные лексические единицы, номинирующие тип документа, тип коммуникативной ситуации, типичные коммуникативные действия, типовых участников коммуникации и типовой локус.

Таким образом, исследуемые тексты относятся к сфере институциональной коммуникации. Вместе с тем выявленные параметры обнаруживают влияние социального окружения, общественно-политических событий, и эти показатели могут быть отнесены к группе историко-культурных параметров исследуемого дискурса:

– в текстах протоколов доминируют мужские имена, что свидетельствует об очевидном гендерном дисбалансе в обществе исследуемого периода;

– количественный анализ фамилий, функционирующих в исследуемом массиве протоколов, позволяет определить, что наиболее частотными являются фамилии социально-политических деятелей, значимых для данного региона;

– наиболее частотные лексические единицы массива отражают основные события, важные для общественно-политической жизни губернии;

– оценка динамики лексического состава протоколов по годам позволяет выявить корреляцию между политическими и социальными процессами общегосударственного и регионального характера;

– анализ позволил выявить лексические единицы, маркирующие установление нового типа социальных отношений и, в конечном итоге, обозначающие границы временного периода развития документного дискурса в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области. URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (дата обращения: 17.11.2017).

² Отметим сразу, что в данную категорию не включались словоформы лексемы *Томск* в именительном падеже, так как анализ контекстов показал, что эта грамматическая форма употребляется, как правило, в функции собственно документной – при номинации места составления документа, подобные маркеры посчитывались отдельно. В эту категорию включены случаи употребления данной лексемы в информационной части протокола.

³ Здесь зафиксирована частота словоформы «Томск», фигурирующей в собственно документной части протокола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Е.Б. Документный дискурс – «нелюбимый ребёнок» русской лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1 (24). С. 40–43.
2. Ларьков Н.С. Документоведение : учеб. пособие. Томск : Изд-во ТГУ, 2006. 427 с.
3. Кушнерук С.П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либерея-Библиоформ, 2009. 192 с.
4. Рогожникова Т.П. История документной лингвистики : учеб. пособие. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. 84 с.
5. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Сериио; предисл. Ю.С. Степанова. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
6. Орлова Н.В. Дискурсивные детерминанты порождения документного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8, № 1. С. 156–163.
7. Орлова Н.В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 184–192.
8. Орлова Н.В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 188–193.
9. Мишанкина Н.А. Рожнева Ж.А. Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ) // Гуманитарная информатика : сб. ст. / под ред. Г.В. Можяевой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 1. С. 97–102.

10. Горбань О.А. Особенности выражения субъекта текста в региональных документах XVIII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 356–360.
11. Батырева Л.П. О языке шуйских деловых документов 20–30-х гг. XX в. (протокол одного собрания) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 52–56.
12. Харченко В.К. Язык революции в документах и материалах Петроградского военно-революционного комитета // Селищевские чтения : матер. Междунар. науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец, 2005.
13. Рогожников Т.П. Из истории документной лингвистики: отчет рубежа XIX–XX веков // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010. Вып. 8. С. 357–363.
14. Черныш О.А. Отражение исторического контекста в структуре и содержании текста документа (на материале текстов протоколов 1917–1933 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 143–147.
15. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стереотип. М. : УРСС, 2003. 247 с.
16. Скворцов Л.И. О языке первых лет Октября // Русская речь. 1987. № 5. С. 9–18.
17. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Исторические процессы в лексике русского языка и в семантической структуре слова (на материале региональной прессы 20–30-х годов XX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 128–132.
18. Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235), вып. 30. С. 21–28.
19. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин : Русское универсально издательство, 1923. 72 с.
20. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2007. 240 с.
21. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1974. 352 с.
22. Шанский Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка : пособие для студентов-заочников. М. : Учпедгиз, 1957. 168 с.
23. Организация работы с документами : учебник / под ред. проф. В.А. Кудряева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2002. 592 с.
24. Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. 80 с.
25. Broom L., Reece S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
26. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Корона Эдиториал УРСС, 2001. С. 252–281.
27. Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник ТГУ. Сер. «Литературоведение и языкознание». 2007. № 294. С. 52–61.
28. Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации Интернет-сообществ) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 78–98. DOI: 10.17223/18572685/48/7

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июня 2018 г.

LEXICAL ORGANIZATION OF THE RECORD IN A DISCURSIVE ASPECT (ON THE BASIS OF RECORDS OF 1918–1933)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 30–39.

DOI: 10.17223/15617793/434/4

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Olga A. Chernysh, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshoa@tpu.ru

Keywords: document discourse; record; lexical organization of discourse; discursive parameters; content analysis; historical and cultural context.

The aim of the work is to reveal the quantitative characteristics of the lexical organization of the text of the record in the aspect of reflecting historical events that took place in Tomsk in the post-revolutionary period (1918–1933). Despite its significant role in providing of official communications, the documentary text has occupied attention of linguists since not so long ago. As part of traditional research directions, functional classification of texts has been carried out, general design parameters have been revealed, basic properties have been described. At the same time, texts show tendencies that are contrary to the properties described, which has prompted the emergence of new research projects within the framework of discursive and cognitive directions. In this connection, a special interest is the study of documentary discourse in the historical aspect, since works in this direction are few. Discourse analysis is accepted as the leading methodological approach in the work. The main method is automated content analysis, which allowed to reveal the quantitative aspect of the lexical organization of documents. The material of the analysis is an array of texts of records / extracts from records from the collections of documents of the State Archive of Tomsk Oblast (subseries “People and Power”) from 1918 to 1933, which includes 126 documents. The total number of word forms in these documents is more than 40,000. The research revealed that the record, as a documentary genre, fully fulfills the “witness” function, reflecting the social context in which it is created. The analysis of quantitative parameters established that the array of records of meetings of various authorities of Tomsk Province dated by 1918–1933 meets the requirements for documentary discourse in general: (1) the most frequent are document markers in accordance with the requirement of factography: anthroponyms, toponyms and the designation of dates; (2) the texts correspond to the requirement of unification – the most frequent are lexical units denoting the type of document, situations, typical communicative actions, typical participants and locus. In other words, the texts under study refer to the sphere of institutional communication. However, the revealed parameters show the influence of the social context: (1) male names dominate in the texts, which indicates an obvious gender imbalance in the society of the period under study; (2) surnames that function in the texts of the records allow to identify socially and politically important figures relevant to the region; (3) the most frequent lexical units reflect the main events that are significant for the social and political life of the province; (4) estimation of the dynamics of the vocabulary of the records arranged by years allows to identify the relationship between political and social processes of national and regional nature; 5) lexical units have been revealed that mark the establishment of a new type of social relations and, ultimately, denote the boundaries of the time period for the development of documentary discourse as a whole.

REFERENCES

1. Bogatova, E.B. (2013) Dokumentnyy diskurs – “nelyubimiy rebenok” russkoy lingvistiki [Document discourse – an “unloved child” of Russian linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*. 6–1(24). pp. 40–43.
2. Lar'kov, N.S. (2006) *Dokumentovedenie* [Records management]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Kushneruk, S.P. (2009) *Sovremennyy dokumentnyy tekst: sozдание i issledovanie* [Modern document text: creation and research]. Moscow: Libereya-Bibinform.
4. Rogozhnikova, T.P. (2016) *Istoriya dokumentnoy lingvistiki* [History of document linguistics]. Omsk: Omsk State University.
5. Seriot, P. (ed.) (1999) *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola diskurs-analiza* [Quadrature of sense: French school of discourse analysis]. Moscow: Progress.
6. Orlova, N.V. (2013) Diskursivnye determinanty porozhdeniya dokumentnogo teksta [Discursive determinants of document generation]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti – Theoretical and Applied Aspects of Speech Activity Study*. 1. pp. 156–163.
7. Orlova, N.V. (2014a) Dostupnost' sovremennogo ofitsial'no-delovogo dokumenta: lingvopragmaticheskie aspekty [Accessibility of a contemporary official document: linguopragmatic aspects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 3 (19). pp. 184–192.
8. Orlova, N.V. (2014b) Modalnost' i tonalnost' sovremennykh dokumentov s predpisyvayushchey funktsiei [Modality and tonality of contemporary documents with prescriptive function]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4 (74). pp. 188–193.
9. Mishankina, N.A. & Rozhneva, Zh.A. (2004) Yuridicheskiy diskurs kak otrazhenie istoricheskikh i mental'nykh protsessov (istoriko-lingvisticheskiy analiz) [Juridical discourse as reflection of historical and mental processes (historical and linguistic analysis)]. *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian Informatics*. 1. pp. 97–102.
10. Gorban', O.A. (2015) Osobennosti vyrazheniya sub'ekta teksta v regional'nykh dokumentakh XVIII veka [Expression of the subject of the text in the regional documents of the 18th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2–2. pp. 356–360.
11. Batyeva, L.P. (2008) O yazyke shuyskikh delovykh dokumentov 20–30kh godov XX veka (protokol odnogo sobraniya) [About the language of Shuya administration documents of the 1920s–1930s (record of one meeting)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya humanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University*. 1. pp. 52–56.
12. Kharchenko, V.K. (2005) [The language of the Revolution in the documents and materials of the Petrograd Military Revolutionary Committee]. *Selishchevskie chteniya* [Selishchev Readings]. Proceedings of the International Conference on the 120th anniversary of birth of A.M. Selishchev. Elets: Elets State University. (In Russian).
13. Rogozhnikova, T.P. (2010) Iz istorii dokumentnoy lingvistiki: otchet rubezha XIX–XX vekov [From the history of document linguistics: a report of the turn of the 20th century]. *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy almanakh stavropolskogo otdeleniya RALK*. 8. pp. 357–363.
14. Chernysh, O.A. (2018) Reflection of the historical context in the structure and content of the text (on the basis of the records dated by 1917–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (191). pp. 143–147. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147
15. Selishchev, A.M. (2003) *Yazyk revoliutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary epoch. Based on observation of the Russian language]. Moscow: URSS.
16. Skvortsov, L.I. (1987) O yazyke pervykh let Okt'yabrya [About the language of the first years of October]. *Russkaya rech*. 5. pp. 9–18.
17. Logunova, N.V. & Mazitova, L.L. (2013) Istoricheskie protsessy v leksike russkogo yazyka i v semanticheskoy strukture slova (na materiale regional'noy pressy 20-kh – 30-kh godov 20 veka) [Historical processes in the vocabulary of the Russian language and in the semantic structure of the word (on the material of the regional press of the 1920s–1930s)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6(2). pp. 128–132.
18. Shipitsina, G.M. & Mamonova, Yu.O. (2016) Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovet'skogo perioda [General view of the lexicon of the Russian language of the Soviet period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 14 (235). pp. 21–28.
19. Kartsevskiy, S.I. (1923) *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, war and revolution]. Berlin: Russkoe universal'noe izdatel'stvo.
20. Krysin, L.P. (2007) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazeologiya* [Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow: Akademiya.
21. Ozhegov, S.I. (1974) *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
22. Shanskiy, N.M. (1957) *Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Vocabulary and phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
23. Kudryaev, V.A. (2002) *Organizatsiya raboty s dokumentami* [Organization of work with documents]. Moscow: INFRA-M.
24. Yankovaya, V.F. (ed.) (1974) *Kratkiy slovar vidov i raznovidnostey dokumentov* [Concise dictionary of document types and varieties]. Moscow: Glavarkhiv VNIIDAD.
25. Broom, L. & Reece, S. (1995) Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. 19(1). pp. 5–19.
26. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Korona Editorial URSS.
27. Mozhaeva, G.V. & Mishankina, N.A. (2007) Content analysis of historiographical source (revisiting the interdisciplinarity of linguistic methods). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 52–61. (In Russian).
28. Mishankina, N.A. & Zil'berman, N.N. (2017) East Slavic languages in the reflexion of a naive native speaker (content-analytical study of the social networks communication). *Rusin*. 2 (48). pp. 78–98. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/7

Received: 11 June 2018

Дж. Помаролли

КОНЦЕПЦИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда
в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном
пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.).*

Рассмотрены принципы составления сопоставительного словаря образной лексики и фразеологии русского и итальянского языков, метафорически воплощающей в своей семантике представления о различных явлениях пищевой сферы. Обсуждаются функции словаря, его место в словарной типологии и принцип организации языкового материала. Характеризуются объект, предмет, макро- и микроструктура сопоставительного словаря. Предлагается образец словарного описания лексико-фразеологического гнезда с вершинами рус. ЗЕРНО и итал. GRANO.

Ключевые слова: пищевая метафора; лингвокультурологический словарь; сопоставительная лексикография; лексико-фразеологическое гнездо; русский язык; итальянский язык.

Введение

Изучение пищевого (гастрономического, кулинарного, глоттонического) кода культуры является актуальным и плодотворно развивающимся направлением современной российской лингвистики (С.А. Арутюнов, А.Н. Афонина, А.В. Балдова, Т.Б. Банкова, М.В. Добровольская, Е.В. Капелюшник, М.Л. Ковшова, Е.А. Юрина и мн. др.). Большое количество работ, посвященных этой теме, объясняется тем, что кулинария в качестве одной из первостепенных и значимых областей жизни человека представляет собой богатейший источник активного метафорического миромоделирования и, более широко, имеет мощный структурообразующий потенциал по отношению к культуре мировых сообществ. В трудах, выполненных на материале различных европейских языков, доказывалось, что метафора еды является продуктивным механизмом смыслопорождения во многих языках мира и активно используется в современных дискурсивных практиках. В сопоставительном аспекте пищевая метафора изучалась на материале русского и английского [1], русского и французского [2], русского и итальянского [3, 4], русского, английского и немецкого [5], русского, английского и итальянского [6, 7] языков.

Целью данной статьи является разработка способов лексикографической презентации опыта сопоставительного исследования пищевой метафоры в образном строе русского и итальянского языков и ее речевого функционирования. Эта цель обусловлена необходимостью осмысления и решения ряда проблем, связанных с концептуальной и практической организацией языкового материала в модели двуязычного лингвокультурологического словаря. Таким образом, задачи, конкретизирующие цель статьи, состоят в следующем: 1) определение функции словаря и его места в словарной типологии; 2) выявление объекта и предмета лексикографирования; 3) установление макро- и микроструктуры словаря. Анализ сопровождается примерами из русского и итальянского языков, приводятся образцы словарных статей.

Настоящее исследование проведено на основе двух ценных лексикографических работ, которые поз-

волили решить, каждая в свою очередь, различные проблемные вопросы и задачи. Первым справочным источником служит «Словарь русской пищевой метафоры» (далее – «Словарь РПМ») [8, 9], который представляет собой первый опыт лексикографического описания образных слов и выражений с мотивирующей кулинарной семантикой на материале русского языка. Первый том этого словаря «Блюда и продукты питания» был опубликован в 2015 г., второй том «Гастрономическая деятельность» – в 2017 г. Представленные в «Словаре РПМ» материалы послужили ресурсом для систематизации языковых данных в русской части нашего двуязычного сопоставительного словаря. Вторым источником – это «Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц (на материале русского, казахского языков)» под редакцией проф. А.Д. Жакуповой [10], который предлагает модель организации языкового материала в форме двуязычного лингвокультурологического словаря. Эти публикации демонстрируют достижения томской лингвистической школы в области словарного описания русской пищевой метафоры (под руководством Е.А. Юриной) и мотивированной лексики с учетом осознания мотивационных связей слов носителями языка (под руководством О.И. Блиновой).

Современная лексикография в свете лингвокультурологии

Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании и развитие лингвокультурологии как научной дисциплины привели к возникновению новой тенденции российской лексикографии, ориентирующей на описание языковых единиц с учетом их способности выражать культурное содержание. В ряду самых репрезентативных исследований этой области следует назвать труды по собственно лингвокультурологической лексикографии (Д.В. Гудков, В.В. Красных, Л.К. Муллағалиева, З.К. Сабитова и др.), когнитивно-ориентированной системной лексикографии (Ю.Д. Апресян и др.), идеографической лексикографии (Л.Г. Бабенко и др.), «концептографии» и лингвоконцептологии (Л.Г. Бабенко, В.И. Карасик,

И.А. Стернин, Ю.А. Степанов и др.), лингвострановедческой лексикографии (В.М. Мокиенко, В.В. Морковкин и др.), лингвокультурологической фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.), лексикографированию дискурсивной метафоры (Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов и др.) и фигуративной лексикографии (О.И. Блинова, Е.А. Юрина и др.).

В контексте идей лингвокультурологии вырабатывалась новая концепция словаростроения, которая естественно повлекла за собой появление нового типа словаря, стремящегося к описанию и систематизации не только языка, но и связанной с ним культуры. Это словарь лингвокультурологического типа, который Т.В. Евсюкова называет «словарь культуры» [11. С. 270]. Феномены культуры описываются в таком словаре посредством изъяснения семантики лексических единиц. В отличие от словарей энциклопедического и толкового типа, выполняющих преимущественно нормативную функцию, лингвокультурологический словарь выполняет фиксирующую и ориентирующую функции. Его цель – «описать не то что «следует знать», а то, что реально знает представитель <...> лингвокультурного сообщества» [12. С. 9].

Принципы презентации и структурирования языкового материала в лингвокультурологическом словаре можно охарактеризовать следующим образом:

1. Совокупность представленных языковых единиц состоит исключительно из слов и / или выражений, которые помимо лингвистического содержания несут культурную информацию: содержат культурно-специфический компонент (Е.М. Верещагин, В.Г. Костромаров), фоновые знания (Ю.А. Сорокин), культурную коннотацию (В.Н. Телия), культурную семантику (Н.И. Толстой). Следовательно, состав лингвокультурологического словаря значительно меньше по объему, чем состав словарей регулятивного типа.

2. Единицы описаны не изолированно, а во взаимосвязи, в силу идеи о том, что «словарь должен показать, что лексическая система языка не замкнута в лексике, она определяется причинно-следственными связями с морфологией, синтаксисом и коммуникативно-речевыми свойствами категорий, разрядов, групп, к которым принадлежат лексические единицы» [13. С. 86].

3. В словаре показывается реальное дискурсивное функционирование языковых единиц с целью представить языковую способность и компетенцию носителя языка.

К этому новому типу лексикографических изданий относятся также сопоставительные лингвокультурологические словари. Прежде чем представить их характеристику, необходимо внести одно терминологическое уточнение. Существуют две дисциплины, связанные со сравнительным описанием двух или нескольких языков – «сравнительное языкознание (компаративистика) и сопоставительное языкознание (контрастивистика)» [14. С. 5]. Разграничивая эти два подхода по отношению к двуязычным и многоязычным словарям, можно выделить два направления в лексикографическом описании разных языков: сравнительная (компаративная) лексикография и сопоста-

вительная (контрастивная) лексикография. В отличие от сравнительной лексикографии, занимающейся сравнением лексики родственных языков в диахронической перспективе, контрастивная лексикография сопоставляет лексику двух или более языков независимо от степени их родства в синхронической перспективе.

Исходя из этого, сопоставительную лексикографию можно определить, используя слова И.А. Стернина, как «направление, развивающееся на базе контрастивной лингвистики, имеющее целью разработать принципы контрастивного изучения и описания лексики и фразеологии и создания учебных двуязычных [или многоязычных. – *Дж.П.*] словарей, удобных для обучения языку, для использования в учебном процессе» [15. С. 5]. В силу новых импульсов для развития преподавания иностранных языков, с одной стороны, и обновления практики преподавания русского языка иностранцам в свете бинома «язык – культура» (лингвострановедческий аспект), с другой, в последнее время наблюдается рост интереса к исследованиям, посвященным лексикографическому описанию русского языка в сопоставительном аспекте. Параллельно с обновлением лексикографической науки в свете лингвокультурологического подхода возникло новое понимание дву- и многоязычного словаря. Оно ориентировано не только на лексикографирование языковых данных, но и на презентацию внеязыковой информации в более широких рамках соответствующих культур. Эта информация включается в словарь в форме иллюстраций различных видов использования лексических единиц в характерных контекстах и ситуациях, передается посредством комментариев культурологического характера, которые представляют историю и символическую роль называемого словом или выражением понятия.

В следующем параграфе представим опыт составления сопоставительного лингвокультурологического словаря, применяемый при описании пищевой метафоры русского и итальянского языков.

Сопоставительный лингвокультурологический словарь пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков

Функция словаря и его место в типологии сопоставительных словарей

В своей книге «Лексикография русского языка» В.В. Дубичинский выделяет два типа сопоставительных словарей: монофункциональные и би-, три-, полифункциональные словари [13. С. 99–100]. К монофункциональным словарям относятся те, которые созданы для описания одного языка посредством другого; они составлены на одном языке, который получает название «выходной язык» или «язык эталон», или, в терминах переводоведения, «язык цель» («target language»). Выходной язык совпадает с языком адресата словаря и переводит заголовочные единицы, которые представлены на «входном языке», или «языке источнике» («source language»). Напротив, полифункциональные словари таковы, что их объект исследования составляют языковые единицы всех

представляемых языков. Например, в бифункциональном словаре найдутся параллельные переводы языковых единиц на оба языка, двуязычные толкования, комментарии и алфавитные указатели. Применяя данную классификацию к нашему словарю, мы видим, что он имеет элементы и монофункционального и бифункционального словаря. Действительно, в нем используется русский язык в качестве выходного языка, на фоне которого описывается итальянский язык, т.е. входной язык представлен в соответствии со словарем монофункционального типа. Однако словарь стремится к описанию языковых единиц не исключительно языка цели (итальянского языка), но и языка эталона (русского языка), что приближает его к бифункциональному словарю. В отличие от бифункционального словаря, наш русско-итальянский словарь не представляет параллельных переводов заголовочных единиц и контекстов употребления – переводы реализуются в нем лишь на выходном языке. В нем также отсутствуют двуязычные комментарии и двуязычные алфавитные указатели. Они, как и переводы элементов словарных статей, проведены только на выходном языке.

Таким образом, наш словарь выполняет гибридную функцию. Его адресатов можно идентифицировать и в лице русского пользователя, желающего ознакомиться с итальянским языком (в том числе с языковыми метафорами, фразеологией и паремией), выражающими пищевой код культуры и кулинарные образы), или, наоборот, в лице итальянского пользователя, изучающего русский язык и русскую культуру.

В соответствии с целью нашего сопоставительного лингвокультурологического словаря, стремящегося к описанию фрагмента образной системы, ограниченного метафоризацией пищевой сферы в русском и итальянском языках, расположение материала осуществляется по идеографическому (тематическому) и гнездовому принципам. Идеографические словари представляют собой относительно молодое явление в рамках российской лексикографии. Они отличаются от других типов словарей тем, что описывают «смысловые отношения слов языка, расположенные подобно тому, как организована экстралингвистическая действительность, в виде многоярусной структуры. Единицей <...> служит не отдельное слово, а определенное семантическое поле» [13. С. 81]. В частности, в нашем словаре рассматривается лексико-семантическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках. Словарь включает рубрики, соответствующие типологии пищевых продуктов, наименования которых метафоризируются и употребляются в образных значениях. Внутри каждой рубрики материал располагается по гнездовому принципу: все семантические и словообразовательные производные, мотивированные одним исходным словом, а также фразеологизмы с этим опорным словом, размещаются на одном текстовом пространстве словаря. Подобное текстовое пространство мы понимаем под термином «лексико-фразеологического гнездо», вершиной которого выступают исходные непродуцированные и лексически не мотивированные наименования, как, например, рус. **ЗЕРНО** или итал. **GRANO** (см. ниже).

Объект словаря

Лексикографический объект словаря составляют языковые метафоры, собственно образные слова, двухкомпонентные образные номинации, устойчивые сравнения, фразеологические единицы, пословицы, поговорки, прецедентные слова и выражения, вербализирующие кулинарные образы в русском и итальянском языках. Толкование данных языковых единиц сопровождается контекстами, демонстрирующими речевое функционирование пищевых образов.

Единицы описания и источники

Вслед за классификацией, разработанной исследователями томской лингвистической школы в «Словаре РПМ» [8. С. 10–12], были определены границы описываемого языкового материала. В двуязычный лингвокультурологический словарь включаются: (1) Языковые метафоры (ЯМ) – лексико-семантические варианты слова с переносными метафорическими значениями: *персик* ‘молодая привлекательная девушка’, *пончик* ‘полный человек’, *pasticcio* «запеканка» ‘неприятность, неразбериха’, *crema* «крем» ‘самая лучшая часть чего-л.’; (2) Собственные образные слова (СО), т.е. производные слова, которые сохраняют метафоричность в своих исходных значениях: *хлебосольность* ‘щедрость’, *нахлебник* и *mangiapane (a ufo)* «хлебоед» ‘человек, живущий за чужой счет’, *pasticcione* «большая запеканка» ‘путаник’; (3) Двухкомпонентные образные номинации (ОН), т.е. раздельно оформленные номинативные единицы, функционирующие как единое слово: *глазное яблоко* ‘анатомический термин, называющий глаз’, *банановая республика* и *repubblica delle banane* ‘страна, характеризующая ресурсным типом экономики и политической нестабильностью’, *farina di ossa* «костная мука» ‘порошкообразный продукт переработки костей домашних животных, напоминающий по виду муку и используемый для скота и удобрения для растений’; (4) Устойчивые образные сравнения (В сравн.), т.е. сравнения с компаративным элементом *как / come* – или, исключительно в русском языке, обороты с существительным в родительном падеже (*цвета топленого молока* ‘светло-коричневый’) или в творительном падеже (*калачом* ‘округлой формы’), например: *как свёкла* ‘о красном лице или коже человека’, *как тыква* ‘о голове человека’, *come il latte* «как молоко» ‘о чем-л. белого цвета’, *(magro) come uno stoccafisso* «(худой) как вобла» ‘о худом человеке’; (5) Образные фразеологические единицы (ФЕ), т.е. устойчивые выражения, общий смысл которых не сводится к буквальному значению высказывания: *развешивать клюкву* ‘вводить в заблуждение, обманывать’, *откусить / отщипнуть кусок от пирога* ‘в ситуации конкуренции получить часть чего-л. ценного, выгодного’, *avere gli occhi foderati di prosciutto* «иметь побитые ветчиной глаза» ‘закрывать глаза на что-л., не видеть или не желать видеть чего-л.’, *essere una pasta d'uomo* «быть тестом человека» ‘о добром человеке’; (6) Пословицы (Посл.): *яблоко от яблони недалеко падает* ‘дети наследуют характерные черты

своих родителей', *обжѣгши^{сь} на молоке и на воду дует* 'о человеке, который стал очень осторожным из-за прежних ошибок и неудач и переносит старый опыт на новые ситуации', *chi ha i denti non ha il pane e chi ha il pane non ha i denti* «у кого есть зубы, у того нет хлеба, а у кого есть хлеб, у того нет зубов» 'ничто в этом мире не совершенно', *chi dorme non piglia pesci* «кто спит, тот не поймает рыбы» 'тот, кто ничего не делает, не добьется желаемого'; (7) Поговорки (Погов.): *(пустишь) козла в огород капусту охранять / сторожить / стеречь* 'допустить кого-л. к объекту его корыстных интересов, поставив под угрозу собственные', *вашими устами да мёд пить* 'хорошо, если бы случилось так, как вы говорите', *la farina del diavolo va tutta in crusca* «мука черта становится отрубями» 'то, что получено нечестным путем, принесет только вред', *non tutte le ciambelle riescono col buco* «не всякий бублик выходит с дыркой» 'не все получается так, как хочется'; (8) Прецедентные выражения (Прец.), т.е. образные слова и выражения, основанные на литературных и текстовых источниках; например, выражение *хлеба и зрелищ!* и *pane e circensi!* принадлежит древнеримскому поэту Ювеналу, описывающему духовную нищету римского плебса, у которого остались только два устремления – развлечение (зрелища) и пропитание (хлеб). Оно получило широкое распространение также и в русском языке и обозначает низменные потребности толпы.

Источником для составления русского словника послужил «Словарь русской пищевой метафоры»; источником итальянского материала – электронные версии словарей «Vocabolario della lingua italiana Treccani» [16] и «Dizionario della lingua italiana De Mauro» [17].

Иллюстрации употребления лексико-фразеологических единиц и источники контекстов

Мы уже обсудили, что в словарях лингвокультурологического типа языковые данные сопровождаются фрагментами речи, для того чтобы проиллюстрировать реальное функционирование единиц в разных типах дискурса (художественного, публицистического и др.). Ввиду этого, описание заглавного слова или выражения в нашем словаре включает иллюстрацию его употребления в характерных контекстах и ситуациях. Например: **КАША. ЯМ.** 2. Путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений. – *Неодобр.* – *Право в XX в. как в теории, так и на практике все меньше воспринимается как связанное целое, свод, организм, corpus juris и все больше как мешанина, каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими «приемами», «техникой»* (Ю. Кузнецов. Распутать весь клубок); **PAGNOTTA. ЯМ.** «Булка». Необходимый для выживания заработок. – *È proprio vero che il mondo si divide in due emisferi separati e poco comunicanti, quelli che fanno il loro dovere, rigano dritti, si sudano la pagnotta, e quelli che se ne sbattono* (P. Echaurren. Ramones. Cretin Hop). Действительно верно то, что мир делится на два отдельных и мало сообщающихся полушария: те которые выполняют

свой долг, честно работают и трудятся [букв.: зарабатывают булку в поте лба] и те, которым на все наплевать; **ВПИТАТЬ С МОЛОКОМ МАТЕРИ** что-л. **ФЕ.** Усвоить с самых ранних лет. – *Вместо европейских королей, с молоком матери впитавших понятие о статусе свободного человека, были татарские ханы, старательно унижавшие пресмыкающихся перед ними князей и бояр* («Наука и жизнь»); **NON TUTTE LE CIAMBELLE RIESCONO COL BUCO.** **Погов.** «Не всякий бублик выходит с дыркой». *Не все получается так, как хочется.* – *Lavori di suo e bisognando sciupi dei blocchi di marmo, ché tutte le ciambelle non riescono col buco, ma con suo ingegno, se lo mantiene veramente libero di tutti, non potrà fallire* (G. Giusti. Epistolario). Работы Дюпре требуют траты больших глыб мрамора, и не всякая попытка увенчивается удачей [букв.: не всякий бублик выходит с дыркой], но с его талантом, если он будет работать независимо от чужих влияний, он не сможет не добиться цели.

Источником иллюстративного материала на русском языке послужил «Словарь РПМ», который представляет масштабный объем контекстов за счет использования «Национального корпуса русского языка» [18]; что касается итальянского языка, источниками являлись корпус итальянского языка «La Repubblica» Corpus [19] и «Италийско-русский фразеологический словарь» [20].

Предмет словаря

Концептуальная теория метафоры постулирует, что чувственно-образное выражение идей в языке служит не только задачам украшения речи, а является одним из основных способов мышления человека. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуального мира человека» [21. С. 27]. Это значит, что метафора реализуется не только в языке, но и в мышлении, точнее говоря, она используется в языке, поскольку она уже присутствует в мышлении. Метафорические модели представляют собой ментальные схемы, по которым осуществляется концептуализация познаваемых феноменов из сферы-мишени по аналогии с известными феноменами из сферы-источника.

Таким образом, наш сопоставительный анализ в конечном итоге стремится к описанию сходств и отличий в образных представлениях русской и итальянской лингвокультур, отражающих метафорические переносы кулинарных образов на различные явления окружающего мира. Образные представления мы понимаем как «реализованные в семантике языковых и дискурсивных единиц устойчивые аналогии между разнородными явлениями действительности, имеющие номинативную и аксиологическую значимость для определенной лингвокультуры» [22. С. 29]. В словаре образных слов каждого лексико-фразеологического гнезда в каждом из сопоставляемых языков, представляются в разделе «Лингвокультурологический комментарий».

Таким образом, предмет словаря составляют выявленные в пределах метафоризации исходной сферы

«Еда» сходства и различия образных систем русского и итальянского языков, которые обусловлены единством или своеобразием реализации пищевого кода культуры в рассматриваемых лингвокультурных сообществах.

Макроструктура и микроструктура словаря

Вслед за опытом систематизации языкового материала, разработанной исследователями-составителями «Словаря РПМ» в первом томе, и с учетом русской и итальянской пищевых традиций, наш словарь состоит из следующих рубрик: (1) Продукты растительного происхождения: (а) Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия, (б) Фрукты, ягоды и орехи, (в) Овощи и грибы; (2) Продукты животного происхождения: (а) Молочные продукты, (б) Яйцо, (в) Мясные продукты и блюда, (г) Рыбные продукты и блюда; (3) Кулинарные блюда и изделия: (а) Закуски и гарниры; (б) Супы и первые блюда; (в) Сладости, (в) Напитки, (г) Приправы и специи, (д) Части кулинарных изделий, (е) Остатки пищи. Внутри каждой рубрики словарные статьи сгруппированы в лексико-фразеологические гнезда, расположенные в двух столбцах, соответствующих анализируемым нами языкам: в левом столбце даны словарные статьи на русском языке, а в правом столбце представляются статьи на итальянском языке. Расположение гнезд производится в порядке русского алфавита, в то время как словарные статьи в каждом столбце выдаются в алфавитном порядке соответствующего языка.

Языковой материал в лексико-фразеологическом гнезде систематизирован согласно следующему разделам: (1) Заглавное слово гнезда, т.е. исходная мотивирующая лексема. Например: *ЗЕРНО*; *GRANO*. В случае, когда заглавное слова одного гнезда не имеет эквивалента в другом языке, анализ проводится исключительно на материале того языка, в котором обозначенный продукт или блюдо присутствует. Отсутствие заглавного слова маркируется символом Ø, означающем лакуну в лексической и / или образной системе языка. Например:

КУЛИЧ	Ш
или	
Ш	GNOCCHI

(2) Фотоиллюстрация обозначенного лексемой продукта питания или блюда; (3) Общее для русского и итальянского языков Исходное значение вершин гнезда, которое дается на русском языке; (4) Образные значения. Данный раздел включает словарные статьи, описывающие образные лексико-фразеологические единицы, согласно следующему порядку: языковые метафоры, собственные образные слова, двухкомпонентные образные номинации, устойчивые образные сравнения, образные фразеологические единицы, пословицы, поговорки, прецедентные образные слова и выражения; далее представляются производные от вершин гнезда единицы, расположенные в том же порядке. Начало секции, представляющей производные единицы, отмечено символом ↓. В случае, когда образно-переносные значения заглавного слова являются эквивалентными в двух

языках, словарные статьи размещаются на одном уровне напротив друг друга. Эквивалентность маркируется символом ≡; (5) Лингвокультурологический комментарий дается на русском языке и располагается в общей секции, т.е. столбцы русских и итальянских словарных статей объединяются в одно текстовое поле. Лингвокультурологический комментарий является коротким текстом, содержащим языковую информацию (например, этимологию исходного наименования), а также внеязыковые сведения энциклопедического и культурологического содержания (например, бытование продукта или блюда в современной русской и итальянской кухнях, символические переосмысления и т.п.). В конце данного раздела описываются типовые образные представления, отражающие устойчивые модели метафорических переносов пищевых образов на различные явления действительности.

Структура отдельной словарной статьи образного слова или выражения состоит из следующих элементов: (1) Наименование образной лексической или фразеологической единицы – заглавное слово словарной статьи. Подается полужирным шрифтом прямыми прописными буквами; нижним подчеркиванием указывается ударение в словах. Например: **МЯСО** / **CARNE**; **НИ РЫБА** / **NI MIA** / **NE CARNE NE PESCE** (букв. «ни мясо ни рыба»); **МЯСНИК** / **MACELLAIO** и т.д. Варьирующийся компонент в структуре фразеологической единицы включается через знак «косая черта». Например: **ПЕРЕБИВАТЬСЯ С ВОДЫ НА ХЛЕБ** / **С ХЛЕБА НА ВОДУ**; **STARE** / **TENERE QUALCUNO A PANE E ACQUA** (букв. «быть / оставить кого-л. на хлебе и воде»). Факультативный компонент в структуре фразеологизма берется в круглые скобки: **(КАК) ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ**; **(COME) UNA PRINCIPESSA SUL PISELLO**; (2) Пометы, маркирующие разряд образного языкового средства. Инициальные аббревиатуры пишутся полужирным шрифтом: **ЯМ**; **ОН**; **СО**; **В срав.**; **ФЕ**; **Посл.**; **Погов.**; **Прец.**; (3) Пометы, маркирующие функциональный стиль речи, в рамках которого используется образная единица: *Разг.* (разговорное), *Прост.* (Просторечное), *Жарг.* (жаргонное). Например: **КРУТИТЬ БАРАНКУ**. **ФЕ**. *Разг.* Вести автомобиль; **GRANO**. **ЯМ**. *Разг.* Деньги; (4) Толкование образного значения слова или выражения. В столбце, представляющем итальянское гнездо, прежде чем представить толкование фразеологической или паремииологической единицы дается ее буквальный перевод в кавычках с большой буквы. Например: **NON È FARINA DEL SUO SACCO**. **ФЕ**. «Это мука не из его мешка». О работе или задаче, которую невозможно выполнить посредством своих собственных умственных и физических усилий; **ESSERE UNA PALLA DI LARDO**. **ФЕ**. «Быть одним шаром сала». Быть очень толстым, жирным. В случае, когда заглавным словом является безэквивалентная лексическая единица, в скобках кратко описывается называемая реалья. Например: **MORTADELLA**. (особый тип вареной колбасы, производимый в Болонье) **ЯМ**. *Разг.* Мужской половой орган. (5) Контекст, показывающий употребление единицы в художественном, публицистическом и других типах дискурсах.

Образец лексико-фразеологического гнезда

Далее представим образец лексико-фразеологического гнезда нашего сопоставительного лингвокультурологического словаря с вершинами рус. **ЗЕРНО** и итал. **GRANO**. Как мы отметили выше, словарь начинается рубрикой «Продукты растительного происхождения», которая включает (а) Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия, (б) Фрукты, ягоды и орехи, (в) Овощи и грибы. Это значит, что лексико-фразеологическое гнездо с верши-

нами **ЗЕРНО** и **GRANO** оказывается первым гнездом в словаре.

Справочная информация

Словарь открывается вступительным разделом, далее указывается список условных сокращений и символов, которые используются в словарных статьях.

Представим список сокращений, которые встретились в приводимом ниже фрагменте Словаря:

Список условных сокращений

Букв. – буквально
В сравн. – в сравнении
Ж. р. – женский род
Кто-л. – кто-либо
Лат. – латинский язык
ОН – образная номинация (двухкомпонентная)
Погов. – поговорка
Посл. – пословица
Прец. – прецедентное
Разг. – разговорное
См. – смотри
СО – собственно образное слово
ФЕ – фразеологическая единица
Что-л. – что-либо
ЯМ – языковая метафора

Список символов

≡ Эквивалентные в русском и итальянском языках единицы в их переносном значении
↓ Начало секции, включающей производные слова и выражения

Лексико-фразеологическое гнездо с вершиной ЗЕРНО / GRANO

ЗЕРНО

GRANO

Исходное значение.

Съедобный плод (семя) злакового растения, из которого производятся крупа и мука

Образные значения

ЗЕРНО. ЯМ. 1. ≡ Очень мелкий предмет округлой формы. См. также **ЗЕРНЫШКО**. – *Под действием света молекулы йодистого серебра разрушаются, пары йода улетучиваются, а микроскопические зёрна серебра образуют скрытое (невидимое) изображение («Наука и жизнь»).*

2. ≡ Малая, незначительная часть чего-л. (чувств, эмоций, мыслей, информации и т.п.). См. также **ЗЕРНЫШКО**. *Экспр.* – *Однако вернулись фронтовики, эвакуированные, расспрашивали о родных, близких у одного, у другого, у третьего; собирались крупницы сведений, зёрна правды; обнаружили люди, чудом спасшиеся от расстрела, выползшие из могилы, ушедшие в партизаны (А. Рыбаков. Тяжелый песок).*

3. Основа, суть, исходное начало чего-л. – *Ему ничего не надо было разжёвывать, он мгновенно понял самое зерно (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).*

4. Какая-л. мысль, идея, зарождающаяся в человеке. – *В любой точке зрения есть толика рационального зерна, но для меня*

Образные значения.

GRANO. ЯМ. 1. ≡ Очень мелкий предмет округлой формы. См. также **GRANELLO**. – *Un serpentello acceso, Livido e nero come gran di pepe (Dante Alighieri. Divina Commedia). Оживленная змейка, темная и черная как зерно перца.*

2. ≡ Малая, незначительная часть чего-л. (чувств, эмоций, мыслей, информации и т.п.). См. также **GRANELLO**. – *Per quante mostre di Klee abbia visitato, io che da innumerevoli anni sono un suo devoto, non ho mai visto un'opera in cui la bellezza venisse meno, in cui mancasse sia pure un grano di poesia («La Repubblica»).* *Хотя я посещал несколько выставок Клее, и я его обожаю уже многие годы, ни разу я не видел ни одного произведения, в котором не было бы красоты, или хотя бы одного зерна поэзии.*

3. Бусина четок. – *Un soldato si inginocchia verso la Mecca dietro l'ombra lunga di un carro armato. Raccoglie dei sassolini e, come fossero i grani di un rosario, per ogni versetto del Corano passa le piccole pietre da un palmo all'altro («La Repubblica»).* *Солдат встает на колени в сторону Мекки за длинной тенью танка. Он собирает*

важно понимание максимально обобщенного образа мира человеческого существования (Конфликт цивилизация (миф или реальность)).

См. **ПО ЗЁРНЫШКУ. ФЕ.** ≡

ВЕРА НА / С ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО. ФЕ. Прец. Иметь слабую веру в Бога, в возможность реализации своих замыслов. — *Экспр.* — Это даже не надежда, а полунамек на надежду, хотя и его оказалось бы достаточно (если есть веры в вас хоть **на горчичное зерно**), чтобы добавить смысла и придать решимости (в чем?) (В. Русаков. Безблагодатные элегии Давида Раскина).

ЗАРОНИТЬ / ПОСЕЯТЬ ЗЕРНО. ФЕ. Возбудить, вызвать какое-л. чувство; дать основание, повод к чему-л. — *Как правило, бесполезно отговаривать человека от того, к чему он стремится. Но посеять зерно сомнения можно. На это я и надеюсь* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про это).

ОТДЕЛИТЬ ЗЁРНА ОТ ПЛЕВЕЛ / ШЕЛУХИ. ФЕ. Прец. Отделить хорошее от дурного, полезное от вредного. — *Задача будущего адепта боевых искусств — научиться отделять зерна от шелухи, эффективное от эффектного* («Боевое искусство планеты»).

ПРОРАСТАЕТ / ЗРЕЕТ ЗЕРНО чего-л. ФЕ. Какая-л. идея, мысль появляется и развивается в человеке. — *Зёрна чести прорастают* сквозь поколения, раздвигая камни, надгробия (Д. Гранин. Зубр).

↓**ЗЁРНЫШКО. ЯМ.** ≡ Малая, незначительная часть чего-л. — *История человечества — это битва великого зла, стремящегося разломить зёрнышко человечности* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

ПО ЗЁРНЫШКУ. ФЕ. ≡ Небольшими частями. *Экспр.* — А много позже узнала, что как ни собирай **по зёрнышку**, по крошке, как ни систематизируй знания по акушерству, оно такое порой отчебучит, таким кретином тебя выставит, что не знаешь, куда бежать (Т. Соломатина. Девять месяцев, или Комедия женских положений).

рает камешки и, как будто они **зерна** четок, перекладывает маленькие камни из одной ладони в другую при каждом стихе Корана.

4. Разг. Деньги. См. также **GRANA**. — *Ma se una giacca costa 400 mila, cosa fai la compri? Se u bella, e io ho il grano, la compro* («La Repubblica»). А если пиджак стоит 400 тысяч, что ты сделаешь, купишь его? Если он красивый, и если у меня есть деньги [букв.: **зерно**], тогда куплю.

A GRANO A GRANO. ФЕ. ≡ «Зерно по зерну». Постепенно, одно за другим. — *Il suo splendore si nascondeva nelle perle e nei diamanti che essa non mostrava che a grano a grano* (U. Eco. L'isola del giorno prima). Ее красота пряталась за жемчужинами и алмазами, которые она показала **одно за другим**.

CON UN GRANO DI SALE (или лат. **CUM GRANO SALIS**) **ФЕ.** «С зерном соли». С необходимым здравым смыслом. — *La riforma va fatta cum grano salis* («La Repubblica»). Реформу нужно сделать **cum grano salis**.

CHI HA IL GRANO NON HA LA SACCA, E CHI HA LA SACCA NON HA IL GRANO. Посл. «У кого есть зерно — у того нет мешка, а у кого есть мешок — у того нет зерна». Ничто в этом мире не совершенно.

GRANA (то же, что **GRANO**, но ж. р.). **ЯМ.**

1. То же, что **GRANO** 4. — *Presto vado a comprarti il regalo per il compleanno. Ti accontenterai: poca grana, da quando sono disoccupato* (S. Benni. Comici spaventati guerrieri). — *Скоро пойду покупать тебе подарок на день рождения. Тебе придется довольствоваться малым: у меня мало денег с тех пор как я остался без работы*.

2. Неприятность, огорчение. — *«La capisco,» — disse il ministro. «Capisco che non voglia grane con la politica»* (N. Salvalaggio. L'acrobata). — Я понимаю вас, — сказал министр, — понимаю, что вы не хотите неприятностей из-за политики.

PIANTARE UNA GRANA. ФЕ. (см. **GRANA** 2) «Посеять зерно». Причинить неприятности, устроить скандал. — *...Eppercim corsi dalla suora di servizio e poi dal medico di guardia piantando una grana perchè non gli facevano la morfina»* (G. Berto. Il male oscuro). ...Поэтому я помчался к дежурной сестре, а потом к дежурному врачу и **пожаловался**, что ему не делают укол морфия».

SCUCIRE / TIRARE FUORI LA GRANA. ФЕ. (см. **GRANA** 1) «Вынуть зерно». Раскошелиться. — *«Gia, ma se tutti fossero come noi, chi tirerebbe fuori la grana?» commentm l'altro* (G. Testori. Il Brianza e altri racconti). — Да, но если бы все были такие как мы, кто бы тогда выкладывал денежки? — отпарировал приятель».

↓**GRANELLO. ЯМ.** ≡ «Зернышко». Малая, незначительная часть чего-л. — *Questo corteo u stato un granello di sabbia, ma non ci fermeremo* («La Repubblica»). Эта манифестация была зернышком песка, но мы не остановимся.

См. **A GRANO A GRANO. ФЕ.** ≡

ЗЕРНЁНЫЙ. СО. ≡ То же, что *ЗЕРНИСТЫЙ 1.* – *Зернёный* творог – рассыпчатый молочный продукт, произведённый из творожного зерна с добавлением сливок и поваренной соли («Наука и жизнь»).

ЗЕРНИСТОСТЬ. СО. Неоднородность структуры вещества, поверхности предмета, окраски, обусловленная вкраплением мелких частиц, напоминающих зерна. – *Лицевую поверхность пластинок выравнивают циклей и шкурками разной зернистости* (Реставрация столярно-мебельных изделий).

ЗЕРНИСТЫЙ ЯМ. 1. ≡ Состоящий из мелких округлых частиц, будто из зерен. – *Где самовары, иконы, подвижники, юродивые?! Где стерлядь, карпы, мёд, зернистая икра?! Где обыкновенные лошади, чёрт побери?!* (С. Довлатов. Заповедник).

2. Выразительный в каждой детали (о речи, мыслях, художественном произведении). *Экспр. – И звук – звук здесь не шестидесятилетний и даже не образца девяностых, а именно что 2002 года выпуска: крепкий, зернистый, очень современный* («Известия»).

GRANOSO. СО. 1. ≡ То же, что *GRANULOSO.* «Зернистый». Состоящий из мелких округлых частиц, будто из зерен. – *E questa roccia lungo i suoi fianchi prende un impasto granoso durissimo* (A. Zuccagni-Orlandi. Corografia fisica, storica e statistica dell'Italia e delle sue isole). *И этот камень обретает вид отвердевшей зернистой смеси по бокам.*

2. (см. *GRANO 4, GRANA 2*) О богатом человеке. – *Allora facevano un bel treppio di gente tutta accchittata e granosa* (P. Pasolini. Ragazzi di vita). *В то время они объединились в шайку изысканно одетых и богатых [букв.: зерненных] людей.*

GRANULOSO. СО. ≡ То же, что *GRANOSO 1.* – *E ancora, barattoli di caviale, forme di formaggio granuloso come la ricotta* («La Repubblica»). *И еще, банки икры и головки сыра, зернистых, как творог.*

INGRANARE. СО 1. Включить автомобильную передачу – *La retromarcia non ingrana bene* («La Repubblica»). *Задний ход не хорошо включается.*

2. О начале успешной деятельности, развития. *Gli affari stanno ingranando* («La Repubblica»). *Бизнес начинает хорошо идти.*

SGRANARE GLI OCCHI. ФЕ. «Вылущивать глаза». Вытаращить, широко раскрыть глаза (от изумления и т. п.). – *Lei, poveretta, a sentirmi parlare in quel modo, sgramm gli occhi, sorpresa* (A. Moravia, Racconti romani). *Она, бедняжка, слыша такие мои слова, прямо вытаращила глаза от удивления.*

Лингвокультурологический комментарий

Слово *зерно* в русском языке происходит от глагола *зреть*, т.е. это «то, что созрело». Слово *grano* происходит из латинского существительного *granum*, обозначающего «пшеница», «зернышко».

Образ зерна обладает высокой метафорической активностью, содержательной глубиной и культурологической значимостью как в русской, так и в итальянской культурах. Это объясняется тем, что обе эти культуры относятся к земледельческому типу. Из зерен производится мука, а из муки хлеб, который был и остается незаменимой пищей на протяжении веков, представляя собой неотъемлемую часть ежедневной трапезы в русской и итальянской кулинарной традиции. В составе символических представлений и ценностей обеих культур зерно приносит плодородие, символизирует богатство и труд. В рамках христианской символики «зернышко» представляет собой возрождение жизни Иисуса Христа и самого человека. Русский фразеологизм *иметь веру с горчичное зерно* восходит к Евангелию (Мф. 17:19–21).

В обоих языках размер, форма, плотность, структура зерна выступают эталоном для характеристики разных мелких предметов, конкретного и абстрактного вида (чувства, эмоции, мысли, и т.д.); образ зерна проецируется в ментальную сферу и символизирует ключевой смысл, суть какой-либо идеи, значимые ценности, важные для человека. Исключительно в русском языке образ зерна характеризует выразительные и незаурядные слова, мысли, идеи и формы их выражения; ситуация прорастания зерна метафорически проецируется на ситуацию развития идеи из замысла. Только в итальянском языке зерно выступает образным эталоном для обозначения постепенного процесса и мудрого поведения; используется для выражения идеи о несовершенстве, недоступности всех нужных средств; а также образно ассоциируется с деньгами (изначально – монетами) и характеризует богатство, наличие финансовых средств.

Заключение

В настоящей статье мы представили практический опыт составления лингвокультурологического словаря пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков. Хотя описанная в статье модель исходит из композиции «Словаря русской пищевой метафоры», предлагаемый нами сопоставительный словарь обладает собственной научной новизной, актуальной в рамках исследования межъязыковой образности. Первый аспект новизны лежит в сопоставительном характере словаря, требующем специальных способы систематизации материала. В целях создания наиболее эффективной для непосредственного сравнения языков композиции текстового пространства, словарный материал расположен в виде структуры из

двух колонок, таким образом, представление образных единиц в составе лексико-фразеологических гнезд проводится параллельно. Второй аспект новизны нашего словаря заключается в том, что он впервые предлагает систематизированное лексикографическое описание образных слов и выражений итальянского языка с мотивирующей кулинарной семантикой, что делает словарь ценным в рамках италянистики.

Таким образом, мы ожидаем, что сопоставительный лингвокультурологический словарь пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков сможет служить моделью для дальнейших контрастивных исследований метафорической семантики и образного языка в целом, а также для сопоставления дву- и многоязычных словарей идеографического типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 29 с.
2. Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
3. Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // *Язык и культура*. 2008. № 3. С. 83–93.
4. Юрина Е.А., Помаролли Дж. Библийская символика хлеба в образных средствах русского и итальянского языков // *Язык и культура*. 2017. № 39. С. 84–106.
5. Марушкина Н.С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культур. наук. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2014. 166 с.
6. Максимова Т.В. Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. № 4, Т. 1. С. 176–181.
7. Юрина Е.А., Авраменко О.В., Помаролли Дж. Универсальные аспекты метфоризации образов зерна и хлеба в русском, английском и итальянском языках // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017. № 11 (188). С. 135–139.
8. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1 : Блюда и продукты питания / авт.-сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
9. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 2 : Гастрономическая деятельность / А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 546 с.
10. Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц (на материале русского и казахского языков) / сост. Б.А. Газдиева, А.Д. Жакупова, О.А. Жумагулова, И.С. Каирбекова, О.А. Мукашева, Ж.О. Сагындыкова, Г.Л. Тлеубердина; под ред. А.Д. Жакуповой. Кокшетау : Келешек-2030, 2013. 258 с.
11. Евсюкова Т.В. Лингвокультурология : учеб. М. : Флинта: Наука, 2014. 480 с.
12. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М. : Гнозис, 2004. Вып. 1. 318 с.
13. Дубчинский В.В. Лексикография русского языка : учеб. пособие. М. : Наука: Флинта, 2008. 432 с.
14. Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика : учеб. пособие для вузов. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. 87 с.
15. Контрастивная лексикология и лексикография / под ред. И.А. Стернина, Т.А. Чубур. Воронеж : Истоки, 2006. 341 с.
16. Vocabolario della lingua italiana Treccani (Словарь итальянского языка Треккани). URL: <http://www.treccani.it/vocabolario> (дата обращения: 14.01.2018).
17. Dizionario della lingua italiana De Mauro (Словарь итальянского языка Дэ Мауро). URL: <http://dizionario.internazionale.it> (дата обращения: 11.01.2018).
18. Национальный корпус русского языка. 2003–2011. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.10.2017).
19. «La Repubblica» Corpus (Корпус газеты «La Repubblica»). 1985–2000. URL: <http://sslmil.unibo.it/repubblica> (дата обращения: 13.01.2018).
20. Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь: Ок. 23 000 фразеологических единиц / под ред. Я.И. Рецкера. М. : Рус. яз., 1982. 1056 с.
21. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
22. Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июля 2018 г.

PROPOSAL FOR COMPILING A COMPARATIVE LINGUO-CULTURAL DICTIONARY OF FOOD METAPHORS IN RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 40–49.

DOI: 10.17223/15617793/434/5

Giorgia Pomaroli, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: giorgiapomaroli@hotmail.it

Keywords: food metaphor; linguo-cultural dictionary; comparative lexicography; “lexico-phraseological nest”; Russian language; Italian language.

This paper is devoted to investigating the principles for compiling a comparative dictionary of Russian and Italian languages, which records figurative lexicon and phraseology metaphorically embodying the semantics of food. While in the last two decades culinary metaphorical models in relation to the Russian language have been examined and lexicographically described in detail, the analysis of food metaphor with a comparative approach, i.e. on the material of two or more languages and food traditions other than Russian, represents a new subject of study. In this paper the function of a Russian-Italian linguo-cultural dictionary of food metaphor, its status within dictionary typology and criteria for the organization of linguistic data, its subject, purpose, macro- and microstructure are discussed. The lexicographical repertoire presented in the dictionary consists of linguistic metaphors (Rus. *persik* [peach] ‘young and attractive girl’; Ital. *pasticcio* [casserole] ‘hash, trouble’), fixed figurative comparisons (Rus. *kak tykva* [like a pumpkin] ‘about a person’s head’; Ital. *come il latte* [like milk] ‘about something white’), idiomatic expressions (Rus. *razveshivat’ klyukvu* [hang the cranberries] ‘deceive’; Ital. *avere gli occhi foderati di prosciutto* [to have one’s eyes covered with ham] ‘to be blinkered’), proverbs (Rus. *yabloko ot yabloni nedaleko padaet* [the apple does not fall far from the apple tree] ‘the sons inherit the character of the fathers’; Ital. *chi dorme non piglia pesci* [the one who sleeps does not catch fish] ‘you snooze, you lose’), and precedent words and expressions (Rus. *khleba i zrelishch!* and Ital. *pane e circensi!* [bread and circuses]) which verbalize food images in Russian and Italian languages. The dictionary aims to present the figurative systems laying at the basis of Russian and Italian languages: it will show how food represents a source-sphere of metaphorization of different phenomena; the lexical and phraseological units at issue will point out the features of Russian and Italian languages in the verbalization of the culinary code of the respective cultures. The dictionary presents a macrostructure that is ideographic in nature. It consists of sections which are related to different typologies of foodstuff, whose denominations are used figuratively. Within each section the linguistic material is organized in what the author called “lexico-phraseological nests”. This means that each vocabulary entry includes the headword, the indication of the figurative category it belongs to, the definition and an illustrative quotation. At the end of the paper, a sample of the dictionary is given. For this purpose, the “lexico-phraseological nest” with the top Rus. ZERNO and Ital. GRANO has been selected.

REFERENCES

1. Kirsanova, E.M. (2009) *Pragmatika edinits semanticheskogo polya "Pishcha": sistemnyy i funktsional'nyy aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Pragmatics of the units of the semantic field "Food": systemic and functional aspects: on the material of Russian and English languages]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
2. Dormidontova, O.A. (2011) *Gastronomicheskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Gastronomic metaphor as a means of conceptualizing the world (on the material of Russian and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tambov.
3. Yurina, E.A. (2008) Leksiko-frazeologicheskoe pole kulinarnykh obrazov v russkom i ital'yanskom yazykakh [Lexical and phraseological field of culinary images in the Russian and Italian languages]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 83–93.
4. Yurina, E.A. & Pomarolli, G. (2017) The Biblical symbolism of bread in figurative means of Russian and Italian languages. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 39. pp. 84–106. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/39/6
5. Marushkina, N.S. (2014) *Kontsept "Eda" v kontekste dialoga kul'tur* [The concept "food" in the context of a dialogue of cultures]. Cultural Studies Cand. Dis. Ivanovo: Ivanovo State University.
6. Maksimova, T.V. (2013) Gastronomical metaphor in different types of discourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4(1). pp. 176–181. (In Russian).
7. Yurina, E.A., Avramenko, O.V. & Pomarolli, Dzh. (2017) The images of grain and bread in Russian, English and Italian languages: universal aspects of metaphorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11 (188). pp. 135–139. (In Russian).
8. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
9. Yurina, E.A. (ed.) (2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
10. Zhakupova, A.D. (ed.) (2013) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' naimenovaniy rasteniy i ptits (na materiale russkogo i kazakhskogo yazykov)* [Motivational and comparative dictionary of names of plants and birds (on the material of Russian and Kazakh languages)]. Kokshetau: Keleshek-2030.
11. Evsyukova, T.V. (2014) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Flinta: Nauka.
12. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space: Linguoculturology dictionary]. Is. 1. Moscow: Gnozis.
13. Dubichinskiy, V.V. (2008) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]. Moscow: Nauka: Flinta.
14. Kashkin, V.B. (2007) *Sopostavitel'naya lingvistika* [Comparative linguistics]. Voronezh: Voronezh State University.
15. Sternin, I.A. & Chubur, T.A. (eds) (2006) *Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya* [Contrastive lexicology and lexicography]. Voronezh: Istoki.
16. Treccani. (n.d.) *Vocabolario della lingua italiana Treccani* [Treccani Dictionary of Italian]. [Online] Available from: <http://www.treccani.it/vocabolario>. (Accessed 14.01.2018).
17. De Mauro. (n.d.) *Dizionario della lingua italiana De Mauro* [De Mauro Dictionary of Italian]. [Online] Available from: <http://dizionario.internazionale.it>. (Accessed 11.01.2018).
18. National Corpus of the Russian Language. (2003–2011). [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 20.10.2017).
19. "La Repubblica" Corpus. (1985–2000). [Online] Available from: <http://sslmit.unibo.it/repubblica>. (Accessed: 13.01.2018).
20. Cherdantseva, T.Z., Retsker, Ya.I. & Zor'ko, G.F. (1982) *Ital'yansko-russkiy frazeologicheskiy slovar': Ok. 23 000 frazeologicheskikh edinits* [Italian-Russian phraseological dictionary: c. 23 000 phraseological units]. Moscow: Rus. yaz.
21. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
22. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Tasty metaphors: food tradition in the mirror of language images]. Kokshetau: Keleshek.

Received: 01 July 2018

О.В. Сумцова

РУССКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ СЕНСАЦИОННОГО РОМАНА Ч. РИДА «GRIFFITH GAUNT OR, JEALOUSY» (1860-е гг.)

Рассмотрены русские переводы 1860-х гг. sensationного романа Ч. Рида «Griffith Gaunt or, Jealousy» (1866 г.), приведены результаты сопоставительного анализа переводов с подлинником. Установлено, что русская переводческая рецепция sensationного романа Ч. Рида обусловлена, прежде всего, растущей популярностью данной жанровой разновидности в русской литературе в 1860-е гг. Внимание читателей русских переводов «Griffith Gaunt or, Jealousy» сосредоточено, с одной стороны, на типичной среде героев, представителей викторианского общества, а также на социальных конфликтах, не находивших отражения в отечественной литературе, с другой стороны, на характерном для русского романа глубоком анализе психологических мотивировок поступков главных персонажей, сложные и развивающиеся образы которых раскрываются не столько в бытовой повседневности (как это было в более ранних романах «установленного факта» Ч. Рида), сколько через яркие эмоционально-психологические характеристики, в полной мере проявляющиеся в обстоятельствах экстремального (sensationного) столкновения противоположных начал жизни: любви и ненависти, материальной приземленности и духовной возвышенности.

Ключевые слова: Ч. Рид; sensationный роман; переводческая рецепция; сопоставительный анализ; поэтика; эстетика; жанровые особенности.

Исследование посвящено переводческой рецепции одного из самых известных sensationных романов английского писателя Чарльза Рида – «Griffith Gaunt or, Jealousy» (1866) – в русской литературе второй половины XIX в. Sensationные романы заняли достойное место в творчестве автора, которого считают основоположником этой жанровой разновидности, наряду с романами «установленного факта», отражающими социальную проблематику викторианского общества и ставшими визитной карточкой Рида. Произведение было переведено на русский язык дважды, переводы опубликованы в авторитетных русских литературных журналах 1860-х гг.

Без сомнений, sensationный роман занимал лидирующую позицию в викторианской литературе 50–70-х гг. XIX в., представляя собой своеобразный жанровый гибрид, построенный на художественном опыте приключенческого, социально-бытового, психологического романа и мелодрамы. Кроме того, как указывает исследователь, «данная модификация жанра <...> являлась переходным звеном от социально-криминальной поэтики и эстетики к жанру детективного романа. Сам по себе “sensationный роман” ещё не является детективом в чистом виде вследствие ещё не устоявшейся тематики и проблематики, однако в нём отчётливо видна попытка отойти от привычного социального ракурса рассмотрения явлений, собственных криминальной литературе» [1. С. 64].

Поэтика и эстетика sensationного романа как популярного литературного жанра всегда представляла научный интерес как для зарубежных, так и для отечественных учёных в области литературоведения. Однако литературные критики XIX в., такие как Маргарет Олифант (Margaret Oliphant), полагали, что sensationный роман снижал популярность в основном благодаря эпатажности, определяя читательскую аудиторию данного романного жанра как обывателей [2]. Тем не менее, по мнению современного американского литературоведа Ричарда Фантина (Richard Fantina), «глубоко погруженные в традиции мелодрамы, sensationные романы представляют собой завуа-

лированную, а порой и явную, критику социальных норм, которая является привлекательной для читателей на эмоциональном и интуитивном уровне» (перевод наш. – О.С.) [3. С. 5]. Майкл Уилер (Michael Wheeler) утверждает, что «Уилки Коллинз, Чарльз Рид, М.И. Брэддон и миссис Генри Вуд писали романы, которые продавались в огромном количестве и широко рассматривались критиками не только как новаторские, но и как провокационные. Sensationные романисты не только бросали вызов власти и традициям реализма, но и излишне жеманным нормам поведения, принятым в обществе того времени» (перевод наш. – О.С.) [4. С. 103].

В русском литературоведении жанр sensationного романа также широко рассмотрен и проанализирован авторитетными учёными. Однако термин «sensationный роман» советские литературные критики в своих трудах практически не использовали, активно замещая его понятиями «социальный роман» и «социальный реалистический роман» (см.: [5, 6]). Современные же литературоведы активно применяют термин «sensationный роман» в своих трудах, справедливо полагая, что «викторианский sensationный роман, обращаясь к читателю, размывал не только границы между социальными классами, но и литературные границы: между высокой литературой, популярной литературой и журнализмом, между общественным, публичным и частным, между жизнью respectable класса и жизнью низов. Он стал продуктом и симптомом в литературе и на литературном рынке средневикторианского (1850–1870-е гг.) периода» [7. С. 143].

Отметим также, что sensationные романы пользовались огромной популярностью не только в Великобритании и США, но и в России во второй половине XIX в., о чём говорят многочисленные переводы произведений Рида, Коллинза, Брэддон, которые публиковались в «Отечественных записках», «Деле», «Заграничном вестнике». Востребованность названного романного жанра в русской литературе подтверждается и тем, что публиковались переводы романов

практически одновременно с выходом подлинников на родине писателей. Они вводили в русскую литературу описание незнакомой среды обитания героев – представителей викторианского общества, отсутствующие в отечественной словесности или даже в русской действительности конфликты норм и ценностей, знакомили читателя с типами поведения в ситуации таких конфликтов (авантюрно-приключенческий, детективный пласт сенсационного романа), а также с вариантами гендерных отношений, не отражавшимися в силу разных причин в отечественной словесности (любовно-мелодраматический элемент сенсационного романа). Кроме того, сенсационные романы нередко отличались характерным для русского романа глубоким анализом психологических мотивировок поведения главных героев, демонстрируемого не только как типичное, детерминированное средой, но и как неповторимо индивидуальное, наиболее ярко проявляющееся в резко отличающихся по сложности и опасности необычных ситуациях, получающих к тому же огласку в обществе. В частности, этим характеризуется рассматриваемый в данной статье роман Ч. Рида.

Роман «Griffith Gaunt, or Jealousy» является, пожалуй, самым скандально известным произведением Рида, повлекшим за собой немало резко отрицательных критических отзывов. Согласно поэтике и эстетике сенсационного жанра, сюжет романа наполнен яркими приключениями главных героев, эмоциональными сценами и диалогами, сложными поворотами судьбы ведущих персонажей. Все они связаны с серьезными социальными проблемами – неравного брака, в который вступают красавица Кэтрин Гриффит, представительница богатейшего семейства графства Кумберланд, и дворянин из обедневшего рода Гриффит Гонт; с семейными проблемами, начиная с психологических – надменность Кэтрин и патологическая ревность ее супруга – и кончая конфессиональными. Одной из скандальных подоплек романа является введенный в повествование образ священника, платоническая любовь которого к своей прихожанке Кэтрин Гриффит переросла в неукротимую страсть к ней, за чем последовали избиение священника разъяренным ревнивцем Гриффитом, его побег из дома и знакомство с Мерси Винт. Этот сюжетный поворот влечет за собой ввод в повествование темы двоеженства: несмотря на статус женатого мужчины, Гриффит, желая отомстить Кэтрин за «измену», убеждает Мерси выйти за него замуж. Кэтрин, узнав о двоеженстве своего мужа, угрожает ему смертью – так в роман входит тема преступления, судебного разбирательства. Однако читателя ожидает счастливый финал (как, впрочем, во всех романах Рида): Гриффит возвращается к своей законной супруге, а его незаконная жена Мерси Винт благополучно выходит замуж за Джорджа Невилля, несостоявшегося жениха Кэтрин Пейтон, истинного джентльмена, который совместно с Мерси прилагают недюжинные усилия, чтобы оправдать Кэтрин в суде. Как видим, роман Рида наполнен табуированными как для русской, так и для

английской культуры темами и проблемами, традиции изображения которых только начинали закладываться как в европейской, так и в русской литературе.

За рубежом роман «Griffith Gaunt, or Jealousy» впервые был опубликован в 1866 г., печатался серийно в журнале «Argosy» в Англии и в журнале «The Atlantic Monthly» в Соединенных Штатах. После публикаций на роман буквально посыпались отрицательные отзывы литературных критиков. «Так, в июньском выпуске нью-йоркского издания “The Round Table” за 1866 г. появился критический обзор, в котором роман Рида был назван одним из самых безнравственных, непристойных, антирелигиозных и наихудших историй, когда-либо опубликованных ранее; в первый раз роман г-на Рида настолько непристойен», – отмечает Р. Фантина (перевод наш. – О.С.) [3. Р. 132]. Критические статьи, называвшие «Griffith Gaunt, or Jealousy» самым непристойным романом поколения, не достойным для публикации, выходили в течение всего 1866 г. буквально ежемесячно. Подобные статьи, несомненно, оскорбляли Рида, писатель в итоге подал в суд иск о клевете против журнала «The Round Table», что, впрочем, не являлось чем-то новым для Рида, у которого уже был богатый опыт судебных тяжб, связанных с его литературной деятельностью¹.

Между тем поднимавшиеся в романе темы были крайне популярны в период сенсационной декады викторианской литературы именно в силу их табуированности, и не только Ч. Рид сделал данную проблематику стержнем своего произведения. Так, например, ещё в 1863 г. литературный критик Генри Мансель опубликовал статью, посвящённую популярности в литературе темы двоеженства: «... столь популярным стало это преступление, породив целый подкласс в этой области литературы; удивительно, как много наших современных авторов выбрали это пикантное нарушение морали и права в качестве гвоздя, на который можно повесить тайну» (перевод наш. – О.С.) (цит. по: [Ibid. Р. 128]). И действительно, двоежёнство составляет основу нарратива в романах Мэри Элизабет Брэддон «Lady Audley's Secret» (1862) и «Aurora Floyd» (1863), Эллен Вуд «East Lynne» (1861) и многих других. Популярность названной темы в викторианской литературе была обоснована реальными громкими судебными разбирательствами, освещавшимися в печати. Для примера назовем дело «The Yelverton Case»: англичанка-католичка Тереза Лонгворт вышла замуж за Уильяма Чарльза Иелвертона, пэра Ирландии, исповедовавшего протестантскую веру. Через несколько лет Уильям Чарльз Иелвертон женится на другой девушке, богатой наследнице, объявив Терезе, что их брак, освящённый католическим священником, считает недействительным. В 1861 г. Тереза подала в суд иск на своего мужа, обвиняя его в двоежёнстве. Это дело, как известно, привело к серьёзным реформам брачного законодательства Великобритании, широко освещалось в прессе. Можно предположить, что роман Ч. Рида «Griffith Gaunt, or Jealousy» частично основан на судебном деле Иелвертона: главный персонаж Гриффит Гонт сознательно совершает двоежёнство; как и Иелвертон, он был протестантом, а главная

героиня романа Кэтрин Пейтон, как и Тереза Лонгворт, исповедовала католическую веру.

По мнению Р. Фантины, роман Рида «Griffith Gaunt, or Jealousy» «несмотря на воссоединение законных супругов, реставрирующее общую картину и удаление грязного пятна двоеженства, разрушал викторианский идеал гармоничного дома» (перевод наш. – О.С.) [З. Р. 125]. Резкую критику и негативные отзывы современников Рида вызвали также безнаказанность нарушившего закон главного персонажа романа, откровенно сексуальные описания внешности главной героини Кэтрин и выходящего за рамки приличия поведения молодого священника, влюблённого в замужнюю даму. Однако с уверенностью можно утверждать, что эти отзывы и в целом скандальная аура, окружавшая роман «Griffith Gaunt, or Jealousy», принесли ему огромную популярность не только у английских и американских, но и русских читателей второй половины XIX в.

Русские переводы романа Ч. Рида «Griffith Gaunt, or Jealousy» были опубликованы в литературных журналах «Отечественные записки» и «Заграничный вестник» одновременно в 1866–1867 гг., немного позже выхода подлинника в Англии и США. Более того, первые пять глав романа были опубликованы в ноябрьских выпусках обоих русских журналов, что указывает на своеобразную конкуренцию, существующую между редакторами, которые стремились овладеть пальмой первенства в публикации собственной переводной версии романа известного в России английского писателя. Читатели журнала «Отечественные записки» познакомились с творчеством Рида ещё в 1862 г., когда в журнале был напечатан перевод его знаменитого исторического романа «Монастырь и Любовь» («The Cloister and the Hearth»). Далее, в 1864 г., в «Отечественных записках» был опубликован противоречивый и скандально известный роман Ч. Рида «Тяжёлые деньги» («Hard Cash»), освещающий проблему коррупции и жесткого обращения с пациентами частных лечебниц для душевнобольных со стороны медперсонала, а также представителей комиссии по надзору за вышеуказанными социальными институтами. И, наконец, в 1866–1867 гг. в ноябрьском, декабрьском, январском и февральском томах журнала появился русский перевод романа под названием «Ревность» с подзаголовком: «Роман Чарльза Рида».

Второй перевод романа был опубликован в четырёх томах журнала «Заграничный вестник»: но-

ябрьском и декабрьском за 1866 г. и в январском и февральском за 1867 г. Роман был опубликован под тем же названием «Ревность», однако с другим подзаголовком: «Роман Чарльза Рида, автора “Тяжёлые деньги”», указывающим на популярность автора в русской литературе второй половины XIX в. Однако февральский выпуск № 13, в котором были напечатаны с XIX по XXV главы переводной версии романа, стал последним выпуском: журнал был закрыт в связи с арестом главного редактора П.Л. Лаврова. Роман, в оригинале состоящий из 45 глав, был опубликован в журнале «Заграничный вестник» только до 25-й главы включительно, в то время как журнал «Отечественные записки» представил на суд русского читателя полный перевод подлинника.

Востребованность романа «Griffith Gaunt, or Jealousy» в русской литературе указанного периода подтверждается и переводческими подходами авторов обоих русских трансляций данного произведения: в переводах не наблюдается пропусков текста и отступлений от подлинника, полностью сохраняется авторский стиль. Практически не подверглись изменениям объем и структура романа: в подлиннике 45 глав, в переводной версии романа «Ревность», опубликованной в «Отечественных записках», 44 главы: главы 41-й и 42-й, в которых в мельчайших подробностях описан первый день судебного заседания по обвинению Кэтрин Гонт в убийстве мужа, объединены автором перевода. Таким образом, судебный нарратив, достаточно сложный для восприятия массового читателя, не знакомого с судебной и следственной процедурами, тем более английскими, был сокращён, хотя и незначительно. Судя по переводу первых 25 глав романа, опубликованных в «Заграничном вестнике», он тоже планировался как полный.

Направленность переводов романа на широкий круг читателей во многом определяла формы подачи иноязычного произведения. Прежде всего, переводчики, вслед за автором, достаточно подробно представляют типичную среду героев, представителей викторианского общества, их повседневную жизнь в её деталях и подробностях, в чём видятся черты романа «установленного факта», родоначальником которого, как и сенсационного романа, в Англии считается Ч. Рид. Приведем характерный пример – описание охоты на лис:

«Griffith Gaunt, or Jealousy»	«Ревность. Роман Чарльза Рида»	«Ревность. (Роман Чарльза Рида)»	Дословный перевод
But one day they drew Yew tree Brow, and found a stray fox. At Gaylad's first note he broke cover, and went away for home across the open country. A hedger saw him steal out, and gave a view halloo; the riders came round helter-skelter; the dogs in cover one by one threw	Однажды охота нечаянно напала на лису. При первом звуке рога она поднялась из её логовища, и пошла прямо по открытому полю. Один из загонщиков увидел её крадущейся из опушки леса и дал сигнал; всадники подвалили со всех сторон, собаки подняли носы вверх и залились; рога затрубили,	Однажды напали на след несчастной лисицы. При первом звуке гейландова рога она бросила своё убежище и бежала в поле. Завидя это, загонщик поднял крик, всадники бросились вперёд сломя голову, собаки подняли морды и огласили воздух своим лаем; рога затрубили. Собачий хор дошёл до грозного рёва, и все полете-	Однажды они добрались до тисового дерева и обнаружили заблудившегося лиса. Он покинул своё убежище при первом появлении храбрых охотников и бросился к своей норе через открытое поле. Загонщик увидел зверя и подал охотничий сигнал; всадники бросились со всех сторон; собаки одна

up their noses and voices; the horns blew, the canine music swelled to a strong chorus, and away they swept across country, – dogs, horses, men; and the Deuse take the hindmost! It was a gallant chase, and our dreamy virgin's blood got up. Erect, but lithe and vigorous, and one with her great white gelding, she came flying behind the foremost riders, and took leap for leap with them. One glossy, golden curl streamed back in the rushing air; her gray eyes glowed with earthly fire; and two red spots on the upper part of her cheeks showed she was much excited, without a grain of fear <...> On, on, on, till all the pinks and buckskins, erst so smart, were splashed with clay and dirt of every hue, and all the horses' late glossy coats were bathed with sweat and lathered with foam, and their gaping nostrils blowing and glowing red [8. P. 2].	собачья музыка слилась в громком хоре, и вся охота помчалась в погоню через поле. Славная была травля! Кровь разыгралась в жилах нашей задумчивой красавицы. Её легкая, гибкая, но упругая фигура, как бы приросшая к огромному белому коню, летела за передовыми всадниками; один из ее шелковистых, золотых локонов отведало ветром, её серые глаза заискрились земным огнем, и два алых пятна на верхней части её щек показывали, что она находится в сильном возбуждении, но без малейшей примеси страха. <...> Так неслась охота вперед, вперед, вперед, пока красные куртки и лосины охотников, недавно ещё такие опрятные и красивые, не были забрызганы грязью и тиной, а глянцевицы, расчесанные лошади дымились от пены, и широко раздутые ноздри их тяжело отдувались и налились кровью [9. № 169 (1), С. 17–18].	ли через поля и доли – люди, лошади, собаки. Сам Дьявол казалось, несся за ними. Охота была благородная, и кровь закипала в нашей томной деве. Выпрямившись во весь рост, гибкая, ловкая, составляя как бы одну массу со своим большим белым конём, она неслась за передовыми охотниками, перелетая вслед за ними через канавы и изгороди. Блестящая, золотистая прядь её чудных волос развивалась по ветру; её серые глаза сверкали земным огнём, и два красных пятна на щеках выказывали её воодушевление, лишённое и тени страха. <...> Вперёд, вперёд, пока все красивые наряды охотников забрызгались грязью всевозможных цветов, и все кони, столь блестящие за несколько минут перед тем, покрылись мылом и пеной, а их ноздри страшно раздулись и побагровели [10. № 12, ноябрь. С. 221–222].	за другой наострили свои носы и залаяли; рога затрубили; собачий лай слился в едином громком хоре, и все участники охоты помчалась по полю, казалось, преследуемые самим Дьяволом. То была знатная охота, и кровь закипала в нашей мечтательной деве. Прямая, гибкая и сильная, слившись в единое целое со своим величественным белым жеребцом, она летела вслед за передовыми всадниками, преодолевая вслед за ними все препятствия. Блестящий золотой локон развивался на ветру; её серые глаза сверкали земным огнём, и два красных пятна на верхней части её щёк показывали, что она сильно возбуждена, но без тени страха. <...> Вперёд, вперед, вперед, до тех пор, пока красные охотничьи камзолы и лосины, недавно ещё такие красивые, были полностью забрызганы грязью и тиной, а глянцевицы лошади дымились от пота и покрылись пеной.
--	--	---	---

В эпизоде автор описывает типичное занятие представителей высшего деревенского общества, фиксируя мельчайшие детали охоты, в разной степени, но достаточно полно отражённые в обоих переводах подлинника. Так, в первой переводной версии романа более подробно описана одежда охотников: *«till all the pinks and buckskins, erst so smart, were splashed with clay and dirt of every hue»* (пока все красные куртки и лосины охотников, недавно ещё такие опрятные и красивые, не были забрызганы грязью и тиной). Во втором переводе данный фрагмент несколько сокращён, описание деталей одежды охотников не переведено вообще: *«недавно ещё все красивые наряды охотников забрызгались грязью всевозможных цветов»*. Слова *«clay and dirt»* (тина и грязь), интерпретированы как *«грязь всевозможных цветов»* из-за чего, пожалуй, теряется эффект реальности, на котором сам Рид акцентирует внимание читателей во всех своих романах. Однако первый переводчик проигнорировал фразу *«the Deuse take the hindmost»* (преследуемые самим Дьяволом), интерпретируемую во второй трансляции романа как *«Сам Дьявол казалось, несся за ними»*. В подлиннике это выражение определённо подчёркивает накал страстей участников охоты. В целом же, за небольшими исключениями, оба перевода представляют собой подробные интерпретации подлинника.

Обратим внимание на то, что, кроме функции достоверной обрисовки быта, многие детали надеваются и характерологическим назначением. Например, образ Кэтрин, кроме того, что демон-

стрирует типичное поведение леди благородного происхождения, принятое в ситуации охоты, сразу подчеркивает ее решимость и бесстрашие, силу характера, что практически дословно транслируется в рассматриваемых переводных версиях. Внутренняя сложность образа подчеркивается в подлиннике и переводах не меньше. Например, Рид называет свою героиню *«dreamy virgin»* (задумчивая / мечтательная дева), в первом переводе выражение интерпретировано как *«задумчивая красавица»*, а во втором *«томная дева»*, представляя образ нежной, мягкой невинной девушки с сильным духом и мощным внутренним стержнем.

В целом, в отличие от романов «установленного факта», в сенсационном романе автор, при всем внимании к бытописанию, смещает акцент на внутренний мир своих героев, их неповторимые характеры, проводя глубокий анализ их поступков, награждая каждого персонажа определёнными психологическими и нравственными характеристиками, за счёт которых они становятся живыми, противоречивыми, ни на кого не похожими. Рид подчёркивает индивидуальность каждого персонажа, отводя специальное внимание его жестам и мимике, манере говорить и вести себя в обществе. Особенно четко это демонстрирует образ Кэтрин. Весьма показателен, например, эпизод дуэли Гриффита Гонта и Джорджа Невилля – в подлиннике и переводах, раскрывающий, прежде всего личность главной героини: узнав, что претенденты на её руку и сердце устраивают из-за неё дуэль, она немедленно устремляется к месту по-

единка, чтобы предотвратить убийство. Подобный неосмотрительный поступок мог безвозвратно погу-

бить репутацию незамужней девушки в обществе, что, однако, не остановило ее:

«Griffith Gaunt, or Jealousy»	«Ревность. Роман Чарльза Рида»	«Ревность. (Роман Чарльза Рида)»	Дословный перевод
There was a great rushing, and a pounding of the hard ground, and a scarlet Amazon galloped in, and drew up in the middle, right between the levelled pistols. Every eye had been so bent on the combatants, that Kate Peyton and her horse seemed to have sprung out of the very earth. And there she sat, pale as ashes, on the steaming piebald, and glanced from pistol to pistol. The duellists stared in utter amazement, and instinctively lowered their weapons; for she had put herself right in their line of fire with a recklessness that contrasted nobly with her fear for others» [8. P. 37].	Вдруг послышался сильный шум и топот по мёрзлой земле, и в то же время женщина в красной амазонке, прискакав галопом, круто осадилла лошадь и стала как раз между двумя нацеленными пистолетами. Глаза всех до того были обращены на сражающихся, что им показалось, словно Кэт Пейтон со своею лошадыю выросла из земли, когда она очутилась посреди группы, неподвижная, бледная как полотно, на дымящемся пегом коне, поглядывая с одного пистолета на другой. Сражающиеся устави на неё глаза в неопisanном изумлении и инстинктивно опустили оружие, потому что она встала как раз на уровне пистолетных дул, с неустрашимостью, представлявшею странный контраст с её опасением за других [9. № 169 (2). С. 467].	В это мгновение послышался страшный топот, земля затряслась, и вдруг красная амазонка осадилла лошадь между противниками. Взоры свидетелей так пристально были устремлены на соперников, что для них Кэти Пэйтон и её лошадь, казалось, выскочили из земли. И вот она стояла между обоими поднятыми пистолетами, бледная, на коне, покрытом пеною, и смотрела то на одного, то на другого из своих пламенных поклонников. Дуэлисты не могли прийти в себя от удивления и инстинктивно опустили пистолеты, ибо она встала прямо под выстрелы с тем презрением к опасности для себя, которое составляло такой благородный контраст с её боязнью за других [10. № 12, декабрь. С. 428].	Послышался сильный шум и лошадиный топот по твёрдой земле, и вдруг всадница в алой накидке, прискакав галопом, резко остановилась посередине, прямо между направленных друг на друга пистолетов. Все взгляды были сосредоточены на соперниках, и всем показалось, что Кэт Пейтон и её конь появились прямо из-под земли. Она сидела, бледная как полотно, на дымящемся пегом коне, и переводила взгляд с одного пистолета на другой. Дуэлянты устали на неё в крайнем изумлении, и инстинктивно опустили свои оружия, так как она встала прямо на линию огня с безрассудством, величественно контрастировавшим с её страхом за других.

Оба фрагмента являют собой качественный литературный перевод яркой сцены дуэли и эффектного появления прекрасной и отважной Кэтрин на поле боя. Автор первого перевода представляет Кэтрин в образе роковой женщины, бесстрашной и решительной, нарушающей законы общества ради спасения от смерти своих поклонников. Так, выражение «*a scarlet Amazon*» интерпретировано как «*женщина в красной амазонке*», переводчик как будто игнорирует тот факт, что в подлиннике Кэт – незамужняя набожная девушка, а слова «*женщина*» (woman) вообще нет в оригинале. Сам Ч. Рид словно играет словами в этом эпизоде, ведь существительное *Amazon* можно интерпретировать и как Амазонка (женщина-воительница), и как амазонка (женский костюм для верховой езды). В выражении «*a scarlet Amazon*» Рид, с одной стороны, ассоциирует свою героиню с Амазонкой, женщиной-воином, но с другой стороны, использовано слово *scarlet* (алый, багряный), что определенно относится к цвету одежды: Амазонка в алой накидке, «*pale as ashes*» – «*бледная как полотно*», явно ощутима игра на цветовых контрастах, с помощью которых Рид передаёт накал страстей в сложившейся ситуации, а также внутреннее напряжение самой Кэт. Эта особенность авторского текста и для переводчиков дает возможность игры смыслами. Например, фразеологическое выражение «*pale as ashes*» переведено в первой русской версии романа дословно. Во втором русском переводе выражение «*a scarlet Amazon*» его автор интерпретировал просто как «*красная амазонка*», несколько утратив, на наш взгляд, эмоциональную окраску, за-

ложенную Ридом в данный эпизод. Отметим также, что автор второго перевода на протяжении всего нарратива представляет читателю образ Кэтрин Пейтон более мягким, по-девичьи неискушённым: поведение Кэти (именно в такой уменьшительно-ласкательной форме звучит в этом переводе имя героини) диктуется ее молодостью и благородным происхождением, что в целом делает образ героини менее сложным (характеристики Кэтрин и в подлиннике, и двух переводах остаются следующие: *осадилла лошадь – прискакав галопом, круто осадилла лошадь – прискакав галопом, резко остановилась*; стояла между *поднятыми* пистолетами – *стала как раз между двумя нацеленными* пистолетами – *остановилась посередине, прямо между направленных друг на друга пистолетов*; *бледная – неподвижная, бледная как полотно – бледная как полотно, смотрела то на одного поклонника, то на другого* – поглядывая с одного пистолета на другой – переводила взгляд с одного пистолета на другой). В оригинале повествователь чаще всего называет героиню Кэтрин или мисс Пейтон, а после замужества – мистрис Гонт. Такое обращение к ней, как в подлиннике, так и в первом переводе, вполне обоснованно: Кэтрин Пейтон, пожалуй, самый яркий и сильный женский образ, когда-либо созданный Ч. Ридом. Кэтрин воплощает неповторимый, сложный образ женщины с железной волей и острым умом, она способна не только по-женски понять и простить своих обидчиков, но и защищать их от опасности, встав ради этого под дула пистолетов, способна она постоять и за себя (например, она будет сама защищать себя в суде).

Именно в первом переводе, как и в оригинале, в Кэтрин подчеркиваются личный взгляд на мир и отношения между людьми, умение выбирать свою цель, идти к ней и жить, не теряя внутренней свободы.

В отличие от ведущих женских образов при создании мужских персонажей в своих сенсационных романах Рид придерживается принципа типизации, что, однако, не относится к образу Гриффита Гонта. Он резко отличается от типичных идеальных героев Рида, отважных и справедливых. С одной стороны, он добродушен и благороден, воспитан и образован, как и подобает типичному молодому человеку из высшего общества. Гриффит Гонт безумно влюблён в Кэт и пронесёт своё чувство на протяжении всего романа, что, однако, не мешает ему предать любимую жен-

щину, совершив двоежёнство. В то же время Гриффит труслив и лжив, что доказывают его поступки по отношению как к Кэт, которая по его вине проведёт некоторое время в тюрьме и переживёт унижительную процедуру суда по обвинению в убийстве, так и по отношению к Мерси, на которой Гриффит женится под именем своего сводного незаконнорожденного брата, опозорив честное имя девушки. Виною всему патологическая ревность Гриффита, которая квалифицируется повествователем как «хронический нравственный недуг» – «*ruling passion*» [12. С. 144]. Сущность Гриффита раскрывается в его письме к Кэт, которое он написал перед дуэлью, фрагмент письма в оригинале и двух русских переводах мы предлагаем для сравнения:

«Griffith Gaunt, or Jealousy»	«Ревность. Роман Чарльза Рида»	«Ревность. (Роман Чарльза Рида)»	Дословный перевод
Sweet Mistress, – When this reaches you, I shall be no more here to trouble you with my jealousy. This Neville set' it abroad that you had changed horses with him, as much as to say you had plighted troth with him. He is a liar, and I told him so to his teeth. We are to meet at noon this day, and one must die. Methinks I shall be the one. <...> But, O dear Kate, think of all that hath passed between us, and do not wed this Neville, or I could not rest in my grave. Sweetheart, many a letter have I written thee, but none so sad as this. Let the grave hide my faults from thy memory; think only that I loved thee well [8. P. 32–33].	Дорогая! Когда ты получишь эти строки, я уже не буду в состоянии мучить тебя своей ревностью. Подлец этот Невиль распустил по всему околотку молву, что будто ты поменялась с ним лошадьми в знак того, что помолвилась с ним. Он лжет, и я ему сказал это в лицо. Сегодня в двенадцать часов мы уговорились стреляться, и один из нас должен умереть. Мне сдается, что участь эта суждена мне. <...> Только Кэт, моя дорогая, помни всё, что было между нами и не выходи за этого Невилля, или мне не будет покоя и в могиле. Ненаглядная моя, много писал я тебе писем, но не одного такого печального, как это. Пусть могила скроет от памяти твоей все мои недостатки. Помни только, что я тебя сильно любил [9. № 169 (2). С. 459].	Милая Кэти! Когда Вы получите эти строки, то меня более не будет на свете, и я не буду более мучить Вас своей ревностью. Невиль распустил повсюду слух, что Вы поменялись с ним лошадью как бы в залог того, что отдали ему свою руку. Он лжёт, и я сказал ему это прямо в лицо. Мы будем драться нынче в полдень, и один из нас должен умереть. Вероятно, это буду я. <...> Но милая, дорогая моя Кэти, подумай обо всём, что было между нами и не выходи замуж за Невилля, иначе я не буду спокойно лежать в могиле. Сердечная моя, много писал я тебе писем, но не одно не было так грустно. Пуская могила скроет о тебя мои недостатки, помни только, что я любил тебя пламенно [10. № 12, ноябрь. С. 274].	Любимая моя, когда это письмо придёт к тебе, меня уже не будет на свете и я больше не потревожу тебя своей ревностью. Этот Невиль распустил повсюду слух, что вы поменялись с ним лошадьми, сказав, что, таким образом, ты поклялась ему в верности. Он лжец, и я сказал ему это прямо в лицо. Сегодня в полдень мы встречаемся, и один из нас умрёт. Сдается мне, что это буду я. <...> О, дорогая Кэт. Подумай обо всём, что было между нами, и не выходи замуж за этого Невилля, или я так и не обрету покоя в могиле. Душа моя, много писал я писал тебе, но не одного такого печального. Позволь могиле стереть из твоей памяти мои недостатки, помни только, как сильно я любил тебя.

Прежде всего, следует отметить профессиональную работу обоих переводчиков, передавших в русских версиях письма исповедальные интонации и душевные терзания Гриффита, признающего собственную ревность порочной, но не способного бороться с нею. Обратим внимание на то, что в русских переводах название романа «Griffith Gaunt, or Jealousy» переведено как «Ревность», что, по сути, подчеркивает перенос семантики повествования с образа героя, который в подлиннике, судя по его заглавию, прочился на позицию главного героя (в переводах в центре оказываются женские образы), на нравственно-психологические особенности Гриффита Гонта. Его патологическая ревность трактуется как повреждение ума, болезнь, отдаляющая героя от окружающих, от Бога, заставляющая его направлять все свои душевные силы на удовлетворение страсти, на владение жизнью другого человека, на преступления, принося

тем самым страдание даже тем, кого он любит, и разрушая изнутри самого себя.

В первом переводе наблюдается явная русификация: фраза «*This Neville set' it abroad*» (Этот Невиль распустил повсюду слух) переведена как «*Подлец этот Невиль распустил по всему околотку молву*» – использованы исконно русские слова «*околоток*» и «*молва*», которые к тому же относятся к просторечию, в подлиннике Гриффит не употребляет ругательств (таких как *подлец*). Во втором переводе Гриффит предстает, как и в подлиннике, воспитанным молодым человеком, о чём говорит его деликатное письмо типичного представителя своей среды, написанное согласно канонам высокого эпистолярного жанра. При этом в обоих переводах образ Гриффита Гонта, как и в оригинале, сложен и противоречив. Способный на глубокое чувство любви, герой разрушает его своим неадекватным поведением

ем человека, не владеющего собой, но устремленно-го владеть другими, от чего страдают все, включая самого Гриффита. В обоих русских переводах при этом повышен «градус» осознанности поступков героя и его ответственности за них: я уже не буду в состоянии *мучить* тебя своей ревностью – я не буду более *мучить* Вас своей ревностью – я больше *не потревожу* тебя своей ревностью; мы уговорились стреляться, и один из нас *должен умереть*. – Мы будем драться нынче в полдень, и один из нас *должен умереть*. – Сегодня в полдень мы встречаемся, и один из нас *умрёт*; Мне сдаётся, что *участь эта суждена мне*. – Вероятно, *это буду я*. – Сдаётся мне, что это буду я; не выходи за этого Невилля, или *мне не будет покоя и в могиле* – не выходи замуж за Невилля, иначе *я не буду спокойно лежать в могиле* – не выходи замуж за этого Невилля, или *я так и не обрету покоя в могиле*; Пусть могила *скроет от памяти* твоей все мои недостатки. – Пускай могила

скроет о тебя мои недостатки – *Позволь могиле стереть* из твоей памяти мои недостатки.

Не менее сложен и индивидуален образ отца Леонарда, молодого итальянского священника, ставшего новым духовником Кэтрин. Данный персонаж послужил основным поводом для разрыва Кэтрин и Гриффита после многолетнего счастливого брака, не без причины вызвав очередной взрыв ревности в Гриффите. На протяжении нескольких глав читатель наблюдает за развитием взаимоотношений между отцом Леонардом и мистрис Гонт. Молодой итальянский священник – талантливый оратор, чьи пламенные речи на воскресных проповедях пленили глубоко религиозную душу Кэтрин, которая являлась истинной католичкой. Став духовной поклонницей нового священника, женщина не замечает, как отец Леонард постепенно переходит тонкую грань между духовной и физической привязанностью, восплавав страстью к ней, замужней даме:

«Griffith Gaunt, or Jealousy»	«Ревность. Роман Чарльза Рида»	«Ревность. (Роман Чарльза Рида)»	Дословный перевод
Father Leonard was a pious, pure, and noble-minded man, who had undertaken to defy nature, with religion's aid; and, after years of successful warfare, now sustained one of those defeats to which such warriors have been liable in every age. If his heart was pure, it was tender; and nature never intended him to live all his days alone. After years of prudent coldness to the other sex, he fell in with a creature that put him off his guard at first, she seemed so angelic. "At Wisdom's gate suspicion slept: and, by degrees, which have been already indicated in this narrative, she whom the Church had committed to his spiritual care he came his idol. Could he have foreseen this, it would never have happened; he would have steeled himself, or left the country that contained this sweet temptation. But love stole on him, masked with religious zeal, and robed in a garment of light that seemed celestial. When the mask fell, it was too late: the power to resist the soft and thrilling enchantment was gone. The solitary man was too deep in love [8. P. 110].	Отец Леонард был человек с возвышенной, чистой, благочестивой душой, принявший побороть природу с помощью религии. И вот, после нескольких лет успешной борьбы, он потерпел одно из тех поражений, которым во все века подлежали подобные ратники. Если сердце его было чисто, зато оно было и нежно, и никогда природа не назначала его на вековую сиротливость. После долголетнего соблюдения холодной сдержанности в отношении к прекрасному полу, он столкнулся с существом до того ангелоподобным, что с первой же минуты позабыл остеречься, а затем постепенными шагами, уже указанными в этом рассказе, та, которую церковь вверила его духовному попечительству, сделалась его кумиром. Если бы он мог это предвидеть, то оно никогда не случилось бы; он бы заковал себя в тройные латы или покинул бы страну, представлявшую ему столь сладкое искушение; но любовь вкралась к нему в душу в лучезарном облачении, называвшимся поистине небесным. Когда маска спала, то было уже поздно: у него не было силы противостоять этому дивному обаянию. Одиноким отшельником любил слишком глубоко [9. № 170. С. 211].	Отец Леонард был набожный, чистый, возвышенный человек; он вознамерился победить природу с помощью религии и после многих лет успешной борьбы претерпел теперь одно из тех поражений, которому всегда подвергаются подобные борцы. Если сердце его было чисто, то оно вместе с тем было нежным, любящим, и природа никогда не предназначала его для одинокой жизни. После многих лет осторожной холодности к женщинам, он встретил создание, которое с первого взгляда показалось ему столь ангельским, что он не принял надлежащих мер против соблазна. Мало-помалу, как мы уже показали в этом рассказе, создание это из духовной дочери, которую церковь поручила его попечению, сделалась его идеалом. Если бы он мог это предвидеть, то конечно этого никогда не случилось бы; он сумел бы закалить себя против всякого соблазна, а если бы ничего не помогло, он бежал бы из страны. Но любовь вкралась в его сердце под маской религиозной ревности и в таком блестящем, светлом одеянии, что он принял её за небесную. Когда маска упала, то было слишком поздно; сила воспротивиться нежному очарованию исчезла. Одиноким человек был слишком влюблён [10, № 13, февраль. С. 290].	Отец Леонард был набожным, чистым и великодушным человеком, который предпринял попытку побороть природу с помощью религии; и спустя несколько лет успешной борьбы, сейчас он потерпел одно из тех поражений, которому во все века подвергались подобные ратники. Хотя его сердце было чистым, оно было также нежным и никогда природой ему не было предназначено прожить жизнь в одиночестве. После нескольких лет осторожной холодности к противоположному полу, он столкнулся с созданием, которое в первого взгляда показалось ему ангелоподобным. Церковь сделала его духовным попечителем той, что стала для него идиолом. Если бы он мог это предвидеть, он бы никогда этого не допустил; он бы закалил себя, он бы покинул страну, чтобы избежать этого сладкого соблазна. Но любовь прокралась в его сердце под маской религиозного рвения, одетая в такое светлое одеяние, что показала небесной. Когда маска спала, было слишком поздно: силы противостоять этому волнующему очарованию иссякли. Отшельник был влюблён без памяти.

Русские переводы данного фрагмента представляют собой текстовые синонимы, транслируя нам трагическую судьбу молодого католического священника, давшего обет безбрачия и страдающего от земных страстей, испытывая физическое влечение к замужней женщине. Можно отметить, что автор первого перевода допускает некоторые вольные интерпретации в своей работе с данным эпизодом, ср., например: с *возвышенной, чистой, благочестивой душою* – был *набожным, чистым и великодушным человеком*; После *долготелного* соблюдения холодной сдержанности в отношении *к прекрасному полу* – После *нескольких лет* осторожной холодности *к противоположному полу*; он *столкнулся с существом до того ангелоподобным* – столкнулся с созданием, которое в первого взгляда *показалось* ему ангелоподобным; вкралась к нему *в душу в лучезарном облачении, называвшемся поистине небесным* – *прокралась в его сердце под маской религиозного рвения*, одетая в такое светлое одеяние, что *показалась* небесной; Одиноким отшельником *любил слишком глубоко* – Отшельник *был влюблён без памяти*. Здесь везде переводчик подчеркивает глубину настоящего чувства, сопротивляться которому не было возможности. Кроме того, фраза «*nature never intended him to live all his days alone*» (никогда природой ему не было предназначено прожить жизнь в одиночестве) представлена, как «*никогда природа не назначала его на вековую сиротливость*»; фраза «*he would have steeled himself*» (он бы закалил себя) переведена как «*он бы заковал себя в тройные латы*». Вероятно, используя подобные выражения с яркой эмоциональной окраской, автор первой русской версии романа пытался как можно глубже раскрыть душевные страдания молодого священника. Автор второй версии представляет на суд читателя практически дословный перевод фрагмента, доходящий порой до буквализма. Так, например, выражение «*a solitary man*» (отшельник, бобыль) переведено буквально «*одиноким человеком*». При этом, однако, следует отметить и очень показательные точки сближения обоих переводчиков. Например, в обеих переводных верси-

ях введена мотивировка поведения священника, отсутствующая в подлиннике ср.: *позабыл остеречься – не принял надлежащих мер против соблазна*; изменена авторская интерпретация восприятия героем Кэтрин, ср.: та, которую церковь вверила его духовному попечительству, сделалась его *кумиром* – сделалась его *идеалом* – стала для него *идолом*; в обоих переводах подчеркивается объективный характер произошедшего, ср.: Если бы он мог это предвидеть, то оно *никогда не случилось бы* – Если бы он мог это предвидеть, то конечно *этого никогда не случилось бы* – Если бы он мог это предвидеть, он бы *никогда этого не допустил*.

Как было сказано выше, роман Рида отличается жанровым синтезом. Прежде всего, необходимо отметить ярко выраженные черты детективного жанра, находящегося в 1860-е гг. и на Западе, и в России на стадии становления. Остановимся на главах XXXIV–XXXVIII, в которых читателю сообщается, что Кэтрин узнаёт правду о двоеженстве Гриффита – она потрясена до глубины души предательством мужа и в состоянии гнева грозит ему смертью. В ту же ночь происходит странное происшествие: сначала обитатели дома слышат всплеск воды в пруду в поместье Гонтов, а затем крик о помощи и выстрел. Эти странные события тут же связываются с исчезновением Гриффита. Начинается расследование: в пруду находят труп мужчины, до неузнаваемости изъеденный рыбами, однако свидетели опознают Гриффита. Кэтрин арестовывают по обвинению в убийстве мужа. Несмотря на то что расследуется преступление, которого не было, о чем читатель узнает в конце романа, все внимание читателя сосредоточивается автором-повествователем именно на расследовании. В изображении этого процесса Рид, как и в романах «установленного факта», прежде всего, подчеркивает реальность происходящего следствия, аргументируя это введением в повествование реальных фактов и документов, описывая события в мельчайших подробностях, стремясь к трансляции так называемого эффекта реальности в художественном произведении². В этой связи показательна следующая сцена:

«Griffith Gaunt, or Jealousy»	«Ревность. Роман Чарльза Рида»	Дословный перевод
The men drew slowly, slowly, and presently there rose to the surface a Thing to strike terror and loathing into the stoutest heart. The mutilated remains of a human face and body. The greedy pike had cleared, not the features only, but the entire flesh off the face; but had left the hair, and the tight skin of the forehead, though their teeth had raked this last. The remnants they had left made what they had mutilated doubly horrible; since now it was not a skull, not a skeleton; but a face and a man gnawed down to the bones and hair and feet. These last were in stout shoes, that resisted even those voracious teeth; and a leathern stock had offered some little protection to the throat» [8. P. 165].	Стали тащить тихо, осторожно, и вдруг на поверхности воды показалось страшилище, способное поразить ужасом и отвращением самое храброе сердце: то были обезображенные остатки человеческого лица и тела. Прожорливые щуки не только обезобразили черты, но счистили почти всё мясо с лица, оставив только волосы и гладкую кожу, обтягивающую лобную кость, да и ту глубоко взбороздили своими острыми зубами. Труп через это представлял вдвойне ужасное зрелище, потому что это был уже не человек, не скелет, а лицо и целый человек, загрызенный до костей, но с сохранившимися ногами и волосам; ноги были в толстейших башмаках, которых не смогли пронять даже зубы шук, а галстук отчасти защитил от них горло [9. № 170. С. 345].	Мужчины тащили медленно, очень медленно, и наконец, на поверхности появилось некое существо, способное поразить ужасом и отвращением самые отважные сердца. Изувеченные останки человеческого лица и тела. Прожорливые щуки обезобразили не только черты, но и полностью обглодали всю плоть с лица; оставив волосы и плотную кожу лба, да и ту глубоко взбороздили своими острыми зубами. Останки из-за этого были вдвойне ужасны; так как сейчас это был не череп, и не скелет, но лицо и тело, обгрызенные до костей, однако с сохранившимися ногами и волосам. На ногах были надеты грубые ботинки, которые не поддались эти прожорливым зубам, ещё кожаный шейный платок, который отчасти защитил горло.

Сцена описания места преступления поражает жуткими подробностями, посредством которых повествователь демонстрирует свою осведомлённость в подобных делах³. Рид настолько реалистично воссоздаёт место преступления, что читатель испытывает эффект участия в процессе опознания трупа или чтения отчёта судебно-медицинского эксперта. Автор русской версии романа представляет почти дословный, а порой буквальный перевод этой ужасной сцены, полностью сохраняя авторский стиль. Единственное отличие перевода от подлинника в том, что выражение «*a leathern stock*» (кожаный шейный платок) переведено как «галстук», что, вероятно, обосновано типично русскими реалиями: в России мужчины в то время не носили шейные платки. Однако данное отклонение перевода от оригинала абсолютно незначительно и не несёт смысловой окраски. В остальном русская версия подлинника транслирует читателю леденящие душу подробности преступления, созданные Ридом в оригинале.

Криминальный нарратив в романе Рида тесно связан с элементами мелодрамы в силу того, что предпо-

лагаемая жертва Гриффит оказывается преступником-двоемцем, а предполагаемая преступница Кэтрин – жертвой его обмана, ведущей собственное расследование с целью оправдания и восстановления своей репутации и честного имени и самостоятельно встающей на свою защиту в суде. Ей активно помогают ее соперница и одновременно еще одна потерпевшая – незаконная жена Гриффита, а также бывший возлюбленный Кэт, некогда предпочтенный ею Гриффиту. Так, наряду с захватывающим процессом поиска истины в центре внимания оказывается не менее захватывающая история внутренней жизни героев и их взаимоотношений, раскрывающаяся в экстремальных обстоятельствах судебного разбирательства.

Рассмотрим диалог между Кэтрин, которая находится в тюрьме по обвинению в убийстве Гриффита, и Мерси Винт, которая приезжает вместе с маленьким сыном от Гриффита в Кумберланд, чтобы выступить свидетелем защиты Кэтрин, но прежде она приходит в тюрьму к Кэт. Приведем фрагмент диалога двух преданных Гриффитом женщин в оригинале и переводе:

«Griffith Gaunt, or Jealousy»	«Ревность. Роман Чарльза Рида»	Дословный перевод
Mrs. Gaunt colored a little; she said, stiffly: – Excuse me if I seem discourteous, but you and I ought not to be in one room a moment. You do not see this, apparently. But at least I have a right to insist that such an interview shall be very brief, and to the purpose. Oblige me, then, by telling me in plain terms why you have come hither. – Madam, to be your witness at the trial. – You to be my witness? – Why not? If I can 'clear you? What, would you rather be condemned for murder, than let me show them you are innocent? Alas! how you hate me! – Hate you, child? of course I hate you. We are both of us flesh and blood, and hate one another. And one of us is honest enough, and uncivil enough, to say so. – Speak for yourself, dame, replied Mercy, quietly, – or I hate you not; and I thank God for it. To hate is to be miserable. I 'dliever be hated than to hate. Mrs. Gaunt looked at her. –Your words are goodly and wise, – said she –Your face is honest, and your eyes are like a very dove's. But, for all that, you hate me quietly, with all your heart. Human nature is human nature [8. P. 195].	Мистрис Гонт слегка покраснела и с некоторым замешательством сказала: – Извините меня, если я кажусь вам не любезной: нам бы с вами не следовало ни одной минуты быть в одной комнате. Вы этого вероятно не понимаете. Во всяком случае, я имею право настаивать, чтобы наше свидание было самое краткое и разговор шёл как можно прямее к делу. Итак, повторяю, вы меня крайне обяжете, изложив в ясных выражениях, зачем сюда пожаловали. – Я пришла быть вашей свидетельницей в суде. – Вы хотите быть своею свидетельницей? – Почему же и нет, если я имею возможность доказать вашу невиновность? Как, неужели вы бы предпочли бы дать себя приговорить к смерти, нежели позволить мне доказать, что вы невиновны? Увы, как же вы меня ненавидите! Мистрис Гонт покраснела до коней волос. – Ещё бы! Конечно, ненавижу! Мы обе из той же и плоти, обе должны друг друга ненавидеть, и одна из нас настолько откровенна и невежлива, что признаётся в своём чувстве. – Говорите, за себя, – тихо отвечала Мерси – я вас не ненавижу и благодарю за это Бога: ненавидеть значит быть несчастливой. Я скорее согласна, чтобы меня ненавидели, нежели самой ненавидеть. Мистрис Гонт посмотрела на неё. – Слова ваши умны и добры, – сказала она – лицо у вас честное. Глаза словно у голубки, но, несмотря на это, вы меня втихомолку ненавидите от всей души. Это же в человеческой природе [9. № 170. С. 401].	Мистрис Гонт слегка покраснела, затем холодно произнесла: – Извините, если я покажусь вам невежливой, но вы и я не должны ни минуты находиться в одной комнате. Вы вероятно так не думаете. Во всяком случае, у меня есть полное право настаивать, чтобы наша беседа было очень краткой и по делу. Вы меня очень обяжете, если изложите мне ясными выражениями, зачем сюда пожаловали. – Мадам, я пришла быть вашей свидетельницей в суде. – Быть моей свидетельницей? – Почему нет? Если я могу оправдать вас? Что, вы бы согласились быть обвиненной в убийстве, чем позволить мне доказать вашу невиновность? Как же вы меня ненавидите! – Ненавижу вас, дитя? Конечно, я вас ненавижу! Мы обе сделаны из плоти и крови, и обе ненавидим друг друга. И одна из нас достаточно честна, чтобы сказать это. – Говорите за себя, мадам, – спокойно ответила Мерси, – я не ненавижу вас; и благодарю Бога за это. Ненавидеть значит быть несчастной. Лучше уж пусть меня ненавидят, чем ненавидеть буду я. Мистрис Гонт посмотрела на неё. – Ваши слова добрые и мудрые, – сказала она, – лицо ваше честное, а глаза ваши словно у голубки. Но, несмотря ни на что, вы тоже тихо ненавидите меня, всем своим сердцем. Человеческая природа есть человеческая природа.

Несмотря на трагичность ситуации обе женщины спокойны и полны достоинства, хотя манера Кэтрин вести беседу и выдаёт в ней истинную леди из высшего света, а простая речь Мерси подчёркивает её пуританское происхождение. Мы видим двух сильных и мудрых женщин, близких по духу, несмотря на разницу в возрасте и общественном статусе. В переводе, однако, изменение отношения Кэтрин к Мерси подаётся более контрастно, драматично и в то же время более тонко в психологическом плане, ср.: с *некоторым замешательством* сказала – *холодно* произнесла; *нам бы с вами не следовало* ни одной минуты быть в одной комнате. Вы этого вероятно *не понимаете* – вы и я *не должны* ни минуты находиться в одной комнате. Вы вероятно *так не думаете*; вы бы предпочли бы дать себя *приговорить к смерти* – вы бы согласились быть обвиненной в убийстве; *Мистрис Гонт покраснела до коней волос* – фраза отсутствует в подлиннике; *Ещё бы!* Конечно, ненавижу! – *Ненавижу вас, дитя?* Конечно, я вас ненавижу!; *Мы обе из той же плоти, обе должны друг друга ненавидеть*, и одна из нас *настолько откровенна и невежлива* – Мы обе *сделаны из плоти и крови*, и обе *ненавидим друг друга*. И одна из нас *достаточно честна*. Далее перевод диалога практически идентичен оригиналу. Проговорив всю ночь и открыв друг другу души, женщины объединяют свои усилия в попытке оправдать Кэтрин Гонт, что им успешно удаётся.

В заключение определим роль автора-повествователя в сенсационном романе Ч. Рида, которая кардинально изменилась, по сравнению с романами «установленного факта», где он был всеведущим нарратором, своеобразным рупором авторской позиции по отношению к отдельным персонажам и к обществу в целом. В «Griffith Gaunt or, Jealousy» автор-повествователь тоже представляет мир героев, но как бы со стороны наблюдая за происходящими событиями и поступками персонажей, время от времени комментируя их поведение с собственной точки зрения, вставляя определённые ремарки и дополняя их самораскрытием героев в диалогах, внутренних монологах, письмах и т.д. Кроме того, если в романах «установленного факта» установка автора-повествователя делалась на подлинность, документальность романного нарратива, то в сенсационных романах акцент смещен на психологизм как главный способ повествования о героях. В романах «установленного факта» автор на первый план выдвигал острую социальную проблематику викторианского общества, транслируя

её читателю с шокирующими подробностями, основанными на «реальных» фактах, не уделяя, однако, достаточного внимания внутреннему миру своих персонажей. В сенсационных романах автор-повествователь сосредоточен на изображении сложной и тонкой натуры человека и психологии его поведения, способном сделать художественные образы и конфликты реалистичными в не меньшей степени, чем «установленные факты». Автор впервые анализирует поведенческие особенности своих героев и их поступки, обусловленные не только социальными причинами и общественной средой, но и их внутренними личностными особенностями.

Таким образом, мы представили сопоставительный анализ переводов сенсационного романа Рида «Griffith Gaunt, or Jealousy» с подлинником, который показал, что его русская переводческая рецепция обусловлена растущей популярностью данного жанра, соединяющего в себе элементы авантюрно-приключенческого, социально-бытового, детективного романа и мелодрамы, в русской литературе 1860-х гг. конкуренции этому жанру составить было в общем-то некому. В связи с этим подчеркнем, что переводчиками была выбрана наиболее эффективная форма «доставки» читателям произведения английской литературы: толстый журнал, который был способен охватить широкие слои читательской публики, а также наиболее адекватная читательскому адресу стратегия перевода: качественная литературная интерпретация подлинника, допускающая, однако, и смысловые отклонения, ориентированные на русского читателя, и русификацию. Внимание читателей русских переводов сенсационного романа Рида сосредоточено не только на изображении среды, взрастившей героев и обуславливающей их конфликты, но и на достаточно глубоком анализе психологических мотивировок поступков главных персонажей, сложные и развивающиеся образы которых раскрываются не столько в бытовой повседневности (как это было в более ранних романах «установленного факта»), сколько через яркие эмоционально-психологические характеристики, в полной мере проявляющиеся в обстоятельствах открытого столкновения противоположных начал жизни: любви и ненависти, материальной приземлённости и духовной возвышенности. Кроме того, перевод обращал читателей к социальным проблемам и конфликтам, не находившим отражения в отечественной литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1863 г., после публикации романа «Hard Cash», авторитетный психиатр д-р Конолли предъявил в суд иск против Ч. Рида, обвинив его в клевете, после того, как критики назвали д-ра Конолли прототипом образа д-ра Уичерли в романе.

² Ч. Рид стремился к поиску способов достижения в художественном произведении «эффекта реальности» на протяжении всего нарратива в своих романах «установленного факта», акцентируя внимание читателей на фактах, им самим установленных и скрупулезно изученных.

³ Рид был юристом по образованию и имел доступ к реальным криминальным происшествиям и убийствам, которые и легли в основу криминального нарратива в романе «Griffith Gaunt, or Jealousy».

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. 314 с.

2. Oliphant M. Novels // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1867. P. 80.
3. Fantina R. Victorian Sensational Fiction. The Daring Work of Charles Reade. PALGRAVE MACMILLAN®, USA, 2010. 216 p.
4. Wheeler M. English Fiction of the Victoria Period. Longman, London and New York, 1998. 292 p.
5. Ивашева В.В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худ. лит., 1974. 449 с.
6. Михальская Н.П. История английской литературы. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 480 с.
7. Хотинская А.И. Сенсационный роман – популярный жанр литературы в Великобритании 1860-х гг. М.: Изд-во «URSS», 2017. 154 с.
8. Reade Ch. Griffith Gaunt, or Jealousy. 1866. URL: <http://manybooks.net/>
9. Рид Ч. Ревность. Роман Чарльза Рида // Отечественные записки. 1866–1867. № 169–171.
10. Рид Ч. Ревность. (Роман Чарльза Рида, автора «Тяжёлые деньги») // Заграничный вестник. 1866–1867. № 12 (ноябрь, декабрь), 13 (январь, февраль).

Статья представлена научной редакцией «История» 8 августа 2018 г.

RUSSIAN TRANSLATION RECEPTION OF THE SENSATIONAL NOVEL *GRIFFITH GAUNT, OR JEALOUSY* BY CHARLES READE (THE 1860S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 50–60.

DOI: 10.17223/15617793/434/6

Olga V. Sumtsova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgasumtsova0205@mail.ru

Keywords: Ch. Reade; sensational novel; translation reception; comparative analysis; poetic style; aesthetics; genre peculiarities.

The present research is devoted to the translation reception of one of the most famous sensational novels authored by the English writer Charles Reade – *Griffith Gaunt, or Jealousy* (1866) – in the Russian literature of the mid-to-late 19th century. Sensational novels took a rightful place in Reade's literary activity, and the author was truly considered as one of the founders of the given genre model. The novel under study was translated into Russian twice; the translation versions were synchronously published in the established Russian literary magazines *Otechestvennye zapiski* and *Zagranichnyy vestnik* in 1866–1867. The novel *Griffith Gaunt, or Jealousy* was definitely in demand in the Russian literature of the period under review, which was confirmed by the appropriate translational approaches demonstrated by the authors of the two Russian translations: there were no deviations from the original version; the writing style was completely preserved. Moreover, the wordage and the structure of the novel were scarcely affected: the original had 45 chapters whereas the translation version published in the magazine *Otechestvennye zapiski* consisted of 44 chapters: Chapters 41 and 42 were combined by the translator, the narrative related to the court process was slightly shortened as it was rather intricate for general readers. As for the second translation version published in the magazine *Zagranichnyy vestnik*, only the first 25 chapters came out because the February issue 13 (1867) became the last one: the magazine was closed. Nevertheless, as judged by the translation of the first 25 chapters, the considered version was planned to be published to the end. A comparison study of both translations and the original revealed that the Russian translation reception of the sensational novel *Griffith Gaunt, or Jealousy* was mainly determined by the growing popularity of the given genre, which integrated various features of adventure fiction, social and domestic novel as well as crime fiction and melodrama. In this regard, the translators chose the most effective way to convey the literary work to readers: a large-volume magazine aimed at the wide reading audience. In that context, both translators adopted the most relevant translation strategy for target readers: a high quality literary interpretation of the original version; however, it had some deviations and Russification oriented toward Russian readers. Readers of both translation versions focused not only on the description of the social environment where the characters were brought up and which determined their conflicts, but also on the thoughtful analysis of psychological motivations influencing the behavior of the main characters. Complicated and constantly developing personalities revealed themselves not only in the social daily occurrence (as it was in the “matter-of-fact-romance”) but also by means of bright emotional psychological characteristics which manifested to the full extent in the circumstances of a direct confrontation of opposite vital principles: love and hate, material mundanity and moral sublimity. Besides, the translation versions turned the readers' attention to social issues and conflicts which were not reflected in the Russian literature.

REFERENCES

1. Matveenko, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-kh gg.* [The perception of the English social crime novel in the Russian literature of the 1830–1900s]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
2. Oliphant, M. (1867) Novels. *Blackwood's Edinburgh Magazine*. p. 80.
3. Fantina, R. (2010) *Victorian Sensational Fiction. The Daring Work of Charles Reade*. PALGRAVE MACMILLAN®, USA.
4. Wheeler, M. (1998) *English Fiction of the Victoria Period*. London and New York: Longman.
5. Ivasheva, V.V. (1974) *Angliyskiy realisticheskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [English realistic novel of the 19th century in its modern sounding]. Moscow: Khud. lit.
6. Mikhal'skaya, N.P. (2007) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English literature]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr “Akademiya”.
7. Khotinskaya, A.I. (2017) *Sensatsionnyy roman – populyarnyy zhanr literatury v Velikobritanii 1860-kh gg.* [Sensational novel as a popular genre of literature in the UK of the 1860s]. Moscow: URSS.
8. Reade, Ch. (1866) *Griffith Gaunt, or Jealousy*. [Online] Available from: <http://manybooks.net/>.
9. Reade, Ch. (1866–1867) *Revnost'. Roman Charl'za Rida* [Jealousy. A novel by Charles Reade]. *Otechestvennye zapiski*. 169–171.
10. Reade, Ch. (1866–1867) *Revnost'. (Roman Charl'za Rida, avtora “Tyazhelye den'gi”)* [Jealousy. (A novel by Charles Reade, author of “Hard Cash”)]. *Zagranichnyy vestnik*. 12 (November, December), 13 (January, February).

Received: 08 August 2018

УДК 811.161.1'373.23 + 811.161.1'28

Л.А. Феоктистова

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. ДИАЛ. ТЮХА (ДА) МАТЮХА (-ПАНТЮХА) ДА КОЛУПАЙ С БРАТОМ И ПОД.

Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ ("Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным"), поддержанного Минобрнауки РФ.

Анализ севернорусских данных на общерусском фоне позволяет внести коррективы в предложенные ранее другими исследователями этимологии парных слов *тюха-матюха* и *тюха-пантюха*. Осуществляется мотивационная реконструкция других лексем в составе фразеологизмов с этими парными словами, в том числе их «субститутов» (*ванька с манькой*; *прошка, ерошка* и др.). Результаты этимолого-мотивационного анализа демонстрируют возможность онимизации апеллиатива при паронимической аттракции к личному имени.

Ключевые слова: русская диалектная фразеология; личное имя; апеллиативизация; редупликация; парные слова; этимология.

Вводные замечания

Сотрудниками Топонимической экспедиции (ТЭ) Уральского университета во время полевых работ на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей было неоднократно зафиксировано устойчивое выражение *тюха (да) матюха (пантюха) (да колупай с братом)*. Этот фразеологизм известен и на других территориях (причем как западнее, так и восточнее обследованной сотрудниками ТЭ) и, соответственно, по другим (словарным) источникам (сводные данные представлены в статье [1]).

В вологодских говорах отмечено *тюха-матюха* 'нерасторопный, неуклюжий, неумелый человек' («Тюха – который медленно всё делает, и не получается у него ничего. Тюха-матюха, говорят»; «Тюха – ленивый это человек, неповоротливый, вот такой он тюха-матюха!») [2], 'о неповоротливой, медлительной женщине' («Тюха-матюха она, ходит, как спит, да и дома ничего не успевает сделать») [3. Вып. 11. С. 88]; 'ленивый человек, плохой работник'; 'необщительный, замкнутый, нелюдимый человек' («Тихоня если, всегда сам по себе, замкнутый да нелюдимый, так и говорят: "Тюха-матюха он, что взять!"») [2]. Эти парные слова, по-видимому, можно рассматривать в качестве исходного варианта фразеологизма: ср. смол. *тюха-матюха* 'нерасторопный, неповоротливый человек' [4. Вып. 10. С. 221]; пск. *тюху-матюху наплести* 'наговорить ерунды, рассказать много небылиц' [5. С. 75].

Семантика парного сочетания *тюха-матюха* под влиянием его редупликативной структуры развивается и в сторону увеличения числа обозначаемых: не один человек, а два и более – см. *тюха-матюха* костр. 'о людях немощных, неумелых, при этом ходящих (живущих) вместе' («Оне тюха-матюха, неповоротные, два сапога пара») [6]. Это, в свою очередь, ведет к изменению лексического состава фразеологизма и синтаксических связей внутри него: ср. *тюха да матюха* арх., костр. 'о населении: старые, больные люди, инвалиды и т.п.' («Никого уж нет в Юмже, тюха да матюха остались» (арх.)) [2, 6]; влг. 'разношерстная компания, сброд' («У нас тут всякие собра-

лись, кто откуда, тюха да матюха») [2]; арх. *тюха да матюха, да колупай с братом* 'о группе собравшихся из разных мест людей: смешанном (из коренных и приезжих) населении деревни, разношерстной компании и т.п.' [2].

Лексическому варьированию подвергается, как правило, второй член бинома: *тюха-пантюха* влг. 'тихоня, нерешительный человек', 'лентяй, бездельник' («Тюхи-пантюхи опять сошлись – мужики ленивые, собираются часто, то вино пьют, то спорят») [Там же]; *тюха да пантюха* влг. 'о людях с разными физическими недостатками, приехавших из разных мест; всякий сброд', 'о болтливых людях' («Тюха да пантюха вместе сошлись») [Там же], костр. 'всякий сброд' [6]; *тюха да пантюха (с пантюхой) да колупай (колубай) с братом* влг. 'о собравшихся разговорчивых, болтливых людях; шумной, веселой компании', 'смешанное население; всякий сброд' [2]. В костромских говорах отмечается *матюха да пантюха* 'о бестолковых, ленивых людях, сброде' [6], возникшее в результате контаминации *тюха да матюха* и *тюха да пантюха*; ср. ср.-обск. *фетюха-пантюха* 'темный, забитый человек' [7. Вып. 25. С. 200] с заменой первого компонента двухчлена.

Возможна замена всего бинома в первой части устойчивого сочетания – *тюха да матюха (пантюха)* – другими парными словами (именами): см. костр. *шоша да матюша да колупай с братом* 'всякий сброд; о собравшихся или ходящих вместе, не пользующихся уважением людях (глупых, неумелых или ленивых, пьяницах, попрошайках и т.п.)' [6] при наличии влг. *шюша да матюша* 'то же' [2], *шюша-матюша* 'о случайно собравшихся, ничтожных, незначительных людях' («К нашей-то суседке по ночам всякая шоша-мотюша ходит, спать не дает») [3. Вып. 12. С. 102]. Этот вариант фразеологизма можно поставить в один ряд с омск. *ванька с манькой да колупай с братом* 'о неуважаемых, ничемных людях' [8. Т. 1/1. С. 117; 9. С. 22]; ленингр. *прошка, ерошка да колупай с братом* 'о малочисленности' («А у нас кто (в деревне)? Прошка, ерошка да колупай с братом») [7. Вып. 33. С. 50].

Структурные модели, семантика и степень «приприальности» дериватов личных имен (или омонимичных им апеллятивов) в составе приведенных выше устойчивых выражений были нами рассмотрены в упоминавшейся выше публикации [1]. В настоящей статье речь пойдет об этимологии и мотивации рифмующихся друг с другом лексем, прежде всего тех, которые функционируют в том числе и на территории Русского Севера: *тюха (да) матюха*, *тюха (да) пантюха* и под. Анализ севернорусских данных на общерусском фоне позволяет внести коррективы в предложенные ранее другими исследователями этимологии *тюха (да) матюха*, *тюха (да) пантюха*. Что касается костр. *шоша да матоша*, то, насколько нам известно, оно ранее не рассматривалось, но и мы оставляем его за рамками нашего анализа, поскольку данное рифмованное сочетание входит в состав отдельного лексико-фразеологического гнезда, требующего отдельного изучения¹.

Основные компоненты парного сочетания: *тюха, -матюха, пантюха*

тюха

Вне рассматриваемых устойчивых сочетаний слово *тюха* засвидетельствовано также в брянских и среднеобских говорах со значением ‘о бестолковом, глуповатом, несообразительном человеке’ («Каждый тюха живет для брюха»; «С виду казался он туюхой, но умел ободрать каждого, как липку» [7. Вып. 46. С. 47]; см. также «растяпа, разиня» с пометой «просторечное» [Там же]. В тех же брянских говорах, а также смоленских отмечен глагол *тюхать* ‘медленно, не торопясь идти, ехать’ [Там же. С. 48], от которого и образовано имя. В данном случае можно предполагать развитие семантики глупости непосредственно от значения производящей основы в соответствии с метафорическим осмыслением интеллектуальной деятельности как движения в пространстве (о «пространственно-динамическом коде» в обозначениях ментальных действий см. [11. С. 173–195]). Ср. примеры Т.В. Леонтьевой: ср.-урал. *доходить* (до чего) ‘понимать’, *догнать* (что) ‘понять’, арх. *догонить* ‘понять, догадаться’, жарг. *доезжать* ‘понимать, догадываться, додумываться’ и др. [Там же. С. 185].

В то же время допустима оценка умственных способностей человека по его внешнему виду и двигательной активности: ‘упитанный, толстый’ и, как следствие, ‘неповоротливый и нерасторопный’, далее ‘глупый’. Ср. приводимые Е.О. Борисовой примеры обратной семантической модели «глупый → медлительный»: перм. *ваня задний* ‘отстающий, медлительный’, свердл. *ваньжа (ваньжэ)* ‘простофиля’ и *ваньжа* ‘медлительный, небойкий, нерасторопный, тихий’², яросл., сарат. *простофиля* ‘неповоротливый, нерасторопный человек’ [13. С. 145, 147–148]. Совмещение «ментального» и «динамического» значений можно наблюдать у других дериватов корня *тюх-*: свердл., новг. и др. *тюхтя* ‘о неповоротливом, неуклюжем, медлительном человеке’ и ‘о бестолковом, несообразительном, глуповатом человеке’; *тюхтяй* свердл. ‘о неуклюжем, медлительном, неповоротли-

вом человеке’ и морд. рус. ‘о бестолковом, глуповатом человеке’ [7. Вып. 46. С. 50].

Отглагольное происхождение для лексемы *тюха* в составе пермских идиом *тюха да матюха* ‘о малоуважаемых’ и *тюха, пантюха да колупай с братом* ‘разный сброд, недостойные люди’ предполагают И.А. Подюков и Е.Н. Свалова [14. С. 41, 49]. Авторы соотносят *тюха* с перм. *тюхать* ‘медленно идти’, однако представленные выше лингвогеографические данные скорее свидетельствуют о проникновении в пермские говоры наряду с существительным *тюха* – уже в составе парного сочетания – и его производящей основы. Указывается также на аттракцию отглагольного деривата к уменьшительной форме личного имени, ср. сибирское *Тюха* – от имени *Христина* [Там же].

И.В. Родионова [15. С. 164] ранее сопоставляла *тюха* в сочетании *тюха-пантюха* с другими личными именами – *Артамон*, *Артемий*, *Матрона*, которые приводятся в словаре Н.А. Петровского в качестве исходных для *Тюша* (форма *Тюха* здесь отсутствует) [16. С. 359]. Ср. между тем перечень женских и мужских имен, исходных для *Тюха*, в «Словаре народных форм русских имен» А.В. Суперанской: *Тюха* < *Автюха* < *Автоном*; *Артюха* < *Артем*; *Астюха* < *Астерий* / *Астий* / *Астион*; *Атюха* < *Атм* / *Аттий* / *Аттик*; *Евстюха* < *Евстафий* / *Евстигней*; *Евтюха* < *Евтихий*; *Матюха* < *Матвей*; *Устюха* < *Устин* / *Устина*; *Христюха* < *Христина* [17. С. 319]. Выбрать какое-то одно имя из этого списка довольно затруднительно (в этом смысле как раз показательным то, что разными исследователями приводятся разные имена или несколько имен сразу), хотя очевидно, что это должно быть какое-то частотное имя.

Сближению с уменьшительной формой какого-то частотного личного имени способствуют контекстные партнеры *тюха*, в функции которых выступают другие деантропонимы или омонимичные гипокористикам апеллятивы – *матюха*, *пантюха* и др. (см. о них далее).

матюха

В отличие от *тюха*, лексема *матюха* вне парного сочетания *тюха-матюха* и под. не засвидетельствована. И.А. Подюков и Е.Н. Свалова объясняют это слово как производное от глагола *матухаться* ‘мешкать в работе’ (ср. новг. *матуситься* ‘медленно, нехотя делать что-либо; ходить, бродить, то берясь за работу, то ее бросая’ [7. Вып. 18. С. 38]) при аттракции к уменьшительной форме личного имени *Матюха* (от *Матвей*) [14. С. 41, 49]. Однако не исключено, что второй компонент рифмованного сочетания, как говорилось выше, может непосредственно восходить к уменьшительной форме этого имени, который подвергся аттракции не к глаголу *матухаться*, а к существительному *тюха*.

В качестве альтернативы (и / или дополнения) к изложенным версиям происхождения – *матюха* можно предложить еще одну. Двучлен *тюха-матюха* напоминает примеры неточной «правой» мредупликации (эхо-редупликации) типа *шашлык-машлык*, *зелень-мелень*. Однако сразу следует огово-

рится, что этот вид редупликации характерен прежде всего для этнолектов русского языка в юго-восточных регионах бывшего СССР (Башкирия, Кавказ, Закавказье и Средняя Азия), а также для сниженного регистра разговорной речи, куда проник не раньше 1920-х гг. [см.: 18. С. 58–69]. В числе существующих в русском языке морфологических ограничений при м-редупликации Ф.Р. Минлос упоминает начальное сочетание мягкого согласного и гласного заднего ряда («видимо, в копии не допускается сочетание [м'] с заднерядными гласными» [Там же. С. 59]). В случае с *матюха* могла произойти не замена начального согласного основы (ибо она в силу указанных причин невозможна), а неточное ее копирование при помощи приставки *ма-* (*мо-, му-*).

Данная приставка, как известно, относится к числу архаичных и малопродуктивна (ее продуктивность даже меньше, чем других праславянских префиксов) [см. о ней: 19. С. 100 (здесь же литература), 381–383]. В то же время воспроизводимость модели «архаичный префикс + основа» обуславливает присутствие образованных по этой модели лексем не только на праславянском уровне, но и в отдельных славянских языках периода их самостоятельного развития [Там же. С. 381]. Ср. примеры, приводимые в числе прочих И.П. Петлевой: карел. рус. *ма-тёпа* ‘неповоротливый, медлительный человек’ – ср. близкое по значению *тёпа*³; влг. *ма-жора* ‘человек, который обладает плохим аппетитом, мало ест’ – ср. диал. *жора* ‘прожора, обжора’ [20. С. 33]. Автор отмечает экспрессивный, с пейоративным оттенком характер подобных дериватов. М. Белетич со ссылкой на работы Б. Я. Шарифуллина [21. С.115–116; 22. С. 115] выделяет два основных типа словообразовательного значения архаичных экспрессивных префиксов: 1) отрицание в общем смысле и экспрессивное отрицание (пренебрежение, презрение, негативная оценка и пр.); 2) утверждение в общем смысле и экспрессивное утверждение (позитивная оценка, гиперболизация и пр.) [19. С. 379–380, 390–391] (влг. *мажора* и морд. *матёпа* репрезентируют как раз первый тип значения: отрицание в общем смысле и экспрессивное отрицание соответственно).

В связи с рассматриваемой для *тюха-матюха* возможностью «*ма-*редупликации» заслуживает внимания смол. *тюх да матюх* ‘об очень медлительных действиях кого-либо’, помещенное в статье на глагольное междометие *тюх* р. Урал, смол. ‘употребляется по знач. гл. *тюхать*’ («А мы потихоньку себе тюхаем, тюх да тюх») [7. Вып. 46. С. 47]. В качестве семантико-словообразовательной параллели к *тюха-матюха* следует учитывать *тяпало-мотяпало* ‘о медлительном, неповоротливом человеке’ (одна фиксация в Виноградовском р-не Архангельской обл.) [2], при наличии в речи того же диалектоносителя, от которого записано данное парное сочетание, синонима – одиночной лексики *тяпало* (см. также *тяпало* ‘болтун’ в Устьянском р-не Архангельской обл. [Там же]), от арх. *тяпать* ‘идти’ (Устьянский р-н Архангельской обл.) [Там же].

Ф.Р. Минлос указывает на возможность контаминации при создании копии двух лексем – видоизме-

ненной основы и реально существующего слова – как приеме языковой игры, создающем эффект снижения [18. С. 55–56; со ссылкой на: 23. С. 168]. Лексема *-матюха* в составе сочетания *тюха-матюха* может быть результатом контаминации приставочного деривата *ма-тюха* и омонимичной ему гипокористике. Эмоционально-оценочное, пейоративное значение префикса в данном случае сочетается с другими средствами создания экспрессивности парных сочетаний, к которым также следует отнести саму редуплицированную структуру фразеологизма и рифмовку составляющих его компонентов [18. С. 63–69; 24. С. 133–139].

пантюха

Слово *пантюха*, как и *тюха*, известно и вне «бинома» *тюха-пантюха*, широко распространено и многозначно, но при этом все его значения относятся к человеку и, характеризуя его с разных сторон, дополняют друг друга. См.:

– о внешнем виде человека: арх. *пантю́х*, арх., мурм. *пантюха* ‘неопрятный человек, неряха’ [25. Вып. 4. С. 390], *пантюха* ‘тот, кто ходит неаккуратно одетым’ [26. С. 34–35]; см. также орл. *пантюшка* ‘плохо одетый человек, оборванец’ [7. Вып. 25. С. 200];

– интеллектуальных способностях и / или степени образованности: ср.-урал. *пантю́ха* ‘глупый человек’ [27. С. 442]; арх. *пантю́ха* ‘легкомысленный, беспечный человек’ [25. Вып. 4. С. 390]; *пантю́ха* ‘необразованный, неразвитый, темный человек’ [2];

– чертах характера: мурм. *пантю́ха* ‘необщительный, замкнутый человек, домосед’ («Это уж какой-то пантю́ха, неразворотлив, сидун, он больше пути-дороги не знает») [25. Вып. 4. С. 390]; перм. *пантю́ха* ‘тихоня, нерешительный человек’ [28. Т. 2. С. 167].

Зачастую семантика диалектного слова вбирает в себя сразу несколько, коррелирующих друг с другом характеристик: *пантю́х* смол., влад. ‘о неуклюжем, нерасторопном, глуповатом человеке’ [7. Вып. 25. С. 200], ср.-урал. ‘неловкий, нерешительный, несмелый человек’ [27. С. 391]; *пантю́ха* ср.-урал. ‘неповоротливый, несообразительный человек’ [29. Т. 3. С. 112], новосиб., бурят. рус. ‘глуповатый, медлительный и невежливый человек’ («Вон в этой избе живет пантю́ха такой, неграмотный»; «Не взамужем, девки, нет? Ну и не ходите, мужики каки-то пошли пантю́хи» [8. Т. 3. С. 172]); курган., кемер. новосиб., амур. ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ («Муж пантю́ха такой, не работной человек, не добиться нигде ничего, у него в руках ничего не держится»; «А пантю́ха и чечас пантю́ха, значит, ни с чем пирожок, беспонятный») [7. Вып. 25. С. 200].

И.А. Подюков и Е.Н. Свалова, ставя *пантю́ха* в один ряд с *тю́ха* и *матю́ха*, которые, напомним, рассматриваются ими как отглагольные существительные, возводят данное слово к глаголу *пантю́хатъ* ‘медленно передвигаться’ при аттракции к личному имени (какому, правда, не уточняется) [14. С. 41, 49]. В то же время Ж.Ж. Варбот включает лексику *пантю́ха* в одно морфо-семантическое поле со словом *пентюх* [30. С. 343–344, 338]. Для варианта слова с

корневым *e* – *пентюх* – также не исключена возможность вторичной паронимической аттракции с именем *Пантелеймон* (ее просторечной формы – *Пентелеймон*, распространенной преимущественно в низших социальных слоях) [подробнее см.: Там же. С. 568; со ссылкой на других исследователей: А.И. Соболевского, В.И. Чернышева, В.В. Виноградова].

В связи с вариантом *пантюх*, по мнению Ж.Ж. Варбот, заслуживает внимания вят. *пантá* ‘о бестолковом, беспамятном человеке’ [7. Вып. 25. С. 199], с учетом которого *пантюх* толкуется как производное с суффиксом *-(')ух*, вытеснившее производящую основу вследствие своей большей выразительности и – добавим уже от себя – аттракции к уменьшительной форме личного имени. Для *пантá* вероятна производность от ульян. *пантáть* ‘ходить с трудом после болезни’, являющегося полонизмом: ср. польск. *pętać* ‘связывать, спутывать, стреножить (лошадь)’ [30. С. 570].

Существенно, как отмечает Ж.Ж. Варбот, что одно из вторичных значений глагола *pętać* в языке-источнике – ‘нищенствовать’ [31. Т. IV. S. 131], которое также могло отразиться в семантике русских производных (ср., в частности, выше *пантюшка* ‘плохо одетый человек, оборванец’). От глагола в этом втором значении образовано *pętak* ‘нищий, жулик’ [Ibid.] – еще один потенциальный источник *пантюх* / *пентюх*. Версия параллельного заимствования глагола и преобразования производного от него имени (при аттракции к *пень*) поддерживается вост.-словац. *pentáť sa* ‘сходить с ума’, ‘безумствовать’ и *pentúch* ‘низенький толстяк’ [32. Т. II. S. 772, 773] (подробнее см. [30. С. 568]; здесь же приводятся и другие инославянские параллели).

Этимология *пантюх(а)* / *пентюх*, предложенная Ж.Ж. Варбот, не вызывает возражений ни со стороны формы, ни со стороны содержания; правда, несколько смущает узкая география слова *пантá*, которая может объясняться не только его плохой сохранностью, но и тем, что оно могло быть просто не зафиксировано собирателями на другой территории. С учетом этого, на наш взгляд, особую ценность приобретает лексема *пантá* («прозвище»), обнаруженная нами в картотеке «Словаря говоров Русского Севера»: «Ах ты глупая панта, всё врешь и врешь»; «Панта прозывают кого-нибудь. У нас была Орина панта. Бабка у ней была панта. У бабки бака тоже панта» (Шенкурский р-н Архангельской обл.) [2].

Включение лексемы *пантюха* в устойчивое сочетание с *тюха(-матюха)*, по-видимому, также объясняется притяжением к созвучному антропониму; возникшие же на его основе костр. *матюха-пантюха* и ср.-обск. *фетюха-пантюха* (см. выше) еще более соответствуют образцам неточной редупликации, демонстрируя возможность удвоения основы как справа от нее, так и слева.

Подводя итог сказанному выше об этимологии лексем в составе парных сочетаний *тюха-матюха* (-*матюха*) и под., отметим, что, на наш взгляд, предпочтительнее рассматривать их следующим образом: *тюха* – омонимичный уменьшительной форме личного имени (имен) апеллятив; *-матюха* – возможно,

апеллятив, образованный от *тюха* посредством редупликации с помощью приставки *ма-*, или же личное имя (уменьшит. от *Матвей*), рифмующееся с *тюха*; *пантюха* – полонизм, адаптации которого на русской почве способствовала его омонимичность русскому личному имени и которое образовало парное сочетание с *тюха* в рамках одной с *тюха-матюха* модели. Онимизации апеллятивов в составе *тюха (да) матюха (пантюха)*, возможно, способствует семантика фразеологизмов (их денотативная отнесенность к человеку), а также наличие других устойчивых выражений со сходным значением, имеющих в своем составе семантические дериваты личных имен. Ср., к примеру: арх., бурят. рус., забайк. *фомка и ерёмка* ‘о случайно собравшихся людях, которые берутся что-либо делать сообща, но делают неумело’ [2; 8. Т. 5. С. 194; 9. С. 208]; перм. *ишиша да агаиша, третья – палаиша* ‘малопочитаемые люди’ [28. Т. 2. С. 554].

**«Удвоение» парного сочетания:
*тюха да матюха (пантюха),
да колупай с братом и др.***

Заслуживают внимания и лексемы *колупай*, *ковыряй* и *воропай* в составе второго двучлена созданного посредством неточной редупликации фразеологизма; последние две – *ковыряй* и *воропай* – фиксируются только в пермских говорах: *тюха да матюха да воропай (ковыряй, колупай) с братом* ‘о случайном сборище малоуважаемых людей’ [5. С. 677]. В одном ряду с этими лексемами находится и слово *брат*, указывающее, вероятно, не на кровное родство, а на сходство обозначаемых фразеологизмом людей: ср. прост. *ваш (наш, свой) брат* ‘человек, похожий, близкий по социальному положению, мировоззрению и т.п.; подобный’ [33. Т. 3. С. 610].

Лексемы *воропай* и *колупай* засвидетельствованы в качестве древнерусских имен – см. в словаре Н.М. Тупикова *Воропай, Колупай* [34. С. 96, 191], – впоследствии прозвищ, легших в основу фамилий. Ср. в словаре «К истокам пермских фамилий» Е.Н. Поляковой [35. С. 54, 109, 110]: *Воропаев* – от прозвища *Воропай*, восходящего к *вороп* ‘налет, набег; грабеж, разбой’ [36. Т. 1. С. 245; с пометой «старое»], т.е. «налетчик, грабитель»; *Колопаев* – от прозвища *Колопай (Колупай)*, из слова *колупай* ‘нерасторопный, медлительный человек’ [Там же. С. 200] (см. также *Колупай* в [37. С. 193]). Других свидетельств лексемы *ковыряй*, кроме как в составе рассматриваемого фразеологизма, нами не обнаружено – она могла быть образована по аналогии с отглагольным существительным *колупай*, от *ковырять*, обозначающего то же, что *колупать*, действие.

Учитывая частотность и географию фиксаций, апеллятив *колупай* ‘нерасторопный, медлительный человек’ следует признать основным компонентом второго двучлена фразеологизма (арх., влг., костр., ленингр., ниж.-печор., омск.). Данная лексема выступает синонимом к *тюха* и *пантюха*; в этом отношении примечательно ниж.-печор. *тюха-пантюха да иван-колупай* ‘говорится о ленивых и неумелых людях’ [38. Т. 2. С. 339–340] как сочетание двух «парных

слов» – личного имени (или – в случае с *тюха* – его омонима) и оценочно-характеризующего слова.

В нижнепечорских говорах записан еще один вариант фразеологизма с парным сочетанием *тюха-пантюха* – *тюха-пантюха (да иван)* – *ржаной сноп* [38. Т. 2. С. 339–340]. Основания для метафорического уподобления человека снопу вполне очевидны, вместе с тем, возможно, не случайно сравнение именно со снопом (а не с каким-либо другим объемным и неподвижным предметом), и именно *ивана*. Ср. в географически близких вологодских говорах *иванушка, ванька* – наименования последнего снопа из овса в дожинальном обряде [39. Т. 1. С. 21; Т. 4. С. 297], *последний ванька пришел* ‘о дожинальном снопе, который украшают лентами и вносят в избу’ [2], которые на синхронном уровне являются примерами обратного действия той же метафорической модели, с использованием одного и того же личного имени⁴. Употребление эпитета *ржаной* продиктовано скорее всего особенностями ритмической организации фразеологизма (соразмерностью его левой и правой частей). В то же время значима коннотативная окрашенность прилагательного, которая обусловлена реальными свойствами ржи, ее культурной символикой и которая сообщает номинации *ржаной сноп* дополнительную уничижительную оценку. Ср., в частности, смол. *пашанишний / ржаной* ‘высокий / низкий (о женском голосе)’, влг. *пшеничная / ржаная песня* ‘песня, в которой имеются / отсутствуют обценные слова и сексуальная тематика’ [см.: 41. С. 343–344; здесь же другие примеры].

Экспрессивное варьирование имен: *X + Y* *да колунай с братом*

Аттракция к личному имени и экспрессивное варьирование имен обуславливают появление и омск. *ванька с манькой да колунай с братом* ‘о неуважаемых, никчемных людях’ [8. Т. 1/1. С. 117; 9. С. 22]; ленингр. *прошка, ерошка да колунай с братом* ‘о малочисленности’ («А у нас кто (в деревне)? Прошка, ерошка да колунай с братом») [7. Вып. 33. С. 50].

Употребление сочетания *ванька с манькой* в составе фразеологизма *X + Y да колунай с братом* скорее объясняется «растиражированностью» этого бинома во вторичной апеллятивной номинации (см., в частности, широко распространенные в говорах наименования различных травянистых растений *иван-да-марья* и под.). Ср., к примеру, пск. *ваньку валять* ‘бездельничать’ [42. Т. 3. С. 32]; омск., краснор. *ванька (рыжий) не чешись* о безразличном отношении к чему-либо: всё равно, горя мало, ничего не поделаешь’ [8. Т. 1/1. С. 117; 9. С. 22]; ниж.-печор., новосиб., омск. *маша не чешись и вая не царапайся* ‘не к чему придираться, все сделано отлично’ [8. Т. 2. С. 268] (помету «омск.» имеет и рассматриваемый фразеологизм *ванька с манькой да колунай с братом*).

Слово *ерошка* также известно вне фразеологизма, в значении – ‘упрямец, склочник’, – однако, в отличие от *ванька* и *манька*, допускается его производность как от уменьшительной формы личного имени – *Еро-*

фей (через *еропа* ‘хвастун’), – так и от апеллятива – *ёриш* либо производный от него глагол *ерошить* [43. Т. 1. С. 26; 44. Т. 1. С. 286]. См. также хакас., тюмен. *шоша да ероша* ‘неодобрительно о людях: всякий сброд’ («Разве смогут дело сделать, ведь там шоша да ероша»; «Собрались шоша да ероша, добрый человек туда и не суется») [9. С. 221; 10]. Что касается *прошка*, то его включение в состав парного сочетания объясняется прежде всего рифмой *прошка – ерошка*. В то же время оба этих имени – *прошка* (уменьшит. от *Прокофий*), *ерошка* – в составе номинации-характеристики (‘всякий сброд’) могут быть соотносены с созвучными им апеллятивами:

прошка – пропасть, ср. общенар. *пропади ты пропадом!*⁵, т.е. *прошка* в данном случае скорее всего обозначает *пропащего* человека;

ерошка – ёриш, ерошить, еришистый, ерошливый и под.⁶ См., например, иллюстративный контекст к арх. *ероха, ероша* ‘задира, смутьян, скандалист’: «Ёра – это очень задиристый человек, уж очень, сразу в драку вроде лезет, *ерошливый, ероша*, кто задира, кто *ероха* назовёт, тоже *еришистый* такой человек, ему всё не нравится. О, *ероха* ты, мы с тобой заскандалили, пьяницы между собой *заерошились*, смотришь – до драки дошло» [39. Т. 3. С. 328].

В структурную модель *X + Y да колунай с братом* встраивается и влг. *шóша (да) мотóша (матóша)* ‘всякий сброд; о собравшихся или ходящих вместе, не пользующихся уважением людей (глупых, неумелых или ленивых, пьяницах, попрошайках и т.п.)’ [2; 3. Т. Вып. С. 102] – ср. с тем же значением костр. *шóша да матóша да колунай с братом* [6]. Данный пример мы здесь приводим только для иллюстрации «генеративных» возможностей рассматриваемой модели: варьирование рифмующихся друг с другом компонентов происходит как в рамках самой модели (см. выше), так и при контаминации с другими, функционирующими самостоятельно парными словами, независимо от их происхождения (от антропонима или от апеллятива). Для обоих компонентов парного сочетания *шóша (да) мотóша (матóша)* формально возможна производность от уменьшительных форм личных имен: *Шоша < Софон, Софрон, Софья (София)*; *Матóша < Матой* [17. С. 354, 196]. Однако это, на наш взгляд, маловероятно с учетом возможности других толкований на более широком лексическом фоне, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей публикации (в частности, не исключена редупликация при звуко-символической мотивированности *шоша*, ср. подобную трактовку для *шó-шер-а, шó-шерь, шó-шель* ‘сброд, сволочь’, *шó-шар-а* ‘то же’ [48. С. 226]).

Вместо заключения

В статье Е.С. Коган выделяются «четыре ступени вхождения словосочетания с использованием местного онима или отономастического образования в региональный фразеонимикон» [49. С. 123]:

1) имеющие переносное значение словосочетания прозрачной образной мотивировкой, легко прочитываемой каждым членом локального социума, –

например, костр. *нарядиться как Анисья Климовская* ‘о безвкусно, неряшливо одетом человеке’;

2) словосочетания, в которых оним выполняет своеобразную функцию придания местного колорита общенародному фразеологизму, – костр. *желнинский телёнок* ‘о кричащем человеке’;

3) фразеологизмы, включающие оним (обычно антропоним) в обобщенном значении, – костр. *Машиа с Яшей* ‘о неразлучно ходящих людях’; в отдельных случаях фразеологизмы этого типа могли возникнуть на материале выражений первого типа – костр. *как Мамай с Пестимией* ‘о неразлучных людях’: «Как Мамай с Пестимией – это супружеская пара или друзья близкие. А Мамай и Пестимия – это супруги были такие, пара очень верная, но не очень умная»;

4) утратившие мотивацию идиомы – новосиб. *бучиться как тус колыванский в шабуре* ‘быть угрюмым, сердитым, нелюдимым, замкнутым’ (*Колывань* – пгт в Новосибирской обл.).

Эта классификация основана главным образом на представлении о постепенной деонимизации (апеллятивизации) «воплощенного» собственного имени (антропонима, топонима) и переходе его в разряд имен нарицательных на стадии создания и/или последующего функционирования устойчивых выражений. Однако результаты этимолого-мотивационного анализа лексем в составе рифмованных сочетаний *тюха (да) матюха (пантюха)* и созданных на их сочетаний фразеологизмов демонстрируют возможность обратного процесса – (квази)онимизации апеллиатива при паронимической аттракции к имени собственному (по-видимому, речь может идти только о «невоплощенных» личных именах и их уменьшительных формах). Следует также иметь в виду, что оба этих явления – онимизация и деонимизация – могут иметь место еще до включения языковых единиц в состав фразеологизма (*пантюха, ванька с манькой, ерошка*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лексема *шюша* образует рифмованные сочетания с разными словами и различным типом синтаксической связи, функционирующие сами по себе и в составе фразеологизмов, лексический состав которых также подвергается варьированию. См. также арх. *шоша да моша* ‘о плохих людях’ [2]; костр. *шюша-барабоша* ‘всякий сброд’ («Шоша-барабоша – собрались людёшки неважные, бездомовики, ни дома ни лома, шоша да матоша»; «Собрались шоша-барабоша, не работают ничего»); *шоша с барабошей* ‘о неразлучных людях’ («Куда же мы с тобой друг без друга: шоша с барабошей. Это как два свясла») [6]; влг. *насобирать сошу да барабошу* ‘пригласить в гости многих людей, без разбору’ («У меня (так. – Л.Ф.) внука на праздник в дом насобирала сошу да барабошу») [3. Вып. 10. С. 93]; хакас., тюмен. *шюша да ероша* ‘всякий сброд’ («Разве смогут дело сделать, ведь там шоша да ероша») [10].

² Согласно А.К. Матвееву, *ваньзя* преобразовано из этнонима *манси* (с дистактной ассимиляцией *м...н > в...н* и озвончением *-н'с- > -н'с-*), его исходным значением могло быть ‘абориген Зауралья (= манси)’, откуда ‘неразвитый, глупый человек’ [см.: 12. Вып. 6. С. 55–56]. А.Е. Аникин отмечает, что для объяснения разных вариантов слова, в числе которых и *ваньжа*, приходится допускать контаминацию с именами *Ваньша, Ваньзя* (< *Ваня, Ванька*), на Урале также *Ваньца* [Там же].

³ И.П. Петлева приводит второе слово без ссылки на словарь, поэтому уточнить его значение не представляется возможным, ср., однако, арх. *тёна* ‘об умственно отсталом, недоразвитом человеке’, вят., свердл. и др. *тёпать* ‘идти, шлепать по грязи’ и пр. [7. Вып. 44. С. 43].

⁴ О различных, насаивающихся друг на друга семантико-мотивационных интерпретациях этих терминов дожинальной обрядности см.: [40. С. 278–292].

⁵ Уменьшительная форма *прошка* встречается также в арх. *будь ты прошка* ‘бранное выражение: будь ты проклят’ («Белье вешать стала, зажимки забыла, тыфу, думаю, будь ты прошка!»); «Будь ты прошка, в магазин не сходил, хлеба-то нет»; «Будь ты прошка, негодяй, все цветы мне пообломал» «Бывало, сватья Фёкла говорила: “Будь ты прошка”, когда дома что неладно сделает. “Будь ты прошка, негодяй, все цветы мне пообломал”») [25. Вып. 1. С. 32; Вып. 5. С. 325]. Словарная дефиниция этого «злопожелания» составлена с учетом предполагаемой связи гипокористики с неличной формой глагола *проклясть* (ср. *будь проклят*) Этой же точки зрения на происхождение имени в составе данного проклятия придерживаются Е.Л. Березович и О.Д. Сурикова [45. С. 101] (ср. приводимое авторами влг. *будь ты прокон!* [2]). Для имени *прошка* в составе устойчивого сочетания *прошка, ерошка да колупай с братом*, учитывая значение фразеологизма, предпочтительнее, на наш взгляд, аттракция к глаголу *пропасть*.

⁶ О функционировании однокоренных с *ероха, ерошка* лексем в составе одного морфо-семантического поля пишет А.Ф. Некрылова, обосновывая версию происхождения названия хмельного напитка *ерофеич* от хронима *Ерофеев день* [46; 47. С. 511–513]. «Святой Иерофей, став на русской почве Ерофеем, органично вписался в ряд следующих слов: *ёрить, ёрник, ёрничать; ерепенить(ся); ерихонить(ся), ерихонка; ерошитъ, ерошничать*. <...> В русском языке, прежде всего в лексике диалектной, разговорной, просторечной, имеется немало слов если не производных от *Ерофей-Ероха-Ерошка*, то чрезвычайно “родственных” по огласовке: *ерохвоститься, ероха, ерохи, ероховатый, ерошничать, ерофейничать, ерофеньиться* и т. п.» [46. С. 170].

ЛИТЕРАТУРА

1. Феоктистова Л.А. Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха (тюха-пантюха)* // Науч. диалог. 2017. № 10. С. 98–110.
2. Картоотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
3. Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда : Русь, 1983–2007.
4. Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974–2005.
5. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.
6. Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
8. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
9. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.
10. Картоотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
11. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : Изд-во РГПТУ, 2008.
12. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
13. Борисова Е.О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : дис. на соиск. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

14. К пире едется, а к слову молвится: народная паремия Пермского края : сб. фольклорных текстов с коммент. и истолк. / авт.-сост.: И.А. Подюков, Е.Н. Свалова. СПб. : Маматов, 2014.
15. Родионова И.В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
16. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М. : Русские словари; Астрель, 2000. 480 с.
17. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
18. Миндос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
19. Бјелетић М. Исковнуги глаголи: типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд : Ин-т за српски јузик САНУ, 2006.
20. Петлева И.П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования : материалы I–II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Вып. 6. Екатеринбург : [б. и.], 1996. С. 31–38.
21. Шарифуллин Б.Я. К постановке проблемы протоиндоевропейской префиксации: префиксальные модели и типы их значения // Вопросы словообразования в индоевропейских языках 3. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 113–121.
22. Шарифуллин Б.Я. Об особенностях экспрессивных аффиксов в словообразовательной системе языка. Экспрессивные префиксы // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 1982. С. 111–123.
23. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки славянской культуры, 2002. (Язык. Семиотика. Культура).
24. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.
25. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
26. Воробьев Б.Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд» : словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1999.
27. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. н-та, 1996.
28. Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
29. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1964–1988.
30. Варбот 2011 Варбот Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии / Ж.Ж. Варбот. М. : СПб. : Нестор-История, 2012.
31. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa : Państw. inst. wydawniczy, 1952–1953.
32. Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. T. I–. Bratislava : Veda, 1994–.
33. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
34. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Языки славянской культуры, 2005. (История русской культуры : Исследования и источники).
35. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005.
36. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
37. Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 2001.
38. Ставшина Н.А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб. : Наука, 2008.
39. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
40. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
41. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
42. Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
43. Фасмер. М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
44. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Академия, 2002.
45. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.
46. Некрылова А.Ф. «На Ерофея один Ерофеич кровь греет» // Studia Ethnologica : тр. фак-та этнологии / под ред. А.К. Байбурина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2004. Вып. 2. С. 166–174.
47. Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб. : Азбука-классика, 2007.
48. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения / ed. K. Agyagási. Debrecen : Debreceni Egyetem, 2008. 356 p. (Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1).
49. Коган Е.С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 122–127.

Список принятых сокращений

амур. – амурские говоры русского языка
 арх. – архангельские говоры русского языка
 бурят. – бурятские говоры русского языка
 влад. – владимирские говоры русского языка
 влг. – вологодские говоры русского языка
 вост.-словац. – восточные говоры словацкого языка
 вят. – вятские говоры русского языка
 диал. – диалектное
 жарг. – жаргонное
 забайк. – забайкальские говоры русского языка
 кемер. – кемеровские говоры русского языка
 костр. – костромские говоры русского языка
 краснояр. – красноярские говоры русского языка
 курган. – курганские говоры русского языка
 ленингр. – ленинградские говоры русского языка
 морд. – говоры русского языка на территории Республики Мордовия
 мурм. – мурманские говоры русского языка

ниж.-печор. – нижнепечорские говоры русского языка
 новг. – новгородские говоры русского языка
 новосиб. – новосибирские говоры русского языка
 омск. – омские говоры русского языка
 орл. – орловские говоры русского языка
 перм. – пермские говоры русского языка
 польск. – польский язык
 прост. – просторечное
 пск. – псковские говоры русского языка
 сарат. – саратовские говоры русского языка
 свердл. – свердловские говоры русского языка
 смол. – смоленские говоры русского языка
 ср.-осбк. – среднеобские говоры русского языка
 ср.-урал. – среднеуральские говоры русского языка
 тюмен. – тюменские говоры русского языка
 ульян. – ульяновские говоры русского языка
 хакас. – хакаские говоры русского языка
 яросл. – ярославские говоры русского языка

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 июня 2018 г.

ON THE ETYMOLOGY OF RUSSIAN DIALECTAL *TYUKHA (DA) MATYUKHA, TYUKHA (DA) PANTYUKHA (DA KOLUPAY S BRATOM)* AND OTHERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 61–69.

DOI: 10.17223/15617793/434/7

The article refers to an etymological and motivational analysis of some Russian dialect words, which are included in rhymed word combinations and idioms created on their basis: *tyukha* (*da*) *matyukha*, *tyukha* (*da*) *pantyukha* (*da* *kolupay s bratom*) and others. I.A. Podukov and E.N. Svalova bring *tyukha* in correlation with *tyukhat'* [to go slowly] (Perm region), but lingvo-geographical data are evidence of the fact that the basic stem came in the Perm dialects with the noun *tyukha*, together with the pair combination. The attraction of the stem *tyukha* to a homonymous diminutive form of a personal name (from *Artyukha* < *Artyom*; *Evstyukha* < *Evstafiy*/*Evstigney*; *Matyukha* < *Matvey*; *Ustyukha* < *Ustin*/*Ustina*, and so on) is possible, but not compulsory, and, most likely, takes place in combination with the lexemes *matyukha* and *pantyukha*, which are also homonymous with diminutive forms of personal names (or their derivatives). On the contrary, the version of verbal origins of the lexeme *matyukha*, rhymed with *tyukha*, is arguable (from *matyukhat'sya* [to loiter in work], Perm region). Perhaps, it is a common noun, formed from *tyukha* by means of reduplication and the prefix *ma-* (compare with *tyapalo-matyapalo*, Arkhangelsk region, when there is only *tyapalo*), or a personal name (diminutive from *Matvey*), rhymed with *tyukha*. Concerning the word *pantyukha*, correlating with popular and dialectal *pentyukh*, the author supports J. J. Varbot, who think of these words as Polonisms, the adaptation of which in the Russian language was favored by a homonymous personal name *Panteleymon* (*Penteleymon*). Taking into account the word *pantá* (Vyatka region) [about a muddle-headed, forgetful person] (from *pantát'* [to walk with difficulty after an illness], linked with Polish *pętać* [to hobble (a horse)]), the lexeme *pantyukh* is interpreted as a derivative with the suffix *-(')ukh*, which replaced the stem due to its more pronounced expressiveness. The small size of the area of the word *pantá* can be explained not only by its poor preservation, but also by the fact that it could be overlooked on other territories. Thereby the Arkhangelsk lexeme *pantá* ("a nickname") from the Dictionary of the Dialects of the Russian North ("Akh ty glupaya panta, vsyo vryosh' i vryosh' ") is especially valuable. The verbal nouns *kolupay*, *kovyryay* and *voropay* from the second part of this combination, created by means of an inaccurate reduplication of the idiom, are also of interest. Taking into account their frequency and geography, the common noun *kolupay* [a sluggish, slow person] can be identified as the main component and the synonym to the words *tyukha* and *pantyukha*. In the same row with the lexemes *tyukha*, *matyukha*, *pantyukha*, *kolupay*, we see the word *brat* [brother], which attests not the consanguinity, but the similarity of the people whom the idiom refers to (compare with popular *vash* (*nash*, *svoy*) *brat* [your (our, one's) brother]). The attraction to a personal name and their expressive variations make for the appearance of other pair words (names) in the frames of the structural model *X + Y da kolupay s bratom*: *van'ka s man'koy* ("pure" derivatives from personal names), *proshka*, *eroshka* *shósha da matósha* (most likely, quasi-names, created by means of attraction to diminutive forms of the corresponding personal names).

REFERENCES

1. Feoktistova, L.A. (2017) Once More on Russian Dialect *tyukha*-*matyukha* (*tyukha*-*pantyukha*). *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110
2. Card file of the *Dictionary of Dialects of the Russian North* (stored at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russian).
3. Panikarovskay, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov: v 12 vyp.* [Dictionary of Vologda dialects: in 12 is.]. Vologda: Rus'.
4. Ivanova, A.I. (ed.) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov: v 11 vyp.* [The dictionary of Smolensk dialects: in 11 is.]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
5. Mokenko, V.M. & Nikitina, T.G. (eds) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings]. St. Petersburg: Norint.
6. Lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural University (stored at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russian).
7. Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
8. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri: v 5 t.* [Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vols]. Novosibirsk: Nauka.
9. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
10. Card file of the *Dictionary of Russian Folk Dialects* (stored at the Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg). (In Russian).
11. Leont'eva, T.V. (2008) *Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Human intelligence in the Russian language picture of the world]. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.
12. Anikin, A.E. (2007–cont.) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
13. Borisova, E.O. (2016) *Russkaya leksika so znacheniem bystroty i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte* [Russian vocabulary with the meaning of speed and slowness in the semantic-motivational aspect]. Philology Cand. Dis. Ekaterinburg.
14. Podyukov, I.A. & Svalova, E.N. (eds) (2014) *K piru edetsya, a k slovu molvitsya: narodnaya paremika Permskogo kraja: sb. fol'klornykh tekstov s komment. i istolk.* [Folk paroemias of the Perm region: folklore texts with commentaries and interpretations]. St. Petersburg: Mamatov.
15. Rodionova, I.V. (2005) *Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniya v russkikh narodnykh govorakh* [Characterological nominations of anthroponymic origin in Russian folk dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (10). pp. 159–189.
16. Petrovskiy, N.A. (2000) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow: Russkie slovari; Astrel'.
17. Superanskaya, A.V. (2010) *Slovar' narodnykh form russkikh imen* [Dictionary of folk forms of Russian names]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
18. Minlos, F.R. (2004) *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavjanskikh yazykakh* [Reduplication and pair words in East Slavic languages]. Philology Cand. Dis. Moscow.
19. Bjeletih, M. (2006) *Iskovrnuti glagoli: tipovi ekspresivnih preverbalnih formanata (na srpskom i khrvatskom jezichkom materijalu)* [Irreversible verbs: types of expressive verbal formants (in Serbian and Croatian linguistic material)]. Belgrade: Institute for the Serbian Language SANU.
20. Petleva, I.P. (1996) [Archaic prefixes in Russian dialects]. *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological research]. Proceedings of the I–II Scientific Meetings on Russian Dialect Etymology. Yekaterinburg, 10–12 October 1991; 17–19 April 1996. Is. 6. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 31–38. (In Russian).
21. Sharifullin, B.Ya. (1979) *K postanovke problemy protoindoevropeyskoy prefiksatsii: prefiksalye modeli i tipy ikh znacheniya* [On the formulation of the problem of proto-Indo-European prefixation: prefixal models and types of their meanings]. In: Shatrov, G.M. (ed.) *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh* [Issues of word formation in Indo-European languages]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Sharifullin, B.Ya. (1982) *Ob osobennostyakh ekspressivnykh affiksov v slovoobrazovatel'noy sisteme yazyka. Ekspressivnye prefiksy* [On the peculiarities of expressive affixes in the word-formation system of a language. Expressive prefixes]. In: Fedorov, A.I. (ed.) *Leksika i frazeologiya russkikh govorov Sibiri* [Vocabulary and phraseology of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

23. Sannikov, V.Z. (2002) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian language in the mirror of the language game]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Matveeva, T.V. (2013) *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of the Russian word]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
25. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 vyp.* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 is.]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
26. Vorob'ev, B.D. (1999) *Ot abaltusa do uglanchika, i kto takoy "yad": slovar' sinonimov, kharakterizuyushchikh cheloveka v ural'skikh govorakh* [From abaltus to uglanchik, and who is "yad": a dictionary of synonyms characterizing a person in the Ural dialects]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
27. Matveeva, A.K. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Dopolneniya* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. Supplements]. Ekaterinburg: Ural State University.
28. Borisova, A.N. (ed.) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov: v 2 t.* [Dictionary of Perm dialects: in 2 vols]. Perm: Knizhnyy mir.
29. Vovchok, P.A. (ed.) (1964–1988) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 vols]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. knizh. izd-vo.
30. Varbot, Zh.Zh. (2012) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
31. Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, W. (1952–1953) *Słownik języka polskiego* [Dictionary of the Polish language]. Vols I–VIII. Warsaw: Państw. inst. wydawniczy.
32. Ripka, I. (ed.) (1994) *Slovník slovenských nářečí* [Dictionary of Slovak dialects]. Bratislava: Veda.
33. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Moscow; Leningrad: Nauka.
34. Tupikov, N.M. (2005) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of ancient Russian personal proper names]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
35. Polyakova, E.N. (2005) *Slovar' permskikh familiy* [Dictionary of Perm surnames]. Perm: Knizhnyy mir.
36. Dahl, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
37. Mosin, A.G. (2001) *Ural'skiy istoricheskiy onomastikon* [Ural historical onomasticon]. Ekaterinburg: Izd-vo "Ekaterinburg".
38. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 vols]. St. Petersburg: Nauka.
39. Matveev, A.K. (ed.) (2001–cont.) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects the Russian North]. Ekaterinburg: Ural State University.
40. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethno-linguistic studies]. Moscow: Indrik.
41. Berezovich, E.L. (2014) *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against the Pan-Slavic background: a semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
42. Larin, B.B. et al. (1967–cont.) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Leningrad; St. Petersburg: St. Petersburg State University.
43. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German. by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
44. Chernykh, P.Ya. (2002) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. Moscow: Akademiya.
45. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Reconstructing the lexicon of imprecations: The category of actor and peculiarities of its textual implementation (with special reference to Russian dialectal vocabulary). *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 89–111. (In Russian). DOI: 10.7868/S0373658X18030042
46. Nekrylova, A.F. (2004) "Na Erofeya odin Erofeich krov' greet" ["On the Erofei day, only Erofeich warms blood"]. In: Bayburin, A.K. (ed.) *Studia Ethnologica: tr. fak-ta etnologii* [Studia Ethnologica: The Faculty of Ethnology Proceedings]. Is. 2. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, Vyp. 2. pp. 166–174.
47. Nekrylova, A.F. (2007) *Russkiy traditsionnyy kalendar' na kazhdy den' i dlya kazhdogo doma* [Russian traditional calendar for every day and for every home]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
48. Koleva-Zlateva, Zh. (2008) *Slavyanskaya leksika zvukosimvolicheskogo proiskhozhdeniya* [Slavic vocabulary of sound-symbolic origin]. Debrecen: Debreceni Egyetem.
49. Kogan, E.S. (2014) Proper Names in Dialectal Idioms: Stages of Idiomatization. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*. 1 (16). pp. 122–127. (In Russian).

Received: 04 June 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.62; 303.442.44

А.И. Прохоров

ЯЗЫК КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ПРИМЕНЕНИЕ СХЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО У Э. ГУССЕРЛЯ К АНАЛИЗУ ФОРМАЛЬНОЙ ТАВТОЛОГИИ)

Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции».

Предпринимается анализ формально-тавтологической конструкции «мышление исследуется мышлением», рассматриваемой как замкнутый модуль микросемиозиса. В основе метода – различие теоретического и эмпирического у Э. Гуссерля. Рассмотрение тавтологического суждения в статическом и динамическом модусах даёт возможность трактовать процесс синхронизации субъекта мышления и субъекта суждения как критерий правомерности различия аналитических и синтетических суждений. Описывается свойство языка принимать на себя функцию теории мышления.

Ключевые слова: феноменология; философия языка; аналитическое суждение; тавтология; ложное сознание; идеология; дискурс; Гуссерль; Кант.

Философия, с известной изобретательностью рефлекслирующая над собственным назначением, делает своим методом исследование не того, что по сложному стечению обстоятельств полагается её содержанием, являясь, по сути, лишь исторически деформированным отражением, а того, что устанавливается в качестве её рационалистической и антиметафизической критики. Одним из простейших методов подобной критики является фальсификация, которая в применении к философии – в силу отсутствия естественнонаучной эмпирической базы – может реализовываться в форме доведения до абсурда тех или иных идейных тенденций [1. С. 85]. Частные попытки такой фальсификации выражают и тавтологические предложения, организованные по схеме: «Сознание исследует сознание», «Мышление исследует мышление», «Язык исследуется с помощью языка». Из этих предложений можно выстроить более сложные, но не менее тавтологичные конструкции, например: «Говорящее мышление исследует говорящее мышление» или «Мыслящий язык исследуется с помощью мыслящего языка». Глубина методологического тупика, в который заводят такого рода предложения, измеряется степенью их тавтологии, которая в формальном и визуальном отношениях выглядит абсолютной.

Для прояснения природы подобных предложений достаточно рассмотреть наиболее характерное и рафинированное: «Мышление исследует мышление». Негативным опровержением тавтологии мог бы стать упрек, что само это предложение сформулировано незаконным образом и декларирует «псевдопроблему». На сей счёт в рамках современной философии могло бы возникнуть приблизительно такое высказывание: «Говорящий язык *притворяется* мыслящим языком», как бы намекающее, что никакого «исследования» вообще не существует в силу фундаментальной несамостоятельности или даже эфемерности самого мышления. Позитивным же опровержением может быть указание на то, что в данном предложении

имеет место, но не эксплицируется средствами языка – нарушение логического закона тождества, то есть «мышление» в левой части суждения не эквивалентно «мышлению» в правой части. Неравнозначность частей суждения, положим, скрывается за особенностями его формы и на уровне временной деформации смысла допускает существование в нескольких вариантах. Мышление либо привлекается в качестве дополнительного средства исследования к какому-то основному средству (например, языку), либо играет инструментальную функцию и управляется чем-то из области внемысленного¹ (в этой роли, опять же, может выступать язык или некая мистическая сущность, обладающая способностью предавать себя забвению в мышлении), либо в предложении фигурирует два независимых мышления и их неразличение связано с ошибкой или неточностью высказывания. Предложение может просто быть нормативной манифестацией, претензией на чистоту эксперимента: мышление может исследоваться с привлечением любых посредников, в числе которых способны оказаться семантические механизмы, физические опыты или экстатические состояния, но на определённой стадии эксперимента должен быть очищен от всех привнесённых влияний, оставив мышление наедине с мышлением.

Высказывание «мышление исследует мышление» содержит известный технический парадокс, связанный с тем, что инструмент исследования – безотносительно к тому, *кто* за ним стоит – совпадает с материалом исследования, что может быть воспринято, например, по образу «стол исследуется столом», или – поскольку «мышление» более процессуальное понятие², нежели «сознание» – «действие исследуется действием», или даже: «исследование исследуется исследованием». Предпосылки к разрешению этого парадокса были даны уже в начале рассуждения, когда было показано, как материал-философия обращается в инструмент осмысления своей критики, подвергая исследованию то, что первоначально должно было

осознаваться в качестве мыслительного инструмента определённого вида. Однако можно попытаться ликвидировать этот парадокс и на более простом примере. Так, если предложение «природа исследуется природой» рассматривать в пантеистическом ключе, то под личиной второй «природы» можно разглядеть человека, действующего изнутри первой природы и являющегося её порождением (условным или безусловным – в зависимости от степени привлечения пантеистической предпосылки). Вообще, использование такого примера кажется странным в силу своей антропологической образности, но в действительности именно он как нельзя лучше подходит, чтобы приблизиться к феноменологическому способу рассмотрения той формы, которая делает предложение тавтологией, – ибо сама «пантеистическая предпосылка» оказывается вовсе не тем, к удалению чего из рассуждения следовало бы стремиться, узнавая в нём «трансцендирующие толкования имманентных данностей» [З. С. 20], напротив: то, что казалось предпосылкой, функционирует как некий множитель, приводящий к общему знаменателю все величины, образующие смысловой универсум предложения и до введения «предпосылки» находившиеся в состоянии вольного взаимоотношения. Теперь же предложение обретает чистую метафизическую форму, из которой исключены все физические факторы – такие, как «психическая деятельность и состояния реального Я» [Там же], – и в этом виде оно может быть включено в работу в качестве простой трансцендентально-феноменологической модели.

В момент исследования человек, отважившись противопоставить себя природе, постулирует своё надприродное значение. Ситуация проблематизируется, на первый взгляд, тем, что после завершения своей исследовательской работы – насколько это видится в её фактических частностях, – человек вместо того, чтобы вернуться обратно в природу, раствориться в ней, восстановив тем самым полную тавтологию предложения, напротив, продолжает наращивать свою противопоставленность природе, предательски заедывая для этого полученные результаты. Надежда на восстановление тавтологии покоится на несовершенстве индуктивного метода и вытекающей отсюда теоретической невозможности сказать, что однажды, когда исследование будет доведено до конца, человек вдруг не вернётся в природу. Такая невозможность точного уяснения конца исследования показывает, как отсутствие в действиях человека тотальной телеологии разоблачает прикладной характер его поступков, их инструментальную суть. Человек в данном случае подобен молотку, который много рассуждает о забивании гвоздей, но ничего не ведает о том, каким будет дом, для строительства которого он привлечен. Забивание гвоздей – это работа с фактами³, другими словами, производство эмпирической реальности с её пространственно-временной связностью. Звон, возникающий от соударения молотка с гвоздями, всякий раз неповторим, но всё же остаётся тождественным самому себе в своей сущности – он всегда воспроизводится только как звон конкретного молотка. В этом смысле он может выступать символом мышления,

которое удовлетворительно описывается в психологической системе координат. Другое дело, что участие молотка в процессе строительства определено не характером его звона, который всегда индивидуализирован, то есть «коренится в единичном сужающем объекте или в изменчивом виде существ, выносящих суждения» [З. С. 108], а его идеей, «молотковостью», как «идеальным условием, вытекающим из формы субъективности вообще и из её отношения к познанию» [Там же]. Это «идеальное условие» устанавливает возможность существования «теории» [Там же. С. 107], в которой на уровне «объективного единства истины» [Там же. С. 108–111] с очевидностью проявлены взаимосвязи или, что не менее важно, отсутствие взаимосвязей на эмпирическом уровне, к которому относятся и психологический звон, и реальная «субъективность» конкретного молотка. Теорией определяется и то, как нормируется⁴ его фактическая вовлечённость в процесс домостроительства.

Познающее инструментальное начало, условно обозначенное выше как «человек», невольно подчиняется требованию познавать подобное подобным⁵, и тем самым в *абсолюте* обрекает себя на тавтологию. В этом смысле тавтология всегда довлеет над познающим человеком как *теория человечности*. Противопоставление инструмента материалу является эмпирическим, а их слияние – теоретическим. Именно это уточнение позволяет начать разработку подхода к уяснению *истины* приведённых формальных тавтологий. В случае мышления, желающего исследовать себя, должно произойти его противопоставление самому себе в пределах собственных границ – должно возникнуть «метамышление»⁶ как особая инструментальная рефлексия. На уровне высказывания «мышление исследуется мышлением» имеет место намеренное нарушение логического закона тождества, но с обязательным сохранением возможности восстановления, что и выражается в соблюдении формального словесного тождества.

В контексте разрушения и восстановления формальной тавтологии преобразованный *тавтологический комплекс* «мышление есть исследуемое мышление» можно рассматривать как замкнутый модуль микросемиозиса или как разрешающийся внутри себя самого – то есть в известном смысле субстанциальный и монадический – акт передачи информации. В таком акте передача некоторой информации «предикату», то есть мышлению в его инструментальном аспекте, ведёт к изменению «субъекта» – мышления в его материальном аспекте. Получается, что субъектом действия является «предикат», а объектом действия – «субъект». Изначальная *статическая* ситуация инвертируется при переходе в *динамический* модус. Происходит временное разрушение ролевого распределения внутри суждения. Эмпирическая действительность того, что в теории оказывается тавтологическим суждением, представляет собой вибрацию, в которой необходимым образом присутствует разрушение строгой субъект-объектной дихотомии. Предикат-инструмент в данном случае работает только на преобразование своего объекта, которым выступает субъект суждения, – возникает ситуация, в которой

прерогатива предикации принадлежит предикату. Это кажется принципиально неверным, нелогичным, но только когда по инерции удерживается рассмотрение с начальной формальной позиции. Если же рассматривать ситуацию не теоретически, а эмпирически – приводя свою точку зрения в соответствие с тем, что происходит в конкретной ситуации, то есть практикуя феноменологическую *эмпатию* на уровне суждения, – то такой подход обеспечивает синхронизацию субъекта суждения с субъектом мышления – внешним наблюдателем, порождающим и мыслящим данное суждение. Отныне два «субъекта» синхронно переходят с эмпирического уровня на теоретический и обратно, что позволяет субъекту мышления осознать всю беспредметность разговора о несостоятельности субъект-объектной дихотомии, коль скоро этот разговор становится возможным только в том случае, когда «субъекты» находятся в разных плоскостях, иными словами, когда теоретическое мышление пытается встроиться в эмпирическое суждение. Именно такая методологическая ошибка допускается, когда пытаются показать бессмысленность деления суждений на аналитические и синтетические [5. С. 150–151]. Кант в «Критике чистого разума» вполне последователен просто потому, что сами условия исследования, в которые он себя поставил⁷, синхронизировали его теоретическое мышление с теоретическим уровнем рассматриваемых им вопросов. Неслучайно и критика Куайна становится последовательной только тогда, когда её цель – догматический эмпиризм [7].

Эта проблема имеет ещё одно интересное следствие. Субъект мышления, вставший на теоретическую позицию, не имеет возможности осознать синтетическое суждение. Аналитические суждения «срабатывают» в мышлении как непротиворечивые – ведь они являются теоретическими выражениями, формулами этого мышления. Синтетические же суждения, взятые изолированно⁸, оказываются метафизическими, что было прекрасно показано ещё в зеноновских апориях. Что, например, означает хрестоматийное выражение «Все (физические) тела имеют тяжесть» [6. С. 43]? Если подходить к делу с определенной долей юмора, то тяжесть в голове, возникающая от бесконечных попыток проникнуть в суть этого выражения, ещё ничего не доказывает. Но если говорить серьёзно, то это предложение теоретически осмысливается только условно и только в плоскости языка, который уже содержит в себе аппарат описания ощущений. Необходимость эмпатии в данном случае становится настолько болезненной, что её неосознаваемые до конца рецидивы развиваются в целую тенденцию, которая может быть обозначена как «решительный эмпиризм наших дней» [9. С. 34].

Попытка формализовать те эмпирические процессы, которые были только что описаны, в их динамической полноте привела бы к необходимости введения абсолютно тавтологичной системы двух уравнений, первое из которых имело бы вид «мышление исследуется мышлением», а второе – «мышление исследует мышление», что в рамках линейного суждения невыполнимо технически. В момент завершения исследования, то есть в момент восстановления тав-

тологии, именно исследованное мышление оказывается вмещением знания не только о результатах исследования (и о том, что само исследование имело место), но и об инструменте исследования: мышление полностью восстанавливается в своих правах и вбирает в себя предикат, – в итоге всё суждение приобретает *аналитическую* форму. Тавтологическое суждение в динамическом модусе оказывается *синтетическим*: пока суждение соответствует эмпирической реальности или, точнее, само определяет и полностью исчерпывает эмпирическую реальность (ведь речь идёт о субстанциально-монадическом суждении), в нём в непрерывном «происхождении» удерживается синтез *явления – является не нечто*, «утверждаемое» суждением, а является само суждение как субъективное единство феномена, в котором конституирована реальная фактичность суждения, – и только *явившись* в некотором идеальном горизонте, суждение уже не *является*, но *истинствует* – как объективное теоретическое единство. Феноменальная форма предикации «является» переходит в идеальную форму «есть»⁹. Если учесть, что эмпирическое измерение ситуации тяготеет к разрешению в тавтологию, то с позиции *теории* его можно назвать *квазисинтетическим*. Точно так же суждение, которое в теории (статический модус) выступает аналитическим, на эмпирическом уровне (динамический модус) может быть дополнительно охарактеризовано как *псевдоаналитическое* – в силу того, что наращивание *явленности* есть предпосылка индуктивного обобщения, которое тем не менее никогда не достигает теоретической объективности.

В структурном отношении тавтология обладает симметрией: левая и правая части суждения тождественны. И наоборот, такое суждение, в котором тавтология оказывается разрушена, становится ассиметричным. Получается, при переходе от эмпирической фазы к теоретической суждение из ассиметричного превращается в симметричное. Это имеет непосредственное отношение к приводимой Ю.М. Лотманом мысли о том, что «если хранение информации наиболее надёжно обеспечивается симметрическими структурами, то генерирование связано с механизмами ассиметрии» [10. С. 103]. Так, уже обозначенная ситуация восстановления тавтологии, когда суждение возвращается к аналитической форме, представляет собой *знание* – осознанное владение информацией о случившемся мыслительном процессе, который был обозначен как «исследование». Сохранение информации и вправду обеспечивается в рамках симметричной структуры в виде теоретического знания, в виде формулы некоторого эмпирического процесса¹⁰: знание не «является» сознанию – оно «есть» его собственное объективное единство. Но *осознание* того, что некоторое знание присутствует, – это уже процесс динамический и ассиметричный, заново разрушающий тавтологию. Сам процесс мышления тогда можно описать как движение от симметричной тавтологии (знание) к её распаду (незнание и осознание, эмпирическое мышление как таковое) и затем снова к восстановлению (новое знание, знание о знании). Используемые здесь образы распада и разрушения не

должны восприниматься так, будто на месте тавтологии образуется пустота, или так, будто для продвижения в познании необходимо достижение полного незнания. Более точным будет гегелевское понятие «снятие» (Aufheben): новая тавтология не отменяет предыдущую, а «снимает» её, вбирает в себя, и между такими стадиями, как «знание» и «новое знание», необходимо пролегает ещё одна тавтология – «знание о незнании». Само собой, это дробление может быть продолжено до бесконечности, и причина тому – уже изобличённая работа теоретического субъекта в отношении эмпирической реальности. Попытка одновременного осмысления двух уровней реальности суждения наталкивается на своеобразное проявление принципа неопределённости Гейзенберга: производя теоретическое осмысление, субъект мышления фиксирует своё собственное положение относительно теории и обнаруживает её истинность, её «есть-статичность», но при этом, вглядываясь в эмпирическое измерение, он видит только неустойчивое «явление».

Процесс накопления информации становится возможным именно в силу наличия условий, присущих тавтологической системе, пребывающей в постоянной вибрации: соединение субъекта и предиката в тавтологию, происходящее на аналитической фазе, порождает некий «квант информации», рассеивание которого блокируется на синтетической фазе. Наличие подобного кванта информации, то есть некоторого знания, закреплённого в формуле, вынуждает констатировать ситуацию, предшествующую такому закреплению. Тогда получается, что аналитическая фаза (статический модус) выступает как бы вторым тактом информационного процесса. На первом такте совершается передача информации, на втором – её закрепление в качестве знания, или запоминание. Но феноменологически процесс передачи информации начинается, если воспользоваться музыкальной терминологией, «из-за такта» – первым тактом осознаётся уже присутствующее знание, а именно то знание, в котором зафиксировано вхождение мышления в процесс самоосмысления. Затактовое же событие остаётся трансцендентным.

Описанный атомарный процесс объясняет свойство мышления мыслить (осуществляться в своей чистой действительности) *незаметно*, то есть быть по определению *условием* формализации чего-либо, но не объектом этой формализации – в противном случае эмпирический и теоретический уровни пересеклись бы. Формулой процессов мышления, а лучше сказать – чистой теорией мышления *для самого мышления*, выступает язык, который принимает на себя функцию *заметности*. Мышление становится заметно себе самому благодаря языку, в котором оно себя *теоретически* останавливает (дифференцирует), после чего получает возможность рассматриваться как объект. Языку как теории мышления сущностно свойственны аналитичность, статичность и симметричность. Феноменологически это выражается в том, что языковые явления, несмотря на обилие девиаций, *самоорганизуются* (если смотреть «со стороны языка») вокруг «чистой логики» [3. С. 14] и грамматических систем. Язык оказывается теорией (или, предположительно, одной

из возможных теоретических систем), соединяющей в себе две эмпирические по отношению к нему реальности – формализуемое им мышление и обозначаемые им объекты¹¹. Но это соединение, позволяющее вообще обнаружить такую теоретическую реальность, как язык, одновременно выступает в качестве принципа, пролагающего непроходимую границу между мышлением и объектами, которые язык обозначает как объекты реального мира. Язык – это та граница между теоретическим знанием и верой, которой пытался манипулировать Кант¹². По одну сторону такой границы пребывает мышление, погружённое в поток феноменов и осуществляющее теоретическую борьбу с этим потоком. (Борьба с феноменами разрешается в языке, где среди остановленных феноменов мышление обнаруживает собственное теоретическое отражение.) По другую сторону – вера в то, что феноменам соответствуют некоторые объекты и логические порядки, принципиально отличные от субстанции мышления и в агрегатной совокупности образующие реальный мир. Язык в целостности – как «форма всеобщего предложения» [3. С. 58] – тоже обладает свойствами относительной субстанциальности и в этом плане «тавтологичен»: его способность принимать на себя служебные теоретические функции по отношению к мышлению вовсе не исключает его собственной эмпирической реальности, которой, по аналогии, следует приписать следующие сущностные свойства: синтетичность, динамичность и асимметричность. Только это и делает возможным проводимый здесь анализ формальной тавтологии, фиксируемой вербальными средствами и отражающей описанные свойства языка, а также позволяет перенести результаты анализа на отдельные способы функционирования языка в целом.

Опознание в языке теоретической реальности мышления и уяснение его роли в качестве границы между «знанием» и «верой» даёт возможность понять некоторые процессы, происходящие в послекантовской философии. И понимание этих процессов далеко не случайно, а напротив, продиктовано насущной необходимостью – в силу того, что проблемы «синтетических» и «аналитических» суждений, «теоретического» и «эмпирического» существуют как «проблемы» только в рамках философского мышления. После того, как Кант открыл возможность перемещения границы между «знанием» и «верой», вся европейская мысль стала осуществляться именно в действительности этого гигантского тектонического сдвига. Своего максимума – по крайней мере, того из возможных максимумов, который поддаётся идентификации и описанию, – смещение границы достигло в трансцендентальном *εποχή* Гуссерля, когда был сделан ещё один решительный шаг в сторону умаления методологической значимости фанатической веры в существование реального мира. В движение был приведён сам язык как теория мышления. А теория, находящаяся в движении, теряет свою статическую сущность, начинает существовать внутренним противоречием и обращается в своеобразную метастабильную эмпирическую реальность. Пресловутый «лингвистический поворот» следует понимать не как обращение мышления к языку, а как поворот внутри теоретической

реальности самого языка: он важен не своим смещением в сторону мышления или от него, а самим фактом такого смещения. Разумеется, это смещение получило первичный импульс на уровне мышления – мышления Канта и Гуссерля, которые могли и не знать о случившемся, ведь их усилия не были принципиально направлены на язык, сконцентрированы на нём как на области философствования; и поэтому новые понятия и понятийные системы, во множестве вводимые ими, образовали некую вторичную языковую реальность, которая, становясь объектом внимания следующих за ними мыслителей, также не воспринималась ещё как специальная проблема философии языка. Таким образом, это смещение отнюдь не было запущено теми, кто считается непосредственно причастным к «лингвистическому повороту».

Новая эмпирическая реальность языка, индуцируемая сдвигом теории в философском мышлении, существует параллельно его естественной, первичной эмпирической реальности. Обе эти реальности должны быть «подвижны» относительно неподвижной теории, но это ещё не означает, что они неподвижны относительно друг друга. И связано это с тем, что их релятивная «подвижность» относится к разным типам теории. Новой эмпирической реальности соответствует новая искусственная теория этой реальности, не совпадающая с естественным теоретическим измерением языка. В искусственной теории – в отличие от первичной – мышление и мир реальных объектов принципиально неотделимы друг от друга, так как пребывают в одной плоскости и имеют тождественный порядок статичности, а мышление о том и о другом с позиции этой новой теории неизбежно приводит к её собственной специфической метафизике, выражаемой лозунгом «Нет ничего вне текста»¹³.

Теорией искусственной эмпирической реальности языка оказывается *идеология*, понимаемая как интересубъективное единство не истин, но постулатов, индуцированное в результате осмысления мышлением себя самого в языке. В этом смысле идеология противоположна царству истин подлинных как царство истин временных – мнений, узурпирующих право *истинствования*, – то есть как царство лжи.

Сделанное утверждение вовсе не означает, что следы идеологий невозможно отыскать в «докантовскую эпоху» – или, предельно заостряя, что до Канта не существовало лжи: это означает лишь то, что только после Канта началось постепенное движение к осмыслению данного понятия и возникла потребность в обнаружении частных идеологий¹⁴. Понимание идеологии как системы мнений, бесосновательно претендующей на истинность, созвучно с марксистским истолкованием её в качестве результата деятельности «ложного сознания» [15. С. 83], но для прояснения этого созвучия само понятие «ложное сознание» должно синтезироваться не на материалистических и социально-экономических предпосылках, а на виталистических и этических основаниях, как то происходит у Л.Н. Толстого [16. С. 372]. Отделяя в своём рассмотрении эмпирическую личность от разумного закона, Толстой, можно сказать, стихийно входит в режим феноменологической редукции, что уже позволя-

ет приблизиться к трансцендентальному рассмотрению идеологии как «идеального вместилища» тех идей, сумма которых даёт описание «ложного сознания» в виде саморегулирующейся структуры, обладающей устойчивостью.

Если место истины занимает идеология, то место эмпирического языка занимает то, чему в современной философии соответствует понятие «дискурс». Естественная эмпирическая реальность языка начинает поглощаться полем дискурса – той самой искусственно индуцированной реальности, о которой шла речь выше. Роль границы, которую язык принимает на себя в регулировании отношений между мышлением и его объектами, выражается в определении того, как в мышлении конституируется смысл объективной реальности. Смещение границы переопределяет правила конституирования смысла, и дискурс есть тот язык, который говорит о реальности в условиях иного её осмысления. Фатальным обстоятельством оказывается здесь то, что дискурс имеет в качестве своей теории идеологию и в обращении к ней оказывается трансцендентен истине и, следовательно, любой объективной реальности, существующей вне его самого. По этой причине динамизм дискурса внутри самого дискурса осознаётся как самодвижение, субстанциальность, и дискурс становится «мыслящим языком», определяя правила своего развития, но вместе с тем блокируя условия, необходимые для достижения очевидности при попытке различения мышления и его объектов.

Однако «лингвистический поворот» – не как формальное движение в философии, а, в первую очередь, как процесс в истории мышления человечества – не может продолжаться бесконечно. Критика идеологии и тончайший анализ дискурса, предпринятые в XX в. с самых разнообразных позиций – прежде всего со структуралистских, постструктуралистских и семиотических, – указывают на тенденции к преодолению тотального углубления этих явлений. Особенностью всей этой критики, определившей её действенность, но на каком-то этапе выросшей в неустрашимый по объективным причинам недостаток, является то, что она велась *изнутри* движущегося языка – «внутри сфер дискурса» [17. С. 12], где невозможность достижения объективного единства истин не позволяет прийти к осознанию системного принципа, лежащего в основе сцепления идеологии и дискурса на онтологическом уровне (в системе координат этого предложения – *снаружи*). Зародившись в недрах кантовской трансцендентальной философии, смещение теоретической реальности языка должно завершиться в ней же. Дисциплиной, сохраняющей возможность «показать мухе выход из мухоловки» [18. С. 160], когда та почти у порога, является трансцендентальная феноменология, которая в своей методологии содержит радикальную установку (что равнозначно наличию потенциала) в отношении сложившейся ситуации – прямую интенцию на выявление феноменов в их непосредственной данности и их очищение от трансцендирующих факторов, что в применении к языку обозначает прежде всего идентифицирующее и стабилизирующее разделение первичных и вторичных уровней как для эмпирической, так и для теоретической реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данный термин вводится не только для того, чтобы избежать употребления термина «бессознательное», перегруженного партикулярными коннотациями, но и для резервирования возможности действия сверхсознательных трансцендентных факторов. Также не следует исключать зависимость мышления от «состояния сознания» [2. С. 54–56].
- ² Именно такая процессуальность подсказывает, что формулировка «мышление исследуется мышлением» будет нагляднее, нежели «мышление мыслится мышлением» – так как это не только подчёркивает инструментальный аспект, но и позволяет за счёт ощущения неравнозначности понятий «исследование» и «мышление» по динамике акцентировать внимание на наличии движения внутри движения.
- ³ «... факт, т.е. нечто определённое во времени» [3. С. 80].
- ⁴ «... теоретическое предложение принимает нормативную форму: “только А, которое есть В, есть хорошее, т.е. А должно быть В” [3. С. 57].
- ⁵ Постулат, восходящий к Эмпедоклу [4. С. 376].
- ⁶ Возможно проведение параллели к понятию «метасознание» [2. С. 19–39].
- ⁷ См. определение чистого разума как совершенного единства у И. Канта [6. С. 12].
- ⁸ Согласно Куайну, «наши убеждения соотносятся с опытом все вместе и подтверждаются или же не подтверждаются только как совокупность, но не по отдельности...» [цит. по: 8. С. 169].
- ⁹ Ср.: «Связка есть имеет в суждении своей целью именно отличить объективное единство данных представлений от субъективного» [6. С. 135].
- ¹⁰ Здесь уместно вспомнить о формуле математического вида, в которой правая и левая часть теоретического выражения связываются знаком равенства.
- ¹¹ Введение такого различия не является надуманным и связано с вопросом о существовании языка: для того, чтобы язык функционировал, с одной стороны, мы должны о нём знать, а с другой – должны каким-то образом существовать и те предметы и отношения, которые он описывает [2. С. 27].
- ¹² Имеется в виду афоризм «Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» [6. С. 31].
- ¹³ «Il n'y a pas de hors-texte» [11. Р. 227]. В переводе Н. Автономовой: «Внетекстовой реальности вообще не существует» [12. С. 313]; в английском издании этот лозунг звучит так: «There is nothing outside of the text» [13. Р. 159]. Следует учитывать замечание самого Деррида, что превращение этой фразы в «своего рода слоган» исказило её понимание, изначально подразумевавшее также и другой смысл: «Нет ничего вне контекста», что якобы означает «то же самое» [14. Р. 136]. Однако рождение такого слогана из текста, принадлежащего именно Деррида, слишком символично, чтобы в нём можно было не опознать реально работающую мифологию своего времени.
- ¹⁴ Исторически извлечение понятия идеологии в пространство философской мысли связано прежде всего с именем Дестюта де Траси и его трудом «Элементы идеологии» (1801–1815).

ЛИТЕРАТУРА

1. Малкольм Н. Мур и обыденный язык // Аналитическая философия: избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 84–99.
2. Мамардашвили М.К., Пятгорский А.М. Символ и сознание. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М. : Академический Проект, 2011. Т. I. 253 с.
4. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. I. С. 369–450.
5. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 144–159.
6. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2006. 736 с.
7. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–48.
8. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 159–174.
9. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 33–50.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Derrida J. De la grammatologie. P. : Les Éditions de Minuit, 1967. 448 p.
12. Деррида Ж. О грамматики. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
13. Derrida J. Of Grammatology. Baltimore: John Hopkins Press, 1997. 360 p.
14. Derrida J. Afterword. Toward An Ethic of Discussion // Derrida J. Limited Ink. Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 1988. P. 111–154.
15. Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Изд-во политической литературы, 1966. Т. 39. С. 82–86.
16. Толстой Л.Н. О жизни // Полное собрание сочинений. М. : Художественная литература, 1936. Т. 26. С. 313–439.
17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 895 с.
18. Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : АСТ: Астрель, 2011. 347 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 апреля 2018 г.

LANGUAGE AS A THEORETICAL REALITY: APPLICATION OF EDMUND HUSSERL'S DISTINGUISHING BETWEEN THE EMPIRICAL AND THE THEORETICAL FOR FORMAL TAUTOLOGY ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 70–76.

DOI: 10.17223/15617793/434/8

Alexander I. Prokhorov, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: eisensarg@mail.ru

Keywords: phenomenology; language philosophy; analytic reasoning; tautology; false consciousness; ideology; discourse; Husserl; Kant.

The paper proposes the analysis of a formally tautological construction “thought is investigated by thought”, which is considered as a closed microsemiosis module. The complex analysis method includes the following constituents: distinguishing between the theoretical and the empirical performed by E. Husserl in the first volume of his *Logical Investigations*; phenomenological empathy on the judgment level; Yu. Lotman's semiotic conception of information preservation and generation in symmetric and asymmetric structures. Methodological dichotomy between subject and object may be rehabilitated through observing the tautological judgment in both static and dynamic modes. It allows to treat the synchronization process of the thought subject and the judgment subject as a distinction criterion for analytic and synthetic reasoning. There is a description suggested, when the statement about false distinguishing between analytic and synthetic reasoning could be possible (Quine, particularly). During the delimitation of theoretical and empirical consideration levels of the same judgment, concepts of pseudo-analytical and quasi-synthetic judgments have been introduced. It is described how language assumes the function of the thought theory. The thought “stops” itself inside language, whereas facts of

language organize themselves on the basis of “pure logic” and grammar contrary to their intrinsic spontaneity. In such a condition, language may be regarded as a theoretical system, which connects two separated empirical realities opposed to language: thought formalized by language and objects described by language. In this case, language acquires analytic, static and symmetric properties and may be identified as the border between knowledge and belief, which was mentioned by I. Kant. Disturbance of this border induces the metastable theoretic reality that is identified as ideology. Ideology generates its own additional empiric reality, discourse. Discourse is described by means of the concept “thinking language”. The extent is shown to which the conditions of evidence could be provided inside discourse. The concept of ideology is explicated as a product of “false consciousness” which may be observed as a relatively stable structure, but it should be interpreted according to Leo Tolstoy, not Marxism. The results of the analysis allow working out a new approach to phenomenological clarification of the concept system including four elements: theory, language, ideology and discourse. This develops the critique of empiricism and linguistic turn philosophy, demonstrates the inner logic of post-Kantian European philosophy. An example of such critique is an analysis of Kant’s and Husserl’s contribution to the preparation of the linguistic turn.

REFERENCES

1. Malkol'm, N. (1993) Mur i obyden'nyy yazyk [Moore and ordinary language]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
2. Mamardashvili, M.K. & Pyatigorskiy, A.M. (2011) *Simvol i soznanie* [Symbol and consciousness]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
3. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya. Prolegomeny k chistoy logike* [Logical Investigations. Prolegomena to Pure Logic]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
4. Aristotle. (1976) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 369–450.
5. Davidson, D. (1993) Ob idee kontseptual'noy skhemy [On the idea of a conceptual scheme]. Translated from English. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
6. Kant, I. (2006) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
7. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a logical point of view: Nine logical-philosophical essays]. Translated from English. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–48.
8. Straud, B. (1993) Analiticheskaya filosofiya i metafizika [Analytic philosophy and metaphysics]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
9. Shlik, M. (1993) O fundamente poznaniya [On the foundation of knowledge]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
10. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Derrida, J. (1967) *De la grammatologie* [Of Grammatology]. Paris: Les Éditions de Minuit.
12. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.
13. Derrida, J. (1997) *Of Grammatology*. Baltimore: John Hopkins Press.
14. Derrida, J. (1988) *Limited Ink*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press. pp. 111–154.
15. Engels, F. (1966) Pis'mo Frantsu Meringu, 14 iyulya 1893 g. [Letter to Franz Mehring, July 14, 1893]. Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 39. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
16. Tolstoy, L.N. (1936) O zhizni [About life]. In: Chertkov, V.G. (ed.) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 26. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
18. Wittgenstein, L. (2011) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from German. Moscow: AST: Astrel'.

Received: 14 April 2018

В.Т. Фаритов

ФЕНОМЕНЫ ГРАНИЦЫ И ТРАНСГРЕССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Ю.М. ЛОТМАНА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Рассматривается проблема возможности формирования семиотической философии на материале наследия Ю.М. Лотмана. Обосновывается положение, что теоретические разработки Ю.М. Лотмана обладают не только литературоведческой, но и философской значимостью. Показывается, что семиотическая философия Ю.М. Лотмана по преимуществу посвящена разработке концептов границы и трансгрессии. Данное обстоятельство позволяет связать исследования Ю.М. Лотмана с такими направлениями неклассической философии, как перспективизм и философия жизни.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман; трансгрессия; граница; запрет; перспективизм; полифония; философия жизни.

В XXI столетии существенно возрастает интерес к философским аспектам русской семиотики. Выходят монографии Н.С. Автономовой [1], И.В. Дёмина [2], А.Ю. Нестерова [3] и А.Ю. Шелковникова [4]. Увеличение внимания исследователей к философскому потенциалу семиотики является прямым следствием кризиса метафизической парадигмы и инициированного им «лингвистического поворота». Концептуальные разработки семиотической школы позволяют осуществить переориентацию философских поисков, дать неклассическому философскому дискурсу новую направленность, обеспечить современные философские исследования необходимым категориально-понятийным аппаратом (поскольку аппарат классической философии в силу своей метафизической направленности оказывается нерелевантным современной ситуации). Следуя М.Н. Эпштейну, можно говорить о возможности формирования философии семиотики в качестве самостоятельного направления современной философской мысли [5]. Вместе с тем данное направление пока находится только в стадии формирования, проекта. «Семиотический подход получает все большее распространение в современных исторических и культурологических исследованиях. Однако философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал этого подхода до сих пор остаются непроясненными. Терминология и отдельные методологические приемы, разработанные в семиотической литературе, часто применяются некритически, эклектично совмещаясь с традиционными методами исторического познания» [2. С. 178]. Для раскрытия философского потенциала семиотики необходимо, прежде всего, поставить и исследовать вопрос об онтологических основаниях семиотического подхода, эксплицировать его связь с общим контекстом историко-философского процесса. Необходимо показать, что семиотическая философия как зарождающееся и формирующееся направление современной философской мысли принадлежит к принципиально новой философской парадигме, к онтологии нового типа [6].

Как отмечает А.Ю. Шелковников: «Философия семиотики вырастает из семиотики. Семиотика дорастает до философских обобщений в теории семиотического пространства (семиосферы) Ю.М. Лотмана, которого следует признать основоположником философии семиотики» [7. С. 1]. Соответственно, исследова-

ние онтологических оснований семиотической философии уместно будет начать с анализа концептуальных разработок Ю.М. Лотмана, обладающих значительным философским потенциалом. В нашей предыдущей статье мы попытались показать, что ключевыми моментами его семиотического подхода являются феномены границы и ее преодоления – трансгрессии [8]. В настоящем исследовании мы ставим задачу углубить данный тезис с целью выявления онтологических оснований семиотической философии.

Граница, запрет и трансгрессия

В качестве философского концепта трансгрессия начинает употребляться в работах Ж. Батая. Данный концепт связывается французским автором с феноменами границы и запрета: трансгрессия есть нарушение установленных границ, снятие запретов [9. С. 523–617]. Все названные феномены – границы, запрета и нарушения – не только присутствуют в теоретических исследованиях Ю.М. Лотмана, но и выступают в качестве ключевых моментов его концептуальных разработок.

Прежде всего, граница составляет один из конститутивных элементов текста, наряду со структурностью и выраженностью [10. С. 72]. Граница обуславливает внутреннее членение текста, создавая в нем иерархически организованное пространство со своим центром, периферией и пограничными областями, организуя внутри текста оппозиции верха и низа, своего и чужого, внутреннего и внешнего [Там же. С. 286]. Граница отделяет текст как целостный и самостоятельный феномен от остального знакового пространства, получающего статус «нетекста» или другого текста [Там же. С. 264]. Установление различного рода границ выступает в качестве основного и необходимого условия возникновения и существования текста. Без внутренних и внешних границ текст невозможен.

Лотман, однако, не остается в рамках исключительно литературоведческих вопросов теории художественного текста, но поднимается до уровня философских обобщений. Художественный текст, как и всякое произведение искусства, «представляет собой конечную модель бесконечного мира», является «отображением бесконечного в конечном» [10. С. 265]. В этом плане функция языка художе-

ственного текста оказывается идентичной функции языка философского текста. Как отмечает К. Ясперс, «выражение философски всеохватывающего уразумения должно впасть в противоречия, ибо оно хочет в конечных формах высказать бесконечное» [11. С. 202]. Согласно Лотману, «Моделируя безграничный объект (действительность) средствами конечного текста, произведение искусства своим пространством заменяет не часть (вернее, не только часть) изображаемой жизни, но и всю эту жизнь в ее совокупности. Каждый отдельный текст одновременно моделирует и некоторый частный и универсальный объект» [10. С. 267]. На основе этой установки в тексте возникает фундаментальное противоречие, репрезентирующее базовые онтологические оппозиции части и целого, единичного и всеобщего, индивидуального и универсального, конечного и бесконечного, ограниченного и безграничного. Тенденция к замкнутости, отграниченности в пространстве художественного текста дополняется тенденцией к универсальности и, соответственно, безграничности. Возникающее противоречие создает напряжение, необходимое для того, чтобы текст мог обрести эстетическую и / или философскую значимость. Без этого напряжения разнонаправленных установок текст в качестве художественного произведения неосуществим. Наличие одних границ, выделяющих и структурирующих текст, недостаточно: текст в этом случае окажется просто замкнутой на себя моделью определенной части мира. Он будет конечным выражением конечного, ограниченной репрезентацией ограниченного. Но и без предварительной установки всех необходимых границ текст, как уже говорилось выше, также не может существовать. Не существует возможности создать бесконечную модель бесконечного, само понятие таковой модели есть *contradictio in abstracto*. Текст может имитировать отсутствие границ, но границы все равно будут составлять конститутивный момент его существования. Сам человек является конечным и ограниченным по своему способу бытия, поэтому восхождение к бесконечному для него возможно только посредством конечных, предварительно ограниченных форм. Непосредственный выход в беспредельное означал бы для человека устранение всех границ собственного бытия, т.е. гибель, прекращение существования.

Тенденция к установлению границ в тексте поддерживается полаганием запретов на нарушение этих границ. Функция запрета состоит в придании границам значимости, в их выделении и выявлении. Границы без запрета на их преступление являются слабыми, вследствие чего их возможность служить источником образования структуры и смысла значительно снижается. Лотман выделяет в пространстве художественных текстов абсолютные и факультативные запреты [10. С. 247–248]. К абсолютным относятся такие запреты, нарушение которых в данном тексте невозможно, так как приведет к разрушению самого текста. Такой текст уже перестанет восприниматься в качестве текста и, следовательно, не сможет стать конечной моделью бесконечного. К факультативным относятся такие запреты, «нарушения которых столь обычны, что не могут создать активного содержа-

тельного эффекта» [10. С. 247]. Нарушение этих запретов фактически не обладает значимостью, соответственно, не играет в тексте какой-либо существенной роли. Порождающую функцию способны выполнять запреты, занимающие промежуточную позицию между абсолютными и факультативными: «Нарушение этих сильных для данной системы семантических оппозиций будет, с одной стороны, возможно, а с другой – необычно, странно» [Там же. С. 247].

Запреты этого типа выполняет в тексте особую функцию: они делают значимым нарушение установленных границ. Так в пространство художественного текста включается еще один конститутивный элемент: трансгрессия. Текст как модель универсума строится на основе полагания границ и их преодоления, утверждения нормы и ее последующего нарушения, установки запретов и их трансгрессии. Только таким способом конечное получает возможность выражать бесконечное. Бесконечное само по себе не подлежит позитивному выражению, оно не может быть заключено ни в какие границы. Текст, в свою очередь, не может выстраиваться без установления границ и полагания пределов. Это противоречие снимается (но никогда не устраняется полностью) посредством трансгрессии. Лотман подтверждает свои концептуальные выводы анализом обширного текстового материала. Так, он показывает, что установка нормы и ее нарушение пронизывает все уровни поэтического текста, в том числе его ритмическую организацию: «Ритмическое построение стихотворения представляет собой сложное соотношение упорядоченностей и их нарушений. Причем сами эти нарушения – упорядоченности, но лишь другого типа» [10. С. 437]. Ритмическая последовательность, утверждаемая в качестве нормы, формирует у читателя «инерцию ожидания», на фоне которой отклонение от нормы воспринимается как значимое нарушение. Так поэтический текст разворачивает «игру» упорядоченностей и их нарушений» [Там же. С. 438]. Одним из примеров этой игры выступает в поэзии «закон третьей четверти». Суть этого закона состоит в том, что в четверостишии, как правило, «первые две четверти устанавливают некоторую структурную инерцию, третья ее нарушает, а четвертая восстанавливает исходное построение, сохраняя, однако, память и об его деформациях» [Там же. С. 440].

Трансгрессивные феномены в пространстве художественного текста не только нарушают определенные нормы, но и косвенным образом способствуют утверждению этих норм: «анормативное, внесистемное как художественный факт существует лишь на фоне некоторой нормы и в отношении к ней. Где нет правил, не может быть и нарушения правил» [10. С. 525]. Для создания эстетического эффекта норма требует трансгрессии, но и трансгрессия, в свою очередь, требует нормы. Не только нарушения становятся значимыми на фоне правил, но и сами правила обретают большую значимость на фоне нарушений. Так, в пределе, кощунство может оказаться формой богопочитания [12. С. 311]. От этой мысли ведут многочисленные нити к Ф. Ницше, М.М. Бахтину и Ж. Батаю.

Трансгрессия в пространстве художественного текста получает статус *события*: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [10. С. 291]. Событие – это «значимое уклонение от нормы (...поскольку выполнение нормы «событием» не является)» [Там же. С. 292]. «Событие – всегда нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [Там же. С. 294]. Из приведенных определений видно, что событие есть трансгрессивный феномен по существу. Событие это и есть трансгрессия.

В европейской философии XX столетия событие станет одним из базовых концептов фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и логики смысла Ж. Делёза. Для Хайдеггера событие (*das Ereignis*) есть «просвет», разомкнутость бытия, присутствие бытия (*ist da*). Событие есть «онтологическое различие»: обнаружение бытия в сущем как того, что само не является сущим [13]. Это означает, что ключевым моментом в событии как онтологическом феномене является различие. Эта тема получит дальнейшее развитие в работах Ж. Деррида и Ж. Делёза. Для Делёза событие будет означать рождение смысла как «позитивной дизъюнкции»: «Вместо исключения некоторых предикатов вещи ради тождества ее понятия, каждая «вещь» раскрывается навстречу бесконечным предикатам, через которые она проходит в то самое время, как утрачивает свой центр, то есть свою тождественность в качестве понятия или я [moi]» [14. С. 228–229].

Предложенная Лотманом концепция события вписывается в контекст тех преобразований философского дискурса, которые происходили в XX столетии. Трактую событие как «пересечение запрещающей границы, переход через семантический рубеж» [10. С. 296, 297], Лотман осуществляет значимый для становления неклассической философской парадигмы переход от онтологии *субстанций* к онтологии *функций*. Художественный текст не субстанционален, он функционален, поскольку утверждает не заданные, готовые сущности, но события и функции: «Поэтому в поэтическом тексте, по сути дела, невозможно выделить слово как отдельную семантическую единицу. Каждая отдельная в нехудожественном языке семантическая единица в поэтическом языке выступает лишь как функтив сложной семантической функции» [Там же. С. 213]. В пространстве поэтического текста слова в качестве обладающей самостоятельным бытием единицы не существует. Подобно тому, как в квантовой теории элементарная частица представляет собой не статичный самотождественный объект, но «функцию вероятности» [15. С. 102], элементы художественного текста обладают бытием исключительно в качестве функции: «Поэтому ни одна из частей поэтического текста не может быть понята вне определения ее функции. Сама по себе она просто не существует» [10. С. 171]. Переход от субстанций к функциям осуществляется в работах М.М. Бахтина, в частности в его трактовке феномена карнавала: «Карнавал торжествует самую смену, самый процесс сменяемости, а не то, что именно сменяется. Карнавал, так сказать, функционален, а не субстанционален» [16. С. 144].

Выступая в качестве функции, любой элемент художественного текста получает свой смысл посредством пересечения семантических полей. Данный феномен близок дизъюнктивному синтезу, о котором говорил в «Логике смысла» Ж. Делёз. Пересечение семантических полей и есть событие как трансгрессивный феномен. Границы того или иного элемента (будь то слово или фонема) нарушаются, образуются новые, не существующие вне данного контекста смысловые связи и значения: «возникнет значение, невозможное вне этого сопоставления и единственно выражающее сложность авторской мысли» [10. С. 188]. Это трансгрессивное взаимопересечение и взаимоналожение семантических полей приводит к образованию *архисемы* – «семантическому ядру, возникающему на пересечении полей значений каждой из основных семантических единиц» [Там же. С. 193]. Так посредством трансгрессии образуется «смысловая структура особой сложности, необходимая для выражения особо сложного содержания», собственно, поэтический текст [Там же. С. 177]. Особо сложное содержание, для которого требуется столь сложно организованная структура, как поэтический текст, это – бесконечность, мир, как неисчерпаемый универсум.

Таким образом, на основании исследований Ю.М. Лотмана можно сделать вывод, что трансгрессия является универсальным и необходимым компонентом художественного текста как такового. Трансгрессия здесь не является простой помехой или шумом, увеличивающим энтропию структуры. Напротив, трансгрессия выполняет в художественном тексте структурообразующую и смыслопорождающую функцию: «Художественный текст, снимая запреты, существующие на определенных уровнях (грамматическом, семантическом, стилистическом, интонационном и т.д.), на постановку рядом тех или иных сегментов текста, активизирует структурную функцию тех элементов, совпадение которых – необходимое условие для сочетаемости тех же сегментов в нехудожественном тексте» [10. С. 118].

Перспективизм, полифония и философия жизни

Трансгрессивное пересечение различных семантических полей в художественном тексте может принимать форму пересечения различных точек зрения. Тем самым в тексте как модели мироздания утверждается перспективный и полифоничный характер бытия. В истории философии перспективизм связывается в первую очередь с именами Г.В. Лейбница и Ф. Ницше, а исследователем полифонии является М.М. Бахтин. Ю.М. Лотман утверждает перспективизм в качестве основополагающего момента художественного текста, претендующего на построение усложненного образа мира: «действительность – это взаимопересечение различных точек зрения, позволяющее выйти за пределы ограниченности каждой из них. Носителем значения становится не какой-либо стилистический пласт, а пересечение многих контрастных стилей (точек зрения), дающее некое «объективное» (надстилевое) значение» [10. С. 60–61].

При этом следует учитывать, что и в качестве философской позиции и в качестве структурообразующего компонента художественного текста перспективизм не однороден. Существуют как минимум два типа перспективизма, выражающих две принципиально различные онтологии и столь же принципиально различные подходы к художественно-эстетическому моделированию мироздания. Первый тип является метафизическим. Суть его в том, что все многообразие точек зрения на мир фокусируется в единой универсальной точке зрения («метapersпективе»), сводится к общему знаменателю, к единому онтологическому основанию. К этому типу относится перспективизм монадологии Г.В. Лейбница. Философ поясняет свою мысль с помощью образа города, обозреваемого с различных позиций: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным *точкам зрения* каждой монады» [17. 422–423]. Каким бы различным не представлялся город в тех или иных перспективах, город все равно один, его существование носит объективный характер. В конце концов для Лейбница существует верховная монада (Бог), в которой все эти различные перспективы сходятся как в едином центре. В художественной литературе этому типу перспективизма соответствует «монологический роман»: «все полноточные авторские осмысления рано или поздно соберутся к одному речевому центру и к одному сознанию, все акценты – к одному голосу» [16. С. 237]. М.М. Бахтин приводит в качестве примера романа монологического типа произведения Л.Н. Толстого. Ю.М. Лотман выявляет данный тип организации точек зрения в «Герое нашего времени»: «Автор дает некую множественность субъективных точек зрения, которые, взаимoproектируясь, раскрывают свое общее содержание – действительность» [10. С. 56]. Объективная действительность выступает здесь в качестве инварианта, вычленимого из ряда субъективных точек зрения. Различные точки зрения описывают с разных сторон один и тот же, обладающий самостоятельным онтологическим статусом мир. Таков метафизический перспективизм в философии и художественной литературе.

Второй тип перспективизма – постметафизический – в философии получает выражение в учении Ф. Ницше. Множественность точек зрения «ценности» [18. С. 34] не описывает уже никакой объективной реальности и не сводится ни к какому универсальному субъекту. Текст исчез под интерпретацией – «der Text unter der Interpretation verschwand» [19. S. 50]. Причина исчезновения текста (мира) коренится для Ницше в исчезновении универсального субъекта, т.е. в событии смерти Бога. Ницше выстраивает в своей философии принципиально иную, постметафизическую модель мира, в которой множественность и гетерогенность утверждаются сами по себе. Исчезновение высшего метафизического центра приводит

к утверждению сугубо трансгрессивного характера существования. В художественной литературе такая трансгрессивная модель мира получает выражение в творчестве Ф.М. Достоевского, в созданном им жанре полифонического романа. Ю.М. Лотман характеризует данный тип организации точек зрения следующим образом: «многократные перекодировки утверждают отсутствие объективной действительности. Реальность, которая распадается на множество интерпретаций в такой системе, – мнимая. С точки зрения автора, действительность – лишь знак, содержанием которого являются бесконечные интерпретации» [10. С. 56].

Разграничение двух различных типов организации точек зрения соответствует классическому и неклассическому пониманию феномена истины. Первый тип в пространстве русской литературы получил свое выражение в классицизме и романтизме. Все многообразные точки зрения в данном случае сходятся в едином центре – абсолютной и вечной истине. В литературе классицизма этот центр представлен непосредственно: «Фиксированность и однозначность этих отношений, их радиальное схождение к единому центру соответствовали представлению о вечности, единстве и неподвижности истины. Будучи единой и неизменной, истина была одновременно иерархичной, в разной мере открывающейся разному сознанию. Этому соответствовала иерархия художественных точек зрения, лежащая в основе жанровых законов» [10. С. 329]. В романтизме в качестве такого центра выступает мыслящий субъект (автор, лирический герой) как носитель абсолютной истины. Подобная трактовка истины является метафизической и в истории философии соответствует эссенциализму (или догматической метафизике по Канту) и трансцендентальной философии. Истина в данном случае мыслится в перспективе трансценденции.

Второй тип утверждается в неклассической философии. Для него характерно определение истины как сугубо трансгрессивного феномена: «Однако возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фокусируются в едином центре, а конструируют некий рассеянный субъект, состоящий из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы» [10. С. 329]. В такой структуре истина понимается не как единый и универсальный центр, но как пересечение множества перспектив: «Истина, с авторской позиции, возникает как некоторый надтекстовый конструкт – пересечение всех точек зрения» [Там же. С. 335–336]. Вследствие отсутствия единого центра, который позволял бы снять противоречия, в литературе постметафизического периода утверждается борьба разных точек зрения. Поскольку теперь нет возможности выделить приоритетную точку зрения, каждая начинает претендовать на утверждение собственной значимости и на право быть доминирующим способом толкования бытия и мира. В терминологии ницшевской философии речь здесь идет о воле к власти. В концепции Э. Лакло и Ш. Муффа данная ситуация борьбы различных дискурсов будет определяться как антагонизм [20]. Борьба мо-

жет разрешиться утверждением гегемонии одной из перспектив. Либо утверждению будет подлежать сама множественность точек зрения, а их неразрешимые столкновения и пересечения будут образовывать сложную полифоничную ткань художественного текста: «Так возникла та сложная «многоголосная» структура точек зрения, которая составляет основу современного художественного повествования» [10. С. 344]. Базовыми характеристиками повествования такого типа будут увеличение сложности и непредсказуемости и, как следствие, рост информативности текста.

Такой тип организации художественного текста ориентирован уже не на метафизическую Идею, но на живую Жизнь. В философии жизни, начиная с Ницше, основными характеристиками Жизни выступают многообразие и вариативность, подвижность и открытость, переступание установленных пределов. Именно такой представлена жизнь в «Так говорил Заратустра»: «Смотри, – говорила она, – я то, что всегда должно преодолевать самое себя. Конечно, вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному: но все это единое и тайна. Лучше погибну я, чем отрекись от этого единого; и поистине, где гибель и листопад, там, смотрите, жизнь жертвует собой – ради власти! Пусть буду я борьбой, и становлением, и целью, и противоречием целей; ах, кто угадывает мою волю, угадывает также, какими *кривыми* путями она должна идти. Что бы ни создавала я и как бы ни любила я это – скоро должна я стать противницей ему и моей любви: так хочет моя воля» [21. С. 119–120]. Жизнь здесь описана как трансгрессивный феномен по существу. Утверждение этого «многоликого протеизма жизни» Лотман видел не только в «современном повествова-

нии», но и в поэзии А.С. Пушкина, в «Евгении Онегине», в драматических произведениях.

Утверждение бесконечных интерпретаций вместо единой универсальной точки зрения или субстанции приводит к раскрытию игрового аспекта существования и открывает пути творческого отношения к миру. Как отмечает И.Т. Войцкая: «Антииерархический и антитрансценденталистский импульс в искусстве принес с собой пафос всеобщего порождения и безграничного творчества» [22. С. 321]. Анализируя стихотворение Н.А. Заболоцкого, Лотман пишет: «Творчество освобождает мир от рабства предопределенности и создает свободу возможностей, казавшихся невероятными» [10. С. 690]. Иными словами, творчество делает возможным невозможное. Но это и есть определение трансгрессии. Так, А.А. Грицанов дает следующую трактовку данному феномену: «Трансгрессия – концепт философии постмодернизма, фиксирующий феномен преодоления непроходимой границы, и прежде всего барьера между возможным и невозможным» [23. С. 665]. Если творчество понимается как создание того, что в определенной перспективе ценностей и существования казалось невозможным, то отсюда следует, что творчество есть трансгрессивный феномен по существу. Преодолевая установленные границы, творчество раскрывает новые пути существования и смыслообразования.

Таким образом, завершая исследование, можно сделать вывод, что концептуальные разработки Ю.М. Лотмана имеют фундаментальное значение не только для литературоведения, но и для философии. Лотман принадлежит к тому кругу мыслителей, в творчестве которых осуществляется становление новой парадигмы философской мысли – онтологии трансгрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
2. Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.
3. Нестеров А.Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2008. 193 с.
4. Шелковников А.Ю. Философия семиотики. М. : АПКИППРО, 2006. 172 с.
5. Эпштейн М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
6. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб. : Алетейя, 2017. 442 с.
7. Шелковников А.Ю. Философия семиотики как метагносеологическая проблема : автореф. дис. ... на соискание ученой степени д-ра философских наук. М. : МПГУ, 2006. 33 с.
8. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. DOI: 10.17223/15617793/419/7
9. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб. : Азбука, 2016. 704 с.
11. Ясперс К. Всемирная история философии. СПб. : Наука, 2000. 272 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, 2014. 416 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : «Фолио», 2003. 503 с.
14. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
15. Гейзенберг В. Физика и философия. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. 204 с.
16. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
17. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
18. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. М. : Культурная революция, 2006. 688 с.
19. Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2006.
20. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 2001. xix+198 p.
21. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
22. Фридрих Ницше и русская религиозная философия: переводы, исследования, эссе философов «серебряного века»: в 2 т. / сост. И. Войцкая. Минск; М. : Алкиона – Присцельс, 1996. Т. 1. 352 с.
23. Новейший философский словарь / Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Современный литератор, 2007. 816 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 апреля 2018 г.

PHENOMENA OF BORDER AND TRANSGRESSION IN YURI LOTMAN'S RESEARCH: ONTOLOGICAL BASES OF THE SEMIOTIC PHILOSOPHY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 77–82.

DOI: 10.17223/15617793/434/9

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Yu.M. Lotman; transgression; border; ban; perspectivism; polyphony; life philosophy.

The aim of the article is to disclose the philosophical potential of semiotics. To achieve this aim, it is necessary to raise and investigate the issue of the ontological bases of a semiotic approach, to explicate its connection with the general context of the historical-philosophical process. It is necessary to show that the semiotic philosophy as an emerging and developing direction of modern philosophical thought belongs to an essentially new philosophical paradigm, to an ontology of a new type. In this study, the author sets the objective to carry out a philosophical analysis of works of Yu.M. Lotman to explicate the ontological bases of the semiotic philosophy. The material of the study is the conceptual and theoretical developments of Lotman that possess not only literary, but also a considerable philosophical potential. The conceptual and methodological horizon the author uses is the concept “transgression” and the related concepts “border” and “ban”. The term “transgression” is used in the article in the meaning of violation of the established borders, removal of the bans. The author shows that the phenomena of border, ban and violation not only function in the theoretical research of Lotman, but also act as the key moments of his conceptual developments. The author stresses that, according to Lotman, a fundamental contradiction representing basic ontological oppositions of the part and the whole, the single and the general, the individual and the universal, the final and the infinite, the limited and the unlimited emerges in the text. The tendency to isolation in the space of a literary text is complemented with a tendency to universality and, respectively, infinity. This contradiction creates tension necessary for the text to gain aesthetic and/or philosophical significance. Without this tension of the multidirectional orientations, the text as a work of art is impracticable. Existence of borders, allocating and structuring the text, is not enough: the text in this case will be a self-closed model of a certain part of the world. It will be a final expression of the final, a limited representation of the limited. But without a preliminary installation of all necessary borders, the text, as it has already been told above, also cannot exist. The transgressive overlap of various semantic fields in a literary text can take the form of an intersection of different points of view. Thereby, the perspective and polyphonic nature of life is approved in the text as a model of the universe. A conclusion is drawn that conceptual developments of Lotman have fundamental value not only for literary criticism, but also for philosophy. Lotman belongs to the circle of thinkers, whose works form a new paradigm of philosophical thought – transgression ontology.

REFERENCES

1. Avtonomova, N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov* [An open structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Demin, I.V. (2017) *Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of history and hermeneutics of historical experience]. Samara: Samara Academy of Humanities.
3. Nesterov, A.Yu. (2008) *Semioticheskaya skhema poznaniya i kommunikatsii* [Semiotic scheme of cognition and communication]. Samara: Samara Academy of Humanities.
4. Shelkovnikov, A.Yu. (2006) *Filosofiya semiotiki* [The philosophy of semiotics]. Moscow: APKiPPRO.
5. Epstein, M.N. (2004) *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [The space character: On the future of the humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Faritov, V.T. (2017) *Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i Fund Nitshe u istokov novoy filosofskoy paradigmy (iz istorii metafizicheskikh ucheniy)* [Ontology of transgression: G.W.F. Hegel and F. Nietzsche at the source of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical doctrines)]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Shelkovnikov, A.Yu. (2006) *Filosofiya semiotiki kak metagnoseologicheskaya problema* [The philosophy of semiotics as a metageneological problem]. Philosophy Dr. Dis. Moscow.
8. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and a philosopher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
9. Bataille, G. (2006) *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [The Cursed Part. Sacred Sociology]. Translated from French. Moscow: Ladomir.
10. Lotman, Yu.M. (2016) *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The structure of the literary text. Analysis of the poetic text]. St. Petersburg: Azbuka.
11. Jaspers, K. (2000) *Vsemirnaya istoriya filosofii* [World History of Philosophy]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka.
13. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkov: “Folio”.
14. Deleuze, G. (2011) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
15. Geyzenberg, V. (1963) *Fizika i filosofiya* [Physics and Philosophy]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
16. Bakhtin, M. (1979) *Problema poetiki Dostoevskogo* [The Problem of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
17. Leibniz, G.W. (1982) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
18. Nietzsche, F. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Translated from German. Vol. 13. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
19. Nietzsche, F. (2006) *Jenseits von Gut und Böse* [Beyond Good and Evil]. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
20. Laclau, E. & Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
21. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
22. Voytskaya, I. (ed.) (1996) *Fridrikh Nitshe i russkaya religioznaya filosofiya: perevody, issledovaniya, esse filosofov “serebryanogo veka”: v 2 t.* [Friedrich Nietzsche and the Russian religious philosophy: translations, studies, essays by the philosophers of the Silver Age: in 2 vols]. Vol. 1. Minsk; Moscow: Alkion – Pristsel's.
23. Gritsanov, A.A. (ed.) (2007) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Sovremennyy literator.

Received: 05 April 2018

В.В. Целищев, А.О. Костяков

БЕСТИПОВЫЕ ТЕОРИИ ИСТИНЫ И ВНУТРЕННЯЯ ДОКАЗУЕМОСТЬ НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10359.

Предложена комбинация бестиповой концепции истины и «встроенной непротиворечивости» с целью получения систем, выразительные средства которых позволяют доказывать важные факты о самой этой теории. Использование аналогий между бестиповыми теориями истины и теориями со «встроенной» непротиворечивостью позволяет сделать заключение о сфере применимости. Второй теореме Геделя, никоим образом не оспаривая ее справедливость при выполнении условий выводимости Гильберта–Бернаиса.

Ключевые слова: Бестиповая теория истины; парадокс Лжеца; встроенная непротиворечивость; Крипке; Тарский.

Философские обобщения технических результатов математической логики и оснований математики в существенной степени определяются не только теоретическими достижениями, но устоявшимися представлениями о них в научном и философском сообществах. Немногие технические результаты математической логики и метаматематики имеют столь значимые философские следствия, как теоремы Геделя о неполноте арифметики. Первая теорема важна в плане различения концепций истины и доказательства, утверждая наличие в формальной системе истинных, но не доказуемых утверждений. Вторая теорема важна в качестве ограничения возможностей непротиворечивой формальной системы, которая не может доказать собственную непротиворечивость. Структура доказательства обеих теорем Геделя о неполноте близка к парадоксальной, в частности к парадоксу Лжеца, и изобретательность Геделя проявилась в тонких способах избегания парадокса, с сохранением в то же время близости с ним в концептуальных способах осмысления природы истины и доказательства. Обе теоремы являются ограничительными по своему характеру; в эту же категорию входит теорема Тарского о невозможности предиката истины в формализованных языках, также обыгрывающей парадокс Лжеца. В доказательствах всех этих теорем используется арифметизация синтаксиса, изобретенная Геделем, а семантические концепции принадлежат так называемой стандартной семантике Тарского.

Жесткие рамки традиционных оценок расшатываются исподволь появлением вопросов, которые не считались существенными ранее. Так, стандартное мнение о том, что Вторая теорема Геделя является простым следствием Первой теоремы (что и явилось причиной того, что сам Гедель не стал доказывать Вторую теорему), было подвергнуто тщательной критике, связанной с осознанием ее интенционального характера. [1, 2]. Аналогичная ситуация свойственна дискуссиям о теории истины в формализованных языках, где типовой концепции Тарского относительно недавно были противопоставлены бестиповые теории [3]. И при всем при этом радикализм философских следствий не превышал некоторого порога, охранявшего почтенность традиционной философии математики и языка. Появление статьи Б. Уиттла

«Доказательство недоказуемости» знаменует собой наступление нового этапа, которому свойственно открытое сомнение в значимости прежних догм. Это включает как собственно технические аспекты, так и философские: «...статья имеет целью развить естественные варианты расширения некоторой данной теории до такой теории, в которой мы могли бы доказать массу вещей, о том что она сама может доказать, включая собственную непротиворечивость. Если это может быть сделано, тогда будет показано, что типичные характеристики значимости геделевских результатов ошибочны» [4. Р. 93].

Помимо технических вопросов важны философские следствия, которые собственно и являются предметом рассмотрения данной статьи, и важность этих вопросов подчеркивается и самим Уиттлом: «С философской стороны, наиболее очевидный вопрос состоит в следующем. Вторая теорема Геделя о неполноте апеллировала к поразительно разнообразным философским дебатам, от вопросов о программе Гильберта до механицизма. Мы видели, что некоторые из наиболее базисных и широко распространенных философских претензий, опирающихся на эту теорему, ложны. Так что вполне естественно спросить: какой свет это проливает на более широкие использования этого результата?» [Ibid.].

Представляет интерес в первую очередь не столько сам радикализм в подобной ревизии прежних представлений, сколько те методологические установки, которые лежат в основе такого подхода. В частности, предстоит обсуждение *pro et contra* радикализма Уиттла, с попыткой сформулировать новые принципы философской интерпретации технических результатов.

Столь тесное переплетение фундаментальных концепций истины и доказательства в контексте путей разрешения парадокса Лжеца позволяет надеяться на параллелизм в анализе двух устоявшихся догм аналитической философии. С одной стороны, есть представление о невозможности доказательства непротиворечивости теории внутри самой этой теории. С другой стороны, есть также устойчивое представление о невозможности выражения предиката истины в формальных теориях. Но что если есть основания для сомнений в обоих этих результатах о невозможности?

Или, по крайней мере, в одном из них? Повлияет ли это на другой результат? Такие вопросы вполне законны, и в литературе уже некоторое время существуют предположения о необходимости уместной квалификации знаменитых результатов.

Так, в работах С. Крипке и др. разработана концепция истины, где формальная система допускает предикат истины внутри себя [5, 6]. Эта концепция противостоит концепции истины Тарского. Подход Тарского предполагает иерархию языков, в то время как альтернативами ему являются безтиповые теории истины. А условия значимости Второй теоремы Геделя подвергаются анализу, который говорит о «заточенности» доказательства этой теоремы под определенные методы, не имеющие достаточной общности [7].

Что касается Второй теоремы Геделя, то здесь важным являются два обстоятельства: ее интенциональный характер и условия выводимости. Формализация концепции непротиворечивости, представленная Геделем, не является единственной, и доказательство теоремы с такой концепцией сопряжено с выполнением условий Гильберта – Бернаиса, которые частью исследователей рассматриваются как не вполне естественные и исторически приспособленные к геделевской «машинерии» [8]. При постановке вопроса о возможности доказательства непротиворечивости требуется большая общность. В частности, существуют системы, в которых доказательство непротиворечивости внутри системы возможно, так называемые системы со «встроенной» непротиворечивостью есть модификации условий Гильберта – Бернаиса и их оправдание. Всему этому комплексу исследований в геделевском духе присвоено название «лучшей и наиболее общей версии» [7. Р. 262–271]. Одна из целей данной статьи состоит в том, чтобы показать недостаточную общность такой стратегии.

Что же касается предиката истины, то альтернатив концепции Тарского множество. Наиболее известной из них является упомянутая выше теория истины Крипке. При решении парадокса Лжеца у Тарского парадоксальное предложение не может быть вообще сконструировано. Нет единого предиката истины: он должен быть всегда частью метаязыка, отличного от языка, к которому применяется предикат. Ни один предикат не выполняется предложением, которое содержит этот самый предикат, хотя каждое предложение может попасть в объем предиката истины из более высокого метаязыка. Неформальный Лжец не может быть сконструирован, потому что он претендует на то, что содержит единый для всех предикат истины, который может быть выполнен предложениями, которые содержат его: в схеме Тарского не существует такого предиката. Крипке предпринял диаметрально другой подход. Он конструирует язык с одним предикатом истины, который приписывается каждому предложению в языке. Далее, язык позволяет произвольные собственные имена для предложений, так что Лжец может быть сконструирован. Объем предиката истины постулируется техникой неподвижной точки в итеративной процедуре Крипке для вычисления объема и антиобъема предиката истины. Предложение Лжеца заканчивается ни в объеме, ни в антиобъеме,

так что оно ни истинно, ни ложно. Тут не используется никакой метаязык.

Апелляция к большей общности предполагает поиск аналогий между альтернативами геделевской конструкции и альтернативами конструкциям Тарского. Фактически обе альтернативы сталкиваются с аналогичными препятствиями: в случае теории истины речь идет о проблемах с выражением предиката истины в системе, а в случае доказательства о проблемах того, что может доказывать формальная теория внутри себя, в частности, может ли она доказывать собственную непротиворечивость. Преодоление препятствия в первом случае заключается в разрешении парадокса Лжеца, а во втором – в преодолении запрета согласно Второй теореме Геделя о неполноте. Возникает искушение рассматривать указанные случаи в одном ключе, как проявление некоего более общего симптома. В одном случае мы имеем дело с предикатом доказуемости, а во втором – с предикатом истины. В основе обоих случаев лежит допустимость внешне вполне невинной схемы $Pt('A') \rightarrow A$, где 'A' есть имя предложения A. Хотя эта схема подразумевает интерпретацию Pt как предиката именно доказуемости, легко видеть ее родство с T-схемой Тарского: «р» истинно, если и только если “р”. Здесь «р» есть имя предложения. Ничто не препятствует в соответствующем формальном языке, скажем системе S, существованию такой константы с, для которой в S доказуемо, что $s = \neg Pt(c)$. Именно это парадоксальное выражение лежит в сердцевине как геделевской аргументации, так и аргументации Тарского. В самом деле, есть много вариантов предложения, которое устанавливает пределы на то, что теория может доказать о себе в манере, аналогичной $\neg Pt(c)$, и они часто похожи на варианты парадокса Лжеца.

Когда провозглашается, что теория не может доказать собственную непротиворечивость, нужно иметь в виду более общий вопрос о том, что теория может вообще доказать. Форма ответа важна, и ответ на него может быть дан как в естественном языке, так и в формальном «модусе». Дело в том, что в первом случае мы имеем перевод, или интерпретацию, формального результата. В случае геделевского доказательства это перевод не просто формального утверждения, а закодированной версии утверждения. Кодировка синтаксиса посредством арифметики является изобретательным ходом Геделя, позволившим ему дать доказательство того, что если теория непротиворечива, эта непротиворечивость не может быть доказана. Другими словами, такое доказательство, с точки зрения постановки вопроса о возможностях теории доказывать что-либо, является специфическим, и в этом случае возникает вопрос, есть ли аргументы о том, что специфическое доказательство может претендовать на статус общего положения о доказательных возможностях теории. В самой геделевской конструкции такой общности не заложено, когда было обнаружено, что у геделевской формализации непротиворечивости (известной под именем «Con») есть нестандартные соперники (часто обозначаемые как Con*). При нестандартных формализациях Вторая теорема не является справедливой, и в этих случаях

мы имеем формальные системы, в рамках которых можно доказать их собственную непротиворечивость. Эти системы не удовлетворяют условиям выводимости Гильберта – Бернайса, и само существование систем со встроенной непротиворечивостью заставляет усомниться, в какой степени эти условия действительно необходимы.

Каким образом можно надеяться на получение формальной системы, которая в принципе может доказывать некоторые вещи о себе самой, в частности доказывать свою непротиворечивость? «Встроенная» в систему непротиворечивость может получаться на пути расширения стандартной теории S (для которой справедлива Вторая теорема Геделя) до теории S^* , такой, что нечто считается доказательством в S^* , если (i) это некоторое доказательство в S предложения A , и (ii) не существует более короткого доказательства в S предложения B с $A = \neg B$ или $B = \neg A$. Как видно, если S непротиворечива, S^* будет доказывать все те же теоремы, что и S . Предполагается, что система S достаточно сильная формальная система, так что можно даже говорить о системах Арифметики Пеано (РА) и ее расширении $РА^*$. Поскольку в случае РА применима геделевская техника арифметизации синтаксиса, эта же техника применима и к $РА^*$, но уже с доказательством ее непротиворечивости внутри самой $РА^*$. Однако такой подход имеет значительный недостаток, который просто обесценивает все предприятие. Дело в том, что вопрос о непротиворечивости исходной системы S (или РА) остается не отвеченным, поскольку непротиворечивость S^* (или $РА^*$) не дает большей информации, чем вопрос о непротиворечивости S (или РА). Таким образом, встроенная непротиворечивость имеет с этой точки зрения весьма ограниченный характер [4. Р. 97–98]. Очевидно, что если мы хотим получить класс теорий, которые доказывают определенные вещи о самих себе, требуется выход за пределы собственно геделевской проблематики, связанной со Второй теоремой о неполноте.

Если встроенная непротиворечивость S^* не дает большей информации, чем вопрос о непротиворечивости S , тогда первая является попросту тривиальной. Тривиальность является производной того факта, что альтернативы формальному определению непротиворечивости не удовлетворяют условиям выводимости Гильберта – Бернайса. Рассмотрим эти условия: (иногда (ii) имеет несколько отличный от приведенного вид, в частности, вид распределительного закона предиката доказуемости относительно импликации):

- (i) Если $T \vdash A$, тогда $T \vdash \text{Pr}('A')$.
- (ii) $T \vdash \text{Pr}('A') \ \& \ \text{Pr}('A \rightarrow B') \rightarrow (\text{Pr}('B'))$.
- (iii) $T \vdash \text{Pr}('A') \rightarrow \text{Pr}('(\text{Pr}('A'))')$.

Второе условие не вызывает никаких вопросов, будучи аналогом *modus ponens*. Структура доказательства Второй теоремы такова, что все необходимое содержится в этих условиях и возможности построения геделева предложения $c = '\neg \text{Pr}(c)'$. Первое условие в какой-то мере отвечает нашей интуиции, согласно которой, если теория и доказывает нечто, тогда она доказывает, что она доказывает это. Правдо-

подобность этого условия также специфична: если мы идем от практики обращения с теориями, мы должны осознавать, что не все наши интуиции реализуются на всех теориях. Например, мы хотели бы иметь такую теорию, которая просто доказывает собственную непротиворечивость, и тогда условие (iii) просто не выполняется. Что происходит при подобном рода новом подходе к пониманию относительной универсальности знаменитых ограничительных теорем?

Мы начинаем не с дарованного нам ограничительного результата, который формирует наше видение того, что мы хотим получить от формализации. Если мы принимаем некоторую теорию, по разным основаниям – от прагматических до теоретических – то ясно, что мы предполагаем ее непротиворечивость. Это предположение должно быть частью формализма, т.е. мы должны иметь возможность доказательства непротиворечивости формальной системы. Это, в свою очередь, означает, что формальная система доказывает свою непротиворечивость. Ясно, что описанная установка в отношении такой формальной теории противоречит Второй теореме Геделя. Тогда надо понять, что можно сделать для преодоления разрыва наших интуитивных ожиданий в отношении возможностей принятой теории и четко установленном результате математической логики. Очевидным шагом в этом направлении должно быть расширение теории, скажем, за счет добавления предиката истины или предиката доказуемости, которое бы добавило ей выразительные возможности «разговора» о самой себе. Если такое расширение в принципе достижимо, это может быть результатом определенного ослабления условий выводимости Гильберта – Бернайса.

Если эти соображения об учете нашей интуиции, согласно которой мы хотели бы иметь теорию, которая доказывает собственную непротиворечивость, вполне разумны, тогда каковы резоны для принятия условия (iii)? Нами уже было отмечено обстоятельство, при которых (iii) является аналогом принципа эпистемической логики – если субъект знает A , то он знает, что знает A [9]. В данном контексте есть еще более близкий аналог, теперь из теории истины: $T('A') \rightarrow T('T('A')')$. Вполне приемлемый, и даже необходимый, в одних теориях истины, этот принцип явно не проходит в бестиповых теориях.

Контраст между типовыми теориями истины (например, теории Тарского) и бестиповыми теориями (например, теория Крипке) состоит в следующем. В первом подходе различные предикаты истины определены на различных уровнях, и каждый из них определен на всей области. Во втором подходе фиксируется один предикат истины, который получает все более широкую интерпретацию на более высоких уровнях. Предикат истинности распространяется на все большее число предложений. Ясно, что аналог условия (iii) для бестиповой теории истины не соблюдается.

Постоянное «смешение» аргументации по поводу предиката доказуемости и предиката истины не случайно, и говорит скорее о глубоком сходстве этих

двух понятий, или же двух типов теорий формального языка. Формальное сходство понятий заключается в том, что при выборе некоторой исходной теории ее расширение за счет добавления предиката P_T , мы имеем две возможные его интерпретации – как предиката истины и как предиката доказуемости. Заметим, что обе интерпретации являются намеренными. Другими словами, формальная система обоснована при обеих интерпретациях.

Коллизия возникает в том случае, когда мы вводим этот предикат с намеренной интерпретацией как предиката истины, и одновременно полагаем, что есть еще одна интерпретация, а именно предикат доказуемости. Дело в том, что предикат при разных интерпретациях имеет разные объемы – множество истинных предложений и множество доказуемых формул. Важно отметить, что само по себе наличие двух интерпретаций не должно смущать нас, поскольку есть два варианта: или одна из них является нестандартной, или же обе стандартны, и тогда они изоморфны. Памятуя, что по умыслу они обе являются намеренными интерпретациями, мы имеем дело со «счастливым» совпадением. В качестве исходной теории берется некоторая бестиповая теория истины, к ней добавляется предикат истины P_T , а затем этот предикат интерпретируется как предикат доказуемости. Вообще говоря, понятие доказуемости должно управляться специфическими правилами и аксиомами. Но точно так же, как семантика одной из систем пропозициональной модальной логики оказывается совпадающей с семантикой формализованных арифметических теорий [10], две интерпретации одного и того же предиката P_T управляются одними и теми же правилами и аксиомами. Заметим, что в случае модальной системы GL, или логики доказательства, указанное совпадение привело к бурному развитию фактически новой области теории доказательства. Подобная аналогия с интерпретациями предиката P_T говорит о следующем: существование теорий истины с «встроенным» предикатом истины оправдывает претензии на создание теорий с «встроенным» предикатом доказуемости, и как следствие, «встроенным» доказательством непротиворечивости теорий внутри них самих.

Мораль использования аналогий между бестиповыми теориями истины и теориями со «встроенной» непротиворечивостью состоит в следующем. Заключение о сфере справедливости Второй теоремы Геделя никоим образом не состоит в жестком вердикте о ревизии посылок, на которые она опирается. Скорее, речь идет о том, что перевод на обыденный язык формальных результатов приводит к значительным искажениям содержания математических результатов. Предложенные выше аналогии полезны и в том отношении, что такое искажение легче проследить на примере теории Тарского о неопределимости истины, которая часто переводится как утверждение о том, что никакой разумный язык не содержит собственный предикат истины. На самом деле, при таком переводе упускается самое главное, а именно, что для такого утверждения требуется соблюдение

определенных условий, выявляемых при попытках блокирования парадокса Лжеца [11]. Точно та же ситуация со Второй теоремой Геделя: дело не в том, что ни одна разумная теория в отношении своей доказуемости не может доказать свою непротиворечивость, а в том, что теория, удовлетворяющая определенным условиям, не может доказать собственную непротиворечивость. Как видно, упор на условия, которым должны удовлетворять теории, чрезвычайно важен. В этом отношении неизбежен вывод, что важен акцент: исторически и концептуально случилось так, что мы говорим о доказательстве Второй теоремы, если соблюдены определенные условия (в данном случае, условия выводимости). А надо бы говорить следующим образом: если теория удовлетворяет определенным условиям, тогда она не может доказать собственную непротиворечивость. Если на первом месте стоят условия, то вполне законен вопрос, в какой степени эти условия сами по себе самодостаточны или самоочевидны. Если они не имеют такого характера, это означает возможность их ревизии, с соответствующей последующей ревизией и самих теорем. Как настаивает Уиттл, наше намерение иметь теории, доказательные возможности которых касаются собственных возможностей, например, доказательства собственной непротиворечивости, является в этом предприятии главным обстоятельством, которому нет теоретических препятствий со стороны устоявшихся представлений. Безусловно, главным мотивом подобного логического обращения посылок и заключений в приведенных выше условиях утверждениях явилось создание бестиповых теорий истины, содержащих свой собственный предикат истины.

Таким образом, проведение параллелей между теорией доказательства и теорией истины оказывается полезным при соблюдении двух предпосылок. Во-первых, следует проявить интерес к системам со встроенной непротиворечивостью. Так, еще Г. Крайзель приводит примеры формальных систем, в которых доказуема их собственная непротиворечивость, добавляя следующее замечание о полезности такого исследования: «Кстати, с философской точки зрения интересно, что хотя в учебниках логики редко рассматриваются [такие] системы [которые] хорошо, хотя и грубовато, отражают один существенный метод, используемый на практике для проверки доказательств, а именно, сравнение с уже накопленными знаниями...» [12. С. 47].

Во-вторых, рассматриваемые теории истины должны быть бестиповыми. Как таковые, они вызывают к аксиоматической трактовке, и в настоящее время существует значительное число таких аксиоматик, среди которых выделяется система Фейермана – Крипке [13]. Характеристика этих систем выходит за рамки данной статьи, но следует лишь отметить, что такие системы дают значительную свободу в реализации наших интуиций относительно того, какой должна быть теория, выразительные средства которой позволяют доказывать важные факты о самой этой теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Feferman S. Arithmetization of Metamathematics in a General Setting // *Fundamenta Mathematicae*. 1960. Vol. 49. P. 35–92.
2. Kreisel G. On the Problem of Henkin // *Proceedings of Netherland Academy of Science*. 1953. Vol. 56. P. 405–406.
3. Maudlin T. *Truth and Paradox: Solving the Riddles*. Oxford : Clarendon Press, 2004.
4. Wittle B. Proving Unprovability // *Review of Symbolic Logic*. 2017. Vol. 10, № 1. P. 92–115.
5. Крипке С. Очерк теории истины // Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : Канон+, 2010. С. 206–254.
6. Gupta A. Truth and Paradox // *Journal of Formal Logic*. 1982. Vol. 11. P. 11–60.
7. Smith P. *An Introduction to Gödel's Theorems*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
8. Kadvani J. Reflections on the Legacy of Kurt Gödel : Mathematics, Scepticism, Postmodernism // *The Philosophical Forum*. 1989. Vol. XX, № 3. P. 161–181.
9. Williamson T. Iterated Attitudes // *Philosophical Logic* / ed. T. Smiley. Oxford : Oxford University Press. 1998. P. 85–133.
10. Visser A. The formalization of interpretability // *Studia Logica*. 1991. Vol. 50 (1). P. 81–105.
11. Целищев В.В. Парадокс Лжеца и Первая теорема Геделя о неполноте // *ΣΧΟΛΗ*. 2017. Vol. 11, № 2. P. 394–406.
12. Крайзель Г. Биография Курта Геделя. М. : Институт компьютерных исследований, 2003.
13. Stern J. Modality and axiomatic theories of truth II: Kripke-Feferman // *The Review of Symbolic Logic*. 2014. Vol. 7, № 2. P. 299–318.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 мая 2018 г.

TYPELESS THEORIES OF TRUTH AND THE BUILT-IN PROVABILITY OF CONSISTENCY: PARALLELS AND INTERTWINING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 83–87.

DOI: 10.17223/15617793/434/10

Vilaly V. Tselishchev, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: leitval@gmail.com

Artem O. Kostjakov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mrdodger13@yandex.ru

Keywords: The free-type theory of truth; Liar's paradox; built-in consistency; Kripke; Tarski.

The concept of Tarski's truth, long dominating in the world literature and based on the hierarchy of languages, gradually gives way to typeless concepts of truth. The most important difference between these two concepts is the impossibility of the definition in the formal language of the predicate of truth in the first concept, and the presence of universal predicates of truth in the second. Both concepts differ significantly in the epistemological characteristics of the key concept of truth. At present, it is urgent to determine the scope of the significance of the typeless concept of truth. Although the idea of the typeless concept of truth appeared three to four decades ago, it became widely known after the publication of S. Kripke's theory of truth. Further development focused on the actual problems of the theory of truth. And only recently there appeared works devoted to broader aspects of the application of typeless concepts of truth, in particular, the expressive possibilities of formal languages regarding the analysis of these languages themselves. The combination of the typeless concept of truth and the search for the possibility of proving certain properties of language within language itself is of considerable interest, since both approaches are options for solving the Liar's paradox or for avoiding this paradox by various kinds of technical methods. The objective of this study is to demonstrate the possibility of proving the consistency of formal languages within languages themselves. This kind of "built-in consistency", in which the second theorem of Gödel is not satisfied, becomes possible when using typeless concepts of truth. A specific scheme is proposed for combining Kripke's typeless concept of truth and B. Whittle's programmed "built-in consistency" approach to obtain systems that give considerable freedom in expressing our intuitions as to what a theory should be, the expressive means of which allow to prove important facts about this very theory. The use of analogies between typeless theories of truth and theories with "built-in" consistency allows to make a conclusion about the sphere of applicability of the Second Gödel Theorem without questioning its validity under the Hilbert-Bernays derivability conditions. Rather, it is about the fact that translating formal results into everyday language leads to significant distortions in the content of mathematical results. The analogies proposed above are also useful in the sense that such a distortion is easier to trace in the example of Tarski's theory of the indeterminateness of truth, which is often translated as an assertion that no intelligent language contains its own predicate of truth.

REFERENCES

1. Feferman, S. (1960) Arithmetization of Metamathematics in a General Setting. *Fundamenta Mathematicae*. 49. pp. 35–92.
2. Kreisel, G. (1953) On the Problem of Henkin. *Proceedings of Netherland Academy of Science*. 56. pp. 405–406.
3. Maudlin, T. (2004) *Truth and Paradox: Solving the Riddles*. Oxford: Clarendon Press.
4. Wittle, V. (2017) Proving Unprovability. *Review of Symbolic Logic*. 10(1). pp. 92–115. DOI: 10.1017/S1755020316000216
5. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on the rules and the individual language]. Translated from English. Moscow: Kanon+. pp. 206–254.
6. Gupta, A. (1982) Truth and Paradox. *Journal of Formal Logic*. 11. pp. 11–60.
7. Smith, P. (2013) *An Introduction to Gödel's Theorems*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kadvani, J. (1989) Reflections on the Legacy of Kurt Gödel: Mathematics, Scepticism, Postmodernism. *The Philosophical Forum*. XX (3). pp. 161–181.
9. Williamson, T. (1998) Iterated Attitudes. In: Smiley, T. (ed.) *Philosophical Logic*. Oxford: Oxford University Press.
10. Visser, A. (1991) The formalization of interpretability. *Studia Logica*. 50 (1). pp. 81–105.
11. Tselishchev, V.V. (2017) The Liar Paradox and Gödel's First Incompleteness Theorem. *ΣΧΟΛΗ*. 11 (2). pp. 394–406. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILQ.2017.11.6471
12. Kreisel, G. (2003) *Biografiya Kurta Gedelya* [Kurt Gödel's Biography]. Moscow: Institut komp'yuternykh issledovaniy.
13. Stern, J. (2014) Modality and axiomatic theories of truth II: Kripke-Feferman. *The Review of Symbolic Logic*. 7(2). pp. 299–318. DOI: 10.1017/S1755020314000069

Received: 05 May 2018

Р.А. Юрьев

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Рассматривается тезис о единстве теории речевых актов путем сравнительного анализа феноменологии А. Райнаха и теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла в аналитической философии. Демонстрируется применение топического, тематического, генетического и методического параметров к сопоставлению данных теорий. Показано, что в результате «лингвистического поворота» в XX в. говорить о единой теории речевых актов можно лишь с учетом нюансов, связанных с различным пониманием понятия «значения» в феноменологии и аналитической философии.

Ключевые слова: теория речевых актов; значение; лингвистический поворот; перформативность; контекстуальность; антипсихологизм.

Теория речевых актов, как правило, известна благодаря работам таких философов XX в., как Дж. Л. Остин и Дж. Р. Серл и, как правило, рассматривается в рамках традиции аналитической философии. Дж. Остин и Дж. Серл, обращая внимание на дифференциацию языковых ситуаций и тех правил, которые ими управляют, выделили большое количество методологически важных понятий, с помощью которых анализ многообразных речевых актов стал претендовать на статус отдельной философской дисциплины, имеющей к тому же и определенное практическое и методологическое значение для гуманитарных наук. Понятие речевого акта прочно вошло в современный философский лексикон и вполне справедливо связано с именами названных авторов.

Однако существует точка зрения Кевина Маллигана [1. Р. 29–90] и Барри Смита [2, 3], согласно которой истоки теории речевых актов необходимо искать гораздо раньше, а именно, как это часто принято называть, в «континентальной» философской традиции. Истоки теории речевых актов современные исследователи К. Маллиган и Б. Смит связывают с именем Адольфа Райнаха – феноменолога начала XX в., одного из гёттинггенских учеников Эдмунда Гуссерля. Согласно их позиции, А. Райнах, хотя и оставил в философской традиции сравнительно небольшое количество своих произведений, тем не менее предвосхитил многие концептуальные новации классической теории речевых актов в аналитической философии. Поэтому проблема заключается в том, можно ли говорить об единой теории речевых актов, невзирая на различия, связанные с принадлежностью частных теорий к аналитической философии или феноменологии.

На сегодняшний день предпринимаются попытки сравнительного анализа традиции феноменологии и аналитической философии как в зарубежной, так и отечественной традиции. Если это и происходит, то часто в контексте преодоления контрверз «англо-американской» и «континентальной» философии. Но в то же время можно утверждать, что трансформация теории речевых актов в контексте «лингвистического поворота» редко является предметом отдельных исследований. Основной фокус исследований смещен в аналитику наиболее репрезентативных фигур в философии: Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Фреге, Л. Витгенштейна и др. Но это позволяет, в свою очередь, вписать изменения, произошедшие в теории речевых

актов в контекст более обширных трансформаций философии в XX в. в целом.

В зарубежной литературе, посвященной компаративному анализу, известен перевод статьи Д. Фоллесдала «Введение в феноменологию для философов-аналитиков» [4. С. 158–173]. Что касается собственно сравнения феноменологии и аналитической философии в самой работе, то оно проходит по линии сходства и различия понимания «значения» у Г. Фреге и Э. Гуссерля. Не вдаваясь в подробности исследования Д. Фоллесдала, укажем, что вопрос «значения» при сравнении феноменологической и аналитической теорий речевых актов является одним из наиболее важных. Забегая вперед, укажем, что все различия теории речевых актов в феноменологии и теории речевых актов в рамках аналитической философии связаны именно с этим обстоятельством.

В отечественной философии работы Е.В. Борисова [5; 6. С. 84–143; 7], В.А. Ладова [7], В.А. Суровцева [7] рассматривают феноменологию и аналитическую философию в процессе изменения параметров философствования в целом, в числе которых на первый план выдвигаются принципы «контекстуальности», «прагматики», «перформативности», «проективной открытости значения». Применительно к теории речевых актов в аналитической философии данные принципы позволяют рассматривать речевые акты как разновидность языковых игр, где конкретные речевые ситуации имеют смысл лишь в определенном социокультурном и историческом контексте. Употребление имен в данном случае связано с набором необходимых коннотаций, принятых в языковом сообществе. Выделенные отдельно Е.В. Борисовым в монографии «Основные черты постметафизической философии языка» параметры философской трансформации позволяют взглянуть на изменения в теории речевых актов как на закономерный процесс развития теории, связанный с переосмыслением понятия «значения» в XX в. В свою очередь, если говорить об единстве теории речевых актов независимо от принадлежности к традиции (о чем и пытается сказать Кевин Маллиган), то необходимыми являются не только вышеназванные параметры, показывающие различия, но и те, благодаря которым можно говорить об единстве теории речевых актов независимо от философской принадлежности. В.А. Суровцев, говоря об ответе на вопрос, что же такое «аналитическая философия», предлагает

рассматривать параметры, задающие «семейное сходство» текстов аналитических философов – а именно то, что они определяются «топически», «генетически», «тематически» и «методически» [8. С. 74]. Следовательно, можно говорить о возможном единстве теории речевых актов, используя данные параметры применительно к теории речевых актов в феноменологии А. Райнаха и теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла в аналитической философии.

Если взять в качестве основания топический и генетический параметр, то теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии уходит своими корнями к работам одновременно как к родоначальникам феноменологии, так и аналитической философии. В первую очередь, здесь имеется в виду так называемая континентальная философия конца XIX – начала XX в. Теория речевых актов А. Райнаха, безусловно, связана с творчеством Ф. Brentano, Э. Гуссерля и Т. Липпса, но также подтверждается факт знакомства А. Райнаха с работой Г. Фреге «Основоположения арифметики» [9. С. 470]. Можно предположить, что знакомство являлось опосредованным и было первоначально инициировано прежде всего изучением работ Э. Гуссерля периода «Философии арифметики» и «Логических исследований».

В свою очередь, вероятно, что и на аналитическую теорию речевых актов оказали влияние работы Г. Райла, который живо, но критически интересовался феноменологией Э. Гуссерля и феноменологией М. Хайдеггера [10. С. 56]. В этом смысле дальнейшее обозначение Дж. Остином теории речевых актов, как «лингвистической феноменологии» уже не выглядит случайным, как и точка зрения Дж. Серла о том, что философия языка является частью философии, сознания, а такой знаковый термин феноменологии как «интенциональность», в поздних работах Дж. Серла начинает приобретать важное значение.

Тематическое рассмотрение теории речевых актов в феноменологии и аналитической философии выглядит следующим образом. Сразу оговоримся, что при сравнении тематического поля нужно учитывать как общие черты, так и нюансы, которые обусловлены историко-философской ситуацией в тот или иной период. К примеру, феноменология А. Райнаха, прежде всего, следует общей антипсихологической тенденции, свойственной как философии логического анализа Г. Фреге, так и феноменологии Э. Гуссерля раннего периода. Собственно говоря, «Априорные основания гражданского права» предваряют критика психологизма в общем виде, и отдельно выделенные критические пассажи по отношению к психологическим теориям. Во многом нужно учитывать, что общий посыл антипсихологизма, свойственного феноменологии и логическому анализу того времени, А. Райнах полностью разделяет. Такого же рода косвенная критика содержится и в более ранних работах А. Райнаха – «Кантово понимание проблемы Юма», «К вопросу о теории негативного суждения» [11. С. 43–75; 12. С. 95–152]. Можно утверждать, что он разделяет общие положения гуссерлевского анализа идеальных объектов, а потому по умолчанию отталкивается от его результатов, не вдаваясь в подробности гуссерлевской аргументации¹.

Таким образом, можно говорить об едином тематическом и проблемном поле в феноменологии и аналитической философии, а часто и об схожей категориальной структуре, с помощью которой оно анализируется. Но что касается Дж. Остина и Дж. Серла, то разработка теории речевых актов в аналитической философии уже происходит в ситуации *post factum*, когда психологистские теории в философии стали маргинальным явлением. Работы Г. Фреге, Э. Гуссерля, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и других сыграли здесь огромную роль. Потому и Дж. Остин и Дж. Серл действуют в уже внутри сложившегося и нового философского словаря. Иными словами, что Г. Фреге, Э. Гуссерлю и А. Райнаху предстояло обосновать, для Дж. Серла и Дж. Остина представляется достаточно очевидным.

Однако при более пристальном рассмотрении можно обнаружить важные различия в деталях. Характеризуя творчество Г. Фреге, В.А. Суровцев указывает: «... знание, претендующее на истинность, не должно принадлежать сознанию отдельного человека. Сама истина формирует объективные аспекты референции, поскольку выступает в качестве предметного значения, не зависящего от конкретной психической жизни. Таковы все истины науки, значение которых оставалось бы неизменным, даже если бы не существовало ни одного человека. Объективность мысли сродни объективности вещей внешнего мира, которые не изменяются ни под воздействием нашего мышления, ни даже усилием воли. Дерево как внешний объект моих психических процессов не изменяется в результате того, что моё отношение к нему имеет определённую психологическую окраску, оно не изменяется в результате того, что я всегда воспринимаю лишь его часть. Так и мысль, будучи воспринята, не меняет своей истинности, но всегда пребывает самоидентичной и неизменной» [15. С. 45]. С подобной характеристикой истины А. Райнах полностью бы согласился. Но при этом нужно учитывать, что платонизм Г. Фреге и А. Райнаха весьма различен по исполнению, что и необходимо продемонстрировать.

В работе «К вопросу о теории негативного суждения» А. Райнах критикует попытки связать негативное суждение с некими психологическими обстоятельствами. В психологистских теориях негативное суждение понималось как нечто такое, что относится к стороне сознания. А. Райнах больше интересуется смыслом того, что схватывается в суждении, рассматривая понятие «положения дел». Положение дел – это то, во что верится или утверждается в суждении, только они могут находиться в отношении основания и следования, принимать форму модальностей («форма предмета как таковая исключает модальность») [12. С. 121], в отличие от предметов могут быть позитивными или контрадикторно-негативными, не допуская при этом психологических характеристик в качестве атрибутивных. Тем самым, умозаключения представляют собой цепочку следований положений дел. Суждения «красная роза», «роза красная» отражают единый вещный комплекс, лежащий в основании положения дел. Если положение дел не существует, то тогда существует положение дел, ему противоположное. А это никаким образом не может быть

связано с психологически окрашенной концепцией негативного суждения как отрицания или отрицательного отношения к чему-либо. В этом смысле идеи А. Райнаха сходны по духу в антипсихологистском пункте с идеями Г. Фреге.

Иногда даже может показаться, что в некотором смысле А. Райнах вторит и вводимому Г. Фреге «принципу контекстности» («Необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в нем слова обладают подлинным значением» (цит. по: [15. С. 36]), говоря следующее: «...предположим, что кто-то выражается вопреки тем или иным требованиям словоупотребления. В таком случае его прежде всего упрекали бы в том, что он выражается вопреки употреблению языка, но никогда то, что он говорит, не стало бы ложным из-за использования неупотребительного выражения, если оно правильно, или же правильным, если оно ложно. Значение предложения, конечно, не затрагивается выражением, здесь речь, действительно идет “лишь о различии слов” [12. С. 118]. Но это рассуждение не должно вводить в заблуждение. Вряд ли это можно назвать по-настоящему принципом контекстности по той причине, что хотя А. Райнахом и признается очевидность произвольности знака, в то же время смысл и значение представляют единое целое. А. Райнах не проводит различия смысла и значения предмета, поэтому при сопоставлении суждений «красная роза растет в саду», противопоставленном суждению «бытие красным розы растет в саду», второе представляется А. Райнахом бессмысленным не по той причине, что у «бытия красным розы растущей в саду» нет коррелята значения, а потому что оно «ложно и даже бессмысленно». Но сопоставив суждения «красная роза растет в саду» и, например, «*Souvenir du Docteur Jamain*⁷ растет в саду», мы увидим, что в райнаховской структуре положения дел невозможно помыслить эти суждения как эквивалентные, поскольку смысл жестко привязан к значению. Эквивалентными будут суждения типа «роза красная растет в саду», «в саду растет красная роза», «роза красная в саду растет» и т.д. Внимание А. Райнаха сфокусировано на предметной, а не функциональной стороне значения. В терминологии Г. Фреге можно было бы здесь сказать, что аргументная часть суждения является у А. Райнаха строго фиксированной, что потом налагает определенный отпечаток на всю теорию речевых актов и априорных оснований права в целом. В итоге значение и смысл у А. Райнаха, совпадая в его априорных основоположениях и сущностных законах, предшествующих позитивному праву, имеют свою специфику и свои ограничения, тем самым не допуская малейшей возможности перформативного использования, как это в дальнейшем произошло в теории речевых актов у Дж. Остина и Дж. Серла.

Значимость творчества Г. Фреге в становлении аналитической философии бесспорна, но при этом различие между смыслом и значением, согласно В.А. Ладову, привело к достаточно различным интерпретациям его трудов. Часто категория «значения», выделенная Г. Фреге, отсылает его творчество к так называемой реалистской позиции: в традиции аналитической философии творчество Г. Фреге, с одной стороны, виделось как демонстрация «референциалистской» семантики.

Иными словами, за знаками стоит объективная реальность, состоящая из материальных объектов. С другой стороны, категория «смысла» позволяла относить творчество Г. Фреге уже к «антиреалистской» позиции, в частности к «ментализму», где «значением слова здесь могут выступать только определенные психические переживания — ощущение, впечатление, намерение и т.д., которые подразумеваются агентом речи при произнесении выражений языка» [16. С. 16–17]. Существует также и позиция, согласно которой можно понимать «реализм в широком смысле, вводя сюда и область объективно существующих абстрактных объектов, и в таком случае Фреге представал как адепт универалистской семантики и снова становился реалистом (уже как платоник)» [Там же. С. 24].

Не вдаваясь в подробности «реалистских-антиреалистских» дискуссий по вопросу принадлежности Г. Фреге к той или иной позиции, укажем на фундаментальную важность самого различения смысла и значения, которое инициировало данные споры. Дело в том, что теория речевых актов Дж. Серла явно эксплицирует одну из сторон понимания «значения» в данном случае. Основные тезисы о значении³ можно понимать так, что намерения говорящего и слушающего необходимо дополнить конвенционалистской трактовкой значения. Дж. Серл в данном конкретном случае говорит о том, что в языке есть конвенции значения, установленные «конститутивными правилами». Смысл воплощен в намерении говорящего как некая субъективная медиальная сторона значения. Значения же устанавливаются конвенционально в результате общей языковой практики. Поэтому Дж. Серл считает, что игнорировать сущности, имеющие объективное существование в рамках социокультурного и исторического сообщества, преждевременно, поскольку они задают базовые параметры коммуникации.

Таким образом, несмотря на очевидность топического, генетического и тематического параметров в теории речевых актов в аналитической философии и феноменологии, обнаруживаются и достаточно принципиальные различия, связанные с исходным пониманием «значения» в качестве предпосылки, которые определяют и их специфический облик. Не нужно забывать и о разной терминологии, используемой А. Райнахом, с одной стороны, и Дж. Остином и Дж. Серлом — с другой, хотя и это различие, скорее всего, и следует из вышеназванных предпосылок.

Это необходимо помнить, говоря о методическом параметре. К. Маллиган отмечает особую тематическую общность теории речевых актов Дж. Л. Остина и социальных актов А. Райнаха. Оба они открывают новую сферу философии, рассматривая такие социальные и речевые акты, как сообщение, вопрошание, распоряжение, принятие обещания и т.д. [1. Р. 28]. Но при этом для Дж. Остина важно то, что «целостный речевой акт в целостной речевой ситуации — это то единственное реальное явление, объяснением которого мы в конечном итоге занимаемся» [18. С. 117]. Для английского мыслителя характерно внимание к контексту и речевой ситуации в целом. Поэтому он и предлагает при анализе речевого акта рассматривать внешние условия его успешности / неудачности.

Для А. Райнаха же характерно внимание для выявления априорной, своего рода «эйдетически» усматриваемой структуры. Но, тем не менее, с точки зрения К. Маллигана, Дж. Остин и А. Райнах, несмотря на совершенно различный теоретический фундамент, приходят примерно к тем же заключениям о чертах речевых актов и необходимости различения лингвистических и нелингвистических компонентов. Новаторство А. Райнаха в рамках феноменологической традиции заключается в том, что он акцентирует внимание не только на ментальных состояниях, но и, связывая эти состояния с лингвистической оболочкой, вводит понятие «социальный акт».

Схема социального акта, предложенная А. Райнахом, следующая: субъект («Я») обнаруживает себя во внутренних (внутренние акты) и внешних переживаниях. Наряду с внутренними актами существует и их внешнее выражение, которое не является для них необходимым условием. «Акту как таковому это не присуще (то, что решение может выражаться в мимике, жестах, быть изъясненным во вне, сообщенным другим. – Р.Ю.), не является для него необходимым. Он вполне может протекать внутренним образом, он может спокойно пребывать в самом себе, не получая внешнего выражения *<eine Äußerung>* в каком бы то ни было смысле» [14. С. 175].

Необходимым условием именно «социального акта» является его выражение – «распоряжение и просьба не могут осуществляться чисто внутренним образом» [Там же]. Это «переживания направленные на другое лицо» (А. Райнах). Подобного рода переживания «проникают в другого», нужно, чтобы другой «им внял». Именно здесь можно говорить о своего рода перформативности социального акта в данном понимании. «Все это социальные акты (просьба, увещание, вопрошание, распоряжение, сообщение, обещание. – Р.Ю.), которые тот, который их осуществляет, в ходе самого осуществления направляет другому лицу, чтобы закрепиться в его душе» [Там же. С. 176]. Согласно К. Маллигану, это значит, что социальный акт не является ни ментальным действием, ни внелингвистическим, ни лингвистическим действием – это «фундаментально новое понятие», включающее в себя сразу три компонента [1. Р. 35].

Социальный акт у А. Райнаха – это и слова, намерения и их усвоение. При этом всегда нужно учитывать неконтекстуальный, неперформативный, непрагматический и строго фиксированный характер значения в его теории. Если в аналитической философии в качестве методического отличия выдвигается внимание к средствам самого философствования, к тонкостям словоупотребления – особенно как это ярко проявилось в творчестве Дж. Остина, то схожие отрывки у А. Райнаха, когда он приводит пример с выражением «я хочу сделать это для тебя» – и здесь, согласно К. Маллигану, можно говорить и о сообщении, о воле, о намерении и об обещании, – не должны вводить в заблуждение. В результате К. Маллиган говорит здесь о схожести понимания между А. Райнахом и Дж. Остином класса имплицитных («неэксплицитных») перформативов. Поэтому здесь, несмотря на «аналитичность» рассуждений А. Райнаха, исследования

«естественного словоупотребления» не носят систематического характера.

Однако феноменологическая теория речевых актов вполне успешно решает ряд проблем, связанных с анализом «ситуации обещания», которой посвящен значительный пласт исследований теории речевых актов в аналитической философии. А. Райнах говорит, что обещание естественным образом порождает требование и обязательство. Значения статичны, отражают идеальное положение дел и схватываются аналогично гуссерлевскому категориальному созерцанию. Здесь феноменологическая теория речевых актов близка к реалистскому (платоническому) пониманию творчества Г. Фреге, поскольку существует идеальное содержание акта действия, и это идеальное содержание должно быть полностью реализовано во всех возможных мирах. Идея обещания и того, что из него следуют требования и обязательства, может быть схвачено только понятием. Здесь оказывается, что истина существует без эмпирического субъекта. В аналитической теории речевых актов полностью отражается прагматический и перформативный поворот современной мысли, при котором контексты, правила, конвенции являются необходимым условием действия и этики. Для феноменологии значение не дополняется конвенциями и не устанавливается правилами, а мыслится самостождественным.

Если открытие теории речевых актов в аналитической философии состояло в том, что произнесения слов служат не только выражению пропозиций, но и совершению действий, а иллокутивные акты связаны с определенными типами произнесений с различной иллокутивной силой, то подобная характеристика по отношению к теории речевых актов в феноменологии достаточно условна. Значения речевых актов статичны, а потому и рассматриваются в терминах «схватывания», «категориального созерцания», «эйдетической интуиции», «познания положения дел». Речевой акт в аналитической философии может быть понят в контексте терминологии «употребления», «действия», «осуществления намерения». Здесь упор делается на динамике значения, способах употребления, контекстах и иллокутивной силе говорящего (особенно, если рассматривать теорию речевых актов у Дж. Серла, где он вводит понятие «статусные функции»). Аппликация положений о иллокутивной силе может быть рассмотрена и на примере аскриптивного характера юридических понятий, детально разработанного одним из единомышленников Дж. Остина, основателем аналитической философии права Гербертом Хартом [19], где установление значения требует внешнего авторитетного источника, выносящего вердикт.

Постановка проблемы речевого акта в феноменологии заслуживает пристального внимания хотя бы потому, что сравнивая ее с более новыми версиями теории речевых актов в аналитической философии, мы можем отследить как в истории философии XX в. происходят значительные сдвиги в понимании того, что есть истина, как она познается и какова ее роль. Отсюда, можно утверждать, что теория речевых актов в современной философии представляет собой единое яв-

ление с достаточно очерченными границами и предметом исследования, которое формировалось в разных философских традициях и в зависимости от их оснований имеет собственный исследовательский потенциал и своеобразие. Если говорить о том, что сравнение различных версий теории речевых актов в феноменологии и аналитической философии не приводит утверждению однозначного единства теории, ввиду рассмотренных нами нюансов, то можно заметить, что феноменологическая теория речевых актов вносит свой вклад в становление «постметафизической онтологии». По-своему ставя, но не раскрывая проблем интерсубъективности и коммуникации, теория А. Райнаха предвосхищает в определенном смысле попытки преодоления «методического солипсизма» Э. Гуссерля позднего периода.

В качестве итога отметим следующее. Во-первых, существует общее тематическое поле речевых актов для феноменологии и аналитической философии, связанное с анализом речевых ситуаций. Во-вторых,

можно говорить об общем топическом и генетическом источнике двух теорий, что связано с тенденцией критики психологизма в континентальной философии в начале XX в. Здесь речь идет, прежде всего, о работах Г. Фреге и Э. Гуссерля. В то же время, в-третьих, можно обозначить значительные различия в методическом параметре двух теорий, где основная демаркационная линия связана со статическим и динамическим характером значения. В аналитической теории речевых актов реализуется конвенционалистская трактовка значения, в то время как в феноменологической версии речевых актов можно говорить о значении в реалистском смысле. Поэтому если использовать терминологию Л. Витгенштейна, то можно скорее говорить о «семейном сходстве» двух теорий в рамках единого тематического поля, нежели об их прямой преемственности, что, тем не менее, оставляет вопрос об их диалоге открытым для последующих историко-философских дискуссий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Тем не менее платонические мотивы в философии А. Райнаха, свойственные Э. Гуссерлю раннего периода, крайне сильны. Для наглядности, можно сравнить следующие высказывания А. Райнаха и Э. Гуссерля. А. Райнах пишет: «... те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права. Не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права <...> В действительности имеет место то, что так ревностно оспаривается: позитивное право преднаходит те правовые понятия, которые входят в него; оно ни в коем случае их не производит <...> Такого рода априорные положения имеются в изобилии, строго формулируемые и с очевидностью усматриваемые, независимые от какого бы то ни было постигающего их сознания, независимые и от каких бы то ни было вещей любого позитивного права, точно так же, как и те правовые образования, по отношению к которым они значимы» [13. С. 156–157]. «Если мыслящих существ нет, если устройство природы исключает их, — пишет Э. Гуссерль — и они, стало быть, реально невозможны — если для известных классов истин нет существ, которые были бы способны познать их, — тогда эти идеальные возможности лишены осуществляющей их действительности; в этом случае воспринимание, познание, сознание истины (или же известных классов истин) никогда и нигде не реализуется. Но каждая истина сама по себе остается такой, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие» [14. С. 266].

²Souvenir du Docteur Jarnac — это сорт роз красного цвета.

³Тема значения и смысла отдельно рассматривается в работе Дж. Сёрла «Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language» в параграфе «Meaning» («Значение»):

«Понимание предложения есть знание его значения.

1. Значение предложения определяется правилами, и эти правила устанавливают и условия произнесения и что произнесение позволяет считать нечто как (counts as).

2. Произнесение предложения и значение являются содержанием: (а) намерения (i-1) заставить слушателя знать (узнать, быть предупрежденным), что определенные положения дел установлены определенными правилами; (b) намерения заставить слушателя знать (узнать, быть предупрежденным) это посредством признания (i-1) и намерения (с) заставить его признать (i-1) в силу его знания правил произнесенного предложения.

3. Тогда предложение обеспечивает конвенциональные средства для достижения намерения произвести определенный иллюкутивный эффект на слушателя. Если говорящий произносит предложение и он имеет его в виду, то он будет иметь намерения (а), (b), (с). Понимание слушателем предложения будет просто состоять в постижении тех намерений. Намерения будут достигнуты, если слушатель понимает предложение, то есть знает его значение, то есть знает правила определяющие его элементы» [17. Р. 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure/Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Doordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 29–90.
2. Smith B. Austrian philosophy. The legacy of Franz Brentano. Open Court Publishing Company Chicago and LaSalle, Illinois 1994. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy.
3. Smith B. An essay on material necessity. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/reinach.html#N_1.
4. Фоллесдал Д. Введение в феноменологию для философов-аналитиков // Логика, онтология, язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 158–173.
5. Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
6. Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической онтологии. Вильнюс : ЕГУ, 2008. Т. 1. С. 84–143.
7. Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык. Сознание. Мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс : ЕГУ, 2010.
8. Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб. : Изд-во философского факультета СПбГУ, 2012.
9. Куренной В. Комментарии и примечания // Райнах А. Собрание сочинений. М. : ДИК, 2001.
10. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009.
11. Райнах А. Кантово понимание проблемы Юма // Собрание сочинений. М. : ДИК, 2001. С. 43–75.
12. Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Собрание сочинений. М.: ДИК, 2001. С. 95–152.
13. Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. Т. 1.
14. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собрание сочинений. М. : ДИК, 2001. С. 153–326.
15. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, система и генезис философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.

16. Ладов В.А. Семантика и онтология: проблема реальности в аналитической философии : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
17. Searle J.R. *Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language*. Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
18. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 22–130.
19. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 октября 2017 г.

THE THEORY OF SPEECH ACTS IN PHENOMENOLOGY AND IN THE ANALYTIC PHILOSOPHY: THE EXPERIENCE OF A COMPARATIVE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/434/11

Roman A. Yuriev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: yuriev2003@mail.ru

Keywords: theory of speech acts; meaning; linguistic turn; performativity; contextuality; anti-psychologism.

The article views the thesis about the unity of the theory of speech acts in the twentieth-century philosophy by the comparative analysis of A. Reinach's phenomenology and J. Austin and J. Searle's theory of speech acts in the analytic philosophy. The topical, genetic, thematic and methodological parameters to the comparison of these theories have been applied in the article. The comparison of these theories allows considering the extensive transformations of the contemporary philosophy. Topical and genetic parameters demonstrate that the sources of the theory of speech acts are philosophical investigations of Franz Brentano, Gottlob Frege and Edmund Husserl. There are common features and specific nuances that should be taken into consideration while making a thematic comparison between the theory of speech acts in phenomenology and the theory of speech acts in the analytic philosophy. The fact that unites these directions is that Reinach's theory moves in the common stream of the anti-psychological tendency. This tendency shows us the solidarity of Reinach's phenomenology and Frege's point of view. But the distinction is that Frege's structure of "meaning" gives the chance of interchangeability of the elements in the proposition, because the structure is focused on the functional aspects of "meaning". Further this circumstance provides the development of speech acts in the analytic philosophy as performative, contextual and pragmatic actions. For example, in Searle's speech acts theory, the intentions of a speaker are supplemented with conventional conditions. These conditions provide the stability of meaning. Reinach's point of view is that "meaning" exists as an eidetic partless element. Therefore it is necessary to understand the non-performative, non-contextual and non-pragmatic character of "meaning" in his theory. For this reason, the analysis of a natural language has no systematic character. The "meaning" of speech acts is static and can be considered only in terms of "categorical intuition" and "cognition of state of affairs". The speech act in the analytic philosophy can be understood in the context of the terms "usage" and "action". Thus one can speak about the unity of the theory of speech acts in the phenomenological and analytic philosophy by considering some features of foundations of these theories. Fairly speaking, one can agree that Reinach's phenomenology opens a new field of philosophy by anticipating Husserl's research in the themes of "life-world" and "intersubjectivity", and also makes a contribution to the formation of the "post-metaphysical philosophy of language". One should speak about the "family resemblance" of Reinach's phenomenology and Austin and Searle's theory of speech acts in the analytic philosophy in the framework of a separate thematic field rather than assert the unity of these theories.

REFERENCES

1. Mulligan, K. (1987) *Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure/Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers. pp. 29–90.
2. Smith, V. (1994) *Austrian philosophy. The legacy of Franz Brentano*. Chicago; LaSalle IL.: Open Court Publishing Company. [Online] Available from: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy.
3. Smith, B. (1992) *An essay on material necessity*. [Online] Available from: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/reinach.html#N_1.
4. Follesdal, D. (2006) *Vvedenie v fenomenologiyu dlya filosofov-analitikov* [Introduction to phenomenology for analyst philosophers]. Translated from English. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, ontology, language]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Borisov, E.V. (2009) *Osnovnye cherty postmetafizicheskoy ontologii* [The main features of post-metaphysical ontology]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Borisov, E., Inishev, I. & Furs, V. (2008) *Prakticheskiy povорот v postmetafizicheskoy ontologii* [A practical turn in post-metaphysical ontology]. Vol. 1. Vilnius: EHU. pp. 84–143.
7. Borisov, E.V., Ladov, V.A. & Surovtsev, V.A. (2010) *Yazyk. Soznanie. Mir. Oчерки komparativnogo analiza fenomenologii i analiticheskoy filosofii* [Language. Consciousness. World. Essays on comparative analysis of phenomenology and analytical philosophy]. Vilnius: EHU.
8. Surovtsev, V.A. (2012) [On methods of the analytic philosophy]. *Analiticheskaya filosofiya: problemy i perspektivy razvitiya v Rossii* [The analytic philosophy: problems and prospects for development in Russia]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 29–31 May 2012. St. Petersburg: Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. (In Russian).
9. Kurennoy, V. (2001) *Kommentarii i primechaniya* [Commentaries and notes]. In: Reinach, A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK.
10. Vasil'ev, V.V. (2009) *Trudnaya problema soznaniya* [The hard problem of consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK. pp. 43–75.
12. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK. pp. 95–152.
13. Husserl, E. (1994) *Filosofiya kak stroгая nauka* [Philosophy as a Rigorous Science]. Translated from German. Vol 1. Novocherkassk: Saguna.
14. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK. pp. 153–326.
15. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, sistema i genezis filosofii rannego Vitgenshteyna* [The autonomy of logic: the sources, system and genesis of the philosophy of the early Wittgenstein]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Ladov, V.A. (2010) *Semantika i ontologiya: problema real'nosti v analiticheskoy filosofii* [Semantics and ontology: the problem of reality in the analytic philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Searle, J.R. (1969) *Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Austin, J.L. (1986) *Slovo kak deystvie* [How to do things with words]. In: Gorodetskiy, B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The new in foreign linguistics]. Is. 17. Moscow: Progress. pp. 22–130.
19. Ogleznev, V.V. (2012) *G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava* [H.L.A. Hart and the formation of the analytic philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 15 October 2017

ИСТОРИЯ

УДК 930:355/359.07

Р.С. Авилов

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ПЛАНОВ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1896–1900 гг. ЧАСТЬ 1. ПОСЛЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1894–1895 гг.

На материалах ГАРФ, РГВИА и ОР РГБ исследуется история разработки и обсуждения планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Изучена дискуссия командования Приамурского военного округа с Главным штабом Военного министерства и лично с военным министром А.Н. Куропаткиным. Рассмотрены деятельность Окружного штаба по разработке планов развертывания и сосредоточения войск Приамурского военного округа, в случае начала войны в регионе, процесс составления в округе нового мобилизационного росписания. Установлено, что Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков докладывал военному министру о японской угрозе еще в 1899 г. и эти данные были доложены императору Николаю II.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; Японо-китайская война 1894–1895 гг.; Китайский поход 1900–1901 гг.; Владивостокская крепость; Н.И. Гродеков; А.Н. Куропаткин; В.В. Сахаров; мобилизационная готовность.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. стала важнейшей вехой в истории Дальнего Востока. Победа сравнительно молодой, но хорошо обученной японской армии над войсками слабеющего Китая кардинально изменила военно-стратегическую ситуацию в регионе – стало очевидно, что на международной арене появился новый, достаточно сильный игрок, обладавший не только имперскими амбициями, но и значительной военной мощью для их удовлетворения. Вмешательство Российской империи, вместе с Францией и Германией, в ход Симоносекских мирных переговоров между Японией и Китаем, сопровождаемое открытым военным давлением (мобилизация Приамурского военного округа весной 1895 г.¹, сосредоточение русской эскадры в г. Чифу) привело к отказу Японии от ряда первоначальных требований, возвращению Ляодунского полуострова с Порт-Артуром (в настоящее время г. Люйшунь в КНР) обратно Китаю и потере Страной восходящего солнца лица на международной арене [1. Л. 10 об.–11, 20 об.; 2. Р. 44–47; 3. С. 191–210; 4. Р. 247–293; 5. С. 38–61; 6. С. 93–101; 7. С. 98–107].

Для Командующего войсками Приамурского военного округа и наиболее образованной части офицеров Окружного штаба уже тогда было очевидно, что в результате именно Япония стала новым наиболее вероятным военным противником России на Дальнем Востоке, к столкновению с которым следовало серьезно подготовиться. Округ нуждался в усилении войск, развитии военно-транспортной инфраструктуры и разработке новых планов, рассчитанных на войну с Японией, а не только с Китаем или Британской империей. Ряд мер в этом направлении действительно был предпринят, однако история их до сих пор остается практически не изученной – они оказались в тени более поздних и более ярких событий: Китайского похода 1900–1901 гг., русско-японского соперничества в Маньчжурии и Кореи в 1900–1904 гг., проблемы вывода русских войск из Маньчжурии и подготовки двух стран к Русско-

японской войне 1904–1905 гг., на изучении которых и оказалось сосредоточенным основное внимание исследователей, в том числе современных (см., например: [3; 8–10; 11; 12. С. 195–383]). В результате меры по обеспечению безопасности российского Дальнего Востока, предпринятые с 1896 г. по весну 1900 г., оказались практически не изученными. Так, проблема разработки российской стороной военных планов на случай столкновения с Японией в указанный период последний раз всерьез поднималась более 100 лет назад полковником П.Н. Симанским, сотрудником военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг. [13. Т. 1. С. 176–189]. Этот пробел в историографии и призвана восполнить данная статья.

Первые два года после окончания мобилизации войск Приамурского военного округа весной 1895 г. никаких новых планов сосредоточения войск в Окружном штабе не разрабатывалось. Причина состояла в том, что план сосредоточения войск на случай войны с Японией на территории Китая и непосредственно Приамурского военного округа был разработан еще перед мобилизацией 1895 г. [6. С. 93–101; 7. С. 98–107], и в каких-либо существенных коррективах не нуждался по причине отсутствия заметных изменений в силе группировки русских войск в регионе. Динамика роста штатного состава нижних чинов на Дальнем Востоке (т.е. в Приамурском военном округе и с 1898 г. – в Квантунской области) выглядит следующим образом (показатели приведены по данным на 1 января каждого года): в 1895 г. – 32,1 тыс. чел. (возрос по сравнению с предыдущим годом на 2,1 тыс. нижних чинов, т.е. 7%), 1896 г. – 38,2 (6,1 тыс., 19,1%), 1897 г. – 44,8 (6,6 тыс., 17,4%), 1898 г. – 48,3 (3,5 тыс., 7,8%), 1899 г. – 61,3 (13,0 тыс., 29,2%), 1900 г. – 64,0 (2,7 тыс., 4,5), 1901 г. – 82,0 (18,0 тыс., 28,1%), 1902 г. – 80,9 тыс. чел. (1,1 тыс., 1,4%) [14. Л. 1 об.; 15. С. 41–42]. Решение же вопроса о возможности ведения боевых действий с японской армией на территории Кореи требовало предварительно мас-

штабного изучения этого, практически неизвестного Окружному штабу театра военных действий (ТВД). Последнее и было активизировано в 1896–1897 гг. посредством отправки в королевство различных рекогносцировочных партий.

Уже в 1895 г. в эту страну было командировано несколько офицеров Генерального штаба «с целью развить возможно шире знакомство наше с положением дел в Корее, исследовать, по возможности, все важнейшие пути в этой стране и освежить данные, собранные прежними исследователями» [16. С. 1]. С 11 августа 1895 г. по 10 марта 1896 г. в Корее работал Генерального штаба капитан И.И. Стрельбицкий, с 14 октября 1895 г. по 21 апреля 1896 г. – Генерального штаба капитан М.А. Соковнин, с 29 ноября 1895 г. по 13 марта 1896 г. – Генерального штаба полковник В.П. Карнеев, с 30 ноября 1895 г. по 17 марта 1896 г. – подполковник В.А. Альфтан, с 10 мая по 20 октября 1896 г. – Генерального штаба капитан С.П. Илинский, и с 1 августа по 20 декабря 1896 г. – капитан А.Г. Лубенцов. В результате эти 6 экспедиций прошли 10 089 верст, сняли 5 178 верст (в масштабе 1,2, 2 ½, 3, 5 и 20 верст в дюйме) и собрали данные о северной части Кореи и путях от Фусана (в настоящее время г. Пусан в Республике Корея) к Сеулу и от Сеула к Гензану (в настоящее время город и порт Вонсан в КНДР) и Ычжу (в настоящее время населенный пункт Ыйджу в КНДР). Осенью 1898 г. северную часть Кореи прошла экспедиция ротмистра А.И. Звегинцова и Генерального штаба подполковника барона Н.А. Корфа. Осенью 1898 г. – зимой 1899 г. северную часть Кореи прошла туда и обратно экспедиция Генерального штаба подполковника В.А. Орановского, сумевшая пройти от урочища Новокиевского (в настоящее время пос. Краскино на территории Приморского края, РФ) через север Корейского полуострова и далее по территории Китая до Порт-Артура и вернуться обратно [13. Т. 1. С. 160, 766; 16. С. 1, 4–160; 17. С. 13–14, 95, 125, 222–223, 229–230; 18. С. 1–96; 19].

Однако в связи с необходимостью включения в систему обороны дальневосточных территорий Российской империи, взятых в аренду на 25 лет Порт-Артура, Квантунского полуострова и началом работ по строительству ЮМЖД [13. Т. 8, ч. 1. С. 37–38; 19. С. 1; 20. С. 331–337] ко второй половине 1898 г. планы сосредоточения войск образца весны 1895 г. уже безнадежно устарели и совершенно не годились для сложившихся условий. К этому времени в Окружном штабе были получены первые свежие сведения о состоянии Корейского полуострова в военном отношении, что дало возможность постепенно приступить к разработке нового плана сосредоточения войск на случай войны с Японией.

Работы велись постепенно, и их результаты отправлялись в Военное министерство по мере готовности. Особенностью процесса было то, что наработанные выкладки посылались не в качестве отдельных документов, а каждый раз включались (за редким исключением) в состав документов общего характера, посвященных вопросам необходимости усиления группировки русских войск в регионе.

Первое и основное, что было осознано и закреплено в «руководящих положениях по подготовке Приамурского военного округа к войне» еще осенью 1898 г., – это что задача войскам округа должна быть поставлена «исключительно оборонительного характера, состоящая в сосредоточении всех сил к угрожаемым пунктам, дабы затянуть оборону их до крайнего предела, замедлить развитие успехов неприятельского оружия до прибытия главных резервов, направляемых из России» (цит. по: [13. Т. 1. С. 177, 771]). Войск не хватало катастрофически, в связи с чем от разбрасывания сил было решено отказаться, положив в основу концепции обороны дальневосточных территорий защиту только тех главнейших пунктов, с потерей которых, во-первых, коренным образом ухудшалось военно-стратегическое и внешнеполитическое положение России в регионе, и, во-вторых, которые хотя бы теоретически представлялось возможным удерживать до прибытия подкреплений. Такими пунктами признали, первостепенной важности, Владивостокскую крепость и Порт-Артур, который тогда еще не был укреплен, а также менее важными – среднее течение р. Сунгари (река в Северо-Восточном Китае, правый приток р. Амур; находится на территории нынешних провинций Цзилинь и Хейлунцзян КНР) и устье р. Амур. Причем последнее – «дабы не дать противнику даже нравственного перевеса в борьбе с нами». Именно к этим точкам Командующий войсками округа генерал-лейтенант Н.И. Гродеков предполагал стягивать прибывающие из Сибири подкрепления, чтобы иметь возможность, опираясь на них, вести операции как в направлении: на Ляодунский полуостров или Корею, так и на Южно-Уссурийский край, если бы расположенным на его территории войскам понадобилась помощь (цит. по: [13. Т. 1. С. 177, 771]).

Эти соображения легли в основу разработанного в конце 1898 г. в штабе Приамурского военного округа плана, который затем дополнялся и совершенствовался весной–летом 1899 г. [13. Т. 1. С. 177]. Основные его положения в отношении войск Южно-Уссурийского отдела были сформулированы к 28 ноября 1898 г., сведены с очередными предложениями по усилению войск округа и Владивостокской крепости в единый документ и отправлены в Главный штаб [21. Л. 38–43; 22. Л. 42 об.–61].

Начало документа было у Н.И. Гродекова достаточно красноречивым: «Не вполне обеспеченное положение главного нашего пункта на берегу Тихого океана – крепости Владивосток, вследствие малочисленности гарнизона, не имеющего всех необходимых средств для упорной обороны без подпитки извне, заставило меня ввести в мобилизационный план этого года ускоренную мобилизацию для некоторых частей войск ВЫСОЧАЙШЕ вверенного мне Округа» [21. Л. 38]. Сама крепость тогда еще была укреплена крайне слабо [7. С. 107–146, 155–159], но даже при существовавшей длине оборонительного обвода в 50 верст, имевшегося гарнизона в 7 батальонов для ее защиты было явно недостаточно. Нормальная мобилизация не давала возможности быстро прийти им на выручку. Ближайшие к Владивостоку пехотные части,

дислоцировавшиеся в гарнизонах с. Раздольное (1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк), г. Никольск-Уссурийский (в настоящее время г. Уссурийск на территории Приморского края, РФ) (2, 3 и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые полки) и урочище Барабаш (8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк) при нормальной мобилизации, согласно мобилизационному росписанию № 17 (в Приамурском военном округе его эквивалентом было мобилизационное росписание № 3), могли прибыть во Владивосток только через 9, 11 и 12 дней соответственно [21. Л. 38]. Другим аргументом в пользу введения ускоренной мобилизации крепости и ближайших к ее району войск, «стала оценка сил и средств нашего вероятного противника на Дальнем Востоке – Японии», а также проявленной ей в последнее время активности. И то и другое вызывало у командования Приамурского военного округа заметное беспокойство.

В документе отмечалось: «По сведениям, имеющимся в Округе, Япония, в сравнительно весьма короткий срок, может мобилизовать, сосредоточить и выбросить на берега залива Петра Великого десант в 4–5 дивизий. Если же Япония станет мобилизоваться исподволь, и исподволь же сосредотачивать войска к пунктам посадки, то появление десанта под стенами Владивостока может случиться почти внезапно. Такой план нельзя считать невыполнимым, приняв в расчет значительное превосходство в силах Японии, громадные транспортные средства и выгодность географического положения ее владений, отстоящих всего на расстоянии 48 часов хода от Владивостока. С другой стороны Японии не может не быть известным, что мы во Владивостоке не имеем, за исключением Скрыплевского маяка, никаких средств для заблаговременного извещения о прибытии неприятельского флота; на содействие же обороне Владивостока со стороны нашего флота, казалось бы, возможно рассчитывать только при исключительных обстоятельствах.

Тревожные сведения, получавшиеся из Японии в начале текущего года, по-видимому, вполне подтверждали приведенные соображения. С конца Января и в течение всего Февраля месяцев, стали поступать от агентов и коммерческих людей и проникать в печать сведения об усиленной деятельности в Японской армии и ее арсеналах, о заготовлении в бухтах Сасебо (город и порт в Японии, в префектуре Нагасаки. – *Р.А.*) запасов угля и риса и о сосредоточении в этой бухте Японского флота, под предлогом морских маневров» [21. Л. 38–38 об.].

При таких обстоятельствах, по мнению Командующего войсками округа, открытие Японией «неприятельных против нас действий» вызывало необходимость заблаговременно принять все меры для обеспечения важнейшего пункта на Дальнем Востоке – Владивостока [Там же. Л. 38 об.].

Меры эти сводились к следующему:

1. Для Владивостокской крепости и ее гарнизона было введено ускоренное приведение в боевую готовность и 6-часовая мобилизация. В этот срок должны были быть закончены все работы и все передвижения войск гарнизона, необходимые для занятия батарей и прикрытия их, для занятия главных позиций

и организации «наблюдательной и охранительной службы». С весны 1898 г. при береговых батареях Владивостокской крепости постоянно присутствовала дежурная артиллерийская прислуга и прикрытие, а снаряды, хранившиеся в нишах оружейных дворов, находились «в готовом виде».

2. «Для первоначальной выручки Владивостока» были назначены войска Хабаровского, Никольского, Раздольнинского и Анучинского гарнизонов, которые мобилизовались в 8-часовой срок (за исключением некоторых частей, указанных ниже) и перевозились к станции Надеждинской по железной дороге. 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон, дислоцировавшийся в урочище Барабаш и тоже поступающий на усиление Владивостока, прибывал туда только на третьи сутки.

3. Войска, расположенные в Барабаше, Славянке и Посъете, тоже мобилизовались в 8-часовой срок и занимали назначенные им места и позиции для охранения побережья от урочища Новокиевское до устья р. Суйфун (в настоящее время р. Раздольная в Приморском крае, РФ).

4. Войска самого Новокиевского гарнизона мобилизовались «нормальным порядком», согласно мобилизационному росписанию № 17 (т.е. Приамурского военного округа № 3), и следовали затем походом к Владивостоку. «Введение в этих войсках ускоренной мобилизации, признано неудобным вследствие того, что неприятельский десант, высадившийся в окрестностях Посъета, пользуясь выгодными условиями местности, может отрезать команды, оставленные для домобилизации своих частей, вследствие чего все Новокиевские войска лишились бы вовсе большей части своего обоза».

5. Поскольку допускалась возможность демонстрации неприятеля в районе устья р. Амур, с отправкой противником для этой цели отдельного десантного отряда, то для укрепления Николаевска-на-Амуре и его гарнизона тоже была введена ускоренная мобилизация (на тех же основаниях, как и для Владивостока) [21. Л. 38–39].

Для выработки деталей ускоренной мобилизации, Н.И. Гродеков дал следующие «руководящие основания»:

А. Для полевых войск.

1. Части войск должны выступить в «наивозможно большем численном составе», со всем запряженным в мирное время обозом.

2. Для домобилизации по нормальным условиям, в пунктах квартирования частей должно было быть оставлено лишь строго необходимое число офицеров и нижних чинов, которые должны были привести домобилизованные части на пополнение уже выступивших в поход частей.

3. Части войск перед выступлением должны были выделить кадры для формирования запасных частей и команды для «окарауливания» оставленного на месте имущества, если исполнение этой обязанности не представлялось возможным возложить на соответствующую запасную часть [21. Л. 39].

Б. Для крепости Владивосток и укреплений устья р. Амур.

1. Части войск должны были подготовиться к бою в «наивозможно большем численном составе».

2. Для окончания мобилизации по нормальному положению должно быть выделено строго необходимое число офицеров и нижних чинов.

3. Личный состав гарнизонов (офицеры и нижние чины) должны были быть заблаговременно распределены по назначениям, которые выпадают на них при мобилизации (служба на батареях, сторожевая и т.д.) [21. Л. 39 об.].

На основании этих данных в феврале 1898 г. особой комиссией были выработаны подробные проекты ускоренной мобилизации для полевых войск и для Владивостокской крепости, которые к 28 ноября того же года уже успели ввести в действие. «В проектах этих детально разработано по часам, что кому надлежит делать при объявлении ускоренной мобилизации, как в строевых частях войск, так и в штабах и управлениях и рассчитано для каждой части войск имущество, оставляемое на месте и берущиеся с собою» [Там же. Л. 39 об.]. Все эти проекты тоже были представлены в Главный штаб [Там же].

Согласно разработанному проекту 6-часовой мобилизации Владивостокской крепости, в случае ее объявления, наличным числом нижних чинов укомплектовывались артиллерийской прислужкой все береговые батареи, а вот для батарей сухопутной обороны оставалось всего 7 фейерверкеров и 126 рядовых. По тому же проекту в любой угрожаемый сектор обороны крепости могло быть сосредоточено от 1 600 до 2 000 штыков в не более чем 6-часовой срок по объявлении мобилизации [21. Л. 40].

Кроме того, был детально разработан и принят к исполнению план сосредоточения, в случае объявления ускоренной мобилизации, войск Хабаровского, Раздольнинского, Никольского и Анучинского гарнизонов к станции Надеждинской Уссурийской железной дороги [21. Л. 40; 22. Прил. 2. Л. 44–61].

В случае практической реализации этого плана походным порядком до станции Надеждинской передвигались: Приморский драгунский полк, 1-й Читинский казачий полк (кроме одной сотни, расположенной в урочище Барабаш, одной сотни, которая будет переведена в Хунчунский караул, и еще одной – дислоцировавшейся во Владивостоке), 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и 4 орудия 5-й горной батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (остальные 4 орудия были назначены с сотней 1-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска [ЗКВ] и двумя сотнями Уссурийского казачьего войска [УКВ] занять г. Нингуту (в настоящее время г. Ниньянь провинции Хейлунцзян КНР) для связи с войсками, сосредотачиваемыми в Маньчжурии и прикрытия строящейся там железной дороги на участке от русско-китайской границы до долины р. Муданьцзян). Все остальные части войск, расположенные в указанных гарнизонах (2, 3 и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, 3-й и 10-й Восточно-Сибирские линейные батальоны, 2-я и 4-я легкие и 1-я мортирные батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, 3-я и 4-я батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады,

две роты Восточно-Сибирского саперного батальона и первоочередная сотня УКВ), перевозились туда же по железной дороге [Там же].

Части войск гарнизонов урочищ Посыет, Зайсановка, Барабаш и Славянка (8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, 5, 9 и 11-й Восточно-Сибирские линейные батальоны, 2-я Мортирная батарея 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады – из урочища Новокиевское и сотня Читинского казачьего полка ЗКВ), всего 3 974 штыка, 130 шашек и 6 орудий, мобилизовались в 8-часовой срок и располагались затем для охранения побережья, причем для этого требовалось около 24 часов.

Новокиевский отряд в составе 5, 6 и 7-го Восточно-Сибирских стрелковых полков (8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк присоединялся к нему по прибытии колонны в урочище Барабаш), 3-й легкой и 6-й горной батарей 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, а также, в перспективе, 1-я сотня Читинского казачьего полка ЗКВ, которую предполагалось «в скором времени», расположить в Хунчунском карауле, мобилизовался нормальным порядком и должен был быть готов к выступлению на 17-й день по объявлении мобилизации. Для передвижения отряда от урочища Новокиевское до станции Надеждинской (192 версты) отряду требовалось 9 дней (считая в том числе один день на дневку), так что к станции Надеждинской весь отряд численностью в 7 616 штыков, 130 шашек и 16 орудий прибывал по плану на 26-й день по объявлении мобилизации [21. Л. 40].

Станция Надеждинская была выбрана пунктом сосредоточения в силу трех основных стратегических соображений:

«1) сосредоточение может быть произведено весьма удобно и безопасно;

2) отсюда отряд может быть двинут наиболее удобным образом к вероятным пунктам высадки в глубине как Амурского залива (побережье между реками Лянчихэ и Черной), так и Уссурийского залива (бухта Кангауза);

3) отсюда всего удобнее воспрепятствовать неприятелю произвести полное обложение Владивостока;

в последнем отношении имеет для неприятеля особое значение позиция на высоте южного берега р. Лянчихэ. Позиция эта командуя на оба фронта, на север и на юг, пересекает полуостров во всю ширину, следовательно перехватывает все пути, ведущие к Владивостоку. Оборона флангов позиции может быть поддержана судовою артиллериею» [Там же].

Поэтому ближайшей целью собранного у станции Надеждинской отряда должно было стать «воспрепятствование неприятелю утвердиться на упомянутой позиции», тем более что от станции Надеждинской через станцию Угловая на Владивосток шла «срединою полуострова» Муравьева-Амурского хорошая военная дорога, построенная летом 1898 г. К моменту написания плана дорога была доведена только до долины р. Лянчихэ, но, по мнению Н.И. Гродекова «в скором времени будет доведена до Угловой» [21. Л. 40 об.].

Из этих выкладок следовал вполне закономерный вывод о том, что недостаточная обороноспособность Владивостокской крепости приковывает к ней, в слу-

чае начала действий неприятеля именно против этого пункта, все военные силы Южно-Уссурийского края. «Несоответствие сил крепости есть главная причина слабости обороны этого пункта», поскольку численный состав крепостной артиллерии не допускал назначения необходимого числа артиллерийской прислуги на батареи сухопутной обороны, т.е. на 132 9-фунтовые полевые пушки оставалось 7 фейерверкеров и 126 рядовых [21. Л. 40 об.]. Исходя из этого, Н.И. Гродеков формулировал очередные ходатайства по усилению Владивостокского гарнизона и артиллерии крепости [Там же. Л. 40 об.–41 об., 42 об.]. Только в случае их удовлетворения «можно будет считать Владивосток способным к самостоятельной обороне и явится возможность, если не всем войскам, расположенным в Приморской области, то хотя бы большей части их дать назначение резерва, способного быть направленным сообразно обстоятельствам на Маньчжурский или Южно-Уссурийский театр» [Там же. Л. 41 об.]. В условиях сложившейся внешнеполитической и военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке успешное выполнение всех стоящих перед округом задач Н.И. Гродеков считал возможным лишь в случае значительного усиления и остальных войск, не входящих в состав гарнизона Владивостокской крепости. «Через 5 лет постройка Маньчжурской железной дороги настолько подвинется вперед, что положение наше в несколько раз будет сильнее настоящего, даже при сохранении существующей численности войск. Но надо пережить эти пять лет, надо в течение этого срока во что бы то ни стало прикрыть достраивающийся Великий Сибирский путь, надо, наконец, сохранить за собой Порт-Артур и отстаивать Владивосток. Следовательно, ближайшее пятилетие есть именно тот период, который надо считать наиболее рискованным и нуждающимся в усилении нашего военного положения в Приамурском крае», – заключал Командующий войсками округа. Подчеркнутый в цитате фрагмент был выделен начальником Главного штаба в тексте документа, а на полях наложена резолюция: «Задача весьма трудная» [21. Л. 41 об.].

Гродеков всерьез опасался, что неприятель, пользуясь превосходством сил, может одновременно с Владивостоком начать военные действия и против войск Новокиевского гарнизона, воспрепятствовав их присоединению к отряду, сосредоточивающемуся к станции Надеждинской. Причем такой вариант действий неприятеля Н.И. Гродеков считал «наиболее вероятным и отвечающим обстановке, так как Новокиевскому отряду приходится совершить фланговый марш в 192 версты по узкой прибрежной полосе, имеющей покуда всего один путь». Изыскания для второго, более отдаленного от берега пути ко времени составления документа были уже начаты, но до завершения строительства этого пути было еще очень далеко [Там же. Л. 42]. В случае такого развития событий войска Новокиевского отряда могли быть «оттиснуты на другой театр – Маньчжурский, к Гирину (в настоящее время г. Цилинь в одноименной провинции КНР). Другими словами, явится невозможность сосредоточить к Владивостоку все войска Южно-Уссурийского отдела – и сила выставленного об-

сервационного отряда к Владивостоку не превзойдет 9 240 штыков.

За сим, за исключением войск, охраняющих побережье Посыетского участка, в Приморской области от Амура до Владивостока не будет ни одного батальона, кроме двух запасных, одного в Никольском, другого в Хабаровске.

«Такое положение, конечно, не может считаться нормальным и полное несоответствие сил Округа с современными для него задачами на Южно-Уссурийском театре в военное время высказывается с полной очевидностью» [21. Л. 42–42 об.].

Что же касается соображений «относительно организации военных операций на Маньчжурском театре, в целях оказания содействия крепости Порт-Артур», то они к 28 ноября 1898 г. еще не были закончены и Н.И. Гродеков обещал представить их в дополнение к отосланным документам позднее [Там же. Л. 42 об.], что и было сделано.

В целом в первый период кампании, т.е. до прибытия резервов из Сибири, войска Приамурского военного округа должны были образовать два корпуса и один отряд, имевшие каждый свое назначение. Южно-Уссурийский корпус должен был задержать наступление противника в случае его высадки в Амурском или Уссурийском заливах, препятствовать обложению Владивостокской крепости с суши, парировать попытки противника занять наиболее выгодные для него позиции, выставить отдельный отряд для охранения побережья Посыетского участка от границы с Кореей до Амурского залива, а также прикрывать строящуюся железную дорогу до долины р. Муданьцзян, заняв особым конным отрядом г. Нингута, наблюдать за дорогой от него до г. Хунчун и установить связь с Маньчжурским корпусом [13. Т. 1. С. 177].

В соответствии с этими задачами Южно-Уссурийский корпус, в котором предполагалось иметь всего 23 батальона, 14 эскадронов, 76 орудий и 3,5 инженерных роты при 4 артиллерийских парках, 2 лазаретах, 9 госпиталях, 2 транспортах и 1 аптеке, делился на три части:

1. Обсервационный отряд, сосредотачиваемый у станции Надеждинской Уссурийской железной дороги: 18 батальонов, 8 эскадронов, 58 орудий и 2,5 инженерных роты при 4 артиллерийских парках, 2 лазаретах, 8 госпиталях, 2 транспортах и 1 аптеке.

2. Приморский отряд в районе зал. Посыета: 5 батальонов, 2 сотни, 14 орудий и 1 инженерная рота при 1 госпитале.

3. Конный отряд в г. Нингута: 4 сотни и 4 орудия.

В состав Маньчжурского корпуса должны были войти войска из Забайкальской и Амурской областей: 14 батальонов, 27 сотен, 32 пеших и 18 конных орудий и 1,5 инженерных роты при 3 парках, 5 госпиталях, 1 транспорте и 1 хлебопекарне. Перед ним были поставлены задачи: выступить в южную Маньчжурию, где и начать операции против японской армии и, по прибытии резервов из Сибири, оказать поддержку Квантунскому отряду. Большая часть этих резервов направлялась на среднее течение р. Сунгари, а меньшая – напрямую из Забайкалья в

г. Хабаровск для усиления Южно-Уссурийского отряда. Впоследствии, в 1899 г. эти задачи были немного скорректированы, и Маньчжурскому отряду предписывалось: прикрыть территории северной и средней Маньчжурии, строившуюся линию КВЖД от долины р. Муданьцзян до Забайкалья, при необходимости противодействовать восстанию местного населения, а также, «если то потребуется», идти на выручку Квантунскому отряду [13. Т. 1. С. 178, 771]. Для их решения корпус предполагалось разместить сначала на оборонительной линии на среднем течении р. Сунгари от г. Бодунэ (в то время город в Маньчжурии на правом берегу р. Сунгари, в 32 км к югу от впадения в нее р. Нонни, на территории Гириной провинции в Китае; в настоящее время г. Фуэй в провинции Цзилинь КНР) до г. Гирин, превратить последний в укрепленный пункт, занять перекресток путей, ведущих в обход этой позиции, из Кореи и южной Маньчжурии (г. Омосо) и далее, по мере необходимости, двигаться на юг навстречу неприятелю.

Николаевский отряд в составе 1 батальона, 1 крепостной артиллерийской роты и 1 инженерной роты должен был оборонять устье р. Амур [13. Т. 1. С. 178, 771].

Таким образом, в основе плана лежала концепция превентивной обороны, т.е. идея о возможности разгромить основные силы Японии еще на территории северо-восточного Китая – в Маньчжурии. Однако достаточными для успешной реализации силами она обеспечена не была. К 1 января 1898 г. во всем Приамурском военном округе штатный состав нижних чинов был лишь 48,3 тыс. чел. [14. Л. 1 об.]. Активная роль отводилась именно Маньчжурскому корпусу, развертывание которого на линии Бодунэ – Гирин предполагалось осуществить следующим образом. Основные силы, в составе 11 батальонов, 22 пеших и 6 конных орудий, 3 сотен и 1,5 инженерных рот при 3 парках, половине лазарета, госпитале, 1 транспорте и 1 хлебопекарне, сосредотачивались в с. Удачен – центральном пункте оборонительной линии, прикрывавшей весь район Сунгарийской базы. Он представлял собой важнейший транспортный узел, через который шли дороги как на север, так и на юг, к побережью Печилийского залива. Именно в этом месте отрезок ЮМЖД, идущий от г. Ажехе на станцию Куанченцы, должен был пересекать р. Сунгари. Два крайних фланга позиции должны были занять: г. Гирин – 2 батальона, 6 сотен, 8 орудий при одном госпитале, и г. Бодунэ – 1 батальон, 2 сотни и 2 орудия. Большая численность отряда, выделенного для занятия г. Гирин, объяснялась тем, что город этот был заметно крупнее, в стратегическом и экономическом отношениях – важнее, по отношению к противнику занимал выдающееся положение и к тому же именно через него предполагалось поддерживать связь между Маньчжурским и Южно-Уссурийским корпусами. Решение последней задачи возлагалось на 4 сотни при 4 горных орудиях, выдвинутых от Южно-Уссурийского отряда к г. Нингута [13. Т. 1. С. 178–179, 771].

Анализирувавший этот план при подготовке первого тома отчета военно-исторической комиссии по опи-

санию Русско-японской войны 1904–1905 гг. полковник П.Н. Симанский отмечал: «Приведенные только что рассуждения, в настоящее время (в 1908–1909 гг. – *Р.А.*), конечно, странно читать, тем более, что разница между отрядами (направленными для занятия г. Гирин и г. Бодунэ. – *Р.А.*) получалась только в 1 батальон, 4 сотни и 6 орудий. Если же в те дни эти рассуждения все же имели известный смысл, то это только показывает, с какими ничтожными силами думали мы тогда бороться с Японской армией» [13. Т. 1. С. 771].

У Куанченцы – важнейшего транспортного узла, через который проходили дороги на города Бодунэ, Удячжан, Гирин и Мукден (в настоящее время г. Шеньян в КНР), а также важнейший тракт, соединявший плодородные территории по среднему течению р. Сунгари с побережьем Ляодунского залива и застенным Китаем, должен был расположиться авангард Маньчжурского отряда в 12 сотен и 6 орудий; в тылу, в городах Сан-син (в настоящее время г. Илань провинции Хейлунцзян КНР), Цицикар (в настоящее время г. Цицикар провинции Хейлунцзян КНР), Мergen (в настоящее время г. Нэнцзян провинции Хейлунцзян КНР) и Айгун (в то время – город и крепость на правом берегу р. Амур в 30 км ниже по течению реки от Благовещенска; в настоящее время – г. Айгун в КНР) – 3,5 сотни; на опорных пунктах предполагалось установить небольшое число пушек, для охраны сообщения по рекам – вооружить скорострельными орудиями 4 парохода, принадлежавших Министерству путей сообщения [Там же. С. 178–179, 771].

Распыление сил получалось колоссальным. Малочисленным войскам Приамурского военного округа предстояло, по сути, занять огромный район, растянув каждый из двух корпусов на 200 верст по фронту. Более того, расстояние между самими этими корпусами получалось около 600 верст, а низовье и устье р. Амур оставалось совершенно изолированным ТВД [Там же. С. 178].

Разработка этого плана велась постепенно. Распределение сил по отрядам было готово уже в 1898 г., а вот основные предположения о развертывании Маньчжурского корпуса (состав его почти не менялся) доделали только в следующем году.

Предвиделись трудности и с самим процессом сосредоточения Маньчжурского отряда в указанных выше пунктах, поскольку в случае начала мобилизации и сосредоточения войск в период речной навигации всю операцию можно было провести сравнительно быстро (по дальневосточным меркам). В этом случае назначенные для занятия г. Гирин войска должны были прибыть туда на 46-й день, в Удячжан – на 72-й, в Бодунэ – на 67-й и в Куанченцы – на 64-й). Однако если сосредоточение войск падало на период когда навигация прекращалась или того хуже – на период весенней распутицы, то сосредоточение войск превращалось в серьезную проблему. В этом случае войска Маньчжурского корпуса могли добраться до среднего течения р. Сунгари не ранее чем через 99 дней (без 2 парков и 1 подвижного госпиталя) или 110 дней (с этими учреждениями), т.е. примерно через 3,5 месяца! В Гирин войска добирались на 60–70-й день, в Удячжан – на 73–99-й, в Бодунэ – на 47-й и в Куанченцы –

на 80–90-й. Таким образом, опоздание составляло для отдельных частей от 20 до 44 дней, а для Маньчжурского корпуса в целом – 38 дней. Иными словами, если в сезон речного судоходства последняя воинская часть прибывала к месту назначения на 72-й день, то в сезон, когда оно было закрыто, – на 110-й день [13. Т. 1. С. 179, 772].

Что касается подкреплений из Сибири (25 батальонов, 42 сотни – всего 32 тыс. чел), то их предполагалось сосредотачивать в станице Стретенской, куда они могли прибыть не ранее 130-го дня мобилизации. Далее их в период навигации можно было отправить, в зависимости от складывающейся обстановки или на Южно-Уссурийский, или на Маньчжурский ТВД. В случае же прекращения навигации войска эти застревали в Забайкалье до начала нового сезона речного судоходства, так как перемещение больших масс войск сухопутно по дороге Цурухайтуй – Цицикар «представляло непреодолимые затруднения в продовольственном отношении» и в то время считалось едва ли осуществимым [Там же. С. 179, 771].

В направленном в Военное министерство отзыве Командующего войсками Приамурского военного округа Начальнику Главного штаба № 696 от 11 мая 1899 г. отмечалось: «Главное преимущество сосредоточения войск в навигационный период по сравнению с таковым же в зимнее время, заключалось в том, что в первом случае Гири́н будет занят на 27 дней ранее, нежели во втором, Удья́нжан – на 41, Боду́нэ – на 28, а Куанченцы́ – на 25 дней. Если Сибирские подкрепления начнут пребывать в Стретенск во время навигации и когда войска Забайкальской области будут уже перевезены, то эти подкрепления могут сосредоточиться в Боду́нэ приблизительно через 5 месяцев по объявлении мобилизации; если же войска из Сибирского военного округа начнут прибывать в Стретенск в то время, когда будет еще идти перевозка войск Забайкальской области, то указанный выше срок несомненно увеличится, так как для отправки из Стретенска всех Забайкальских войск нужен промежуток времени в 40 дней» (цит. по: [13. Т. 1. С. 179–180, 772]).

Основная часть приведенных выше соображений была отправлена Н.И. Гродековым в Главный штаб отзывом № 1527 от 27 ноября 1898 г. [13. Т. 1. С. 180, 772], где встретила ряд замечаний со стороны начальника этого учреждения генерал-адъютанта В.В. Сахарова, наложившего 5 января 1899 г. на этом документе резолюцию: «Мне представляется, что малочисленность наших войск требует большего сосредоточения, почему Маньчжурский корпус должен был быть, в особенности первое время, до прибытия подкреплений, придвинут ближе к Уссурийскому (корпусу. – Р.А.). Поддержка от Гири́на Порт-Артура вряд ли возможна, в виду крайней слабости сил Маньчжурского корпуса и отдаленности его, а прикрытие постройки железной дороги является второстепенною задачею. Уссурийский корпус отнюдь не должен обращаться в гарнизон Владивостока, а должен быть предназначен для полевых действий, дабы при известной обстановке мог быть употреблен на том или другом театре. Выделение к Посьету 5 батальонов не слишком ли ослабит главные силы Уссурийского корпуса? Не будет ли

правильнее ограничиться у Посьета одним лишь наблюдением, не задаваясь широкими боевыми целями?» (цит. по: [13. Т. 1. С. 180, 772]).

Более того, он еще и высказывал недовольство относительно разработанной Окружным штабом организации полевых управлений, отмечая, что «войск – горсть, а управлений так много, что трудно разобратся. Выходит какая-то опереточная организация» (цит. по: [13. Т. 1. С. 772]).

По сути замечания начальника Главного штаба были правильными, только с реальной обстановкой, сложившейся на Дальнем Востоке из-за перехода империи к активной внешней политике в регионе, да и политикой Военного министерства в отношении Приамурского военного округа соотносились очень слабо. Маньчжурский корпус, равно как и Уссурийский, действительно был крайне малочисленным, поскольку какого-либо ощутимого усиления войск командование округа добиться не могло. Идея поддержки Порт-Артура малочисленным отрядом, перебрасываемым на огромное расстояние от Гири́на, была скорее жестом отчаяния авторов плана, чем следствием реальных расчетов. Однако раскритиковав ее, В.В. Сахаров не счел нужным при этом ответить на вопрос, каким же образом следует помогать практически беззащитному Порт-Артуру с малочисленным гарнизоном, ведь в случае быстрого занятия этого пункта Япония, во-первых, получала в свои руки сравнительно неплохо оборудованный военный порт, а во-вторых – громкую славу и большой общественный резонанс по всему миру.

Полнейшее непонимание значения Владивостока и района зал. Посьета – стратегических ключей всего Южно-Уссурийского края, тоже весьма показательно. Во Владивостоке в то время уже был хороший глубоководный порт, попадание которого в руки японцев обеспечивало им возможность быстрой и легкой высадки на континент любого количества войск и артиллерии. В свою очередь контроль противника над побережьем от зал. Посьета до Владивостока обеспечивал ему возможность использовать несколько бухт, позволявших высадить войска для последующих действий не только против сухопутного фронта Владивостокской крепости, но и против всего Уссурийского отряда, разгром которого был равносителен переходу в руки противника контроля над всем Южно-Уссурийским краем, и полному оголению левого фланга Маньчжурского отряда. Более того, контроль над районом зал. Посьета позволял японцам спокойно перебрасывать на территорию России войска как по прибрежной дороге, идущей вдоль Корейского полуострова, в случае, если бы их высадка была произведена в Корее, так и из Маньчжурии по дороге, проходящей через китайский г. Хунчун. Иными словами, переход от обороны района зал. Посьета к «наблюдению» за постепенным занятием японскими войсками этой территории был равносителен добровольной передаче противнику плацдарма для ведения боевых действий в Южно-Уссурийском крае, и организации флангового удара по собственному Маньчжурскому отряду. Что же касается утверждения о «второстепенности» задачи по прикрытию КВЖД, то вся его аб-

сурдность очень рельефно проявилась 2 года спустя, во время Китайского похода 1900–1901 гг., основные операции которого в Маньчжурии проходили как раз вдоль железнодорожных линий и сводились к освобождению их от восставшего китайского населения, а местами и войск [23. С. 67–155, 244–294; 24. С. 189–244].

Понимания того, что все штаты полевых управлений рассчитывались командованием округа исходя из надежды, что в Военном министерстве все-таки одумаются и начнут соответственное поставленным задачам усиление войск округа, начальник Главного штаба тоже не продемонстрировал.

К весне 1899 г. в Окружном штабе окончательно пришли к выводу, что кроме двух старых задач, стоящих перед войсками округа, а именно: обороны Владивостокской крепости и прикрытия района среднего течения р. Сунгари, составлявшего «продовольственный базис для всей восточной прибрежной к Тихому океану территории, образующей Южно-Уссурийский и Маньчжурский театры войны» [13. Т. 1. С. 176, 771; 25. Л. 8], есть еще и третья, поскольку находящийся на Квантунском полуострове и в Порт-Артуре отряд, при существующей численности войск, в случае начала войны держаться самостоятельно долго не смог бы. В связи с этим требовалась его поддержка со стороны войск Приамурского военного округа. Более того, прикрывать нужно было и строящуюся туда линию ЮМЖД, что делало положение малочисленных войск Приамурского военного округа совсем незавидным даже при том, что практическое решение некоторых задач в военных условиях частично совпадало. Например, сосредоточение войск в районе среднего течения р. Сунгари прикрывало и «продовольственный базис», и строящуюся линию ЮМЖД. Обо всем этом было 11 мая 1899 г. доложено в столицу вместе с возбуждением очередных ходатайств по усилению войск [25. Л. 8].

Командующий войсками округа Н.И. Гродеков продолжил методично отстаивать основания разработанного плана уже в 1899 г., растолковывая первым лицам Военного министерства то, чего они не понимали. В отношении начальнику Главного штаба № 696 от 11 мая 1899 г. разъяснялось: «Значение Владивостока, в связи с одной стороны с малочисленностью его гарнизона, а с другой – с невозможностью оставления без защиты как военных учреждений, так и населения Приморской области, а также необходимость насколько возможно, оборонять устье Амура и побережье так называемого Посыетского участка, – все это ряд причин, исключающих возможность вывода войск из Приморской области и предоставления крепости Владивосток ее собственным средствам обороны.

Обстановка может вынудить двинуть в Гирин лишь 2-ю В.-С. стр. бриг. (2-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду. – *Р.А.*), если она будет отрезана от Владивостока, но это лишь частный случай, который в общий расчет сосредоточения не входит, а только предусматривается» (цит. по.: [13. Т. 1. С. 180]).

Аналогичным образом он не считал возможным отказаться от выбранного для развертывания русских

войск района среднего течения р. Сунгари, дававшего контроль над «продовольственным базисом», возможность установления связи Квантунского и Южно-Уссурийского ТВД и гипотетическую вероятность оказания помощи Порт-Артуру, гарантию от «вредных для нас действий» со стороны Китая, а также прикрытия всей территории русского железнодорожного строительства в Китае, и в первую очередь – КВЖД.

«Производительность Приамурского края настолько еще незначительная, что не может обеспечить продовольствие не только войск и населения вместе, но даже и одного населения. Край живет подвозами морским путем из Одессы и Америки и сухим путем и рекою (Сунгари) из Маньчжурии. В 1897 г. ввезено к нам хлеба из Маньчжурии на 350 т.[ыс] рублей; с прекращением же во время войны морских сообщений Европы и Америки с Владивостоком цифра подвоза зерновых продуктов из Маньчжурии должна будет значительно возрасти. К этому необходимо добавить, что порционный скот Приморская и Амурская области получают исключительно из Маньчжурии и Кореи. Маньчжурия ежегодно поставляет в Южно-Уссурийский край около 12 тыс. голов и в Амурскую область около 22 тыс.», – писал Н.И. Гродеков В.В. Сахарову и делал вывод: «Итак, при возникновении военных действий на Дальнем Востоке, занятие района Средней Сунгари является первостепенной целью действий. Естественно, что задачу эту могут выполнить войска Амурской и Забайкальской областей. Только по занятии указанной территории и обращении ее в продовольственный, а затем и операционный базис, возможно, сосредоточив достаточные силы, предпринять движение на выручку Порт-Артура или в направлении Кореи» (цит. по.: [13. Т. 1. С. 181]).

Что касается Порт-Артура, который к этому времени еще не вывели из-под юрисдикции Хабаровска, то у Н.И. Гродекова явно закрадывались подозрения, что В.В. Сахаров не понимает ни стратегического, ни символического значения этого пункта для России и Японии (особенно с учетом того, что было сделано в 1895 и 1898 гг.), равно как и состояния его обороноспособности. «Это весьма важная стратегическая позиция на морском пути к Пекину, лежащая вблизи великих мировых торговых путей; Владивосток же слишком отдален от них; Порт-Артур – это далеко выдвинутая на юг военно-морская станция нашей Тихоокеанской эскадры и опора ея; здесь, наконец, выход железнодорожного пути к морю. Мы давно добились получить незамерзающий выход в открытое море и получили его в Порт-Артуре; мы не дали японцам Порт-Артура (в 1895 г. – *Р.А.*) с тем, чтобы занять его самим (в 1898 г. – *Р.А.*); естественно, что усилия Японии будут направлены к отторжению от нас этого лакомого куса, чтобы привести нас в прежнее положение. Потеря Порт-Артура и вообще Квантуна нанесет громадный удар нашему престижу в Азии; чтобы вернуть вновь это приобретение, сделанное мирным путем без пролития единой капли крови, придется завоевать сначала всю Маньчжурию. Подобно Севастополю в войну 1854–1855 гг. (имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой

имела место оборона Севастополя. – *Р.А.*), Порт-Артур может стать целью действий всей кампании; но Севастополь до последней минуты имел сообщение с внешним миром. Порт-Артур же, отброшенный на 1.500 верст от ближайших русских владений, может быть вовсе отрезан. Все это делает для японцев крайне заманчивой попытку овладеть Порт-Артуром, тем более, что они имеют и боевой опыт в этом отношении» [13. Т. 1. С. 181–182; 25. Л. 5 об.–6, 7 об.–8].

Порт-Артур «еще не крепость и 11.000 гарнизон его далеко не достаточен для упорной и продолжительной защиты» [13. Т. 1. С. 182]. Обе эти мысли были дословно повторены Н.И. Гродековым в записке от 2 июня 1899 г., причем оба документа содержали ходатайства об усилении войск Приамурского военного округа [25. Л. 5 об.–6, 7 об.–8].

Ко 2 июня 1899 г. все основные соображения Н.И. Гродекова и Окружного штаба по плану организации обороны российского Дальнего Востока были суммированы вместе с ходатайствами об усилении войск округа в специальной записке, отправленной в Военное министерство [25. Л. 2–8 об.].

«Новая эра, наступившая на Дальнем Востоке после Японо-Китайской войны, выражается в том, что некоторые державы, преследуя торгово-экономические цели, стараются приобрести себе твердое положение на берегах Великого Океана и перенесли центр тяжести своей внешней колониальной политики на Дальний Восток. Проявление такого направления политики различных государств на Востоке выразилось: в занятии частей территории Китая, в стремлении получить право на постройку железных дорог и в желании захватить в свои руки преобладающее влияние на судьбу Небесной Империи (т.е. Китая. – *Р.А.*), путем реорганизации вооруженных сил Китая, при помощи своих инструкторов.

В ряду иностранных держав наиболее заинтересованы в получении преобладающего влияния в Китае – Англия и Япония; первая по количеству затраченных на различные предприятия капиталов (1 ½ миллиарда рублей), для последней-же является самым жизненным вопросом – стать прочно на материке, без чего она не может развиваться. Не взирая на финансовые затруднения, Японское правительство продолжает оставаться под давлением воинствующих элементов и упорно готовится к борьбе за преобладание на Дальнем Востоке» [25. Л. 3].

При этом «Япония с замечательным упорством и очень умело добивается распространения своего влияния в Китае», самыми различными методами: в провинцию Хубэй приглашены «японские полисмэны», «китайские офицеры два года сряду приглашаются в большом числе на маневры японских войск; наконец, значительное число китайцев воспитывается в Японии в военных и технических школах». Это в перспективе, по мнению командования округа, могло привести к втягиванию Китая в союз с Японией против России [Там же. Л. 3 об.–4].

«При современной же обстановке и общем положении дел, – указывалось в документе, – в роли неприятеля России на Дальнем Востоке может явиться пока Япония – одна или в союзе с Англией, занявшей в не-

давнее время выгодную позицию на фланге нашего морского сообщения с Квантунским полуостровом (имеется ввиду Вейхавей, точнее Вейхай – город и порт в Китае, взятый Великобританией в аренду в 1898 г. для создания британской военно-морской базы с целью поддержания в регионе баланса сил с Российской империей, арендовавшей в том же году у Китая Порт-Артур. – *Р.А.*). Будучи уязвима на границах Индии, Англия одна вряд-ли когда-нибудь рискнет вести с нами борьбу на Дальнем Востоке, отделенном от нее громадным расстоянием. Совершенно в других условиях находится Япония, неуязвимая для нас по своему островному положению и находящаяся всего в расстоянии трех дней ходу от наших владений. Общее настроение в Японии не в пользу России. Японское правительство стремится довести свою армию до численности в 300.000, а боевой флот до 240.000 тонн. Хотя, в видах сокращения расходов, программа усиления армии и растянута на 10 лет, но более половины этой программы уже выполнено» [25. Л. 4–4 об.], в результате чего сравнение наступательного потенциала Японии с оборонительным потенциалом российского Дальнего Востока было явно не в пользу последнего.

В Окружном штабе исходили из того, что «в 1905 г., с окончанием реорганизации армии, в Японии будет 170 батальонов, 65 эскадронов и 120 батарей (720 орудий), что составляет 218 000 нижних чинов действующих войск, не считая войск резервных и территориальных.

Но и в настоящее время численность Японской армии не много превосходит то, что может выставить Приамурский Округ.

В 1898 г. Япония имела уже все 13 дивизий сформированными (149 батальонов), с соответствующим количеством артиллерии; Приамурский-же Округ ныне имеет: 52 батальона (не считая крепостной артиллерии, инженерных войск и запасных батальонов. – *Прим. док.*) 46 сотен и 150 орудий, но из них: 17 батальонов, 7 сотен и 24 орудия составляют гарнизоны Владивостока, Порт-Артура и Николаевска. Следовательно для полевых действий мы будем иметь: 35 батальонов, 39 сотен и 126 орудий. Подкрепления из Сибирского Округа – 25 батальонов и 42 сотни могут прибыть в пределы Округа только через 3 месяца после объявления мобилизации, и то при самых благоприятных обстоятельствах.

Японская армия мобилизуется на 8–10 день. На 4-й день в пунктах, назначенных для посадки войск на суда, может быть сосредоточено 160 000 нижних чинов и 540 орудий. Паровой коммерческий флот Японии около 400 000 тонн вместимости и в любом из портов через неделю может быть сосредоточено 75 пароходов (150 000 тонн), могущих поднять 30 000 нижних чинов с артиллерией, 6 000 лошадей и продовольствие на 2 недели.

В настоящее время господство на море обеспечено для Японии; в 1900 г. боевой флот японцев будет иметь 37 судов (171 331 тонн (не считая миноносцев и судов, неудовлетворяющих современным требованиям. – *Прим. док.*)), а к 1903 г. – 52 судна (233 000 тонн); сюда надо прибавить еще английскую эскадру, имеющую ныне 28 судов (97 561 тонна)» [25.

Л. 4 об.–5]. Следует подчеркнуть, что вся эта информация была доведена до сведения не только военного министра А.Н. Куропаткина, но и доложена императору Николаю II.

Сообщили ему и то, что фактор внезапности и транспортные условия тоже были на японской стороне: «От Японии до Владивостока или Порт-Артура около 3-х дней ходу. Посадка японских войск на суда, по отзывам компетентных лиц, не оставляет желать ничего лучшего в смысле быстроты (обучение посадке и высадке входит в программу постоянных занятий японских войск. – *Прим. док.*) Следовательно, самое позднее, что через месяц от начала мобилизации, японцы могут появиться у Ляодуна или на берегах залива Петра Великого» [25. Л. 5].

Так что в Хабаровске были вынуждены исходить из того, что «неприятель может появиться у границ Приамурского Округа внезапно и совершенно неожиданно» [25. Л. 5]. Причем если японские войска могли быть переброшены пароходами к Порт-Артуру или Владивостоку морем за 3 дня, то по действовавшему в 1898 г. в Приамурском военном округе мобилизационному росписанию № 3, соответствовавшему росписанию Главного штаба № 17 (усовершенствованное в подробностях мобилизационное росписание № 4 было введено в округе в действие в мае 1899 г., т.е. буквально за несколько дней до окончания работы над запиской), войска в округе мобилизовались в следующие сроки: войска на Квантуне находились в постоянной боевой готовности, гарнизон Николаевска-на-Амуре мобилизовался на 4-й день, гарнизон Владивостокской крепости – на 1–9-й, войска Приморской области – на 5–20-й (кроме Приморского драгунского полка, мобилизующегося на первый день), Амурской – 4–26-й и Забайкальской – 7–46-й день [25. Л. 5].

Столь невыгодное соотношение стало причиной введения в 1898 г. для войск, расположенных в Приморской области (кроме гарнизона крепости Николаевск-на-Амуре), ускоренной мобилизации, по которой, в случае необходимости, войска эти должны были быть готовыми к выступлению в поход через 8 часов, «оставляя некоторую часть на месте для пополнения до военного состава людьми и лошадьми с тем, что эта часть присоединяется потом к войскам» [25. Л. 5]. По плану ускоренной мобилизации крепость Владивосток и Николаевские укрепления могли быть готовы к действию через 6 часов. Для своевременного предупреждения о появлении неприятельского флота во Владивостоке и Порт-Артуре создали наблюдательные станции [Там же].

Командованию Приамурского военного округа уже весной 1899 г. было очевидно то, что в Петербурге не осознали даже к 1904 г.: «Выгодность географического положения Японии, по отношению к таким владениям на побережье Тихого Океана, ее громадные морские транспортные средства, в связи с общим превосходством сил, при благоприятных условиях времени – все это обуславливает для Японии выгоду принятия инициативы нападения и активного образа действий для захвата того или другого пункта. До занятия нами Порт-Артура, по имеющимся сведениям, план японцев состоял в том, что-

бы произвести десант у Владивостока 5–6 дивизиями, при одновременной высадке значительных сил в Корею. С занятием Порт-Артура, положение дел резко изменилось. В настоящее время надо полагать, что главный удар японцы направят на Порт-Артур. <...> Поэтому в настоящее время можно предполагать, что план японцев будет заключаться в высадке 4–5 дивизий (60–70 т.[ыс] и 270 орудий) на Ляодуне, при одновременном занятии Кореи. Этот способ действия не исключает возможности одновременной высадки значительных сил на берегу залива Петра Великого, с целью овладения Владивостоком» [25. Л. 5 об.–6]. Нельзя не отметить удивительную точность этого прогноза.

Ближайшие к Порт-Артуру русские войска (достаточно малочисленные) находились в Южно-Уссурийском крае, откуда могли прийти на выручку крепости через 3 месяца, а Сибирские подкрепления – не ранее как через 7,5 месяцев. При этом те же самые войска должны были обеспечить оборону зал. Петра Великого и Владивостокской крепости. Кроме того, за пределами края необходимо было воспрепятствовать неприятелю овладеть устьем р. Амур, «дабы не дать ему даже нравственного перевеса в борьбе с нами». При этом Н.И. Гродеков продолжал считать настоятельно необходимым занять в случае начала войны «район среднего течения р. Сунгари, обладающий всеми условиями для устройства базы и весьма богатый продовольственными средствами», и настаивал: «Местная производительность Округа не удовлетворяет потребностям расположенных в нем войск, морские сообщения с Европейской Россией будут прерваны, а сухопутные крайне ненадежны. Следовательно, где-бы ни был главный театр войны, войскам Округа придется занять район среднего Сунгари и базироваться на него» [25. Л. 6].

Впрочем, по мнению Командующего войсками Приамурского военного округа, до окончания строительства русских железных дорог в Сибири, Маньчжурии и на Дальнем Востоке все эти выкладки о времени и возможностях сосредоточения войск имели в значительной степени гадательный характер: «Какова бы ни была боевая готовность войск и как бы ни были правильно составлены соображения по их сосредоточению, все расчеты могут быть нарушены одним весьма важным условием – огромностью расстояний и ненадежностью путей сообщения, передвижение по которым, завися от причин стихийных, не поддается никакому расчету. Указанное обстоятельство может значительно повлиять на успех военных операций войск Приамурского Округа» [25. Л. 6 об.].

Именно поэтому он более всего опасался за безопасность российского Дальнего Востока именно в ближайшие годы. «Тревожные обстоятельства последнего времени показали, – заключал Н.И. Гродеков, – что на Востоке события идут с чрезвычайной быстротой и осложнения могут возникнуть внезапно. Через пять лет, надо полагать, постройка маньчжурской дороги будет окончена. Но надо пережить эти 5 лет; надо в течение их быть готовым ко всякого рода случайностям; надо отстоять наше теперешнее положение на Дальнем Востоке, во что-бы то ни стало

удержать Порт-Артур, наконец – прикрыть строящуюся железную дорогу. Ближайшее пятилетие есть именно самый опасный для Приамурского Округа период» [25. Л. 7 об.].

Как и до этой записки, военный министр А.Н. Куропаткин не согласился с двумя основополагающими тезисами стратегических выкладок Н.И. Гродекова: о полной изолированности Квантунского отряда в течение 7,5 месяца по причине физической невозможности доставить туда подкрепления раньше и об узкоспециальной задаче этого отряда оборонять Квантунский полуостров и Порт-Артур. Он полагал, что не стоит привязывать Южно-Уссурийский отряд к обороне Владивостокской крепости или побережья, сделав его более мобильным для использования против неприятеля в поле, да и скорость его переброски к Порт-Артуру заметно возрастет после окончательного сооружения КВЖД и ЮМЖД уже в следующем году. При этом таким же подвижным он считал возможным сделать и Квантунский отряд, допуская, при благоприятном развитии событий, его переброску даже к Пекину или Мукдену [13. Т. 1. С. 312–313, 794].

В Главном штабе к анализу содержания поступившей записки приступили немедленно и, в отличие от военного министра, «в общем» были вынуждены с Н.И. Гродековым согласиться. По мнению заведующего Азиатской частью Главного штаба генерал-майора Д.В. Путяты, ненадежность коммуникационных линий, о которых шла речь в записке, указывает «на необходимость держаться исключительно оборонительного способа действий занимая в пределах наиболее вероятных объектов действий нашего противника на Дальнем Востоке сосредоточенное расположение» [26. Л. 9 об.].

Относительно изолированности Квантуна и деятельности Квантунского отряда в Главном штабе были полностью согласны не с Военным министром, а с Н.И. Гродековым, отмечая, что «надлежит считать Квантунский полуостров совершенно изолированным, лишенным всякой поддержки как из Приамурского, так и из Сибирского военных округов. Три месяца для прибытия Приамурских подкреплений и 7 ½ месяцев для прибытия Сибирских составляют столь значительный срок, что подкрепления эти рискуют прибыть после окончания военных действий. Вместе с тем при нынешней недостаточной численности войск Квантунского полуострова они не могут задаваться целями обороны всего полуострова, а должны будут ограничиться только защитой Порт-Артура, который уже имеется ввиду обратить в укрепленную позицию возведением на возвышенностях опорных пунктов» [26. Л. 9 об.]. Зато высказывались против занятия Сунгарийского плацдарма, указывая что «войска Приамурского военного округа, обороняющие побережье залива Петра Великого должны держаться сосредоточенно и не отвлекаться второстепенной задачей занятия района среднего течения р. Сунгари», тем более что денег на дальнейшее усиление войск в бюджете Военного министерства просто не было. «Необходимость усиления войск в округе давно осознанна, но недостаток средств не позволяет выпол-

нить в полной мере ходатайства местного начальства. В прилагаемой при сем справке перечислены те меры по усилению войск в текущее пятилетие, которые уже удостоились утверждения Военного совета и приведен перечень предположений относительно усиления нашего положения в Порт-Артуре. Дальнейшее развитие этих мер будет зависеть от состояния средств предельного бюджета Военного Министерства», – доложил заведующий Азиатской частью Главного штаба военному министру [26. Л. 10].

Только после получения 5 августа 1899 г. разъяснений Главного штаба с запрошенными справками [26. Л. 9–11 об.] и тщательного ознакомления с ними Военный министр А.Н. Куропаткин 10 августа 1899 г. доложил гродековскую записку Николаю II [25. Л. 2]. Каких-либо резолюций на документе император не оставил, но проработка высказанных в нем соображений в Главном штабе продолжилась.

Таким образом, за более чем четыре с половиной года, прошедших с момента окончания Японо-китайской войны 1894–1895 гг. до конца 1899 г., так и не удалось утвердить план обороны российского Дальнего Востока на случай столкновения с новым наиболее вероятным противником – Японией. И это при том, что вероятность возникновения конфликта, равно как и возможность действий Японии в союзе с Британской империей, оценивалась командованием Приамурского военного округа как достаточно высокая. Имевшиеся в Окружном штабе сведения о военном и военно-морском потенциале империи Микадо не были ни полными, ни исчерпывающими, однако даже этой информации было вполне достаточно для констатации значительного превосходства наступательного потенциала Японии над оборонительным потенциалом России на Дальнем Востоке. Такое положение дел, при отчетливо наметившемся с 1895 г. столкновении внешнеполитических и военно-стратегических интересов двух держав, внушало серьезные опасения. Данные эти были доведены до сведения не только военного министра А.Н. Куропаткина, но и непосредственно императора Николая II. Однако оперативно решить проблему не удалось, причем причины крылись не только в отсутствии в предельном военном бюджете средств, достаточных для усиления группировки русских войск на Дальнем Востоке, о чем беспрерывно ходатайствовал Н.И. Гродеков, но и в серьезном расхождении взглядов на эту проблему между основными компетентными органами (Окружной штаб и Главный штаб Военного министерства), и более того – ответственными лицами (Н.И. Гродеков, А.Н. Куропаткин, Д.В. Путята, В.В. Сахаров и др.). Голоса тех, кто хоть немного знал и понимал Японию – «вторую Германию», – по меткому выражению одного из служивших в Приамурском военном округе офицеров [27. С. 145], а также разбирался в специфике российского Дальнего Востока, Китая и Кореи, продолжали тонуть в многоголосье тех, кто лишь считал себя разбирающимся в проблемах «дальневосточной окраины». В результате решение важнейшего вопроса обеспечения безопасности империи на дальневосточных рубежах постоянно откладывалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты в тексте приведены по юлианскому календарю, т.е. старому стилю. В некоторых случаях, когда речь идет о международных событиях, в скобках приведены даты по григорианскому календарю, т.е. новому стилю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Червинский В.П. Обзор сношений России с Китайским и Японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 190.
2. Morse H.B. The international relations of the Chinese Empire. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta : Longmans, Green, and Co., 1918. 530 p.
3. Схиммельпенниг Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
4. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895 : Perceptions, Power and Primacy. N.Y. : Cambridge University Press, 2010. 412 p.
5. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под. ред. В.А. Золотарева. М. : Арбизо, 1994. 583 с.
6. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2011. 181 с.
7. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток : Дальнаука, 2013. 383 с.
8. Дацышен В.Г. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск : РИО КГПУ, 2001. 336 с.
9. Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб. : Галеев Принт, 1996. 144 с.
10. Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Ч. 2. Поход на Пекин. СПб. : Галеев Принт, 1999. 160 с.
11. Лукьянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
12. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М. : Изд-во АСТ; Ермак, 2004. 511 с.
13. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. Т. 1–9. СПб., 1910.
14. Записка полковника [А.А.] Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке» от 14 марта 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193.
15. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 41–42.
16. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 75. Поездка Генерального Штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. СПб. : Военная типография, 1901. 171 с.
17. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М. : Вост. лит., 2005. 295 с.
18. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб. : Военная типография, 1896. 167 с.
19. Отчет о рекогносцировке кратчайших путей соединяющих Порт-Артур с Приамурским военным округом. Составил Генерального Штаба Подполковник Орановский. 1898/9 год. Хабаровск. 976 с. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. (ОР РГБ). Ф. 68. № 280. М. 6781.
20. Конвенция, заключенная между Россией и Китаем 15 (27) марта 1898 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб. : Тип. А.М. Менделевича, 1906. 763 с.
21. Отношение Командующего войсками Приамурского военного округа Начальнику Главного Штаба № 1529 от 28 ноября 1898 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399.
22. Приложения к отношению Командующего войсками Приамурского военного округа Начальнику Главного Штаба № 1529 от 28 ноября 1898 г.: 1) Положение о 8-часовой мобилизации. 2) План сосредоточения Никольских войск к станции Надеждинской. 3) Расчет движений Новокиевского отряда. 4) Схема расположения отряда, прикрывающего движение Новокиевского отряда. 5) Таблицы готовности и сосредоточения войсковых частей к станции Надеждинской. 6) Таблица готовности береговых батарей крепости Владивосток // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399.
23. Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III / сост. генерал-майор Овсяный. СПб. : Военная типография, 1910. 300 с.
24. Дацышен В.Г. Война в Приамурье. Из истории кампании русской армии и флота в Китае в 1900–1902 гг. // Военные события в Приамурье 1900–1902. Сер. Приамурье. Из века в век. Благовещенск : Амурская ярмарка, 2008. С. 160–280.
25. Гродеков Н.И. «Записка о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года». 2 июня 1899 г. Доложена Николаю II 10 августа 1899 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
26. Путята Д.В. По вопросам изложенным в записке генерал-лейтенанта Гродекова о боевой готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года. 5 августа 1899 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
27. Никольский Е.А. Записки о прошлом / сост. и подгот. текста Д.Г. Браунса. М. : Русский путь, 2007. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 апреля 2018 г.

THE PROBLEM OF THE MILITARY DEFENSE PLANNING OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 1896–1900. PART 1. AFTER THE SINO-JAPANESE WAR OF 1894–1895

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 94–107.

DOI: 10.17223/15617793/434/12

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS; Research Library of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Pri-Amur Military District; Sino-Japanese War of 1894–1895; China Campaign of 1900–1901; Vladivostok Fortress; Nikolay I. Grodekov; Aleksey N. Kuropatkin; mobilization readiness.

Using the unknown sources from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Historical Archive and the Collection of Manuscripts of the Russian State Library, this article examines the history of creating the military defense plans of the Russian Far East in 1896–1900 and the discussions about this issue. The controversy between the commanders of the Pri-Amur Military District, the chief of the Main Staff of the War Ministry and War Minister Aleksey N. Kuropatkin himself was also investigated. The creation of the new defense plan of the Russian Far East and the plan of force concentration in case of an outbreak of hostilities in this region, as well as the elaboration of a new mobilization schedule were also studied. It was revealed that the commander of the forces of the Pri-Amur Military District, General Nikolay I. Grodekov, reported to the war minister about the Japanese menace back

in 1899, and this information was reported to Russian Emperor Nicholas II. Moreover, it was found that after 1895 the commanders of the Pri-Amur Military District were absolutely sure in the inevitability of the war with the Empire of Japan (probably in alliance with the British Empire), so all war plans and plans of force concentration in this region were created according to this menace. Because of it, in 1900, before the China Campaign of 1900–1901 there were no plans of war only with China in the Russian Empire. The Military District Staff only had an old plan of force concentration in Manchuria against Japan, which had been prepared in the spring of 1895, a few months before the real mobilization of the Pri-Amur Military District. In fact, it was the plan used by the Russian Army in the first period of the China Campaign of 1900–1901. The situation with the regional military planning was also complicated due to permanent changes in benchmark data. First, it was decided to build the Eastern Chinese Railway in Manchuria (in China), which was strategically important to the Russian Army. That raised the question of how to defend it in case of war. The Liaodong Peninsula with Port Arthur was occupied for 25 years, and there was a great problem of how to defend it too without enough troops in the region. A better situation was with the mobilization schedule in the Pri-Amur Military District. The renovated version of this document (Mobilization Schedule of the Pri-Amur Military District No 5) was finished and put in force on April 15, 1900, two months before the real mobilization of this military district by the reason of the Boxer Rising on June 11. Another positive factor of the force combat readiness in the Pri-Amur Military District was the experience of a real mobilization of 1895, and the regular calibration mobilizations of separate troops, forces and military institutions, which took place in the Russian Far East in 1896–1899.

REFERENCES

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 190. Chervinskiy, V.P. *Obzor snosheniy Rossii s Kitayskim i Yaponskim pravitel'stvami, predshestvovavshikh vooruzhennomu stolknoveniyu Rossii s Yaponieyu* [Overview of Russia's relations with the Chinese and Japanese governments that preceded the armed clash between Russia and Japan].
2. Morse, H.B. (1918) *The international relations of the Chinese Empire*. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta: Longmans, Green, and Co.
3. Schimmelpennink van der Oye, D. (2009) *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiey* [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. TRE*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Paine, S.C.M. (2010) *The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy*. N.Y.: Cambridge University Press.
5. Zolotarev, V.A. (ed.) (1994) *Rossiya i Yaponiya na zare XX stoletiya. Analiticheskie materialy otechestvennoy voennoy orientalistiki* [Russia and Japan at the dawn of the twentieth century. Analytical materials of Russian military oriental studies]. Moscow: Arbizo.
6. Avilov, R.S. (2011) *"Dlya okhraneniya granits Yuzhno-Ussuriyskogo kraya sformirovat'..." Istoriya sozdaniya i sluzhby regul'yarnoy kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869–1914 gg.)* ["For the protection of the borders of the South Ussuri region, to form..." The history of the creation and service of regular cavalry in the Far East of Russia (1869–1914)]. Vladivostok: Dal'nauka.
7. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people]. Pt. I. Vladivostok: Dal'nauka.
8. Datsyshen, V.G. (2001) *Bokerskaya voyna. Voennaya kampaniya russkoy armii i flota v Kitae v 1900–1901 gg.* [A boxing war. The military campaign of the Russian army and navy in China in 1900–1901]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
9. Datsyshen, V.G. (1996) *Russko-kitayskaya voyna. Man'chzhuriya 1900 g.* [The Russian-Chinese war. Manchuria, 1900]. Pt. 1. St. Petersburg: Galeya Print.
10. Datsyshen, V.G. (1999) *Russko-kitayskaya voyna 1900 g.* [The Russian-Chinese war of 1900]. Pt. 2. St. Petersburg: Galeya Print.
11. Lukyanov, I.V. (2008) *"Ne otstat' ot derzhav..." Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Not to be left behind by the powers..." Russia in the Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Popov, I.M. (2004) *Rossiya i Kitay: 300 let na grani voyny* [Russia and China: 300 years on the brink of war]. Moscow: Izd-vo AST; Ermak.
13. The Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War. (1910) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905. A work of the Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War: in 9]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 193. *Zapiska polkovnika [A.A.] Gulevicha "Sravnenie zatrat sil i sredstv v Varshavskom okruge i na Dal'nem Vostoke" ot 14 marta 1903 g.* [Note from Colonel [A.A.] Gulevich "Comparison of the expenditure of manpower and equipment in the Warsaw District and the Far East" of March 14, 1903].
15. Avilov, R.S. (2017) The Number of Troops in the Priamurskiy and Warsaw Military Districts on the Eve of the Russo-Japanese War: An Experience with Comparative Analysis. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 1. pp. 41–42. (In Russian).
16. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. (1901) Poezdka General'nogo Shtaba polkovnika Karneeva i poruchika Mikhaylova po Yuzhnoy Koree v 1895–1896 gg. [The trip of the General Staff Colonel Karneev and Lieutenant Mikhailov to South Korea in 1895–1896]. 75. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
17. Baskhanov, M.K. (2005) *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian military Orientalists before 1917. A bibliographic dictionary]. Moscow: Vost. lit.
18. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. (1896). 69. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
19. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 68. No. 280. M. 6781. *Otchet o rekognostirovke krachayshikh putey soedinyayushchikh Port-Artur s Priamurskim voennym okrugom. Sostavil General'nogo Shtaba Podpolkovnik Oranovskiy. 1898/9 god. Khabarovsk. 976 s.* [Report on the reconnaissance of the shortest routes connecting Port Arthur with the Pri-Amur Military District. Compiled by General Staff Lt. Col. Oranovsky in 1898/9 Khabarovsk. 976 p.].
20. Ministry of Foreign Affairs of Russia. (1906) Konventsia, zaklyuchennaya mezhdu Rossieyu i Kitaem 15 (27) marta 1898 g. [Convention concluded between Russia and China on March 15 (27), 1898]. In: *Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dal'nego Vostoka 1895–1905 gg.* [Collection of treaties and diplomatic documents on the affairs of the Far East in 1895–1905]. St. Petersburg: Tip. A.M. Mendeleevicha.
21. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Otnoshenie Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voennogo okruga Nachal'niku Glavnogo Shtaba № 1529 ot 28 noyabrya 1898 g.* [Report of the Commander of the Pri-Amur Military District to the Chief of the General Staff No. 1529 of November 28, 1898].
22. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Prilozheniya k otnosheniyu Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voennogo okruga Nachal'niku Glavnogo Shtaba № 1529 ot 28 noyabrya 1898 g.*: 1) Polozhenie o 8-chasovoy mobilizatsii. 2) Plan sosredotocheniya Nikol'skikh voysk k stantsii Nadezhdinskoy. 3) Raschet dvizheniy Novokievskogo otryada. 4) Skhema raspolozheniya otryada, prikrayayushchego dvizhenie Novokievskogo otryada. 5) Tablitsy gotovnosti i sosredotocheniya voyskovykh chastey k stantsii Nadezhdinskoy. 6) Tablitsa gotovnosti beregovykh batarey kreposti Vladivostok [Appendices to the report of the Commander of the Pri-Amur Military District to the Chief of the General Staff No. 1529 of November 28, 1898: 1) Regulation on the eight-hour mobilization. 2) The plan of concentration of Nikolsky troops at the Nadezhdinskaya station. 3) The calculation of the movements of the Novokievsky detachment. 4) The location scheme of the detachment covering the movement of the Novokievsky detachment. 5) Tables of readiness and concentration of military units at the Nadezhdinskaya station. 6) The table of readiness of coastal troops of the fortress of Vladivostok].

23. Major General Ovsyanyy. (1910) *Voennye deystviya v Kitae. 1900–1901 gg.* [Military action in China. 1900–1901]. Pt. III. St. Petersburg: Voen-naya tipografiya.
24. Datsyshen, V.G. (2008) Voyna v Priamur'e. Iz istorii kampanii russkoy armii i flota v Kitae v 1900–1902 gg. [The war in the Amur region. From the history of the campaign of the Russian army and navy in China in 1900–1902]. In: Abelentsev, V.N. et al. *Voennye sobytiya v Priamur'e 1900–1902. Ser. Priamur'e. Iz veka v vek* [Military events in the Amur region, 1900–1902. Series: Pri-Amur Region. From century to century]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka.
25. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Grodekoy, N.I. (1899) “*Zapiska o voennoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda*”. 2 iyunya 1899 g. Dolozhena Nikolayu II 10 avgusta 1899 g. [“A note on the military readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899”. June 2, 1899. Reported to Nicholas II on August 10, 1899].
26. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Putyata, D.V. (1899) *Po voprosam izlozhennym v zapiske general-leytenanta Grodekova o boevoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda* [On the issues outlined in the note by Lieutenant-General Grodekoy about the combat readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899]. 5 August 1899.
27. Nikol'skiy, E.A. (2007) *Zapiski o proshlom* [Notes on the past]. Moscow: Russkiy put'.

Received: 12 April 2018

ОТРАЖЕНИЕ В КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬИ

Рассматривается семантика китайской иероглифической письменности и отдельных иероглифов, связанных с семейно-брачными отношениями и разделением труда в традиционном Китае. На основе анализа структуры иероглифов делается вывод об их эволюции, которая определялась социально-экономическими и идеологическими изменениями в китайском обществе и культуре. Являясь важнейшей частью китайской традиционной культуры, иероглифическая письменность отражала особенности картины мира и менталитета китайцев.

Ключевые слова: китайские иероглифы; семантика; традиционное общество; семейные отношения; разделение труда; менталитет.

Китайская цивилизация уникальна. Иероглифы в качестве литературных письменных форм продолжают свое развитие, отражая развитие китайской цивилизации. Китайские иероглифы, как оригинальная письменность китайской нации, в полной мере демонстрируют мудрость народа посредством эволюции их структур и уникальности применения. В них содержится тысячелетняя история развития китайской культуры и идеологии. Китайские иероглифы сами по себе часть китайской культуры, изменения их форм являются отражением культурных трансформаций. Написание китайских иероглифов, их внешняя культурная «окаменелость» сохраняют элементы древней китайской культуры, подчеркивая их уникальность. Благодаря анализу отдельных иероглифов, можно понять национальную ментальность китайцев, глубоко укоренившуюся за длительный временной промежуток. В китайских иероглифах содержится чрезвычайно богатое культурно-историческое наследие. Оно отражает особенности традиционной социальной жизни, общественных отношений, этикетных норм, этнических обычаев и т.д. Одним из источников, базирующемся на всестороннем анализе эволюции иероглифов, являются словари.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать культурный смысл некоторых типичных китайских иероглифов, связанных с разделением труда, а также дать представление о традиционных семейных отношениях, чтобы узнать об истории и культуре китайцев, глубже понять их ценностные и нравственные ориентиры.

Словарь «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы» («说文解字»), представляет собой первую китайскую книгу, систематически анализирующую формы и происхождение иероглифов, и является одним из самых ранних словарей в мире. Это не только словарь, который объясняет первоначальное значение китайских иероглифов, но в нем также анализируются взаимоотношения между их формами, произношением и значениями. В словарь включен 10 561 иероглиф из 540 ключевых графем. Из комментариев Сюй Шена (许慎 (58–147 г.)) китайского филолога, лингвиста, языковеда эпохи правления династии Хань (汉), посвященных китайским иероглифам, следует глубокое проникновение в древнюю культуру китайцев. В данном словаре переплетающиеся содержание и каллиграфия, произношение и значения иероглифов отражают смысл

исторических и культурных элементов и отношение к ним их современников. Древняя история и культура давно уже исчезли как «живая реальность», но у потомков их создателей сохраняется аналогичное отношение к истории и культуре, скрытое в системе «формы, произношения и значения китайских иероглифов» [1. С. 216].

Главными характеристиками словаря «Происхождение китайских иероглифов» («Шовэнь цзецзы», «说文解字») являются сделанный в нем анализ структуры китайских иероглифов, исследование их происхождения и стилей написания, изучение сочетания произношения и первоначального значения иероглифов, привлечение теоретических выводов из работ предшественников [2. С. 9].

Как известно, китайские иероглифы возникли в древние времена, примерно в XIV в. до н.э. во время правления династии Инь (殷 – иньский период династии Шан, 商 1401–1122 гг. до н.э.). В поздний период династии Шан – Цзягувэнь (甲骨文, период гадательных надписей на костях и черепаших панцирях XIV–XI вв. до н.э.), когда знаки наносились на костях и черепаших панцирях с целью гадания, именно эти знаки считаются первой формой китайских иероглифов, и современные многие шрифты обнаруживают свою связь с ними. Эволюцию китайских иероглифов можно классифицировать по следующим стилям: Цзиньвэнь (金文) – один из стилей древнего письма – это надписи, выполненные на бронзе, он возник в бронзовом веке. Сючжунь (小篆) – «малый устав» – унифицированный иероглифический стиль был введен при династии Цинь (秦), ныне употребляется на печатях. Лишу (隶书) – вид китайского древнего письма, возник во время династии Хань (汉) и стал официальным письмом того времени. Цаошу (草书), или «уставная скоропись» (章草), появился также при династии Хань (汉) и пользовался популярностью в династии Западная Хань (西汉, 206 г. до н.э. – 24 г. н.э.). Кайшу (楷书) – нормативное написание иероглифов – развился из Цаошу (草书) – возник в конце правления династии Хань и достиг совершенства при династии Тан (唐), а Синшу (行书) – «китайская скоропись» – считается побочным продуктом Цаошу (草书). В данной работе анализируется эволюция типичных иероглифов, отражающих разделение труда в китайской традиционной семье.

汉字 иероглиф	甲骨文 цзягувэнь	金文 цзиньвэнь	小篆 сяочжуань	简体 упрощённый иероглиф	翻译 перевод
男				男	мужчина
妇				妇	женщина
妻				妻	жена
女				女	женщина, девушка, девица
妾				妾	наложница
妃				妃	императорская наложница
安				安	стабильность, спокойствие

Древние китайские иероглифы передают знания предков о том, как создавалась письменность, в них обнаруживаются исторические сведения об образе жизни, обычаях, способах мышления, эстетических представлениях, мыслях и склонностях древних китайцев. В качестве примера возьмем стиль Цзягувэнь, в котором отражены социальные отношения, достижения духовной и материальной цивилизации Китая. Ученый Чэн Шудэ (程树德) писал: «Если мы полагаем, что “Происхождение китайских иероглифов”, т.е. “Шовэнь цзецзы” является историческим свидетельством, то можно сказать, что вся история Китая от Хуан-ди (Желтый император) до обеих династий Хань (“ранняя” – 206 г. до н.э. – 8 г. н.э.; “поздняя” – 25 г. – 220 г. н.э.), включена в него, как и все предания и обычаи того времени» [3. С. 1].

Китайские иероглифы характеризуются выражением смысла с помощью своей формы. Например, «шесть категорий иероглифов» – это система словообразования, составленная предками китайцев, передаваемая из поколения в поколение. Она основана на пиктографической форме (изобразительной категории иероглифов) и использует абстрактные линии для описания всего существующего в мире. Таким образом, люди могут непосредственно получить информацию о прошлой культуре, рассматривая древние китайские иероглифы, их формы и структуры. Если при анализе форм и структур иероглифов используются научные методы, то можно понять смысл, заключенный в иероглифе. Можно сказать, что если форма китайских иероглифов может быть связана с мыслью человека, то при прочтении их содержащаяся в ней информация становится достоянием потомков.

В словаре «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы» (说文解字), отмечено, что по своему строению иероглиф «мужчина» (男), значит «муж, который занимается физическим трудом, трудится в поле» [4]. В стилях Цзягувэнь (甲骨文) и Цзиньвэнь (金文) построение этого иероглифа читается так: знак слева – это изображение «поля», «пашни», а справа – знак «физической силы». В стиле

Сяочжуань (小篆) структура этого иероглифа изменилась и стала символизировать «верх и низ». Независимо от нового значения структуры, внешняя рамка иероглифа – «тянь» (田) – представляет собой поле, внутренняя горизонтальная линия – линию «запад – восток», а внутренняя вертикальная линия – «север – юг». Иероглиф «сила» (力) – это пиктограмма руки, указывающая на то, что человек занимается физическим трудом. Существуют и другие объяснения иероглифа. В словаре «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы» (说文解字), написано, что «сила» (力) передана формой человеческих сухожилий, делающих человека сильным и устойчивым в преодолении трудностей. Еще одно объяснение этого знака заключается в том, что «сила» (力) выступает в качестве «инструмента», с помощью которого можно работать в поле. Китайский историк и палеограф Сюй Чжуншу считает, что в «Шовэнь цзецзы» дается не точное объяснение иероглифа «сила» (力), а «сухожилия» являются переносным значением «сила» (力). Он считает, что «сила» (力) должна пониматься как физическая сила, как физические усилия. Следовательно, можно сделать вывод о том, что соединение знаков «тянь» (田) и «сила» (力) означает «человека, работающего в поле». В «Ши цзин. Малые оды. Горный ручей» («诗·小雅·斯干») – «Книге песен» (один из древнейших памятников китайской литературы) написано – «Мальчик (мужчина) так и родился» [5]. В патриархальном обществе естественно, что те, кто работают в поле, являются мужчинами, так как женщина, уступая мужчине в физической силе, занималась другими делами.

В китайском языке есть поговорка, которая полно отражает отношение между полами: «Мужчина работает, женщина следит за домом». В период Цзягувэнь (甲骨文) иероглиф «женщина» (妇, «фу») считается ассоциативным иероглифом, справа находится знак образа женщины, а слева – формы веника, что вместе значит «женщина дома веником подметает, убирает и

занимается домашними делами». Первоначальный смысл этого иероглифа заключался в том, что женщина является домохозяйкой, которая ведет домашние дела. В последующий период – в начале Цзиньвэнь (金文) – эта форма, возникшая в Цзягувэнь (甲骨文) сохранялась, а в поздний период Цзиньвэнь (金文) она изменилась: жена образованного человека называлась «супругой» (妇人, «фучжэн»), человека из низов общества – просто – «жена» (妻子, «фу») [6]. В словаре «Происхождение китайских иероглифов» («Шовэнь цзецзы», «说文解字») иероглиф «женщина» (妇人, «фу») имеет в виду женщину, которая находится в подчиненном положении, которая занимается домом, по комментарию Дуань Юйцань: «фу» – это женщина, которая «убирает, подметает» [7. С. 164]. Так называемое «подчинение» означает то, что в патриархальном обществе мужчина занимает господствующее место, а женщина должна ему подчиняться и слушаться. Это и выражено в принципе разделении мужского и женского труда в традиционной китайской семье: «Мужчины пахут, а женщины ткут».

В словаре «Происхождение китайских иероглифов» («Шовэнь цзецзы», «说文解字») иероглиф «ньюй» («女», «женский пол», в русском языке – «женщина, девушка, девица, дочь») по структуре образования относится к иероглифам изобразительной категории. В период Цзягувэнь (甲骨文) иероглиф «ньюй» (女) похож на то, как покладистая женщина сидит на коленях. В последующий период – Цзиньвэнь (金文) – эта форма сохранялась. В стилях Сяочжуань (小篆), Лишу (隶书) и Кайшу (楷书) постепенно она принимает современный вид написания.

Несмотря на то что в настоящее время существуют разные мнения о понимании иероглифа «ньюй» (女) периода Цзягувэнь (甲骨文), с точки зрения образования иероглифов, можно видеть, что боковая графема в иероглифе связана с женщиной и в большей степени выражает изобразительное, семантическое значение этого иероглифа. Структура «женщина сидит на коленях» соответствует тому же принципу: «мужчина сильный, а женщина слабая» [8]. В «Ши цзин», раздел Чжоу-нань» (诗经·周南·关雎 «Книга песен»), в первой песне «Гуаньцзюй», воспевающей добродетели невесты и любовь к ней жениха, написано: «... красивая и добрая девушка, за ней ухаживает порядочный парень» («窈窕淑女, 君子好逑») [9]. В древние времена женщина сидела дома, вела домашнее хозяйство, так как она большую часть времени проводила дома, в помещении, согнув колени и скрестив руки (что было ее постоянной позой), то было перенесено на типичные изображения женщин, которые отличались от изображения мужчин, занимавшихся физическим трудом в поле.

Относительно иероглифа «ци» (妻) – «жена» в словаре «Происхождение китайских иероглифов» («Шовэнь цзецзы») написано, что иероглиф «ци» (妻, «жена») обозначает «замужнюю женщину, равную мужу. Жена (женский пол) ведет хозяйственные дела, исполняет обязанности жены» [10]. В Цзягувэнь (甲骨文) форма иероглифа «ци» (妻, «жена») похожа на то, что «девушка с длинными волосами

сидит на коленях и руками расчесывает волосы». В Сяочжуань (小篆) структура иероглифа «ци» (妻, «жена») изображала, как «дома женщина занимается ручным трудом», а основное значение этого иероглифа обозначало «супругу». В «Ли-Цзи. Цюй Ли» (Ли-Цзи, «Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов» – одна из книг конфуцианского «Пятикнижия», «五经») написано, что жена простого человека – «цицзы» (妻子, «жена») [11]. В древние времена словами «фэй» (妃, «императорская наложница» или «второстепенная жена») и «це» (妾, «наложница») также назывались супруги. По форме иероглифа «фэй» (妃) периода Цзягувэнь (甲骨文) видно, что он изображал женщину, сидящую на коленях и державшую на руках ребенка. Во времена Цзиньвэнь (金文) форма изображения почти сохранялась. В «Ли-Цзи. Цюй Ли» так называют второстепенную жену императора Хоу (后, «императорская наложница»). Иероглиф «це» (妾) относится к иероглифам идеографической категории. В словаре «Происхождение китайских иероглифов» («Шовэнь цзецзы», «说文解字») объясняется, что «це» (妾) – это «наложница, которая является рабыней у хозяина и выполняет его личные поручения, оказывает интимные услуги хозяину и тому подобное» [12]. Среди ученых существует мнение о том, что основное значение «це» (妾) – «рабыня». В «Ли-Цзи. Цюй Ли» написано, что «мало семей, в которой есть и жена, и наложницы. Общество придает большое значение жене, оно полагает, что обязанность жены заключается в рождении ребенка ... Беременность и кормление грудью занимают много времени у женщин, поэтому они проводят большое количество времени дома, и во время ухода за детьми они занимаются домашними делами» [13]. Из вышесказанного вытекает доказательство того, что этот иероглиф может иметь значение «женщина, следящая за домом».

Иероглиф «ань» (安) в словаре «Происхождение китайских иероглифов» («Шовэнь цзецзы», «说文解字») соответствует слову «покой» в русском языке. Верхняя часть этого иероглифа периода Цзягувэнь (甲骨文) относится к изобразительным категориям, напоминает крышу дома, а нижняя часть – «женщина». Основное значение этого иероглифа заключается в том, что «мужчина создает дом, женится на женщине и потом вместе они живут в покое. В традиционном обществе строительство дома и сыгранная свадьба считаются двумя важнейшими и основными событиями в жизни человека и общества, они глубоко влияют на психологическое состояние человека. Они несут глубокий смысл человеческой жизни: успешно построить свой дом и вступить в брак для того, чтобы потом спокойно жить и радостно трудиться.

В словаре «Эръя» иероглиф «安» означает «стабильность». Некоторые ученые считают, что иероглиф «安» содержит следующий смысл – «у женщины есть свой дом, указывая на то, что женщины могут чувствовать себя в безопасности только тогда, когда они вернутся в свой дом». В общем, значение иероглифа «安» выражает «обладание своим домом, который является

пристанищем для женщины или то, что женщина любит оставаться дома, это самое спокойное и безопасное место» [14]. Такое понимание иероглифа подчеркивает тесную связь между женщиной и ее домом. В связи с этим, в традиционном обществе женщины естественным образом стали синонимом семьи, что заложило прочную основу для разделения труда в семье.

Известный историк Чэнь Инькэ (陈寅恪) писал: «В соответствии с настоящими стандартами комментариев древних текстов, из толкования любого иероглифа можно увидеть фрагмент истории китайской культуры» [15. С. 90–92]. Иероглифы, в качестве морфемы, являющиеся единством формы, произношения и значения, в структуре иероглифов заключен огромный объем культурного и исторического материала. Изучая структурную основу китайских иероглифов, можно глубже узнать и понять особенности китайской культуры.

Таким образом, на основе проведенных исследований можно сделать следующие выводы: такие китайские поговорки, как «Мужчины пашут, а женщины ткут», «Мужчина работает, женщина следит за домом», отражают естественное разделение труда в традиционной китайской семье, которое сохранялось на протяжении нескольких тысяч лет. В структуре древних иероглифов, связанных с социальной жизнью, обнаруживаются истоки и условия разделения труда между мужчинами и женщинами в традиционном обществе. Естественное разделение труда заложило правила семейной жизни, в соответствии с которыми люди выполняли свои обязанности и жили в гармонии. Изучая древние китайские иероглифы, можно многое узнать об истории и культуре китайцев, глубже понять их ценностные и нравственные ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. 宋永培《说文》体系与中国上古史[M].广西南宁:广西教育出版社,1996,第216页. Сун Юнпэй. Система «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы»《说文解字》, и древнейшая китайская история. [M]. Наньнин, Гуанси : Гуансское образовательное изд-во, 1996. 283 с.
2. 崔枢华《说文解字声训研究》[M].北京:北京师范大学出版社,2000.第9页. Цуй Шууха. объяснение значения иероглифов по их чтению в словаре «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы» [M] Пекин : Изд-во Пекин. пед. ун-та, 2000. 585 с.
3. 程树德《说文》稽古篇[M].北京:商务印书馆,1933.第1页. Чэн Шудэ. «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы»《说文解字》. Тема изучения древности. [M]. Пекин. : Коммерческое изд-во, 1993. 98 с.
4. URL: <http://shuowen.xpcha.com/30dh09cts8n.html> (дата обращения: 22.02.2018).
5. URL: <http://so.gushiwen.org/shiwen/15a6e1f7b84a.aspx> (дата обращения: 22.02.2018).
6. 《礼记·曲礼》. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_3138.aspx (дата обращения: 22.02.2018).
7. 段玉裁《说文解字注》上海古籍出版社,1981年版. Дуань Юйцань. Комментария Словаря «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы». Шанхай : Шанхайское издание древних книг, 1981.
8. URL: <http://shuowen.xpcha.com/5b1hf8d658o.html> (дата обращения: 22.02.2018).
9. URL: http://so.gushiwen.org/view_1.aspx (дата обращения: 24.02.2018).
10. URL: <http://shuowen.xpcha.com/5b1hf8d658o.html> (дата обращения: 22.02.2018).
11. 《礼记·曲礼》. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_3138.aspx (дата обращения: 22.02.2018).
12. URL: <http://shuowen.xpcha.com/30dh09cts8n.html> (дата обращения: 22.02.2018).
13. Чжоуские ритуалы. Тайцзай (фамилия). («Книга этикета» эпохи Чжоу). URL: <http://www.gushiwen.org/guwen/zhoulis.aspx> (дата обращения: 22.02.2018).
14. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_19.aspx (дата обращения: 22.02.2018).
15. 桑兵“鬼”字原始意义之试探[J] 学术研究 2009年第12期第90-92页. Сан Бин. Анализ первоначального значения иероглифа «鬼 (Гуй, дьявол)». [J] научное исследование. 2009. № 12.
16. 徐中舒《甲骨文字典》四川辞书出版社,1998年版. Сюй Чжуншу: «Словарь цзягувэнь, гадательные надписи на костях и черепаших панцирях» Сычуаньское словарное изд-во, 1998.
17. 许慎《说文解字》中华书局影印本,1963年12月第一版. Сюй Шэнь. Словарь «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы». Фотолитографическое издание Китайского книгоиздательства, первое издание: декабрь 1963. 327 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 мая 2018 г.

REFLECTION OF THE DIVISION OF LABOR WITHIN A TRADITIONAL FAMILY IN THE CHINESE HIEROGLYPHIC WRITING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 108–112.

DOI: 10.17223/15617793/434/13

Wang Guohong, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wangguohong@mail.ru

Keywords: Chinese characters; semantics; traditional society; family relations; division of labor; mentality.

This article poses the problem of identifying the semantic content of Chinese hieroglyphs related to family relations and reflected on the division of labor within traditional Chinese society. In a historical context, the connection between Chinese hieroglyphic writing and traditional culture is examined based on the comments of early inscriptions made on bones and tortoiseshells in the period of Jiaguan (甲骨文 14th–11th centuries BC). The author analyzes the structure of the oldest hieroglyphs – terms related to the division of labor. Originating in the second millennium BC, Chinese characters continued to evolve; they reflected the socio-economic and ideological changes in Chinese society and firmly entered the cultural heritage of the Chinese. Established in ancient times and evolving in the process of historical development, they entered the life and culture of the Chinese and became the basis of Chinese civilization. The author briefly describes the evolution of the system of word formation in the Chinese hieroglyphic script, singling out “six categories of hieroglyphs”. The possibility of deep penetration into the traditional culture of the Chinese, based on the content and calligraphy, pronunciation and semantics of hieroglyphs is shown. Analyzing the hieroglyphs from *The Origin of Chinese Hieroglyphs* (“Shouen Tsetszy”, 《说文解字》) “man” (男), “woman” (女 “fu”), “female” (女 “nyuy”), “wife” (妻 “qi”), “imperial concubine” or “secondary wife” (妃 “fei”), “concubine” (妾 “tse”) and “stability” (妃 “anh”), the author revealed their structure and semantics. Hieroglyphs, like morphemes, reflect the unity of form, pronunciation and meaning, they contain a huge amount of cultural and historical material. In a patriarchal society, male farmers occupied a dominant position, both in the family and in society. The woman,

physically giving in to the man, played a secondary role. The model of the natural division of labor between men and women was conveyed by the concept: “Men plow, and women weave”, “A man works, a woman watches the house”. Thus, the roles of men and women in the traditional Chinese family were defined. This principle was maintained throughout the period of existence of traditional China; it was reflected in social life, social relations, etiquette norms, customs and rituals of the Chinese. Consideration of the structure of hieroglyphs allows to learn fully and understand more deeply the characteristics of Chinese culture and the mentality of its people. The analysis of the cultural meaning of some typical hieroglyphs associated with the division of labor provides an idea of traditional family relationships in which each family member fulfilled their duties, which contributed to the preservation of harmony. The author of the article believes that the study of ancient hieroglyphs provides an opportunity to learn much about the history and culture of the Chinese, to better understand their value and moral guidelines.

REFERENCES

1. Song Yongpei. (1996) *The System of Shuowen and the Ancient Chinese History [M]*. Nanning, Guangxi: Guangxi Education Press. (In Chinese).
2. Cui Shuhua. (2000) *Explanation of the meaning of hieroglyphs in their reading in Shuowen*. Beijing: Beijing Pedagogical University Press.
3. Cheng Shude. (1933) *Explanation of the meaning of hieroglyphs in their reading in the dictionary “The Origin of Chinese Hieroglyphs”, or Shuowen*. Beijing: The Commercial Press. (In Chinese).
4. Shuowen.xpcha.com. [Online] Available from: <http://shuowen.xpcha.com/30dh09cts8n.html>. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
5. So.gushiwen.org. [Online] Available from: <http://so.gushiwen.org/shiwen/15a6e1f7b84a.aspx>. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
6. So.gushiwen.org. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_3138.aspx. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
7. Duan Yucan. (1981) *Commentaries to the dictionary “The Origin of Chinese Hieroglyphs”, or Shuowen* Shanghai: Shanghai publisher of ancient books (In Chinese).
8. Shuowen.xpcha.com. [Online] Available from: <http://shuowen.xpcha.com/5b1hf8d658o.html>. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
9. So.gushiwen.org. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/view_1.aspx. (Accessed: 24.02.2018). (In Chinese).
10. Shuowen.xpcha.com. [Online] Available from: <http://shuowen.xpcha.com/5b1hf8d658o.html>. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
11. So.gushiwen.org. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_3138.aspx. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
12. Shuowen.xpcha.com. [Online] Available from: <http://shuowen.xpcha.com/30dh09cts8n.html>. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
13. Gushiwen.org. (n.d.) *Zhou rituals. Tai Chi. (“The Book of Etiquette” of the Zhou Chao)*. [Online] Available from: <http://www.gushiwen.org/guwen/zhoul.aspx>. (Accessed: 22.02.2018). (In Chinese).
14. So.gushiwen.org. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_19.aspx. (Accessed: 22.02.2018).
15. Analysis of the original meaning of the the hieroglyph 鬼(gui, devil) [J] *Academic Research*. 12. pp. 90–92. (In Chinese).
16. Xu, Z. S. (1998). *The Oracle-Bone Dictionary*. Chengdu: Sichuan Dictionary Press. (In Chinese).
17. Xu Shen (1963) *Shuowen photocopy*. 1st ed. Zhonghua Book Company. (In Chinese).

Received: 21 May 2018

О.В. Зайцева, Е.В. Водясов

ГРУНТОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ТИМИРЯЗЕВСКОГО-1 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА С КОМПЛЕКСАМИ МИНИАТЮРНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-11-70005 а (р)).

Впервые публикуется материал грунтового погребения Тимирязевского-1 курганного могильника с комплексами миниатюрных предметов из раскопок 2014 г. Методика вскрытия сплошными площадями доказала наличие на могильнике грунтовых погребений, тогда как ранее считалось, что все захоронения сопровождались курганными насыпями. В исследованном погребении обнаружены останки двух детей и два скопления миниатюрных предметов. Высказана гипотеза о захоронении вместе с детьми двух «кукол» – вместилищ душ умерших. На основании рассмотренных аналогий захоронение датировано VII–VIII вв., что демонстрирует длительное существование традиций миниатюрных предметов в культуре населения Томского Приобья второй половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: раннее Средневековье; верхнеобская культура; погребальный обряд; Тимирязевский-1 курганный могильник; миниатюрные предметы.

Введение

Тимирязевский-1 курганный могильник, несмотря на более чем полувековую историю исследования, ещё только начинает осознаваться как интереснейшей феномен в средневековой археологии Западной Сибири. Даже в названии данной статьи уже заключён непростой историографический казус. Долгое время могильник считался курганным, однако недавние раскопки с применением методики вскрытия сплошной площадью доказали его смешанный характер – на нём имеются как подкурганные, так и грунтовые захоронения.

Открыт могильник В.И. Матющенко в 1954 г. [1. С. 35]. В 1956 г. им раскопаны два кургана [2. С. 2], которые только недавно были опубликованы [3]. Масштабные раскопки, в ходе которых исследовано 67 курганов, проводились Л.М. Плетневой в 1971 и в 1973 гг. [4, 5]. Датировка могильника V–X вв. н.э., относится к верхнеобской культуре. Расположен на левобережной террасе р. Томи, между поселками Тимирязевское и Дзержинское.

В 2014 г. Томский государственный университет под руководством О.Б. Беликовой проводил охранные раскопки на северной периферии могильника, поврежденной при строительстве коттеджного пос. Снегири. Раскопки носили аварийный характер, поэтому их конфигурацию определяли уже ведущиеся на объекте строительные работы. Впервые в истории исследования памятника раскопки велись сплошными площадями, тогда как ранее над каждой курганной насыпью закладывался отдельный раскоп. В первом раскопе площадью 114 м² погребений не обнаружено, но были зафиксированы интереснейшие ритуальные объекты, в том числе и скопления миниатюрных предметов. Во втором раскопе площадью 156 м² исследовано три погребения, содержащих останки девяти индивидуумов и разнообразные поминальные объекты, также включающие и скопления миниатюрных предметов.

Цель настоящей публикации – введение в научный оборот материалов одного из исследованных в 2014 г. погребений, представляющего новые возможности для интерпретации интереснейшей особенности по-

гребального обряда – сокрытия на небольшой глубине комплексов миниатюрных предметов.

Погребение 1 Тимирязевского-1 курганного могильника (материалы раскопок 2014 г.)

Контуры овальной могильной ямы, сориентированной по линии северо-восток – юго-запад, были зафиксированы на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности. Длина могилы 1,11 м, ширина 0,46 м, глубина 0,32 м. В современном рельефе погребение никак не прослеживалось: никакой западины или насыпи, маркирующих могилу, ни визуальное, ни при съемке микрорельефа инструментальным методом не выявлено.

Антропологический материал. В могиле обнаружены останки двух детей. В песчаном грунте в кислой среде происходит быстрое разложение костной ткани, дольше всего сохраняются наиболее прочные элементы скелета, а именно зубы. Останки первого индивидуума представлены исключительно коронкой молочного моляра. Возраст смерти 6 мес. ± 3 мес. Останки второго индивидуума представлены закладками постоянных зубов: М1 обеих сторон, М2 обеих сторон, С1 лев (?) и М1 прав (?). Возраст смерти – 5 лет ± 16 мес. Часть зубов была обнаружена на дне могилы у её юго-западной стенки, другая часть найдена при просевке грунта, изъятых из могилы.

Размер могилы не отрицает возможности помещения в неё двух умерших детей указанного возраста. Нахождение зубов у юго-западной стенки могилы позволяет реконструировать ориентацию умерших головой на юго-запад. Сохранность костного материала затрудняет детально реконструировать практику обращения с телами покойных.

Инвентарь. На дне могилы у юго-восточной стенки расчищены два железных трехлопастных наконечника стрел нормативных размеров (рис. 1; 2, 3, 4). В юго-западной части могилы обнаружен развал керамического сосуда также нормативного размера (рис. 1; 2, 5).

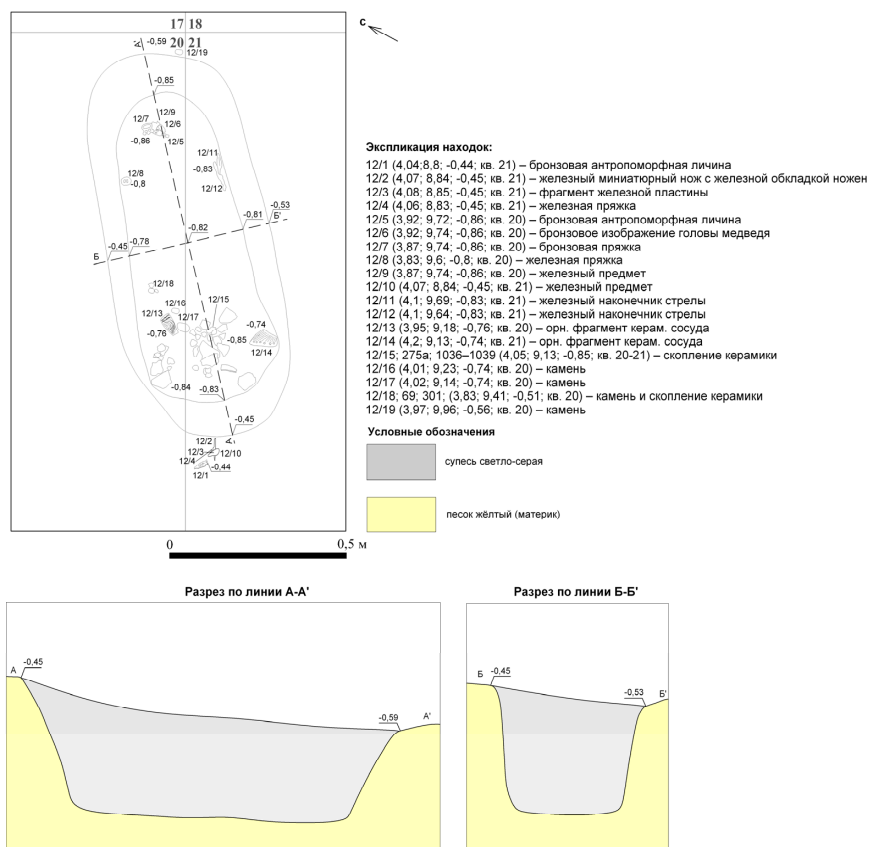

Рис. 1. План и разрезы погребения 1 Тимирязевского-1 курганного могильника

Рис. 2. Инвентарь погребения 1. Тимирязевский-1 курганный могильник

На дне могилы у юго-восточной стенки на одном уровне с другим инвентарём находилось компактное скопление предметов (рис. 3, 1), включающее бронзовую личину (рис. 4, 1), бронзовое миниатюрное изображение головы животного (рис. 4, 2), бронзовую «подвеску-псевдопряжку» (рис. 4, 3) и неопределимое миниатюрное железное изделие (рис. 4, 4). В 15 см от этого скопления также на уровне дна могилы находилась миниатюрная железная пряжка (рис. 2, 1), одно-

значно сказать, относится ли она к этому же скоплению, невозможно. Второе компактное скопление предметов (рис. 3, 2) обнаружено у юго-западного верхнего края могильной ямы. Возможно, предметы были положены рядом с могилой на уровне древней дневной поверхности. Скопление включало миниатюрную бронзовую личину (рис. 5, 1), миниатюрный нож в обойме (рис. 5, 2), пластину неясного назначения (рис. 5, 3) и миниатюрную железную пряжку (рис. 5, 4).

Рис. 3. Тимирязевский-1 курганный могильник. Погребение 1:
1 – скопление миниатюрных предметов 1 *in situ*;
2 – скопление миниатюрных предметов 2 *in situ*

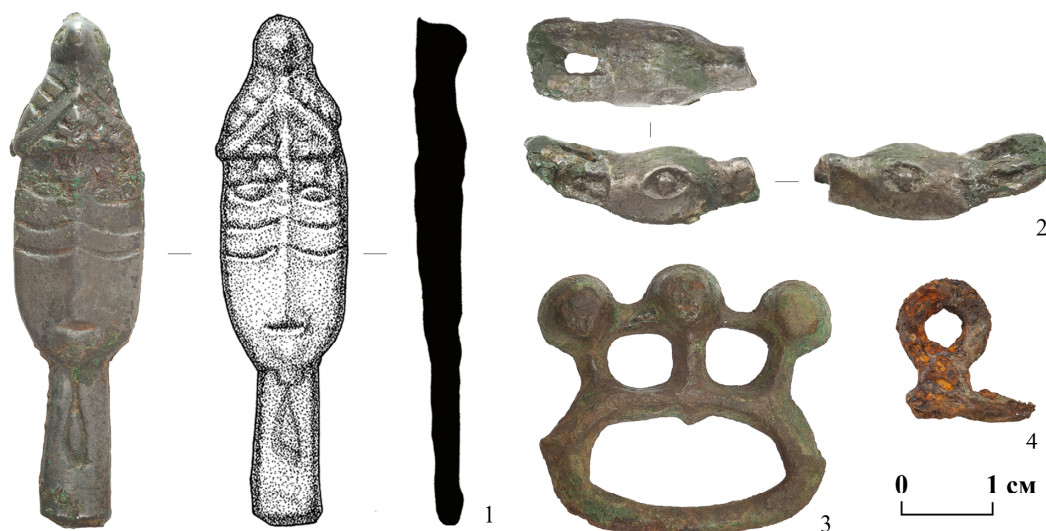

Рис. 4. Тимирязевский-1 курганный могильник. Погребение 1. Скопление 1

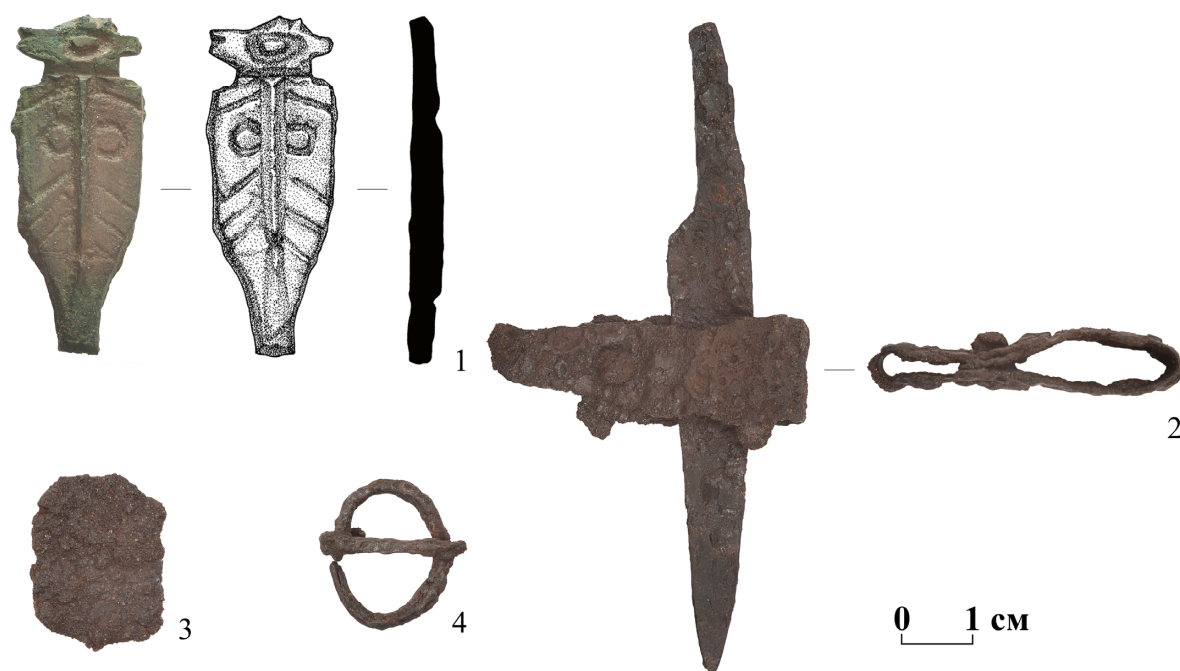

Рис. 5. Тимирязевский-1 курганный могильник. Погребение 1. Скопление 2

Интерпретация. Одной из характерных особенностей Тимирязевского-1 могильника является нахождение скоплений миниатюрных предметов на небольшой глубине в насыпи курганов или в межкурганном пространстве. Всего сейчас известно около 30 таких скоплений. Чаще всего в таких скоплениях встречаются миниатюрные керамические сосуды, миниатюрные железные ножи, тесла, пряжки и стрелы. О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой такие скопления связываются с «поминками и свидетельствуют о заботе об умерших» [5. С. 111]. В шести случаях в составе скоплений зафиксированы бронзовые антропоморфные личины, ещё в одном – стилизованная антропоморфная бронзовая фигурка. Археологический контекст обнаружения антропоморфных личин и их роль в погребально-поминальном обряде подробно рассмотрены нами в отдельной статье, в которой приводится развернутая аргументация интерпретации «тимирязевских» личин как деталей ритуальных кукол, изготовленных из органических материалов [6].

В ритуальной практике коренных народов Сибири хорошо известно об изготовлении после смерти человека небольшой куклы – временного вместилища одной из «душ» умершего. С учетом археологического контекста обнаружения личин реконструировано специальное захоронение этих кукол с принадлежащими им наборами инвентаря (преимущественно миниатюрных моделей вещей) на территории Тимирязевского-1 могильника. Нами высказано также предположение о том, что на могильнике захоранивали кукол и других типов, полностью изготовленных из органических материалов, которые ко времени раскопок просто не сохранились. В пользу этого свидетельствуют многочисленные изолированные скопления миниатюрных предметов, фиксируемые на небольшой глубине в насыпях курганов или в пространстве между ними [6. С. 79–80].

В связи со всем вышесказанным, очень заманчивой видится интерпретация двух обнаруженных нами скоплений миниатюрных предметов с антропоморфными личинами как захоронений двух кукол – временных вместилищ «душ», принадлежащих детям, захороненным в этом же погребении. Однако есть и некоторые сомнения для однозначного принятия такой трактовки. До этого случая компактные скопления миниатюрных предметов ни разу не были встречены непосредственно в могиле. Возможно, исключения составляют только погребения в курганах 54 и 69, где среди другого инвентаря вычленились и миниатюрные предметы [5. С. 10, рис. 14].

Нельзя исключать и некоторую вероятность того, что скопление 2, обнаруженное на борту могилы, не соотносится напрямую с исследованным в ней погребением. Возможно также, что скопление 1 было вкопано в могилу случайно, после того, как об этом погребении уже «забыли», и не соотносится с ним напрямую. Несмотря на высказанные сомнения, наиболее вероятным видится всё же неслучайным нахождение погребения двух детей и двух соотносящихся с ним комплексов миниатюрных предметов с личинами.

Хронология исследованного комплекса. В Тимирязевском-1 курганного могильнике выделяются погребения трех хронологических периодов: V–VI вв., VI–VIII вв., IX–X вв. Определяя хронологию погребения, мы будем исходить из гипотезы, что инвентарь в погребении и два скопления миниатюрных предметов представляют собой единый комплекс.

Наконечники стрел, нож и детали ножен не имеют узкой датировки и в качестве хроноиндикатора нами не рассматриваются. Антропоморфные изображения, отнесенные нами к специфичной «тимирязевской» группе личин, были распространены в Томском Приобье в V–VIII вв. [6. С. 78].

Обнаруженный в погребении керамический сосуд украшен характерным для верхнеобской культуры орнаментом (рис. 2, 5). По венчику и шейке нанесены оттиски косой гребенки, образующих мотив «ёлочка» двумя рядами. Поверх верхнего ряда косой гребенки, по шейке венчика, сосуд украшен поясом ямок. На тулове сосуда, под нижним рядом косой гребенки, имеются полукруги, нанесенные оттисками гребенки. Такая же посуда встречена в нескольких курганах V–VIII вв. Тимирязевского-1 курганного могильника [5. Рис. 4, 12; 43, 1] и отнесена Л.М. Плетневой и О.Б. Беликовой ко II типу керамики верхнеобской культуры [5. Рис. 1056].

В погребении обнаружены две железные кругло-рамчатые бесщитковые пряжки, у которых язычок немного выступает за край. Одна из них найдена в скоплении 2, её размеры 2,1×2,1 см. Вторая лежала на дне могилы у северо-западной стенки, её размеры 2,4×2,4 см. Точно такие же пряжки являются характерными для многих предметных комплексов Тимирязевского-1 курганного могильника. Л.М. Плетнева и О.Б. Беликова верно отмечают, что наблюдается некоторая стандартизация этих пряжек по размерам – «излюбленные» пряжки имеют размеры 2,2–2,7×2,4 см, часто встречаются пряжки размером 2,2×1,9 см [Там же. С. 78].

Круглые бесщитковые пряжки не имеют узкой датировки [7. С. 67], они были широко распространены в Западной Сибири и за ее пределами, начиная с рубежа эр [8. С. 48; 9. С. 146]. Подобная пряжка найдена в кургане 36 Тимирязевского-1 курганного могильника вместе с бронзовой гривной [5. Рис. 43], время бытования которой определяется V–VIII вв. [Там же. С. 83]. Пряжка этого же типа присутствует в предметном комплексе кургана 5 могильника Архиерейской Заимки, хорошо датированного Среднеазиатским импортом и геральдическими изделиями VII–VIII вв. [Там же. Рис. 74–76]. Вероятнее всего, миниатюрные круглые пряжки без щитка исчезают в самом конце I тыс. н.э., поскольку в памятниках Верхнего Приобья начала и середины II тыс. н.э. встречаются круглые пряжки более крупных размером

не менее 3 см в диаметре [10. Рис. 58, 3; 70, 20; 105, 23; 11. Рис. 41, 6; 44, 14; 49, 7; 82, 2].

Уточнить дату погребения может так называемая подвеска-псевдопряжка (рис. 4, 3). Подобные вещи найдены в археологических комплексах Верхнего и Среднего Приобья, Южной Сибири и Приангарья. С.В. Панкова, анализируя эту группу изделий, пришла к выводу, что «подвески-псевдопряжки» в различных погребениях сопровождаются изделиями геральдического круга [12. С. 274]. В целом появление поясной гарнитуры геральдического стиля в Сибири относится ко второй половине VII в. [13].

Д.Г. Савинов, ссылаясь в числе прочего на исследования В.Б. Ковалевской, полагает, что широкое распространение геральдического стиля произошло в VII в. с возможным заходом в VIII в., но никак не в VI в. [14]. Таким образом, вероятное время бытования рассматриваемой «подвески-псевдопряжки» укладывается в VII–VIII вв. В пользу этой даты говорит и тот факт, что в более ранних или более поздних комплексах «подвески-псевдопряжки» пока не найдены.

Таким образом, на основании рассмотренных аналогов, вероятная дата погребения определяется нами VII–VIII вв.

Заключение

Исследованное погребение позволило пересмотреть некоторые сложившиеся представления касательно погребального обряда Тимирязевского-1 курганного могильника.

Во-первых, раскопки 2014 г. впервые доказали наличие на могильнике грунтовых погребений, тогда как ранее считалось, что все захоронения сопровождались курганными насыпями [5].

Во-вторых, впервые найдено скопление миниатюрных предметов с личинами непосредственно в могиле, что говорит о разных способах захоронений кукол.

Наконец, в-третьих, материалы показывают длительное существование традиции изготавливать миниатюрные предметы в культурной среде Томского Приобья второй половины I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матюшенко В.И. Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете летом 1954 года. Томск, 1954. Архив МАЭС ТГУ. Д. 133.
2. Матюшенко В.И. Отчет о полевых работах Музея истории материальной культуры летом 1956 года. Томск, 1956. Архив МАЭС ТГУ. Д. 136.
3. Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 могильника // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 281–301.
4. Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. С. 64–87.
5. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
6. Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-1 курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4 (45). С. 74–81.
7. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.
8. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
9. Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2 (87). С. 143–152.
10. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
11. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
12. Панкова С.В. «Подвески-псевдопряжки» в средневековых памятниках Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2003. Кн. II. С. 271–274.
13. Васютин А.С. Ещё раз о Кудыргэ // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2003. С. 224–226.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2018 г.

THE GROUND BURIAL OF THE TIMIRYAZEVO-1 BURIAL MOUND WITH COMPLEXES OF MINIATURE OBJECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 113–118.

DOI: 10.17223/15617793/434/14

Olga V. Zaitseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: snori76@mail.ru

Evgeny V. Vodyasov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Keywords: Early Middle Ages; Upper Ob culture; burial rite; Timiryazev-1 burial mound; miniature objects.

The article is devoted to a unique burial of the Upper Ob culture which was excavated in the Timiryazev-1 burial mound in 2014. For the first time in the history of the study of this site, the excavations were conducted at continuous areas. The method proved the existence of underground burials, whereas it was previously believed that all burials were made with building mounds over the graves. The article introduces into the scientific discourse new data of one of the investigated underground burials which present new possibilities for interpreting the most interesting feature of the burial ritual of the Timiryazev-1 burial ground – the burying of complexes of miniature objects at a shallow depth. About 30 such complexes of miniature objects have been discovered on the territory of the burial ground in total. Most often they contain miniature ceramic vessels, miniature iron knives, adzes, buckles and arrows. The remains of two children were found in the investigated burial. The burial did not have any visual markers in the modern relief: there was no mound over the grave and no grave depression. Arrowheads and a ceramic vessel of standard sizes were found in the grave. At the bottom of the grave, near the south-eastern wall, on the same level with other goods there was a compact set of objects including a bronze mask, a bronze miniature image of an animal's head, a bronze pendant shaped as a buckle and an indefinable miniature iron tool. The second complex of miniature objects was found at the southwestern upper edge of the grave pit. The objects were probably placed next to the grave on the level of the ancient surface. The set included a miniature bronze mask, a miniature knife in the holder, a plate of an obscure purpose and a miniature iron buckle. A hypothesis is put forward about the burial with the children of two miniature dolls, whose faces were made of bronze. The use of small dolls with metal masks, which served as their "faces", is well known in the ritual practice of Siberian peoples. These dolls were the ritual doubles of the deceased persons. Taking into account the archaeological context of the detection of bronze masks, a special burial of these dolls with their sets of grave goods (mostly miniature models of things) was reconstructed in the Timiryazev-1 burial ground. It is assumed that other types of dolls, completely made of organic materials, which were not preserved at the time of excavation, were also buried at the burial ground site. The pendant shaped as a buckle allowed to identify the date of the burial. Similar objects were found in the archaeological complexes of the Upper and Middle Ob region, Southern Siberia and the Angara River region. Based on the analogies considered, the burial is dated to the 7th–8th centuries, which demonstrates the long existence of the traditions of miniature objects in the culture of the Tomsk Ob region inhabitants in the second half of the first millennium AD.

REFERENCES

1. Archive of MAE TSU. File 133. Matyushchenko, V.I. (1954) *Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Muzeia istorii material'noy kul'tury pri Tomskom gosudarstvennom universitete letom 1954 goda* [Report on the work of the archaeological expedition of the Museum of the History of Material Culture at Tomsk State University in the summer of 1954]. Tomsk.
2. Archive of MAE TSU. File 136. Matyushchenko, V.I. (1956) *Otchet o polevykh rabotakh Muzeia istorii material'noy kul'tury letom 1956 goda* [Report on the fieldwork of the Museum of the History of Material Culture in the summer of 1956]. Tomsk.
3. Zaitseva, O.V., Belikova, O.B. & Vodyasov, E.V. (2016) Forgotten complexes and Chinese coins from the Timiryazev-1 burial site. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4, pp. 281–301. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/14/15
4. Pletneva, L.M. (1984) Pogrebeniya IX–X vv. v Tomskom Priob'e [Burials of the 9th–10th centuries in the Tomsk Ob River region]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of Tomsk Ob River region in the 5th–8th centuries AD]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Zaitseva, O.V., Belikova, O.B. & Vodyasov, E.V. (2017) Anthropomorphic Bronze Masks from the Timiryazev-1 Burial Ground. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4 (45). pp. 74–81. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2017.45.4.074-081
7. Shirin, Yu.V. (2003) *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [The Upper Ob region and the foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (burial monuments of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Izd-vo "Kuznetskaya krepost".
8. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob region culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
9. Matrenin, S.S. & Tishkin, A.A. (2015) Poyasnye pryazhki kochevnikov Altaya khunnuskogo vremeni: klassifikatsiya i tipologiya [Belt buckles of nomads of the Altai of the Hunnu time: classification and typology]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3/2 (87). pp. 143–152. DOI: 10.14258/tpai.v14i2.1495
10. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region at the beginning of the 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob region in the 10th–14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
12. Pankova, S.V. (2003) [Pseudobuckle pendants in medieval monuments of Siberia]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages]. Proceedings of the International Conference on the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznov. Book 2. St. Petersburg. pp. 271–274. (In Russian).
13. Vasyutin, A.S. (2003) [Once again about Kudyrga]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages]. Proceedings of the International Conference on the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznov. St. Petersburg. pp. 224–226. (In Russian).
14. Savinov, D.G. (2000) Kudyrginskii predmetnyy kompleks na Severnom Altae (po materialam Osinkinskogo mogil'nika) [Kudyrga object complex in the Northern Altai (based on materials from the Osinka cemetery)]. In: Molodin, V.I., Khudyakov, Yu.S. & Skobelev, S.G. (eds) *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Monuments of the ancient Turkic culture in Sayan-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Received: 04 April 2018

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ФИНЛЯНДИИ И НАТО

Изучены основные периоды эволюции политики безопасности Финляндии и НАТО в 1994–2017 гг. Выявлено, что ключевыми факторами, влияющими на эволюцию партнерства Финляндии и НАТО, являются: политическая позиция правящей политической партии, которую представляет во внешнеполитической стратегии президент или премьер-министр Финляндии, опросы общественного мнения в стране, внешнеполитический курс Швеции и добрососедские отношения с Россией.

Ключевые слова: внешняя политика безопасности Финляндии; НАТО; Россия; политические партии Финляндии.

В эпоху глобализации все государства мира связаны единой судьбой: особенно ярко это проявляется в экономической и экологической областях, а также в области безопасности. Однако это не значит, что национальное государство уходит в прошлое и уступает место глобальному обществу. Несмотря на тектонические сдвиги в системе международных отношений XXI в., только национальному государству по силам противостоять новым угрозам и вызовам безопасности, которые встают перед человечеством в эпоху глобализации. Финляндия, благодаря своей национальной идентичности, может стать важной частью нового миропорядка.

В начале XXI в. политика национальной безопасности Финляндии и сотрудничества с НАТО основана на принципе «военного неприсоединения», на независимой и надежной защите, «всестороннем участии в европейском сотрудничестве и надежной национальной обороне». Согласно принципу «военного неприсоединения» и самостоятельной обороны, Финляндия, во-первых, должна оставаться вне всех войн и конфликтов, а также должна содействовать миру и безопасности во всем мире, а во-вторых, Финляндия должна плотно сотрудничать с партнерами по Евро-союзу по вопросам обороны и безопасности. Стабильность Северной Европы и региона Балтийского моря, как неоднократно отмечалось во внутриполитических документах Финляндии, возможна только при условии добрососедских отношений со странами Северной Европы, Россией и странами Балтии [1].

Военная конфигурация в регионе Балтийского моря меняется: вступление Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО, несомненно, оказывает влияние на политику безопасности Финляндии. Финляндия должна действовать согласно обязательствам и политике Европейского союза. Если же встанет вопрос о присоединении к военному альянсу, то решение такого вопроса будет возможно только путем общественного референдума.

На фоне расширения НАТО на Восток в Финляндии активизировалась дискуссия о возможности официального присоединения страны к Альянсу. В период 2014–2017 гг. сотрудничество между Суоми и НАТО было активным: состоялось подписание Меморандума о принимающей стране НАТО (2014), Финляндия создала центр НАТО-ЕС для противодействия гибридным угрозам, проводились совместные учения. Данные факты заставили экспертов говорить о потенциальном вступлении Финляндии в НАТО в ближай-

шем будущем. Правомерны ли такие прогнозы?

Для Российской Федерации вопрос сотрудничества северо-западного соседа и НАТО остается принципиально важным с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Очевидно, что дестабилизация и создание «ненужной напряженности» в регионе Балтийского моря не отвечают ни интересам России, ни интересам самой Финляндии.

Проблема возможности вступления Финляндии в НАТО, безусловно, не осталась незамеченной в академическом сообществе. Европейские «мозговые центры» (think tanks) большое внимание уделяют проблемам безопасности на евроатлантическом пространстве и роли НАТО в обеспечении мира и предотвращении конфликтов, в том числе в Балтийском регионе [2]. Среди европейских исследований отдельно следует отметить работы экспертов из Великобритании, которые занимают особую позицию по вопросу расширения Альянса на восток и углубления его сотрудничества с Финляндией. Английский подход отличается жесткая риторика касательно российского фактора в отношении Финляндии и НАТО и преувеличении российской «угрозы» в Балтийском регионе, которая требует активного участия НАТО в обеспечении безопасности стран Восточной и Северной Европы [3].

В научном сообществе Финляндии уделяется особое внимание теме трансформации системы безопасности в Северной Европе и в регионе Балтийского моря в конце – начале XXI в. и места Финляндии в ней [4]. Особо следует отметить работы Туомаса Форсберга, посвященные широкому кругу проблем в области безопасности на евроатлантическом пространстве, в регионе Северной Европы и трансформации финской стратегии обороны [5. Р. 475–477; 6. Р. 1161–1181; 7. S. 8–15]. Политика Финляндии в сфере безопасности и в вопросах сотрудничества с НАТО в конце XX – начале XXI в. стала предметом изучения П. Песонена и О. Риихинена, О. Юссилы, С. Хентилия и Ю. Невакики, Ю. Пююконена, М. Кархула, П. Висури, С. Мойсио и др. [8; 9. Р. 123–139; 10; 11. Р. 11; 12]. Самыми основательными отечественными исследованиями проблемы партнерства Финляндии и НАТО следует признать работы Н.М. Межевича, И.Н. Новиковой и Ю.С. Дерябина [13. С. 103–115; 14. С. 27–39; 15. С. 32; 16. С. 85–94; 17. Р. 27–43], в которых исследуются эволюция подхода Финляндии к выстраиванию военно-политических блоков со странами соседями в реги-

оне Балтийского моря, дискуссии 2015–2016 гг. и позиции политических партий по вопросу вступления Финляндии в НАТО.

На основе изученных внутривнутриполитических документов Финляндии и стратегических концепций НАТО эволюция политики Финляндии и НАТО с 1994 по 2017 г. прошла три этапа:

1. 1994–2003 гг. – *этап начала партнерства*

С окончанием холодной войны и глобального переустройства мировой политической системы, Финляндия была поставлена перед необходимостью коренного пересмотра своей внешней политики и политической переориентации на Запад. В начале 1990-х гг. Финляндия отказалась от политики нейтралитета в вопросах обороны и безопасности и взяла курс на европейскую интеграцию. Президент страны Марггит Ахтисаари играл важную роль во внешней политике Финляндии в этот период. И хотя на протяжении последнего времени М. Ахтисаари занимает открыто пронаатовскую позицию и официально призывает свою страну присоединиться к Альянсу, будучи на посту президента Финляндии в 1994–2000 гг. его внешнеполитическая позиция характеризовалась скорее курсом на европейскую интеграцию и открытый диалог со всем миром. Более того, в 2002 г. М. Ахтисаари заявлял, что исторический опыт участия Финляндии во Второй мировой войне стал основой стратегии «интенсивного одиночества», согласно которой Финляндия как отдельный остров должна оставаться в стороне от всех видов вооруженных конфликтов [18].

В 1995 г. Финляндия стала членом Евросоюза. С начала 1990-х гг. страна активизировала сотрудничество с Североатлантическим альянсом и уже в 1994 г. стала партнером НАТО по программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). Географическое положение Финляндии, ее история диктовали особое отношение к России. Понимая, что Россия является важным игроком в региональной безопасности Северной Европы, в регионе Балтийского моря, Суоми внимательно следила за реакцией России на расширение НАТО на Восток, присоединением к Альянсу прибалтийских государств. В докладе военного ведомства Финляндии 1997 г. утверждается, что на европейскую безопасность оказывают влияние не только процессы внутри ЕС и НАТО, но также и Российская Федерация, и отношения между евроатлантическими структурами и Россией. Для Финляндии одинаково важны как экономическое развитие и внутренняя стабильность своего восточного соседа, так и взаимопонимание между НАТО и Россией. В докладе говорится, что экономический рост в России рано или поздно приведет к усилению ее внешнеполитических амбиций [18]. В связи с этим, важно налаживать партнерские отношения и не допускать возвращения к конфронтации. Отношения между Россией и НАТО играют ключевую роль для стабильности в Северной Европе, указывается в докладе.

Период начала партнерства характеризуется различными формами сотрудничества с обеих сторон: в 1994–2003 гг. активно шло дипломатическое взаимодействие между партнерами как на полях саммитов

НАТО, так и двустороннем формате: финские ВС тесно сотрудничали с Североатлантическим альянсом, реформируя армию в соответствии со стандартами НАТО и принимая участия в миротворческих операциях Альянса. Финляндия принимала активное участие в урегулировании гражданских кризисных ситуаций в Афганистане. Финские эксперты работали над программами развития Афганистана. Финские ВС были подключены к участию в работе Международных сил содействия безопасности (МССБ, ISAF) только в рамках гражданско-военного сотрудничества в Кабуле. Как утверждает финский исследователь Ю. Пююконен, первое время участие Сил обороны Финляндии широко поддерживалось жителями страны [19. Р. 71]. Причиной активной общественной поддержки была реакция на террористические атаки 11 сентября 2001 г. в США.

Для социал-демократов, находившихся у власти в данный период в Суоми, активное сотрудничество с НАТО являлось частью общей внешнеполитической стратегии, направленной на интеграцию в евроатлантическое пространство на столько, насколько это возможно для страны, которая придерживается принципа «военного неприсоединения». При этом вопрос членства Финляндии в НАТО в течение 1994–2003 гг. не стоял на повестке дня. Для Финляндии было важно сохранять добрососедские отношения с Россией и поддерживать баланс сил в регионе Балтийского моря. К тому же финское общество выступало резко против изменения традиционной внешнеполитической линии своей страны и не принимало идею возможного членства в Североатлантическом альянсе.

2. 2003–2011 гг. – *период «возможностей опций» в финской политике безопасности*

Данный подход являлся частью сбалансированной и прагматичной внешней политики центристского правительства во главе с М. Ваханеном (2003–2010) и президентом Т. Халонен (2000–2012). Центристское правительство стремилось проводить в жизнь многовекторную политику в сфере безопасности: развивать проект Северного измерения внутри ЕС, принимать участие в общей внешней и оборонной политике Евросоюза, налаживать добрососедские отношения с Россией и вместе с тем оставаться партнерами с НАТО.

В условиях реконфигурации баланса сил в Балтийском море после вступления Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО, роста террористической угрозы в Европе и внутривнутриполитической борьбы в самой Финляндии, усилившейся после выборов 2007 г., на которых второе место заняла партия «Национальная коалиция», открыто выступающая за членство страны в НАТО, в 2003–2011 гг. финским правительством был принят целый ряд внешнеполитических документов, в которых в качестве одного из векторов развития финской оборонной политики рассматривалась возможность присоединения страны к Альянсу [20].

В этот период сотрудничество с Альянсом снизилось, а тематика совместных мероприятий сузилась до сферы гражданского кризисного регулирования. В ходе международных политических кризисов Финляндия не солидаризировалась с НАТО: во время гру-

зино-осетинского конфликта 2008 г. Финляндия проявила исключительную выдержку и дипломатическую сдержанность, которая позволила ей оценить произошедшие события; Суоми также дистанцировалась от операции «Союзный защитник», которая была проведена НАТО в Ливии в 2011 г.

Важно отметить, что на протяжении 2003–2011 гг. финский подход к сотрудничеству с НАТО и к обеспечению национальной безопасности учитывал важность добрососедских отношений с Россией и стабильности на восточных границах государства. Финляндия не считала Россию угрозой для своей безопасности. Важными факторами в сфере безопасности Финляндии были увеличение торговли с РФ, развитие туризма и рост инвестиций.

Взвешенная внешнеполитическая линия в эти годы позволила Финляндии сохранить добрососедские отношения с Россией, которые важны как для поддержания баланса сил в регионе Балтийского моря, так и для финских бизнес-кругов.

3. 2011–2017 гг. – период политики «статус-кво плюс» в отношениях между Финляндией и НАТО

В 2011 г. к власти в Финляндии пришла партия «Национальная коалиция», которая с 2007 г. выступала активным лоббистом вступления страны в НАТО. В 2012 представитель данной партии – С. Нийнистё – был избран президентом Финляндии. Новое политическое руководство взяло курс на активизацию сотрудничества с Североатлантическим альянсом. На выборах в Эдускунту 2011 г. в тройку лидеров впервые вошла партия «Истинные финны». В отношении НАТО партия «Истинные финны» открыто декларировала политику военного неприсоединения и самостоятельной обороны. Партия не поддерживала вступление Финляндии в Альянс. Необходимо отметить, что на выборах в Эдускунту в 2015 г. партия «Истинные финны» заняла второе место и получила в новом правительстве пост министра иностранных дел и министра обороны. В предвыборной программе партии под названием «Финну подходит» [21] утверждается, что политическая элита Финляндия повернулась в сторону сотрудничества с НАТО и готова поддерживать курс на присоединение страны к Североатлантическому альянсу. Однако, согласно подходу «Истинных финнов», этот курс способен подорвать «дух национальной обороны» Финляндии, так как, вступая в Альянс, финская армия будет вынуждена отказаться от системы обязательного призыва и перейти к профессиональной армии, которая в свою очередь потребует дополнительного финансирования, которым финский бюджет не располагает. Популярность данной партии среди финнов означает, в том числе и то, что население страны поддерживает стратегию по продолжению политики военного неприсоединения Финляндии и выступает против членства своей страны в НАТО.

В 2011–2017 гг. финские ВС ежегодно принимали участие в учениях НАТО, в том числе в самых масштабных учениях 2013 г.; высокопоставленные чиновники Финляндии проводили официальные встречи с руководством НАТО и посещали саммиты Североатлантического альянса. Апогеем периода 2011–

2014 гг. в отношениях между Финляндией и НАТО стало подписание исторического Меморандума о взаимопонимании по вопросам поддержки принимающей страны, которое состоялось 5 сентября 2014 г. на саммите НАТО в Уэльсе. Несмотря на то что документ носит рамочный характер и не подразумевает транзита и дислоцирования ВС НАТО на территории Финляндии, его подписание стало важным шагом по углублению сотрудничества между Альянсом и Суоми и логичным продолжением политики Национальной коалиции по принципу «статус-кво плюс». Ведь формально статус отношений между НАТО и Финляндией не изменился, вместе с тем возникли новые партнерские обязательства, которые в случае кризисной ситуации могут оказать значительное влияние на баланс сил как в Северной Европе, так и на всем евроатлантическом пространстве. Стратегия «статус-кво плюс» отвечает и запросам финского общества.

В 2016 г. президент С. Нийнистё допустил проведение в стране общенационального референдума о вступлении Финляндии в НАТО. В этом же году был подготовлен доклад международными экспертами о внешней политике безопасности Финляндии, а также оценены возможные последствия вступления страны в НАТО. Согласно выводам этого доклада, членство Финляндии усилит безопасность страны, однако приведет к серьезному кризису в отношениях с Россией и повредит экономическим связям двух стран. В докладе не содержится рекомендаций, вступать ли Хельсинки в Альянс, но отмечается, что совместная финско-шведская заявка о членстве будет более хорошей стратегической опцией, нежели вступление этих стран по отдельности.

В 2016 г. по инициативе президента Финляндии был предложен «план Нийнистё», который предусматривал запрет на любые полеты военной авиации в балтийском регионе с выключенными транспондерами, которые позволяли бы мгновенно определить не только национальную принадлежность, но и конкретный тип самолета, что обеспечило бы воздушную и морскую безопасность. Москва приняла в качестве основы переговоров «план Нийнистё» и поддержала это предложение на заседании совета Россия – НАТО. Однако страны Балтии негативно восприняли «план Нийнистё», а также идею возобновления функционирования Совета Россия – НАТО.

В мае 2017 г. в Финляндии в Лапландии проводились крупнейшие в Европе учения BBC Arctic Challenge Exercise (ACE). Финляндия впервые отвечала за эти учения при поддержке Норвегии и Швеции и с участием ряда государств НАТО. Разделяя политику сдерживания и обороны посредством учений, принятую на саммите НАТО в Уэльсе, Финляндия стремится к созданию усовершенствованных механизмов обеспечения обороны таким образом, чтобы минимизировать риски противостояния с Москвой.

Первым значимым фактором является политическая позиция правящей партии и президента Финляндии по вопросу сотрудничества с НАТО. До 2000 г. полнота власти во внешних делах страны находилась в руках президента. Однако после конституционной реформы 2000 г. сфера международных отношений

стала доменой совместного управления президента и премьер-министра, который выбирается по итогам парламентских выборов в Эдускунту. Таким образом, с 2003 г. (т.е. с первых выборов в Парламент после конституционной реформы) значительно возросла роль политических партий в вопросах внешней политики и взаимоотношений с НАТО. Динамика развития партнерства между Суоми и Альянсом в 2003–2017 гг. служит ярким тому подтверждением. В период центристского правительства (2003–2011 гг.), когда главой кабинета были М. Ванханен и затем непродолжительное время М. Кивиниеми, подход к сотрудничеству с НАТО был осторожным и сдержанным, что соответствует внешнеполитическому курсу Центристской партии, закреплённому в соответствующих партийных документах. В 2011 г. политическая власть в стране сменилась – на выборах в Эдускунту победила партия «Национальная коалиция», которая с 2007 г. включила в свою официальную внешнеполитическую программу поддержку членства страны в НАТО. В связи с этим, в период 2011–2017 гг. новым руководством Финляндии был взят курс на активизацию сотрудничества: финские ВС активно участвовали в учениях НАТО, проводились дипломатические встречи на самом высоком уровне и, в итоге, было подписано соглашение, в соответствии с которым Суоми брала на себя обязательства принимающей страны НАТО. Вместе с тем значительную роль в эволюции партнерства НАТО и Финляндии в этот период играли и президенты страны. Несмотря на урезанные полномочия в сфере внешней политике, и Тарья Халонен (2000–2012 гг.), и Саули Нийнистё (2012– наст. время) стремились оказывать влияние на внешнеполитический курс страны и, в частности, на стратегию в отношении НАТО. Интересно, что в периоды 2003–2011 гг. и 2011–2017 гг. позиции президента и правящей партии по вопросу сотрудничества с Североатлантическим альянсом совпадали. Т. Халонен придерживалась осторожного подхода, как и центристское правительство страны, а близость политических установок Ю. Катайнена (главы кабинета 2011–2014 гг.) и президента С. Нийнистё очевидна ввиду их одинаковой партийной принадлежности (оба являются членами Национальной коалиции).

Вторым фактором, который имел значительное влияние на эволюцию партнерских отношений между НАТО и Финляндией, выступает общественное мнение в Финляндии. Согласно политическим установкам правительства Финляндии, многократно закреплённым официальными документами и внешнеполитической риторикой, принятие решения о дальнейшем углублении сотрудничества с Альянсом вплоть до рассмотрения вопроса членства возможно только совместно с финским народом, т.е. посредством общенационального референдума. Вступление Финляндии в НАТО неоднократно становилось темой социологических опросов [22]. Однако начиная с 1990-х гг. результаты опросов оставались почти неизменными: большинство финнов последовательно выступало против членства страны в Альянсе. Таким образом, вынесение вопроса о присоединении Суоми к НАТО в актуальную повестку дня возможно только в случае

кардинального изменения в умонастроениях рядовых граждан Финляндии. Однако никаких признаков для таких изменений во взглядах финнов пока не наблюдается.

Третьим фактором является внешнеполитическая стратегия финского соседа – Швеции. Со второй половины XX в. Швеция выступала буферной зоной между территорией НАТО (Норвегией) и Финляндией. Многие вопросы в сфере безопасности Финляндия предпочитала решать совместно со Швецией (в рамках соответствующего союза) или сообразно шведской политике. Вместе с тем в определенные периоды Финляндия не была солидарна с внешнеполитической стратегией Швеции. Ярким примером является грузино-осетинский конфликт 2008 г., по которому позиции Финляндии и Швеции разошлись, а также операция НАТО в Ливии в 2011 г., в которой Швеция, в отличие от своего восточного соседа, решила принять участие, несмотря на свой партнерский статус. Так, Дания и Швеция в 2016 г. пришли к соглашению о расширении оборонного сотрудничества, четко обозначив больший упор на оборонной политике в рамках основной политической повестки дня Северной Европы.

Последним, четвертым фактором, но не по значению, является стремление Финляндии сохранить добрососедские отношения с Россией. Развивая сотрудничество с Североатлантическим альянсом в 1994–2017 гг., руководство Финляндии осознавало важность сохранения баланса сил в регионе Балтийского моря и продолжения миролюбивых отношений со своим восточным соседом. В период центристского правительства (2003–2011 гг.) прагматичное сотрудничество с Россией было частью многовекторной политики в области экономики и безопасности. Даже когда к власти пришли представители партии «Национальная коалиция», занимающей открыто пронатовскую позицию, отношения между Финляндией и Североатлантическим альянсом остались статус-кво: с одной стороны, формально они не изменились, что отвечало необходимости учета российской позиции и запросу финского общества, а с другой стороны, к сотрудничеству было добавлено новое измерение, которое символизировало качественное углубление отношений.

Таким образом, в 1994–2017 гг. отношения Финляндии и НАТО прошли сложный эволюционный путь, который включил в себя этапы начала партнерства, затем осторожной политики центристского правительства (политика «возможностей опций») и, наконец, этап стратегии «статус-кво плюс», которая была взята на вооружение правительством Национальной коалиции по отношению к сотрудничеству с Североатлантическим альянсом. На протяжении всех трех периодов отношений НАТО и Финляндии в 1994–2017 гг. значительное влияние на их развитие оказывали следующие факторы: политические позиции правящей партии и президента Финляндии, опросы общественного мнения в стране, внешнеполитическая позиция Швеции и российской фактор.

Мы полагаем, что в среднесрочной перспективе данные факторы сохраняют свое влияние на характер партнерских отношений между Финляндией и НАТО. Если политические установки партий, которые будут

приходить к власти в Финляндии, могут меняться и становиться пронатовскими или антинатовскими, то такие факторы, как общественное мнение в Финляндии и позиция России по отношению к приближению военных структур НАТО к своим границам, навряд ли претерпят изменение. С самого начала партнерства между Финляндией и НАТО финны стабильно выступали против членства страны в Альянсе, данная тенденция имеет все шансы на сохранение. В свою очередь, для России потенциальная возможность расширения НАТО на Север и появления общей границы протяженностью более 1 200 км всегда будет рассматриваться как угроза национальной безопасности.

В целом надо признать, что вероятность присоединения Финляндии к Альянсу в последние годы усилилась. В ближайшем будущем нарастанию этой тенденции могут способствовать усиление антироссийской риторики в рамках НАТО, а также предвыборные программы правых партий Финляндии на пре-

зидентских и парламентских выборах в 2017 и 2018 гг.

На протяжении 1994–2017 гг. Финляндия сумела выстроить стратегию сотрудничества с Североатлантическим альянсом, которая успешно сочетала активное сотрудничество как на дипломатическом, так и на военно-тактическом уровнях и, тем не менее, позволяла учитывать обязательства Финляндии в Евросоюзе, ее роль в балансе сил на Севере Европы, а также важность добрососедских отношений с Россией. После периода начала сотрудничества финны избрали срединный путь в сотрудничестве с НАТО, который при центристском правительстве проявлялся в виде политики «возможностей опций», а при руководстве Национальной коалиции – в подходе «статус-кво плюс», который, в конечном счете, позволил Финляндии проводить в жизнь независимый внешнеполитический курс, пользующийся широкой поддержкой населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vaaliohjelma – Koko Suomen voimavarat käyttöön, Hyväksytty Keskustan 69. sääntöjärjestyksessä Hämeenlinnassa 16.6.2002 Tietoaarkisto URL: http://www.fsd.uta.fi/pohtiva/ohjelmalistat/KESK/248?start_year=1990&end_year=2012&type2=yleisohjelma&type1=vaaliohjelma&party1=PARLIMENTARY&party=KESK&party=KOK&party=PS&party=SDP&party=VIHR&party=VAS&party=SFP&party=KD&party2=OTHER_REGISTERED&party=SKP&party=KTP&party=PIR&language1=FI&language2=SV&text=keskusta&sortable-table_length=10 (accessed 10 July 2017).
2. Saxi H.L. Nordic defence cooperation after the Cold War, Institutt for forsvarsstudier Norwegian Institute For Defence Studies, Oslo, 2011.
3. Giles K., Eskola S. Waking the Neighbor – Finland, NATO and Russia. Defense Academy of the United Kingdom, 2014.
4. Suomen turvallisuuspoliittisen Ratkaisun lähtökohtia Toim. Fred Blomberg, Maanpuolustuskorkeakoulu, julkaisusarja 1: tutkimuksia nro 4, 2016.
5. Forsberg T. The geopolitics of Euro-Atlantic integration // Cooperation and Conflict. London: International Affairs. 2007. P. 475–477.
6. Forsberg T. The rise of Nordic defence cooperation: a return to regionalism? London: International Affairs. 2013. P. 1161–1181.
7. Forsberg T. Vanhasen toisen hallituksen turvallisuuspolitiikka. Maanpuolustus : turvallisuuspoliittisia tiedonantoja. 83. 2007. S. 8–15.
8. Jussila O., Henttilä C., Nevakivi Yu. Political history of Finland, 1809–2009. M., 2010.
9. Laine J. Vostpriatie Rossii v ob shchestven nom soznanii Finliandii (Perception of Russia in the Finnish Public Consciousness) // Comparative Politics Russia. 2017. № 1. P. 123–139.
10. Pessonen P., Riihinen O. Dynamic Finland. SPb: «European house» (In Russ.). 2007.
11. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation?, Ulkopoliittinen instituutti, Helsinki, 2016. P. 71.
12. Visuri P. Maailmanpolitiikan muutos ja Suomi Arvio syksyn 2001 terroriiskujen vaikutuksista, Vantaa, Yliopistopaino, 2002.
13. Дерябин Ю. Финляндия и НАТО // Международная жизнь. 2007. № 7–8. С. 103–115.
14. Межевич Н.М., Новикова И.Н. Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 27–39.
15. Межевич Н.М. Россия и страны Балтии: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. Рабочая тетрадь № 35/2016 / [Н.М. Межевич Ю.М. Зверев]; Российский совет по международным делам (RIAC). М. : НП PHMD, 2016. 32 с.
16. Новикова И.Н. Финляндия и НАТО: «гражданский брак»? // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т. 2, № 2. С. 85–94.
17. Volovoy V., Batorshina I.A. Security in the Baltic Region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, Balt. reg., 2017. Vol. 9, № 1. P. 27–43.
18. Kivenheimo P. Ahtisaari patistaa Suomea Natoon. Uutinen 25.11.2002, Turun Sanomien www-sivut. Saatavilla. URL: <http://www.ts.fi/erikoissivut/sakyla/1073873394/Ahtisaari+patistaa+Suomea+Natoon> (accessed 01 July 2017), 2002.
19. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation?, Ulkopoliittinen instituutti, Helsinki, 2016. P. 71.
20. Kokoomuksen eurovaaliohjelma 2009, 17.4.2009 // Tietoaarkisto URL: http://www.fsd.uta.fi/pohtiva/ohjelmalistat/KOK/12?start_year=1990&end_year=2012&setting1=0&type2=yleisohjelma&type1=vaaliohjelma&party1=PARLIMENTARY&party=KESK&party=KOK&party=PS&party=SDP&party=VIHR&party=VAS&party=SFP&party=KD&party2=OTHER_REGISTERED&party=SKP&party=KTP&party=PIR&language1=FI&language2=SV&text=kokoomus&sortable-table_length=10 (accessed 22 July 2017).
21. Suomalaiselle sopivin. Perussuomalaiset r.p.n eduskuntavaaliohjelma, vuosi: 2011 // Tietoaarkisto URL: http://www.fsd.uta.fi/pohtiva/ohjelmalistat/PS/398?start_year=2010&end_year=2012&type2=yleisohjelma&type1=vaaliohjelma&party1=PARLIMENTARY&party=KESK&party=KOK&party=PS&party=SDP&party=VIHR&party=VAS&party=SFP&party=KD&party2=OTHER_REGISTERED&party=SKP&party=KTP&party=PIR&language1=FI&language2=SV&text=perus+suomalaiset&sortable-table_length=10 (accessed 10 July 2017).
22. Taloustutkimus, «Taloustutkimus OY»: URL: <http://www.taloustutkimus.fi> (accessed 01 July 2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 16 апреля 2018 г.

EVOLUTION OF FINLAND'S AND NATO'S SECURITY POLICY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 119–124.

DOI: 10.17223/15617793/434/15

Irina V. Zeleneva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: irina_zeleneva@mail.ru

Elena N. Burukhina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: lena.burukhina@yandex.ru

Keywords: foreign security policy of Finland; NATO; Russia; political parties of Finland.

The article examines the evolution of the security policy of Finland and NATO from 1994 to 2017, identifies key factors that determine the security policy. NATO's expansion to the East has influenced the foreign security policy of the Nordic countries, even those traditionally neutral, like Finland and Sweden. This expansion led to the transformation of the defense strategy of Finland. Despite the deepening of cooperation between Finland and NATO, the expansion of economic cooperation with Russia continues. Helsinki strategically uses its partnership with NATO to promote its national security interests. The methodology of the article is based on the principle of historicism, according to which the partnership between Finland and NATO in the late 20th – early 21st centuries was studied as a system of cause and effect relations in development and in a temporal relationship taking into account the historical context and global international processes. Guided by the principle of objectivity, the relations between Finland and NATO were studied on the basis of scientific data and documents. Also, as a methodological basis, the elements of the system method were used. It made possible to create a holistic picture of the relations between Finland and the North Atlantic Alliance in the chosen period, to reveal the main laws, to determine the factors that have influence. The article focuses on the problems of foreign and defense policy of Finland. The study of the position of the ruling political party in Finland, the Finnish public opinion on the issues of cooperation between Finland and NATO, Finland's relations with NATO as part of Finland's multi-vector security policy is one of the main tasks of the study. The article examines the main periods of the evolution of the security policy of Finland and NATO in 1994–2017. On the basis of the studied internal political documents of Finland (the Constitution of Finland, the Government's reports on security and defense policy, security concepts and strategies, the program documents of Finland's main political parties) and NATO's strategic concepts, the authors concluded that the evolution of the Finland-NATO policy from 1994 to 2017 has passed three stages: (1) 1994–2003, the stage of partnership; (2) 2003–2011, the period of “possibilities of options” in Finland's security policy; (3) 2011–2017, the period of the “status quo plus” policy in relations between Finland and NATO. The study revealed that the key factors influencing the evolution of the partnership between Finland and NATO are the political position of the ruling political party represented in the foreign policy strategy by the president or prime minister of Finland, opinion polls in the country, the foreign policy course of Sweden and good-neighborly relations with Russia.

REFERENCES

1. *Vaaliohjelma – Koko Suomen voimavarat käyttöön, Hyväksytty Keskustan 69. sääntömääräisessä puoluekokouksessa Hämeenlinnassa 16.6.2002* [Election program – Use of all resources in Finland, Approved at the 69th regular Party Congress in Hämeenlinna on 16.06.2002. Information archive]. [Online] Available from: http://www.fsd.uta.fi/pohtiva/ohjelmalistat/KESK/248?start_year=1990&end_year=2012&type2=yleisohjelma&type1=vaaliohjelma&party1=PARLIMENTARY&party=KESK&party=KOK&party=PS&party=SDP&party=VIHR&party=VAS&party=SFP&party=KD&party2=OTHER_REGISTERED&party=SKP&party=KTP&party=PIR&language1=FI&language2=SV&text=keskusta&sortable-table_length=10. (Accessed: 10 July 2017).
2. Saxi, H.L. (2011) *Nordic defence cooperation after the Cold War*. Oslo: Norwegian Institute For Defence Studies.
3. Giles, K. & Eskola, S. (2014) *Waking the Neighbor – Finland, NATO and Russia*. Defense Academy of the United Kingdom.
4. Blombergs, F. (2016) Suomen turvallisuuspoliittisen Ratkaisun lähtökohtia Toim [The Finnish Security Policy Solution]. *Maanpuolustus-korkeakoulu, julkaisusarja 1: tutkimuksia*. 4.
5. Forsberg, T. (2007) The geopolitics of Euro-Atlantic integration. In: *Cooperation and Conflict*. London: International Affairs.
6. Forsberg, T. (2013) *The rise of Nordic defence cooperation: a return to regionalism?* London: International Affairs. pp. 1161–1181.
7. Forsberg, T. (2007) Vanhasen toisen hallituksen turvallisuuspolitiikka [The security policy of another government]. *Maanpuolustus-politiikka tiedonantoja*. 83. pp. 8–15.
8. Jussila, O., Henttilä, C. & Nevakivi, Yu. (2010) *Political history of Finland, 1809–2009*. Moscow: Ves' mir.
9. Laine, J. (2017) Perception of Russia in the Finnish public consciousness. *Comparative Politics Russia*. 1. pp. 123–139. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139
10. Pessonen, P. & Riihinen, O. (2007) *Dynamic Finland*. St. Petersburg: “European house”. (In Russian).
11. Pyykönen, J. (2016) *Nordic Partners of NATO How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation?* Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti. pp. 71.
12. Visuri, P. (2002) *Maailmanpolitiikan muutos ja Suomi Arvio syksyn 2001 terroriiskujen vaikutuksista* [Change of World Politics and Finland Estimation of the Impact of the Autumn 2001 Terrorism]. Vantaa: Yliopistopaino.
13. Deryabin, Yu. (2007) Finlyandiya i NATO [Finland and NATO]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 7–8. pp. 103–115.
14. Mezhevich, N.M. & Novikova, I.N. (2016) Finland and NATO: How the Forgetting of Lessons of the Past Can Lead to their Repetition. *Upravlencheskoe konsultirovanie – Administrative Consulting*. 4. pp. 27–39.
15. Mezhevich, N.M. & Zverev, Yu.M. (2016) *Rossiya i strany Baltii: stsennarii bezopasnosti v usloviyakh politicheskoy napryazhennosti. Rabochaya tetrad' № 35/2016/* [Russia and the Baltic States: security scenarios in the context of political tensions. Workbook 35/2016/]. Moscow: NP RNMD.
16. Novikova, I.N. (2011) Finlyandiya i NATO: “grazhdanskiy brak”? [Finland and NATO: a “civil marriage”?]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*. 2(2). pp. 85–94.
17. Volovoy, V. & Batorshina, I.A. (2017) Security in the Baltic Region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA. *Balt. reg.* 9(1). pp. 27–43. (In Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2017-1-2
18. Kivenheimo, P. (2002) *Ahtisaari patistaa Suomea Natoon. Uutinen 25.11.2002* [Ahtisaari patronizes Finland to NATO. News 25 November 2002]. Turun Sanomien www.sivuut.uta.fi/eriakoissivut/sakyla/1073873394/Ahtisaari+patistaa+Suomea+Natoon. (Accessed: 01 July 2017).
19. Pyykönen, J. (2016) *Nordic Partners of NATO How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation?* Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti. pp. 71.
20. Tietoarkisto. (2009) *Kokoomuksen eurovaaliohjelma 2009, 17.4.2009* [Coalition Eurovision 2009, 17.04.2009]. [Online] Available from: http://www.fsd.uta.fi/pohtiva/ohjelmalistat/KOK/12?start_year=1990&end_year=2012&setting1=0&type2=yleisohjelma&type1=vaaliohjelma&party1=PARLIMENTARY&party=KESK&party=KOK&party=PS&party=SDP&party=VIHR&party=VAS&party=SFP&party=KD&party2=OTHER_REGISTERED&party=SKP&party=KTP&party=PIR&language1=FI&language2=SV&text=kokoomus&sortable-table_length=10. (Accessed: 22 July 2017).
21. Tietoarkisto. (2011) *Suomalaiselle sopivin. Perussuomalaiset r.p:n eduskuntavaaliohjelma, vuosi: 2011* [The most suitable for Finns. Finnish peoples parliamentary election program, year: 2011]. [Online] Available from: http://www.fsd.uta.fi/pohtiva/ohjelmalistat/PS/398?start_year=2010&end_year=2012&type2=yleisohjelma&type1=vaaliohjelma&party1=PARLIMENTARY&party=KESK&party=KOK&party=PS&party=SDP&party=VIHR&party=VAS&party=SFP&party=KD&party2=OTHER_REGISTERED&party=SKP&party=KTP&party=PIR&language1=FI&language2=SV&text=perus+suomalaiset&sortable-table_length=10. (Accessed: 10 July 2017).
22. Taloustutkimus. (n.d.) “*Taloustutkimus OY*”: [Online] Available from: <http://www.taloustutkimus.fi>. (Accessed: 01 July 2017). (In Finnish).

Received: 16 April 2018

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ТЕЛЕУТОВ

Рассмотрены процессы национального возрождения как политический конструкт, в котором отмечается непосредственная роль национальной интеллигенции. На примере телеутов Кемеровской области конца XX в. проанализирована роль национальной интеллигенции в процессах национального возрождения, выделены причины стагнации. Используя теорию мобилизации ресурсов Ч. Тилли и опыт полевых исследований, отмечено изменение подхода национальной интеллигенции телеутов, выделены потенциально новые направления национального возрождения телеутов.

Ключевые слова: телеуты; национализм; интеллигенция; Эне-Байат.

В современном мире граница между понятиями «этнос» и «нация» очень размыта. Само определение слова «нация» различается в зависимости от государства и теоретической школы, подходящей к изучению данного вопроса. И если этнос – это культурно специфическая общность людей, то нация подразумевает их общее гражданство. Поэтому этносов на сегодняшний момент существует гораздо больше, чем наций, так как нации по своей структуре намного сложнее. Можно сказать о том, что нация является высшей формой развития этноса, объединяющей большее количество индивидов вокруг одной или нескольких ключевых идей, связанных с интересами группы, а «национальное возрождение», в рамках данной статьи – это стремление этноса сформировать близкую к нации социальную структуру.

По большому счету, мобилизовать группу людей проще всего именно по национальному признаку, так как национальное самоопределение глубже самоопределения по материальному благосостоянию, образованию, классовой, гендерной принадлежности и т.д. В контексте вышесказанного национализм является силой, способствующей этой мобилизации, которая происходит благодаря группе людей, использующей ряд методов для достижения данной цели. Этой группой чаще всего выступает национальная интеллигенция. Так, помимо стандартной для этноса дихотомии «свой–чужие», нация не только объединяется под эгидой реальных явлений, таких как культура, язык, история, но зачастую их мифологизированных, упрощенных и приемлемых для члена нации аналогов-конструктов, помогающих осознать собственную уникальность и сопричастность чему-то большему.

Сегодня национализм воспринимается как нечто примордиальное, существовавшее всегда, а противостояние наций для современного человека стало чем-то обыденным. Он болеет за национальные спортивные команды, а победа в олимпийских играх за национальную сборную – несбыточный предел мечтаний многих спортсменов, переживает, читая новости о неудачах своего государства, национализировать собственную культуру и историю. Иногда даже география подвергается влиянию национализма, достаточно лишь взглянуть на китайскую карту мира, где Китай непременно будет находиться в центре, не говоря о спорных территориях, которые национальные государства, с завидной регулярностью, раскрашивают в собственные цвета в зависимости от происхождения карты.

Однако углубляясь в понятие национализма, стоит отметить, что национализм по своей сути конструкт [1. С. 42], а современные национальные государства появились не так давно, как мы привыкли считать. Корни данных явлений можно найти в процессах конструирования наций этнической интеллигенцией.

При конструировании национального самосознания ключевую роль играют не столько традиции, культура и история этноса, сколько история и её мифологизация. Национальная интеллигенция для конструирования нации – более крупной сложной формы объединения индивидов, чем этнос, использует только выгодные для простого обывателя черты его материальной культуры и традиции [2. Р. 78]. К примеру, можно смело выделить роль братьев Grimm в конструировании германской нации, так как в данном случае выделение общих черт в мифологии германских народов позволило создать дополнительные точки соприкосновения для группы культур и являлось культурной основой для формирования будущей нации.

Самым сильным элементом конструкта нации можно назвать вызов внешней среды. В частности, национальные черты проявляются ярче всего в условиях национальных гонений. Самым очевидным примером, в данном случае, можно считать историю евреев, расселившихся по миру и две тысячи лет терпевших гонения со стороны местного населения, при этом сохранивших свои традиции и пронесших их традиции в современность, создав в XX в. собственное национальное государство – Израиль.

Советский Союз тоже занимался процессом конструирования собственной нации, однако парадокс заключается в том, что по своей природе советский гражданин интернационален. То есть используя типичные методы национализма (мифологизация истории на примере создания героев гражданской войны, культ личности Ленина – Сталина, дихотомия «свой–чужие» в рамках противостояния «капиталисты – коммунисты», холодная война, выступающая как вызов внешней среды), Советский Союз практически не использовал этничность в конструировании собственной «советской нации». То есть собственные традиции, культура и язык сохранялись у каждого народа, входившего в СССР, и даже специфическая отметка в паспорте – «национальность» – возвращала каждого советского человека к важности национального самоопределения, поставленного ещё Лениным [3]. По

своей сути Советский Союз являлся «антинациональным государством» [4. С. 83], страстно желавшим сконструировать собственную нацию, при этом вместо создания новых традиций, объединяющих все народы, проживающие в СССР, сохранил изначальное национальное разнообразие этносов, проживающих в СССР.

Распад СССР повлек за собой всплеск национального самосознания и сепаратистских движений, в первую очередь в Прибалтике и на Кавказе. Методология конструктивизма помогает ответить на вопрос, как получилось, что вчерашние добрые соседи вспомнили свой родной язык и раньше всех решили выйти из семьи советских республик? Исторически оба региона являются зоной интересов России, оба региона являлись «горячими точками» для Российского государства. В культурном плане Россия являлась не более чем временной метрополией, т.е. вызов российской метрополии создал благодатную почву для движений к независимости. Для успешного запуска тенденции к отделению было необходимо два фактора – кризис метрополии и правильные действия национальной интеллигенции.

Говоря о народах, входивших в РСФСР, стоит отметить рост национального самосознания к концу XX в. При этом природа национального возрождения коренных народов России в большей степени сконструированная как минимум потому, что вассально-даннические отношения Сибири и российской метрополии кардинально отличаются от политических процессов, протекающих на Кавказе и в Прибалтике. Процесс освоения Сибири не носил фронтирный характер, как это происходило в США. Суть даннических взаимоотношений строилась вокруг традиции отдаривания, посольств и взаимовыгодного симбиоза социально-политических отношений, базировавшихся на общей евразийской традиции [5], позволяющих не только накапливать материальные блага, но и с помощью русских решать собственные проблемы с вражескими племенами. По большому счету, сепаратистской атмосферы Кавказа и Прибалтики в Сибири так и не возникло как минимум потому, что обе стороны данного взаимодействия получали от него пользу.

Однако кризис метрополии поставил под сомнение продолжение данных процессов и экономические вливания в регионы проживания коренных народов России, что породило, в частности, тенденции к самоопределению в автономных республиках в начале 90-х гг. XX в. В это время России, чтобы сохранить свою территориальную целостность, необходимо было доказать «бывшим данникам» собственную ценность для дальнейшего взаимодействия. Данный вопрос отчасти решился принятием Федерального закона № 82, обуславливающего предоставление большего количества привилегий коренным малочисленным народам (КМН), проживающим на территории России. В дальнейшем поправка № 525 к ФЗ № 82 от 2009 г. обуславливала экономические привилегии в отношении КМН [6]. В этот период наблюдается первая волна национального возрождения КМН, связанная с официальной регистрацией КМН в России, активными процессами изучения их истории, культуры в отечественной и зарубежной историографии.

Одним из активных регионов первой волны национального возрождения народов России можно отметить Кузбасс, где произошло официальное присвоение статуса коренного малочисленного народа телеутам. Помимо этого телеуты Кузбасса создали собственную изначальную политическую, а впоследствии общественную организацию Эне-Байат, занимающуюся сохранением национальных традиций, культуры, телеутского языка и т.д. Первая волна национального возрождения была очень тесно связана с процессами архаизации телеутской культуры, удревнением собственной истории, «вспоминанием» национальных традиций, видов спорта и т.д. Можно сказать, что телеуты в первой волне национального возрождения применяли те же методы, что используются для национального конструирования. Активную роль в данных процессах принимал покойный Н.П. Тодышев, глава администрации Бековского национального сельского совета с 1995 по 1997 г., один из основателей организации Эне-Байат.

Николай Петрович получил историческое образование, занимался преподавательской деятельностью, являлся активистом, ратуящим за национальное возрождение [7], т.е. его, безусловно, можно отнести к представителям национальной интеллигенции, налаживающим диалог с представителями федеральных властей. В той же степени стоит отметить вклад Николая Петровича в признание телеутов КМН в 1993 г., так как исторические справки, подготовленные Николаем Петровичем, и деятельность Эне-Байат способствовали данным процессам. То есть национальное возрождение проходило «с низов», при непосредственном участии и координации национальной интеллигенцией, поэтому, в данном случае, нельзя говорить о стихийном пробуждении национального самосознания. «В 1989 г. по ходатайству Тодышева в Бековской средней школе по его программе начинает работать факультатив “История телеутского народа”, позднее был создан национально-культурный центр “Тазылдар”, организовано и работает детское телеутское фольклорное объединение “Эрке”» [7].

Таким образом, помимо экологических и экономических проектов, активная работа велась в рамках возвращения интереса молодого поколения к истории и культуре народа – ключевым инструментам, используемым при национальном конструировании.

Исходя из этого, можно отметить, что первые шаги к конструированию новой национальной идентичности в условиях современной Российской Федерации имели культурологический и исторический характер. Однако, как было сказано выше, для того чтобы произошло становление нации, необходим был третий аспект – вызов внешней среды. В данном случае телеуты не сталкиваются с культурным вызовом со стороны государства, напротив, встречают активную поддержку своего движения на федеральном и региональном уровнях, выраженную в экономической помощи угольных разрезов в проведении национальных собраний [8], федеральных программах лесозаготовки и т.д. И хотя на практике реализация данной поддержки сталкивается с рядом трудностей, она не имеет национального окраса. Так, бюрократические

сложности в реализации собственных экономических привилегий в современной Российской Федерации – процессы, не имеющие национального контекста, т.е. де факто телеуты не сталкиваются с непосредственным вызовом окружающей среды, осуждением тенденции к самоопределению как народа, что парадоксально пагубно для зарождающегося национального возрождения.

В нулевые годы XX в. у телеутов не формируется дихотомия «свой–чужие» по отношению к государству, это отчетливо видно по изменению статуса Эне-Байат в 1995 г. на общественную организацию, через 2 года после получения телеутами статуса КМН. Таким образом, телеуты отказываются от роли национальной оппозиции, возвращаясь к отношениям на взаимовыгодных основаниях, существовавшие в Сибири исторически. Эти процессы приводят к спаду активности организации. Так, сегодня Эне-Байат, в большей степени, занимается проведением культурно-массовых мероприятий, что способствует архаизации телеутской культуры, в том числе путем культурно-религиозного синкретизма. Говоря о синкретизме, стоит отметить праздник «Ильин кун» [9], который проводится организацией ежегодно 2 августа, в день христианского праздника Ильин день. Данный праздник является самым ярким примером синкретизма русской и тюркской христианизированной культуры, так как включает в себя соревнования по национальной борьбе на поясах «Куреш», массовым угощением гостей телеутской национальной кухней (показательно, что 2 августа 2017 г. роль национального блюда играл плов), выступлением в национальных телеутских одеждах и т.д. То есть по большому счету инструменты конструирования национальной идентичности так и остались на уровне начала 90-х гг. XX в. – история и культура.

Исходя из теории мобилизации ресурсов, «для конструирования крепкой общественной ячейки необходима вариативность точек социального соприкосновения» [10. Р. 32]. То есть у телеутов помимо культурных мероприятий должны быть экономические точки взаимодействия, в частности, национальные профсоюзы либо национальное производство в регионе.

Именно поэтому сегодня вопросами, связанными с телеутским возрождением, занимаются не только Эне-Байат, но и представители нового поколения телеутской интеллигенции, хозяйственники С.Д. Калишев и В.Ф. Тодышев. В частности, выход на телеутское сообщество в полевых условиях осуществлялся непосредственно через них. В.Ф. Тодышев – активный участник национальных конференций. Деятель-

ность В.Ф. Тодышева непосредственно связана с животноводством и сельским хозяйством, в отличие от Н.П. Тодышева, основная сфера интересов которого представлена именно в экономической сфере. В интервью они делают акцент на необходимости экономической диверсификации региона, отходе от угольной, экологически грязной промышленности и переходе к сельскому хозяйству [11].

Таким образом, возвращаясь к теории мобилизации ресурсов, стоит отметить, что создание совместного животноводческого хозяйства наметит дополнительную точку соприкосновения телеутов в экономической плоскости, позволив не только решить проблему безработицы в регионе, но и поспособствовать национальному возрождению телеутов. Экономическая, вторая волна национального возрождения в данном случае – необходимое условие для дальнейшего развития данных процессов.

Говоря о конструировании как таковом, стоит заранее абстрагироваться от негативного эмоционального отношения к предмету, ведь любая существующая нация сегодня сконструирована национальной интеллигенцией. Говорить именно о национальном конструировании телеутов пока рано, особенно учитывая условия, в которых происходят данные процессы (бюрократизация федеральных программ совместно с программой национальной политики, принятой в 2017 г.), где открытого вызова среды попросту не формируется, несмотря на вызовы экономической среды региона (угольные предприятия, индустриализация ареала проживания телеутов). Стоит отметить, что архаизация культуры, мифологизация истории и популяризация коренного языка хоть и являются немаловажным шагом к национальному возрождению, но сегодня – это пройденный этап в телеутской среде. Для дальнейшего развития необходимо конструирование экономических точек соприкосновения, чем и занимается вторая волна телеутской интеллигенции.

В условиях современного законодательства и существующей индустриальной среды в регионе переход от архаизации культуры, мифологизации истории и популяризации национального языка к созданию совместных этнических производств силами новой волны национальной интеллигенции, перевод усилий национальной интеллигенции в экономическую сферу региона являются необходимым шагом для дальнейшего национального возрождения. Следовательно, при условии сохранения тенденции перехода национальной интеллигенции от культуры в экономику, стоит ожидать нового существенного витка в процессах национального возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : Канон, 2001. 288 с.
2. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi : Sage, 1991. 360 p.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Изд. полит. лит., 1961. Т. 25. С. 255–320.
4. Калхун К. Национализм. М. : Теория будущего, 2006. 288 с.
5. Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск, 2010. С. 374–378
6. Селиванов Д.Е. Международное право и федеральные законы Российской Федерации о коренных малочисленных народах: опыт сравнения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 181–186.
7. Некролог Н.П. Тодышева // Информационный центр «Шория». URL: <http://shor-people.ru/news/skorbim.html> (дата обращения: 15.11.2017).

8. Полевые исследования. Интервью С.Д. Калишева, село Шанда Кемеровская область, Гурьевский район. 28.08.2016 г.
9. Парад традиций // Открытые горизонты. 2017. № 12 (617). С. 8.
10. Tilly Ch. From mobilization to revolution. Wesley. 1978. 349 p.
11. Полевые исследования. Интервью В.Ф. Тодышева, деревня Беково, Кемеровская область, Беловский район. 24.02.2017 г.

Статья предоставлена научной редакцией «История» 4 июня 2018 г.

EVOLUTION OF NATIONAL INTELLECTUALS' VIEWS IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL REVIVAL OF THE TELEUTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 125–128.

DOI: 10.17223/15617793/434/16

Dmitry E. Selivanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sde29study@yandex.ru

Keywords: Teleuts; nationalism; intellectuals; Ene-Bayat.

This article considers processes of national revival as a political construct in which the direct role of national intellectuals is noted on the example of Kemerovo Oblast Teleuts at the end of the 20th century. The first part of the article is devoted to nationalism as a phenomenon. The author defends the constructed nature of nationalism, identifies basic elements of nation construction (history mythologization, external environment challenge and emphasis on the dichotomy “locals – strangers”), notes the direct role of the national intellectuals in the construction of the nation. Moving from universal tendencies to realities of the Russian state, the author distinguishes historical and cultural differences between ethnic groups living in Siberia and other nationalities inhabiting the Russian Federation. Thus, in the author’s opinion, the main difference of Siberian ethnic groups from peoples inhabiting the Baltics and the Caucasus are tribute relations with the metropolis represented by the Russian government. In the second part of the article, using Ch. Tilly’s theory of social mobility, the author considers processes of national revival on the example of the Teleut ethnos of Kemerovo Oblast at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. Analyzing the status of the national organization Ene-Bayat and activities of the national intellectuals, the author gives the main reason for the stagnation of national revival – the archaization of the Teleut national culture. The author understands archaization as promotion of national ceremonies, traditions and habits of the Teleuts irrespectively of modern economic realities. According to the author, the archaization of national culture was an effective method of national revival during the early post-Soviet period; it allowed to popularize the Teleut language while the modern situation demands new points of social contact, mainly in the economic field. The author proves this point of view, using materials of field research, in particular an interview with the Teleut activists S.D. Kalishev (village Shanda of Guryevsky District) and V.F. Todyshev (village Bekovo, Belovsky District). National economic production (agricultural enterprises) will allow to create additional common grounds between members of the Teleut community, necessary for the preservation of their ethnic identity today. According to the author, economic activity of the national intellectuals of the Teleuts can serve as a new round of development in national revival while concentration on the cultural aspect only leads to the stagnation of national culture.

REFERENCES

1. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary Communities]. Translated from English. Moscow: Kanon.
2. Brass, P. (1991) *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi: Sage.
3. Lenin, V.I. (1961) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 25. Moscow: Izd-e polit. lit. pp. 255–320.
4. Kalkhun, K. (2006) *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow: Teoriya budushchego.
5. Sherstova, L.I. (2010) [Eurasian Heritage in the Sociogenesis of Siberia in the 17th Century]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in a Historical Context: The Experience of the West Siberian Archeological and Ethnographic Meetings]. Proceedings of the XV International West Siberian Archeological Ethnographic Conference. Tomsk. May 19–21, 2010. Tomsk: Tomsk State University. pp. 374–378. (In Russian).
6. Selivanov, D.E. (2017) International laws and federal law of the Russian Federation on indigenous peoples: a comparative study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 181–186. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/25
7. Information Center “Shoria”. (2010) *Nekrolog N.P. Todysheva* [N.P. Todyshev: Obituary]. [Online] Available from: <http://shor-people.ru/news/skorbim.html>. (Accessed: 15.11.2017).
8. Field studies. (2016) *Interview with S.D. Kalishev, village Shanda, Kemerovo Oblast, Guryevsky District*. August 28, 2016. (In Russian).
9. Otkrytye gorizonty. (2017) *Parad traditsiy* [Parade of traditions]. *Otkrytye gorizonty*. 12 (617). pp. 8.
10. Tilly, Ch. (1978) *From mobilization to revolution*. Wesley.
11. Field studies. (2017) *Interview with V.F. Todyshev, village Bekovo, Kemerovo Oblast, Belovo District*. February 24, 2017. (In Russian).

Received: 04 June 2018

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ЮЖНОЙ ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней Древности и Средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

Отражены итоги комплексного изучения серии целых металлических зеркал и фрагментов от таких изделий, обнаруженных при исследовании археологических памятников периодов раннего и развитого Средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.) на территории Алтая и Верхнего Приобья. Применен подход, основанный на корреляции результатов типологического анализа металлических зеркал по визуальным признакам с показателями рентгенофлюоресцентного анализа химического состава использованных сплавов. Установлено, что выделенные группы металлических зеркал демонстрируют существование двух основных направлений контактов средневекового населения рассматриваемых регионов, сохранившихся на протяжении длительного хронологического периода.

Ключевые слова: металлические зеркала; Алтай; Верхнее Приобье; Средневековье; археологические памятники; рентгенофлюоресцентный анализ; комплексный подход.

В последние десятилетия комплексное рассмотрение материалов, полученных в ходе раскопок археологических памятников, стало основным направлением исследований, реализация которого позволяет серьезным образом расширить традиционные возможности получения новых исторических знаний. Одной из важных категорий находок, анализ которых требует использования именно такого подхода, являются металлические зеркала. Их изучение с применением разных, в том числе естественнонаучных, методов весьма перспективно по ряду причин. Металлические зеркала зачастую отличаются рецептурами сплавов, анализ которых позволяет рассматривать различные технологические приемы и места их производства в Древности и Средневековье. Учитывая, что такие изделия относятся к предметам торевтики, нередко представляющим собой произведения искусства, комплексное исследование данных находок способствует реконструкции смысловой нагрузки орнамента, образов, композиций и других способов оформления вещей, имевших определенное значение в жизни людей. Кроме того, металлические зеркала для большей части территорий их распространения представляли собой предметы импорта, что дает возможности обозначить направления социально-экономических и военно-политических контактов в разные хронологические периоды.

В настоящей статье представлены итоги комплексного изучения металлических зеркал и фрагментов от таких изделий, обнаруженных на Алтае и в южной части Верхнего Приобья при исследовании археологических памятников, которые датируются второй половиной I – первой половиной II тыс. н.э. Эти находки являются востребованными для реконструкции средневековой истории кочевников. В ходе работы был реализован подход, основанный на корреляции результатов визуального изучения металлических зеркал с данными, полученными в рамках рентгенофлюоресцентного анализа состава сплавов

некоторых изделий. Акцент делался на рассмотрение возможностей использования археологических находок как показателей выявления направлений и степени взаимодействий между разными группами населения на протяжении длительного времени. Некоторые стороны изучения металлических зеркал из средневековых памятников, в том числе опыт их интерпретации в рамках реконструкции представлений кочевников, включая мировоззренческие и социальные аспекты, уже ранее представлялись авторами статьи [1. С. 89–122]. Это позволяет здесь на них не останавливаться. В данной публикации будут отражены другие стороны анализа расширенной базы привлекаемых предметов.

Рассматриваемые средневековые металлические зеркала происходят из памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья, относимых к разным кочевым общностям. Сравнительно представительная серия таких изделий обнаружена в ходе раскопок комплексов сrostкинской культуры. Зеркала зафиксированы в археологических объектах грязновского (вторая половина IX – первая половина X в.) и шадринцевского (вторая половина X – первая половина XI в.) этапов [2. С. 54–65]. В то время происходило завершение консолидации общества кочевников и расширение территории, занимаемой сrostкинским объединением. Большая часть зеркал (15 экз.) обнаружена в погребениях. Известны также две случайные находки. Почти все изделия, за единственным исключением [3. Рис. 3], представлены фрагментами.

Другая группа раннесредневековых металлических зеркал происходит из тюркских курганов Алтая. По сравнению с находками зеркал из памятников сrostкинской культуры, можно отметить значительно большее число целых экземпляров. В погребениях тюрков на сегодняшний день обнаружены шесть таких изделий, еще пять представлены фрагментами. Они зафиксированы в ходе раскопок объектов, относящихся к различным этапам в развитии хорошо из-

вестной общности номадов и датирующихся в рамках второй половины VII–XI вв. [2. С. 7–33].

Небольшая серия металлических зеркал происходит из памятников развитого Средневековья указанных регионов. Три фрагмента таких изделий оказались в комплексах кармацкой культуры, отнесенных к XIII–XIV вв., а два целых изделия найдены в погребениях монгольского времени на территории Алтая [4].

Исходя из наших данных, на сегодняшний день в распоряжении исследователей имеются 33 находки металлических зеркал, датируемые второй половиной I – первой половиной II тыс. н.э. Эта источниковая база послужила основой и для реализации комплексного исследования.

Рассмотрение визуально выявленных показателей металлических зеркал из указанных памятников позволяет решать вопросы, связанные с датировкой изделий и их происхождением. В ходе анализа обозначенных предметов из раннесредневековых памятников (тюркская и сроткинская культуры) выделены две основные группы таких находок.

Первая группа представлена зеркалами, особенности оформления которых указывают на их китайское происхождение или отражают копирование таких образцов [1. С. 103–105]. К одному из наиболее распространенных типов изделий в Поднебесной империи относятся находки из памятников Юстыд–XIV (рис. 1, 1) [5. Табл. 46, 4] и Гора Тараскина–V (рис. 1, 2) [6. Рис. 1, 1]. Такие зеркала имеют округлую форму, а также центральную шишку-петлю, вокруг которой помещены животные в зарослях винограда. Внутреннее орнаментальное поле отделено валиком в виде лозы. Во внешнем изображены иволги среди виноградных побегов. Высокий бортик обрамлен лентой из стилизованных пальметок. Такие высококачественные изделия имеют многочисленные аналогии на обширных территориях [1. С. 103] и датируются VII–IX вв. [7. С. 18].

Широкое распространение за пределами Китая получили так называемые восьмиллопастные зеркала. Среди находок из рассматриваемого круга памятников нам известны пять таких экземпляров, представленных, за единственным исключением, фрагментами [8. Рис. 22, 1; 9. Рис. 1, 1; 10. Рис. 133, 8; 11. Рис. 1, 12; 12. Рис. 1, 25] (рис. 1, 3–4, 6–7). Важным показателем зеркал данного типа, помимо характерной формы, является система орнаментации. На оборотной стороне изделий изображены чаще всего феникс и цилинь или мандариновые утки, а во внешнем орнаментальном поле помещены стилизованные цветки, чередующиеся с пальметками [1. С. 103]. Судя по всему, фрагмент такого же зеркала обнаружен в ходе исследований погребения сроткинской культуры на могильнике Шадринцево–I (рис. 1, 8) [13. Рис. 5, 5]. Распространение восьмиллопастных зеркал с обозначенным орнаментом относится к VIII–IX вв. [7. С. 54–55, 60 и др.].

Наиболее позднее металлическое зеркало из раннесредневековых комплексов Алтая представлено находкой из памятника Каменный Лог (рис. 1, 9) [14. Рис. 1, 13]. По ряду признаков данный фрагмент

может быть отнесен к изделиям, произведенным в X–XI вв. [1. С. 104]. В то время, по наблюдению Е.И. Лубо-Лесниченко [7. С. 25], рельефные и массивные зеркала танского периода сменяются тонкими изделиями с более мелким и изящным орнаментом. По поводу указанной находки есть и другие заключения [14. С. 123].

К китайским изделиям относятся два целых зеркала, происходящие из погребений могильников Узунтал [15. С. 215] и Усть-Шамони (рис. 1, 10) [3. Рис. 3]. В этих случаях сохранены характерные для изделий из Поднебесной империи центральная шишка-петля и деление на концентрические зоны. Однако отсутствует орнамент и заметны следы брака при отливке [1. С. 104]. Отмечено, что в поздний период эпохи Тан получают распространение некачественные зеркала и начинается резкий упадок техники их изготовления [16. С. 296]. Также условно китайскими является ряд фрагментов, определение типа которых, в связи с плохой сохранностью или небольшим размером осколка, весьма затруднительно. По сохранившейся нечеткой части орнамента случайная находка из Лесостепного Алтая (рис. 1, 11) [1. С. 105. Табл. XXX] близка к изделиям, получившим распространение в VIII–IX вв. [7. С. 54]. Остальные фрагменты (рис. 1, 5, 12) [10. Рис. 68, 3; 1. Табл. XXVII] не имеют столь выраженных показательных признаков, хотя их отнесение к китайским предметам очевидно [1. С. 105].

Существенную важность представляют определения датировок двух целых металлических зеркал из могильника Шибе–II (рис. 1, 13–14) [1. Табл. XXIII, XXIV]. Они происходят из тюркских погребений VII–VIII вв., однако имеют ряд характеристик, сближающих их с экземплярами дотанского времени: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. Необычен и небольшой размер находок (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для собственно китайских зеркал. Вероятно, рассматриваемые экземпляры могут датироваться IV–VI вв. [Там же. С. 105]. Орнамент, включающий ряд элементов, не характерных для танских зеркал, имеет также находка из могильника Курай–III (рис. 1, 15) [17. Рис. 34]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [7. С. 41], изделие датируется IV–VI вв. Вместе с тем хронология погребения, из которого происходит указанный экземпляр, определяется в рамках второй половины IX – первой половины X в. [15. С. 228]. Вполне вероятно, что рассматриваемое зеркало может являться более поздней копией [1. С. 105].

Вторая выделенная группа зеркал связана, судя по имеющимся материалам, со среднеазиатскими центрами производства таких изделий. Отличия от китайских экземпляров наблюдаются по целому ряду показателей (форма, цвет, орнамент и др.). Характерными признаками двух фрагментов зеркал (рис. 1, 16–17) [18. Рис. 1, 14; 19. Рис. 2, 8] являются невысокий бортик и орнамент в виде небольших циркульных окружностей с точкой в центре. Ближайшие аналогии обозначенной группе металлических зеркал обнаружены в раннесредневековых погребальных

комплексах Восточного Казахстана [20. Рис. 66, 14, 113, 8]. Очевидно, именно в ходе контактов с кимаками в последние столетия I тыс. н.э. эти изделия попали кномадам, проживавшим в южной части Верхнего Приобья. Кроме того, схожие находки зафиксированы в памятниках среднеазиатского региона, относящихся к середине VIII – IX вв. [21. С. 67. Рис. 1, 6–7; 22. С. 78. Рис. 1, 4]. К этой же группе находок может быть предварительно отнесен фрагмент из погребения тюркской культуры, исследованного на могильнике Катанда-II [23. Рис. 7, 6]. На сохранившейся части зеркала фиксируется орнамент в виде небольшого валика по краю и примыкающих к нему полудуг. Вопрос о хронологии таких находок решается исследователями неоднозначно. Е.И. Лубо-Лесниченко [7. С. 13, 41–42. Рис. 11], рассмотревший похожее зеркало из коллекций Минусинского музея, считал, что такой экземпляр может датироваться в рамках III–V вв., а орнамент свидетельствует о его западном, возможно, сарматском происхождении.

Похожие зеркала известны в комплексах монгольского времени на обширных территориях [1. С. 106]. На Алтае указанный фрагмент зеркала обнаружен в погребении, датируемом второй половиной VII – первой половиной VIII в. [23. С. 61]. Вероятно, такая ситуация может свидетельствовать о длительном производстве изделий со схожей системой орнаментации, а также о бытовании подобных предметов на протяжении раннего и развитого Средневековья [1. С. 106]. При этом не стоит исключать и других вариантов объяснений.

К рубежу раннего и развитого Средневековья относится коллекция зеркал, полученная в ходе раскопок могильника Осинки в Верхнем Приобье [24. Рис. 10]. Интересующие нас находки происходят из погребений, которые датированы автором раскопок XI – началом XIII в. [Там же. С. 30, 33–34]. Одним из оснований для такой датировки Д.Г. Савинов считает изделия, отнесенные, со ссылкой на авторитетное мнение Е.И. Лубо-Лесниченко, к XI–XII вв. По мнению археолога, представленные экземпляры «являются репликами с китайских зеркал, имеющими различное происхождение» [Там же. С. 26]. Судя по инвентарю и ориентации погребенных, часть могил с зеркалами может быть отнесена к XI–XII вв., а другая – к XIII–XIV вв. [4. С. 99–107]. Данная коллекция, в которой сочетаются копии китайских зеркал различных типов, несомненно, требует специального изучения, в том числе с применением естественнонаучных методов анализа. Начало такой работы уже предпринималось. Опубликованы результаты рентгенофлуоресцентного анализа [1. С. 106–107].

Подход, предполагающий выделение различных групп зеркал, реализованный выше на материалах раннего Средневековья, использовался и при рассмотрении немногочисленных изделий из памятников монгольского времени. Происхождение первой группы обозначенных предметов торевтики из комплексов XIII–XIV вв. также связано с китайскими центрами ремесленного производства [Там же. С. 108]. Одно такое зеркало, обнаруженное в ходе раскопок на Ал-

тае погребения Бертек-20 (рис. 2, 1) [25. Рис. 123, 124], относится к распространенному типу изделий с изображением сцены из легенды о Лю И [26. С. 155]. Аналогии ему известны в коллекциях Томского и Минусинского музеев [7. Рис. 85; 26. Табл. 4, 36]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [7. С. 30–31, 90–92], такие зеркала датируются XIII–XIV вв. Т. Масумото отнес рассмотренный им экземпляр к XII в. [26. С. 149]. Другое китайское зеркало монгольского времени найдено при исследовании могилы № 17 памятника Кудыргэ (рис. 2, 2) [23. Табл. XXVI, 4]. Оно в свое время изучалось известным специалистом М.П. Лавровой, которая определила, что вокруг ушка в центральной зоне, ограниченной бортиком, имеются рельефные изображения символических животных: «...дракон, тигр, черепаха со змеей и, по-видимому, феникс». Датировка погребения, в котором обнаружено зеркало, может быть установлена в рамках XIII–XIV вв. [4. С. 170–171].

Помимо китайских зеркал в памятниках монгольского времени рассматриваемого региона известны изделия, происхождение которых связано с другими центрами производства [1. С. 108]. Они условно объединены в рамках второй группы представляемых предметов. Фрагмент одного из таких зеркал обнаружен недалеко от города Бийска (рис. 2, 3, данная прошивка выполнена А.Л. Кунгуровым и публикуется впервые) [27. Рис. 1, 2]. В основном орнаментальном поле изделия изображены священные животные в виде сфинксов, а по бортику проходит арабская благожелательная надпись [Там же. С. 251]. Фрагмент относится к серии зеркал ближневосточного происхождения, получивших распространение в XII–XIV вв. не только в мусульманском мире, но и во многих других районах Евразии [1. С. 108]. Из территориально близких аналогий отметим экземпляры, находящиеся в коллекциях Минусинского музея [7. Рис. 98], а также экспонат из собрания Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета, на котором обозначен № 6201 [26].

К серии зеркал, получивших широкое распространение в археологических комплексах степей Евразии монгольского времени, относятся экземпляры из погребений памятников Островное-III (рис. 2, 4) [4. С. 107–109. Рис. 70, 3; 28. Рис. 1, 3] и Телеутский Взвоз-I (рис. 2, 5) [1. Табл. XXXIV; 4. Рис. 80, 1]. В центре первого изделия изображена многолепестковая розетка, а по краю находится арочный орнамент, отделенный с двух сторон валиками. Аналогии описанному зеркалу известны в комплексах Восточной Европы, Казахстана и других территорий [1. С. 110; 29. Табл. VIII]. На большом фрагменте из памятника Телеутский Взвоз-I нанесен орнамент, подробное описание которого и семантика изображений на изделиях такого типа, а также специфика их распространения представлены в ряде публикаций [1. С. 59. Табл. XXXIV; 4. С. 123–125; 22; 30; 31 и др.].

Дополнительный объем информации о металлических зеркалах был получен в ходе детального рентгенофлуоресцентного анализа некоторых

представленных находок. В распоряжении авторов статьи оказались только предметы, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета [1. С. 78–86]. Исследования проводились портативным рентгенофлуоресцентным спектрометром ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с испытательным стендом, с карманным персональным компьютером (КПК) и

другими приспособлениями. Тестирования осуществлялись неоднократно в различных местах находок. Это позволило получить сведения не только о составе сплава каждого зеркала, но и о некоторых приемах реализованной технологии при их изготовлении. В публикуемой таблице приведены показатели химического состава, зафиксированные на участках, которые были механически освобождены от поверхностных окислов и коррозии.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа

№	Место обнаружения предмета	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	As	Sb	Zn	Ag	Co
1	Шибе-II, к. 3	65,3%	27,17%	7,48%		0,05%					
2	Шибе-II, к. 18	66,3%	15,61%	18,03%		0,06%					
3	Бл. Елбаны-XVI, м. 6	75,68%	24,06%	0,06%	0,2%						
4	Бл. Елбаны-XVI, м. 9	64,88%	34,74%	0,11%	0,27%						
5	Екатериновка-3, к. 5	61,23%	30,58%	7,84%	0,18%	0,17%					
6	Поповская Дача, м. 1	69,94%	22,21%	7,37%	0,48%						
7	Рогозиха-I, к. 10	69,94%	29,55%	0,12%	0,29%						0,1%
8	Алтайский край, сб.	69,17%	28,33%	1,65%	0,7%	0,15%					
9	Усть-Шамони-1	70,09%	21,95%	5,27%	0,28%	0,08%			0,66%	1,67%	
10	Шадринцево-1, к. 1, м. 4	63,24%	28,22%	8,4%		0,14%					
11	Яровское-III, к. 1	53,06%	36,36%	8,13%	0,23%	0,19%	1,02%	1,01%			
12	Телеутский Взвоз-I, к. 1	87,5%	7,85%	2,73%	0,16%	0,12%	0,55%	0,73%	0,36%		

Основная группа исследованных раннесредневековых металлических зеркал (Табл. I, 1–2, 5–6, 8, 10–11) демонстрирует характерный медно-оловянно-свинцовый сплав. При изучении зеркала памятника Усть-Шамони-1, относящегося к этой же группе, отмечены некоторые отклонения в составе сплава (Там же. Табл. I, 9). Особенность изделия заключается в том, что при его первоначальной отливке был допущен брак, который впоследствии попытались устранить. Исходя из полученных данных, можно заключить, что долив осуществлялся в той же мастерской и схожим металлом. Несмотря на существенный брак, ремесленная работа была реализована и, в конце концов, попала на территорию Верхнего Приобья. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа свидетельствуют о сложном сплаве изделия, основу которого составляет медь при значительной доле олова и меньшей свинца. При литье в него добавляли серебро. Остальные элементы демонстрируют естественные (рудные) примеси. Зафиксированное повышенное содержание серебра в металле, которым заделывали отверстие в диске изделия из Усть-Шамони-1, скорее всего, не случайность, а технологическая необходимость решения проблемы брака [Там же. С. 82–83].

Указанные выше экземпляры имеют близкий набор показателей. Это подтверждает, что предметы были изготовлены по единой технологии, характерной для производства изделий в средневековом Китае. Значительное сходство состава металла может свидетельствовать об изготовлении зеркал в каком-то одном ремесленном центре. Полученные анализы можно дополнить результатами специальных исследований И.В. Богдановой-Березовской [32. С. 140–141], указавшей, что оловянистая бронза со свинцом являлась прекрасным сплавом для изготовления ор-

наментированных зеркал, а соответствующее содержание в них олова, свинца, конкретных примесей и следов индия может быть хорошим индикатором для установления подлинности импортных изделий из Китая. К сожалению, рентгенофлуоресцентным анализом зафиксировать очень незначительное присутствие индия (In) в зеркалах не представляется возможным. Для этого необходимо привлечение других методов [1. С. 87].

«Размытый» и нечеткий орнамент на зеркалах указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с копиями, сделанными далеко не с оригиналов. Вопрос, где осуществлялось такое производство, остается открытым. Можно лишь предположить, что китайские мастера изготавливали такую продукцию для кочевников, которым смысл изображений, имевшихся на зеркалах, был не важен [Там же]. Следует также отметить, что некачественно сделанные зеркала использовались и в самом Китае. Об этом свидетельствуют многочисленные факты их наличия в музейных собраниях.

На основе анализов, полученных с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра, можно сделать вывод о том, что многие рассмотренные изделия предположительно сделаны китайскими ремесленниками и являются предметами импорта [Там же].

Вторая группа раннесредневековых металлических зеркал характеризуется медно-оловянным сплавом (Там же. Табл. I, 3–4, 7). Основное отличие приведенных образцов от изделий первой группы заключается в низком содержании свинца. В сочетании с рассмотренными внешними характеристиками зеркал, это является подтверждением того, что предметы происходят из другого центра ремесленного производства. Уточнение места изготовления предметов такого типа будет возможно с изучением большей серии подобных находок.

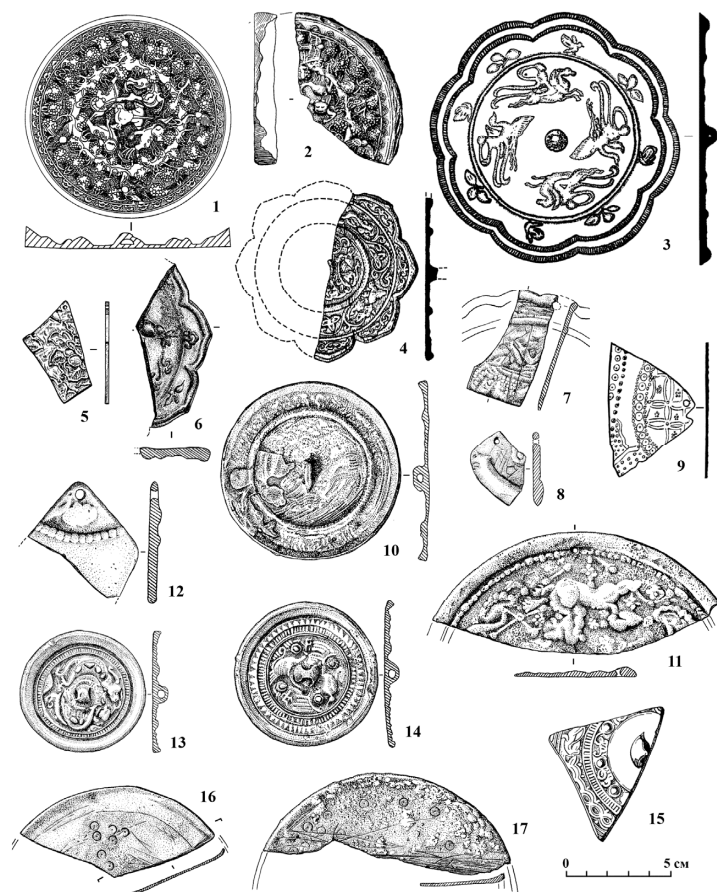

Рис. 1. Металлические зеркала из памятников раннего Средневековья:

1 – Юстыд-XIV, курган № 2 (по: [5. Табл. 46, 4]); 2 – Тараскина Гора-V, курган № 6 (по: [6. Рис. 1, 1]); 3 – Курота-II, курган № 46 (по: [8. Рис. 22, 1]); 4 – Кирилловка-V, курган № 1, погр. 1 (по: [9. Рис. 1, 1]); 5 – Гилево-IX, курган № 6 (по: [10. Рис. 68, 3]); 6 – Яровское, курган № 1 (по: [11. Рис. 1, 12]); 7 – Поповская Дача (по: [12. Рис. 1, 25]); 8 – Шадринцево-I, курган № 1, погр. 4 (по: [13. Рис. 5, 5]); 9 – Каменный Лог (по: [14. Рис. 1, 13]); 10 – Усть-Шамониха-I (по: [2. Рис. 3]); 11 – случайная находка, Алтайский край (по: [1. Табл. XXX]); 12 – Екатериновка-3, курган № 5 (по: [1. Табл. XXVII]); 13 – Шиббе-II, курган № 3 (по: [1. Табл. XXIII]); 14 – Шиббе-II, курган № 18 (по: [1. Табл. XXIV]); 15 – Курай-III, курган № 2 (по: [17. Рис. 34]); 16 – Рогозиха-I, курган № 10, погр. 2 (по: [18. Рис. 1, 14]); 17 – Ближние Елбаны-XVI, могила-9 (по: [19. Рис. 2, 8])

Рис. 2. Металлические зеркала из памятников монгольского времени:

1 – Бертек-20 (по: [25. Рис. 124]); 2 – Кудыргэ, могила № 17 (по: [23. Табл. XXVI, 4]); 3 – случайная находка недалеко от города Бийска (прорисовка публикуется впервые); 4 – Островное-III, могила-1 (по: [28. Рис. 1, 3]); 5 – Телеутский Взвоз-I, курган № 1 (по: [1. Табл. XXXIV])

Помимо изделий раннего Средневековья, с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра исследовано также зеркало монгольского времени из кургана № 1 памятника Телеутский Взвоз-I [1. Табл. I, 12]. Полученные данные показывают медно-оловянно-свинцовый сплав с набором рудных примесей. Указанные результаты, а также морфологические и декоративные особенности изученного изделия демонстрируют традицию изготовления металлических зеркал, существовавшую в золотоордынское время и отличавшуюся от так называемой китайской.

Таким образом, комплексное исследование металлических зеркал из памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья демонстрирует существование двух основных направлений контактов средневекового населения этих историко-культурных областей, сохранявших актуальность на протяжении длительного хронологического периода. Значительная часть обнаруженных изделий отражает прямые или опосредованные контакты полупериферии кочевых империй с ремесленными центрами Китая. Не исключено, что китайские металлические зеркала могли появиться у кочевников в результате военных походов, которые совершали

воины в период могущества раннесредневековых каганатов. В лесостепную зону Верхнего Приобья и дальше на север такие изделия могли попадать через Алтай. Происхождение второй группы металлических зеркал связано с западным (среднеазиатским) направлением отношений кочевников рассматриваемого региона. В раннем Средневековье появление таких изделий в памятниках Алтая демонстрирует контакты местного населения с кочевниками Восточного Казахстана. Вопрос о месте производства металлических зеркал золотоордынского времени требует проведения специального исследования с привлечением значительного объема материалов с сопредельных территорий.

Представленные результаты комплексного изучения средневековых металлических зеркал из памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья демонстрируют актуальность дальнейшей научной работы в обозначенном направлении. Существенные перспективы связаны с реконструкцией технологии производства изделий, а также с их культурно-хронологической атрибуцией и выяснением значения в системе жизнеобеспечения средневекового населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.
2. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с. : ил.
3. Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 86–87.
4. Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.
5. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
6. Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X. С. 239–243.
7. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М. : Наука, 1975. 155 с.
8. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 56–96.
9. Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 158–162.
10. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
11. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курганы сродкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.
12. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сродкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 281–287.
13. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сродкинской культуры Шадринцево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.
14. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. № 9. С. 117–124.
15. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2005. 346 с.
16. Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк : ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.
17. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
18. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 112–116.
19. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово : КемГУ, 1995. С. 243–252.
20. Археологические памятники в зоне затопления Шуйбинской ГЭС. Алма-Ата : Наука, 1987. 280 с.
21. Распопова В.И. Зеркала из Пенджикента // Краткие сообщения Института археологии. 1972. Вып. 132. С. 65–69.
22. Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. 2. С. 78–81.
23. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. : Наука, 1965. 146 с.
24. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже веков (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.
25. Молодин В.И., Соловьев А.И. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск : Наука, 1994. 152–156.

26. Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск : ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.
27. Масумото Т. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 248–251.
28. Иванов Г.Е. Погребение золотоордынского времени с поселения Островное-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 148–151.
29. Мысков Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
30. Тишкин А.А., Ожередов Ю.А. Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 107–113.
31. Ожередов Ю.И. Семантика изображений на одном средневековом зеркале из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Торевтика в древних средневековых культурах Евразии. Барнаул : Азбука, 2010. С. 144–147.
32. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М. : Наука, 1975. С. 131–149.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

RESULTS OF A COMPREHENSIVE STUDY OF METAL MIRRORS FROM THE MEDIEVAL SITES OF THE ALTAI AND THE SOUTHERN PART OF THE UPPER OB REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 129–136.

DOI: 10.17223/15617793/434/17

Alexey A. Tishkin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tishkin210@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Keywords: metal mirrors; Altai; Upper Ob region; Middle Ages; archaeological sites; X-ray fluorescence analysis; integrated approach.

Imported metal mirrors found in archaeological sites of the Altai and the southern part of the Upper Ob region are informative sources for the reconstruction of various aspects of the history of Siberia. The article presents a comprehensive study of such finds, which relate to the Middle Ages. The main approach is the correlation of visual analysis of mirrors with data obtained during the detection of the chemical composition of the items with a portable X-ray fluorescence spectrometer. The research was based on 33 finds recorded during the excavation. The artifacts under consideration come from sites of well-known archaeological cultures (Turkic, Srostki, Karmatsky), as well as from objects of the Mongolian time of Mountain Altai. The general chronology of the complexes under analysis is determined within the second half of the first – first half of the second millennium AD. The study of metal mirrors from the early medieval sites made it possible to distinguish two main groups of finds. The first is represented by products whose design features indicate their Chinese origin. The second group of products is connected, according to available data, with the Central Asian production centers. A similar situation is revealed in the study of metal mirrors of Mongolian time. However, if the origin of one group of products from Chinese centers is unquestionable, then the location of the second group of findings requires additional research. The separation of these two groups of metal mirrors is also confirmed by results of an X-ray fluorescence analysis. Thus, a comprehensive study of the examined category of imported items from the sites of the Altai and the southern part of the Upper Ob region demonstrates the existence of two main directions of contacts of the medieval population, which remained relevant for a long period of history. A significant part of the products reflects direct or indirect contacts of the periphery of nomadic empires with Chinese craft centers. Such metal mirrors could appear on the nomads' territory as a result of military campaigns during the rule of the early medieval kaganates. The origin of the second group of metal mirrors is associated with the western direction of the nomads' relations in the region under consideration. The appearance of such products in the Altai sites in the early Middle Ages demonstrates the contacts of the local population with the Kimaks of East Kazakhstan.

REFERENCES

1. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2011) *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metal mirrors as a source for the ancient and medieval history of the Altai (according to the materials of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Altai of Altai State University)]. Barnaul: Azbuka.
2. Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. & Gorbunova, T.G. (2011) *Altay v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyi istoricheskiy atlas* [The Altai in the Middle Ages: an illustrated historical atlas]. Barnaul: OOO "Pechatnaya kompaniya ARTIKA".
3. Gorbunov, V.V. (1992) Pogrebenie IX–X vv. na r. Chumysh [Burial of the 9th–10th centuries on the Chumysh Rivere]. In: Elin, V.N. et al. (ed.) *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii Altaya* [Problems of conservation, use and study of the archaeological monuments of the Altai]. Gorno-Altaysk: GANIIYaL.
4. Tishkin, A.A. (2009) *Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov)* [The Altai in the Mongolian time (according to archaeological monuments)]. Barnaul: Azbuka.
5. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The culture of the ancient Turks of the Altai (according to the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
6. Grushin, S.P. & Tishkin, A.A. (2004) [The funerary complexes of the Early Iron Age and the Middle Ages of the North-Western foothills of the Altai]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Proceedings of the Conference. Vol. X. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 239–243. (In Russian).
7. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1975) *Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri* [Imported mirrors of the Minusinsk basin. On the external relations of the ancient population of South Siberia]. Moscow: Nauka.
8. Surazakov, A.S. (1990) Raskopki pamyatnikov Kurata-II i Kor-Koby-I [Excavations of Kurata-II and Kor-Koba-I monuments]. In: *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii Gornogo Altaya* [Problems of studying the ancient and medieval history of Mountain Altai]. Gorno-Altaysk: GANIIYaL.
9. Mogil'nikov, V.A. (1996) Nakhodka kitayskogo zerkala v Kulundinskoy stepi [The find of a Chinese mirror in the Kulundin steppe]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Is. 7. Barnaul: Altai State University. pp. 158–162.

10. Mogil'nikov, V.A. (2002) *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [Nomads of the northwestern foothills of the Altai in the 9th–11th centuries]. Moscow: Nauka.
11. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (1998) Kurgan srostkinskoy kul'tury u oz. Yarovskoe [A mound of the Srostki culture at Lake. Yarovskoe]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Is. 7. Barnaul: Altai State University. pp. 194–198.
12. Gorbunov, V.V. & Tishkin, A.A. (2001) [Continuing research on the mounds of the Srostki culture on the Ob region plateau]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Proceedings of the Conference. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 281–287. (In Russian).
13. Neverov, S.V. & Gorbunov, V.V. (1996) Kurgannyi mogil'nik srostkinskoy kul'tury Shadrintsevo-I [Burial mound of the Srostki culture Shadrintsevo-I]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archeology, anthropology and ethnography of Siberia]. Is. 7. Barnaul: Altai State University. pp. 163–191.
14. Soenov, V.I., Trifanova, S.V., Vdovina, T.A. & Yazhankina, S.I. (2002) Srednevekovoe skal'noe zakhoroneniye v Kamennom Logu [Medieval rock burial in the Kamenny Log]. *Drevnosti Altaya*. 9. pp. 117–124.
15. Klyashtornyy, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filology Faculty of St. Petersburg State University.
16. Masumoto, T. (2005) Kitayskie bronzovye zerkala (semioticheskiy aspekt) [Chinese bronze mirrors (a semiotic aspect)]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii* [Structural and semiotic studies in archaeology]. Vol. 2. Donetsk: Donetsk National University.
17. Evtyukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1941) Otchet o rabotakh Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1935 g. [Report on the works of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 16. pp. 75–117.
18. Neverov, S.V. (1990) Kurgany kontsa I tys. n.e. mogil'nika Rogozikha na Altae [Mounds of the end of the 1st millennium AD of the Rogozikha burial in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. et al. (eds) *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and use of archaeological monuments of the Altai]. Barnaul: Altai State University.
19. Abdulganeev, M.T., Gorbunov, V.V. & Kazakov, A.A. (1995) Novye mogil'niki vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. v urochishche Blizhnie Elbany [New burial grounds of the second half of the 1st millennium AD in the Middle Elbany tract]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noy Azii* [Military and medieval archaeology of Central Asia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
20. Akishev, K.A. (ed.) (1987) *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoy GES* [Archaeological sites in the flood zone of the Shulbinsk Hydroelectric Power Plant]. Alma-Ata: Nauka.
21. Raspopova, V.I. (1972) Zerkala iz Pendzhikenta [Mirrors from Penjikent]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 132. pp. 65–69.
22. Tabaldiev, K.Sh. (1999) Zerkala iz pogrebeniy vnutrennego Tyan'-Shanya [Mirrors from the burials of the inner Tian Shan]. In: Mitko, O.A. (ed.) *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations]. Is. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
23. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [The Kudyrge burial as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
24. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'ye na rubezhe vekov (basandayskaya kul'tura)* [The Upper Ob region at the turn of the century (the Basanday culture)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS.
25. Molodin, V.I. & Solov'ev, A.I. (1994) Pozdnee srednevekov'e [Late Middle Ages]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny* [Ancient cultures of the Bertek valley]. Novosibirsk: Nauka.
26. Ozheredov, Yu.I., Pletneva, L.M. & Masumoto, T. (2008) Metallicheskie zerkala v Muzei arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo TGU: formirovaniye i issledovaniye sobraniya [Metal mirrors in the Florinsky Museum of Archaeology of Siberian Ethnography of TSU: the formation and study of the collection]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North Asia and adjacent territories in the context of interdisciplinary study]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.
27. Masumoto, T. (1993) O bronzovykh zerkalakh, sluchayno obnaryuzhennykh na Altae [On the bronze mirrors accidentally found in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Protection and study of the cultural heritage of the Altai]. Pt. 2. Barnaul: Altai State University.
28. Ivanov, G.E. (1999) Pogrebeniye zolotoordynskogo vremeni s poseleniya Ostrovnoe-3 [Burial of the Golden Horde time from the Ostrovnoe-3 settlement]. In: Kiryushin, Yu.F. & Nikitina, L.A. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Krai]. Is. 10. Barnaul: Altai State University.
29. Mys'kov, E.P. (2015) *Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don steppes in the era of the Golden Horde]. Volgograd: Volgograd Branch of RANEP.
30. Tishkin, A.A. & Ozheredov, Yu.A. (2010) Metallicheskoye zerkalo zolotoordynskogo vremeni iz fondov Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri TGU [The metal mirror of the Golden Horde time from the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, TSU]. *Nauchnyy Tatarstan: Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 107–113.
31. Ozheredov, Yu.I. (2010) Semantika izobrazheniy na odnom srednevekovom zerkale iz Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri TGU [The semantics of the images on a medieval mirror from the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, TSU]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevtika v drevnikh srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in the ancient medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Azbuka.
32. Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1975) K voprosu o khimicheskoy sostave zerkal Minusinskoy kotloviny [On the chemical composition of the mirrors of the Minusinsk depression]. In: Lubo-Lesnichenko, E.I. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri* [Imported mirrors of the Minusinsk basin. On the external relations of the ancient population of South Siberia]. Moscow: Nauka.

Received: 18 April 2018

СИБИРСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ: НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ СЕМЬИ ДОБРОХОТОВЫХ

Исследование посвящено судьбе двух поколений семьи Доброхотовых, их социальным практикам в годы Революции и Гражданской войны. Судьба Николая Васильевича Доброхотова после 1917 г. иллюстрирует взаимоотношения между представителями сибирского чиновничества и новой властью. Судьба его сына Николая – пример адаптации поколения молодых образованных дворян к новым условиям.

Ключевые слова: Доброхотовы; Гражданская война; Революция 1917 г.; чиновничество; политические репрессии.

Изучение микроистории необходимо для понимания того, какое влияние оказали Революция и последовавшая за ней Гражданская война на русское общество. Предметом исследования являются судьба двух поколений семьи Доброхотовых, их социальные практики в условиях революции и Гражданской войны. Николай Васильевич Доброхотов – потомственный беспоместный дворянин, чиновник. Его судьба после 1917 г. иллюстрирует нам, как складывались отношения между представителями сибирского чиновничества и новой властью (Временное правительство, Сибирская директория, большевики). Средний сын Н.В. Доброхотова, Николай Николаевич, с 1916 г. находился на службе сначала в царской, а затем в Белой и Красной трудовой армиях. Его судьба – пример адаптации поколения молодых образованных дворян к новым условиям. Работа основана на материалах Государственного архива Красноярского края, архива УФСБ по краю и Российского государственного исторического архива.

Николай Васильевич Доброхотов родился 22 апреля 1863 г. в городе Ростове Ярославской губернии [1. Л. 4]. В 1888 г. окончил Императорский Московский университет по историко-филологическому факультету, получив звание действительного студента [1. Л. 2]. Приказом от 4 октября 1889 г. он был зачислен в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел [Там же. Л. 9]. За девять лет службы в Петербурге Н.В. Доброхотов как минимум два раза (1894 и 1896 гг.) обращался к начальству с просьбой о единовременном денежном пособии «в виду недостаточности получаемого мною содержания» [Там же. Л. 36]. Во втором случае Н.В. Доброхотов также просит о предоставлении его отпуска «для поправления крайне расстроенного здоровья» [Там же. Л. 40].

В 1896 г. Н.В. Доброхотов обратился к начальнику главного тюремного управления «с ходатайством о предоставлении ему должности помощника Саратовского губернского тюремного инспектора» [Там же. Л. 44]. Желаемой должности ему достичь не удалось, однако вышеперечисленные факты указывают на то, что Н.В. Доброхотова не устраивало то материальное положение, которое он имел на службе в Петербурге, и он активно искал иное место работы.

2 марта 1898 г. Н.В. Доброхотов подал прошение на имя Енисейского губернатора о назначении его на должность советника губернского управления [2. Л. 3]. 20 марта того же года «высочайшим приказом

по гражданскому ведомству... титулярный советник Доброхотов назначен исправляющим должность Советника Енисейского губернского управления» [Там же. Л. 11]. На новом месте службы Н.В. Доброхотов проявил усердие: например, прибыл в Красноярск раньше срока и приступил к исполнению обязанностей [Там же. Л. 17]. Через два года, 24 сентября, 1900 г., Н.В. Доброхотов был «утверждён в исполняемой им должности» [Там же. Л. 37].

Ещё одним показателем усердия стало назначение Н.В. Доброхотова 3 мая 1902 г. Старшим советником Енисейского губернского управления [Там же. Л. 50]. Как писал Енисейский губернатор Министру внутренних дел, хотя, согласно закону, «в каждом губернском правлении один из числа советников утверждается в звании старшего», но в «енисейском губернском управлении старшего советника не назначено». Енисейский губернатор характеризовал служебную деятельность Н.В. Доброхотова как отличную, усердную и полезную [Там же. Л. 38]. Эту должность Н.В. Доброхотов будет занимать вплоть до Февральской революции. Можно ли на этом основании утверждать, что его карьера застопорилась? Отнюдь. Н.В. Доброхотов регулярно повышался в чине и дослужился до чина действительного статского советника (с 1 января 1914 г.). К 1917 г. был награждён следующими орденами: Св. Анны 3-й ст. (1896 г.), Св. Станислава 2-й ст. (1901 г.), Св. Анны 2-й ст. (1904 г.) и Св. Владимира 4-й ст. (1906 г.) [3. Л. 6]. Известно, что к 1917 г. готовилось награждение Н.В. Доброхотова очередным орденом «со стороны ведомства Православного исповедания» [3. Л. 15], однако состоялось ли таковое, неизвестно. Кроме орденов имел как минимум одну медаль – в память царствования императора Александра III [4. Л. 94 об.].

Удалось ли Н.В. Доброхотову улучшить своё материальное положение? Несомненно. В Петербурге в 1898 г. его жалование составляло 464 руб. в год плюс столовые 232 руб. Кроме того, было выплачено пособие 300 руб. Итого – 996 руб. [1. Л. 51 об.]. В Красноярске же в первый же год его жалование составило 1 150 руб. и столько же – столовых, в итоге: 2 300 руб. в год [2. Л. 20 об.]. За все годы, которые Н.В. Доброхотов прослужил в должности советника, жалование не увеличивалось. Но не позднее, чем с 1906 г. [Там же. Л. 71], Н.В. Доброхотов стал получать надбавку за сибирскую службу – 575 руб. в год. Кроме того, с 1904 г. [5. Л. 4]. Н.В. Доброхотов стал ис-

правлять должность секретаря Енисейского губернского статистического комитета с жалованием 750 руб. в год. Такое же жалование сохранялось у Н.В. Доброхотова вплоть до Февральской революции.

Кроме основной службы советником и работы по совместительству секретарём статистического комитета, Н.В. Доброхотов участвовал в общественной жизни губернии. Он был кандидатом в члены правления Енисейского губернского отдела российского общества покровительства животным [6. С. 50], членом правления Общества любителей музыки и литературы [Там же. С. 51]. Долгие годы Н.В. Доброхотов состоял членом совета Ольгинского приюта трудолюбия для детей переселенцев, а на протяжении нескольких лет был членом ревизионной комиссии [7. Л. 1 об.]. С началом Первой мировой войны Николай Васильевич вошел в состав Енисейского местного управления Российского общества Красного Креста, а его супруга Надежда Васильевна – в Красноярский дамский комитет при Местном Управлении Красного Креста [8. С. 40]. С 1909 г. Н.В. Доброхотов, кроме прочего, состоял в должности почётного мирового судьи г. Красноярска [3. Л. 1–1 об.]. Такого было служебное и общественное положение Н.В. Доброхотова накануне Февральской революции.

Семейное положение Н.В. Доброхотова было следующим. В 1894 г. он женился в Ярославле на Надежде Васильевне Виноградовой, дочери умершего надворного советника [2. Л. 13 об.]. 14 июня 1895 г., в Ярославле же, у пары родился первенец Василий [1. Л. 38]. 15 августа 1896 г., уже в Петербурге, родился второй сын – Николай [Там же. Л. 46–47]. 17 марта 1899 г. родилась единственная дочь Любовь, а 12 апреля 1903 г. – сын Сергей [3. Л. 6].

Все дети Н.В. Доброхотова получали гимназическое образование. Василий и Николай, несмотря на разницу в возрасте, учились в одном классе – в списках 1912 г. они числятся в седьмом классе [9. Л. 9]. В анкете, датированной 15 октября 1915 г., Николай Васильевич Доброхотов относительно своих детей указывал, что Василий и Николай учились в Ярославском Демидовском юридическом лицее, а Сергей и Любовь – в красноярских мужской и женской гимназиях соответственно [3. Л. 7]. С известной долей вероятности можно предположить, что выбор учебного заведения для старших сыновей пал именно на Демидовский лицей потому, что в г. Ярославле проживали родители Н.В. Доброхотова, дед и бабка Василия и Николая [Там же. Л. 7 об.].

С началом Первой мировой войны никто из семьи Доброхотовых не был призван на военную службу. Николай Николаевич Доброхотов был призван на военную службу со студенческой скамьи 10 июня 1916 г. и был зачислен в 1-й подготовительный учебный батальон в Нижнем Новгороде, откуда вскоре был переведён в 1-ю Петергофскую школу подготовки прапорщиков [10. Л. 2–2об.]. Вероятно, военное начальство планировало призвать и Василия Николаевича, во всяком случае, в декабре 1916 г. Ярославский губернатор делал запрос о его политической благонадёжности [11. Л. 2]. Согласно устной традиции, сохранившей в воспоминаниях потомков,

В.Н. Доброхотов был непригоден к военной службе из-за травмы руки, полученной в гимназии в ходе фехтования.

Н.Н. Доброхотов успел окончить школу прапорщиков буквально накануне Февральской революции – 10 февраля 1917 г. и был отправлен в действующую армию [12. Л. 44 об.]. О его службе после Февральской революции рассказывают собственноручно заполненная анкета (не датированная, но составленная не ранее 1922 г.) [Там же. Л. 44–45 об.], послужной список (датирован 1921 г., но записи велись до 1924 г.) [13. Л. 1–6 об.], учётная карточка [13. Л. 4–4 об.] и краткая записка, датированная 12 мая 1924 г. [13. Л. 5 об.–5].

Документы, имеющиеся в распоряжении исследователя, создают впечатление, что жизнь Н.В. Доброхотова после Февральской революции не претерпела кардинальных изменений. Новому главе Енисейской губернии, Енисейскому губернскому комиссару и по совместительству Председателю комитета общественной безопасности Вл.М. Крутовскому достался «в наследство» чиновный аппарат старого режима [14. С. 11]. Жандармский полковник П.П. Заварзин, инспектировавший в ноябре-декабре 1916 г. Восточную Сибирь [15. С. 33], указывал в своих воспоминаниях, что практически на всех сибирских чиновниках «отражался отпечаток уныния, нерешительности, что можно было бы назвать психозом апатии, охватившим российского обывателя и чиновника» (цит. по: [16. С. 560]). Вероятно, Н.В. Доброхотов также оказался под влиянием этих упаднических настроений и поэтому спокойно воспринял Февральскую революцию.

В «Требовательных ведомостях содержания личного состава Енисейского губернского управления» должность Н.В. Доброхотова указана «по старинке» – «старший советник» [17. Л. 42]. В другом документе его должность указана как «помощник губернского комиссара». Представляет интерес решение Вл.М. Крутовского взять в помощники бывшего царского чиновника. Можно предположить, что новой власти нужны были компетентные люди. Могло сыграть свою роль и личное знакомство: Вл.М. Крутовский в течение ряда состоял помощником председателя Енисейского губернского статистического комитета (председателем по должности числился губернатор), секретарём которого состоял Н.В. Доброхотов. Должность секретаря за ним была сохранена [18. Л. 16].

Сам Н.В. Доброхотов в показаниях, данных после ареста в 1920 г., указывал, что после Февральской революции служил «там же», где и до неё [19. Т. 4. Л. 21 об.]. Эта оценка представляется весьма важной – получается, что, по мнению самого Н.В. Доброхотова, характер его занятий после свержения монархии не изменился. Есть, впрочем, в архивно-следственном деле и примета революционной эпохи – к делу было приобщено выданное ещё Вл.М. Крутовским свидетельство о разрешении Н.В. Доброхотову «иметь для самообороны один револьвер системы “Нагана” и потребное к нему количество патронов» [Там же. Л. 23].

Кардинальные перемены в жизни Н.В. Доброхотова начались после Октябрьской революции. О его жизни с ноября 1917 по август 1918 г. составлена справка, которую представляется уместным привести. «ДОБРОХОТОВ состоял в должности Советника Енисейского Губернского управления... по 1 ноября 1917 г., когда властью большевиков был устранен от означенной должности за отказ подчиниться советской власти и продолжить службу при большевистском режиме.

4 ноября 1917 г., по декрету Красноярского Совдепа, был арестован и заключен в тюрьму, как саботажник; 12 ноября 1917 г. из тюрьмы был освобожден с отображением записки о невмешательстве в дела управления Енисейской губернией.

Жалованием удовлетворен по 1 декабря 1917 г. с какого времени по 1 августа 1918 г., т.е. в продолжение восьми месяцев никакого содержания не получал, оставаясь все это время без службы.

Источник существования изыскивал путем продажи домашнего имущества, ношебного платья и проч., что дало возможность просуществовать с семьей до мая месяца 1918 г.;

С 1 мая 1918 г. приискал частные занятия, исполняя обязанности Казначея Лотерейной комиссии по продаже выигрышных билетов в пользу приютов и получая вознаграждение за этот труд по 200 руб. в месяц, а всего за три месяца – 600 рублей.

3 августа 1918 г. назначен на должность заведующего Отделом при Управлении Енисейского губернского комиссара» [18. Л. 33–33 об.]. Как следует из другого документа, в период белой власти в Сибири Н.В. Доброхотов заведовал отделом печати, зрелищ и собраний [20. Л. 1]. Впрочем, в апреле 1919 г. он уже фигурирует как начальник распорядительного отдела [3. Л. 19]. Известно, продолжал ли Н.В. Доброхотов исполнять обязанности секретаря статистического комитета в период белой власти, но доподлинно известно, что в 1919 г. он был вновь назначен почётным мировым судьёй на очередное трёхлетие [Там же. Л. 1 об.].

Итак, можно видеть, что Н.В. Доброхотов одинаково служил как в царской России, так и при Временном правительстве и при белых. Его служебная деятельность не претерпела принципиальных изменений. Власть большевиков же Н.В. Доброхотов не признавал категорически, почему и оказался на протяжении более чем полугода в бедственном положении.

Судьбы представителей младшего поколения Доброхотовых были различны. Младшие дети, Любовь и Сергей, встретили Февральскую революцию учениками гимназии. Любовь Николаевна продолжила обучение и в мае 1918 г. закончила 8-й дополнительный общеобразовательный класс Красноярской женской гимназии [21. Л. 3]. Василий Николаевич в августе 1918 г. прервал обучение в Демидовском лицее и вернулся в Красноярск, где служил канцелярским работником в уездной земской управе [22. Л. 7 об.]. Судьба Николая Николаевича оказалась самой драматичной.

После присвоения звания прапорщика приказом от 17 февраля 1917 г. Н.Н. Доброхотов был отправлен в 209-й запасной пехотный полк в г. Ярославле. В июне

1917 г. был переведён в 14-й Сибирский стрелковый запасной полк, в июле 1917 г. – в действующую армию, в 32-й Сибирский стрелковый полк. В августе 1917 г. был переведён в сапёрную команду. Во всех перечисленных воинских подразделениях занимал должность младшего офицера роты. С января 1918 г. состоял временно исправляющим должность полкового адъютанта. 1 марта 1918 г. Н.Н. Доброхотов был демобилизован из рядов старой русской армии [13. Л. 2]. В период с июля 1917 г. по март 1918 г. принимал непосредственное участие в боевых действиях против Германии, в ходе которых получил отравление «удушливыми газами в районе местечка Снов» [Там же. Л. 6].

После демобилизации Н.Н. Доброхотов вернулся в Красноярск и давал частные уроки математики [Там же. Л. 3 об.]. В июне 1918 г., после падения советской власти и провозглашения Временного сибирского правительства, Н.Н. Доброхотов был мобилизован в состав 4-го кадрового полка младшим офицером. В сентябре 1918 г. комиссия врачей при Красноярском военном госпитале признала его негодным к строевой службе и отправила на амбулаторное лечение, которое продлилось до мая 1919 г. В августе 1919 г. комиссия признала Н.Н. Доброхотова годным к нестроевой службе на должности батальонного адъютанта в 3-м стрелковом полку 2-й бригады, в составе которого он и отбыл на фронт. Однако через два с лишним месяца, 15 октября 1919 г., Н.Н. Доброхотов по состоянию здоровья был с фронта эвакуирован и по январь 1920 г. находился на амбулаторном лечении при Красноярском военном госпитале [Там же. Л. 2–2 об.]. Расстроенное здоровье позволило Н.Н. Доброхотову встретить Красную армию без оружия в руках, на положении больного. Попав в распоряжение красных добровольно и персонально, а не при массовой сдаче в плен, Н.Н. Доброхотов был принят на службу в Красную трудовую армию 6 февраля 1920 г. В марте 1920 г. особый отдел ВЧК при 5-й армии рассмотрел его дело, однако в биографии не было найдено поводов для привлечения его к какой-либо ответственности [12. Л. 44 об.].

За время службы в трудовой армии Н.Н. Доброхотов сменил немало должностей и воинских частей, но чаще сего это было связано с процессами переформирования и переименования последних. Так, изначально он был зачислен в 1-ю Енисейскую инженерную военно-рабочую бригаду командиром взвода. С мая по июль 1920 г. был временно исправляющим должность командира роты [13. Л. 2 об.] (из показаний отца известно, что Николай служил в Кемчуге [19. Т. 4. Л. 21 об.]. В Кемчуге располагалась 5-я рота [14. С. 276]. Значит, Николай был временным командиром 5-й роты). С 27 июля 1920 г. служил на должности делопроизводителя по строевой части. В феврале и марте 1921 г. батальон, в котором служил Н.Н. Доброхотов, подвергался переименованию: сначала в 1-й, а затем в 9-й военно-трудовой батальон. С 16 марта 1921 г. был назначен временным адъютантом батальона. В апреле был переведён на старую должность делопроизводителя по оперативно-трудовой части. Летом 1921 г. батальон претерпел

несколько переименований: 9-й Сибирский трудовой, 5-й Сибирский трудовой батальон 5-й Сибирской трудовой бригады, 9-й Сибтрудбат 4-й Сибтрудбригады. 9 июля Н.Н. Доброхотов был назначен на должность заведующего технической частью батальона. 7 октября 1921 г. он был переведён в лесозаготовительную дружину, 10 октября зачислен на должность делопроизводителя технической части 6-й Лесозаготовительной дружины. 25 января 1922 г. Н.Н. Доброхотов был зачислен адъютантом в 5-й трудовой батальон, 30 мая – уволен в бессрочный отпуск [13. Л. 2 об.–3 об.].

После увольнения с 10 июня 1922 г. работал на железной дороге в должности счетовода. С 12 июня 1923 г. перешёл на службу в Енисейский губернский союз кооператоров, опять же счетоводом. Как бывший белый офицер, 1 мая 1922 г. Н.Н. Доброхотов был взят на особый учёт в Енисейской губчека, но уже через два года, 19 апреля 1924 г., был снят с учёта согласно ходатайству [Там же. Л. 6].

Как можно видеть, поступление на военную службу (в царскую армию, затем в Белую и Красную) для Н.Н. Доброхотова не было добровольным: во всех случаях он подвергался мобилизации. Конечно, необходимо учитывать, что сведения о службе берутся из материалов, составленных собственноручно Н.Н. Доброхотовым или с его слов. Естественно, что в целях самосохранения он подчёркивал, что на царскую и белую службу поступал недобровольно. Понимаю сложность своего положения как бывшего белого офицера, в одной из анкет Н.Н. Доброхотов указывает, что сочувствует РКП(б) [12. Л. 45]. Не исключено, что это было намеренное искажение правды, однако представляется, что недобровольность поступления Н.Н. Доброхотова на службу действительно имела место.

С одной стороны, если бы Н.Н. Доброхотов был склонен к военному делу и желал бы прославиться военными подвигами, то ничто не мешало ему в 1914 г. бросить гимназию и уйти добровольцем на фронт или по окончании гимназии поступить в военное учебное заведение. Однако Николай и Василий выбрали вполне мирную профессию юриста. С другой стороны, Н.Н. Доброхотов не пытался «откосить» от мобилизации. Вероятно, он воспринимал войну и свою мобилизацию как некую данность, с которой приходится мириться. При этом первое время ему удаётся оставаться вдалеке от фронта: с февраля по июль 1917 г. Н.Н. Доброхотов служил в запасных полках. Не исключено, что имело место влияние отца, хотя фактов, подтверждающих это, нет.

В Белой армии Н.Н. Доброхотову довелось прослужить с июня 1918 г. по январь 1920 г., т.е. 19 месяцев. Из них 11 он находился на амбулаторном лечении в Красноярске, а на фронте – всего 2,5 месяца и на нестроевой должности адъютанта. Зная о факте отравления при газовой атаке, можно предположить, что лечение Н.Н. Доброхотову действительно было показано.

Можно видеть, что судьба Н.Н. Доброхотова, по крайней мере в первые годы советской власти, складывалась относительно неплохо: он получил работу,

имел стабильный доход. Это подтверждает тот факт, что в указанный период Н.Н. Доброхотов женился и к 1924 г. имел уже двух дочерей, 21 и 7 месяцев; а также на его иждивении находилась теща [13. Л. 5 об.] (супруга работала телефонисткой [12. Л. 44]).

Судьба Н.В. Доброхотова при советской власти сложилась гораздо трагичней. После восстановления советской власти Н.В. Доброхотов устроился работать заместителем секретаря в «Гублеском». 15 мая 1920 г. он был арестован Енисейской ГубЧК по обвинению в участии в белогвардейской организации атамана Каверина [19. Т. 4. Л. 121]. Таковая организация, состоявшая из бывших белых офицеров и базировавшаяся в с. Торгашино, действительно существовала [14. С. 287–288]. Однако насколько справедливы были обвинения в участии в её деятельности Н.В. Доброхотова, неизвестно. Соответствующее архивно-следственное дело хранится в настоящий момент в архиве УФСБ России по Красноярскому краю, доступ к нему ограничен. Исследователю были доступны только анкета, протоколы допросов и приговор, касающийся только лично Н.В. Доброхотова. Показания других лиц (обвиняемых и свидетелей) недоступны исследователю.

Сам Н.В. Доброхотов на допросе отрицал свою причастность к организации, обращая внимание следователей на то, что он «вообще в военной среде никакого никогда знакомства не заводил», что не имел «свободного времени чем-либо заниматься». Стиль его показаний наводит на мысль, что Н.В. Доброхотов был очень напуган арестом: «Я человек верующий, и могу дать клятву, или принять присягу в том, что я себя считаю совершенно невиновным» [19. Т. 4. Л. 21 об.]. 29 июля 1920 г. решением Красноярской ГубЧК он был приговорён к пяти годам заключения в концентрационном лагере [Там же. Т. 2. Л. 158]. Отбывать наказание Н.В. Доброхотова отправили в Коркинские копи, где он работал в качестве регистратора, составляя «отчеты о движении работ заключенных» [23. Л. 56]. 19 февраля 1921 г. Н.В. Доброхотов был вновь арестован, однако доказать его виновность в какой-либо незаконной деятельности не удалось, и он был возвращён в Коркинский лагерь [Там же. Л. 202, 211].

О дальнейшее судьбе членов семьи Доброхотовых известно следующее. Последние сведения о Надежде Васильевне Доброхотовой и её дочери, Любови Николаевны, датируются 1924 г.: Н.Н. Доброхотов указал в анкете, что его мать – домохозяйка, а сестра находилась на учёбе [12. Л. 44]. Старший сын, Василий Николаевич Доброхотов, был арестован 25 марта 1932 г. Окружным отделом ОГПУ. Из его показаний явствует, что в это время он работал секретарём Горкомунхоза [22. Л. 6–6 об.]. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной агитации «против Советской власти», а именно: распространение слухов о скором нападении Японии на СССР, вследствие чего Сибирь будет освобождена от большевиков. На допросе В.Н. Доброхотов признал, что высказывал периодически недовольство плохим снабжением, но отрицал агитацию в пользу Японии [Там же. Л. 18–19]. Протоколом Особого совещания при коллегии ОГПУ от

29 июля 1932 г. был выслан в Западную Сибирь сроком на три года [22. Л. 27].

Касательно судьбы отца, Николая Васильевича Доброхотова, В.Н. Доброхотов заявил, что тот «в 1920 г. был арестован ... где он в данное время и какая его судьба постигла не знаю, но думаю, что его уже в живых нет; возможно он умер, так как он был дряхлый и больной старик» [Там же. Л. 7 об.]. Напомню, что на момент ареста старшему Доброхотову было 57 лет – по современным меркам, возраст отнюдь не старческий. Однако если вспомнить те прошения об отпуске в связи с болезнью, которые Н.В. Доброхотов подавал ещё в период своей службы в Петербурге, в относительно молодом возрасте, то можно предположить, что он действительно страдал хроническими заболеваниями. Нельзя не учитывать и сильное нервное, психологическое переутомление, связанное с резким изменением социального статуса: от действительного статского советника, третьего человека в губернии, до секретаря. В этих условиях арест и пребывание в лагере действительно могли нанести окончательный удар по здоровью Н.В. Доброхотова.

В своих показаниях от 1932 г. В.Н. Доброхотов указал, что оба его брата, Николай и Сергей Доброхотовы, переехали в Ленинград. Первый работал в

Ленинстрое бухгалтером, второй – на одном из заводов [Там же].

Таким образом, обобщив социальные практики отца и сына Доброхотовых в условиях Революции и Гражданской войны, можно отметить следующее. Политические убеждения при выборе стратегии повеления имели большее значение для отца, чем для сына. Первый отказался служить большевистской власти в 1917 г., за что и поплатился кратковременным арестом. На службу в советские органы Н.В. Доброхотов поступил только после Гражданской войны, когда советская власть пришла «всерьёз и надолго». Деятельность Доброхотова-младшего по большей части носила вынужденный характер: поступление на службу в царскую, Белую и Красную трудовую армии. Следует полагать, что важным жизненным ресурсом, который позволил Доброхотовым выжить, было полученное высокое образование (университетское у отца и гимназическое у сына). Грамотные люди были нужны как белым, так и красным. Следует полагать, что образование и опыт военной службы послужили причиной принятия Н.Н. Доброхотова в Красную армию на руководящую должность. Будучи грамотным, Доброхотов-старший даже в концентрационном лагере выполнял относительно интеллигентскую работу регистратора, а не трудился физически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2869.
2. РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1898 г. Д. 41.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 3360.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 75.
5. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 220.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск : Енисейская губерн. тип., 1903. VII, 74. 136 с.
7. ГАКК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.
8. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск : Енисейск. губерн. эл.-тип., 1915. 102, 128 с.
9. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1939.
10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 3059.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 3163.
12. ГАКК. Ф. р-51. Оп. 3. Д. 33.
13. ГАКК. Ф. р-51. Оп. 1. Д. 849.
14. Мармышев А.В., Елисенок А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 413 с.
15. Бакшт Д.А., Катцина Т.А. «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»: о состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33–56.
16. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое литературное обозрение. 2010. 664 с.
17. ГАКК. Ф.р-1813. Оп. 2. Д. 62.
18. ГАКК. Ф.р-1800. Оп. 2. Д. 32.
19. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д.П-23569.
20. ГАКК. Ф.р-1800. Оп. 2. Д. 42.
21. ГАКК. Ф.265. Оп. 1 Д. 394.
22. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д.П-7979.
23. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д.П-23479.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2018 г.

SIBERIAN OFFICIALS IN THE REVOLUTION: THE EXAMPLE OF THE DOBROKHOTOV FAMILY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 137–142.

DOI: 10.17223/15617793/434/18

Denis Yu. Khomenko, Krasnoyarsk Medical Vocational School (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Keywords: Civil War; Revolution of 1917; Yenisei Region; civil servants; Dobrokhотовs; political repression.

In the article, the author describes the fate of two generations of the Dobrokhотов family during the Revolution of 1917 and the Civil War. The work tells about the official and family situation of Nikolai V. Dobrokhотов, who served as a senior advisor of the Yenisei Provincial Administration from 1898 to 1917. The author concludes that Dobrokhотов belonged to the average Siberian bureaucracy, and actively participated in social activities. The family status of Dobrokhотов is described: four children, two of whom went to a gymnasium by 1917, and two received higher education. The main attention in the article is paid to the destinies of Dobrokhотов and his middle son Nikolai, who was drafted to the army and sent to the school of ensigns in 1916. The author draws at-

tention to the fact that the position of Dobrokhoto Sr. practically did not change after February 1917: he became an assistant to the Yenisei Provincial Commissar. In October 1917, Dobrokhoto Sr. did not accept the Soviet power, and was dismissed from service. The article describes Dobrokhoto Sr.'s social practices before the White power, namely: life at the expense of the sale of property and casual earnings. Under the White power, Dobrokhoto Sr. returned to civil service. In 1920, he was arrested by the Bolsheviks and sentenced to punishment in a concentration camp. Dobrokhoto Jr. served as ensign in the old Russian army; he took direct part in the fighting against Germany in the summer of 1917. After demobilization, he returned to Krasnoyarsk. In the autumn of 1918, he was mobilized in the White Army, but as a result of poisoning with military gases on the German front, Dobrokhoto Sr. spent most of his service in hospital. In 1920, he surrendered to the Red Army, was recruited into the labor army, in which he served until 1922. The author concludes that for Dobrokhoto Sr. ideological motives in actions played a greater role than for Dobrokhoto Jr.: while the father flatly refused to serve the Bolsheviks, the son voluntarily entered the Red Army. The motives for actions of Dobrokhoto Jr. look compelled: he did military service in the Tsarist, in the White, and in the Red Armies as a result of mobilization. The author points out that the important resource, which enabled the Dobrokhotos to settle in the conditions of a new life, was the education that they had received before the revolution. Any government (the Provisional Government, the Whites, the Bolsheviks) needed literate people. Probably, it is this factor (as well as practical experience) that was the reason for the appointment of Dobrokhoto Jr. to command posts in the Red Labor Army. For the same reason, Dobrokhoto Sr. was able to continue his service under the Provisional Government and under the White power. Even in the camp, he was not engaged in heavy physical labor, but worked as a registrar.

REFERENCES

1. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 46. File 2869. (In Russian).
2. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 46. 1898. File 41. (In Russian).
3. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 42. List 1. File 3360. (In Russian).
4. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 45. File 75. (In Russian).
5. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 31. List 1. File 220. (In Russian).
6. Anon. (1903) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1903 god* [The memorial book of the Yenisei Province, 1903]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubern. tip.
7. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 48. List 1. File 1. Page 1 rev. (In Russian).
8. Anon. (1915) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1915 god* [The memorial book of the Yenisei Province, 1915]. Krasnoyarsk: Eniseysk. gubern. el.-tip.
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 1939. (In Russian).
10. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 28. File 3059. (In Russian).
11. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 28. File 3163. (In Russian).
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-51. List 3. File 33. (In Russian).
13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r.-51. List 1. File 849. (In Russian).
14. Marmyshev, A.V. & Elisenko, A.G. (2008) *Grazhdanskaya vojna v Eniseyskoy gubernii* [Civil War in the Yenisei Province]. Krasnoyarsk: Verso.
15. Baksht, D.A. & Kattsina, T.A. (2017) "Vlast' atrofirovana, i my nakhodimsya na krayu bezdny": o sostoyanii predrevolyutsionnogo obshchestva Vostochnoy Sibiri po rezul'tatam inspektsii polkovnika P.P. Zavarzina. 1916 g. ["The power is atrophied, and we are on the edge of an abyss": on the state of the pre-revolutionary society of Eastern Siberia according to the results of the inspection of Colonel P.P. Zavarzin. 1916]. *Istoricheskii arkhiv*. 1. pp. 33–56.
16. Kolonitskiy, B. (2010) *"Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny* ["Tragic Erotica": Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-1813. List 2. File 62. (In Russian).
18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-1800. List 2. File 32. (In Russian).
19. Archive of the Krasnoyarsk Regional Office of the Federal Security Service of Russia. Fund 7. File P-23569. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-1800. List 2. File 42. (In Russian).
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 265. List 1. File 394. (In Russian).
22. Archive of the Krasnoyarsk Regional Office of the Federal Security Service of Russia. Fund 7. File P-7979. (In Russian).
23. Archive of the Krasnoyarsk Regional Office of the Federal Security Service of Russia. Fund 7. File P-23479. (In Russian).

Received: 11 April 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.91

А.Д. Бурмистров, А.И. Чикуров, С.С. Худик, С.В. Радаева

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ КОНЬКОБЕЖЦЕВ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Рассмотрена биомеханика передвижения конькобежцев высокой квалификации посредством видеоанализа Чемпионата мира по отдельным дистанциям 2017 г. В ходе исследования установлено, что асимметричный характер движений конькобежцев влияет на смещение центра массы тела спортсмена, в том числе и на угол отталкивания нижними конечностями при преодолении участков дистанции по прямой. Выявлено, что моторная асимметрия нижних конечностей, присущая спортсменам-конькобежцам, не имеет взаимосвязи с однонаправленным характером движения, вызванным постоянно повторяющимися поворотами.

Ключевые слова: конькобежный спорт; индивидуальный профиль асимметрии; центр массы тела; моторная асимметрия; траектория движения ЦМТ.

Введение

Конькобежец с точки зрения физики является материальным телом, и движение, наблюдаемое при беге, есть механическое движение, под которым понимают изменение взаимного положения материальных тел и отдельных их точек относительно друг друга. Поэтому механизм движений конькобежца в основном подчиняется законам механики в их специфическом преломлении для биологических систем [1].

Рациональная и перспективная с биомеханических позиций техника на начальном этапе обучения является залогом успеха будущих олимпийцев, что реализуется только с помощью биомеханического анализа движения на базе изучения новых тенденций развития стиля и техники вида спорта, а также контроля при постановке новых элементов движения [2]. Конькобежный спорт представляет собой циклический вид спорта с постоянно повторяющимися поворотами и прямыми. Продвижение по прямой имеет симметричный характер, т.е. отталкивание производится как в правую, так и в левую сторону, а преодоление поворотов предполагает асимметричное направление отталкивания. Постоянная работа в одну и ту же сторону на поворотах предрасполагает к формированию доминирующей стороны тела у спортсмена, следовательно, эта же сторона тела будет преобладающей при прохождении прямых участков дистанции, но каждый спортсмен уникален и с рождения у него уже есть доминирующий профиль функциональной асимметрии. Из этого рассуждения возникает вопрос, влияют ли постоянно повторяющиеся повороты в конькобежном спорте на формирование одной и той же доминирующей стороны у всех представителей конькобежного спорта. Кроме того, на данный момент в научном сообществе не сложилось единого мнения о влиянии асимметрии на спортивный результат в циклических видах спорта.

Целью настоящего исследования является анализ влияния асимметричного характера направления движения в поворотах на формирование выраженного асимметричного характера передвижения по прямой.

Для достижения цели, поставлены задачи:

– ознакомление с имеющимися работами на предмет асимметрии в конькобежном спорте;

– изучение научной литературы на предмет техники прохождения конькобежцами прямого участка дистанции;

– проведение видеоанализа техники конькобежного шага на прямой для определения симметричности и асимметричности движений.

Методы исследования

Поставленные задачи выполнялись посредством двух методов исследования:

- 1) анализа научной литературы;
- 2) проведения видеоанализа.

Посредством метода анализа научной литературы было выяснено, что, в конькобежном спорте выделяют два основных участка дистанции: прямая и поворот. Наличие постоянно повторяющихся поворотов определяет основу тактики бега на коньках – конькобежцы набирают скорость бега во время поворота и поддерживают ее на прямой [3]. Это связано в первую очередь с тем, что отталкивания на прямой являются более энергозатратными. При беге на коньках по прямой каждая нога выполняет поочередно опорную, толчковую и маховую функции, по своим биомеханическим параметрам они идентичны [4].

В конькобежном спорте одновременно с движениями ног осуществляются маховые движения руками. В литературе движениям рук отводятся две задачи. Первая задача – поддержка равновесия начинающего спортсмена. Масса руки быстро приводится в движение и является внешней по отношению к туловищу и, таким образом, помогает поддерживать равновесие. Второй задачей является поддержка темповых характеристик бега на коньках [5].

В конькобежном шаге на прямой различают три основных фазы (рис. 1):

1. Свободный прокат на опорном коньке.
2. Одноопорное отталкивание.
3. Двухопорное отталкивание [6–8].

С.А. Хисамутдиновой установлено, что усилия, развиваемые конькобежцами в каждой фазе скользящего шага, различны. Техника движений при беге на коньках у спортсменов разной квалификации имеет существенные различия.

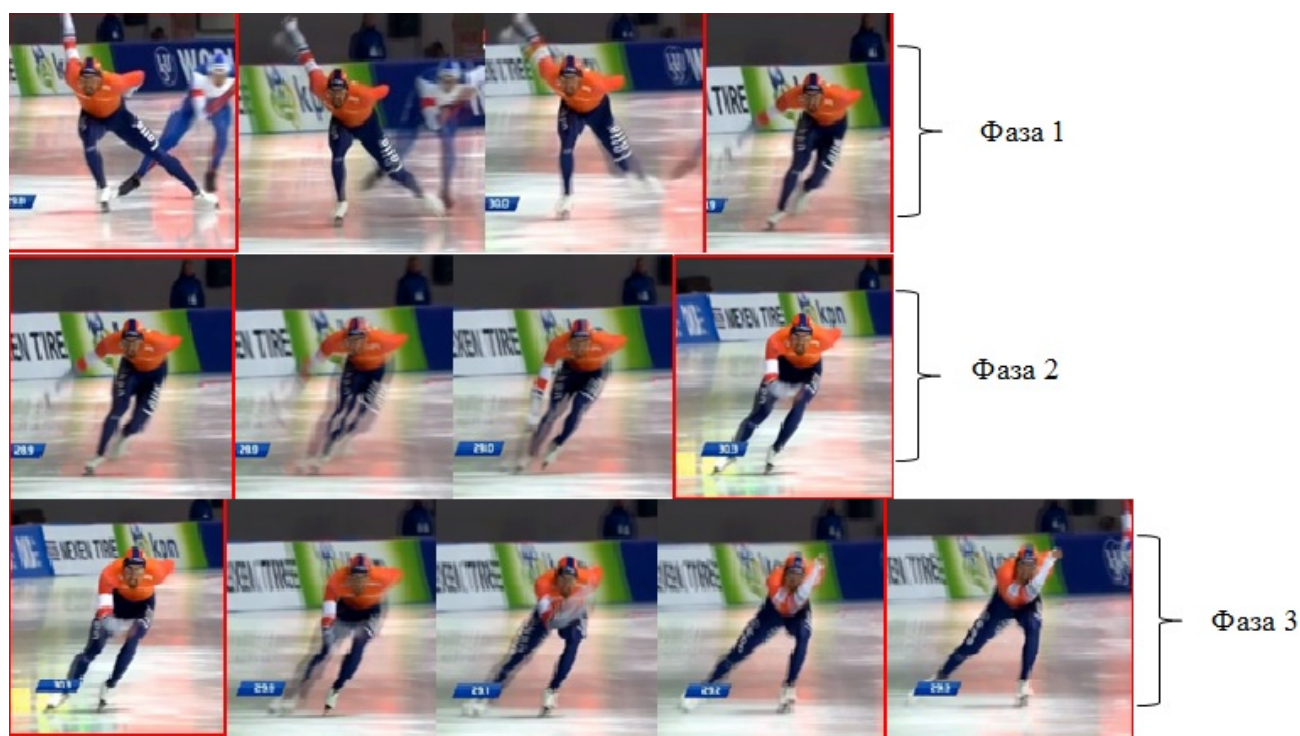

Рис. 1. Фазы движения конькобежца на прямой

Количество достоверных различий увеличивается у спортсменов, значительно отстоящих друг от друга по своей квалификации [9].

Форма следа (шага) конька на льду представляет плавный S-образный изгиб. Принимая во внимание

положение о S-образной форме передвижения конькобежца по прямой и общепринятые фазы конькобежного шага, можно схематично представить траекторию передвижения конькобежца на прямой с выделением границ фаз движений (рис. 2).

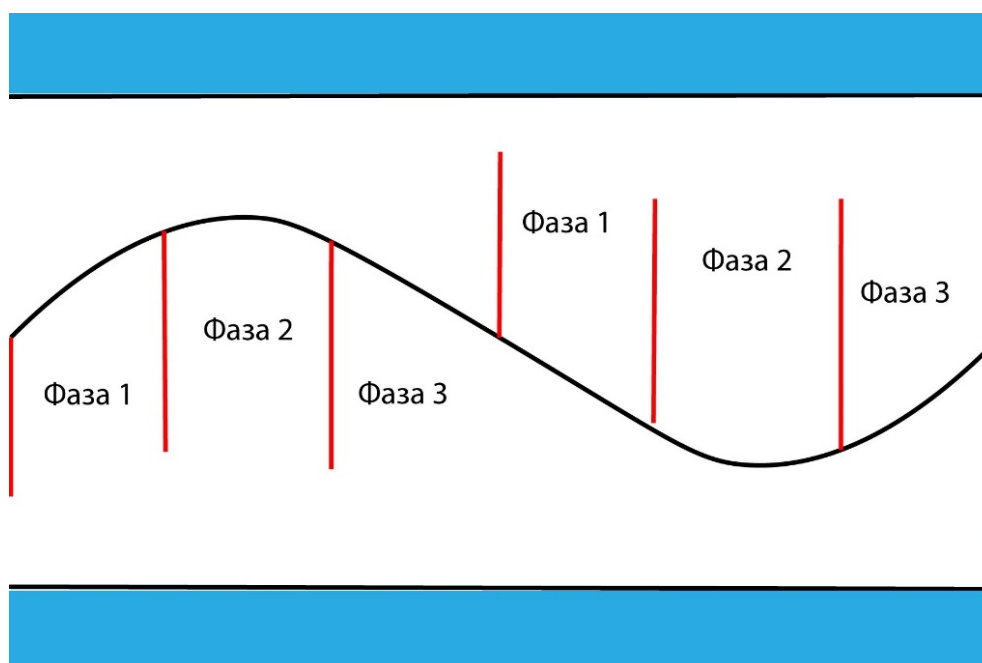

Рис. 2. Траектория передвижения конькобежца на прямой

При рассмотрении техники бега по прямой у различных спортсменов, можно выявить асимметрию работы нижних конечностей. В фазе свободного проката на опорном коньке у многих спортсменов различается положение стопы маховой ноги в положении

замаха. На одной из ног конек находится вертикально по отношению ко льду, в то время как на другой ноге наблюдается поворот стопы в направлении будущего отталкивания. По этой же причине наблюдаются различия между углами постановки конька маховой ноги

на лед в начале фазы двухопорного скольжения [10]. Также существуют научные работы, в которых приводятся данные об асимметрии показателей силы левой и правой ноги у представителей конькобежного спорта [11]. В исследовании E. van der Kruk, проводимом на голландских спортсменах с помощью беспроводной измерительной системы, была определена разность прилагаемых сил к внешнему ребру опорного конька при отталкивании на прямой. При этом показатели сил ведущей и не ведущей ног были индивидуальны для каждой группы спортсменов [12].

В качестве второго метода исследования был применен видеоанализ. Данный метод направлен на запись и обработку видеoinформации для последующего анализа. Видеоанализ был впервые разработан в исследованиях по биомеханике. С его помощью рассматривалась техника конькобежцев на Чемпионате мира по отдельным дистанциям 2017 г., который проводился в Южной Корее. Предметом анализа было смещение центра массы тела в начальном крайнем положении фазы двухопорного отталкивания, а именно измерялся градус отклонения центра массы тела спортсмена из перпендикулярного положения, в котором он находился в фазе одноопорного отталкивания. Точка центра массы тела конькобежца была определена в положении стыка поясничного отдела позвоночника и крестца [13]. Анализ проводился на дистанциях 500 и 1 500 м у мужчин. Было принято решение рассмотреть пять последних пар на каждой дистанции. По результатам анализа было подтверждено высказывание В.Г. Половцева, что у профессиональных конькобежцев этот угол смещения в фазе отталкивания составляет 25° . В беге на коротких дистанциях он может увеличиваться до 35° [8]. На дистанции 500 м анализировалась переходная прямая, на дистанции 1 500 м – переходная прямая второго круга дистанции. Измерялись углы каждого отталкивания на указанном участке, среднее значение заносилось в таблицу. По статистике количество шагов на прямой на дистанции 500 м ровняется 12 шагам, на дистанции

1 500 м – 10 шагам [14], но некоторые спортсмены преодолевают прямые за меньшее или большее количество шагов. Ввиду этого были проанализированы результаты тех спортсменов, которые преодолевали прямые за статистическое количество шагов.

Результаты исследования

При рассмотрении движения конькобежца через движение центра массы тела (ЦМТ) отмечалось, что ЦМТ движется в пространстве по кривой, напоминающей синусоиду. При рассмотрении движения конькобежца во фронтальной плоскости можно заметить, что оно сходно с движением маятника [15]. Эта уникальная характеристика отталкивания приводит к синусоидальной траектории общего центра массы при катании вдоль прямых. Отталкивание правой ногой вызывает изменение направления ЦМТ влево, а отталкивание левой ногой вызывает изменение направления ЦМТ вправо [16]. С началом смещения центра массы тела опорная нога постепенно выдвигается в сторону отталкивания, конькобежец начинает скользить на внутренней части (ребре) полоза конька. Смещение центра тяжести тела в сторону свободной ноги должно быть достаточным, так как угол отталкивания обуславливает величину результирующей силы. Чем значительнее смещение, тем более продуктивно используется сила мышц при отталкивании. Асимметрия движений конькобежцев при беге по прямой влияет на смещение центра тяжести спортсмена, в том числе и на угол отталкивания.

По результатам видеоанализа было определено, что в среднем у каждого спортсмена градус отклонения ЦМТ из перпендикулярного положения в сторону будущего отталкивания с одной стороны меньше, чем с другой (рис. 3). В связи с этим можно с уверенностью сказать, что присутствует асимметричное смещение ЦМТ конькобежцев с правой и левой опорной ноги при преодолении прямых участков дистанции.

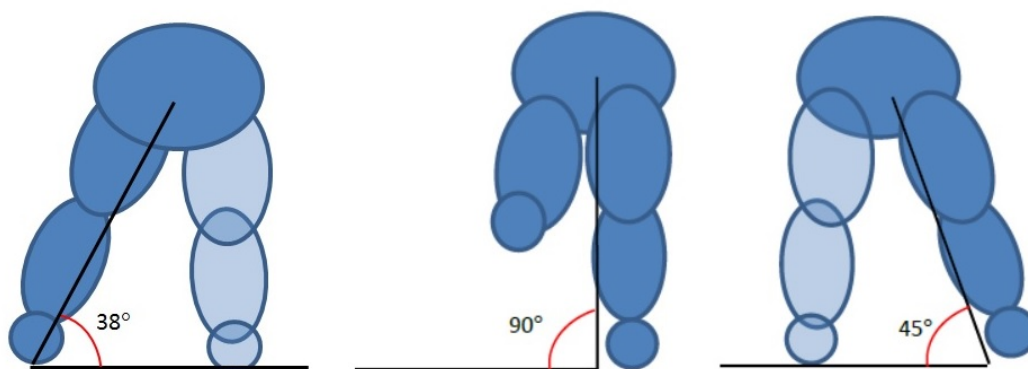

Рис. 3. Смещение ЦМТ конькобежцев с правой и левой опорной ноги при преодолении прямых участков дистанции

Проанализировав данные, можно констатировать, что на каждой дистанции у всех участников углы смещения ЦМТ находятся в одном диапазоне и с каждой опорной ноги имеются различные углы смещения. Как было сказано выше, чем больше угол оттал-

кивания, тем продуктивнее используется сила мышц, а значит, выше результирующая мощность отталкивания. Это положение имеет прямое отношение к научным работам, подтверждающим наличие асимметричных показателей силы ног у конькобежцев и

указывающих на наличие асимметричных показателей прикладываемых сил к внешнему ребру конька при беге на прямом участке дистанции.

В ходе исследования биомеханики движения конькобежцев также фиксировалось время отталкивания нижними конечностями в фазах 1 и 2 конькобежного шага на прямой. Установлено, что время проката и время одноопорного отталкивания на одной и другой ноге неодинаково. Кроме того, замечено, что среди конькобежцев, специализирующихся на разных дистанциях, таких как 500, 1 500 и 5 000 м, встречаются спортсмены, у которых время 1-й и 2-й фаз

конькобежного шага на левой ноге больше, чем на правой. Однако спортсменов, у которых выполнение свободного проката и одноопорного отталкивания правой ногой продолжительнее, чем левой, больше. Замечено также, что продолжительность данных фаз увеличена на той ноге, в сторону которой в большей степени смещен ЦМТ. В ходе исследования также были обнаружены спортсмены, у которых время выполнения фаз 1 и 2 как правой, так и левой одинаково. Результаты распределения спортсменов по доминированию нижних конечностей в фазах 1 и 2 конькобежного шага на прямой представлены на рис. 4.

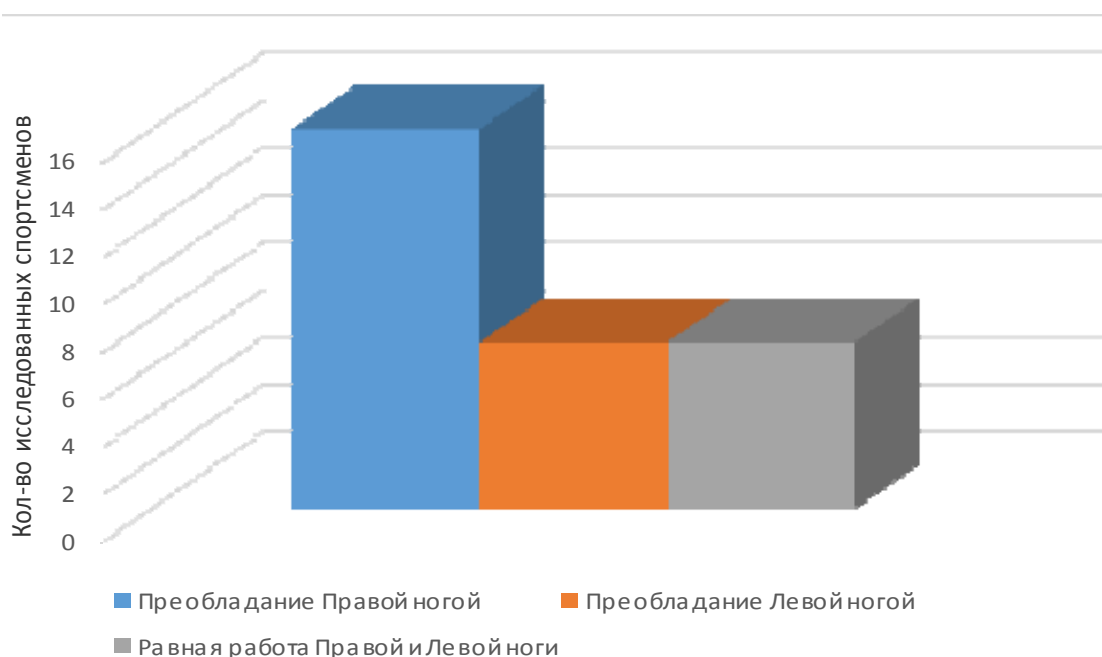

Рис. 4. Распределение спортсменов, специализирующихся на 500, 1 500 и 5 000 м, по доминированию нижних конечностей в фазах свободного проката и одноопорного отталкивания конькобежного шага на прямой

Заключение

Конькобежный спорт является асимметричным видом спорта, поскольку по мимо прямых на дистанции присутствуют еще и повороты, которые выполняются только в левую сторону. В связи с этим в организме спортсменов появляются последствия от постоянных поворотов в одну и ту же сторону. В статье Т.Ф. Абрамова приводятся данные о том, что имеются нарушения позиционной установки стоп у представителей конькобежного спорта причем, нарушения несут асимметричный характер. Так линейный показатель свода стоп выявил асимметрию в состоянии рессорного отдела с уплощением продольного свода 1-й степени левой стопы при нормальном состоянии правой стопы спортсменов в конькобежном виде причем, частота нарушений также дифференцирует состояние стоп с большей выраженностью нарушений по левой стопе относительно правой [17]. Кроме того, Д.А. Слепова [18], а также С.М. Hesford [19] в своих работах указывают наличие асимметричного кровообращения нижних конечностей спортсменов-конькобежцев.

При рассмотрении биомеханики движения конькобежца установлено, что траектория перемещения ЦМТ напоминает синусоиду. При этом наблюдается асимметричность смещения ЦМТ конькобежцев при выполнении отталкивания правой и левой конечностями на прямых участках дистанции, т.е. ЦМТ отклоняется преимущественно больше в ту или иную сторону. Данное отклонение ЦМТ влечет за собой увеличение продолжительности выполнения одной из конечностей свободного проката и одноопорного отталкивания. Установлено, что на количество спортсменов, специализирующихся на 500, 1 500 и 5 000 м, с преобладающей правой ногой в части более продолжительного исполнения фаз 1 и 2 конькобежного шага больше, чем с доминированием левой. Также обнаружены спортсмены, у которых время выполнения указанных фаз как правой, так и левой одинаково. Данный факт позволяет заключить, что моторная асимметрия нижних конечностей, присущая спортсменам-конькобежцам, не имеет взаимосвязи с однонаправленным характером движения, вызванным постоянно повторяющимися поворотами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов Г.М. Теоретические основы техники скоростного бега на коньках // Омский научный вестник. 2008. № 6. С. 141–145
2. Иванова Г.П. Развитие биомеханики как основа успеха в олимпийском спорте // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2010. № 11. С. 43–46.
3. Hahn D. Force-Length Properties of Leg Extension and Their Implications for Strength Diagnostics // Proc. ISBS Conference 2008. С. 120–123.
4. Стенин Б.А. Конькобежный спорт : учеб. пособие. М. : Просвещение, 2000. 176 с.
5. Хенк Гемсер Руководство по скоростному бегу на коньках. Йос де Кoning. Голландия, 1999. 217 с.
6. Der Kruk E.V., den Braver O., Schwab A.L., van der Helm F.C.T., Veegeer H.E.J. Wireless instrumented klapskates for long-track speed skating // Sports Engineering. 2016. № 19. С. 273–281.
7. Петров Н.И. Конькобежный спорт : учеб.. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1995. 256 с.
8. Половцев В.Г. Юный конькобежец. М. : Физкультура и спорт, 1997. 182 с.
9. Хисамутдинова С.А., Ермаков В.В. Исследование структуры движений конькобежцев // Конькобежный спорт : сб. статей. 2001. № 2. С. 15–22.
10. Der Kruk E.V., Veegeer H.E.J., van der Helm F.C.T., Schwab A.L. Design and verification of a simple 3D dynamic model of speed skating which mimics observed forces and motions // Journal of Biomechanics. 2005. № 6. С. 45–55.
11. Allinger T.L. Skating technique for the straights, based on the optimization of a simulation model // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2007. № 29. С. 279–286.
12. Van Ingent Schenau G.J., De Groot G., De Boer R.W. The control of speed in elite female speed skaters // Interfaculty of Physical Education. 2005. № 2. С. 91–96.
13. Макаренко Б.Н. Основы резонансной техники скоростного бега на коньках // Конькобежный спорт : ежегодник. 1999. С. 12–17.
14. Lozowski E.A Model of ice friction for a speed skate blade // Sports Engineering. 2013. № 16. С. 239–253.
15. De Boer R.W., Nilsen K.L. The Gliding and Push-off Technique of Male and Female Olympic Speed Skaters // International journal of sports biomechanics. 2009. № 5. С. 119–134.
16. Арансон М.В., Озолин Э.С., Шустин Б.Н. Проблемы совершенствования специальной функциональной подготовленности спортсменов высокого класса в циклических зимних видах спорта с учетом специфики соревновательной деятельности : метод. рекомендации. М. : ФНГБУ ФНЦ ВНИИФК, 2014. 12 с.
17. Абрамова Т.Ф., Никитина Т.М. Особенности пространственного положения туловища, таза и стоп у высококвалифицированных спортсменов-мужчин различных видов спорта // Вестник спортивной науки. 2013. № 3. С. 58–65.
18. Пущина Н.Н. О разгибательном движении в тазобедренном суставе опорной ноги конькобежца // Конькобежный спорт : ежегодник. 2003. № 3. С. 32–40.
19. Houdijk H., de Koning Jos J. Physiological responses that account for the increased power output in speed skating using klapskates // European Journal of Applied Physiology. 2000. № 83. С. 283–288.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 марта 2018 г.

FUNCTIONAL ASYMMETRY OF ELITE SPEED SKATERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 143–148.

DOI: 10.17223/15617793/434/19

Andrey D. Burmistrov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: aburmistrov-fk17@stud.sfu-kras.ru

Aleksandr I. Chikurov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: AChikurov@sfu-kras.ru

Svetlana S. Khudik, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: Zigi136@ya.ru

Svetlana V. Radaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru

Keywords: speed skating; personal asymmetry profile; center of body mass; motor asymmetry.

The key issue of the article is to identify whether constant left-sided turns influence body asymmetrical development during straight-line movement. From the physical point of view, a speed skater is a material body, which means that skating can be comparatively considered as a mechanical motion. Analyzing skating in straight-line zones, it can be noticed that the center of body mass changes its position in a curve that resembles a sine wave. Therefore, while looking at the speed skater's movement in a frontal plane, we can notice that it looks like a regular pendulum motion. The objectives of the current study are: (1) to review the previous scientific research on asymmetry in speed skating; (2) to study scientific data devoted to technical peculiarities of movement in straight-line zones; (3) to analyze the speed skating moves in straight-line zones to identify asymmetry in movements (based on video recordings). Speed skating is an asymmetrical kind of sport. The previous research, reviewed in the context of the current study, proves that constantly repeated left-side turns does have influence on the human body. The most common consequences are defects in feet position with asymmetry and asymmetry of blood circulation in lower limbs. Asymmetry of lower limbs functioning can be clearly identified by analyzing the way different athletes move in straight-line zones. This asymmetry influences the change in the position of athletes' body mass center and the push-off angle. The change in the position towards the push-off leg should be sufficient since the more the change, the more efficient the push-off is. The current study analyzes video recordings of the 2017 World Single Distance Championship held in South Korea to investigate the change of the body mass center position at the beginning of the double support phase. In particular, the authors measured the deflection angle of the body mass center from the initial perpendicular position the athlete was standing during the single support phase. While analyzing the biomechanics of movements, the authors also measured the push-off time during the first and the second phases of skating moves in straight-line zones. The time for gliding and for push-off was found to differ for functional legs. The study results showed that asymmetrical movements of speed skaters influence the change of the body mass center, including changes of the push-off angle during skating at straight-line distances. Moreover, it is concluded that the lower limb motor asymmetry typical for speed skaters has no connection with moving in one direction and performing turns only to the left.

REFERENCES

1. Panov, G.M. (2008) Teoreticheskie osnovy tekhniki skorostnogo bega na kon'kakh [Theoretical foundations of speed skating technique]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Herald*. 6. pp. 141–145
2. Ivanova, G.P. (2010) Razvitie biomekhaniki kak osnova uspekha v olimpiyskom sporte [The development of biomechanics as the basis for success in Olympic sports]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 11. pp. 43–46.

3. Hahn, D. (2008) Force-Length Properties of Leg Extension and Their Implications for Strength Diagnostics. *Proc. ISBS Conference*. Seoul. pp. 120–123.
4. Stenin, B.A. (2000) *Kon'kobezhnyy sport* [Speed skating]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Gemser, P. & Koning, J. (1999) *Rukovodstvo po skorostnomu begu na kon'kakh* [Speed Skating Guide]. Translated from German. Holland.
6. Der Kruk, E.V., den Braver, O., Schwab, A.L., van der Helm, F.C.T. & Veeger, H.E.J. (2016) Wireless instrumented klapskates for long-track speed skating. *Sports Engineering*. 19. pp. 273–281.
7. Petrov, N.I. (1995) *Kon'kobezhnyy sport* [Speed skating]. 3rd ed. Moscow: Fizkul'tura i sport.
8. Polovtsev, V.G. (1997) *Yunyy kon'kobezhets* [Young speed skater]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
9. Khisamutdinova, S.A. & Ermakov, V.V. (2001) Issledovanie struktury dvizheniy kon'kobeztsev [Study of the structure of the movements of skaters]. *Kon'kobezhnyy sport*. 2. pp. 15–22.
10. Der Kruk, E.V., Veeger, H.E.J., van der Helm, F.C.T. & Schwab, A.L. (2005) Design and verification of a simple 3D dynamic model of speed skating which mimics observed forces and motions. *Journal of Biomechanics*. 6. pp. 45–55.
11. Allinger, T.L. (2007) Skating technique for the straights, based on the optimization of a simulation model. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 29. pp. 279–286.
12. Van Ingent Schenau, G.J., De Groot, G. & De Boer, R.W. (2005) The control of speed in elite female speed skaters. *Interfaculty of Physical Education*. 2. pp. 91–96.
13. Makarenko, B.N. (1999) Osnovy rezonansnoy tekhniki skorostnogo bega na kon'kakh [Basics of the resonant technique of speed skating]. In: Panov, G.M. (ed.) *Kon'kobezhnyy sport: ezhegodnik* [Speed Skating: Yearbook]. Moscow: FIZ.
14. Lozowski, E.A. (2013) Model of ice friction for a speed skate blade. *Sports Engineering*. 16. pp. 239–253.
15. De Boer, R.W. & Nilsen, K.L. (2009) The gliding and push-off technique of male and female Olympic speed skaters. *International Journal of Sports Biomechanics*. 5. pp. 119–134.
16. Aranson, M.V., Ozolin, E.S. & Shustin, B.N. (2014) *Problemy sovershenstvovaniya spetsial'noy funktsional'noy podgotovlennosti sportsmenov vysokogo klassa v tsiklicheskih zimnikh vidakh sporta s uchetom spetsifiki sorevnovatel'noy deyatel'nosti: metod. rekomendatsii* [Problems of improving the special functional preparedness of high-class athletes in cyclical winter sports, taking into account the specifics of competitive activity: methodological recommendations]. Moscow: FNGBU FNTs VNIIFK.
17. Abramova, T.F., Nikitina, T.M. (2013) Osobennosti prostranstvennogo polozheniya tulovishcha, taza i stop u vysokokvalifitsirovannykh sportsmenov-muzhchin razlichnykh vidov sporta [Features of the spatial position of the body, hips and feet in highly skilled male athletes of various sports]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 3. pp. 58–65.
18. Pushchina, N.N. (2003) O razgibatel'nom dvizhenii v tazobedrennom sustave opornoj nogi kon'kobezttsa [On the extensor movement in the hip joint of the skater's supporting leg]. In: Panov, G.M. (ed.) *Kon'kobezhnyy sport: ezhegodnik* [Speed Skating: Yearbook]. Moscow: FIZ.
19. Houdijk, H. & de Koning, J. (2000) Physiological responses that account for the increased power output in speed skating using klapskates. *European Journal of Applied Physiology*. 83. pp. 283–288.

Received: 09 March 2018

К ВОПРОСУ О ГОТОВНОСТИ ДЕТЕЙ 4–6 ЛЕТ К ОСВОЕНИЮ ПРИКЛАДНЫХ ГИМНАСТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Рассматриваются вопросы готовности детей к занятиям спортивной гимнастикой. В свою очередь, исследование предполагает выявить способности детей к выполнению гимнастических упражнений и уровень двигательной, физической, функционально-двигательной и специальной подготовленности детей 4–6 лет, занимающихся спортивной гимнастикой. Полученные данные позволили сделать вывод о внесении изменений в тренировочный процесс, связанный с тренировочными задачами и условиями их выполнения. Даны рекомендации к проведению подготовительной, основной и заключительной частей занятия.

Ключевые слова: дети; готовность; базовые элементы; упражнения; спортивная гимнастика.

Актуальность исследования. В сложнокоординационных видах спорта к одному из значимых изменений относится усложнение соревновательных программ. В спортивной гимнастике изменения правил соревнований отразилось, прежде всего, на количестве используемых элементов разных групп сложных – прыжках, равновесиях, пируэтах, акробатических соединениях [1]. Следствием прогрессивного развития спортивной гимнастики является ускорение процесса подготовки спортсменов, а именно совершенствование технологии спортивной подготовки [2].

Учитывая соревновательную деятельность, углубленная специализация в спортивной гимнастике начинается в дошкольном возрасте, а наивысшие достижения демонстрируются к 14–16 годам. Таким образом, на этапе начальной подготовки должен быть сформирован широкий спектр жизненно важных двигательных умений и навыков, разнообразных специальных базовых и специальных движений, создан фундамент физической подготовленности для освоения на последующем этапе сложных двигательных навыков [3].

Проблема исследования заключается в недостатке знаний о готовности детей 4–6 лет к освоению базовых элементов спортивной гимнастики.

Цель исследования – установление готовности детей к выполнению гимнастических элементов.

Объект исследования – физическое воспитание детей 4–6 лет.

Предмет исследования – двигательная, специальная, физическая и функционально-двигательная подготовленность детей 4–6 лет.

Гипотеза исследования. Предположено, что проведение тестирования по методике Кравчука позволит нам определить уровень готовности детей 4–6 лет к освоению базовых элементов спортивной гимнастики.

Методы и организация исследования: теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы по проблеме исследования; педагогическое тестирование; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Педагогическое тестирование двигательной, специально-двигательной, физической и функционально-двигательной подготовленности детей проводилось по следующим тестам (табл. 1, 2):

– Федеральный стандарт спортивной подготовки по спортивной гимнастике (ФССП) для оценки общей и специальной физической подготовленности (ско-

ростная сила, специальная гибкость в тазобедренных суставах и позвоночном столбе, динамическая сила, быстрота, статическая сила) с уточненными нормативными значениями БУ ДО «Специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского комитета № 25», представленными в «Дополнительной общеразвивающей программе с элементами спортивной гимнастики» для зачисления в группу начальной подготовки [4, 5];

– тест А.И. Кравчука (1998) для оценки двигательной (движения руками и ногами, ходьба, бег, равновесие, лазание), физической (ловкость, выносливость, статическая сила, быстрота, скоростная сила, динамическая сила, гибкость) и функционально-двигательной (дифференцировка пространственных параметров, ориентационные способности, координационные способности) подготовленности детей среднего и старшего дошкольного возраста [6].

Тестирование проводилось в течение трех месяцев (август – октябрь 2017 г.) на базе БУ ДО СДЮСШОР № 25 г. Омска. В исследовании приняли участие 20 детей 4–6 лет спортивно-оздоровительных групп (14 девочек и 6 мальчиков).

В соответствии с установленным администрацией БУ ДО СДЮСШОР № 25 регламентом зачисление в группы начальной подготовки осуществлялось при наборе ребенком 16 баллов.

Результаты исследования.

Анализ общей и специальной физической подготовленности детей по тестам ФССП по спортивной гимнастике выявил отсутствие возрастного уровня развития у всех детей 4 лет в двух основных физических качествах (скоростная сила, быстрота), 5 лет – в двух основных (скоростная и динамическая сила) и одном специальном (статическая сила) физическом качестве, 6 лет – в одном специальном физическом качестве (статическая сила), а также у мальчиков 4 и 5 лет – в двух основных (гибкость, быстрота) и в двух специальных (статическая сила и специальная гибкость) физических качествах (табл. 1).

Изучение индивидуального состояния общей и специальной физической подготовленности детей 4–6 лет выявил отсутствие нормативного уровня во всех показателях, следствием чего является невозможность их зачисления в группы начальной подготовки [7].

Количество детей 4–6 лет, выполнивших возрастные нормативы общей и специальной физической подготовленности (ФССП, БУ ДО «СДЮСШОР № 25»)

Подготовленность	Физические качества (тесты)	Нормативы			Количество детей					
		ФССП	БУ ДО «СДЮСШОР № 25»		мальчики			девочки		
			мальчики	девочки	4 года	5 лет	6 лет	4 года	5 лет	6 лет
Общая	Скоростная сила, см (прыжок в длину с места)	Не менее 130 см	1 балл – 120–125 2 балла – 126–130 3 балла – 131–135 4 балла – 136–140 5 баллов – 141–145	1 балл 105–110 2 балла 111–115 3 балла 116–120 4 балла 121–125 5 баллов 126–130	0	0	2	0	0	3
	Гибкость, см (наклон из положения стоя)	Фиксация положения 5 с	1 балл – 15 см, 2 балла – 10 см, 3 балла – 6–9 см, 4 балла – 5 см, 5 баллов – менее 5 см		0	0	1	1	7	3
	Сила, кол-во раз (подтягивание в висе)	–	1 балл – 2 2 балла – 3 3 балла – 4 4 балла – 5 5 баллов – 6	1 балл – 4 2 балла – 5 3 балла – 6 4 балла – 7 5 баллов – 8	0	0	2	1	0	3
	Быстрота, с (бег 20 м)	Не более 4,7 с	1 балл 4,9–5,0 2 балла 4,7–4,8 3 балла 4,5–4,6 4 балла 4,3–4,4 5 баллов 4,0–4,2	1 балл 5,5–5,8 2 балла 5,1–5,4 3 балла 4,7–5,0 4 балла 4,3–4,6 5 баллов 4,0–4,2	0	0	0	0	5	3
Специальная	Статическая сила, с (удержание ног в и.п. – угол в висе)	Не менее 5 с	1 балл – 2 2 балла – 3 3 балла – 4 4 балла – 5 5 баллов – 6	1 балл – 4 2 балла – 5 3 балла – 6 4 балла – 7 5 баллов – 8	0	0	0	1	0	0
	Гибкость, см (шпагат)	–	1 балл – 15 см, 2 балла – 10 см, 3 балла – 6–9 см, 4 балла – 5 см, 5 баллов – менее 5 см		1	0	1	1	4	3
	Гибкость, см (и.п. – лежа на животе прогнувшись, носками коснуться головы («лягушка»))	–	1 балл – 20 см 2 балла – 15 см 3 балла – 6–14 см 4 балла – 5 см 5 баллов – менее 5 см		–	–	–	1	8	3

Сравнительный анализ среднegrupповых показателей общей и специальной физической подготовленности выявил отсутствие достоверных различий между мальчиками и девочками (табл. 2):

– 4 лет – в пяти качествах, за исключением быстроты и специальной гибкости в тазобедренных суставах ($p_0 < 0,05–0,001$);

– 5 лет – в пяти качествах, за исключением скоростной силы и специальной гибкости в тазобедренных суставах ($p_0 < 0,01–0,001$);

– 6 лет – в пяти качествах, за исключением специальной гибкости в тазобедренных суставах ($p_0 < 0,001$).

Изучение коэффициентов вариации (V , %) показателей общей и специальной физической подготовленности выявил полную и среднюю однородность групп мальчиков и девочек (табл. 3):

– 4 лет – в быстроте ($V = 2–5$) и скоростной силе ($V = 21–24\%$), а также у мальчиков в гибкости ($V = 6\%$), девочек – в специальной гибкости позвоночного столба ($V = 18\%$);

– 5 лет – в скоростной силе ($V = 7–18\%$), быстроте ($V = 10–11\%$) и у девочек в специальной гибкости позвоночного столба ($V = 25\%$);

– 6 лет – в скоростной силе ($V = 7–4\%$) и в быстроте ($V = 2–6\%$), у мальчиков в статической силе ($V_{\text{мал}} = 16\%$), у девочек в специальной гибкости позвоночного столба и тазобедренных суставов ($V_{\text{дев}} = 16–6\%$).

Количество детей, выполнивших контрольные упражнения на уровне нормативов по методике А.И. Кравчука

Подготовленность	Показатели / возраст	Мальчики			Девочки		
		4 года	5 лет	6 лет	4 года	5 лет	6 лет
Двигательная	Движения руками, балл	0	0	2	0	7	2
	Движения ногами, балл	0	0	1	0	7	1
	Ходьба, балл	0	0	1	0	4	1
	Бег, балл	0	0	3	0	5	1
	Равновесие, с	0	0	0	1	2	1
	Лазание, балл	0	0	2	0	5	3
Физическая	Ловкость, с	1	0	2	0	2	0
	Выносливость, кол-во раз	0	0	0	1	4	1
	Статическая сила, с	0	0	0	0	1	0
	Быстрота, кол-во раз	0	0	0	2	3	0
	Динамическая сила	0	0	0	1	4	2
	Гибкость, см	1	1	0	1	6	3
Функционально-двигательная	Дифференцировка пространственных параметров, см	0	1	1	1	0	0
	Ориентационные способности, с	0	0	1	0	0	0
	Координационные способности, град	0	3	3	0	6	3

Полученные данные позволяют предположить о возможности подбора для использования на тренировочных занятиях специальных средств и методов без учета пола ребенка для развития:

– на 5-м году жизни (г.ж.) четырех физических качеств: скоростной силы, динамической силы, гибкости и специальной гибкости позвоночного столба;

– на 6-м году жизни (г.ж.) – динамической силы, быстроты, статической силы и специальной гибкости позвоночного столба;

– на 7-м году жизни (г.ж.) – скоростной силы, гибкости, динамической силы, быстроты и статической силы.

С целью получения более полного представления о состоянии моторного потенциала детей, сформированности жизненно важных двигательных навыков, а следовательно, и освоения в будущем более сложных прикладных гимнастических навыков было проведено дополнительное исследование двигательной, физической и функционально-двигательной активности по методике А.И. Кравчука [6. С. 102].

Изучение сформированности жизненно важных двигательных навыков, уровня развития основных физических качеств и функционально-двигательных способностей выявило, что у более половины всех мальчиков и девочек 6 лет отсутствует возрастной уровень в 12 показателях из 15, за исключением бега и координационной способности. При этом у более половины девочек 5 лет соответствие возрастным нормативам отмечается в пяти показателях – движениях руками и ногами, беге, гибкости и координационных способностях, что согласуется с данными А.И. Кравчука [Там же].

Анализ среднegrupповых значений изучаемых показателей выявил отсутствие достоверных различий между мальчиками и девочками 4 лет в шести движениях (движения руками и ногами, ходьба, бег, равновесие, лазание), в шести качествах (выносливость, ловкость, статическая сила, динамическая сила, гибкость) и в двух функционально-двигательных способностях (дифференцировка пространственных параметров, ориентационные способности); у детей

5 лет в пяти движениях (движения руками и ногами, ходьба, равновесие и лазание), четырех качествах (выносливость, статическая и динамическая сила, быстрота) и ориентационной способности. У мальчиков и девочек 6 лет достоверные различия отсутствовали во всех движениях, одном качестве – выносливости, а также, как и у четырех летних детей, в ориентационной способности (табл. 4).

Изучение коэффициентов вариации изучаемых показателей выявило полную и среднюю однородность групп мальчиков в одном движении (бег), двух качествах ловкость и быстрота, функционально-двигательной способности (ориентационная). У девочек полная и средняя однородность групп отмечалась в одном качестве (ловкость) и двух способностях (ориентационная и координационная).

Полученные данные свидетельствуют о необходимости деления детей на три группы (I группа – мальчики 5–6 лет; II – девочки 5 лет; III – девочки 6 лет) с планированием отдельных тренировочных заданий с целью создания средовых условий для формирования жизненно важных двигательных навыков в движения руками и движения ногами, ходьбе, равновесии и лазании, развития выносливости, гибкости, способности к дифференцированию пространственных параметров.

Внутригрупповой корреляционный анализ ($r > 0,7$) показателей подготовленности детей выявил наличие рассогласования в развитии основных движений, физических качеств и функционально-двигательных способностях (табл. 5). По три связи были выявлены у 4-летних детей в скоростной силе (скоростная сила – ловкость ($r = 0,8$), выносливости ($r = 0,8$), гибкости ($r = 0,7$)), у 5-летних детей – в статической силе (статическая сила – скоростная сила ($0,7$), динамическая сила ($r = 0,7$), гибкость ($r = 0,7$)), у 6-летних детей – в быстроте (быстрота – гибкость ($r = 0,8$), ловкости ($r = 0,8$), динамической силе ($r = 0,7$)) и четыре связи выявлено в ловкости: ловкость – статическая сила ($r = 0,9$), быстрота ($r = 0,8$), динамическая сила ($r = 0,7$), гибкость ($r = 0,9$)) (табл. 5).

Таблица 3

Среднегрупповые показатели общей и специальной физической подготовленности детей 4–6 лет, занимающихся спортивной гимнастикой

Возраст / Показатели	4 года				5 лет				6 лет			
	мальчики		девочки		мальчики		девочки		мальчики		девочки	
	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$
Скоростная сила, см	72,5 ± 17,7	24	82,5 ± 17,7	21	106,7 ± 7,6	7	90,0 ± 16,3	18	106,7 ± 7,6	7	110,0 ± 5,0	4
	$P_0 > 0,05$				$P_0 < 0,01$				$P_0 > 0,05$			
Гибкость, см	0,7 ± 0,6	85	1,7 ± 2,1	123	0,7 ± 0,5	71	2,1 ± 1,0	47	1,6 ± 1,1	68	2,6 ± 1,5	57
	$P_0 > 0,05$				$P_0 < 0,001$				$P_0 > 0,05$			
Динамическая сила, кол-во раз	0,6 ± 0,3	50	1,3 ± 2,3	176	1,3 ± 1,5	115	1,3 ± 2,0	153	2,3 ± 0,6	26	3,6 ± 3,2	88
	$P_0 > 0,05$				$P_0 > 0,05$				$P_0 > 0,05$			
Быстрота, с	6,3 ± 0,2	2	6,3 ± 0,3	5	6,0 ± 0,7	11	5,8 ± 0,6	10	5,3 ± 0,1	2	5,3 ± 0,3	6
	$P_0 < 0,05$				$P_0 > 0,05$				$P_0 > 0,05$			
Статическая сила, с	1,3 ± 0,3	23	–	–	5,3 ± 2,3	43	–	–	7,3 ± 1,2	16	–	–
	–				–				$P_0 > 0,05$			
Гибкость, см	5,3 ± 0,3	6	3,0 ± 1,0	33	1,0 ± 0,3	30	3,6 ± 1,0	27	1,6 ± 1,1	68	3,6 ± 0,6	16
	$P_0 < 0,001$				$P_0 < 0,001$				$P_0 < 0,01$			
Гибкость, см	–	–	3,3 ± 0,6	18	–	–	3,9 ± 1,0	25	–	–	5,0 ± 0,3	6
	–				–				–			

Примечание. V % – коэффициент вариации.

Таблица 4

Среднегрупповые показатели двигательной, физической и функционально-двигательной подготовленности детей 4–6 лет, занимающихся спортивной гимнастикой, по методике А.И. Кравчука

Возраст / Показатели	4 года				5 лет				6 лет			
	мальчики		девочки		мальчики		девочки		мальчики		девочки	
	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$	$x_{cp} \pm \sigma$	$V, \%$
Движения руками, балл	1,0 ± 0,6	60	1,0 ± 0,8	80	2,0 ± 1,0	50	2,3 ± 0,7	30	2,0 ± 1,0	50	2,0 ± 1,0	50
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Движения ногами, балл	0,5 ± 0,7	140	0,5 ± 0,7	140	1,6 ± 1,1	69	2,0 ± 0,8	40	2,0 ± 1,1	55	2,0 ± 1,0	50
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Ходьба, балл	0,5 ± 0,9	55	0,5 ± 0,7	140	1,3 ± 1,5	86	1,5 ± 0,8	53	1,3 ± 1,5	115	2,0 ± 1,0	50
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Бег, балл	0,6 ± 0,8	133	0,5 ± 0,7	140	2,6 ± 0,5	19	1,7 ± 1,0	58	2,6 ± 0,5	19	1,7 ± 1,1	64
	$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Равновесие, с	1,0 ± 0,3	30	7,0 ± 7,1	101	16,3 ± 11,3	69	9,1 ± 6,5	71	16,3 ± 11,3	69	10,6 ± 4,7	44
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,05$			
Лазание, балл	0,5 ± 0,7	140	1,0 ± 0,7	70	1,6 ± 0,5	31	2,0 ± 0,9	45	1,6 ± 0,6	38	2,3 ± 0,6	26
	$P_0 > 0,05$				$P_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Ловкость, с	8,2 ± 1,1	13	9,1 ± 0,2	2	6,0 ± 0,4	7	7,9 ± 1,2	15	6,1 ± 0,4	7	7,1 ± 0,2	3
	$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,01$				$p_0 < 0,01$			
Выносливость, кол-во раз	2,0 ± 3,1	155	3,5 ± 4,9	140	6,3 ± 2,8	44	4,8 ± 5,2	108	6,3 ± 0,5	8	2,8 ± 6,5	232
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Статическая сила, с	2,5 ± 1,3	52	1,5 ± 2,1	140	3,3 ± 3,0	90	2,8 ± 5,2	185	3,3 ± 0	24	3,1 ± 0	23
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,05$			
Быстрота, кол-во раз	5,0 ± 0,6	12	1,5 ± 0,7	47	5,0 ± 1,0	20	4,1 ± 1,9	46	5,0 ± 1,0	20	3,3 ± 0,6	18
	$p_0 < 0,01$				$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,05$			
Динамическая сила, кол-во раз	1,5 ± 2,1	140	4,5 ± 6,4	142	6,6 ± 1,1	16	9,8 ± 5,0	51	6,6 ± 1,1	16	12,3 ± 3,5	28
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,01$			
Гибкость, см	4,0 ± 5,7	142	8,0 ± 7,1	89	2,3 ± 2,0	87	6,8 ± 2,4	35	2,3 ± 2,1	91	12,3 ± 3,2	26
	$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,01$				$p_0 < 0,001$			
Дифференцировка пространственных параметров, см	2,5 ± 3,5	140	10,0 ± 7,1	71	3,6 ± 3,2	89	9,5 ± 5,2	55	3,6 ± 3,2	88	7,4 ± 0,8	10
	$p_0 > 0,05$				$p_0 < 0,05$				$p_0 < 0,05$			
Ориентационные способности, с	38 ± 4,2	11	36 ± 0,6	2	27,3 ± 17,3	63	33,8 ± 3,9	12	27,3 ± 1,1	4	31,3 ± 4,6	14
	$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$				$p_0 > 0,05$			
Координационные способности, град	180 ± 21,2	112	145 ± 0,8	1	230,0 ± 17,3	8	176,4 ± 22,8	13	230,0 ± 17,3	7	200,0 ± 20,0	10
	$p_0 < 0,05$				$p_0 < 0,001$				$p_0 < 0,05$			

Примечание. См. табл. 3.

Межвидовой корреляционный анализ двигательной, физической и функционально-двигательной подготовленности выявил наличие показателей имеющих по 3–4 высоких связи у 4-летних детей в движениях ногами

(3), ходьбе (3), гибкости (4); 5-летних детей – в скоростной силе (3) и выносливости (3); у 6-летних детей – в быстроте (3) и равновесии (3), выносливости (3), гибкости (3) и статической силе (3). При этом наибольшее количество связей (5) отмечалось у детей

6 лет в дифференцировке пространственных параметров (табл. 5). Полученные данные свидетельствуют о наличии рассогласования в развитии двигательных способностей детей, что согласуется с данными исследований М.П. Мухиной [7. С. 41, 52, 64; 8].

Таблица 5

Корреляционные взаимосвязи ($r>0,7$) двигательной, физической и функционально-двигательной подготовленности мальчиков и девочек

Связь	Подготовленность	Возраст		
		4 года	5 лет	6 лет
Внутри-видовая	ДП	Х-Р (0,9)	ДР-ДН (0,8) Х-Б (0,7) Б-Р (0,7)	ДР-ДН (0,8) Х-Б (0,7) Б-Р (0,7)
	ФП	Лк - СкС (0,8) В-Бс(0,7) В-СкС (0,7) В-ДС (0,9) СтС-Г (0,7) СкС-ДС(0,9)	СтС-СкС (0,7) СтС-ДС (0,7) СтС-Г(0,7) Бс-Г (0,8)	Лк-СтС (0,9) Лк-Бс(0,8) Лк-ДС(0,7) Лк-Г (0,9) СтС-Бс (0,9) Бс-ДС(0,7) Бс-Г (0,8)
	ФДП	ДПП-КС (0,9)	ОС-КС (0,7)	ОС-КС (0,7)
Межвидовая	ДП-ФП	ДН-СкС (0,9) ДН-ДС (0,8) ДН-Г (0,9) Х-Г (0,8) Б-Г (0,8) Р-Г (0,7) Л-Лк (0,8) Л-СкС (0,7)	ДР-СкС (0,9) ДН-В (0,7) ДН-СкС (0,9) Х-В (0,7) Б-В (0,7) Б-Г (0,7) Р-СтС (0,8) Р-БС (0,8)	ДР-СкС (0,9) ДН-В (0,7) ДН-СкС (0,9) Х-В (0,7) Б-В (0,7) Б-Г (0,7) Р-СтС (0,8) Р-БС (0,8)
	ДП-ФДП	Х-ДПП (0,9) Х-КС(0,9) Б-ДПП (0,9) Б-КС (0,9) Р-ДПП (0,9) Р-КС (0,9)	СкС- ДПП (0,7) СкС - ОС (0,7)	Б-ОС (0,9) Б-КС (0,9) Р-ДПП (0,7)
	ФП-ФДП	Г-КС (0,7) Г-ДПП (0,9) СтС-ОС (0,9)		Л-ДПП (0,8) Лк-КС(0,8) Лк -Г (0,9) СтС-ДПП (0,8) СтС-КС (0,8) Бс-ДПП(0,8) Г-КС (0,8) Г-ДПП (0,8) Г-ОС (0,7)

С учетом полученных результатов исследований в методику спортивной тренировки должны быть внесены изменения, связанные с содержанием тренировочных заданий и условиями их выполнения.

В качестве рекомендаций можно использовать:

– в подготовительной части тренировочных занятий сочетание разновидностей ходьбы, бега с выполнением двигательных действий других структурных групп (например, в центре боковой линии прыжок толчком двух в обруч диаметром 70 см; прыжок на 360° толчком двух по звуковому сигналу);

– в основной части тренировочных занятий необходимо так обучать двигательным действиям, чтобы у занимающихся сразу создавалось представление о выполнении какого-либо гимнастического упражнения (например, при обучении кувырку вперед, наклон стоя толчком двумя перекаат на лопатки прийти в упор присев);

– в заключительной части тренировочных занятий следует обратить внимание на снижение нагрузки (например, задавать упражнения на внимание, музыкальные и танцевальные упражнения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федерация спортивной гимнастики России. 2006–2017. URL: <http://sportgymrus.ru>
2. Аркаев Л.Я. Методологические основы современной системы подготовки гимнастов высшего класса // Теория и практика физической культуры. 1997. № 11. С. 17–25.
3. Верхошанский Ю.В. Горизонты научной теории и методологии спортивной тренировки // Теория и практика физической культуры. 1998. № 7. С. 41–54.
4. URL: <http://www.garant.ru/product>
5. БУ ДО города Омска «СДЮСШОР № 25». 2018. URL: <http://omsksdushor25.ucoz.net>
6. Кравчук А.И. Физическое воспитание детей раннего и дошкольного возраста (научно-методические и организационные основы гармоничного дошкольного комплексного физического воспитания). Новосибирск : [Б. и.], 1998. Ч. 2, 3. 136 с.

7. Кирьяш Н.С., Мухина М.П. Физическая подготовка девочек 4–6 лет, занимающихся спортивной гимнастикой // Современные тенденции развития теории и методики физической культуры, спорта и туризма : матер. II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. М., 2018. С. 146–150.
8. Мухина М.П. Педагогическая система физического воспитания детей дошкольного возраста. Омск : Изд-во СибГУФК, 2017. 167 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 июля 2018 г.

ON THE ISSUE OF FOUR- TO SIX-YEAR-OLD CHILDREN'S PREPAREDNESS TO MASTER APPLIED GYMNASTIC EXERCISES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 149–154.

DOI: 10.17223/15617793/434/20

Natalia S. Kiryash, Siberian State University of Physical Education and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: natasha_240892@mail.ru

Keywords: children; preparedness; basic; elements; exercises; gymnastics.

The consequence of progressive development of gymnastics is acceleration of athletes' training process, namely, improvement of sport training technology. In this regard, at the stage of initial training, a wide range of vital motor skills, various special basic movements should be formed. Foundation of physical preparedness for mastering complex motor skills at a subsequent stage is created. The problem of the research is the lack of knowledge on four- to six-year-old children's preparedness to master basic elements of gymnastics. The aim of the study is to establish preparedness of children to perform gymnastic elements. Methods and organization of research are theoretical analysis and generalization of scientific and methodological literature on the research problem; pedagogical testing; pedagogical experiment; methods of mathematical statistics. Testing was conducted from August to October 2017 on the basis of the Budgetary Institution of Preschool Education of Specialized Children's Youth Olympic Reserve School No. 25 in Omsk. 20 children aged four to six of sport and health groups (14 girls and 6 boys) took part in the study. In the course of the study, pedagogical testing of motor, special-motor, physical and functional-motor preparedness of children was conducted according to the Federal Standard of Sport Training in Artistic Gymnastics. In order to obtain a more complete understanding of formation of vital motor skills, and development of more complex applied gymnastic skills in future, an additional study of motor, physical and functional-motor preparedness was carried out according to the method of A.I. Kravchuk. The following conclusions were made: (1) the individual state of general and special physical preparedness of children aged four to six has revealed absence of a normative level in all indicators, the consequence of which is the impossibility of their enrollment in initial training groups; (2) the study of the vital motor skills formation, the level of basic physical qualities and functional and motor abilities development have revealed that more than half of all boys and girls have no age level in 12 indicators out of 15; (3) the analysis of the mean group values of the studied indicators revealed a lack of significant differences between four-year-old boys and girls in six movements, in six qualities and in two functional-motor abilities; in five-year-old children in five movements, four qualities; in six-year-old boys and girls reliable distinctions were absent in all movements, one quality; (4) the findings indicate the need to divide children into three groups (group I – boys aged five to six, group II – girls aged five, group III – girls aged six) with planning of individual training assignments in order to create environmental conditions for vital motor skills formation.

REFERENCES

1. Sportgymrus.ru. (2017) *Federatsiya sportivnoy gimnastiki Rossii. 2006–2017* [Federation of Artistic Gymnastics of Russia. 2006–2017]. [Online] Available from: <http://sportgymrus.ru>.
2. Arkaev, L.Ya. (1997) Metodologicheskie osnovy sovremennoy sistemy podgotovki gimnastov vysshego klassa [Methodological foundations of the modern system of training gymnasts of the highest class]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 11. pp. 17–25.
3. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1998) Gorizonty nauchnoy teorii i metodologii sportivnoy trenirovki [The horizons of the scientific theory and methodology of sports training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 7. pp. 41–54.
4. Garant.ru. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/product>.
5. Omsksdushor25.ucoz.net. (2018) BU DO goroda Omska "SDYuSShOR № 25" [Budgetary Institution of Preschool Education of Specialized Children's Youth Olympic Reserve School No. 25]. [Online] Available from: <http://omsksdushor25.ucoz.net>.
6. Kravchuk, A.I. (1998) *Fizicheskoe vospitanie detey rannego i doshkol'nogo vozrasta (nauchno-metodicheskie i organizatsionnye osnovy garmonichnogo doshkol'nogo kompleksnogo fizicheskogo vospitaniya)* [Physical education of children of early and preschool age (scientific, methodological and organizational bases of harmonious preschool complex physical education)]. Parts 2, 3. Novosibirsk: [s.n.].
7. Kir'yash, N.S. & Mukhina, M.P. (2018) [Physical training of girls aged 4–6 who do gymnastics]. *Sovremennye tendentsii razvitiya teorii i metodiki fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma* [Modern trends in the development of the theory and methods of physical culture, sports and tourism]. Proceedings of the Conference. Moscow. pp. 146–150. (In Russian).
8. Mukhina, M.P. (2017) *Pedagogicheskaya sistema fizicheskogo vospitaniya detey doshkol'nogo vozrasta* [Pedagogical system of physical education for children of preschool age]. Omsk: Izd-vo SibSUFC.

Received: 10 July 2018

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ В АЭРОБНОЙ ГИМНАСТИКЕ

Рассмотрена проблема психологического сопровождения подготовки аэробистов высокой квалификации. Представлены результаты психологической и психофизиологической диагностики 20 членов сборной команды России по спортивной аэробике. Обоснована актуальность и описаны методы психологического сопровождения подготовки аэробистов. Описано содержание техники идеомоторной тренировки для аэробистов, повышающей эффективность выполнения сложных элементов соревновательной программы.

Ключевые слова: психологическое сопровождение; спортивная аэробика; высококвалифицированные спортсмены; индивидуально-личностные особенности; психофизиологическая диагностика; идеомоторная тренировка.

В связи с неуклонным повышением требований к уровню физической, технико-тактической подготовленности и сложности соревновательных программ важное место в процессе подготовки высококвалифицированных аэробистов занимает психологическое сопровождение спортивной деятельности.

Термин «психологическое сопровождение» пришел в спортивную деятельность из общей и социальной психологии на смену термину «психологическое обеспечение», под которым традиционно понимали комплекс мероприятий, направленных на специальное развитие, совершенствование и оптимизацию систем психического регулирования функций организма и поведения спортсмена с учетом задач тренировки и соревнования [1–4].

Либерализация образовательной политики России в конце XX в., смена парадигм образования с «зунувской», в рамках которой осуществлялась подготовка обучающихся к выполнению определенных социальных и профессиональных функций, на «личностно-деятельностную», или «компетентностную», ориентированную на развитие всея способности и субъектного опыта личности, оказала существенное влияние на все сферы жизни общества, в том числе и на спорт. Как и в образовательном процессе, в спорте менялось отношение к спортсмену как объекту спортивной деятельности – на восприятие его субъектом собственного развития, тренировочного и соревновательного процесса.

«Сопровождать» можно только то, что имеется в наличии, когда к факту возможностей, предоставляемых «извне», присоединяется факт «собственного движения» субъекта навстречу стимулам среды.

В данном контексте психологическое сопровождение в спорте – это системная деятельность, которая, по мнению С.К. Багадировой, включает в себя психологическую подготовку, психологическую готовность и подготовленность [5].

«Психологическое сопровождение в спорте означает содействие в достижении максимальных для данного спортсмена результатов и создании благоприятных условий для его профессионального и личностного развития, и осуществляться оно должно на всех этапах спортивной карьеры» [6].

Таким образом, вслед за Г.Д. Горбуновым, Н.Б. Стамбуловой, В.Г. Сивицким, Е.Е. Хвацкой под психологическим сопровождением спортивной дея-

тельности мы понимаем системную деятельность по изучению психолого-педагогического статуса спортсмена и динамики его психического состояния, создание благоприятных социально-психологических условий для обучения, развития и коррекции свойств и качеств личности спортсмена [7].

Основная цель психологического сопровождения состоит в контроле и коррекции психологического состояния спортсменов, а также в формировании свойств и качеств личности, способствующих повышению эффективности тренировочного процесса и стабильности спортивных результатов.

Не вызывает сомнений то, что тренировочный процесс высококвалифицированных спортсменов должен быть ориентирован не только на соответствие требованиям вида спорта к психофизическим кондициям и двигательному опыту спортсмена, но и на его индивидуальные психологические особенности. Согласно Е.П. Ильину, «при долгосрочном отборе необходимо выделить не определенную особенность по типу личности, а комплекс свойств личности, которые благоприятно отразятся в избранном виде спорта» [8].

Понятно, что каждый вид спорта, наряду с общими для всех (целеустремленность, дисциплинированность, стрессоустойчивость, высокая мотивация достижения и др.), предъявляет специфические требования к свойствам и качествам личности спортсмена. Причем одни и те же качества личности спортсмена могут способствовать успеху в одних видах спорта и препятствовать ему в других. К примеру, высокая эмоциональность будет помогать спортсмену в спортивных танцах, но мешать в шахматах или стрельбе, а высокий рост станет визитной карточкой в баскетболе и создаст немало проблем в спортивной гимнастике. Причем в таких родственных, на первый взгляд, видах спорта, как спортивная и художественная гимнастика, предпочтительными типологическими особенностями свойств нервной системы будут инертность процессов возбуждения и торможения, при этом спортивная гимнастика требует от своих спортсменов сильной нервной системы, а к художественной, более творческой по содержанию, расположены спортсмены с высокой степенью нейротизма и более тонкой организацией [9].

Спортивная аэробика является одним из динамичных, эмоциональных, зрелищных видов спорта, которые требуют предельного проявления физических,

психологических качеств и технико-тактических умений [10]. Достижение мировых результатов в данном виде спорта характеризуется выполнением соревновательной программы высокой интенсивности, которая содержит элементы спортивной и художественной гимнастики, спортивной акробатики [11, 12]. При этом повышение объема нагрузок в тренировочном процессе не всегда способствует достижению поставленного результата [11]. Поскольку аэробная гимнастика дает возможность спортсмену выступать в трех различных дисциплинах [Там же], то ему необходимо психологически настраиваться непосредственно перед выходом на площадку несколько раз за один соревновательный день [12].

Исходя из этого, тренерский штаб должен контролировать психологическую готовность спортсменов на протяжении тренировочного процесса и в ходе соревновательной деятельности [13], учитывая индивидуально-личностные особенности спортсмена. Главной проблемой остается выявление уровня готовности спортсмена к основным стартам сезона с учетом анализа научных данных [14, 15]. Поскольку в основе любого двигательного действия лежат психические и физиологические механизмы [16], то выявление и тех и других показателей является актуальным.

Цель исследования – выявить особенности психологического состояния членов сборной команды России по спортивной аэробике разработать рекомендации по психологическому сопровождению подготовки высококвалифицированных аэробистов.

Методика и организация исследования. Обследование высококвалифицированных аэробистов про-

водилось с января по ноябрь 2017 г. на тренировочных базах городов Екатеринбурга, Омска, Москвы, Вроцлава (Польша), в период подготовительного и соревновательного этапа. В исследовании приняли участие 20 спортсменов: 10 женщин и 10 мужчин, из которых 1 заслуженный мастер спорта, 8 мастеров спорта России международного класса и 11 мастеров спорта России.

Для изучения индивидуально-личностных особенностей спортсменов мы использовали методики: мотивация достижения успеха и избегания неудач (по Элерсу); психическая надежность спортсмена (по Мильману); самооценка личности (по Будаси, интерпретированная Ю.Я. Киселевым); типы темперамента (по Айзенку). Для изучения психофизиологических особенностей мы использовали модуль психомоторных тестов УПФТ – 1/30 «Психофизиолог».

Результаты и их обсуждение. Изучение индивидуально-личностных особенностей женщин сборной команды России показало, что в основном для них характерен очень высокий уровень мотивации к достижению успеха, высокий или средний уровень мотивации избегания неудач, сниженный уровень психической надежности, адекватно высокая самооценка личности. Изучение индивидуально-личностных особенностей мужчин сборной команды России показало, что в основном для них характерен умеренно высокий уровень мотивации к достижению успеха и средний уровень мотивации избегания неудач, сниженный уровень психической надежности, адекватно высокая самооценка личности (табл. 1).

Таблица 1

Показатели индивидуально-личностных особенностей в спортивной аэробике

Тест \ Пол	Женщины	Мужчины
	$\bar{X} \pm \sigma$	$\bar{X} \pm \sigma$
Самооценка личности	$0,66 \pm 0,2$	$0,72 \pm 0,2$
Мотивация к достижению успеха	$20,8 \pm 3$	$20,2 \pm 1,9$
Мотивация к избеганию неудач	$16,9 \pm 4$	$15,5 \pm 5$
Психическая надежность	$-5,9 \pm 5,9$	$-2,5 \pm 5,8$

Персональные данные свидетельствуют, что у 5 спортсменок сборной команды России по спортивной аэробике преобладает адекватно высокая самооценка личности, у трех – адекватная, у одной – заниженная самооценка, и только одна спортсменка имеет завышенную самооценку, и именно она является заслуженным мастером спорта России.

Показатели уровня мотивации аэробисток свидетельствуют о том, что у 2 спортсменок слишком высокая мотивация к избеганию неудач, у 5 – высокий уровень, а у 3 – средний уровень мотивации. При этом большинство спортсменок имеют очень высокий уровень мотивации к успеху, две аэробистки показали средний уровень, и только у одной выявлен умеренно высокий уровень.

Психическая надежность, свидетельствует о снижении уровня устойчивости функционирования психических процессов у семи спортсменок, и только у трех наблюдалось ее повышение.

У шести спортсменов-мужчин, членов сборной команды России по спортивной аэробике преобладает адекватно высокая самооценка личности, у двух – адекватная, у трех – заниженная, у трех – завышенная.

Показатели уровня мотивации аэробистов свидетельствуют о том, что у одного спортсмена слишком высокая мотивация к избеганию неудач, у двух – высокая, у пяти – средняя, у трех – низкая. При этом ни у одного из мужчин не выявлен низкий и средний уровень мотивации к успеху, шесть спортсменов показали умеренно высокий уровень, а четыре – слишком высокий уровень мотивации.

Психическая надежность спортсменов, свидетельствует о снижении уровня у семи мужчин, у трех наблюдалось ее повышение. Все полученные данные согласуются со свойствами темперамента аэробистов.

По результатам опросника Айзенка, было выявлено, что четыре спортсменки являются холериками, три – сангвиниками и трое – меланхоликами. Флегматиче-

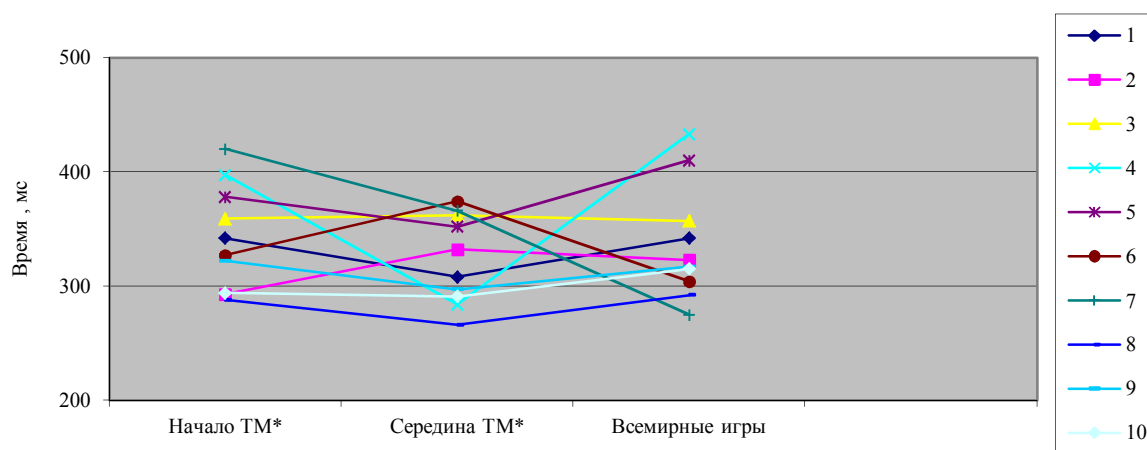
ский тип личности у женской сборной команды не выявлен. Также мы определили, что среди женщин в сборной команде России 50% амбивертов, 40% экстравертов и 10% интровертов; 50% аэробисток имеют эмоциональную впечатлительность, 30% – расшатанность нервной системы, 20% – эмоционально устойчивы. При этом расшатанность нервной системы демонстрируют женщины каждого типа темперамента.

В мужской сборной команде, по опроснику Айзенка, было выявлено, что пять спортсменов являются сангвиниками, трое – холериками, два – флегматиками. Также было определено, что среди мужчин 50% амбивертов, 40% экстравертов и 10% интровертов; в состоянии эмоциональной устойчивости находятся 40% мужчин, эмоциональной впечатлительности – 60%. Расшатанности нервной системы не выявлено. На основе полученных данных по свойствам темперамента мы использовали индивидуализацию учебно-тренировочного процесса по Б.А. Вяткину, в рамках которой для эмоционально впечатлительных (возбудимых) спортсменов необходимо обязательное обучение методам регулирования эмоциональных состояний, мягкое общение со стороны тренера в условиях соревновательной деятельности, а для экстравертированных гимнастов он предлагает требовать систематической работы над собой и ограничения чрезмерного общения в условиях соревнований [17].

Таким образом, для оптимизации тренировочной и соревновательной деятельности всем спортсменам сборной России с низкой мотивацией к избеганию неудач, понижением уровня психической надежности, заниженной самооценкой мы рекомендовали и обеспечили психологическое сопровождение и поддержку: целеполагание на основы смыслополагания, рефрейминг, индивидуальную разминку, массаж, дыхательные упражнения, аутогенную тренировку.

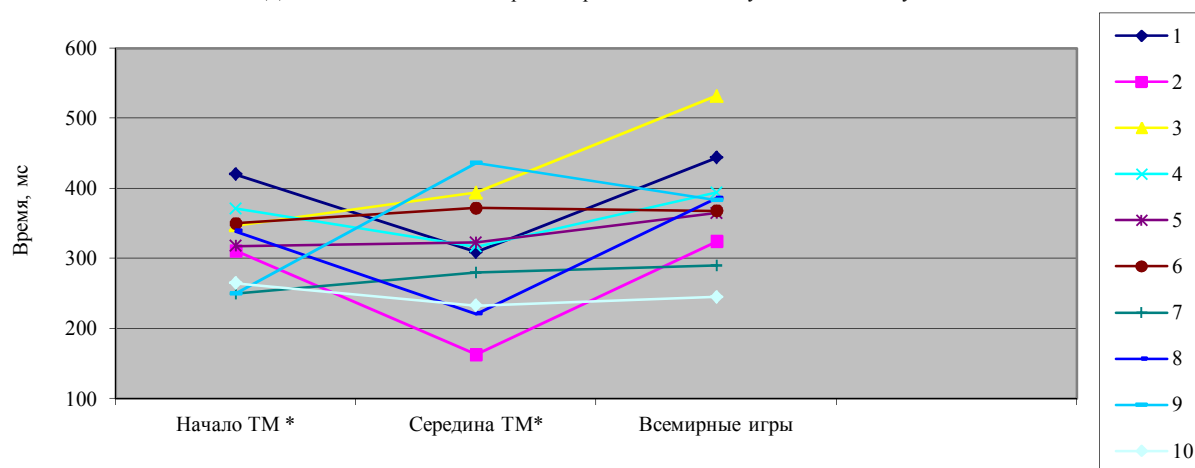
Далее мы перешли к тестированию психомоторного состояния спортсменов. Психомоторная диагностика проводилась в три этапа: начало, середина тренировочного мероприятия (сбора) и день соревнований Всемирных игр. На первом этапе было предложено 16 тестов – 8 на модуле психомоторных тестов и 8 на базовом устройстве УПФТ-1/30-«Психофизиолог»; на втором – 3 теста модуля психомоторных тестов. На третьем – по 3 теста модуля и базового устройства. Прослежена динамика показателей по таким тестам, как СЗМР-СК – сложная зрительно-моторная реакция в ответ на световые комбинации, ФПНП – функциональная подвижность нервных процессов, АСС – анкета самооценки состояния и ШДЦ – шкала депрессии Цунга.

Вначале мы предложили членам сборной команды пройти тест СЗМР-СК, его результаты представлены на рис. 1 и 2.

* ТМ – тренировочное мероприятие

Рис. 1. Динамика минимального времени реакции на световую комбинацию у женщин

* ТМ – тренировочное мероприятие

Рис. 2. Динамика минимального времени реакции на световую комбинацию у мужчин

На двух графиках видно, что большинство спортсменов показали лучшие результаты в середине тренировочного мероприятия, а вначале ТМ и на Всемирных играх результаты минимального времени реакции были хуже. Объяснить это можно тем, что первые дни сборов у спортсменов отражают волнение в связи с предстоящей подготовкой. Поскольку большинство аэробистов находились не в лучшей спортивной форме, а 4 из 5 соревновательных программ были новыми, это являлось фактором психологической неуверенности. Выступление на Всемирных играх, важнейших

соревнованиях, которые проводятся раз в четыре года для неолимпийских видов спорта, также является сильнейшим стресс-фактором.

Следующим тестом был ФПНП – функциональная подвижность нервных процессов по А.Е. Хильченко. Результаты представлены в табл. 2 и 3. Основой этого теста является способность спортсмена за кратчайший промежуток времени дать верный ответ на световую стимуляцию. Методика направлена на выявление индивидуальных особенностей функций восприятия, внимания и мышления.

Таблица 2

Динамика показателей подвижности нервных процессов у женщин в спортивной аэробике

Этап	Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Начало ТМ	Всего стимулов	243	202	207	226	270	283	291	280	264	233
	Правильных	134	109	113	125	148	153	158	155	143	120
	Ошибочных	109	93	94	101	122	130	133	125	114	113
	Балл	10	6	7	9	10	10	10	10	10	10
Середина ТМ	Всего стимулов	246	271	225	275	253	265	268	280	241	257
	Правильных	135	152	124	148	138	146	147	153	138	141
	Ошибочных	111	119	101	127	115	119	121	127	104	116
	Балл	10	10	9	10	10	10	10	10	10	10
Всемирные игры	Всего стимулов	256	241	237	260	284	283	260	260	253	249
	Правильных	142	125	124	142	155	154	142	142	141	137
	Ошибочных	114	116	113	118	129	129	114	118	112	112
	Балл	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10

Таблица 3

Динамика показателей подвижности нервных процессов у мужчин в спортивной аэробике

Этап	Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Начало ТМ	Всего стимулов	238	269	262	263	215	302	236	273	210	275
	Правильных	129	147	143	140	119	164	129	149	114	149
	Ошибочных	109	122	119	123	96	138	107	124	96	126
	Балл	10	10	10	10	8	10	10	10	7	10
Середина ТМ	Всего стимулов	216	253	232	261	241	262	255	292	269	287
	Правильных	113	134	128	142	131	146	139	160	146	157
	Ошибочных	103	119	104	119	110	116	116	132	123	130
	Балл	8	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Всемирные игры	Всего стимулов	233	291	276	266	283	264	266	286	277	284
	Правильных	128	156	152	146	154	144	147	156	150	155
	Ошибочных	105	135	124	120	129	118	119	130	127	129
	Балл	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10

Исследование показало, что у двух спортсменок на период начала ТМ было состояние, отражающее средние показатели функциональной подвижности нервных процессов. Однако уже к середине ТМ все спортсменки продемонстрировали очень высокую ФПНП, хотя одна все еще не получила максимально возможный балл этого теста. Но в день соревнований все прошли тест на 10 баллов.

У мужчин такая же картина: двое спортсменов не смогли получить максимальный балл. По результатам теста на начало ТМ они имели высокую ФПНП. Однако эти же спортсмены к середине ТМ показали очень высокий уровень ФПНП, что не удалось сделать одному спортсмену. Но в день соревнований все мужчины прошли тест на максимальный балл.

Следующим тестом было определение уровня депрессивных состояний по шкале Цунга (табл. 4).

По результатам шкалы депрессии Цунга выявлено, что двое мужчин и одна женщина из сборной команды находились на границе между нормальным состо-

янием и легкой депрессией в начале тренировочного мероприятия. Причем на последний день сборов мужчины показали результаты, характеризующие нормальное функциональное состояние, а женщина осталась в своем пограничном состоянии.

Далее мы предложили заполнить анкету самооценки состояния, которая направлена на выявление субъективных показателей самочувствия и возможных соматических жалоб мужчин и женщин в сборной команде (табл. 5).

Результаты исследований показали, что одна спортсменка, которая находилась в легкой депрессии, оценила свое состояние на начало подготовки к Всемирным играм удовлетворительно, в то время как все остальные женщины на этом же этапе подготовки оценили свое самочувствие как хорошее. На основе двух вышеизложенных тестов мы можем предположить, что эта спортсменка была взволнована на протяжении всего тренировочного мероприятия, в связи с чем не могла в полной мере справиться с нагрузками.

Динамика баллов ШДЦ членов сборной команды России по спортивной аэробике

Этап	Пол	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Начало ТМ, балл	Ж	49	35	32	38	41	43	29	38	37	44
	М	27	32	30	36	36	35	49	29	33	49
Всемирные игры, балл	Ж	49	32	38	35	45	41	36	44	42	42
	М	44	39	26	36	41	35	46	35	30	46

Таблица 5

Динамика самооценки самочувствия членов сборной команды России по спортивной аэробике

Этап	Пол	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Начало ТМ, балл	Ж	29	38	35	39	41	40	41	40	39	40
	М	48	29	49	36	37	34	31	46	46	31
Всемирные игры, балл	Ж	37	42	35	44	41	37	40	43	37	36
	М	24	38	39	37	31	36	29	38	46	29

На начало тренировочного мероприятия у мужчин три спортсмена считали свое самочувствие удовлетворительным. В конце сборов выявлено улучшение самочувствия до хорошего только у одного спортсмена, а у других двух спортсменов оценка субъективного самочувствия осталась удовлетворительной. Подобная ситуация предполагает необходимость психологической поддержки в течение тренировочного мероприятия и перед основным стартом.

Кроме этого, важно учитывать, что достижение высоких результатов в гимнастических видах спорта в большей степени зависит от выполнения элементов с высокой точностью и тренировочный процесс предполагает многочисленное повторение элементов и доведение их техники до идеальной или близкой к ней. Высококвалифицированный аэробиист выполняет десятки миллионов элементов разной сложности в течение своей карьеры, на основе этих умений и опыта он должен быть способен в мельчайших подробностях мысленно воспроизвести тот или иной элемент. Именно этот повторяемый из дня в день субъективный двигательный опыт выполнения элементов является основой идеомоторных процессов. Однако, как показывает практика, не все аэробиисты способны максимально точно по пространственно-временным и силовым характеристикам, последовательно и достоверно описать словесно и представить мысленно выполнение сложного двигательного действия, иногда, затрудняясь даже отделить технически верно выполненные элементы от ошибочных попыток. Все вышеизложенное актуализирует необходимость обучения спортсменов методам идеомоторной тренировки и саморегуляции психоэмоциональных состояний и деятельности.

Таким образом, психологическое сопровождение высококвалифицированных аэробиистов, на наш взгляд, должно стоять наравне с процессом физической, технической и тактической подготовки, и включает в себя: выявление и контроль индивидуально-типологических и личностных особенностей аэробиистов; учет этих особенностей в тренировочном и соревновательном процессе через составление индивидуальных тренировочных и соревновательных программ; обучение спортсменов методам целеполагания на основе смыслополагания, модерации и маскировки целей для формирования мотивации тренировочной и соревновательной деятельности; подбор и освоение

методов саморегуляции психоэмоциональных состояний; освоение идеомоторной тренировки для отработки техники соревновательных упражнений.

Опишем отдельные методы. Метод целеполагания на основе смыслополагания необходим для осознания и актуализации личностных смыслов активности спортсмена при постановке целей двигательных действий (упражнений, деятельности) как смысла для себя лично. Подобную задачу мы решаем с помощью осознания спортсменом ответов на такие вопросы: зачем я выполняю это упражнение? Что даст это упражнение для меня лично? Что будет, если я сделаю или не сделаю его? Как оно поможет мне на соревнованиях? Такой прием, как «маскировка целей», применяем для снижения результирующего психического напряжения (в силу непредсказуемости соревновательного результата) на основе смещения акцентов на процессуальное психическое напряжение в деятельности, перенося внимание с результата (необходимо стать чемпионом) на процесс (необходимо качественно работать), на основе установки у спортсмена на решение конкретных, практических, достигаемых задач.

При обучении идеомоторной тренировки, которая применяется во время отдыха между тренировками и перед выступлением, мы делаем акцент на проговаривании (вербализация) схемы двигательных действий, а также мысленном в мельчайших подробностях образном их воспроизведении (визуализация), что способствует повышению точности выполнения элементов по А.Ц Пуни на 34%. При этом идеомоторика имеет большее значение при выполнении сложнокоординационных движений или элементов совместно с практическим выполнением, т.е. в тех случаях, когда спортсмен за доли секунды последовательно прорабатывает мини-задачи для качественного исполнения элемента.

В свою очередь, ошибки спортсменами-аэробиистами допускаются при несогласованности мыслей с выполняемым движением. Подобные ошибки чаще всего допускаются на крупных соревнованиях, прикидках либо при изучении нового элемента, т.е. тогда, когда мышечная память еще недостаточно сформирована, либо мышечное чувство затормаживается в связи с эмоциональным напряжением, утомлением, отвлечением.

В ходе исследований нами была проработана и внедрена техника идеомоторной тренировки для

аэробистов, следуя которой спортсмены уверенно, беспрепятственно и экономично выполняли элемент из соревновательной программы.

Мы считаем, что для выполнения элементов большой сложности на высоком уровне необходимо:

1) поставить двигательную задачу, применив актуализацию личностных смыслов выполнения упражнения;

2) создать идеальный мысленный образ техники исполнения двигательного действия (ДД) через создание его ориентировочной основы по трем образам: логическому, зрительному и двигательному;

3) проговорить алгоритм выполнения ДД с акцентом на основных опорных точках (от 3 до 7 единиц). Подготовить словесную формулу хотя бы для основных элементов программы: «Я смогу... шаг... наскок... стопы ровно... прыжок максимально вверх... поворот... плечи положить... ноги поднять... поворот... ловить раньше... приземление... держать упор лежа... Есть. Готово».

4) визуально воспроизвести ДД с акцентом на основных опорных точках;

5) мысленно выполнить ДД, виртуально подключив моторный компонент с акцентом на основных опорных точках. То есть присоединить к логическому и зрительному образу еще и мышечно-двигательный, а именно заставить работать те мышечные группы, которые будут задействованы при выполнении элемента в реальной практике;

6) многократно мысленно повторить упражнение, постепенно сворачивая детализированную ориентировочную основу ДД от контроля по всем параметрам и всем точкам движения до контроля по основным опорным точкам, а потом с контролем в начале и в конце ДД;

7) провести самоанализ и оценку выполнения ДД с последующей коррекцией ошибок.

На основе опроса членов сборной команды выявлено, что есть спортсмены, которые во время мыслен-

ного прогона непосредственно перед турниром «валяют» один или сразу несколько элементов. И поскольку неудачное выполнение элемента, даже мысленное, может привести к повышенному эмоциональному возбуждению перед стартом либо непосредственно перед выполнением этого элемента, то не рекомендуется использование идеомоторной тренировки перед соревнованиями на недостаточно хорошо отработанных элементах.

Выводы. Таким образом, проблема психологического сопровождения спортивной деятельности сегодня является одним из ключевых ресурсов повышения эффективности тренировочного и соревновательного процесса в спорте высших достижений. Основная цель психологического сопровождения аэробистов состоит в контроле и коррекции психологического состояния спортсменов, а также в формировании свойств и качеств личности, способствующих повышению эффективности тренировочного процесса и стабильности спортивных результатов.

Изучение индивидуально-типологических и личностных особенностей спортсменов проводилось впервые на сборной команде России по спортивной аэробике. В рамках исследований с помощью психофизиологических тестов были выявлены неблагоприятные состояния спортсменов в течение подготовки к основным стартам сезона. С учетом индивидуально-личностных особенностей спортсменов была составлена программы психологического сопровождения подготовки аэробистов, которая в комплексе с многолетней физической и технико-тактической подготовкой позволила сборной России в жесткой конкурентной борьбе стать чемпионами мира в 2018 г. Кроме того, результаты исследования составили базу модельных характеристик элиты аэробной гимнастики, которые взяты за основу одного из блоков компьютерной программы вероятностного моделирования тренировочного процесса в спортивной аэробике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин Г.Д. Общая и спортивная психология : учеб. / под ред. Г.Д. Бабушкина. Омск : СибГУФК, 2004. 400 с.
2. Городничев Р.М., Андриянова Е.Ю., Скляр Н.А. Теоретические и практические аспекты спортивной борьбы. Великие Луки : Великолукская городская типография, 2008. 136 с.
3. Яковлев Б.П. Психическая нагрузка в спорте : теоретические и практические аспекты. Великие Луки : Великолукская городская типография, 2002. 179 с.
4. Родионов А.В. Психология физического воспитания и спорта : учеб. М. : Мир, 2004. 576 с.
5. Багадирова С.К. Организация психологического сопровождения деятельности спортсмена // Достижения вузовской науки : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 74–78.
6. Смирнова В.В. Соотношение компонентов психологического сопровождения спортивной деятельности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2009. С. 89–93.
7. Сивицкий В.Г. Система психологического сопровождения спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. М. : РГУФК, 2006. № 6.
8. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2010. 352 с.
9. Клецов К.Г., Чаюн Д.В. Модель соревновательной программы для отборочных и основных стартов в спортивной аэробике // Вестник Тюменского университета: Гуманитарные исследования. 2017. Т. 3, № 1. С. 280–287.
10. Сомкин А.А. Классификация упражнений и основные компоненты подготовки высококвалифицированных гимнастов в спортивной аэробике : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2002. С. 5–7.
11. Правила соревнований по аэробной гимнастике 2017–2021.
12. Сопов В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. М. : Трикта, 2010. 116 с.
13. Сорокина А.В. Технология психолого-педагогического сопровождения стрелковой подготовки биатлонистов в ДЮСШ : дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2010. 217 с.
14. Григорьянц И.А. Проблема готовности и организации предсоревновательной подготовки в гимнастике // Теория и практика физической культуры. 2001. № 8. С. 22–26.
15. Потапов В.Н. Формирование индивидуального стиля саморегуляции у спортсменов высшей квалификации (на примере биатлонистов) : дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2002. 280 с.
16. Загвязинский В.И., Манжелей И.В. Общая панорама педагогического исследования по проблемам физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2016. № 3. С. 3–5.

PSYCHOLOGICAL FOLLOW-UP OF ATHLETES' TRAINING IN AEROBIC GYMNASTICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 155–161.

DOI: 10.17223/15617793/434/21

Irina V. Manzheley, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: mangeley60@mail.ru

Danil V. Chayun, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: chayun2009@mail.ru

Keywords: psychological follow-up; sports aerobics; elite athletes; individual and personal characteristics; psychophysiological diagnostics; ideomotor training.

The aim of the study is to identify the psychological state of the members of the Russian national team in sports aerobics to develop recommendations for the psychological follow-up of the training of high class aerobists. In connection with the steady increase in the requirements for the level of physical, technical and tactical preparedness, and complexity of competitive programs, an important role in the process of training high class aerobists belongs to the psychological follow-up of sports activities. Following G.D. Gorbunov, N.B. Istanbul, V.G. Sivitsky, E.E. Khvatskaya, psychological follow-up of sports activities is a systemic activity of studying the psychological and pedagogical status of an athlete and the dynamics of his/her mental state, creation of favorable socio-psychological conditions for training, development and correction of the features and qualities of the athlete's personality. A survey of elite aerobists was conducted from January to November 2017 at training camps in Yekaterinburg, Omsk, Moscow, Wrocław (Poland), during the preparatory and competitive stages. In the course of the research, the authors worked out and introduced a technique of ideomotor training for aerobists, following which athletes confidently, unhindered and cost-effectively performed an element from the competitive program. The authors suppose that to perform elements of great complexity at a high level, it is necessary: (1) to set a motor task by applying the actualization of personal senses of the exercise; (2) to create an ideal mental image of the technique of a motor action (MA) execution through the creation of its orienting basis for three images: logical, visual and motor; (3) to pronounce the algorithm for performing MA with an emphasis on the main reference points (from 3 to 7 units), i.e. to prepare a verbal formula, at least for the main elements of the program: "I can ... step ... jump ... feet straight ... maximal jump upwards ... turn ... shoulders down ... legs up ... turn ... catch before ... landing ... keep prone support ... there, done"; (4) to visually reproduce MA with an emphasis on the main support points; (5) to mentally execute MA by virtually connecting the motor component with an emphasis on the main support points, i.e. to attach a muscular-motor image to the logical and visual ones, i.e. to make the muscle groups that will be involved in the performance of the element in real practice work; (6) to repeatedly mentally repeat the exercise, gradually turning off the detailed orienting basis of MA from control over all parameters and all points of motion to control over the main support points, and then with control at the beginning and the end of MA; (7) to analyze and assess one's own MA implementation with subsequent error correction. The results of the research made it possible to create model characteristics of the elite athletes of aerobic gymnastics, which were taken as a basis for one of the blocks of a computer program of probabilistic modeling of the training process.

REFERENCES

1. Babushkin, G.D. (2004) *Obshchaya i sportivnaya psikhologiya* [General and sports psychology]. Omsk: SibSUFC.
2. Gorodnichev, R.M., Andriyanova, E.Yu. & Sklyar, N.A. (2008) *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty sportivnoy bor'by* [Theoretical and practical aspects of wrestling]. Velikie Luki: Velikolukskaya gorodskaya tipografiya.
3. Yakovlev, B.P. (2002) *Psikhicheskaya nagruzka v sporte: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Mental load in sports: theoretical and practical aspects]. Velikie Luki: Velikolukskaya gorodskaya tipografiya.
4. Rodionov, A.V. (2004) *Psikhologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Psychology of physical education and sport]. Moscow: Mi.
5. Bagadirova, S.K. (2013) [Organization of psychological follow-up activities of athletes]. *Dostizheniya vuzovskoy nauki* [Achievements of university science]. Proceedings of the V International Conference. Novosibirsk. pp. 74–78. (In Russian).
6. Smirnova, V.V. (2009) Sootnoshenie komponentov psikhologicheskogo soprovozhdeniya sportivnoy deyatel'nosti [The ratio of the components of the psychological follow-up of sports activities]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. pp. 89–93.
7. Sivitskiy, V.G. (2006) Sistema psikhologicheskogo soprovozhdeniya sportivnoy deyatel'nosti [The system of psychological follow-up of sports activities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6.
8. Il'in, E.P. (2010) *Psikhologiya sporta* [Sports psychology]. St. Petersburg: Piter.
9. Kletsov, K.G. & Chayun, D.V. (2017) The Model of Competitive Program for Series and Main Starts in Sports Aerobics. *Vestnik Tyumenskogo universiteta: Gumanitarnye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Humanities Research*. 3(1). pp. 280–287. (In Russian). DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-280-289
10. Somkin, A.A. (2002) *Klassifikatsiya upravleniy i osnovnye komponenty podgotovki vysokokvalifitsirovannykh gimnastov v sportivnoy aerobike* [Classification of exercises and the main components of the training of high class gymnasts in sports aerobics]. Pedagogy Dr. Dis. St. Petersburg.
11. International Gymnastics Federation. (2017) *Pravila sorevnovaniy po aerobnoy gimnastike 2017–2021* [Aerobic gymnastics competition rules 2017–2021]. [Online] Available from: http://www.fig-gymnastics.com/publicdir/rules/files/ru_AER%20CoP%202017-2020.pdf.
12. Sopov, V.F. (2010) *Teoriya i metodika psikhologicheskoy podgotovki v sovremennoy sporte* [Theory and methods of psychological preparation in modern sports]. Moscow: Triksa.
13. Sorokina, A.V. (2010) *Tekhnologiya psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya strelkovoy podgotovki biatlonistov v DYUSSh* [The technology of psychological and pedagogical follow-up of the rifle training for biathlonsists at a sports school for children and youth]. Pedagogy Cand. Dis. Tyumen.
14. Grigor'yants, I.A. (2001) Problema gotovnosti i organizatsii pedsorevnovatel'noy podgotovki v gimnastike [The problem of preparedness and organization of pre-competitive training in gymnastics]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 8. pp. 22–26.
15. Potapov, V.N. (2002) *Formirovanie individual'nogo stilya samoregulyatsii u sportsmenov vysshey kvalifikatsii (na primere biatlonistov)* [Formation of individual style of self-regulation among high class athletes (on the example of biathlonsists)]. Pedagogy Dr. Dis. Tyumen.
16. Zagvyazinskiy, V.I. & Manzheley, I.V. (2016) All-round approach to pedagogical research on physical culture and sports issues. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 3. pp. 3–5. (In Russian).
17. Vyatkin, B.A. (1983) *Rol' temperamenta v sportivnoy deyatel'nosti* [The role of temperament in sports activities]. Moscow: FiS.

А.Д. Мовшович, В.В. Лобанов

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И ЦЕЛЕВОЙ ТОЧНОСТИ УКОЛА У НАЧИНАЮЩИХ ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ НА РАПИРАХ 9–10 ЛЕТ

Обоснована педагогическая и методическая целесообразность использования при подготовке начинающих 9–10-летних рапиристов упражнений, направленных на совершенствование координационных способностей и тренировку мышц, отвечающих за управление оружием, несмотря на то, что сензитивный период для их развития еще не наступил. Включение упражнений в образовательный процесс повысит точность уколов и, как следствие, соревновательные результаты юных бойцов, что укрепит их мотивацию к занятиям.

Ключевые слова: спортивная педагогика; фехтование на рапирах; тренировочный процесс; координационные способности; точность укола.

Точность укола в фехтовании на рапирах всегда являлась предметом дискуссий специалистов по спортивной педагогике, поскольку промахи и уколы в непоражаемую поверхность существенно влияют на результат единичного боя и даже соревнований [1–5]. Целевая точность имеет несколько составляющих, от которых зависит результативность применяемых в поединке действий, и не последнюю роль в точностных показателях нападения играют координационные способности. Безусловно, определяющим и интегрирующим фактором целевой точности укола следует считать технику владения оружием [6–9]. Ведь для того чтобы результативно завершить нападение, атакующий спортсмен в большинстве случаев вынужден преодолевать остреем своей рапиры защитные движения обороняющегося противника как в экспромтном, так и преднамеренном исполнении. Без должного уровня технической подготовленности выполнение нападения в различные секторы поражаемой поверхности прямо, с переводом и двумя переводами, а также с действием на оружие вне пространственных и временных стандартов противоборства чаще всего обречено на неудачу. При этом координационные способности, которые специалисты называют «фехтовальная ловкость», весьма значимы для освоения техники фехтования и её боевого применения в соревновательных поединках [4; 10, 11]. Учитывая вышеизложенное, в центре исследовательского интереса авторов оказался поиск методических оснований развития координационных способностей, которые могут содействовать росту точности укола начинающих рапиристов и выступить ресурсом для совершенствования образовательного процесса в спортивных школах.

Организация и методы исследования характеризуются следующими особенностями. Выборка начинающих фехтовальщиков на рапирах представлена группой спортсменов, состоящей из 10 мальчиков, тренирующихся в детско-юношеской спортивной школе при ЦСКА г. Москвы 3 раза в неделю в соответствии с программой, предназначенной для детских спортивных школ.

В задачи исследования входило тестирование координационных способностей, целевой точности укола в неподвижную мишень, силы мышц пальцев и кисти вооруженной руки, а также показателей применения средств единоборства в соревновательных поединках у начинающих фехтовальщиков на рапирах 9–10 лет. Основная цель состояла в выявлении взаимосвязей между перечисленными показателями, что позволило бы получить научно обоснованные представления о природе целевой точности укола у начинающих рапиристов. Очевидно, что наличие подобных представлений даст возможность скорректировать учебно-тренировочный процесс подготовки юных рапиристов для повышения их спортивных результатов.

Приведем сведения, обеспечивающие доказательность исследования, в том числе назовём тесты и итоги их выполнения. Заранее сообщим, что в ходе исследования координационных способностей, силы мышц пальцев и кисти, равно как и точности укола в мишень, вычислялась средняя арифметическая, а показатели применяемых действий представлены в процентах.

На первом этапе выявлялась развитость координационных способностей юных рапиристов (табл. 1).

Таблица 1

Координационные способности начинающих рапиристов

Показатель	Тест				
	Бег 15 м., и. п. стоя спиной к направлению движения, по команде разворот на 180° и бег вперед (с) (1)	Челночный бег 3 по 5 м (с) (2)	Прыжок спиной вперед 7 м (с) (3)	Бег 15 м, и. п. низкий старт (с) (4)	Прыжки на двух ногах 10 м (с) (5)
X – средняя	4,372	7,559	3,014	3,672	4,92
Сигма	0,39	0,59	0,34	0,39	0,63

В дополнение к изучению координационных способностей, с помощью ручного динамометра тестировалась сила мышц пальцев и кисти начинающих спортсменов (табл. 2).

Целевая точность укола (табл. 3) исследовалась с применением мишени: спортсменам необходимо было попасть в очерченный круг диаметром 10 см из различных исходных положений. Подсчитывалось количество попаданий.

Сведения о результативности применяемых в поединках действий при их боевой реализации и объемах промахов и уколов в непоражаемую поверхность (недействительных уколов) приведены в табл. 4. По-

казатели соревновательной деятельности измерялись во время турниров, проводимых внутри школы и на московских детских состязаниях. Соревновательная деятельность изучалась при помощи видеокамеры, с последующим анализом поединков в ракурсе исследуемых параметров.

Рамки статьи не позволяют анализировать вспомогательный материал, поэтому остановимся на обобщенной оценке корреляционных связей (табл. 5). Добавим, что эти связи рассчитывались по формуле Браве – Пирсона, условно достоверными в рамках нашего исследования признавались коэффициенты корреляции при $p < 0,25$.

Таблица 2

Сила мышц предплечья и кисти, кг

Показатель	Динамометрия	
	1-я попытка	2-я попытка
X – средняя	16	14,7
Сигма	2,828	2,452

Таблица 3

Точность укола в неподвижную мишень (количество попаданий / количество попыток)

Показатель	Тест			
	Укол с переводом из 6-й позиции в 4-й сектор (дистанция ближняя) (1)	Укол прямо из 6-й позиции (дистанция ближняя) (2)	Укол прямо из 6-й позиции с выпадом (дистанция средняя) (3)	Укол из неудобной позиции (дистанция ближняя) (4)
X – средняя	4,5/10	3,3/10	3,7/10	4,9/10
Сигма	1,91	1,79	1,49	1,22

Таблица 4

Показатели применения соревновательных действий, %

Показатель	Результативность атак					Объем промахов		Объем недействительных уколов	
	Общая	С действием на оружие	Простых	Ответных	В ближнем бою	В атаках	В ответах	В атаках	В ответах
X – ср.	36,05	47,52	33,83	42,04	2,6	25,31	23,78	38,21	27,99
Сигма	5,76	18,44	6,84	12,09	1,62	4,0	9,72	7,88	7,09

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между показателями соревновательной деятельности и координационными тестами*

Показатели соревновательной деятельности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Общая результативность атак	–0,526	–0,198	0,292	–0,183	0,031	0,286	0,378	–0,098	0,746	0,288	–0,081
Результативность простых атак	–0,393	–0,242	0,446	–0,237	0,077	0,369	0,251	–0,370	0,487	0,181	–0,240
Результативность атак с действием на оружие	–0,056	0,490	–0,208	0,521	0,201	–0,061	0,387	0,492	0,676	0,206	0,029
Результативность ответов	–0,020	–0,202	–0,070	0,045	–0,526	0,380	0,027	0,321	0,143	0,486	0,636
Объем промахов в атаках	0,257	0,104	–0,357	0,000	–0,157	–0,245	–0,348	–0,188	–0,554	–0,356	–0,062
Объем промахов в ответах	–0,399	–0,080	0,481	–0,265	0,308	–0,218	–0,187	–0,374	–0,129	–0,136	–0,120
Объем недействительных ответов	0,308	0,143	–0,403	0,368	–0,345	–0,197	0,491	0,803	0,580	0,149	–0,053
Объем недействительных уколов в атаках	0,116	0,303	–0,033	0,383	0,337	–0,328	–0,573	–0,020	–0,412	–0,363	–0,128
Результативность в ситуациях ближнего боя	–0,366	–0,261	–0,168	–0,442	–0,209	–0,097	–0,302	–0,340	–0,071	–0,326	0,095

*Жирным шрифтом выделены статистически достоверные уровни взаимосвязей.

Нумерация ячеек верхней строки соответствует следующим тестам:

- 1 – бег 15 м, и. п. стоя спиной к направлению движения. По команде разворот на 180°, бег вперед (с);
- 2 – челночный бег 3 по 5 м (с);
- 3 – прыжок спиной вперед 7 м;
- 4 – бег 15 м, и. п. низкий старт (с);
- 5 – прыжки на двух ногах 10 м (с);
- 6 – укол переводом из 6-й позиции в 4-й сектор на средней дистанции (количество попаданий);
- 7 – укол прямо из 6-й позиции в ближней дистанции (количество попаданий);
- 8 – укол прямо из 6-й позиции с выпадом на средней дистанции (количество попаданий);
- 9 – укол в мишень из сверхближней дистанции, имитирующей столкновение с противником (количество попаданий);
- 10 – кистевая динамометрия (1-я попытка) (кг);
- 11 – кистевая динамометрия (2-я попытка) (кг).

Исследование коэффициентов корреляции не выявило тесных взаимосвязей, хотя наличествуют средняя и слабая связь. Так, точность укола в мишень из неудобного положения ($r = 0,746$, $p = 0,013$) связана с общей результативностью атак, подтверждая важность внимания к совершенствованию специальной ловкости даже у самых юных фехтовальщиков. Результативность простых атак также соотносима с координационными способностями начинающих рапиристов ($r = 0,446$, $p = 0,197$; $r = 0,487$, $p = 0,153$). Установленные взаимосвязи нацеливают специалистов на формирование вариативности применения одного и того же приема в условиях непредсказуемых изменений дистанции, положения оружия и поражаемой поверхности противника. При этом такая тренировка должна проводиться только после уверенного выполнения изучаемого приема в стандартных условиях.

В ходе изучения результативности атак с действием на оружие обнаружили её закономерные взаимосвязи как с качеством технической подготовленности спортсменов к выполнению укола прямо в средней дистанции ($r = 0,492$, $p = 0,179$), так и с успешным выполнением координационно сложных уколов в сверхближнем бою ($r = 0,676$, $p = 0,046$). Это вызвано, вероятно, вариативностью дистанции, в которой боец наносит завершающий укол, поскольку противоборствующий ему спортсмен стремится защититься оружием или дистанцией, в том числе сближением. Кроме того, эффективность атак с действием на оружие соотносится со скоростными показателями ($r = 0,490$, $p = 0,181$; $r = 0,521$, $p = 0,150$), что обусловлено, вероятно, популярностью у юных рапиристов стремления нападать (чаще неподготовленно). Совершенно очевидно, что для эффективного применения в поединке атаки необходимо уметь ее подготовить, а затем и реализовать на предельной скорости. Именно в этом случае скоростные качества позволяют опередить защитные действия противника, если только они не входят в противоречие с уровнем технической обученности.

Взаимосвязь результативности ответов и двигательных показателей фехтовальщиков отчётлива в результатах кистевой динамометрии ($r = 0,486$,

$p = 0,155$; $r = 0,636$, $p = 0,048$). Судя по всему, значимость силы предплечья и кисти для выполнения ответов определяется необходимостью сохранения контроля над собственным клинком в условиях активного противодействия оппонента.

Далее нам удалось обнаружить слабые корреляционные связи между объемом промахов при завершении атак, координационными способностями ($r = -0,357$, $p = 0,311$) и показателями динамометрии ($r = -0,356$, $p = 0,312$). Мы считаем возможным обозначить неслучайный характер корреляций, хотя их достоверность не очень высока, что обусловлено низкой прогнозируемостью фехтовальных поединков и особенностями выборки. Более отчётлива связь объема промахов с показателями точности укола в неподвижную мишень в усложненных условиях ($r = -0,554$, $p = 0,097$). Обобщая, можно заключить, что структура целевой точности укола начинающих рапиристов при реализации атак, помимо технических стандартов управления оружием, включает и силу мышц, управляющих рапирой. Кроме того, показатели целевой точности попаданий в мишень значимы для прогностической оценки результативности атак в соревновательных поединках у начинающих рапиристов лишь на уровне слабой связи.

Анализируя показатели промахов в ответах, подчеркнём их связь с координационными способностями на слабом уровне ($r = -0,399$, $p = 0,254$). Видно, что чем короче время выполнения теста, тем меньше промахов допускают испытуемые. Следовательно, перманентно изменяющиеся условия боя требуют слаженных действий вооруженной рукой и оборонительного маневрирования с целью достижения адекватной дистанции для реализации ответа. Данное утверждение справедливо в отношении как защит на месте и с шагом назад, так и защит со сближением, которые юные рапиристы еще не обучены выполнять. Не менее интересна взаимосвязь между объемом промахов в ответах и качеством выполнения прыжков спиной вперед ($r = 0,481$, $p = 0,160$). На первый взгляд, вывод, что чем лучше рапирист прыгает, тем больше промахивается, нелогичен, однако такая ситуация может объясняться доминированием в структуре начального обучения общефизического, а не технического тренинга спортсменов.

Количество ответов в непоражаемую поверхность (недействительных уколов) связано со значениями точностных показателей нападения в сверхближней, ближней и средней дистанции ($r = 0,580$, $p = 0,079$; $r = 0,491$, $p = 0,150$; $r = 0,803$, $p = 0,005$ соответственно). Заметно, что в ближней дистанции и в схватках ближнего боя начинающие рапиристы чаще попадают ответом в непоражаемую поверхность, чем в средней дистанции. Судя по всему, рипосты в непоражаемую поверхность предопределены недостаточной сформированностью технического стандарта положения оружия и вооруженной руки в момент отражения атаки противника, а также неточным посылом острия рапиры на ответный укол в средней дистанции.

Наконец, объем уколов в непоражаемую поверхность (недействительных уколов) в атаках у испытуемых связан с координационными способностями ($r = -0,573$, $p = 0,083$; $r = -0,412$, $p = 0,237$). Учитывая

также отрицательную корреляцию между успешным завершением схваток в ближнем бою и скоростью ($r = -0,442$, $p = 0,201$), можно предположить, что желание юных рапиристов выполнять атакующие действия скорее быстро, чем технично, не всегда является конструктивным.

В целом результативность простых атак и атак с действием на оружие на уровне слабой связи коррелирует с координационными способностями и целевой точностью укола, тогда как результативность ответов имеет связь с показателями динамометрии. Далее объемом промахов и недействительных уколов, судя по всему, зависит от силы мышц, управляющих оружием, уровня координации и техники фехтования. Наконец, результативность в ситуациях ближнего боя достаточно показательно взаимосвязана с координационными способностями юных рапиристов, причем, чем ближе дистанция, тем важнее их уровень для успеха боевых действий. Небольшое, в целом, количество выявленных взаимосвязей объясняется низкой технико-тактической подготовленностью испытуемых, у которых пока не наблюдается специализации двигательной

и психофизиологической сферы. Другими словами, физические качества и психомоторные свойства еще не «вплетены» в структуру выполнения приемов, реализуемых юными рапиристами в поединках.

Таким образом, полученные результаты указывают на необходимость коррекции методических оснований тренировочного процесса в направлении систематического совершенствования координационных способностей у 9–10-летних начинающих рапиристов, несмотря на то, что сензитивный период для развития координации еще не наступил. Специализация координационных способностей ускорит процесс освоения фехтования и достижения пространственно-временных стандартов управления оружием. Приемы, хорошо изученные юными спортсменами, следует совершенствовать в условиях их вариативного выполнения, что снизит объем промахов и недействительных уколов. В свою очередь, взаимосвязи силовых характеристик мышц пальцев и кисти с объемом промахов в атаках и неточных ответных уколов указывают на то, что их причина – это в том числе недостаточно развитые мышцы, управляющие оружием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева И.А. Экспериментальное исследование взаимосвязи быстроты и точности уколов у фехтовальщиков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1974. 19 с.
2. Кирильченко С.Н. Особенности развития быстроты и точности специфических действий у фехтовальщиков подросткового и юношеского возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1985. 25 с.
3. Мидлер М.П., Тышлер Д.А. Тренировка в фехтовании на рапирах. М. : Физкультура и спорт, 1966. 195 с.
4. Мовшович А.Д. Начинающему тренеру. М. : Академический проект, 2011. 100 с.
5. Рафикова А.Р. Методика совершенствования точности уколов у юных фехтовальщиц : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1990. 20 с.
6. Рыжкова Л.Г. Техничко-тактическая подготовка юных фехтовальщиков-рапиристов на этапе углубленной тренировки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1988. 23 с.
7. Тышлер Д.А., Мовшович А.Д., Тышлер Г.Д. Многолетняя тренировка фехтовальщиков. М. : Деловая лига, 2002. 254 с.
8. Czaikowski Z. Trening Szermierza Wybrane Zagadnienia. Cz. I. Katowice, 1988. 190 s.
9. Kerstenhan K. Floretterminologie – Florettechnik – Florettmethodik und Taktische Hinweise // Florettfechten. Berlin : Sportverlag, 1967. S. 33–259.
10. Бусол В.А. Экспериментальное обоснование направленности средств и методов физической подготовки юных фехтовальщиков на этапе начальной специализации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1976. 22 с.
11. Хохла А.И., Линец М.М. Сравнительный анализ эффективности программ физической подготовки фехтовальщиков-шпажистов // Теория и практика физической культуры. 2013. № 2. С. 81–84.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 сентября 2017 г.

METHODOLOGICAL BASES OF THE DEVELOPMENT OF COORDINATION ABILITIES AND EXACTNESS OF HIT OF BEGINNING FOIL FENCERS AGED 9–10

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 162–166.

DOI: 10.17223/15617793/434/22

Alek D. Movshovich, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE) (Moscow, Russian Federation). E-mail: alek-movshovich@yandex.ru

Viktor V. Lobanov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danvelur@rambler.ru

Keywords: sports pedagogics; foil fencing; training process; coordination abilities; exactness of hit.

The authors have focused their research interest on discovering the methodological basis for developing coordination abilities which may contribute to increasing the hit accuracy of a novice foil fencer. Interrelations between coordination and some strength indicators, exactness of hits of beginning foil fencers into a motionless target against the background of application of various fencing means in sports duels were discovered during experimental and analytical work. The authors found out that sports results of beginning foil fencers depend not only on specialized technical and tactical preparedness, but also on the development of the coordination abilities and force of the muscles of fingers and of the armed hand. Moreover, it was determined that if general physical training prevails over technical one at the early stages of athlete training, the technical standard of the weapon position and the position of the armed hand is not formed in a proper way. It allowed concluding that the contemporary practice of pedagogical approach in sports with students aged nine or ten is not directed fully to “interweave” physical aspects and psychomotor features in the exercising process. These results were studied in the context of the correlation of the valid and invalid hits in duels of young fencers. As a result, the pedagogical and methodological expediency of training of the beginning nine- and ten-year-old foil fencers by exercises for a systemic improvement of coordination abilities and training of muscles responsible for moves with the weapon was proved in spite of the fact that the sensitive period for developing these abilities did not come yet. Introduction of exercises designed for developing coordination abilities of novice foil fencers to the training process can be a solution for this problem. They can accelerate the assimilation

lation process of the technical aspects of performing fencing moves and reaching the time-space standards of performing them. However, the development of young fencer speed abilities, which allows him/her to anticipate and counteract the opponent's defense, is appropriate only when its complexity does not contradict the level of fencer's technical proficiency. Mastering the performance of fencing moves, fully mastered by young athletes, with maximum variability rather than with maximum speed should be considered as the key principle of technique development in the training process of young foil fencers. That could reduce the amount of misses and non-valid hits without losing the quality of the technical aspect of fencing. Competitive results of beginning fencers at the start of their sports career can be improved if the trainer makes the specified changes to training. It will undoubtedly strengthen children's motivation to engage in this sport.

REFERENCES

1. Guseva, I.A. (1974) *Ekspperimental'noe issledovanie vzaimosvyazi bystry i tochnosti ukolov u fekhtoval'shchikov* [Experimental study of the relationship of speed and accuracy of fencers' hits]. Abstract of Pedagogy Cand. Dis. Moscow.
2. Kiril'chenko, S.N. (1985) *Osobennosti razvitiya bystry i tochnosti spetsificheskikh deystviy u fekhtoval'shchikov podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Features of the development of speed and accuracy of specific actions in adolescent and young fencers]. Abstract of Pedagogy Cand. Dis. Kiev.
3. Midler, M.P. & Tyshler, D.A. (1966) *Trenirovka v fekhтовanii na rapirakh* [Training in rapier fencing]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
4. Movshovich, A.D. (2011) *Nachinayushchemu treneru* [To a novice coach]. Moscow: Akademicheskii proekt.
5. Rafikova, A.R. (1990) *Metodika sovershenstvovaniya tochnosti ukolov u yunikh fekhtoval'shchikov* [Methods of improving the accuracy of hits in young fencers]. Abstract of Pedagogy Cand. Dis. Moscow.
6. Ryzhkova, L.G. (1988) *Tekhniko-takticheskaya podgotovka yunikh fekhtoval'shchikov-rapiristov na etape uglublennoy trenirovki* [Technical and tactical training of young fencers at the stage of in-depth training]. Abstract of Pedagogy Cand. Dis. Moscow.
7. Tyshler, D.A., Movshovich, A.D. & Tyshler, G.D. (2002) *Mnogoletnyaya trenirovka fekhtoval'shchikov* [Long-term training of fencers]. Moscow: Delovaya liga.
8. Czaikowski, Z. (1988) *Trening Szermierza. Wybrane Zagadnienia* [Training a Fencer. Selected Issues]. Pt. 1. Katowice: [s.n.].
9. Kerstenhan, K. (1967) Floretterminologie – Florettechnik – Florettmethodik und Taktische Hinweise [Foil fencing methodology – methodology and tactics]. In: *Florettfechten* [Foil fencing]. Berlin: Sportverlag.
10. Busol, V.A. (1976) *Ekspperimental'noe obosnovanie napravlenosti sredstv i metodov fizicheskoy podgotovki yunikh fekhtoval'shchikov na etape nachal'noy spetsializatsii* [Experimental confirmation of the direction of the means and methods of physical training of young fencers at the initial specialization stage]. Abstract of Pedagogy Cand. Dis. Moscow.
11. Khokhla, A.I. & Linets, M.M. (2013) Comparative Analysis of Effectiveness of Programs of Fencers' Physical Training. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 2. pp. 81–84. (In Russian).

Received: 14 September 2017

Е.М. Рождественская, А.В. Жаворонок

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ БАКАЛАВРОВ

Рассматривается эффективность педагогических методик проектной работы как образовательной технологии усвоения уникальных компетенций студентами инженерных направлений, изучающих экономические дисциплины. Анализ субъективной оценки студентов показал, что новые условия формируют увлекательную образовательную среду и повышают успеваемость. Субъективная оценка эффективности образовательных инноваций доказывает целесообразность внедрения новых организационно-педагогических условий проектной деятельности.

Ключевые слова: проектная работа; стратегии непрерывного образования; междисциплинарность; модернизация гуманитарного образования.

Введение

Высшее образование является инструментом формирования не только будущих специалистов, но и личности. Успешно выполненная задача педагога университета формирует у субъекта образовательного процесса устойчивую потребность в непрерывном образовании и приобретении новых знаний.

Основная цель данного исследования – определить субъективное восприятие эффективности модернизации высшего образования и применения передовых методик учебного процесса со стороны самих обучающихся. Предполагается, что на уровень субъективной оценки студентом организационно-педагогических условий влияет качество усвоения материала и приобретения новых компетенций и навыков. Если теоретический материал легко усваивается и получается выполнять практические задания и решать кейсы, то у студента формируется интерес к дисциплине, предмету и сохраняется потребность в обновлении и расширении знаний в последующем. Критически и негативно настроенные обучающиеся, как правило, демонстрируют плохую успеваемость и посещаемость, что и сказывается на отсутствии интереса к предмету в силу академического отставания.

Инновации в инженерном образовании развиваются не только в России, но и за рубежом. На смену ориентации на приобретение фундаментальных знаний приходит компетентностный подход, направленный на приобретение особых компетенций, позволяющих в практической профессиональной деятельности использовать полученные знания для совершенствования техники и технологий и повышения конкурентоспособности страновой экономики. Создаваемые новые инженерные решения требуют проработки экономической составляющей, отвечающей критериям целесообразности и общественной полезности. Деятельность приобретает черты социальной значимости и ответственности, в том числе и в области инженерии. Задачей социально-гуманитарного образования, а также экономического блока, становится поиск путей трансформации организационно-педагогических условий к достижению новых поставленных результатов обучения – приобретения уникальных компетенций.

Модель формирования компетенций в образовательном процессе представлена следующими основными измерениями: 1) проектная работа в мини-группах; 2) активные методы обучения; 3) приобретение профориентированных знаний по непрофильным дисциплинам; 4) электронная образовательная среда (рис. 1).

Рис. 1. Элементы организационно-педагогических условий образовательного процесса по дисциплине

Представление преподавателя о роли проектной работы непосредственно связаны с ее функцией накопления и закрепления фундаментальных знаний, что приводит к формализму и шаблонности в формах при ее реализации на практике. Для современного работодателя и самого субъекта обучения ценность представляют не только узкоспециальные знания, особенно по вспомогательным дисциплинам, какой является экономика для студентов инженерных специальностей, но и личные и деловые качества. Возникает вопрос о модернизации традиционной системы организации проектной работы и методики преподавания гуманитарных дисциплин, особенно для непрофильных специалистов.

Проблема заключается в недостаточной изученности возможных эффектов от внедрения новых и прорывных образовательных методик, ведь традиционные методики дают гарантированный результат, пусть и не всегда соответствующий новым потребностям. Возникает вопрос о поисках новых путей с учетом повышения эффективности образовательного процесса, а не для проведения номинальных реформ. Следовательно, новые методики должны проходить апробацию, тщательный анализ и использоваться с учетом обратной связи самого субъекта.

Целью данной работы является проработка новой образовательной методики организации проектной работы студентов бакалавриата инженерных специальностей с учетом субъективной оценки эффективности предлагаемых образовательных мероприятий. Эффективность новой методики будет зависеть от степени усвоения и приобретения общих и уникальных компетенций.

В результате предлагается новая образовательная методика организации проектной работы по экономической теории студентов бакалавриата инженерных специальностей с учетом субъективной оценки эффективности предлагаемых образовательных мероприятий. Эффективность новой методики будет зависеть от степени овладения общими и уникальными компетенциями. Оценивается степень усвоения новых компетенций в результате реорганизации учебного процесса, перехода от пассивных методов к активным, внедрения коллективного проекта по дисциплине, использования средств электронного обучения для организации самостоятельной работы студента как индивидуальной, так и коллективной.

Особенностью работы является использование обратной связи студентов как критерий оценки успешности образовательных инноваций. Следует отметить, что работа представляет особый интерес для преподавателей высшей школы и высшего руководства университетов, так как входит в ряд немногих работ, предлагающих не только инновационные решения, но и эффективные с позиции достижения новых результатов обучения, что доказывается в ходе исследования.

Материалы и методы исследования

Проектный метод позволяет решить проблему ограниченного объема аудиторного времени на изу-

чение дисциплин экономического блока для студентов инженерных направлений, выделенного учебным планом. Таким образом активизация самостоятельной работы данным методом позволяет, с одной стороны, понять фундаментальные основы экономики, а с другой – дает наглядную демонстрацию применимости в данной инженерной области и будущей профессиональной деятельности.

Исходя из педагогического опыта, как преподаватели, так и студенты не готовы к использованию проектного метода, так же как и электронных технологий в обучении для организации активной аудиторной и самостоятельной работы. Основной причиной этого служит недостаточная разработанность дидактических материалов, и материалов сопровождения проектного обучения. Таким образом, сочетание метода проектов и электронного обучения требует разработки и внедрения в учебный процесс.

Проектный метод как образовательное мероприятие – явление само по себе известное, над этой методикой работают следующие зарубежные специалисты: С. Доле, Л. Блум, Н. Эрдоган, Д. Фортус, Р. Маркс, Н. Нек, Дж. Крайциг и др. [1–7]. Так как за рубежом имеется более значительный опыт использования метода проектов по разным дисциплинам в образовании, то рассмотрим некоторых основоположников.

Дж.К. Джонс, который представил систематизированное руководство по общим методам инженерного конструирования и проектного анализа, провел концепцию «проектирования искусственной среды будущего» на основе системного подхода [8].

Д. Дьюи называл метод проектов «обучение через делание»; обучающийся непосредственно участвует в активной познавательной и самостоятельной работе [9], сам ищет научную проблему, осуществляет поиск необходимой информации, критически обрабатывает ее, ищет методы решения проблемы, обобщает и делает выводы, а также оценивает деятельность и качество выведенных гипотез. Таким образом, он получает новый навык и жизненный опыт. В. Килпатрик является родоначальником проектной деятельности обучающихся в США. Считал проект как «от души выполняемый замысел». Проектный метод, по его мнению, применим практически в любой области [10]. Проблемой внедрения проектного метода занимались Р. Хоффман, К. Китто, Крандалл и др. [11, 12].

Экспериментальной базой исследования явился ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский Томский политехнический университет; обучающиеся по направлению 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника, набор 2014 г.

В статье анализируется эффективность новых организационно-педагогических условий проектной работы студентов-бакалавров в привязке к проблеме овладения новыми навыками и уникальными компетенциями (рис. 2). Особенностью модернизации гуманитарного образования выступает изменение традиционного подхода к методике преподавания дисциплин. Рассмотрим это на примере процесса преподавания экономической теории для инженерных специальностей бакалавриата. Непрофильная дисциплина традиционно формировала

базовые фундаментальные знания по проверенной методике. В результате выпускник обладал достаточной эрудицией для дальнейшего профессионального развития. Модернизация социально-гуманитарного образования предполагает формирование не только общекультурных знаний, но и освоение профессиональных компетенций в контексте осознания социальной направленности инженерной деятельности.

Модернизация экономического образования будущих инженеров, выпускников ТПУ, сопряжена с рядом проблем, во-первых, это отсутствие проверенной временем концепции, отвечающей новым требованиям, во-вторых – недостаток учебно-методических разработок, апробированных как эффективный инструмент усвоения уникальных компетенций (навыков, знаний и умений). Цель инноваций организационно-педагогических условий преподавания экономической теории будущим инженерам ТПУ состоит в

интеграции экономических знаний и навыков в блок профессиональных компетенций. Перед педагогическим составом ставится новая задача подготовки выпускника, способного предлагать инженерные решения и решать проблемы с учетом социального, экологического и экономического контекста, быть способным к принятию ответственных решений и уметь работать в команде.

Рынок труда диктует новые требования к компетенциям выпускников [13], в ответ на которые были сформированы дополнительно уникальные компетенции (компетенция 1) владеть навыками оценки экономических показателей объектов и процессов профессиональной деятельности с целью повышения их ресурсоэффективности (компетенция 2), уметь анализировать рыночные возможности, отвечающие принципам ответственного ресурсопотребления в условиях полноты интересов.

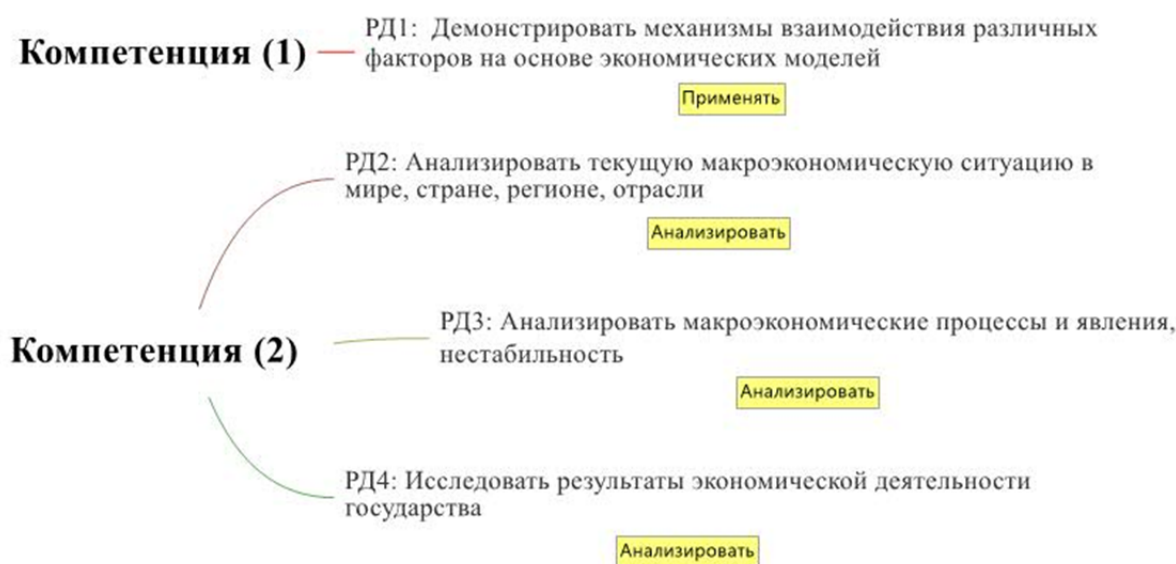

Рис. 2. Организационно-педагогические условия усвоения уникальных компетенций

Организация дисциплины по экономической теории с учетом необходимости формирования уникальных компетенции претерпевает трансформацию. А это означает, что взамен традиционным методам приходят инновационные.

Следует выделить, что особенностью предлагаемых мероприятий является аналитика образовательных инноваций с обратной связью субъекта обучения. В качестве объекта исследования была выбрана дисциплина экономическая теория, преподаваемая в рамках курса Экономика 1.1. Разработана новая рабочая программа, отвечающая сформированным потребностям в освоении новых компетенций (рис. 2). Экспериментальным группам по направлению ООП 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника были предложены инновационные образовательные мероприятия (рис. 7, таблица). При проведении исследования была разработана анкета-опросник, проверяющая степень удовлетворенности студентов от проведения образовательных мероприятий. Анкетирование проводилось анонимно в каждой из трех групп, которые

были включены в программу модернизации преподавания экономической теории в осенний семестр 2016 г. в Томском политехническом университете. Оценивалось субъективное восприятие студентом инновационных мероприятий и приобретение уникальных компетенций.

Субъективная оценка эффективности организационно-педагогических условий освоения экономической теории студентами инженерных специальностей включает два уровня: 1) уровень студента; 2) уровень преподавателя (рис. 3). Посредством анкетирования была получена обратная связь и субъективная оценка мероприятий от студентов. Вопросы были составлены таким образом, что эффективность мероприятий, оцениваемая студентом, по сути, представляет собой степень удовлетворенности приобретенными навыками и умениями.

Использование сравнительно-сопоставительных методов и методов математической статистики (однофакторного дисперсионного анализа в частности) позволило получить достоверные результаты субъективной оценки студента. Уровень

преподавателя оценивался через анализ журнала оценок в системе MOODLE, где контролируется выполнение самостоятельной работы студента по дисциплине. Таким образом, методологически заложено, что субъективная оценка качества проведения инновационных образовательных мероприятий по дисциплине Экономика 1.1 также оценивается через успеваемость, которая контролируется преподавателем. Следовательно, субъективная оценка эффективности предлагаемых изменений в подходах к преподаванию экономической теории заключается в степени удовле-

творенности приобретенными навыками и умениями в привязке к будущей профессиональной деятельности самого субъекта обучения в корреляции с успеваемостью по предмету. Гипотезой исследования является то, что личностное восприятие эффективности образовательных мероприятий тесно связано с успехами и пониманием изучаемого предмета [14]. Известно, что успехи в учебном процессе порождают интерес самого обучающегося, что положительно влияет на его субъективное восприятие образовательного процесса в целом.

Рис. 3. Параметры субъективной оценки эффективности новых организационно-методических мероприятий по дисциплине

Таким образом, в работе используются не только профессиональные методы разработки нового учебно-методического комплекса по дисциплине Экономика 1.1, но и сравнительно-сопоставительный анализ результатов обучения в субъективной оценке самого студента и со стороны успеваемости, контролируемой преподавателем. Новизна работы заключается в поэтапном раскрытии комплекса организационно-педагогических условий усвоения уникальных компетенций студентами инженерных специальностей в рамках дисциплины Экономика 1.1 (см. рис. 2) в привязке к оценке эффективности предлагаемых образовательных инноваций (рис. 3). Методика оценки эффективности педагогических разработок выстроена при использовании методов математической статистики и социологического опроса. В основе статистического анализа лежит однофакторная и двухфакторная дисперсионная модель оценки данных выборки. Полученные данные оцениваются с использованием коэффициентов линейной корреляции данных Пирсона для выборки 50 человек. Субъективная оценка представляется по уровням: 1) уровень студента и 2) уровень преподавателя, затем при помощи корреляционно-регрессионного анализа выявляется зависимость уровней и формируется модель и рекомендуемые критерии оценки эффективности инновационных образовательных мероприятий социо-гуманитарного блока на примере внедрения педагогических разработок в образовательный процесс освоения экономической теории бакалаврами направления ООП 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника.

Организационно-педагогические условия преподавания экономической теории студентам направления ООП 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника

Опытно-экспериментальная работа в осеннем семестре 2016 г. была предусмотрена в рамках реализации программы по дисциплине Экономика 1.1 студентам бакалавриата по направлению ООП 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника. В рамках формирующего эксперимента был разработан и внедрен новый комплекс организационно-педагогических мероприятий (см. рис. 7). В качестве образовательной инновации организована проектная работа по экономической теории, выполняющая функцию суммирующего и формирующего мероприятия одновременно. Организация самостоятельной работы контролируется преподавателем через систему электронного курса. В начале семестра студенты получают самостоятельное групповое задание – проект по Экономике 1.1.

Цель проекта – овладение методами и навыками экономического анализа и оценки энергопотребления определенной географической области для обеспечения ресурсоэффективного и стабильного энергоснабжения. Результатом работы является технологическая (ментальная) карта проекта. Перед обучающимися ставится задача выбрать и обосновать наиболее ресурсоэффективную технологию, гарантирующую рациональное энергопотребление микрорайона в разных условиях. Это может быть город, район, поселок. Проект предполагает работу в тече-

ние 18 недель. По итогам происходит защита проекта. В рамках дисциплины Экономика 1.1 обучающиеся выбирают локацию на свое усмотрение (это может быть город, микрорайон и т.п.). Далее необходимо посмотреть планируемый объем ежегодного энергопотребления (спрос) согласно нормативам. Оценить возможность использования различных ис-

точников электроэнергии и обосновать выбор оптимального для того, чтобы обеспечить стабильное предложение. Так же студентам требуется поместить исходные условия в новую среду, например аналогичный микрорайон, но в другом городе / стране, и снова решить задачу рационального обеспечения электроэнергией населения (рис. 5).

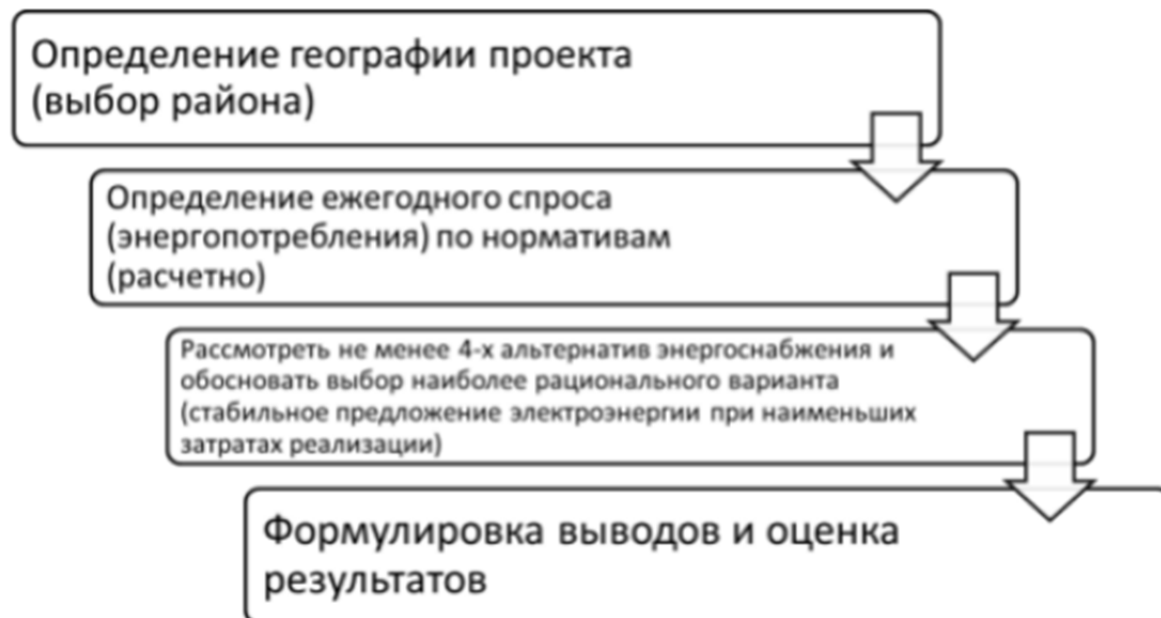

Рис. 5. Общая схема проектной работы по экономической теории студента по направлению ООП 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника

Особенностью предлагаемой проектной работы является сосредоточение деятельности на планировании результатов, разграничении ответственности в мини-группах и поэтапном контроле со стороны преподавателя выполнения плана-графика.

Методика формирования плана-графика проекта основывается на принципах диаграммы Ганта [1, 5, 10]. Результат формирования плана-графика проекта – календарный план работ по проекту, который позволяет:

- получить точное и полное расписание проекта;
- учесть этапы, работы проекта и их результаты;
- учесть длительность работ по проекту;
- учесть необходимых исполнителей для реализации проекта.

Руководители проектов формируют версии планов-графиков согласно предложениям участников проектной команды и рекомендациям и замечаниям экспертов. Руководитель проекта выбирается участниками мини-группы, состоящей из 5–6 обучающихся. Экспертами являются преподаватели обеспечивающей кафедры и выпускающей кафедры.

Ответственность за каждую элементарную работу должна быть поручена одному и только одному члену команды проекта. Количество уровней декомпозиции зависит от специфики проекта. При этом максимальное количество уровней декомпозиции работ

не должно превышать шести. В противном случае возможны чрезмерная перегруженность проекта работами и дублирование элементарных работ (рис. 6). Если результат одной работы необходим для реализации другой, то такие работы должны выполняться только последовательно.

В противном случае работы могут выполняться параллельно, независимо друг от друга. Дата начала самой первой работы в проекте должна совпадать с датой начала проекта, а дата окончания самой последней работы – с датой завершения проекта.

Реализация проектной деятельности студента осуществляется под контролем преподавателя на каждом этапе, предусматривается промежуточная аттестация командной работы в период медианы проекта (9–10-я неделя).

Оценка качества освоения дисциплины производится по результатам оценочных мероприятий (рис. 7). Проектная работа и защита результатов командной работы в мини-группах является контролирующим аттестационным мероприятием, суммирующим результаты обучения по дисциплине в целом.

Предложенная организационно-педагогическая форма по дисциплине Экономика 1.1 вызвала интерес у студентов, что отразилось на высоком уровне субъективных оценок удовлетворенности приобретенными навыками и знаниями.

Неделя	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Старт	окт 17	окт 24	окт 31	ноя 7	ноя 14	ноя 21	ноя 28	дек 5	дек 12	дек 19	дек 26	янв 2	янв 9	янв 16	янв 23	янв 30	фев 6	фев 13	фев 20	фев 27
Этап первый	Определение целей и задач																			
		Разработка плана																		
		Сбор общей информации																		
		Отзывы о плане																		
Этап второй		Распределение обязанностей																		
		Анализ собранной информации																		
		Структурирование																		
		Формирование отчета																		
Этап третий			Разработка энергосистем																	
				Оценка стоимости и эффективности различных вариантов энергосистем																
					Выбор окончательной версии энергосистемы															
						Подведение итогов														

Рис. 6. Пример составления плана-графика проекта экономической теории студента по направлению ООП 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника

Рис. 7. План оценочных мероприятий по дисциплине Экономика 1.1

Субъективная оценка эффективности проекта по экономической теории студентами инженерных специальностей

Оценим эффективность организационно-педагогических условий проектной работы через субъективное восприятие успешности овладения уникальными компетенциями с позиции студента и преподавателя (см. рис. 3). Для этого установим связь между проводимыми образовательными мероприятиями и процессом приобретения уникальных компетенций (таблица).

Суммирующим и контролирующим мероприятием по курсу Экономика 1.1 является проектная деятельность в мини-группах по 5–6 человек в зависимости от размера группы. Следовательно, оценка эффективности данной деятельности экстраполируется на эффективность организационно-педагогических мероприятий

в рамках освоения дисциплины. Предлагается сформировать критерии субъективной оценки через два уровня восприятия (рис. 3).

Установим взаимосвязь субъективной оценки приобретенных компетенций со стороны студента в новых организационно-педагогических условиях. Цель социологического опроса – определить, имеют ли связь субъективное восприятие усвоения уникальных компетенций с предлагаемыми образовательными мероприятиями. По результатам социологического опроса трех групп студентов были получены субъективные индивидуальные оценки качества освоения уникальных компетенций по шкале от 0 до 5 баллов (чем выше оценка, тем выше степень удовлетворенности результатом обучения). Вопросы были составлены согласно представлению результатов работы и усвоения уникальных компетенций в зависимости от предполагаемых мероприятий для каждого результата обучения

(см. рис. 1). Всего было составлено 10 вопросов (по количеству проводимых практических мероприятий см. таблицу). Каждое мероприятие предлагалось оце-

нить по заранее заданной шкале от 0 до 5, что, согласно методическим разработкам, трансформируется в оценку искомого набора компетенций.

Таблица 1

Формирование уникальных компетенций посредством новых организационно-педагогических мероприятий

Уникальная компетенция	Организационно-педагогическое мероприятие
1. Оценка экономических показателей объектов и процессов профессиональной деятельности с целью повышения их ресурсоэффективности	Решение проблемы выбора энергоресурса для производства электроэнергии
	Брейн-ринг: Кто больше? 1 – определяет факторы спроса на электроэнергию в России, 2 – факторы предложения электроэнергии в России
	Аргументы «за» и «против» повышения цены на электроэнергию с точки зрения ценовой эластичности спроса и предложения
	Построение схемы-матрицы системы национальных счетов с целью упрощения восприятия и быстроты расчета показателей
2. Поиск новых рыночных возможностей, отвечающих принципам ответственного ресурсопотребления в условиях полярности интересов	Решение кейса «Энергетический кризис и ограниченность ресурсов»
	Дискуссия по проблемной ситуации «Уход от налогов vs развитие экономики»
	Деловая игра «Выборы»: разработка и презентация предвыборной программы кандидата в президенты
	Кейс-стади «Деньги – зло или благо? Можно ли экономике обойтись без денег»
	Пресс-конференция: насколько перспективно дальнейшее продвижение России на мировых энергорынках?
	Деловая игра «Ограниченность ресурсов»

Однофакторный дисперсионный анализ						
ИТОГИ						
Группы	Счет	Сумма	Среднее	Дисперсия		
Группа 1	14	61,14	4,37	0,67		
Группа 2	16	64,43	4,03	0,35		
Группа 3	20	84,92	4,25	0,43		
Дисперсионный анализ						
Источник вариации	SS	df	MS	F	P-Значение	F критическое
Между группами	0,9097	2,0000	0,4549	0,9690	0,3869	3,1951
Внутри групп	22,0630	47,0000	0,4694			
Итого	22,97276	49				

Рис. 8. Субъективная оценка эффективности проектной деятельности со стороны студента.
Исходные данные: социологический опрос, осенний семестр 2016 г.

По результатам однофакторного дисперсионного анализа (см. рис. 8) средняя субъективная оценка эффективности образовательных мероприятий с точки зрения усвоения новых навыков и получения профориентированных знаний по экономической дисциплине в группе 1 равна 4,37, в группе 2 – 4,03, в группе 3 – 4,25. Группы имеют разную численность от 14 до 20 человек в каждой. Между показателями нет существенных различий, так как верх-

нее критическое значение F-распределения ниже F-критического. Следовательно, эффективность применяемой образовательной методики со стороны студентов оценивается примерно одинаково вне зависимости от размера группы. Среднее значение субъективной оценки студента эффективности новых организационно-педагогических мероприятий и методического комплекса проектной работы составляет 84%. Сила влияния субъективной оценки

на результаты по изучаемому предмету составляет 96% ($22,0630/22,9776 \cdot 100\%$). При помощи коэффициентов линейной корреляции Пирсона для вы-

борки 50 человек (14+16+20 для трех групп) получаем, что р-значение соответствует вероятности ошибки 0,005.

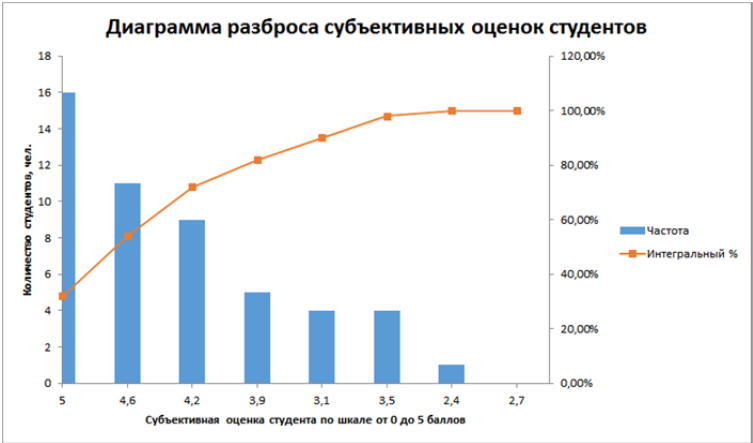

Рис. 9. Сводная диаграмма субъективных оценок студентов по всем трем группам

Однофакторный дисперсионный анализ						
ИТОГИ						
Группы	Счет	Сумма	Среднее	Дисперсия		
Группа 1	15	12	80%	0,03		
Группа 2	20	16	79%	0,01		
Группа 3	20	18	88%	0,01		
Дисперсионный анализ						
Источник вариации	SS	df	MS	F	P-Значение	F критическое
Между группами	0,09	2	0,05	2,77	0,07	3,18
Внутри групп	0,87	52	0,02			
Итого	0,9642109	54				

Рис. 10. Субъективная оценка эффективности проектной деятельности со стороны преподавателя

Регрессионная статистика									
Множественный R	0,93								
R-квадрат	0,87								
Нормированный R-квадрат	0,86								
Стандартная ошибка	0,06								
Наблюдения	14								
Дисперсионный анализ									
	df	SS	MS	F	Значимость F				
Регрессия	1	0,30	0,30	78,08	0,00				
Остаток	12	0,05	0,00						
Итого	13	0,35							
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%	
Y-пересечение	0,05	0,09	0,58	0,57	-0,15	0,26	-0,15	0,26	
Переменная X 1	1,00	0,11	8,84	0,00	0,75	1,24	0,75	1,24	

Рис. 11. Корреляционно-регрессионный анализ субъективной оценки студента и успеваемости по предмету

Как видно на рис. 9, высокий процент (30%) студентов выборки (16 человек из 50) оценили результаты работы по дисциплине на 100%. Более половины учащихся оценили свои навыки и приобретенные знания по результатам проведения новых организационно-педагогических мероприятий в рамках проектной работы по экономике на 92–100%. Высокая удовлетворенность результатами работы по дисциплине может не совпадать с мнением преподавателя. Следует оценить субъективные оценки, которые выставляет

преподаватель в ходе выполнения контролирующих мероприятий при проверке самостоятельной работы студентом (взято на примере выполнения авторского комплекта учебно-методических материалов комплекса дисциплины Экономика 1.1 в системе MOODLE для организации самостоятельной работы студента – CPC).

Рассмотрим статистику успеваемости по журналу оценок системы электронного обучения. В среднем студенты имеют достаточно высокие баллы (80–88%). Как видно, группы неоднородны, существует взаимосвязь численности и успеваемости, причем чем выше численность в группе, тем выше успеваемость. Получается, что эффективность методики выше, если численность группы выше, так как групповая работа по экономическому проекту предполагает определенное число участников: 5–6 человек в мини-группе. Следует отметить, что традиционная методика более эффективна при ином соотношении. Сила влияния успеваемости по предмету на эффективность организационно-педагогических условий составляет 90% (рис. 10).

Следует изучить вопрос о взаимном влиянии факторов удовлетворенности студента результатами обучения и успеваемости на эффективность предлагаемой методики. Применяя корреляционный анализ влияния двух факторов, выявим степень связанности успеваемости с субъективной оценкой студента эффективности организационно-педагогических мероприятий.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа (рис. 11) данных видно, что субъективная оценка студента эффективности предлагаемой педагогической методики на 87% зависит от успеваемости. Коэффициент детерминации выше 0,8, что говорит о высокой резонансности проведенного исследования. У-пересечение близко к 0, что говорит о незначительном влиянии прочих факторов на субъективную оценку студента. Таким образом, удовлетворенность студента приобретенными знаниями и навыками напрямую зависит от успеваемости по дисциплине. Это достаточно просто объясняется в ситуации, когда получается успешно выполнять задания, появляется интерес и желание саморазвиваться, что в конечном итоге взаимообуславливает выявленную корреляцию факторов. Переменная X_1 имеет положительное значение, что говорит о прямой связи успеваемости с удовлетворенностью приобретенными компетенциями и субъективным восприятием предмета студентом.

Закключение

Таким образом, суть изменения организационно-педагогических условий проектной работы студента инженерной специальности при освоении экономической теории и приобретении уникальных компетен-

ций заключается в переориентации приоритетов от усвоения базовых знаний по предмету к развитию личности и умениям работать в условиях, приближенных к реальности. Участвуя в командной проектной деятельности, студент учится работать в окружении единомышленников, при этом развивая собственные навыки принятия решений, активной профессиональной деятельности, инициативности и коммуникации. Творческая работа над коллективным исследовательским заданием способствует развитию креативности мышления, что повышает конкурентоспособность будущего инженера на рынке труда. Самостоятельность в последующей работе приобретается посредством комбинации познавательной деятельности с поисковой, аналитической, исследовательской средствами новых информационных технологий, в том числе при помощи электронной среды. Субъективная оценка эффективности инноваций в образовательном процессе доказывает целесообразность внедрения новых организационно-педагогических условий проектной деятельности. Субъективная оценка студента в рамках социологического анонимного опроса выполняет функцию маркера степени эффективности проведенных организационно-педагогических мероприятий и напрямую связана с успеваемостью по дисциплине.

Дискуссия

Традиционная методика преподавания экономической теории для инженерных специальностей широко известна и применяется в большинстве современных вузов до сих пор. Однако новые образовательные методики призывают преподавателей к переменам. В общем, суть предлагаемых изменений заключается в переходе от пассивных методов обучения к активным. Проблема же заключается в том, что эффективность этих активных методик не до конца изучена, в то время как традиционные методики апробированы на поколениях выпускников. Проектная работа будущего инженера смоделирована преподавателем, но задача в реальной действительности может варьироваться. Возникает вопрос, сможет ли специалист, обучавшийся по инновационной методике, как в приведенной статье или аналогичной, ориентироваться в новых условиях. Традиционные методики доказали, что базовые фундаментальные знания дают кумулятивный эффект на системность мышления в целом, что обеспечивает устойчивость выпускников как специалистов и профессионалов с течением времени и в изменяющихся условиях. Новые организационно-педагогические условия не прошли проверку временем, но имеют внушительный потенциал. Следует обратить внимание на изучение проблемы устойчивости приобретенных уникальных компетенций при помощи образовательных инноваций в условиях неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dole S., Bloom L., Kowalske K. Transforming Pedagogy: Changing Perspectives from Teacher-Centered to Learner-Centered // *Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*. 2016. Vol. 10, № 1. P. 14. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/ijpbl/vol10/iss1/1/>
2. Erdogan N., Navruz B., Younes R., Capraro R.M. Viewing How STEM Project-Based Learning Influences Students' Science Achievement Through the Implementation Lens: A Latent Growth Modeling // *Eurasia Journal of Mathematics Science and Technology Education*. 2016. Vol. 12, № 8. P. 2139–2154. URL: http://www.academia.edu/download/45351267/Eurasia_published.pdf

3. Fortus D., Dershimer R.C., Krajcik J., Marx R.W., Mamlok-Naaman R. Design-based science and student learning // *Journal of Research in Science Teaching*. 2004. Vol. 41, № 10. P. 1081–1110. URL: <http://ldt.stanford.edu/~educ39109/POMI/DBL/documents/DBSSL.pdf>
4. Krajcik J., McNeill K.L., Reiser B.J. Learning-goals-driven design model: Developing curriculum materials that align with national standards and incorporate project-based pedagogy // *Science Education*. 2008. Vol. 92, № 1. P. 1–32. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/sce.20240/pdf>
5. Marx R.W., Blumenfeld P.C., Krajcik J.S., Soloway E. Enacting project-based science // *Elementary School Journal*. 1997. Mar. T. 97, № 4. P. 341–358. <http://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/461870>
6. Neck H.M., Greene P.G. Entrepreneurship Education: Known Worlds and New Frontiers // *Journal of Small Business Management*. 2011. Jan. Vol. 49, № 1. P. 55–70. URL: https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=21&SID=F3jcG9bYYNzMcObCSi&page=1&doc=2&cacheurlFromRightClick=no&excludeEventConfig=ExcludeIfReload
7. Schneider R.M., Krajcik J., Blumenfeld P. Enacting reform-based science materials: The range of teacher enactments in reform classrooms // *Journal of Research in Science Teaching*. 2005. Mar. Vol. 42, № 3. P. 283–312. URL: http://www.project2061.org/research/ccms/site.archive/documents/Enacting_Reform_Based_Science_Materials.pdf
8. John Christopher Jones Design Methods: Seeds of Human Futures. Wiley-Interscience, 1970. 407 p.
9. Dewey John. Experience & Education. New York, NY: Kappa Delta Pi, 1938.
10. Kilpatrick W.H., The Project Method // *Teachers College Record*. 1918. 19 September. P. 319–334.
11. Hoffman R.R., Crandall B., Shadbolt N. Use of the critical decision method to elicit expert knowledge: A case study in the methodology of cognitive task analysis // *Human Factors*. 1998. Jun. Vol. 40, № 2. P. 254–276. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1518/001872098779480442>
12. Kitto K.L., Ep I. Integrating concurrent engineering into undergraduate design and research experiences // 27th Annual Conference on Frontiers in Education – Teaching and Learning in an Era of Change (FIE 97); Ieee Educ Soc I. C. S. A. S. E. E. E. R., Methods Div U. P.: Proceedings-Frontiers in Education Conference – Pittsburgh, Pa, 1997. P. 955–959.
13. Павловская С.В., Сироткина Н.Г. Анализ опыта проектной деятельности при преподавании управленческих дисциплин в вузах // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13864> (дата обращения: 11.12.2017).
14. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 марта 2018 г.

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL FRAMEWORKS OF BACHELORS' PROJECT WORK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 167–177.

DOI: 10.17223/15617793/434/23

Elena M. Rozhdestvenskaia, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena.rozhdestvenskaya@gmail.com

Anastasia V. Zhavoronok, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: an.zhavoronok@mail.ru

Keywords: project work; continuous education strategies; interdisciplinarity; modernization of humanitarian education.

The article aims to justify the effectiveness of the proposed organizational and pedagogical conditions from the position of a subjective evaluation of the results of mastering unique competences. Both general (comparative analysis, sociological survey (polling), mathematical modeling) and specialized (e-learning, inverted class technology, active pedagogical methods) scientific methods are used in the article. The step-by-step process of organizing project work at an economic discipline for “non-economist” students majoring in Power and Electrical Engineering is described. The general scheme of organizing project work, the main requirements and the plan of assessment activities for the discipline are given. The results of the subjective assessment of the new organizational and pedagogical frameworks of students’ project work prove their effectiveness, which consists in the development of general and unique competencies. Involvement of bachelors in project activities contributes to mastering the skills of (1) assessing the economic performance of objects and processes of professional activity in order to increase their resource efficiency, (2) looking for new market opportunities that meet the principles of responsible resource consumption in conditions of polarity of interests. This approach to students’ project work is a tool for developing competencies and a person who has a steady need for acquiring new knowledge and continuing education. A correlation-regression analysis of students’ subjective assessment and academic performance on the subject was conducted to prove a hypothesis that the new organizational and pedagogical frameworks form an attracting educational environment, which enhances students’ activities. Subjective assessment of innovations effectiveness in education by means of a sociological anonymous survey proves the effectiveness of activities of the project to streamline the socio-humanitarian education of bachelors majoring in engineering, and also proves a direct link with better academic performance.

REFERENCES

1. Dole, S., Bloom, L. & Kowalske, K. (2016) Transforming Pedagogy: Changing Perspectives from Teacher-Centered to Learner-Centered // *Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*. 10(1). p. 14. [Online] Available from: <http://docs.lib.purdue.edu/ijpbl/vol10/iss1/1/>. DOI: 10.7771/1541-5015.1538
2. Erdogan, N., Navruz, B., Younes, R. & Capraro, R.M. (2016) Viewing How STEM Project-Based Learning Influences Students’ Science Achievement Through the Implementation Lens: A Latent Growth Modeling. *Eurasia Journal of Mathematics Science and Technology Education*. 12(8). pp. 2139–2154. [Online] Available from: http://www.academia.edu/download/45351267/Eurasia_published.pdf.
3. Fortus, D., Dershimer, R.C., Krajcik, J., Marx, R.W. & Mamlok-Naaman, R. (2004) Design-based science and student learning. *Journal of Research in Science Teaching*. 41(10). pp. 1081–1110. [Online] Available from: <http://ldt.stanford.edu/~educ39109/POMI/DBL/documents/DBSSL.pdf>.
4. Krajcik, J., McNeill, K.L. & Reiser, B.J. (2008) Learning-goals-driven design model: Developing curriculum materials that align with national standards and incorporate project-based pedagogy. *Science Education*. 92(1). pp. 1–32. [Online] Available from: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/sce.20240/pdf>. DOI: 10.1002/sce.20240
5. Marx, R.W., Blumenfeld, P.C., Krajcik, J.S. & Soloway, E. (1997) Enacting project-based science. *Elementary School Journal*. 97(4). pp. 341–358. DOI: 10.1086/461870
6. Neck, H.M. & Greene, P.G. (2011) Entrepreneurship Education: Known Worlds and New Frontiers. *Journal of Small Business Management*. 49(1). pp. 55–70. DOI: 10.1111/j.1540-627X.2010.00314.x
7. Schneider, R.M., Krajcik, J. & Blumenfeld, P. (2005) Enacting reform-based science materials: The range of teacher enactments in reform classrooms. *Journal of Research in Science Teaching*. 42(3). pp. 283–312. [Online] Available from: http://www.project2061.org/research/ccms/site.archive/documents/Enacting_Reform_Based_Science_Materials.pdf.

8. Jones, J.C. (1970) *Design Methods: Seeds of Human Futures*. Wiley-Interscience.
9. Dewey, J. (1938) *Experience & Education*. New York, NY: Kappa Delta Pi.
10. Kilpatric, W.H. (1918) The Project Method. *Teachers College Record*. 19 September. pp. 319–334.
11. Hoffman, R.R., Crandall, B. & Shadbolt, N. (1998) Use of the critical decision method to elicit expert knowledge: A case study in the methodology of cognitive task analysis. *Human Factors*. 40(2). pp. 254–276. DOI: 0.1518/001872098779480442
12. Kitto, K.L. & Ep, I. (1997) Integrating concurrent engineering into undergraduate design and research experiences. *27th Annual Conference on Frontiers in Education – Teaching and Learning in an Era of Change (FIE 97); Ieee Educ Soc I. C. pp. A. pp. E. E. E. R., Methods Div U. P.: Proceedings-Frontiers in Education Conference*. Pittsburgh, Pa. pp. 955–959.
13. Pavlovskaya, S.V. & Sirotkina, N.G. (2014) Analysis of the experience of the project-based learning in teaching management disciplines at universities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 4. [Online] Available from: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13864>. (Accessed: 11.12.2017).
14. Matyushkin, A.M. (1972) *Problemyne situatsii v myshlenii i obuchenii* [Problem situations in thinking and learning]. Moscow: Pedagogika.

Received: 15 March 2018

ПРАВО

УДК 343.91, 343.953

Н.Т. Ведерников, Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ, ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Раскрывается комплекс проблем теоретической направленности существующих в сфере криминалистического профилирования – моделирования поведения преступника по следам преступления. Диапазон проблем затрагивает процессуальный, методологический, тактико-криминалистический, методико-криминалистический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования выступил мотивированный перечень обстоятельств, решение которых позволит противодействовать серийным преступлениям с помощью криминалистических приемов.

Ключевые слова: серийный преступник; серийные преступления; криминалистическое профилирование; доказательство.

«Обыватель имеет мистические представления о силе приемов научного расследования преступления и готов принимать практически любые заявления, что наука на это способна» [1. С. 149]. Однако любая прикладная методика, и методика криминалистического профилирования не исключение, имеет ряд проблем теоретической природы. На наш взгляд, ранжирование проблем по их значимости и сложности приведет к формированию следующего списка:

- проблема отграничения предмета исследования от схожих исследований;
- проблема методологического обеспечения;
- проблема доказательственной ценности результатов профилирования;
- проблема адаптации в криминалистику психологического знания;
- проблема репрезентативности данных о серийных преступниках.

Проблема отграничения предмета исследования от схожих исследований. Как это ни странно, но отечественная криминалистическая (как и любая правовая) наука, столь тщательно исследующая феномен предмета научного познания в каждом конкретном случае, при исследовании серийных преступлений не замечает тот клубок разнородных феноменов, который разные исследователи определяют как «серийный преступник». Выделим основные содержательные элементы природы серийного преступника, объективно способствующее ИСПОЛЬЗОВАНИЮ знания о них в процессе криминалистического профилирования:

1. Так как понятие «множественность» твердо ассоциируется с уголовно-правовыми феноменами, при криминалистическом исследовании целесообразно прибегать не к нему, а к понятию «многоэпизодность». Понятно, что признавать синонимами «множественность» и «многоэпизодность» не следует.

2. Под многоэпизодными преступлениями следует понимать несколько однородных (или тождественных) или разнородных преступлений, совершенных в разное время лицом или группой лиц, за которые эти лица ранее не привлекались к уголовной ответственности.

3. Понятие «серийные преступления» более узкое, чем понятие «многоэпизодные преступления».

4. Серийные преступления – это не просто последовательность, это соединенная чем-то последовательность. И именно фантазия серийного преступника и есть тот фактор, который сцепляет, соединяет все эпизоды преступной серии.

5. Таким образом, серийный преступник – это лицо, совершившее три и более преступления, которые разделены между собой периодами эмоционального покоя, связанных между собой стремлением лица обратить психотравмирующую ситуацию в свою пользу.

Научный плюрализм – это, без сомнения, позитивное начало, предопределяющее саму возможность научного развития. Однако включение разноприродных объектов в предмет одного исследования – это методологическая ошибка, которая обусловит неконкретный, абстрактный вывод, проистекающей из разной природы исследуемых объектов (чем сильнее отличаются объекты, тем более абстрактный вывод следует). В самом деле, либо все серийные преступления, имея схожую природу, могут быть исследованы в рамках одного достаточно детального алгоритма, либо природа объектов, включаемых в группу «серийные преступления», различна, и исследованы по единому алгоритму они быть не могут. Но кто рискнет сформировать рекомендации по расследованию серийных преступлений, включающих серийные сексуальные убийства, серийные поджоги и серийные грабежи, да еще имеющие и групповую [2. С. 14] природу?

Представляется, что в списке теоретических проблем криминалистического профилирования проблема отграничения предмета исследования от схожих исследований наиболее актуальная и подлежит приоритетному решению.

Проблема методологического обеспечения криминалистического профилирования. Отечественная криминалистическая и криминологическая мысль традиционно считается ориентированной на теоретическое обоснование исследуемых феноменов как основного вектора, даже порой в ущерб практической

ценности получаемых результатов. Методологические исследования традиционно подаются как преимущество отечественных наук о преступлениях и борьбе с ними. Стройная система общенаучных, частнонаучных и специальных криминалистических методов в рамках общетеоретических построений завораживает своей красотой и исчерпываемостью. Однако часто при рассмотрении конкретных вопросов методологическое обеспечение системностью не отличается.

Сразу отметим, что мы далеки от мнения о том, что «российская криминалистика отстает в своем развитии от других общественных и гуманитарных наук, которые уже взяли на вооружение новые методы и принципы постнеклассической науки» [3. С. 8]. Речь идет о не совсем рациональной постановке методологических акцентов при криминалистическом исследовании личности.

Так, криминалистическое исследование личности традиционно опирается на метод наблюдения и метод обобщения независимых характеристик (анализ уголовного дела). Помимо названных, криминалистика использует криминологические данные о личности преступника, полученные, как правило, с помощью группы социологических методов. По мнению В.Л. Юаня, целесообразно выделять две группы методов.

Методы группы А. Опосредованные методы, в которых между сведениями о личности преступника и следователем находятся другие лица. Сюда включаются такие методы, как опрос информированных лиц и анализ характеристик личности исследуемого лица. Методы данной группы объединяет наличие оценок, характеристик и суждений со стороны других лиц, которые в разной степени искажают исходные факты о личности преступника.

Методы группы Б. Непосредственные методы, в которых источниками происхождения являются зафиксированные факты или реальная действительность. Сюда относятся такие методы, как наблюдение за личностью преступника и анализ уголовного дела. Характерная особенность методов данной группы заключается в отсутствии между источниками информации и следователем оценок других лиц, уменьшающих практическую ценность полученных данных [4. С. 274–275].

Понятно, что методы первой группы в значительной степени субъективны, хотя и не требуют, на первый взгляд, специальных познаний в области наук о человеке. Методы же второй группы очень плохо алгоритмируются, особенно в области алгоритмов анализа материалов уголовного дела, и представляют из себя в значительной степени «познавательную рулетку».

Группа же социологических методов ориентирована на получение обобщенных материалов, в том числе и в отношении личности преступника. Социологические методы хороши в отношении значительных по объему и количеству собранного материала групп лиц. Социологический подход нашел в криминалистике совершенно адекватное отображение в рамках такого информационного блока, как «криминалистическая характеристика преступлений». Таким

образом, социологические методы вполне адекватно применимы при исследовании, скажем, квартирных краж или бытовых убийств. В случае же исследования уникальных групп преступников мы получаем крайне абстрактную, а порой преисполненную вполне бытовыми размышлениями методику расследования преступлений. Например, методику расследования террористических актов, методику расследования заказных убийств (кроме бытовых заказных убийств) или методику расследования содействия террористической деятельности, которую не выделяют даже на уровне самостоятельной методики расследования.

Для нашей работы значимо утверждение, что даже будучи обобщенными, результаты использования всех трех групп методов (опосредованные, непосредственные, социологические) очень слабо ориентированы на моделирование личности конкретного преступника. Неудивительно, что исследования, посвященные методике криминалистического профилирования, традиционно или преисполнены общих рекомендаций, или являются прямым заимствованием зарубежных исследований. Это объективно, так как в основе методики криминалистического профилирования лежит метод, в наименьшей степени исследованный в отечественной науке о расследовании преступлений. Речь идет о методе биографического анализа.

Совершенно несправедливым будет утверждение о том, что названный метод совершенно обойден отечественными исследователями-криминалистами. Так, Н.Т. Ведерников указывает на то, что биографический метод «является наиболее доступным и, можно сказать, обязательным в отношении большинства участников расследования преступления: обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, экспертов и т.д.» [5. С. 240]. Мало того, основатель томской криминалистической школы напрямую указывал, что биографический метод не просто актуален для криминалистического исследования личности, но в силу своей системности обеспечивает возможность сбора сведений о жизни лица в хронологическом порядке, что позволяет определить давность формирования тех или иных ценностей и принципов, тем самым дает возможность выстроить их иерархию [Там же].

Ценность этапа сбора биографической информации и сведений из биографии исследуемого отечественными учеными не отрицается. Однако алгоритмов анализа полученной информации, трактовки биографических фактов, составляющих содержание второго этапа использования биографического метода – этапа биографического анализа полученного материала, на данный момент не разработано. А ведь именно на данном этапе должен решаться вопрос о логике и содержании толкования полученных сведений. Сущность второго этапа заключается в построении выводов посредством сопоставления данных между собой, анализа и выдвижения гипотез о наличии либо отсутствии тех или иных криминалистически значимых качеств, черт и свойств личности, а также степень их выраженности и иные параметры [4. С. 113–114].

Значительное количество авторов, рассматривая проблему методологического обеспечения криминалистического исследования личности, ограничивают

ся упоминанием или кратким описанием метода биографического анализа, оставляя за скобками его содержательную характеристику, перспективы использования и проблематику. Серьезных криминалистических исследований алгоритмов трактовки биографических фактов в отечественной криминалистике на сегодняшний день явно недостаточно, хотя утверждать, что они отсутствуют, полностью нельзя [6. С. 54–55; 7. С. 112–113]. То же касается и исследований криминологических. Отечественные исследователи тяготеют к анализу статистических данных, а не жизненного пути преступника. С одной стороны, это внешне объективно, с другой – энергонеэкономично. Проще просмотреть материалы одного уголовного дела, или тем более обобщенные статистические данные по криминалистически значимому параметру, нежели выяснять тонкости жизненного пути, постоянно отсеивая неправдоподобные факты и не допуская субъективизма в их трактовке.

Тот факт, что методика построения психологического профиля неизвестного преступника была разработана и эффективно внедрена в практику расследования, во многом обусловлено ставкой на биографический метод исследования личности преступника, культивируемый в англосаксонской криминалистике. И это обстоятельство не могло сгладить даже методологическая детализированность исследований, свойственная криминалистике отечественной.

Зарубежные исследования часто выступают в виде биографического анализа личности конкретного преступника [8], что фактически не характерно для отечественных научных исследований. Биографии жизненного пути конкретных преступников в нашей стране – это удел творчества публицистов, далеких от сферы расследования. Биографические факты избыточно многообразны, как количественно, так и качественно (содержательно), поэтому проведение исследований с помощью социологических методов в отношении немногочисленных групп неэффективно.

Биография личности – это наиболее богатый источник криминалистически значимых данных о нем [9. С. 127], а значит, отечественной науке о расследовании преступлений необходимо признать актуальными исследования в области оптимизации такого методологического инструментария криминалистического анализа личности преступника, как биографический метод.

Биографический метод – крайне сложный инструмент для применения, ведь очень часто он вторгается в область стереотипов. Так, например, исходя из советской традиции устройства системы образования, мы до сих пор полагаем, что факт наличия у человека высшего образования позволяет судить о присущих ему познаниях и навыках, в то время как традиции современного образования (ЕГЭ, дистанционная и заочная форма образования, несбалансированная до абсурдности в содержании учебных программ магистратура) ставят под сомнение объективность такой трактовки. Представляется, что именно криминалистика как наука о РЕАЛИИ права, если несколько расширить формулировку Г. Гросса, способна ввести в методологический аппарат правовых наук обнов-

ленный и адаптированный под современную реальность метод познания личности – метод биографического анализа.

Проблема доказательственной ценности результатов профилирования. Серьезным стимулом проведения исследований, в том числе криминалистических, является уверенность в последующей интеграции полученных результатов в практику, в нашем случае в практику расследования преступлений. Речь идет не о тщеславии исследователя, а скорее о финансировании проводимых исследований. Не секрет, что грантовая природа стимулирования интереса к научным разработкам в значительной степени предопределяет их эффективность. В отношении криминалистических исследований можно утверждать, что чем в большей степени они ориентированы на признаваемую высокую доказательственную ценность, тем интенсивнее они проводятся (ценность экспертного заключения в этом плане *de facto* выше, чем ценность заключения специалиста).

Проблема криминалистического профилирования, имеющаяся в отечественной криминалистической науке, это убежденность в том, что «на настоящем этапе становления и развития метода разработки психолого-криминалистического портрета предполагаемого преступника нельзя признать его, даже при наличии весьма многих взаимосвязей, одним из видов судебно-психологической экспертизы» [10. С. 70]. К сожалению, данная убежденность не может быть списана на давность лет, на слабое знакомство научной общественности с рассматриваемой методикой в начале века, так как на данный момент ситуация не изменилась и в силу «новизны указанной методики для отечественной практики расследования преступлений говорить о сформированности системы ее положений на сегодняшний день преждевременно» [11. С. 179].

Научное познание базируется на аксиоме о необходимости постоянного развития, которая включает не только потребность в познании новых истин в результате собственных исследований, но и в оптимизации для своих нужд знаний смежных отраслей наук.

Методика построения психологического профиля основана на поведенческом анализе следов преступления, результатом которого является вероятностное моделирование психологически значимых характеристик неизвестного лица, совершившего преступление.

Однако в данный момент в отечественной правовой науке возникла дискуссия о том, можно ли признавать составленный психологический профиль как заключение эксперта или ему должно отводиться несколько более скромное (в доказательственном плане) место. Разумеется, сторонники первого подхода настаивают на том, что составление психологического профиля неизвестного преступника должно являться предметом судебно-психологической экспертизы. Сторонники второго подхода традиционно категоричны, но убедительных содержательных аргументов ими не проводится, а уровень аргументации характеризуется в основном высказываниями общего плана.

На наш взгляд, возникновение нового вида судебно-психологической экспертизы (как и любой другой)

зависит от того, обладает ли она требованием ценности и объективности. В понятие ценности мы включаем отсутствие существующих альтернативных методик, позволяющих разрешать вопросы, поставленные перед экспертом. Естественно, в понятие ценности входит существование потребности разрешения подобных вопросов.

Рассмотрим соответствие указанной методики требованию объективности, которое, на наш взгляд, включает наличие научно обоснованной теоретической базы и факты, подтверждающие эффективность теоретических построений на практике. Методика построения психологического профиля основана на принципах психоанализа и бихевиористики. Основные положения указанных теоретических подходов если и не получили полноценного теоретического обоснования, то блестяще подтвердили свою эффективность в сфере судебно-психологической экспертизы. Так, невозможно представить эксперта-психолога, который отказался бы от применения таких методик, как цветовой тест М. Люшера, методики ТАТ, рисуночного теста фрустраций Розенцвейга, социометрического теста Дж. Морено, неоконченных предложений Сакса Леви, семантического дифференциала Осгуда. А ведь во всех этих методиках в основу положено психоаналитическое учение о механизмах защиты (например, о вытеснении, проекции, замещении, переносе). Скажем больше, даже такая распространенная методика судебно-психологической экспертизы, как Миннесотский многопрофильный опросник личности, включает в свои вопросы элементы проекции, а ведь это методика в большей степени анкетная.

Вывод напрашивается сам собой: экспертная практика идет по пути рецепции положений психоаналитической и бихевиористской школы, так как это значительно обогащает методический арсенал судебно-психологических экспертиз.

С учетом сказанного теоретическую обоснованность методики построения психологического профиля (насколько это возможно для психологической методики) мы считаем фактом неоспоримым. Что же касается использования результатов указанной методики в мировой практике расследования преступлений, то они более чем впечатляющие.

Вышесказанное свидетельствует о том, что методика построения психологического профиля неизвестного преступника в целом соответствует двум основным краеугольным требованиям предмета судебно-психологической экспертизы.

Рассмотрим иные дискуссионные аспекты методики построения психологического профиля. Так, объектом для критики указанной методики является вероятностный характер вывода. Действительно, это так. Однако здесь следует отметить, что ни один вид судебной экспертизы не может претендовать на стопроцентную истинность, ведь «мы должны признать, что заключение, производное от научного метода, приносит нам только наиболее вероятные результаты» [12. С. 22]. Если бы подобная объективность имела место, не было бы необходимости в судебном заседании, во всяком случае в той его части, где подвергается анализу факт события.

В отечественной литературе уже неоднократно отмечалось, что позиция противников вероятного заключения эксперта ошибочна. Действительно ч. 4 ст. 302 УПК РФ говорит о том, что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств». Однако законодатель говорит о предположениях, а не о вероятностях, о чем и в литературе [13. С. 259], и в разъяснениях Конституционного суда РФ [14] уже речь шла неоднократно.

К видам судебно-психологической экспертизы, объективно ориентированным на вероятностный результат, мы можем смело отнести судебно-психологическую экспертизу способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии в полной мере осознавать характер и опасность своих действий или руководить ими, а также посмертную судебно-психологическую экспертизу. Как видно из приведенных примеров, вероятностный характер вывода экспертизы не может быть признан достаточным основанием для непризнания ее доказательственного статуса. Следующим уязвимым для критики является положение о том, что судебно-психологическая экспертиза по установлению психологического профиля неизвестного преступника способна дать только общеродовой вывод о личности преступника. Не называя конкретного имени, указанная методика на выходе определяет группу признаков, характерных не только для лиц, совершивших преступление. Является ли это достаточным основанием для сомнения в ценности рассматриваемой методики? На наш взгляд, ответ однозначно отрицательный, так как существует большое количество видов экспертиз, которые характеризуются общеродовыми выводами. Например, к подобного рода экспертизам относится автороведческая экспертиза, способная определить некоторые характеристики автора текста, однако подобными характеристиками обладает достаточно значимое количество лиц. Вероятностную природу (кстати, если судить по мнению специалистов – очень небольшую) носят результаты экспертных исследований даже в области технико-криминалистического исследования документов (например, установление абсолютной давности его составления), да и традиционное исследование почерка с методологической точки зрения не безукоризненно [15. С. 344–345]. То же самое можно сказать и в отношении методики установления времени смерти в рамках судебно-медицинской экспертизы.

Экспертное исследование объективно предполагает элиминацию (устранение) субъекта, т.е. отстраненность эксперта от своих личностных характеристик, мировоззренческих ориентаций, шкалы ценностей. Подобное объективно крайне редко можно наблюдать в судебно-лингвистической экспертизе экстремистских материалов. Слабую выраженность элиминационного фактора можно встретить в практике проведения судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Однако разве это

служит основанием для сомнения в самой возможности экспертных исследований в заявленных областях?

В целом давно известное в теории доказывания, в экспертной и судебной практике ФРГ распространение мнение, что эксперт может давать свое заключение только в вероятной форме [16. С. 81], стало находить понимание и в отечественной криминалистике [13. С. 260]. Таким образом, возможно, неаргументированное нежелание признавать методику построения психологической профиля экспертной исследовательской методикой, вероятно, будет пересмотрено.

Отдельно отметим широко известные, но от этого не ставшие общепризнанными положения, предопределяющие доказательственную ценность рассматриваемой методики в контексте проблемы доказательств поведения в системе косвенных доказательств. Доказываемые по уголовному делу обстоятельства при соблюдении ряда условий выступают в качестве доказательств – прямых или косвенных. «Основанием этого деления является различие в структуре процесса обоснования доказываемого обстоятельства» [17. С. 268]. Прямым доказательством называют доказательство, непосредственно устанавливающее доказываемое обстоятельство, а косвенным – такое, которое устанавливает данное обстоятельство через «промежуточный факт». Обычно в юридической литературе прямым доказательством считают такое, которое прямо устанавливает виновность лица в совершении преступления. В контексте сказанного понятно, что сведения, получаемые в процессе анализа личностных характеристик преступника, прямыми доказательствами не являются, так как прямо не устанавливают виновность лица в совершении преступления.

Косвенное доказательство обосновывает доказываемое обстоятельство не прямо и не непосредственно, а через «промежуточные факты». Так, из сообщения свидетеля о том, что он видел оружие у подозреваемого, прямо следует, что лицо имело возможность совершить убийство (1-я стадия вывода), а из того факта, что лицо имело возможность совершить преступление, следует, что оно, возможно, причастно к убийству (2-я стадия вывода). «Промежуточный факт» в этом примере – знание о наличии у лица оружия, подтвержденное показаниями свидетеля, а содержание его показаний не идентично содержанию доказываемого обстоятельства.

Косвенное доказывание представляет сложный многоступенчатый акт, так как оно изначально прямо подтверждает некоторое промежуточное утверждение, а впоследствии, через это промежуточное утверждение, подтверждает и второе, окончательное утверждение. Содержание косвенного доказательства составляют данные о таких фактах, установление которых составляет не конечную цель, а промежуточный этап конкретного процесса доказывания. Таким образом, косвенным доказательством является такое доказательство, которое в результате многоступенчатой процедуры сначала обосновывает существование промежуточного факта, а затем, через него, – предмета доказывания или его элемента.

А.А. Хмыров констатировал, что специфичность связи при оценке косвенных доказательств позволяет

выделить некоторые их особые виды, в частности доказательства поведения и доказательства подобия («подобные факты») [18. С. 76–92]. «Доказательства поведения» – фактические данные о действиях обвиняемого, выраженные, в частности, в поведении обвиняемого после совершения преступления, обуславливаемые фактом совершения им преступления; действиях, производимых обвиняемым до совершения преступления и представляющих собой подготовку к его совершению; изменениях в поведении обвиняемого после совершения преступления, вызванных совершением преступления» [19. С. 368–375].

К числу косвенных могут быть отнесены и доказательства, устанавливающие «подобные факты». Например, установленное сходство в способе совершения ряда преступлений, объектах посягательства, использование аналогичных уловок и приемов, повторяющихся элементов обстановки совершения деяния, а также наличие у обвиняемого определенных качеств (целей, навыков и т.п.) [20. С. 21–22] позволяют сделать предположительный вывод о совершении всех этих преступлений одним и тем же лицом. Содержательная характеристика доказательств подобия выражается в идентичности поведенческой модели преступника в силу целостности его личности, воплощенной посредством проявления устойчивых характеристик этого лица в его преступной деятельности. Сведения, получаемые в результате отражения личностных особенностей лица, совершившего преступление, в следах преступления выступают в качестве относительно самостоятельной разновидности доказательств подобия.

Пример с наличием у подозреваемого лица оружия как косвенного доказательства его причастности к совершению убийства базируется, как уже говорилось, на схеме «была возможность → может быть причастен». Наблюдается двухступенчатый акт процесса косвенного доказывания. Рассмотрим процесс косвенного доказывания сведений о личности преступника, нашедших отражение в следах преступления. Способ открывания двери обусловлен сформированной совокупностью автоматизированных действий по открыванию двери. Таким образом, процесс косвенного доказывания базируется на трехуровневой схеме «есть способность → была возможность → может быть причастен». Как видно, уязвимость процесса доказывания в рассматриваемом случае повышается. Таким образом, мы приходим к присущей для трактовки поведенческих следов неоднозначности. Однако при рассмотрении поведенческих следов в комплексе достаточность содержательной информации, необходимой для полного описания события преступления (или его элемента) и индивидуализации обвиняемого, резко повышается. Мы полагаем, что сведения, получаемые в процессе анализа личностных характеристик преступника, соответствуют требованиям, предъявляемым к косвенным доказательствам, так как содержат обоснование существования промежуточных фактов (трех и более), а через них – предмета доказывания или его элемента. Таким образом, рассматриваемые сведения выступают разновидностью доказательств подобия, а следовательно, рассматрива-

емая проблема переносится со сферы доказательственной ценности устанавливаемых при профилировании фактов в область оценки этих фактов судом.

Проблема адаптации в криминалистику психологического знания. Отметим, что современная криминалистика прошла стадию накопления эмпирического материала и построения теоретического базиса, наступило время создания эффективных методик, оптимизирующих отдельные аспекты расследования преступлений; алгоритмов, четко предопределяющих наиболее эффективные способы достижения цели. Уровень общих рассуждений и теоретических метаний, например о природе тактического приема, криминалистической характеристике преступного события, следственной ситуации, совершенно не соответствует социальному заказу, стоящему перед криминалистикой. А ведь «критерий истинного развития один – приращение нового знания или уточнение уже имеющегося» [21. С. 143–144]. Но в силу особенности криминалистической материи преимущественное приращение возможно за счет заимствования с последующей адаптацией достижений других наук.

Об интегративной природе криминалистической науки говорилось немало. Совместно с обобщением практики, интеграция иного знания составляет два основных вектора формирования криминалистического знания [22. С. 16]. К сожалению, если применить данный тезис к отдельным конкретным разделам науки о расследовании преступлений, то легко убедиться в неравномерности интеграции знаний иных наук. Так, криминалистическая теория активно, а может быть, и избыточно активно, заимствует методологию философской науки, криминалистическая техника – методологию наук технических и естественных. Принято считать, что криминалистическая тактика и методика активно заимствуют знания психологические, а криминалистическая методика – знания в области систематизации, начиная от системного анализа и научной организации труда и заканчивая сферой алгоритмизации посредством использования методов компьютерного анализа. Однако не все так однозначно.

Правовые науки никогда не были эмпирическими областями знания, как верно отметил основатель криминалистики Г. Гросс [23. С. 6], что в значительной степени затрудняет заимствование из иных эмпирических наук. Однако для наук естественных и технических сказанное выражено в гораздо меньшей степени, чем для наук гуманитарных, к которым почему-то до сих пор относят психологическую науку. Именно для психологического знания наиболее актуально высказывание о том, что «самодостаточность современной криминалистики проявляется и в том, что она в последние десятилетия недостаточно внимания уделяет исследованию механизма интеграции в нее достижений других наук» [3. С. 32].

И в отечественной, и в зарубежной криминалистике признается, что «хотя в долгосрочной перспективе психологическая наука имеет очень многообещающее влияние на правовую политику, однако в данный момент это влияние имеет довольно ограниченную тенденцию» [24. С. 498].

В чем же причина подобного подхода к актуальности рецепции психологического знания в криминалистике за рубежом, ведь там нет формально ограниченных направлений научного поиска?

«Действительно, некоторым исследователям правовых систем термин научная психология представляется оксюмороном до такой степени, что они полагают, что в правовой системе не существует концепции психологии как науки. Работники правоохранительных органов полагают, что психологические выводы и идеи сильно зависимы от социальной повестки дня. В Соединенных Штатах существует относительно широкое понимание того, что ученые, особенно в социальных и гуманитарных науках, политически и социально мотивированны либеральной повесткой дня» [24. С. 491]. Как видно, за рубежом недоверие к психологии предопределено феноменом политкорректности, о вреде которого говорилось немало.

Отметим, что приведенные причины неактивного использования психологического знания в решении задач, стоящих перед криминалистикой, крайне субъективны и как системные восприняты быть не могут.

Проблема репрезентативности данных о серийных преступниках. Методика криминалистического профилирования, будучи теоретически и методологически состоятельной, на стадии работы с типологическими закономерностями отдельных групп преступников может дать сбой. Причина в том, что типологические модели основных групп серийных преступников строились исходя из анализа личностных особенностей серийных преступников англо-саксонской культурной группы, в основном действовавших на территории Соединенных Штатов Америки. Это оправдано, так как подавляющее большинство серийных убийц (73%) действовали как раз на территории данного государства [25. С. 14].

Сегодня, когда в мировой науке социологического плана доминирует идея мультикультурности, которая по сути сводится к идее панамериканизма, исследование национально-культурных особенностей отдельных групп преступников не всегда приветствуется. Скажем больше: часто научная общественность их откровенно побаивается, игнорируя понимание того, что «свобода прессы защищает непопулярную печать; свобода слова защищает непопулярную речь – популярные идеи редко нуждаются в защите» [26. С. 149].

Несмотря на сказанное, в литературе порой отмечается актуальность исследования различий серийных преступников – граждан разных государств.

«Серийное убийство редко рассматривается с глобальной точки зрения, и эмпирические исследования серийных убийств преступников по всему миру редки. Существует ряд доказательств, что немецкие серийные убийцы отличаются от серийных убийц в Соединенных Штатах. Это было продемонстрировано в исследовании немецких серийных убийц, показавших, что преступники не имеют один и тот же мотив для каждого эпизода убийства и грабежа» [27. С. 53]. Есть также результаты исследований, которые показывают, что для немецких серийных преступников нетипичны некоторые поведенческие модели безотносительно типа серийного преступника, так «в Германии серий-

ные преступники... редко оставляют послания или берут трофеи» [28. С. 311–333].

Российские исследователи также отмечают, что «отечественные серийные убийцы не являются во всех отношениях копиями их европейских или заокеанских коллег. В отличие от обычно опрятных, ухоженных, подчас внешне респектабельных зарубежных серийников, российские убийцы выглядят не лучшим образом. Их внешний вид соответствует неудачному социальному статусу отверженного» [29. С. 131]. Как видно, такие значимые элементы психологического профиля, как социальный статус и внешний вид, подлежат трактовке через призму российских реалий.

Сложно делать категоричные выводы о взаимосвязи англосаксонской культуры и феномена серийных преступников, однако соотношение между процентом встречаемости серийных преступников в конкретной стране и долей этой страны в мировом народонаселении в очередной раз указывает на свойственность феномена серийных преступлений англосаксонской культуре – США, Великобритания, Шотландия, Австралия, Канада [25. С. 14].

Сказанное означает, что серийные преступники иных культурных систем, отличных от англосаксонской, не могут не иметь выраженных отличий от серийных преступников рассматриваемых стран.

Следовательно, эффективность криминалистического профилирования предопределена также и учетом национально-культурного и экономического фактора, предопределяющего типовые отличия серийных преступников конкретной страны и типовых серийных преступников США.

Кстати, наша страна сейчас не является одним из ведущих государств по распространенности серийных убийц после США. А утверждение о том, что «Советский Союз по числу серийных и массовых убийц, а также количеству их жертв оставил далеко позади все страны мира, кроме своего самого яростного и непримиримого антипода – США» [30. С. 521], просто смешно, если проанализировать статистику серийных преступлений СССР и таких стран, как Великобритания (без Шотландии), Шотландия, Германия, Канада, Австралия, Индия, Италия, Венгрия [25. С. 14]. Однако в известной энциклопедии, посвященной серийной преступности, есть только одна статья, носящая географическое название. Легко догадаться, что речь идет о России [31. С. 240–241]. Конечно, ведь больше государств, в которых встречается феномен серийной преступности, не существует. Классическое формирование штампа в сознании обывателя – необъективное, неправильное, но привязчивое и стойкое.

ЛИТЕРАТУРА

1. O'Hara Ch.E., O'Hara G.L. Fundamentals of criminal investigation. 7-th ed. Springfield, Illinois: Ch. C Thomas Pub Ltd., 2003. 991 p.
2. Рожков В.Д. Криминалистическая характеристика серийных грабежей и разбоев и организационно-тактические особенности их расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.
3. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар : КрУ МВД России, 2017. 332 с.
4. Юань В.Л. Биографический метод в системе криминалистических методов исследования личности преступника // Российское правоведение: трибуна молодого ученого : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 274–275.
5. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск. : Изд. Том. ун-та, 2009. Т. 1. 205 с.
6. Откидач А.О. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
7. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 943 с.
8. Laverne G.M. A sniper in the tower: the Charles Whitman murders. Denton, University of North Texas Press, 1997 324 p.
9. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М. : Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 400 с.
10. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с.
11. Малыгина Н.И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы / под ред. А.Ф. Волынского. М. : Юрлитинформ, 2016. 312 с.
12. Bevel T., Gardner R.M. Bloodstain pattern analysis: with an introduction to crime scene reconstruction. NY, CRC Press, 2002. 403 p.
13. Овсянников И.В. О проблеме научной обоснованности заключения эксперта // Вопросы экспертной практики. 2017. № 51. С. 257–262.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1682-О-О, от 21.10.2008 № 566-О-О
15. Huber R.A., Headrick A.M. Handwriting identification: facts and fundamentals. NY, CRC Press, 1999. 456 p.
16. Глотов О. Вероятность, граничащая с достоверностью (о достоверности экспертизы в ФПГ) // Социалистическая законность. 1978. № 1. С. 81–82.
17. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.
18. Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М. : Юрид. лит., 1979. 184 с.
19. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 384 с.
20. Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1956. 219 с.
21. Подшибякин А.С. О сущности и предмете криминалистики и основных направлениях ее разрушения // Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М. : ЗАО «ЮрИнфоР», 2011. С. 143–144.
22. Tong S., Bryant R.P., Horvath M.A.H. Understanding Criminal Investigation Atrium: Wiley-Blackwell, 2009. 295 p.
23. Gross H. Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students. Boston, Little, Brown, and Company, 1911. 546 p.
24. Wells G.L. Helping Experimental Psychology Affect Legal Policy / Psychology and law: an empirical perspective / ed. by N. Brewer, K.D. Williams. NY, The Guilford Press, 2005. P. 483–500
25. Radford / FGCU Serial Killer Database. URL: <http://library.fgcu.edu/index.html> (Accessed: 04.09.2016).
26. Laverne G.M. Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law. Denton, Texas, University of North Texas Press, 2003. 270 p.
27. Häkkinen H. Study of offense patterns and psychopathological characteristics among recidivistic finnish homicide offenders / Serial murder and the psychology of violent crimes / ed. by R.N. Kocsis. Sydney, Humana press, 2008. P. 51–62
28. Harbort S., Mokros A. Serial murders in Germany from 1945 to 1995 // Homicide Studies. 2001. № 5. P. 311–333
29. Корма В.Д., Образцов В.А. Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах (научная основа и практика): учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 184 с.

30. Ракитин А. «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. 528 с.
31. Эверит Д., Шехтер Х. Энциклопедия серийных убийц. М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2018 г.

THEORETICAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROFILING: CRIMINAL PROCEDURAL, TACTICAL CRIMINALISTIC AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 178–186.

DOI: 10.17223/15617793/434/24

Nikolai T. Vedernikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Keywords: serial criminal; serial crimes; criminal profiling; proof.

The article reveals a set of theoretical problems existing in the field of criminal profiling – modeling of the behavior of the offender in the wake of the crime. The range of problems affects procedural, methodological, tactical and forensic, criminal technique and psychological aspects. The result of the study was a motivated list of circumstances whose solution is to allow countering serial crimes with the help of forensic methods. In the conducted research, the general scientific methods of analysis, synthesis, as well as a system-structural method, were used. The private-science methods of biographical analysis, statistical analysis, as well as comparative-historical and expert evaluation methods, were also used in the study. Any applied methodology, and that of criminal profiling is not an exception, has a number of theoretical problems. The article presents the ranking of problems by their importance and complexity, which leads to the formation of the following list of problems: the problem of delimitation of the subject of research from similar studies; the problem of methodological support; the problem of the evidentiary value of profiling results; the problem of adaptation of psychological knowledge for criminalistics; the problem of representativeness of data on serial criminals. The authors draw attention to the fact that the identified problems of criminal profiling are ignored, often for subjective reasons, by the scientific community or are considered from a dogmatic standpoint. Criminal profiling deals not only with a complex of common forensic problems, but also with specific ones. Two of the specific problems include the problem of the probationary status of the conclusion of the profiler and the problem of the doubtfulness of statistical data on the activities of serial criminals. The complex of the described problems requires structural comprehension. In the list of theoretical problems of criminal profiling, the problem of delimiting the subject of research from similar studies is the most urgent, and requires an urgent solution. The authors warn against the recently emerging unscientific perception of the phenomenon of serial crimes as something peculiar to the predominantly domestic (Soviet, Russian) culture.

REFERENCES

1. O'Hara, Ch.E. O'Hara, G.L. (2003) *Fundamentals of criminal investigation*. 7th ed. Springfield, Illinois: Ch. C Thomas Pub Ltd.
2. Rozhkov, V.D. (2003) *Kriminalisticheskaya kharakteristika seriynykh grabezhey i razboev i organizatsionno-takticheskie osobennosti ikh rassledovaniya* [Forensic characterization of serial robberies and plundering and the organizational and tactical features of their investigation]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
3. Sokol, V.Yu. (2017) *Krizis otechestvennoy kriminalistiki* [The crisis of domestic criminalistics]. Krasnodar: KrU MVD Rossi.
4. Yuan, V.L. (2016) Biograficheskiy metod v sisteme kriminalisticheskikh metodov issledovaniya lichnosti prestupnika [Biographical method in the system of criminalistic methods of research on the identity of the criminal]. In: Utkin, V.A. (ed.) *Rossiyskoe pravovedenie: tribuna molodogo uchenogo* [Russian law: tribune of the young scientist]. Vol. 16. Tomsk: Tomsk State University. pp. 274–275.
5. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
6. Otkidach, A.O. (2013) *Izucheniye lichnosti obvinyayemogo na predvaritel'nom sledstviy* [Studying the identity of the accused during the preliminary investigation]. Moscow: Yurlitinform.
7. Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (2008) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
8. Laverne, G.M. (1997) *A sniper in the tower: the Charles Whitman murders*. Denton: University of North Texas Press.
9. Obraztsov, V.A. (2004) *Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologii raskrytiya prestupleniy* [Criminalistics: models of means and technologies of crime disclosure]. Moscow: Izd-vo IMPE-PUBLISH.
10. Begunova, L.A. (2002) *Problemy razrabotki i ispol'zovaniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta podozrevaemogo pri raskrytii iznasilovaniy i ubiystv, sopryazhennykh s deystviyami seksual'nogo kharaktera* [Problems of development and use of psychological and forensic portrait of the suspect in the disclosure of rape and murder with the actions of a sexual nature]. Law Cand. Dis. Moscow.
11. Malykhina, N.I. (2016) *Kriminalisticheskoe izucheniye litsa, sovershivshogo prestupleniye: teoretiko-prikladnye problemy* [Criminalistic study of the perpetrator: theoretical and applied problems]. Moscow: Yurlitinform.
12. Bevel, T. & Gardner, R.M. (2002) *Bloodstain pattern analysis: with an introduction to crime scene reconstruction*. NY: CRC Press.
13. Ovsyannikov, I.V. (2017) O probleme nauchnoy obosnovannosti zaklyucheniya eksperta [On the problem of the scientific validity of the expert opinion]. *Voprosy ekspertnoy praktiki*. 51. pp. 257–262.
14. Determinations of the RF Constitutional Court no. 1682-O-O of 21.12.2011; no. 566-O-O of 21.10.2008. (In Russian).
15. Huber, R.A. & Headrick, A.M. (1999) *Handwriting identification: facts and fundamentals*. NY: CRC Press.
16. Glotov, O. (1978) Veroyatnost', granichashchaya s dostovernost'yu (o dostovernosti ekspertizy v FRG) [Probability bordering on reliability (on the reliability of expert examination in the Federal Republic of Germany)]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1. pp. 81–82.
17. Zhogin, N.V. (ed.) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of proof in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Yurid. lit.
18. Khmyrov, A.A. (1979) *Kosvennye dokazatel'stva* [Indirect evidence]. Moscow: Yurid. lit.
19. Strogovich, M.S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: USSR AS.
20. Vinberg, A.I., Min'kovskiy, G.M. & Rakhunov, R.D. (1956) *Kosvennye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Indirect evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosyurizdat.
21. Podshibiyakin, A.S. (2011) *Pravovoe i kriminalisticheskoe obespecheniye operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Legal and forensic support of operative investigative activities]. Moscow: ZAO "YurInfoR". pp. 143–144.
22. Tong, S., Bryant, R.P. & Horvath, M.A.H. (2009) *Understanding Criminal Investigation*. Atrium: Wiley-Blackwell.

23. Gross, H. (1911) *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Boston: Little, Brown, and Company.
24. Wells, G.L. (2005) Helping Experimental Psychology Affect Legal Policy. In: Brewer, N. & Williams, K.D. (eds) *Psychology and law: an empirical perspective*. NY: The Guilford Press.
25. Radford / FGCU Serial Killer Database. [Online] Available from: <http://library.fgcu.edu/index.html>. (Accessed: 04.09.2016).
26. Lavergne, G.M. (2003) *Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law*. Denton, Texas: University of North Texas Press.
27. Häkkinen, H. (2008) Study of offense patterns and psychopathological characteristics among recidivistic Finnish homicide offenders. In: Kocsic, R.N. (ed.) *Serial murder and the psychology of violent crimes*. Sydney: Humana press.
28. Harbort, S. & Mokros, A. (2001) Serial murders in Germany from 1945 to 1995. *Homicide Studies*. 5. pp. 311–333.
29. Korma, V.D. & Obraztsov, V.A. (2015) *Kriminalisticheskoe raspoznavanie po delam o seriynykh ubiystvakh (nauchnaya osnova i praktika)* [Forensic recognition in serial murder cases (scientific basis and practice)]. Moscow: Yurlitinform.
30. Rakitin, A. (2016) “*Sotsializm ne porozhdaet prestupnosti*”. *Seriynaya prestupnost' v SSSR: istoriko-kriminalisticheskii analiz* [“Socialism does not breed crime”. Serial crime in the USSR: historical and criminalistic analysis]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
31. Schechter, H. & Everitt, D. (1998) *Entsiklopediya seriynykh ubiyts* [The A to Z Encyclopedia of serial killers]. Translated from English. Moscow: KRON-PRESS.

Received: 06 July 2018

СОУЧАСТИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО И НЕСПЕЦИАЛЬНОГО (ОБЩЕГО) СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА

Исследуются дискуссионные вопросы соучастия специального и неспециального (общего) субъектов преступления (ч. 4 ст. 34 УК РФ). По мнению автора, сочетание в рамках криминологического-правового подхода специфических методов уголовного права и криминологии как самостоятельных, но взаимосвязанных отраслей научного знания, позволяет преодолеть формализованные уголовно-правовые характеристики института соучастия и с учетом его социальных оснований определить новые возможные перспективы изучения.

Ключевые слова: криминологический подход; специальный субъект преступления; соучастие.

Проецируя нормы и институты уголовного права на реальные общественные отношения, криминология в известной степени ограничена его предписаниями в выборе предмета исследования. Однако использование специфических методов и привлечение междисциплинарных возможностей позволяют ей преодолеть узкое формальное видение науки уголовного права и выявить важные сущностные особенности изучаемых социальных явлений. Подход, представляющий собой «такое сочетание уголовно-правовых и криминологических методов исследования, которое позволяет установить для каждого вида формализованных в уголовном законе общественных отношений или явлений материальную (социальную) основу» [1. С. 8], мы именуем криминологическим-правовым.

Применение указанного методологического подхода к анализу института специального субъекта преступления предоставляет возможность рассмотрения под иным углом и вопросов, с ним связанных. В частности, полагаем, что выявленная связь природы специального субъекта преступления с криминальной реализацией статусно-ролевых возможностей рисует новые перспективы решения вопроса о квалификации преступлений, совершенных в соучастии специальным и неспециальным субъектами преступления.

С законодательной точки зрения, действия неспециального субъекта преступления, участвовавшего в совершении преступного деяния наряду со специальным субъектом, подлежат квалификации как организаторские, подстрекательские или пособнические (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Так, заведующая общежитием Д. совместно с Л., занимавшим должность главы местного самоуправления, осуществляли действия по предоставлению жилого помещения вне очереди, а также по изданию незаконных распоряжений о регистрации граждан за встречное материальное предоставление. Судом Л. признан виновным в получении взятки, а Д. – в осуществлении пособнических действий при получении взятки. Мотивируя решение, суд указал, что «Д. выполняла роль пособника в получении взятки Л., действуя в его интересах, получая вознаграждение из получаемых им сумм» [2. С. 10].

Вместе с тем соучастие специального и неспециального субъектов в совершении преступления может принимать и иной вид, а именно: объективная сторона деяния в полном объеме выполняется неспециальным субъектом, а специальный субъект организует совершение деяния, подстрекает к нему или осу-

ществляет пособнические действия – подобная ситуация проанализирована А.Н. Поповым и В.С. Прохоровым на примере детоубийства, когда действия мужа, нанесшего смертельные удары младенцу, были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия подстрекнувшей его к этому жены – по ч. 4 ст. 33 и ст. 106 УК РФ как соучастие в убийстве матери новорожденного ребенка [3. С. 125–130].

При третьем варианте объективная сторона деяния выполняется обоими субъектами частично, т.е. имеет место соисполнительство или групповое преступление. Норма ч. 4 ст. 34 УК РФ, исключающая возможность квалифицировать действия указанных субъектов как соисполнительство, является камнем преткновения и в теории, и в практической деятельности судов.

Так, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, устанавливается зависимость между характером преступного деяния и квалификацией совместных действий специального и неспециального субъектов преступлений. К примеру, соисполнителем изнасилования может признаваться и женщина, которая «путем применения насилия или угроз содействовала другим лицам в совершении преступления» [4]. В то же время субъектами группового присвоения или растраты могут выступать только лица, которым «чужое имущество было вверено юридическим или физическим лицом на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности» [5]. Аналогичной является позиция Пленума Верховного Суда РФ относительно получения взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору [6].

Анализ судебной практики в части квалификации преступлений со специальными субъектами показывает, что аналогичные ситуации разрешаются по-разному. Так, судом установлено, что Герус, являясь начальником станции электроснабжения, при пособничестве Царенко осуществил растрату денежных средств из фонда заработной платы, вверенных ему в связи с занимаемой должностью. Роль Царенко выразилась в даче им согласия на фиктивное трудоустройство на станцию в качестве электромонтера и последующей передачи части начисляемых средств заработной платы Герусу. Последний, выступая исполнителем преступления, подписал приказы о принятии на работу Царенко, а также ежемесячные реестры на перечисление сумм заработ-

ной платы на банковские карты рабочих станций. Суд, квалифицировав действия Геруса по ч. 3 ст. 160 УК РФ, вменил ему квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору». Вышестоящая инстанция приговор изменила в указанной части со ссылкой на п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», с учетом которого Царенко, не обладая признаками специального субъекта растраты, не мог выступать в качестве соисполнителя деяния. Отсюда признак «группа лиц по предварительному сговору», предполагающий совместное совершение преступления двумя или более исполнителями, отсутствует [7].

В другом случае по делу в отношении Судына, Снигиря, Белякова о фиктивном трудоустройстве и растрате посредством аналогичного способа сумм ежемесячной заработной платы, суд квалифицировал действия Судына по ч. 3 ст. 160 УК РФ, а действия Снигиря и Белякова – по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ, сославшись на ч. 4 ст. 34 УК РФ [8].

Приведенные судебные решения показывают, что понимание правоприменителем правовой природы специального субъекта преступления не препятствует квалификации его действий как соисполнительских при установлении фактического группового совершения преступления. Полагаем, что причиной этого выступает осознание необходимости отразить в квалификации групповой характер преступления при наличии установленных признаков, а значит, его повышенную общественную опасность и основания для более строгого наказания. В свете указанного следует признать, что норма ч. 4 ст. 34 УК РФ препятствует юридически значимому отражению объективных событий в ходе правоприменения.

Вместе с тем правовая позиция Верховного Суда РФ противоречива в части квалификации указанных выше преступлений, совершенных организованной группой, что в теории вызывает критические замечания [9. С. 213–218]. Так, когда речь идет о получении взятки или предмета коммерческого подкупа организованной группой, состоящей хотя бы из одного должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, привлечение к уголовной ответственности по ст. 290 и 204 УК РФ осуществляется без ссылки на ст. 33 УК РФ, независимо от того, какую роль выполняло лицо, не отвечающее признакам специального субъекта преступления, но являвшееся членом этой группы и принимавшее участие в подготовке и совершении указанных преступлений [6]. Однако когда говорится о совершении организованной группой присвоения или растраты, позиция Верховного Суда РФ совершенно обратна указанной выше и соответствует ч. 4 ст. 34 УК РФ: лица, не обладающие специальными признаками субъекта присвоения и растраты, являющиеся членами организованной группы и принимавшие участие в подготовке и совершении данных преступлений, несут ответственность как организаторы, подстрекатели или пособники [5].

Правовые позиции законодателя и правоприменителя порождают в уголовно-правовой науке попытки

объяснить как ту, так и другую. Так, аргументация сторонников соисполнительства сводится к необходимости отражения в квалификации группового характера преступления и соблюдения принципа справедливости в отношении применяемых санкций [10. С. 68–71]. Обосновываются предложения по квалификации таких преступлений вне института соучастия. По мнению Р.Р. Галиакбарова, при отсутствии признаков соучастия возможно совершение преступления в составе группы лиц: «... Соучастие может быть, а может и отсутствовать» – все зависит от задач, преследуемых законом: либо под группой лиц подразумевается форма соучастия, либо имеется в виду способ совершения деяния [11. С. 21–22].

Обоснование позиции пытаются отыскать в неравнозначности понятий «исполнитель» и «соисполнитель», рассматривая последнего как «лицо, которое участвует в преступлении, но не выполняет весь его состав», при этом утверждается возможность образования соисполнителями группы лиц [12. С. 9–11].

Также отмечается, что, будучи неразрешенным в законе, этот вопрос по-своему воспринят практикой: «... при совершении преступлений против личности, совершаемых субъектом в соисполнительстве с «несубъектом», виновному, как правило, вменяется квалифицирующий признак «группа лиц» [13. С. 45–49]. Авторами также предлагается внести изменения в главу о соучастии, например ввести термины «умышленное сопричинение» [13. С. 45–49; 14. С. 48–50], «посредственное причинение вреда» [15. С. 3–5] применительно к случаям, когда специальный субъект подстрекает, пособничает или организывает преступные действия общего субъекта.

Контраргументация рассмотренной позиции основана на призывах не отклоняться от догматов уголовного права в части понимания института соучастия, не позволяющих квалифицировать действия общего и специального субъектов как соисполнительские [16. С. 319]. Авторами утверждается, что соисполнительство в преступлениях со специальным субъектом возможно лишь в случае, если «каждое из участвующих в таком преступлении лиц отвечает признакам его специального субъекта» [17. С. 7–8].

Рассмотрение проблемы соучастия специального и неспециального субъектов в криминологическом ключе, в первую очередь, предполагает выявление криминологических и уголовно-правовых особенностей института соучастия. Так, отмечается, что «в криминологии понятие “совместная деятельность” имеет более широкий смысл, чем в уголовном праве, и включает в себя любую деятельность участников, направленную на функционирование, развитие преступной группы» [18. С. 60–63]. Основу более узкого уголовно-правового значения данного термина образует зависимость мер ответственности от характера и степени участия лица в совершении преступления совместно с другими лицами, что следует из содержания ч. 1 ст. 34 УК РФ. Криминологический подход должен максимально сочетать в себе оба указанных начала.

Кроме того, необходимо иметь в виду криминологическую специфику механизма совершения пре-

ступления специальным субъектом, когда в силу социального статуса он выступает участником общественных отношений, на которые осуществляет посягательство за счет статусно-ролевых возможностей. Это обстоятельство, во-первых, придает уголовно-правовое значение его социальному статусу как специальному признаку субъекта преступления. Во-вторых, связь между уголовно значимым социальным статусом субъекта и возможностью посягать на определенные общественные отношения объективно ограничивает способность иных лиц причинить преступный вред отдельным уголовно охраняемым объектам. Это обуславливает повышение общественной опасности специального субъекта, а также самого совершенного им деяния.

В этой связи показателен следующий пример: военнослужащие по призыву Тимохин и Шадып противоправно применили насилие в отношении своего начальника, а также совершили насильственные действия в отношении десяти своих сослуживцев. Виновные действовали согласно заранее достигнутой договоренности, в качестве повода применения насилия используя выдуманный Тимохиным факт пропажи мобильного телефона, насильственные действия в отношении потерпевших осуществляли в равной степени. Вместе с тем в ходе расследования было установлено, что Тимохин медицинской комиссией признан ограниченно годным к военной службе, т.е. по состоянию здоровья не мог нести военную службу, а значит, в уголовно-правовом смысле не является субъектом воинского преступления. Следуя ч. 4 ст. 34 УК РФ, суд пришел к выводу, что «поскольку Тимохин не является субъектом воинского преступления, однако принимал участие в совершении вышеописанных преступных деяний, то его действия подлежат квалификации как действия пособника, так как находятся за пределами рамок преступлений, совершенных исполнителем Шадыпом» [19].

Приведенный пример интересен постольку, поскольку иллюстрирует положение, когда у суда отсутствует возможность дать максимально объективную правовую оценку реальной ситуации в связи с предписанием нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ: несмотря на фактическое соисполнительство, окончательная квалификация действий субъектов не содержит указания на групповой характер деяния – Тимохин осужден по ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ и ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 334 УК РФ; Шадып – по п. «б» ч. 2 ст. 335 и ч. 1 ст. 334 УК РФ. Важно, что насильственные действия в отношении начальника (ч. 1 ст. 334 УК РФ) – это преступление средней тяжести, тогда как совершение его в составе группы лиц повышает общественную опасность деяния до уровня тяжкого. Кроме того, определяя меру наказания, суд не учел групповой характер совершенных деяний и не применил п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Результат – условное лишение свободы каждому из соучастников с меньшим сроком для пособника Тимохина.

Представляется очевидным, что соответствие выводов суда предписанию ч. 4 ст. 34 УК РФ в данном случае привело к нарушению принципа справедливости в части несоразмерности назначенного наказания

характеру и степени общественной опасности содеянного, ведь далеко не случайно в ч. 7 ст. 35 УК РФ содержится указание на необходимость более строгого наказания за групповое преступление. Очевидно, что его общественная опасность на порядок выше этого же показателя деяния, совершенного лицом единолично.

Важно учесть, что в рассмотренной ситуации Тимохин, не обладающий в юридическом смысле статусом военнослужащего, фактически исполнял обязанности военной службы, т.е. являлся участником соответствующих общественных отношений, в связи с чем был способен причинить им вред.

Возникновение подобных ситуаций В. Винокуров ставит в зависимость от способа законодательного описания признаков субъекта правоотношений, избираемого с учетом «фактической возможности совершить действия, характеризующие объективную сторону преступления, а также стремления законодателя ограничить сферу действия уголовного закона» [20. С. 12–16]. Рассмотренная выше ситуация является примером фактической включенности Тимохина и правовой включенности Шадыпа в соответствующие правоотношения. Действительно, Тимохин, не обладая необходимым для квалификации социальным статусом, фактически имел возможность совершить те же преступные действия, что и Шадып, таким социальным статусом обладающий.

Представляется, что фактическая включенность неспециального субъекта в правоотношения, требующие наличия определенного статуса, возможна в связи с тем, что при совершении ряда деяний со специальным субъектом «попутно» вред причиняется иным уголовно-охраняемым благам, например жизни, здоровью личности. Подобная логика объясняет включение специальных признаков субъекта в квалифицированные составы «общеуголовных» деяний. Причинение вреда указанным дополнительным объектам связано с совершением действий, не требующих наличия специфических характеристик у субъекта преступления, поэтому они вполне могут быть совершены и неспециальным субъектом. Отсюда преступления со специальным субъектом, состав которых характеризуется многообъектностью, вполне могут быть совершены при фактическом соисполнительстве с неспециальным субъектом. Именно в данном случае уголовно-правовое понимание соучастия в форме соисполнительства должно быть дополнено криминологической составляющей: пониманию совместности не должно препятствовать отсутствие у субъекта возможности посягать на определенный объект *de jure* при наличии такой возможности *de facto*. Характерным является рассмотренный выше приговор по делу Тимохина и Шадыпа.

Указанной логике соответствует позиция Пленума Верховного Суда РФ относительно преступного нарушения Правил дорожного движения: «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транс-

портным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов Правил, а также лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства» [21]. Комментируя эту позицию, В.И. Пикуров отмечает, что «раскрытие признаков субъекта этого преступления не требует обращения к специальным правилам. Они определяются, исходя из фактически выполняемой лицом функции по управлению транспортным средством» [22. С. 67].

Представляется, что приведенная позиция вполне может быть применена при рассмотрении случаев соучастия специального и неспециального субъектов, поскольку вне зависимости от правомерности наделения лица тем или иным статусом, его реализация предполагает следование нормативным положениям, регламентирующим порядок осуществления прав и исполнения обязанностей. Кроме того, восприятие социумом такого лица основывается на ожидании от него определенного поведения (экспектациях), а в ряде случаев – на авторитете, в совокупности с протекающими из него правовыми возможностями виктимизации – все это обуславливает характер взаимодействия лица с социумом. Отсюда с позиции криминологического-правового подхода полагаем, что каждый случай совершения преступления лицом, не обладающим соответствующим социальным статусом либо наделенным уголовно значимым статусом с нарушением установленного порядка (ошибочно), следует квалифицировать так, как если бы этого нарушения не существовало. Естественно, что факт неправомерного наделения соответствующим статусом (или присвоения) требует отдельной правовой оценки. Применительно к деянию Тимохина и Шадыпа указанный вывод означает необходимость квалификации их действий как преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору.

Таким образом, налицо неуниверсальный характер нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ, предписывающий единообразный порядок квалификации преступных действий специального и неспециального субъектов вне зависимости от характера этих действий. Полагаем, что при применении указанной нормы судам необходимо каждый раз учитывать особенности конструкции состава вменяемого преступления с признаками специ-

ального субъекта, поскольку его элементы в силу связей взаимодетерминации [23. С. 284] отличаются определенной спецификой.

Полагаем, что указанные особенности преступлений со специальным субъектом и следует учитывать судам при применении нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ. В этой связи представляется возможным предложить следующую ее редакцию: «Лицо, не обладающее признаками социального статуса или роли, специально указанными в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя или пособника. Действия такого лица, непосредственно направленные на совершение указанного преступления, подлежат оценке как соисполнительские, если судом установлены основания для этого».

Толкование указанной нормы необходимо дать в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к каждому виду преступлений со специальным субъектом, характеризующихся многообъектностью. В принципе, это уточнение неоригинально, поскольку высшая судебная инстанция активно использует механизмы официального разъяснения для формирования единообразного подхода к квалификации отдельных видов преступлений со специальным субъектом. В частности, в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [24] после слов «действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 286 УК РФ» следует дополнить указанием «Эти же действия, совершенные при непосредственном участии лица, не обладающего признаками должностного лица, следует квалифицировать как соисполнительские по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 286 УК РФ. Аналогично по совокупности с ч. 1 ст. 203 УК РФ должны квалифицироваться действия руководителя или служащего частной охранной или детективной службы, совершившего убийство при превышении полномочий при непосредственном участии лица, не обладающего указанными специальными признаками».

ЛИТЕРАТУРА

1. Караваева Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологический-правовой подход. Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2018. 194 с. (в печати).
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 22.12.2008 № 87-008-17 // Бюллетень ВС РФ. № 10. 2009. С. 10.
3. Уголовное дело № 2-135 // Архив Ленинградского областного суда. Пример взят из: Попов А.Н., Прохоров В.С. Проблемы соучастия в детоубийстве // Правоведение. 2002. № 1 (240). С. 125–130.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. № 284. 12 дек.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2008. № 4. 12 янв.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 154. 17 июля.
7. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 02.03.2015 № 44у-28/2015. URL: <https://rospravosudie.com>
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда от 07.04.2015 № 22-238/2015. URL: <https://rospravosudie.com>.
9. Лебедев А.Е. К вопросу о квалификации групповых преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 213–218.

10. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершенных специальным субъектом // Уголовное право. 2000. № 1. С. 12–16.
11. Галиакбаров Р.Р. Юридическая природа группы лиц в уголовном праве // Советская юстиция. 1970. № 20. С. 21–22.
12. Лысов М. Юридическая природа соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Советская юстиция. 1971. № 4. С. 9–11.
13. Власов Ю. Квалификация деяния, совершенного с лицом, не обладающим признаками субъекта // Уголовное право. 2007. № 2. С. 45–49.
14. Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 48–50.
15. Арутюнов А. Проблемы ответственности соучастников преступления // Уголовное право. 2001. № 3. С. 3–5.
16. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 362 с.
17. Ушаков А. Квалификация преступлений, совершаемых частными лицами в соучастии со специальным субъектом // Советская юстиция. 1972. № 12. С. 7–8.
18. Прокументов Л.М. Некоторые криминологические вопросы соучастия в уголовном праве РФ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11. С. 60–63.
19. Приговор Магнитогорского гарнизонного военного суда от 03.03.2015 № 1-2/2015. URL: <https://rospravosudie.com>
20. Винокуров В. Способы указания на субъект правоотношений и проблемы квалификации // Уголовное право. 2009. № 4. С. 12–16.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. № 265. 26 дек.
22. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений : науч.-практ. пособие. М. : РАП, 2011. 168 с.
23. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948. 496 с.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. № 24. 9 февр.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 апреля 2018 г.

COMPLICITY OF SPECIAL AND NON-SPECIAL (GENERAL) SUBJECTS OF CRIME IN THE LIGHT OF A CRIMINOLOGICAL AND LEGAL APPROACH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 187–192.

DOI: 10.17223/15617793/434/25

Yuliya S. Karavaeva, Perm State University of Humanities and Education (Perm, Russian Federation). E-mail: PalSysoich@yandex.ru

Keywords: criminological and legal approach; special subject of crime; complicity.

The aim of the article is to substantiate the expediency of application of a criminological and legal approach developed by the author to the assessment of acts of special and non-special (general) subjects of joint crimes. The analysis of the materials of judicial practice shows a lack of a uniform approach to the application of Part 4 of Article 34 of the RF Criminal Code, which establishes the rule of qualification of jointly operating special and non-special (general) subjects of crimes. There are also different explanations of the highest court in relation to certain types of crimes. In theory, despite the protracted discussion since the Soviet era, there is no unanimity: on the one hand, there is a need to reflect the group nature of a crime in the qualification; on the other, the proposed options do not fit into the criminal law doctrine of complicity. The empirical basis of the study is the materials of judicial practice in cases on crimes committed by special and non-special (general) subjects. The methodological basis of the work is represented by a combination of specific research methods inherent in criminal law and criminology as independent but interrelated branches of scientific knowledge, which allows to overcome the formal criminal law characteristics of an institution and reach their deeper, essential features. A criminological and legal consideration of the identified problem involves primarily an appeal to the mechanism of committing a crime with a special subject. Its specificity lies in the fact that, as a party to public relations protected by criminal law, the subject aggresses them using his/her status capabilities. At the same time, when crimes are committed, along with specific social relations, the accompanying benefits protected by criminal law also suffer. Causing harm to these additional objects is associated with the commission of crimes that do not require specific characteristics of the subject of a crime, so they may well be committed by a non-special subject. Hence, crimes aimed at multiple objects committed by a special subject can as well be committed jointly with a non-special subject. It is in this case that the criminological and legal understanding of complicity in the form of joint participation should be supplemented by a criminological component: the understanding of jointness should not be hindered by the lack of the subject's ability to endanger a certain object de jure in the presence of such an opportunity de facto. Taking into account the above, it is proposed to amend Part 4 of Article 34 of the RF Criminal Code which allow the law enforcer to reflect the group nature and, consequently, the increased public danger of relevant crimes when qualifying them.

REFERENCES

1. Karavaeva, Yu.S. (2018) *Spetsial'nyy sub"ekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy pokhod* [Special subject of the crime: criminological legal approach]. Perm: Perm State Humanitarian -Pedagogical University. (In print).
2. RF Supreme Court. (2009) *Opreделение Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo suda RF* ot 22.12.2008 № 87-008-17 [Determination of the Judicial Collegium on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 87-008-17 of December 22, 2008]. *Byulleten' VS RF*. 10. pp. 10.
3. Archive of the Leningrad Regional Court. Criminal Case No. 2-135. (In Russian).
4. Rossiyskaya gazeta. (2014) *Postanovlenie Plenuma VS RF* ot 04.12.2014 № 16 “O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoy neprikosновенности i polovoy svobody lichnosti” [Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation No. 16 of 04.12.2014 “On court practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual”]. *Rossiyskaya gazeta*. 284. 12 December.
5. Rossiyskaya gazeta. (2008) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF* ot 27.12.2007 № 51 “O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 of December 27, 2007 “On court practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement”]. *Rossiyskaya gazeta*. 4. 12 January.
6. Rossiyskaya gazeta. (2013) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF* ot 09.07.2013 № 24 “O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 09, 2013 “On court practice in cases of bribery and other corruption crimes”]. *Rossiyskaya gazeta*. 154. 17 July.
7. Resolution of the Presidium of the Orenburg Regional Court No. 44u-28/2015 of 02.03.2015. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com>. (In Russian).
8. Appeal determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Ryazan Regional Court No. 22-238/2015 of 07.04.2015. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com>. (In Russian).

9. Lebedev, A.E. (2013) To question about qualification of group crimes. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia* . 24. pp. 213–218. (In Russian).
10. Volzhenkin, B.V. (2000) Nekotorye problemy souchastiya v prestupleniyakh, sovershennykh spetsial'nym sub'ektom [Some problems of complicity in crimes committed by a special subject]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 1. pp. 12–16.
11. Galiakbarov, R.R. (1970) Yuridicheskaya priroda gruppy lits v ugovnom prave [The legal nature of a group of persons in criminal law]. *Sovetskaya yustitsiya*. 20. pp. 21–22.
12. Lysov, M. (1971) Yuridicheskaya priroda souchastiya v prestupleniyakh so spetsial'nym sub'ektom [Legal nature of complicity in crimes with a special subject]. *Sovetskaya yustitsiya*. 4. pp. 9–11.
13. Vlasov, Yu. (2007) Kvalifikatsiya deyaniya, sovershennogo s litsom, ne obladayushchim priznakami sub'ekta [Qualification of an act committed with a person who does not possess the characteristics of a subject]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2. pp. 45–49.
14. Savel'ev, D. (2001) Legalizovat' otvetstvennost' za gruppovoy sposob soversheniya prestupleniya [To legalize liability for the group method of committing a crime]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 48–50.
15. Arutyunov, A. (2001) Problemy otvetstvennosti souchastnikov prestupleniya [Problems of liability of accomplices in a crime]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 3. pp. 3–5.
16. Kozlov A.P. (2001) *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: tradition and reality]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
17. Ushakov, A. (1972) Kvalifikatsiya prestupleniy, sovershaemykh chastnymi litsami v souchastii so spetsial'nym sub'ektom [Qualification of crimes committed by private individuals in complicity with a special subject]. *Sovetskaya yustitsiya*. 12. pp. 7–8.
18. Prozumentov, L.M. (2006) Nekotorye kriminologicheskie voprosy souchastiya v ugovnom prave RF [Some criminological issues of complicity in the criminal law of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11. pp. 60–63.
19. The verdict of the Magnitogorsk Garrison Military Court No. 1-2/2015 of 03.03.2015. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com>. (In Russian).
20. Vinokurov, V. (2009) Sposoby ukazaniya na sub'ekt pravootnosheniy i problemy kvalifikatsii [Methods of indicating the subject of legal relations and problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 4. pp. 12–16.
21. Rossiyskaya gazeta. (2008) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 “O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv, a takzhe s ikh nepravomernym zavladeniem bez tseli khishcheniya” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of December 9, 2008 “On court practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their misappropriation without the purpose of embezzlement”]. *Rossiyskaya gazeta*. 265. 26 December.
22. Pikurov, N.I. (2011) *Kvalifikatsiya transportnykh prestupleniy* [Transport crime qualification]. Moscow: RAJ.
23. Gertsenzon, A.A. (1948) *Ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Criminal law. General part]. Moscow: RIO VYuA.
24. Rossiyskaya gazeta. (1999) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.01.1999 № 1 “O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve (st. 105 UK RF)” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 27, 1999 “On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)”]. *Rossiyskaya gazeta*. 24. 9 February.

Received: 11 April 2018

А.А. Кирилловых

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДОКТРИНА В СИСТЕМЕ ИНСТРУМЕНТОВ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Проведен содержательно-регулятивный анализ доктрины как инструмента государственного воздействия на общественные отношения. В результате исследования формулируется понятие, а также показываются роль, значение, место и перспективы образовательных доктрин в механизме публичного управления образованием. Образовательная доктрина представляет собой систему идей, взглядов и ценностей, отражающих в рамках программно-целевого ориентира стратегические направления развития отношений в образовательной сфере.

Ключевые слова: образование; право; управление; доктрина; концепция; норма; идеология; программа.

В обобщенном представлении под доктриной (лат. *doctrina*) понимается учение, научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип. Включая в себя руководящий принцип (или совокупность принципов), доктрина может приобретать характер политико-правового источника и результат интерпретации определенных ценностей и нормативных актов в контексте наличной социальной среды.

Социальная среда характеризует общество в плане его насыщенности нормативностью (ценностями и правилами), эффективности влияния последней на стабилизацию и регулируемость отношений в сообществах и сферах жизни [1. С. 103]. Не случайно по этой причине все чаще выделяют в качестве самостоятельного вида доктрину в государственно-правовом смысле, представляющую в той или иной форме признанный государством документ концептуального характера.

Одновременно подобного рода документы являются частью политико-правовой доктрины. Они отражают концепции стратегического планирования государства в отдельных сферах общественной жизни и в содержательном плане должны отвечать определенным требованиям.

Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления определены Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – закон № 172-ФЗ). Под стратегическим планированием Закон № 172-ФЗ понимает деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления (ст. 3).

Правовое регулирование стратегического планирования в том числе осуществляется нормативными правовыми актами Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, законами и другими нормативными правовыми актами субъектов РФ, муниципальными нормативными правовыми актами (ст. 2).

Следует отметить, что нормативно-правовые документы, принимаемые указанными органами пуб-

личной власти, довольно часто именуются Доктринами. Они являются стратегическими актами, определяющими направления развития государства, с комплексной оценкой состояния общественно-политической жизни и стратегии решения стоящих в них перспективных и текущих задач. В России накоплен достаточно большой опыт принятия официальных программных актов подобного рода и имеющих юридическое значение. Анализ таких документов из отечественного права позволяет говорить о том, что важнейшей их функцией является повышение системности и комплексности воздействия на общественные отношения в определенной сфере.

Не является исключением и сфера образования. Образовательная доктрина отражает государственную образовательную политику и одновременно направления развития образовательного законодательства, обеспечивающего механизм публичного управления образованием. Говоря о доктрине в сфере образования, необходимо провести известный анализ источников образовательного права, которые одновременно показывают современное состояние нормативно-правового обеспечения системы управления образованием.

В современной научной литературе данный аспект исследован незначительно и представляет собой выводы отдельных ученых-юристов, отражающие субъективное представление об элементах образовательного законодательства и его источниках. Достаточно широкий взгляд на источники образовательного права изложен Е.С. Кананыкиной, которая предлагает рассматривать в качестве источников формализованные источники по вопросам образования. При этом автор полагает возможным относить к источникам образовательных отношений фактически любые источники, в которых прямо или косвенно выражена воля государства на урегулирование круга отношений, входящих в предмет образовательного права [2. С. 19]. На основании данного подхода полагаем, что речь, в том числе, идет об обычаях в образовательной сфере, а также о нормативных договорах, регулирующих образовательные отношения, и судебной практике. В систему источников отечественного образовательного законодательства также правомерно включать и нормы международного права, поскольку они, как известно, являются частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). В лите-

ратуре отмечается, что в рамках источников международного образовательного законодательства доминирующее место занимает нормативный договор. В то же время обращается внимание на то, что положения образовательных доктрин находят отражение в региональных договорах и соглашениях [3. С. 24–29].

Как известно, образование является социальной функцией современного государства, имеющего сервисный характер. В целом можно сказать, что образовательная доктрина является в узком смысле частью более широкого понятия – социальной доктрины. Подобного рода доктрины, принимаемые на государственном уровне, отражают направления общественного развития и сущность самого государства. Под социальной доктриной (в управленческом смысле) понимается основной (исходный) государственно-управленческий политический и нормативный документ, задающий содержание государственной социальной политики, программ ее реализации, формирующий и приводящий в действие механизм ее исполнения [4. С. 90].

В свою очередь, образовательно-правовая доктрина, закрепляющая государственные воззрения на вопросы воспитания и обучения, является и политическим, и правовым документом. Образовательные (образовательно-правовые) доктрины отражают общие принципы новой государственной модели образования. Основные направления развития устанавливаются на основе ценностей и политических взглядов и соответствуют ожиданиям общества от системы образования для реализации поставленных общегосударственных (национальных) целей. Смена политических взглядов, ценностей и целей общества приводит к смене направлений развития образования.

В правовых основах образовательной политики, являющейся, кстати, составной частью государственной политики, ключевую роль играют идеологическая и организационная ее основы. Идеологической основой образовательной политики Российской Федерации на современном этапе можно было считать Национальную доктрину образования в Российской Федерации на период до 2025 г. В ней определены основные направления развития образовательной отрасли и ожидаемые результаты их реализации. Целевая составляющая любого нормативного акта опирается на основные направления государственной политики, отражающей, в известной степени, интересы и приоритеты развития государства и общества в определенной сфере.

Национальная доктрина образования в РФ – основополагающий государственный документ, устанавливающий приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития. Доктрина помимо прочего определяет основные направления совершенствования законодательства в области образования и является основой для разработки программ развития образования. Один из важнейших принципов, которые закреплял указанный документ, – запрет принятия нормативных актов, противоречащих доктрине, в том числе снижающих уровень гарантий прав граждан в области образования и уровень его финансирования.

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, современные образовательные доктрины обладают разноплановыми целевыми ориентирами, могут носить не только общий, но и специальный узкопредметный характер, предполагающий целевое решение проблем в отдельных сферах и видах образования. В качестве примера можно привести сферу юридического образования, о проблемах развития которого сегодня много говорится на страницах периодических изданий. Так, основаниями, призванными определить направления совершенствования образования в обозначенной сфере, явились Межведомственная программа «Развитие юридического образования в Российской Федерации на 2001–2005 гг.» и проблемы дальнейшего развития юридического образования в стране. С учетом сложившейся на начало XXI в. ситуации в данной области образования и негативных процессов, касающихся деятельности всех образовательных учреждений, программа определила также конкретные формы и уровни организации и дальнейшего совершенствования юридического образования в стране как системного образовательного комплекса, построенного прежде всего на принципах непрерывности и системности юридического образования; качества профессионального юридического образования; его доступности; повышения эффективности управления в сфере юридического образования [5. С. 26].

В то же время на смену доктрине развития образования приходят другие документы программно-целевого характера. В числе подобных документов можно назвать Федеральную целевую программу (далее – ФЦП) развития образования на 2011–2015 гг. (Постановление Правительства РФ от 07 февраля 2011 г. № 61, ред. от 28 января 2015 г.), предусматривающую ряд мероприятий по созданию условий для развития государственной и общественной оценки деятельности образовательных учреждений, общественно-профессиональной аккредитации образовательных программ, а также принятую в ее (программы) развитие ФЦП развития образования на 2016–2020 гг. (Постановление Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 4970).

Как отмечается в документе, использование ФЦП развития образования на 2011–2015 гг. в качестве основного инструмента программно-целевого управления сделало возможным адресную целевую поддержку инициатив, направленных на инновационное развитие системы образования, внедрение новых образовательных технологий, обеспечение развития кадрового потенциала системы образования в рамках реализации скоординированных задач федеральной государственной образовательной политики.

Реализация ФЦП развития образования на 2016–2020 гг.¹ будет происходить в условиях структурных и институциональных изменений экономики страны, нового этапа технологического развития глобальной экономики, характеризующегося наращиванием экономикой различных стран финансовых вложений в такие области, как новые материалы, нанотехнологии, информационные технологии, фармацевтика и биотехнологии, микроэлектроника, системотехника, фотоника. В свою очередь, реализация ФЦП разви-

тия образования должна предусматривать вариативность сценариев развития социально-экономической ситуации в стране и сохранить в приоритете долгосрочные цели.

Стоит отметить, что сформулированные в рамках ФЦП развития образования на 2016–2020 гг. программные предложения рассматриваются как организационно-управленческий механизм обеспечения преемственности в реализации государственной политики в сфере образования, инструмент обеспечения непрерывности и эффективности реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. и одновременно служат важнейшим условием для поддержания антикризисных мер Правительства РФ в области обеспечения стабильности социальной политики и, наконец, определяющим фактором, обеспечивающим инновационное развитие экономики Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

В качестве некоторых направлений развития отмечается курс на повышение заработной платы педагогических работников, что требует необходимой слаженной работы всей системы образования, каждого уровня – от федерального до уровня образовательной организации. Это связано с особенностями закрепления полномочий по организации и финансовому обеспечению различных уровней образования. Федеральный уровень – это высшее образование, региональный – среднее профессиональное, дополнительное образование детей, органы местного самоуправления – дошкольное, общее и, преимущественно, дополнительное образование детей. Одним из условий реализации данных целей является выход педагогических работников на эффективный контракт, являющийся механизмом «увязки» уровня заработной платы преподавателя с выполнением им определенных показателей эффективности, включая качество и результаты педагогической, научной, общественной деятельности, уровня профессиональной квалификации и т.п.

Ведя речь об образовательных доктринах, следует обратить внимание на зарубежный опыт восприятия подобных регуляторов в соответствующей сфере общественных отношений. В первую очередь стоит сказать, что образовательные доктрины ряда государств, входящих в число стран с англосаксонской системой права, основаны именно на восприятии концептуальных научных подходов в регулировании образовательных отношений.

Прецедентное право чаще выступает качественной характеристикой доктрины, опирающейся больше на правоприменительную деятельность, нежели на «сухой язык» формальной логики закона. Между тем подобное представление о месте образовательной доктрины в правовой системе стран общего права несколько не умаляет ее функционального значения в качестве нормативного регулятора образовательных отношений, выражающего как одновременно общий «дух» текущего образовательного законодательства, так и систему взглядов и ценностей в образовательной сфере.

При этом правовое регулирование образования в странах, где основным источником права является

судебный прецедент, имеет свои особенности. Прецедентное право не регулирует непосредственно образовательные отношения. Однако в ряде государств англосаксонской правовой семьи, как, впрочем, и России, наблюдается рост делегированного законодательства, выражающегося в создании образовательных нормативных актов ведомственного уровня.

В то же время страны прецедентного права постепенно формируют образовательные доктрины, которые представляют собой некоторую совокупность последовательно принятых нормативных актов, регулирующих развитие какой-то определенной узкой сферы образовательных отношений (например, вопросы обучения одаренных детей и детей со средним уровнем развития) [6. С. 44–48].

Несмотря на стремление к формированию узкопрофильного образовательного законодательства, имеются и обратные тенденции, связанные с созданием правовой базы для всех уровней образования в общегосударственном формате. Например, современная федеральная законотворческая деятельность США в области образования проявляет себя достаточно интенсивно, подтверждением чему является значительный рост законодательных актов, регулирующих развитие образования в национальном масштабе. Однако базой для развития правовой основы образовательной деятельности в США послужили концептуальные целевые ориентиры, определившие векторы дальнейшего совершенствования образовательной сферы. Так, в частности, детальное обоснование цели школьного обучения нашли в Докладе комиссии по реорганизации среднего образования «Основные принципы среднего образования» 1918 г. и Докладе комиссии по определению школьной политики «Цели образования в американской демократии» 1938 г. [7. Р. 19, 45, 78–79].

Национальные правовые системы мира постоянно реформируются и не являются основами доктрин их современного образования. В то же время идеология образования оказывается тесно увязанной с государственной идеологией и не может существовать в отрыве от нее. Все чаще образовательная политика опирается на национальные интересы государства и общества. Так, например, США в Доктрине образования «Америка-2000», основанной на трактате «Высокие умения или низкая зарплата», определена четкая взаимосвязь образования и труда. Тем самым обеспечиваются единство и взаимосвязь целей государства в высококвалифицированных кадрах и интересов общества в высоком уровне жизни граждан. Следовательно, образовательная политика выступает связующим звеном между указанными национальными приоритетами.

В свою очередь, одной из характерных черт развития народного образования в странах, принадлежащих к религиозным правовым системам, является наличие системы планирования развития образования, несмотря на различный уровень развития политических и экономических систем. Плановая политика является основой деятельности национальных министерств образования, структуру которых составляют государственные органы по планированию [8. С. 113]. Дан-

ный факт в целом свидетельствует об использовании конкретных стратегий развития образования с учетом возможностей экономики и уровня социальных потребностей граждан государства.

Таким образом, сегодня можно наблюдать определенную унификацию в выборе подходов к построению системы регулирования сферы образования, опирающуюся на имеющую в обществе систему взглядов и ценностей. В этой связи справедливо отмечается, что идеологическая составляющая образовательных доктрин не имеет определенной связи с видом правовой системы общества, но имеет непосредственное отношение к политическому режиму, господствующему в стране, и философским основам образования, установившимся с древних времен, если это допускает господствующая философская идеология [9. С. 45]. Доктрина рассматривается как политика, отражающая общие принципы новой модели образования. Основные направления развития устанавливаются на основе ценностей и политических взглядов и соответствуют ожиданиям общества от системы образования для реализации поставленных общегосударственных (национальных) целей [10. С. 43].

Можно констатировать, что судебный прецедент и правовой обычай не являются источниками образовательного права в традиционном смысле слова, в особенности в странах, где образовательное право сформировалось как отрасль права, но образовательные (не правовые) доктрины оказывают значительное влияние на образовательную политику страны и находят разнообразное закрепление в нормативно-правовых актах государственных органов.

В свою очередь, этапы развития законодательства об образовании во всех странах совпадают с этапами развития государственной политики в этой области, начиная от выработки основных (декларативных) положений народного образования, принятия закона об образовании и заканчивая реализацией государственных программ развития образования и национальных доктрин образования.

Роль образовательной доктрины в обеспечении развития образования в Российской Федерации связывается с поиском национальной модели в системе нормативных регуляторов. Следует учесть, что модернизация отечественного образовательного законодательства в рамках проводимой государством политики совершенствования российской системы образования осуществлялась в свете положений Указа Президента РФ от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», которым, в частности, предписывалось Правительству РФ в рамках обеспечения реализации мероприятий в области образования разработать и внести в июле 2012 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Как известно, в Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «Об образовании в Российской Федерации» содержится только одна статья (ст. 4), которая посвящена вопросам правового регулирования образовательных отношений.

В ней, в частности, определены цели правового регулирования отношений в сфере образования. К ним относятся следующие: установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, создание условий развития системы образования, защита прав и интересов участников отношений в сфере образования. Кроме того, для выполнения указанных целей в законодательстве должен быть решен ряд самостоятельных задач как определенных перспективных ориентиров. К сожалению, в ст. 4 Закона об образовании, предметно посвященной правовому регулированию отношений в данной сфере, образовательная доктрина как один из элементов системы образовательного законодательства отражения не нашла. В то же время большинство ученых высказываются за придание подобного рода документу статуса официального нормативно-правового акта [11. С. 67–70].

Определяя роль и значение нового федерального образовательного законодательства, специалисты отмечают его стратегический характер, обеспечивающий базовые основы и перспективные направления развития отечественной системы образования [12. С. 11]. Как известно, любой закон базируется на определенной концепции, определяющей направления, цели и необходимые инструменты для их достижения, причем такая концепция должна логично отражать действующую государственную политику. В силу региональных и национально-культурных особенностей и традиций отдельных территорий вопросы образования, как известно, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В связи с этим не случайно в литературе особое внимание обращается на качество образовательного законодательства субъектов Федерации, в котором должны быть учтены и положения федерального образовательного закона, и региональные (национальные) особенности и традиции [13. С. 3–7].

Хочется надеяться, что постепенно отечественный законодатель придет к осознанию особой роли образовательных доктрин в обеспечении публичного управления (а возможно, и в системе источников правового регулирования образования) и придаст им главенствующую роль, как это уже сделано в ряде европейских государств (например, в Великобритании).

Ведя речь о доктрине образования в России, как правило, под ней подразумевают основные направления развития в соответствующей сфере. При этом специалисты, опираясь на иерархическую систему нормативных правовых актов, определяют общие и частные цели развития, которые находят непосредственное воплощение в базовых актах, таких как Конституция РФ, и в текущем законодательстве. В зависимости от целей и задач каждый нормативный акт получает свой период действия, по истечении которого выполняется его функция. Однако между направлениями развития и общими и специфическими целями имеется известная корреляция, которая обусловлена иерархическими свойствами системы отечественного образовательного законодательства.

На основе проведенного анализа роли и места доктрины в механизме управления образованием и регу-

лировании образовательных отношений можно сделать, на наш взгляд, ряд выводов, отражающих суть данного регулятивного инструмента.

Итак, в нашем представлении, образовательная доктрина – это система идей, взглядов и ценностей, отражающих в рамках программно-целевого ориентира стратегические направления развития отношений в образовательной сфере, взаимоувязанного с концепцией социально-экономического развития Российской Федерации. Образовательная доктрина как элемент нормативно-концептуального характера может существовать в качестве отдельного формализованного стратегического юридического документа либо быть вплетена в систему целевых ориентиров и задач, текстуально размещенных непосредственно в рамках образовательного закона. Образовательная доктрина выступает базой, основой для развития и совершенствования образовательного законодательства. Закрепляя запрет на принятие нормативных актов, про-

тиворечащих положениям Доктрины, она выполняет охранительную роль и одновременно задает вектор в регулировании образовательных отношений.

С учетом нахождения вопросов образования в совместном ведении Федерации и ее субъектов, региональная образовательная политика должна быть выдержана в русле парадигмы развития общефедеральной системы образования и одновременно отвечать национально-территориальным интересам конкретного субъекта Российской Федерации. В связи с этим, в рамках проведения единой государственной образовательной политики, уполномоченные органы государственного управления субъектов Федерации определяют собственные особенности развития системы образования в рамках региональных образовательных доктрин. При этом должно соблюдаться иерархическое соподчинение норм федерального и регионального уровней, не допускающее юридических противоречий и конфликтов нормативных предписаний между ними.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Федеральная целевая программа развития образования является не только этим инструментом, но также важнейшим средством координации действий Правительства Российской Федерации в сфере образования на федеральном, региональном, муниципальном уровнях и уровне образовательных организаций. Гибкость программно-целевого инструмента управления в виде федеральной целевой программы позволяет своевременно менять акценты в планируемых и реализуемых проектах с учетом установок и требований, предъявляемых всеми органами государственной власти и управления в рамках декларируемых государственных приоритетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капицын В.М. Доктрина, интерпретационный процесс и конституционное право // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М. : Науч. эксперт, 2009. С. 107.
2. Кананькина Е.С. Источники образовательного права в системе источников права // Юридическое образование и наука. 2007. № 2. С. 19.
3. Кананькина Е.С. Международное образовательное право: документы по вопросам образования международных и региональных организаций // Юридическое образование и наука. 2013. № 4. С. 24–29.
4. Колесник И.Ю. Доктрина как правовой инструмент решения проблем гуманитарного образования // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М. : Науч. эксперт, 2009. С. 90.
5. Побежимова Н.И. Межведомственная программа «Развитие юридического образования в Российской Федерации на 2001–2005 гг.» и проблемы дальнейшего развития юридического образования в России // Юридическое образование и наука. 2005. № 4. С. 26.
6. Кананькина Е.С. Источники права об образовании Великобритании: образовательные доктрины первой четверти XX века // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4. С. 44–48.
7. *Graduals Principles of Secondary School*. Wash. D.C., 1978.
8. Нофаль М. Развивающиеся страны: экономическая независимость и образование. М. : Прогресс, 1985. С. 113.
9. Баранников А.В. Основные направления образовательных реформ и изменения законодательства в области образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2000. № 2. С. 45.
10. Чинков В.Р., Пискунов М.С. Проблемы и перспективы развития образовательных систем европейских стран // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 3. С. 43.
11. Щербак Е.Н. О национальной доктрине управления высшим образованием в условиях рыночной экономики // Юридический мир. 2012. № 1. С. 67–70.
12. Гавришук В.В. Новый закон об образовании и законотворческие перспективы // Право и образование. 2013. № 5. С. 11.
13. Мацкевич И.М. Проблемы становления законодательства субъектов Российской Федерации об образовании (на примере города Москвы) // Юридическое образование и наука. 2014. № 1. С. 3–7.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2018 г.

EDUCATIONAL DOCTRINE IN THE SYSTEM OF PUBLIC EDUCATION MANAGEMENT TOOLS: A LEGAL ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 193–198.

DOI: 10.17223/15617793/434/26

Andrey A. Kirillovykh, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: kirillovykh2014@yandex.ru

Keywords: education; law; management; doctrine; concept; norm; ideology; programme.

The article is devoted to the analysis of the doctrine as an instrument of state influence on public relations, including in the field of education. Doctrine refers to a doctrine, a scientific or philosophical theory, a system, a guiding theoretical or political principle. Including a guiding principle (or a set of principles), the doctrine can become a political and legal source and a result of the interpretation of certain values and regulations in the context of the social environment. An educational doctrine reflects the state educational policy and the development directions of laws on education that provide for the public management of education at the same time. In turn, the national educational doctrine of the Russian Federation is a fundamental state document that establishes the priority of education in the state policy, strategy and main directions of its development. As shown by Russian and foreign experience, modern

educational doctrines have diverse targets; they can be of general and of specific narrow-subject nature, the latter involves a targeted solution of problems in certain areas and types of education. The role of the educational doctrine in ensuring the development of education in the Russian Federation is associated with the search for a national model in the system of normative regulators. At the same time, speaking about the doctrine of education in Russia, as a rule, the main directions of development in the relevant field are implied. In the course of the study, the author came to a conclusion that the educational doctrine is a system of ideas, views and values that reflect the strategic directions of development of relations in the educational sphere, interrelated with the concept of socio-economic development of the Russian Federation within the framework of the program-target orientation. The educational doctrine as an element of normative-conceptual nature can exist as a separate formalized strategic legal document or be included in the system of targets and objectives textually placed directly within the framework of laws on education. The educational doctrine acts as a basis for the development and improvement of such laws. Fixing the ban on the adoption of regulations contrary to its provisions, the doctrine performs a protective role and at the same time sets a vector in the regulation of educational relations.

REFERENCES

1. Kapitsyn, V.M. (2009) [Doctrine, interpretation and constitutional law]. *Konstitutsiya i doktriny Rossii sovremennym vzglyadom* [Constitution and doctrines of Russia with a modern view]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. March 17, 2009. Moscow: Nauchnyy ekspert. pp. 107. (In Russian).
2. Kananykina, E.S. (2007) Istochniki obrazovatel'nogo prava v sisteme istochnikov prava [Sources of educational law in the system of sources of law]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 2.
3. Kananykina, E.S. (2013) Mezhdunarodnoe obrazovatel'noe pravo: dokumenty po voprosam obrazovaniya mezhdunarodnykh i regional'nykh organizatsiy [International educational law: documents on educational issues of international and regional organizations]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 4. pp. 24–29.
4. Kolesnik, I.Yu. (2009) [Doctrine as a legal tool for solving problems of humanitarian education]. *Konstitutsiya i doktriny Rossii sovremennym vzglyadom* [Constitution and doctrines of Russia with a modern view]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. March 17, 2009. Moscow: Nauchnyy ekspert. 90. (In Russian).
5. Pobezhimova, N.I. (2005) Mezhdomeinstvennaya programma "Razvitie yuridicheskogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii na 2001–2005 gg." i problemy dal'neyshego razvitiya yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii [The interdepartmental program "Development of legal education in the Russian Federation for 2001–2005" and problems of further development of legal education in Russia]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 4.
6. Kananykina, E.S. (2010) Istochniki prava ob obrazovanii Velikobritanii: obrazovatel'nye doktriny pervoy chetverti XX veka [Sources of law on education in Great Britain: educational doctrines of the first quarter of the 20th century]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 4. pp. 44–48.
7. Anon. (1978) *Graduals Principles of Secondary School*. Wash. D.C.: [s.n.].
8. Nofal, M. (1985) *Razvivayushchiesya strany: ekonomicheskaya nezavisimost' i obrazovanie* [Developing countries: economic independence and education]. Moscow: Progress.
9. Barannikov, A.V. (2000) Osnovnye napravleniya obrazovatel'nykh reform i izmeneniya zakonodatel'stva v oblasti obrazovaniya [The main directions of educational reforms and changes in laws on education]. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 2.
10. Chinkov, V.R. & Piskunov, M.S. (1999) Problemy i perspektivy razvitiya obrazovatel'nykh sistem evropeyskikh stran [Problems and prospects of development of educational systems of European countries]. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 3.
11. Shcherbak, E.N. (2012) O natsional'noy doktrine upravleniya vysshim obrazovaniem v usloviyakh rynochnoy ekonomiki [On the national doctrine of management of higher education in a market economy]. *Yuridicheskii mir*. 1. pp. 67–70.
12. Gavrishchuk, V.V. (2013) Novyy zakon ob obrazovanii i zakonotvorcheskie perspektivy [New law on education and legislative perspectives]. *Pravo i obrazovanie*. 5. pp. 11.
13. Matskevich, I.M. (2014) Problems of formation of legislation of the subjects of the Russian Federation on education (as exemplified by the city of Moscow). *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science*. 1. pp. 3–7. (In Russian).

Received: 26 March 2018

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ УСТНОЙ РЕЧИ

Рассматривается криминалистическое значение устной речи при производстве допроса. Индивидуальные признаки устной речи обусловлены физиологическими особенностями строения речевого аппарата. В статье описывается процесс формирования звуков с помощью основных речевых органов. Выделены основные криминалистически значимые свойства устной речи, такие как универсальность, автоматизированность, наглядность, индивидуальность и др. Обозначено значение устной речи для таких следственных действий, как допрос и предъявление для опознания по признакам голоса и речи.

Ключевые слова: устная речь; допрос; предъявление для опознания; речевой аппарат; свойства речи.

Значение речи в жизни человека трудно переоценить. Способность говорить является одной из самых ярких особенностей человека, а слово – важнейшим фактором развития психики человека.

Речь является объектом исследования не только психологии и лингвистики, но и криминалистической науки. Особое значение исследование устной речи имеет при производстве допроса. Ведь следователь, допрашивая подозреваемого (обвиняемого), свидетеля или потерпевшего, имеет возможность непосредственно воспринимать устную речь и делать выводы об особенностях речи допрашиваемого.

Большой толковый словарь русского языка дает следующее определение речи. Речь – 1) способность говорить, выражать словами мысль; 2) тот или иной вид, стиль языка, слог; 3) звучащий язык, индивидуальная манера говорить; 4) разговор, беседа; то, что говорят; 5) публичное выступление [1. С. 1121].

Устная же речь, по мнению некоторых ученых, представляет собой упорядоченную систему акустических сигналов, развернутых во времени, которые воспринимаются как звуковой образ, который имеет семантическую и эмоциональную нагрузку. Речь используется для описания вещей, событий, отображения ощущений [2. С. 78].

Наблюдая за своим процессуальным собеседником до и в ходе допроса, следователь на основании восприятия и осмысления его речевой коммуникации собирает не только данные для протокола, но и массу ориентирующей информации о самом допрашиваемом, предмете допроса и других обстоятельствах, остающихся за пределами процессуального документа, но имеющих значение для определения, корректировки тактики продолжения допроса и производства других действий [3. С. 88].

Кроме того, признаки и особенности устной речи имеют значение при производстве такого следственного действия, как предъявление для опознания по признакам голоса и речи.

Для того чтобы понять криминалистическую значимость устной речи, необходимо рассмотреть процесс ее формирования и криминалистически значимые свойства.

Наиболее достоверными индивидуальными звуковыми признаками являются: а) голос – это характеристика речи, которая связана с тембром, высотой голоса, интенсивностью (громкостью); б) интонация, вариации которой связаны с особенностями личности

(в том числе типом высшей нервной деятельности), психическим состоянием в момент речи и т.д.; в) темп речи; г) характер, длительность и распределение пауз; д) характер и степень логической выделенности; е) степень фонетической редукции; ж) диалектные черты, позволяющие уточнить с переменной степенью точности происхождение данного человека; з) иноязычный акцент [4. С. 19–26].

Индивидуальность голоса обусловлена характерными формой и размерами ротовой и носовой полости горла, органов дыхания. Иными словами, физические характеристики звуков – частота, длительность, интенсивность – у каждого человека строго индивидуальны. Акустическая характеристика голоса относительно устойчива во времени и остается индивидуальной даже при морфологических и патологических изменениях органов речи.

Сформировавшиеся в юности, примерно к двадцати годам, голос и особенности речи, интонации и вообще манера говорить становятся привычным, почти не меняются в течение жизни и обладают комплексом определенных, только им присущих признаков [5. С. 153].

Индивидуальность речи обуславливается индивидуальностью строения речевых органов каждого человека. Рассмотрим схематично строение речевого аппарата и формирование самой речи. «Двигателем» этой системы, необходимым для ее функционирования, являются легкие. При выдохе воздух из легких поступает через трахею в гортань, а затем в ротовую и носовую полость. На выходе из гортани поток воздуха может раздваиваться, поступая одновременно в носовую и ротовую полость.

Органы, расположенные в ротовой полости, наряду с голосовыми связками, играют решающую роль в формировании звуков. Что же касается носовой полости, то она служит резонатором, усиливая колебания определенных частот.

Колебания голосовых связок, расположенных на входе в гортань, наполняют речь человека индивидуальным голосом. Голосовые связки не работают, когда человек говорит шепотом. В зависимости от того, какие звуки и как произносит человек, может работать либо одна из полостей, либо обе. Носовые звуки произносятся при закрытом рте. Что же касается остальных звуков, то в их формировании принимают участие как носовая, так и ротовая полость.

Все органы, участвующие в формировании речи, можно разделить на активные и пассивные. При этом

в процессе речи активные органы совершают различные движения, формируя звуки. К активным органам речи относятся: голосовые связки, язык, губы, мягкое нёбо, язычок, задняя спинка зева, нижняя челюсть.

Пассивные органы речи играют лишь вспомогательную роль. Они, в частности, определяют форму полостей, от которой, в свою очередь, зависят резонансные свойства этих полостей. Следующие органы речи являются пассивными: зубы, альвеолы, твердое нёбо, верхняя челюсть.

Заметим, что хотя пассивным органам речи отведена вспомогательная роль, их значение нельзя преуменьшать. Отсутствие, например, нескольких зубов нижней челюсти может привести к заметным дефектам речи (шепелявое произношение), что в свою очередь может стать важной криминалистической особенностью речи человека.

Поступая из легких и проходя через гортань, воздух проходит мимо голосовых связок. Колебания этих связок и создают звук, который мы слышим, когда человек говорит или поет. Многочисленные резонаторы, форму которых человек может изменять при помощи активных органов речи, формируют звуковую окраску голоса. В этом звучании выделяется так называемый основной тон, или тон основной частоты. Значение частоты основного тона зависит от размеров и степени натяжения связок. У разных людей могут быть разные размеры связок, поэтому тональность голоса разных людей различается [6. С. 124–131].

Помимо общего показателя высоты голоса, характерного для конкретного человека, индивидуальным может оказаться и манера интонирования в процессе речи. Динамика частоты основного тона речевого сигнала обусловлена, с одной стороны, интонационным строем данного языка или наречия, проявляющегося в определенных коммуникативных типах предложений, а с другой – специфической для данного говорящего манерой их выполнения.

Среди различных факторов, подсознательно участвующих в видоизменении основных голосовых характеристик речи человека, значительное место занимает эмоциональное состояние человека. Это состояние человека, возникающее в разнообразных жизненных ситуациях, сопутствующих как самым обыденным взаимодействиям людей между собой, так и различной деятельности человека (в том числе и противозаконной), в той или иной степени вовлекает в реакцию организм на самых различных уровнях его функционирования, вызывает как органические, так и физиологические его изменения.

Для наблюдения за эмоциями допрашиваемого лица особое значение приобретают такие реакции организма, которые ощущаемы внешне. К их числу (вместе с выражением лица и жестом) относятся голосовые реакции на те или иные эмоции. Голос человека часто является одним из основных индикатором внутреннего психического настроения человека. Эта способность человеческого голоса, наиболее часто проявляющаяся в ситуациях наибольшей напряженности человека (такой ситуацией является допрос), может быть использована для объективной оценки и контроля его нервного состояния. При этом динамика

этого состояния отражается как в акустической природе речевого сигнала, так и в смысловой и грамматической структуре речи.

Изучение акустических свойств голоса человека, совершающего противозаконное действие, может способствовать раскрытию преступления путем обнаружения его эмоционального состояния.

Отметим некоторые характеристики речи, изменение которых существенно увеличивается при переходе от состояния покоя к активным эмоциям. К таким характеристикам относится, прежде всего, темп речи, который понижается в состоянии апатии и повышается в условиях гнева и ярости. Изменяясь в больших пределах, темп речи влияет и на ритмико-интонационную картину произнесения.

При этом существенно трансформируются и паузы – их длительность, локализация и частота. При эмоционально напряженном состоянии человека увеличивается средняя длина отрезка речи между соседними паузами, т.е. отношение «чистой речи» к числу пауз. Повышение темпа речи, имеющее место при сильных эмоциях, уменьшает и среднюю длительность пауз, в том числе и дыхательных. Параллельно наблюдается и нарушение ритма дыхания.

Характерным для тех или иных эмоций является фактор вокальной насыщенности фраз. Так, например, при выражении гнева, страха и печали часто имеет место характерная реализация согласных звуков, при радости же – гласных.

Как показали исследования устной речи, в условиях депрессии заметно снижается и объем речевой продукции, выражающийся в словарном и стилистическом разнообразии высказывания [7. С. 40–47].

Изучив процесс формирования устной речи, можно сделать вывод о ее криминалистически значимых свойствах, таких как универсальность, автоматизированность, вариантность, наглядность и индивидуальность. Рассмотрим указанные свойства устной речи подробнее.

Универсальность заключается в том, что при повторении отдельных слов, предложений формируется речевой навык, который складывается в определенную манеру говорения, обладающую отличительными повторяющимися признаками.

Автоматизированность – это машинальное, непроизвольное осуществление человеком привычных форм деятельности. Сущность автоматизации заключается в том, что у человека появляется возможность отключения сознательного контроля от каких-то деталей или параметров действия. Человек приобретает способность производить выработанные и привычные действия без направленного на них внимания [8. С. 21–22].

Свойства автоматизированности и вариантности проявляются в таких элементах устной речи, как вокальность и тональность [9]. Как правило, громкость, темп, интонация, диапазон не регулируются нами сознательно, но регулируются автоматически в зависимости от ситуации. Так, например, при производстве допроса человек испытывает стресс, который страх перед следователем, что сказывается на его вокальных показателях в виде уменьшения громкости голоса.

Наглядность устной речи можно наблюдать не в материальном ее отображении, а в идеальном, в восприятии речевых особенностей, манеры речи и отображении этих особенностей в памяти собеседника. Благодаря свойству наглядности и повторному проявлению можно определить, слышим ли мы голос знакомого человека или нет.

Индивидуальность – это неповторимость системы элементов при их проявлении у разных людей. Свойства индивидуальности и устойчивости проявляются в элементах устной речи: вокальности, тональности и содержательности, которые, варьируясь в различных

ситуациях, сохраняют свои отличительные особенности (особенности громкости, диапазона, стабильности речи, интонации, а также определенных речевых символов) [10].

Таким образом, физиологический процесс формирования речи позволяет сделать вывод об индивидуальности свойств устной речи, что делает возможным проведение не только экспертных исследований, но и применение этих знаний в процессе производства следственных действий, имеющих коммуникативный характер, таких как допрос и предъявление для опознания по признакам голоса и речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
2. Струк И.А., Голубовский Ю.О., Рыбальский О.В. Основные тенденции создания системы определения эмоционального состояния человека по акустическим характеристикам устной речи. М., 2000.
3. Протасевич А.А., Образцов В.А. Раскрытие убийств: нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. Очерки теории и практики следственной работы. Иркутск, 1998.
4. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.
5. Россинская Е.Р. Профессия – эксперт. М., 1999.
6. Фролов А., Фролов Г. Синтез и распознавание речи. Современные решения. М., 2003.
7. Рамишвили Г.С., Чикойдзе Г.Б. Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего. Тбилиси, 1991.
8. Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
9. Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170.
10. Алексеева Т.А. Символьное значение устной речи допрашиваемого лица // Российское правоведение: трибуна молодого ученого. Томск, 2012. Вып. 12. С. 228–229.

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 июня 2018 г.

FORENSIC MEANING OF INDIVIDUAL FEATURES OF ORAL SPEECH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 199–202.

DOI: 10.17223/15617793/434/27

Ekaterina S. Mazur, West-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Si_An@mail.ru

Tatyana A. Alekseeva, West-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Keyword: oral speech; interrogation; presentation for identification; speech apparatus; speech properties.

The aim of the study was to consider the physiological features of the formation of oral speech and, on the basis of this, to formulate its criminalistically significant properties. Oral speech is of particular importance in the production of investigative actions that have a communicative aspect, such as interrogation and presentation for identification on the grounds of voice and speech. Signs of speech are individual, which determines their criminal value. In the process of research, it was revealed that individual sound attributes of speech include: voice, intonation, rate of speech; character, duration and distribution of pauses; character and degree of logical excretion; degree of phonetic reduction; dialect features and a foreign accent. Individuality of a person's voice is determined by the characteristic shape and size of the oral and nasal cavities and respiratory organs. The acoustic characteristic of the voice is relatively stable in time, and remains individual even with morphological and pathological changes in the organs of speech. The uniqueness of the structure of the speech apparatus is determined by the individuality of the vocal characteristics of the person giving evidence; they can be analyzed by the investigator in order to establish the state of aggression, excitement or fatigue of the interrogated. All organs involved in the formation of speech can be divided into active and passive. In this process, active organs perform various movements while speaking to form sounds. Active organs of speech include: vocal cords, tongue, lips, soft palate, tongue, posterior wall of pharynx, lower jaw. Passive organs of speech only play a supporting role. In particular, they determine the shape of the cavities which, in turn, determine the resonance properties of these cavities. The following organs of speech are passive: teeth, alveoli, hard palate, upper jaw. Thus, the individuality of speech is conditioned by the individuality of the structure of the speech organs of each person. In addition, the authors identified the following forensically significant features of oral speech: universality, automation, variability, visibility and individuality; they generally imply the stability of the characteristics of oral speech, which is important in obtaining information about a participant in investigative actions.

REFERENCES

1. Kuznetsova, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoye tolkovoye slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
2. Struk, I.A., Golubovskiy, Yu.O. & Rybal'skiy, O.V. (2000) *Osnovnyye tendentsii sozdaniya sistemy opredeleniya emotsional'nogo sostoyaniya cheloveka po akusticheskim kharakteristikam ustnoy rechi* [The main trends in creating a system for determining the emotional state of a person according to the acoustic characteristics of oral speech]. Moscow: [s.n.].
3. Protasevich, A.A. & Obratsov, V.A. (1998) *Raskrytie ubiystv: netraditsionnye metody, priemy, rekomendatsii. Ocherki teorii i praktiki sledstvennoy raboty* [The disclosure of murders: unconventional methods, techniques, recommendations. Essays on the theory and practice of investigative work]. Irkutsk: ISEA.

4. Leont'ev, A.A., Shakhnarovich, A.M. & Batov, V.I. (1977) *Rech' v kriminalistike i sudebnoy psikhologii* [Speech in criminalistics and forensic psychology]. Moscow: Nauka.
5. Rossinskaya, E.R. (1999) *Professiya – ekspert* [Profession: an expert]. Moscow: Yurist’.
6. Frolov, A. & Frolov, G. (2003) *Sintez i raspoznavanie rechi. Sovremennye resheniya* [Synthesis and speech recognition. Modern solutions]. Moscow: Svyaz’.
7. Ramishvili, G.S. & Chikoidze, G.B. (1991) *Kriminalisticheskoe issledovanie fonogramm rechi i identifikatsiya lichnosti govoryashchego* [Forensic investigation of phonograms of speech, and identification of the speaker]. Tbilisi: Metsniereba.
8. Chulakhov, V.N. (2004) *Kriminalisticheskoe uchenie o navykakh i privychkakh cheloveka* [Criminalistic doctrine of the skills and habits of man]. Abstract of Law Dr. Dis. Moscow.
9. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic structure of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 167–170. (In Russian).
10. Alekseeva, T.A. (2012) Simvol’noe znachenie ustnoy rechi doprashivaemogo litsa [The symbolic value of the oral speech of the interrogated person]. In: Utkin, V.A. (ed.) *Rossiyskoe pravovedenie: tribuna molodogo uchenogo* [Russian law: tribune of the young scientist]. Vol. 12. Tomsk: Tomsk State University. pp. 228–229.

Received: 23 June 2018

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Рассматриваются основные идеи, изложенные в книге П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда», а именно: о законодательном подходе к определению преступления, о связи преступления и наказания, об эволюции наказания, о неодинаковом влиянии наказания на поведение людей, о праве наказания. Критикуется обоснование исследователем формального законодательного подхода к определению преступления. Показано значение исследования для современной науки уголовного права и законодательной практики.

Ключевые слова: преступление; наказание; кара; возмездие; талион.

Свое научное исследование «Преступление и кара, подвиг и награда» П.А. Сорокин определил как социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали [1]. Однако в нем исследуются основные категории уголовного права, а именно преступление и наказание. Причем рассматриваются они как правовые категории в контексте их общественного развития на примере анализа различных исторических памятников уголовного права. Поэтому данное исследование необходимо отнести к сфере науки уголовного права, в процессе которого творчески применялись социологический и исторический методы.

Основные уголовно-правовые идеи исследователя, как свидетельствует анализ текста его работы, состоят в обосновании формального законодательного подхода к определению преступления, раскрытии связи преступления и наказания, характеристике эволюции наказания, аргументации неодинакового влияния наказания на поведение людей.

П. Сорокин исходит из того, что общие свойства поступков, которые в различные времена и у различных народов считались преступлениями, существуют [1. С. 140]. Данную проблему автор затронул не случайно, поскольку уже в XIX в. зарубежные и русские ученые юристы активно обсуждали вопрос о том, является ли преступление таковым по своей природе. В этой связи уместно вспомнить критику К. Марксом решения Рейнского Ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов был принят закон, в соответствии с которым хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается как порубка леса. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс придерживался позиции о том, что преступление должно быть таковым по своей правовой природе [2. С. 122].

П. Сорокин критикует обозначенный подход, утверждая, что в основе юридического признания деяний преступлениями лежит шаблон о должном поведении господствующей части общества [1. С. 120–123, 143, 147, 158–160, 208–212]. Свою позицию автор обосновывает тем, что преступление – явление социальной жизни, которое невозможно без психических переживаний в виде отвращения и отталкивания определенного поведения господствующей частью общества. Именно поэтому внешне физически сходные акты поведения могут считаться преступлением и подвигом, например убийство врага на войне – подвиг, убийство иноземца в мирное время –

преступление [1. С. 126–127, 153–160]. Однако в позиции исследователя нет ответа на вопрос о том, почему в одних случаях нарушение шаблона о должном поведении господствующей части общества относится к преступлению, а в других случаях – к иным правонарушениям. По сути П. Сорокин обосновывает формальное определение преступления. Это означает, что криминализация представляет произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей элиты. Вместе с тем криминализация деяний основывается на представлении о преступлении как о грехе, как о преступлении (нарушении) общепринятых заповедей, содержащихся ещё в Ветхом Завете [3. С. 20; 4. С. 27].

Связь между преступлением и наказанием П. Сорокин усматривает в том, что преступление является причиной, а наказание – его следствием [1. С. 172, 176, 208–209]. Анализ текста исследования позволяет утверждать, что автор имеет в виду социальный характер этой связи между ними, так как наказание представляет собой реакцию общества на преступление [Там же. С. 126–127]. Исследование раскрывает эту связь. Полагаем, что содержание этой связи образуют изученные социологом возмездность наказания, причинение преступнику страданий и лишений карательным актом, соотношение между тяжестью преступления и тяжестью наказания, влияние сути преступления на право наказания, влияние наказания на свойство повторяемости преступления. Первые три аспекта связи между преступлением и наказанием, на наш взгляд, характеризуют карательный характер уголовного наказания. Такой вывод вытекает из утверждения социолога о том, что не всякое причинение человеку страданий может быть квалифицировано как карательный акт [Там же. С. 137, 170]. Этот тезис раскрывается в дальнейших суждениях автора о том, что у карательных актов должна быть причина в виде акта преступления, что наказание следует рассматривать как акт справедливого воздаяния и возмездия, являющихся реакцией на преступление, что «страдательность» кары различается в зависимости от «низости» преступления [Там же. С. 172], за каждое из которых предусмотрено карательное вознаграждение [Там же. С. 224].

Влияние сути преступления на право наказания вытекает у П. Сорокина из определения преступления как нарушения шаблона должного поведения господствующей части общества [Там же. С. 130–147, 208–212]. Официально закрепленный государством этот

шаблон законного поведения влечет за собой защиту привилегированной части общества через наказание [1. С. 147, 211–212]. Отметим, что в науке уголовного права в конце XIX – начале XX в. исследовались три аспекта права наказания: право уголовного преследования, право определения наказания, право исполнения наказания [5. С. 8]. П. Сорокин в своей работе затрагивает только один аспект проблемы, связанный с правом законодательного определения наказания. В этой связи отметим, что право наказания у государства вытекает не только из того, что преступлением нарушаются воплощенные в уголовном законе шаблоны позитивного поведения господствующей части общества, но и из того, что основная часть преступлений посягает на позитивные шаблоны поведения, принятые всей законопослушной частью общества в качестве нравственного императива.

Влияние наказания на свойство повторяемости преступления усматривается социологом в том, что повторяемость актов кары влияет на убеждения, лежащие в основе поведения. Отсутствие противодействия преступному поведению ослабляет убеждение в том, что нельзя красть, убивать, брать взятки и т.д. Повторяемость карательных актов укрепляет такое убеждение и способствует устойчивости социально полезного поведения, заставляет воздержаться от преступного поведения [1. С. 229–232, 257–260, 362–363, 482]. Влияние наказания на повторяемость преступления убедительно показывает, что цель предупреждения преступлений для наказания является вполне достижимой. Причем автор утверждает, что наказание влияет не только на поведение отдельных личностей, но и на поведение целых народов [Там же. С. 229]. По сути речь идет о том, что наказание способно достигнуть цели как частного предупреждения преступлений со стороны лиц, уже их совершивших, так и со стороны иных лиц, относящихся к законопослушной части общества. Интересным является вывод социолога о том, что наказание достигает цели предупреждения преступлений не только в силу возникновения у лица страха перед карательным актом (эшафотом, острогом, тюрьмой и т.д.), но и в силу давления совести, в силу сформировавшихся у лица моральных убеждений, являющихся результатом навязанного наказанием обществу должных шаблонов поведения [Там же. С. 253]. В советский период эта идея получила развитие в виде обоснования способности наказания не только вызывать страх совершать преступление, но и формировать позитивное правосознание личности, лежащее в основе его законопослушного поведения [6. С. 41–44; 7. С. 40–41].

Общую судьбу преступлений и наказаний автор связывал с их исчезновением [1. С. 419]. Исследователь обосновывал это тем, что в результате улучшения социальной психики и поведения людей, утверждения позитивного шаблона поведения под воздействием кары отпадает необходимость в наказании [Там же. С. 361–362, 419, 429]. Полагаем, такой вывод обусловлен тем, что П. Сорокин исходил из идеальной модели влияния на поведение человека кар и наград, в соответствии с которой за преступлением следует кара, за подвигом – награда. Однако реальная

практика кар и наград в значительной степени не совпадает с этой моделью: подвиг может быть оценен как преступление и совершившее его лицо подвергнуто наказанию; преступление может быть оценено как подвиг и совершившее его лицо награждено. Такая практика не формирует законопослушное поведение. Кроме того, преступление может быть не раскрыто и не влечь за собой наказание, а это стимулирует совершение новых преступлений. Исследователь игнорирует это обстоятельство, приравнивая неизвестность преступления и преступника к небытию [1. С. 177]. Социальные и иные (в частности, биологические) явления, влияющие на преступное поведение, автором вообще игнорируются, а исследователи, изучающие эти явления, подвергаются безапелляционной критике [Там же. С. 142–147, 263]. Укажем также на отсутствие логики в позиции самого автора. Преступление он считал нарушением шаблона должного поведения господствующей части общества, а наказание – его защитой. Следовательно, причина, порождающая преступление, вытекает из противоречия между этим шаблоном и шаблоном поведения той части общества, которая не является господствующей. Значит, преступления и наказания, как реакция на них, должны исчезнуть вместе с исчезновением этого противоречия. Однако автор связывает их исчезновение только с позитивным воздействием наказаний на преступления. Очевидно, что в аспекте общей судьбы преступлений и наказаний выводы П. Сорокина являются умозрительными и не опираются на социологические исследования.

Значительный интерес представляют также суждения автора об эволюции уголовных наказаний, которая, по его мнению, состоит в их постепенном ограничении как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательному воздействию [Там же. С. 366–367, 378, 417–418]. Автор утверждает, что первоначально кара была безгранична, поскольку настигала не только преступника, но и весь род, к которому он принадлежал, становилась вечной, так как настигала не только современников преступника, но и еще не родившееся поколение [Там же. С. 377–378, 382–383], карались не только виновные, но и не виновные [Там же. С. 371–372]. Кроме того, автор подмечает, что одно и то же наказание следовало за разные по тяжести преступления [Там же. С. 379]. Затем автор отмечает, что карательное воздействие стало постепенно ограничиваться: сначала в виде предоставления преступникам мест (обычно храмов), где они могли скрываться, затем в виде ограничения времени, в течение которого преступники могли подвергаться карательной мести [Там же. С. 378–379].

Наибольшее значение для ограничения наказаний как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательному воздействию, имел талион, который П. Сорокин назвал громадным прогрессом в определении границ неограниченной мести, поскольку он устанавливал равенство между преступлением и наказанием [Там же. С. 379]. Даже в первоначальный момент появления талион уже не допускал убийство преступника за многие преступления, последствием

которых не являлась смерть, а наказанию подлежал преступник, а не весь его род. Это существенно ограничивало кровную месть [8. С. 21–22].

П. Сорокин выделил несколько этапов в развитии системы талиона. Сначала талион возник как начало равного возмездия. Оно предполагало наказание смертью за убийство, телесное наказание за членовредительство, оплату за имущественный вред. Такая равновозмездная форма талиона получила закрепление в ряде источников уголовного права, в частности в Законах Хаммурапи [9. С. 27; 10. С. 69–71].

Однако во всех случаях воздать преступнику по принципу «око за око, зуб за зуб» не представлялось возможным. В связи с этим за ряд преступлений стали применяться вместо смерти наказания, предусматривающие членовредительство преступника, например отрубание руки за кражу по Законам Ману [9. С. 37]. Такую замену смертной казни за ряд преступлений телесными наказаниями П. Сорокин назвал символическим талионом [1. С. 379–380]. Дальнейшее развития системы талиона привело к тому, что талион приобрел факультативный характер, т.е. стал не обязательным, а допускаемым. И, наконец, система талиона превратилась в систему композиций наказаний, предусматривающих вместо мести денежный выкуп [Там же. С. 380–382]. В целом талион нашел свое формализованное выражение в карательном прецеденте, представляющем собой шаблонизацию карательных актов, установление за каждое преступление карательной цены [Там же. С. 224–225]. Это тоже в определенной мере явилось ограничителем наказания, так как они из нефиксированных превратились в фиксированные за определенные преступления. Автор полагает, что такой прецедент наказаний основывался на определенной эквивалентности преступлений и наказаний. С этим нельзя согласиться в полной мере, во-первых, потому, что равновозмездность наказаний с развитием системы талиона сильно искажалась. Во-вторых, потому, что общая единица измерения наказания не была найдена. Сам автор по этому поводу справедливо отмечал, что не дана «единица обмена, которая могла бы заменить все виды «кар» [Там же. С. 225]. Очевидно, в процессе развития талиона от него остался только карательный характер наказания, состоящий в возмездности наказания, причинении наказанием преступнику страданий и лишений, соотношении между тяжестью преступления и тяжестью наказания, а в ряде случаев и в соответствии наказания природе преступления (например, штрафа получению взятки).

На ограничение интенсивности уголовных наказаний повлиял не только закон талиона, но и иные обстоятельства. Среди них особое внимание П. Сорокин уделяет изменению целей наказания. Автор отмечает, что до XVII в. основной целью наказания в известных памятниках уголовного права было устрашение, поэтому распространенными среди наказаний были увечья, телесные повреждения, клеймение. С XVIII в. в качестве целей наказания выдвигаются предупреждение преступлений, исправление и лечение преступников. Наказание все больше основывается не на страхе преступника, а обращается к его совести и до-

стоинству. Поэтому уменьшаются или исключаются наказания, уродующие человека и причиняющие ему сильные физические страдания [1. С. 387–388, 414–415, 418].

Среди иных обстоятельств, повлиявших на ограничение интенсивности уголовных наказаний, исследователь указал: устранение двухсторонних наказаний, ограничение наказуемых за счет наказания только виновных и вменяемых [Там же. С. 182, 197, 384–386, 417–418], ненаказуемость мысли и сужение наказаний за высказывания [Там же. С. 399–400, 418], разграничение санкций за гражданские правонарушения и преступления (замена репрессивных санкций реститутивными) [Там же. С. 400–404, 418], падение жестокости кар в существующих наказаниях (например, тюремного заключения) [Там же. С. 418], появление условного осуждения и досрочного освобождения от наказания [Там же. С. 418], уничтожение и уменьшение религиозных наказаний [Там же. С. 417].

Завершиться эволюция уголовных наказаний, состоящая в их ограничении как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательному воздействию, должна, по мнению автора, исчезновением кар [Там же. С. 419]. Как уже отмечалось, этот вывод основан на ошибочном суждении исследователя о ненужности уголовных наказаний в результате утверждения позитивного шаблона поведения под воздействием кар.

Однако в основном описанная автором эволюция уголовного наказания представляется верной и не только потому, что опирается на анализ многочисленных памятников уголовного права, но и потому, что всякие попытки отступить от этой эволюции в законодательной практике и теории уголовного права показали свою несостоятельность. В частности, после Октябрьской революции законодатель отказался от понятия наказания как кары: в ст. 8 УК РСФСР 1922 г. наказание было отнесено к разновидности мер социальной защиты (в ред. 1926 г. вместо понятия наказания использовано понятие мер социальной защиты уголовно-правового характера). Этому предшествовал доктринальный взгляд руководителей Советского государства на уголовное наказание. Например, один из руководителей Наркомата юстиции А. Шредер, комментируя проект Советского уголовного уложения, отмечал, что такое толкование наказания противоречит его традиционному толкованию, покоящемуся на признании государством права на кару, на возмездие [11. С. 149]. В результате практика применения УК РСФСР 1922 г. привела к расширению уголовно-правовых репрессий, сузила возможности дифференциации и индивидуализации уголовного наказания [1. С. 142–143].

В современный период в законодательном определении наказаний не указан его сущностный признак – карательный характер (ст. 43 УК РФ 1996 г.). Такая позиция законодателя нашла поддержку в работах российских исследователей, так как карательный характер наказания перестал рассматриваться даже как его признак. Исходя из этого, стали вноситься предложения о необходимости включения в число наказаний таких мер, как увольнение от долж-

ности, возложение обязанности загладить причиненный вред [12. С. 9–10; 13. С. 25–26]. Указанная позиция законодателя привела прежде всего к тому, что перечень наказаний, определенный в ст. 44 УК РФ, не превратился в систему наказаний, так как предполагаемая законодателем схема перечня наказаний от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее сурового (смертная казнь) в значительной мере не состоялась. В частности, штраф в своих верхних пределах по суровости значительно превзошел последующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, а в аспекте субъективного восприятия наказания отдельными лицами даже может превышать суровость последнего.

Своеобразными явились суждения П. Сорокина о неодинаковом влиянии наказания на поведение людей. Такое влияние автор связывал прежде всего с религиозным мировоззрением человека. На верующего человека существенно влияет загробная кара, которая оказывает на него устрашающее воздействие в силу ее неизбежности [1. С. 237–250]. Воздействие земной кары на поведение человека автор связывал с его близостью (наказание, которое может обрушиться сейчас, действует сильнее, чем отдаленное) [Там же.

С. 236–239], его неизбежностью (неизбежная кара влияет сильнее, чем вероятная) [1. С. 240–241], субъективным восприятием тяжести наказания [Там же. С. 243, 251, 264–265], обеспеченностью наказания общественным мнением и институтами принуждения [Там же. С. 249, 253]. Представляется, что указанные аспекты неодинакового влияния наказания на поведение различных людей в современный период имеют особую актуальность.

В целом по результатам анализа исследования П. Сорокина можно сделать вывод о том, что в российской науке уголовного права на основе эволюции уголовно-правовой мысли, отечественного и зарубежного законодательства к началу XX в. сформировалось целостное представление об уголовном наказании как социально-правовом явлении. Такое представление предопределило развитие науки уголовного права и российского уголовного законодательства не только в досоветский, но и советский период. Отступление от целостного представления об уголовном наказании в постсоветский период в науке и законодательной практике является регрессом в развитии этого института, а не значительным шагом вперед в его эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. 618 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. 700 с.
3. Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень : Тюмен. ВШ МВД РФ, 1995. 43 с.
4. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М. : Норма, 2009. 336 с.
5. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М. : Городец, Добросвет, 2000. 464 с.
6. Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. 83 с.
7. Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 100 с.
8. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М. : Госюриздат, 1957. 304 с.
9. Всеобщая история государства и права / под ред. К.И. Батыра. М. : Былина, 1995. – 416 с.
10. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М. : НОРМА, 2002. 744 с.
11. Советское уголовное уложение (Научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015. 240 с.
12. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2002. 48 с.
13. Мацкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб. : Асланов: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июня 2018 г.

PITIRIM SOROKIN'S IDEAS ON CRIMINAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 203–207.

DOI: 10.17223/15617793/434/28

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Alexander V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Keywords: crime; punishment; penalty; retribution; talion.

The objective of the authors in writing the article was to analyze the main approaches of Pitirim Sorokin to the key categories of criminal law: crime and punishment. In the work on the article the following methods were used: analysis, synthesis, analogy, formal-logical, historical, logical-language and comparative law. The subject of the article is the main ideas contained in Sorokin's work *Crime and Punishment, Feat and Reward*. The book was written more than a hundred years ago, in 1913. It addresses issues related to the nature of social behavior, the classification of acts of behavior, the definition of crime and feat, punishment and reward, the impact of punishments and rewards on human behavior, trends in punishments and rewards, etc. The issues Sorokin considered in the book are relevant at the present time. The study showed that the main ideas of Sorokin were based on a justification of a formal legislative approach to the definition of a crime, a disclosure of the connection between crime and punishment, as well as a description of the evolution of punishment and the argumentation of the unequal impact of punishment on people's behavior. The authors of the article criticize Sorokin's position that the basis of legal recognition of acts as crimes is the pattern of a proper behavior of the dominant part of society. The article states that criminalization of an act is based primarily on the essential property of a crime associated with the violation of the most important social values necessary for the existence of the whole society. It is established that Sorokin interprets the connection between crime and punishment as the connection between cause and effect. This connection consists in the fact that punishment is punitive (it is retribution for a crime, this retribution is essentially equivalent to a crime, punishment causes suffering), it impacts the repeatability of criminal behavior, the nature of a crime affects the right of punishment. Talion is of great

importance in the article. According to Sorokin, the evolution of criminal punishment began with this principle, which was connected with the limitation of punishment by the intensity and number of persons to be punished. The article shows the significance of Sorokin's research for the modern science of criminal law. It is argued that the perception of a number of ideas of the researcher by the modern legislator will allow to restore the essential property of punishment – its punitive character, which distinguishes punishment from other criminal law measures. It will also allow to give the list of punishments contained in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation the property of a system based on the severity of punitive effects of each punishment on the perpetrator.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. (2006) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward: a sociological study of the main forms of social behavior and morality]. Moscow: Astrel'.
2. Marx, K. & Engels, F. (1995) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
3. Nikonov, V.A. (1995) *Bibliya i ugovolnyy zakon* [The Bible and the criminal law]. Tyumen: Tyumen. VSh MVD RF.
4. Kharabet, K.V. & Tolkachenko, A.A. (eds) (2009) *Khristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii* [The Christian doctrine of crime and punishment]. Moscow: Norma.
5. Foynitskiy, I.Ya. (2000) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow: Gorodets, Dobrosvet.
6. Eleonskiy, V.A. (1979) *Ugolovnoe nakazanie i vospitanie pozitivnoy otvetstvennosti lichnosti* [Criminal punishment and education of the positive responsibility of the individual]. Ryazan: Izd-vo RVSh MVD SSSR.
7. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Shargorodskiy, M.D. (1957) *Nakazanie po ugovolnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva* [Punishment under the criminal law of the exploitative society]. Moscow: Gosyurizdat.
9. Batyra, K.I. (ed.) (1995) *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava* [The general history of state and law]. Moscow: Bylina.
10. Grafskiy, V.G. (2002) *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [General history of law and state]. Moscow: NORMA.
11. Chuchaeva, A.I. (ed.) (2015) *Sovetskoe ugovolnoe ulozhenie (Nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitel'nye tablitsy)* [The Soviet Criminal Code (Scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow: Prospekt.
12. Zubkova, V.I. (2002) *Ugolovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': zakonodatel'stvo, teoriya i praktika* [Criminal punishment and its social role: laws, theory and practice]. Abstract of Law Dr. Dis. Ryazan.
13. Matskevich, A.F. (2005) *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deystviya* [Criminal punishment: the concept, objectives and mechanisms of action]. St. Petersburg: Aslanov: Yurid. tsentr Press.

Received: 30 June 2018

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПРАВОВЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Изучены коррупционные риски при установлении в законодательстве Российской Федерации норм о правовых преимуществах отдельных субъектов общественных отношений. Аргументируется, что в современных условиях необходимость стимулирования экономического, финансового роста, развитие наукоемких технологий, рекреация отдаленных от административного центра территорий объективно детерминируют необходимость установления заинтересованным лицам различного рода послаблений, компенсаций, субсидий и прочих форм отступления от равенства.

Ключевые слова: коррупция; правовое преимущество; финансовое стимулирование; льгота; иммунитет.

На сегодняшний день существующая в Российской Федерации система противодействия коррупционным проявлениям, в первую очередь, связана с разработкой открытых, прозрачных механизмов экономического регулирования. Это актуально в свете тенденции, наметившейся в последние годы, в виде стимулирования государством активной финансовой деятельности граждан и организаций. Одним из инструментов, способствующим развитию предпринимательства, является правовое преимущество.

Выступая комплексной, межотраслевой категорией, преимущество представляет собой правомерную возможность субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражается как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным нормам, обязанностям, запретам и ограничениям. В этой связи вызывает как научно-теоретический, так и практико-прикладной интерес установление телеологического, целевого характера данного инструмента правового регулирования. Попробуем установить его характер и особенности влияния на коррупционную составляющую государственного аппарата.

Законодатель через систему иммунитетов, привилегий, льгот, особых юридических процедур и специальных правовых режимов успешно создает зоны опережающего экономического развития [1], территории рекреации (на примере «дальневосточного гектара») [2], инновационные центры («Сколково» [3] и др.), фонды поддержки искусства, культуры. Это позволяет в подобных правовых образованиях реализовывать полномочия по приоритетному получению юридическими лицами: бюджетных средств без учета конкретных целевых показателей; налоговых и таможенных льгот; осуществлять свою деятельность, пользуясь иммунитетом от административного, бюджетного контроля. Названные конкурентные преимущества, в конечном итоге, определяют достижение ими высоких показателей экономического роста, обеспечивают развитие наукоемких технологий, поддержку культурных и просветительских сфер государства, сохранение природного наследия.

Экономические детерминанты на сегодня выступают одними из основных факторов законодательной деятельности по установлению правовых преимуществ. Зачастую они обусловлены неоднородностью социальной структуры, географическими особенностями нашей страны, освоение которых весьма за-

труднительно без применения мер поощрения для своевременного решения проблем экологии, проведения социальной политики, поддержания демографической устойчивости.

К примеру, система выделения отдельных географических точек, а зачастую и целых кластеров, с последующим предоставлением материальных выгод и правовых послаблений, появилась не так давно. Цели проекта объясняются, в первую очередь, финансовой составляющей за счет повышения инвестиционной привлекательности и последующей интеграции региона в экономику страны. Богатые сырьевые ресурсы субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов позволяют государству предлагать предпринимательскому сообществу меры стимулирования и поддержки развития приоритетных отраслей через систему правовых преимуществ на определенный срок, как правило, до достижения прогнозируемых показателей. Так, до 2025 г. предоставляется «преимущественное право заключения долгосрочных договоров лесопользования компаниям, обязующимся развивать наряду с лесозаготовкой переработку древесины и стимулировать использование недревесных ресурсов в границах природно-ресурсной зоны Байкало-Амурской магистрали, Ленско-Ангарской, Западно-Якутской и Южно-Якутской зон опережающего экономического развития» [4].

Вместе с тем объективные закономерности государственного и экономического развития нашей страны позволяют с большой долей вероятности прогнозировать элементы злоупотребления предоставленными «сверхправами» и возможностями на фоне желания отдельных представителей чиновничества обогатиться. Факты возбуждения уголовных дел и вынесения обвинительных приговоров государственным служащим за покровительство преступной деятельности и последующее получение прибыли от реализации биологической, сырьевой продукции данной территории уже имеют место [5]. Также имеют место факты давления на органы следствия и суда при расследовании уголовных дел такой категории. Здесь следует отметить, несмотря на, казалось бы, достаточную проработанность законодательства в сфере противодействия коррупции, отдельные противоречивые моменты все же вызывают опасения.

Заключаются они в том, что Федеральный закон «О противодействии коррупции» в качестве одного из

основных направлений деятельности государственных органов закрепил «неукоснительное соблюдение принципов независимости судей» [6]. Известно, что инструментом реализации данного курса выступает законодательное установление: во-первых, иммунитетов, выражающихся в усложненном порядке привлечения к юридической ответственности и неподверженности общим обязанностям и ограничениям, а во-вторых, индемнитета (от лат. *indemnitas* – безущербность), который применительно к судьям означает неотвеченность за свою позицию, которую судья выразил при решении конкретного дела, даже если эта позиция будет затем вышестоящей инстанцией признана неверной. Как справедливо заметил по этому поводу профессор А.С. Мордовец, гарантии неприкосновенности включают «не только физическую, но и духовную свободу» [7. С. 79].

Однако статистические данные борьбы с коррупцией, к сожалению, показывают, что социальные качества человека, вызванные его стремлением к свободе, порой играют злую шутку со многими представителями судебного и прокурорского корпуса. По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2017 г. по уголовным делам, возбужденным по преступлениям антикоррупционной направленности, в качестве обвиняемых проходило более 400 субъектов с особым уголовно-процессуальным статусом и усложненным порядком привлечения к ответственности (большинство из которых составили судьи и прокуроры) [8]. Видимо, свобода уже не воспринимается ими как нравственный императив поведения, а является практической формой безбедного существования.

Однако не стоит думать, что подобное стремление к свободе отдельных наших современников подтолкнет нас к ее оценке через призму дальнейших правовых преимуществ в негативном ключе. Отнюдь. Свобода, автономия личности, как известно, выступили основными постулатами либеральной концепции прав человека. Появившись как протест феодальному произволу, индивидуализация каждого человека, его стремление к самоопределению в жизни, обществе создали ту благодатную для правовых преимуществ почву. Требования и притязания подавляемого класса на права в дальнейшем расширились до чего-то большего, что сегодня выражается в освобождении от обязанностей и ответственности, компенсациях за опасный и вредный для здоровья труд, дотациях на социально значимые проекты и пр.

Отдельные инструменты реализации правовых преимуществ, к примеру, экономического характера в виде грантов, преференций, субсидий, есть не что иное, как высшая форма финансовой свободы. О ее важности писали виднейшие представители дореволюционного права: «...сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически» [9. С. 5–6].

Кроме того, следует обратить внимание, что ряд законодательных шагов при установлении правовых

преимуществ не детерминирует коррупционные риски, а напрямую связан с их снижением. Преимущества позволяют, как бы это грубо не звучало, узаконить некоторые, казалось бы, внеправовые формы деятельности субъектов в силу их мощного социального регулятивного потенциала. За счет правовых преимуществ государство решает задачу стабилизации общественных отношений, в том числе в тех ситуациях, когда их динамика развития начинает выходить из-под контроля.

К примеру, одной из распространенных причин, порождающих разложение государственного аппарата и увеличивающей коррупционные риски, выступает расширение фискального бремени, активизирующее зону теневой экономики. Одним из характерных примеров преодоления государством этого соблазна за счет такого инструмента, как преимущества, выступает так называемая лесная амнистия [10]. Законодательные меры [11] позволили узаконить те участки земель граждан (садоводческие, дачные и пр.), которые располагаются в лесном фонде. Подобная мера ранее была невозможна. Однако в силу того, что в советский период государства, садоводческие товарищества образовывались решениями органов местного самоуправления, сегодня более 1,5 миллионов земельных участков на лесных угодьях оказались «вне закона». Решил данную проблему законодатель с помощью правового преимущества – вывел земельные участки граждан, права на которые возникли до 1 января 2016 г., из под общего запрета на занятие лесопаркового зеленого пояса. В таком случае преимущество выступило формой сглаживания тех государственно-правовых явлений, которые объективно сложились и существуют, но еще не нашли своей правовой ниши. В противном случае государство вольно или невольно подтолкнуло бы граждан, в целях сохранения своего имущества, к поиску альтернативных, как правило, коррупционных, путей решения данной проблемы.

Получается, что отрицать присутствие коррупционных рисков при установлении в законодательстве преимуществ для отдельных субъектов бессмысленно. Как и напрасно опровергать социальную, государственно-правовую, экономическую разумность и действительность иммунитетов, привилегий, льгот. Полагаем в этом ключе, что одними из объективных механизмов снижения данных рисков должны выступать:

- действенный социальный и государственный контроль;
- установление конкретных показателей деятельности, достижение которых определяет получение дополнительных преимуществ;
- экономически просчитанное и социально обоснованное установление новых преимуществ для обеспечения баланса интересов всех участников общественных отношений.

Любые формы отступления от равенства, как правило, всегда возбуждают оживленный интерес, а зачастую и резонанс в социуме. Будь это освобождение лица от ответственности, совершившего правонарушение, что крайне болезненно воспринимается гражданами,

данами, вызывая у них чувство несправедливости, жажду самосуда, а иногда и незащищенность со стороны закона, страх. Или же послабления для ветеранов, инвалидов, воспитанников детских домов, что население связывает с демократическими завоеваниями, а льгота или иное преимущество для них воспринимается как высшая добродетель.

Мы убеждены, что искоренение правовых преимуществ, к чему порой призывают отдельные политики и правоведа, не принесет пользу обществу и государству. «Уравниловка» оскорбляет чувства граждан не меньше чрезмерных преимуществ. Человек в такой ситуации не видит эквивалента своей деятельности, не чувствует заботы о себе. «Такие явления противоречат социальной справедливости, создают нездоровую атмосферу в коллективе», – пишет Е.А. Лукашева [12. С. 88].

При взвешенном, научно продуманном установлении правовых преимуществ достигается эффективное государственно-правовое регулирование общественных отношений, обеспечивается баланс интересов всех членов общества: обеспеченных и находящихся в трудной материальной ситуации, руководителей и служащих, а также в целом гармония между человеком и государством.

Современные правовые преимущества выступают средством совмещения интересов: богатых и бедных, власти и населения, руководителей предприятий

и трудящихся на производстве и т.д. С одной стороны, с помощью правовых преимуществ, закрепленных в нормативных актах, особое положение в обществе в виде привилегий получают политическая и властная элита, а компенсации – социально незащищенные группы населения и пр. С другой стороны, государство, устанавливая правовые преимущества, преследует цель: направление общественных отношений по предпочитаемому варианту, который в конечном итоге выгоден всему обществу.

Наконец, преимущества в праве и законодательстве стимулируют здоровую бизнес-инициативу, конкурентоспособность, предприимчивость субъектов по поиску новых форм и методов деятельности для достижения результата, превышающего общепринятый. Потенциальная возможность получения дополнительных прав, освобождения от обязанностей ориентирует любого человека на проявление своих лидерских качеств, способностей добиваться поставленной цели. Иными словами, правовое преимущество – мощный рычаг воздействия на людей, и важно, чтобы законодатель не разбрасывался этой возможностью, а применял его максимально выверено, последовательно. В таком случае он станет серьезным стимулом для качественного выполнения своих обязанностей должностными лицами, залогом экономического роста и достижения высоких общегосударственных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (в ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 26.
2. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 18. Ст. 2495; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4796.
3. Об инновационном центре «Сколково»: Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. Ст. 4970; 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4183.
4. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 4. Ст. 421.
5. Лес попутал // Российская газета. 2017. 12 дек.
6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 03.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017), п. 9 ч. 1 ст. 7 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228; 2017. № 1 (ч. I). Ст. 46.
7. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. проф. Н.И. Матузова. Саратов : СВШ МВД РФ, 1996. 228 с.
8. Бастрыкин А. Судят по делам // Российская газета. 2017. 08 дек.
9. Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование: социально-философские этюды. СПб. ; М. : Издание типографии товарищества М.О. Вольф, 1911. 48 с.
10. Игнатова О. Хорошо иметь домик в лесу. В России начинает действовать «лесная амнистия» // Российская газета. 2017. 09 авг.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель: Федеральный закон от 29.07.2017 № 280-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4829.
12. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность / отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.М. Чхиквадзе. М. : Наука, 1987. 155 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2018 г.

CORRUPTION RISKS IN THE GRANTING OF LEGAL ADVANTAGES BY THE LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 208–211.

DOI: 10.17223/15617793/434/29

Artem G. Repev, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: repev-artem@yandex.ru

Keywords: corruption; legal advantage; financial stimulation; privilege; immunity.

The research objective is the solution of a big scientific problem – determination of the bases for granting additional rights and opportunities to specific subjects, and influence of this process on the formation of corruption risks. The hypothesis of the research is a thesis that the specifics of human society consists in its versatility caused by people's deep individuality and originality. As a result of it, society develops in a full variety; people often abstract away from the already established ways of moving and behavior options. In this regard, the solution of problems of not only a theoretical and legal mediation of universal equal opportunities, but also practi-

cal aspects of equality realization is required. Using the theoretical methodological framework (historical, dialectical materialistic, formal legal ways of cognition) tested by science, as well as practical applied tools, a thesis about the negative nature of advantages in law and a corruption element in them is disproved. Having appeared as a protest to a feudal arbitrariness, individualization of each person, along with their claims on self-determination in life and society, has created a fertile field for granting legal advantages in laws. Demands and opportunities based on merits before society and the state, aspirations to achieve results of activities which surpass standard ones extended to legal advantages. During the research, having considered the available doctrinal material, data of judicial and other law enforcement practices, the author has come to a conclusion that today legal advantages are implemented in all spheres. However, realities and regularities of the state and economic development of the Russian Federation allow to reliably predict abuse of these benefits, temptations to use them for personal gain. Proving the important social nature of immunities, a key role of benefits and privileges in stimulation of vigorous business activity, the problem of formation of more profound scientific knowledge about these forms of legal advantages is solved. The author comes to a conclusion that natural differentiation of society should not cause corruption risks while its criteria are objective. According to the author, corruption risks include the need for ensuring independence and impartiality of the highest officials performing important state functions, thus legal immunities are provided for them; support of natural persons who have achieved good results in work and their subsequent stimulation, thus they can receive privileges for further business development; the need for social assistance to certain citizens who lack psychophysiological abilities, thus they can receive compensations, donations and other privileges to equal their opportunities with other participants of relations.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2015) O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.12.2014 № 473-FZ (v red. ot 05.12.2017) [On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation: Federal Law No. 473-FZ of December 29, 2014 (as amended on December 5, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1 (Pt. I). Art. 26.
2. Russian Federation. (2017) Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy ili munitsipal'noy sobstvennosti i raspolozhennykh na territoriyakh sub'ektov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 01.05.2016 № 119-FZ (v red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2017) [On the peculiarities of providing citizens with land plots that are in state or municipal ownership and located in the territories of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District, and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 119-FZ of May 01, 2016 (as amended on July 29, 2017) (as amended and supplemented, in force since October 01, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (Pt. I). Art. 4796.
3. Russian Federation. (2016) Ob innovatsionnom tsentre "Skolkovo": Federal'nyy zakon ot 28.09.2010 № 244-FZ (v red. ot 28.12.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2017) [On the Skolkovo Innovation Center: Federal Law No. 244-FZ of September 28, 2010 (as amended on December 28, 2016) (as amended and supplemented, in force since January 01, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 27 (Pt. I). Art. 4183.
4. Russian Federation. (2010) Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Baykal'skogo regiona na period do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.12.2009 № 2094-r [On approval of the Strategy for the socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period up to 2025: Order of the Government of the Russian Federation No. 2094-r of December 28, 2009]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 4. Art. 421.
5. Rossiyskaya gazeta. (2017) Les poputal [It's the forest's work]. *Rossiyskaya gazeta*. 12 December.
6. Russian Federation. (2017) O protivodeystvii korruptsii: Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (v red. ot 03.04.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 28.06.2017), p. 9 ch. 1 st. 7 [On Countering Corruption: Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on April 03, 2017) (as amended and supplemented, in force since June 28, 2017), Paragraph 9 of Part 1 of Article . 7]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1 (Pt. I). Art. 46.
7. Mordovets, A.S. (1996) *Sotsial'no-yuridicheskiy mekhanizm obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina* [A socio-legal mechanism to ensure the rights of man and citizen]. Saratov: SVSh MVD RF.
8. Bastrykin, A. (2017) Sudyat po delam [They judge by actions]. *Rossiyskaya gazeta*. 08 December.
9. Novgorodtsev, P.I. & Pokrovskiy, I.A. (1911) *O prave na sushchestvovanie: sotsial'no-filosofskie etyudy* [On the right to existence: socio-philosophical studies]. St. Petersburg; Moscow: Izdanie tipografii tovarishchestva M.O. Vol'f.
10. Ignatova, O. (2017) Khorosho imet' domik v lesu. V Rossii nachinaet deystvovat' "lesnaya amnistiya" [Good to have a house in the woods. "Forest amnesty" begins in Russia]. *Rossiyskaya gazeta*. 09 August.
11. Russian Federation. (2017) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh ustraneniya protivorechiy v svedeniyakh gosudarstvennykh reestrov i ustanovleniya prinadlezhnosti zemel'nogo uchastka k opredelennoy kategorii zemel': Federal'nyy zakon ot 29.07.2017 № 280-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to eliminate contradictions in the information of state registers and establish the ownership of a land plot to a certain category of land: Federal Law No. 280-FZ of July 29, 2017]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (Pt. I). Art. 4829.
12. Lukasheva, E.A. (1987) *Sotsialisticheskoe pravo i lichnost'* [Socialist law and an individual]. Moscow: Nauka.

Received: 26 March 2018

М.Л. Романов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается феномен правовой позиции как составляющей решений и формы существования нормативных предписаний Конституционного Суда. Делается вывод, что она структурно не является правовым аргументом (основанием) лишь для одного решения Конституционного Суда. Правовые позиции – суть правовые положения (установления), которые носят также характер имплицитно-волевого утверждения и выражают официальную (властно-волевою) точку зрения Конституционного Суда по определённому правовому вопросу.

Ключевые слова: решение Конституционного Суда; правовая позиция Конституционного Суда; конституционное истолкование.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации¹ по степени нормативной самовыраженности могут значительно отличаться друг от друга. Но каким бы нормативно характеризуемый акт конституционного судопроизводства не был, ему всегда присуще свойство выражаться концептуально. Таким концептуальным началом решения Конституционного Суда как раз и выступают правовые позиции – феномен, который наверняка существовал и ранее, но его первая в России легализация была связана именно с Конституционным Судом.

В отличие от традиционных источников российского права нормативное содержание решений Конституционного Суда неравномерно, его преобладающим средоточием и своеобразным маркером как раз и являются правовые позиции. Они выступают нормообъединяющей конструкцией решений Конституционного Суда, именно они помогают выявить их нормативное начало, как и пределы нормативности. Отсюда исследование правовых позиций Конституционного Суда значимо тем, что позволяет выявить нормативную часть и очертить «силовой» контур содержания данных решений. Правовая позиция – ключ к правовому восприятию решений Конституционного Суда, их функциональной составляющей, поэтому так важно определиться с природой и содержанием этого феномена.

В юридической литературе было высказано немало определений рассматриваемого феномена, но единства мнений до сих пор не достигнуто. В структурных подходах просматривается оценка правовых позиций как первичного структурного звена решений Конституционного Суда [1. С. 181] или как содержащих, в свою очередь, правоположения [2. С. 7]. Преобладающим здесь пока есть понимание того, что правовая позиция и решение Конституционного Суда соотносятся между собой как содержание и форма. Но устанавливая соотношение и разность между решением Конституционного Суда, содержащимися в нём правовыми позициями и иными правовыми положениями и применяя категорию источника права, как правило, к самому решению², в то же время нельзя лишать другие его составляющие и, в частности, правовые позиции, юридико-регулятивного значения³. Обоснованию правовой позиции как самостоятельного новообразования в праве также уделено немало

юридических исследований. Встречаются даже мнения, отстаивающие критериальную связь содержания решения Конституционного Суда с правовыми позициями, которые тем самым самоидентифицируют его и являются одним из имманентных свойств нормативности такого акта⁴.

В вопросах содержательного понимания правовых позиций Конституционного Суда и их регулятивной роли наиболее продвинулись общетеоретическая и, главным образом, конституционная юриспруденция.

«Пионером» в данной области выступил П.Е. Кондратов, – один из комментаторов Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵, – который в то же время довольно попутно определил их как систему аргументации, приводимой в обоснование итогового вывода Конституционного Суда [6. С. 229], что не помешало данному аспекту стать, так или иначе, преобладающим в трудах многих последующих авторов. Это неудивительно, поскольку Закон о Конституционном Суде предъявляет классическое требование в той части решения, в которой и размещаются правовые позиции, излагать доводы в пользу принятого решения, а при необходимости и доводы, опровергающие утверждения сторон (п. 9 ч. 1 ст. 75), т.е. само обоснование принятого решения, что как раз и является правовой аргументацией. Но этот подход небезосновательно связан с именем другого крупного исследователя проблемы правовых позиций – Л.В. Лазарева, не только продвинувшего становление в юридической науке, но и пополнившего его более глубокими взглядами на материально-правовую природу данного явления. В предикатном ряду его авторских определений правовая позиция выступает как не столько совокупность правовых аргументов⁶, сколько вытекающий из неё результат конституционного толкования, правовое основание решения Конституционного Суда, выражающие его правопонимание соответствующих конституционного принципа, нормы и должного конституционного содержания оспоренного правоположения [8. С. 74–75]. В этом же русле находится мнение и Н.В. Витрука, считавшего, что правовая позиция «есть правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации... “духа” и “буквы” Конституции», «истолкования... конституционного смысла»

положений иного акта, «которые снимают неопределенность в конкретных конституционно-правовых ситуациях и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда» [9. С. 95]. Примыкающий, по сути, к этой же группе учёных Б.С. Эбзеев находит также возможным, что правовые позиции – результат конституционного толкования (истолкования), они «есть сущность решения Суда, его главные аргументы, лежащие в основе делаемых им... выводов» [10. С. 640], выявляют нормативное содержание конституционных положений и развивают Конституцию Российской Федерации⁷. В том или ином виде все они рассматривают правовую позицию Конституционного Суда как нормативно-интерпретационное явление.

Другая группа авторов представляет данный феномен преимущественно с точки зрения таких субъективно-объективных позиций, как отношение Конституционного Суда, понимание им конкретного предмета своей судебной-контрольной деятельности. Так, В.А. Кряжков предложил определять правовую позицию Конституционного Суда как его «отношение... к значимым конституционно-правовым явлениям, отраженное в его решении (решениях), которым он руководствуется при рассмотрении конкретных дел», характеризуя его суть как «логико-правовое... обоснование конечного вывода Суда, содержащегося в постановляющей части его решения, формулируемое в виде правовых умозаключений, установок, имеющих общеобязательное значение» [11. С. 246, 247]. С незначительной разницей от этого Г.А. Гаджиев заключает, что правовые позиции Конституционного Суда выражают его «отношение... к содержанию конституционной нормы в результате ее истолкования», являются выявленными и сформулированными данным судом правовыми принципами, пригодными для разрешения группы сходных юридических коллизий, дел [12. С. 85]. Здесь же, несмотря на близость взглядов большинства исследователей, некоторой оригинальностью выделяется мнение В.О. Лучина и М.Г. Моисеенко, которые вывели, что правовые позиции суммарно отражают коллективную волю Конституционного Суда, во всяком случае его большинства, сочетают различные виды толкования правовой нормы «через правосознание судей» «с целью выявления той сути конституционного значимого предмета рассмотрения, которую законодатель либо иные субъекты правотворчества вложили в словесную формулировку» [13. С. 58].

Акцент следующей группы исследователей правовых позиций Конституционного Суда, не возражающих против вышеизложенных подходов, смещается в пользу их понимания как устойчивой категории. Рассматривая правовую позицию в общем, Ю.А. Тихомиров определял её как оценку актов и действий в одной коллидирующей ситуации, устойчиво повторяющуюся применительно к анализу аналогичных факторов [14. С. 73]. А.А. Петров в этом более категоричен, когда предлагает правовой позицией признавать лишь такое конституционное толкование (истолкование), которое использовалось Конституционным Судом «в качестве обоснования своих итоговых ре-

шений по существу поставленных перед ним вопросов не менее двух раз» [15. С. 16]. Опираясь на данное качество правовых позиций, эти авторы и ряд других последователей, так или иначе, актуализируют прецедентную сторону их восприятия.

Наряду с названными представлениями о правовых позициях Конституционного Суда в юридической литературе можно встретить и другие точки зрения, тяготеющие к одному или другому подходу, выпячивающие те или иные стороны данного явления и в то же время отличающиеся своей оригинальностью. Отталкиваясь от большинства определений правовой позиции Конституционного Суда, видим, что их предикатное содержание составляют такие множественные и структурно обозримые категории, как «правовые принципы (идеи, ориентиры)» [12. С. 85], «образцы (правила, установки) общего характера», «система аргументов» [16. С. 175; 17. С. 109], «общеобязательные предписания» [18. С. 157–159], «нормативно-интерпретационные установления» [8. С. 74–75; 19. С. 24–26] и т.д. Отсюда симптоматично, что правовая позиция если и представляет собой нечто предметно обобщённое, то в любом случае выглядит как содержательно неоднородное правовое образование, элементы которого могут использоваться по отдельности. Данное подтверждается и практикой, когда Конституционный Суд одну и ту же ранее высказанную правовую позицию воспроизводит в последующих решениях в целом (например, п. 2 мотивировочной части Определения от 6 июля 2001 г. № 144-О) либо в той части, в какой она представляется ему применимой к соответствующему делу, правовой проблеме (например, Определение от 12 апреля 2005 г. № 113-О)⁸. Возможность структурно-содержательного членения правовых позиций подчёркивается в юридической литературе [20. С. 371; 21. С. 85] и разъясняется самим Конституционным Судом в абз. 3 п. 1 мотивировочной части его постановления от 7 июня 2000 г. № 10-П. Это показывает, что правовые позиции нельзя рассматривать как нормативно неделимую единицу решения Конституционного Суда, хотя из всего их разнообразия можно встретить и такие случаи.

В Законе о Конституционном Суде термин «правовая позиция» относительно Конституционного Суда не раскрывается и встречается лишь трижды (ст. 29 (ч. 3), 47¹ (ч. 1) и 73). Некоторые исследователи утверждают, правда, что ч. 3 ст. 29 Закона о Конституционном Суде не касается правовых позиций Конституционного Суда, поскольку в ней речь идёт о правовых позициях его судей [22. С. 25]. Тем не менее считаем, что последние напрямую связаны с понятием правовых позиций Конституционного Суда и вот почему. Во-первых, указанное законоположение касается решений Конституционного Суда как именно выразителей правовой позиции судей, где сами такие решения содержат, как известно, позиции как минимум большинства судей Конституционного Суда. Во-вторых, надо заметить, что рассматриваемый закон позиции Конституционного Суда называет правовыми, а все другие (в частности, ст. 35, 36 (ч. 2), 37 (п. 8 ч. 1), 53 (ч. 3), 62 (ч. 1) и 70 (ч. 3)) такой номинацией не удостоивает, поскольку они не имеют

заранее установленной для Конституционного Суда силы, даже если речь идёт о позиции законодателя, т.е. изложенной, по сути, в оспариваемом законе. Это подтверждается и даже тогда, когда Закон о Конституционном Суде обозначает позицию конкретного судьи, – здесь приставка «правовая» тоже отсутствует (ч. 3 ст. 70). Следовательно, правовая позиция Конституционного Суда и есть правовая позиция большинства его судей, а сами эти понятие синонимичные и взаимозаменяемые.

Определение правовых позиций затрагивалось самим Конституционным Судом, но вскользь и в рамках решений по конкретным делам. Так, в абз. 2 п. 4 мотивировочной части своего определения от 7 октября 1997 г. № 88-О он разъяснил, что правовая позиция содержит толкование конституционных норм либо выявляет конституционный смысл закона, на которых основаны итоговые выводы Конституционного Суда, и формулируется в мотивировочной части его решений. Правда, здесь же и позднее другим своим разъяснением – в абз. 3 п. 1 мотивировочной части определения от 25 июля 2001 г. № 138-О – Конституционный Суд указал на возможность закрепления своих правовых позиций и в резолютивной части решений.

У большинства исследователей практически нет возражений, что суть правовой позиции составляет само конституционное толкование либо истолкование, упор на что делался ещё при разработке проекта Закона о Конституционном Суде. Но правовые позиции, вопреки в то же время распространённому в юридической науке мнению [23. С. 23; 24. С. 51], будучи связанные контекстом исторически конкретного решения, тем не менее не включают в себя резолютивную часть в той мере, в какой она подытоживает вопрос о конституционности того или иного нормативного акта либо отдельного его положения. В противном случае изменение правовой позиции рассматривалось бы и как изменение либо отмена ранних резолюций Конституционного Суда относительно конституционности нормативного акта [25. С. 36].

Насчёт ошибочности включения правовых позиций Конституционного Суда в резолютивную часть его решений встречаются справедливые высказывания о необходимости различать по существу правовую позицию и итоговый вывод (собственно решение) Конституционного Суда [8. С. 73; 26. С. 60]. Последний, содержащийся в резолютивной части решения Конституционного Суда, безусловно, является некоторой, а то и прямой проекцией правовых позиций, сформулированных в мотивировочной части, и лишь в этом – генетическом – смысле сохраняет в себе их качества. Между тем подобная проекция в резолютивной части решения по форме своего изложения, функциональной направленности и правовым последствиям становится уже формулировкой конкретного решения Конституционного Суда, его итоговым выводом и собственно решением, т.е. резолюцией.

Наряду с описательной, фактологической и иной информацией и помимо собственно конституционно-правовой интерпретации в мотивировочной части своих решений Конституционный Суд излагает утверждения и суждения с определённо волевым по-

тенциалом. Конституционное толкование (истолкование) – не исключительное содержание правовых позиций, т.е. оно ещё не единственная цель суждений, которую может выстроить и выстраивает Конституционный Суд в своей интерпретационно-юрисдикционной деятельности. Кроме того, при непосредственной или опосредованной конституционной интерпретации сама такая интерпретация выступает средством познания и верификации объектов конституционного контроля. Отсюда нормативное правопозиционирование имеет место не только в самой интерпретации, но и в тех исходных суждениях либо вытекающих из неё умозаключениях, которые могут выступать как соответственно предшествующий самой интерпретации либо последующий ей уровень правопонимания. Такое понимание служит как бы промежуточным звеном интеллектуально-волевого познания и выражения конституционно-правового должностования, вытекающего из Конституции или / и проецированного (но не обусловленного) иным объектом конституционного контроля, а значит, может быть уяснено как своеобразный уровень (ступень) конституционной конкретизации и во всяком случае нового правового развития. Иными словами, Конституционный Суд может дать самостоятельные установки либо прийти к новым выводам, имплицитно соотносящимися с Конституцией и в то же время ею не данными, но логически обусловленными состоянием системы правового регулирования, объективным развитием социальной реальности или в чём-то даже качеством судейского правосознания.

Следовательно, правовая позиция Конституционного Суда в своём содержании неоднородна и может выражаться в виде не только конституционной интерпретации, но и имплицитного утверждения или суждения. Не являющиеся собственно конституционной интерпретацией такие логико-смысловые моменты в контексте аргументации выполняют постановочную, акцентирующую или иную смыскоординирующую функцию, т.е. служат для толкования (истолкования) неким дополнительно вводимым утверждением¹⁰, зачастую доктринальным по своим истокам, но от того не умаляющим его принципиальное (идейно-узловое) значение для целей правопозиционирования. Такие утверждения вводятся извне в качестве вспомогательного средства с тем, чтобы обозначить либо даже предопределить движение последующей аргументации. Например, при проверке конституционности отдельных положений законодательства о занятости населения Конституционный Суд абз. 2 п. 2 вводит в мотивационный «корпус» своего Постановления от 16 декабря 1997 г. № 20-П понятие социального риска и раскрывает его как всякое состояние, характеризующееся «невозможностью иметь заработок (трудовой доход) или его утратой либо недостаточностью для жизнеобеспечения человека и нетрудоспособных членов его семьи». Данное, по сути, нормативно-дефинитивное предписание позволило Конституционному Суду интерпретировать ряд конституционных положений о социальной защите применительно к различным состояниям социального риска¹¹. В других случаях, имплицитное сужде-

ние может иметь характер промежуточного (не итогового) умозаключения (вывода), которое в мотивировочном изложении следует, как правило, после определения Конституционным Судом нормативно-правовых основ предстоящей аргументации либо непосредственно за конституционным толкованием (истолкованием) предмета конституционно-контрольной деятельности, но напрямую не вытекает из них. Такого рода вывод имел место, к примеру, в абз. 3 п. 4 мотивировочной части Постановления от 24 октября 1996 г. № 17-П по делу о проверке конституционности отдельных положений законодательства об акцизах, где Конституционный Суд, взаимноимплицитно положения Конституции и текущего законодательства (гражданского, таможенного, уголовного), признал общим для всех отраслей права принцип недопустимости обратной силы закона, ухудшающего положение граждан, тогда как непосредственно Конституцией он сформулирован лишь по отношению к уголовной и налоговой сферам (ст. 54 и 57). Всё это собственно то, что является так называемой аппликативной конкретизацией, выступающей исходным пунктом интерпретации или «прагматическим» её продолжением [28. С. 383–403], т.е. в нашем случае взаимопроекцией («двойной» или «встречной» интерпретацией) Конституции и конкретного объекта конституционного контроля (будь-то норма права, типизированное общественное отношение или даже правовая проблематика). Наглядностью такого рода конкретизации могут служить и многие другие решения Конституционного Суда, выявляющие конституционно-правовой смысл нормативного акта, но красноречивым является, пожалуй, знаменитое его Постановление от 31 октября 1995 г. № 12-П, в котором в результате толкования ст. 136 Конституции он, по сути, ввёл в правовую систему абсолютно новую разновидность федеральных законов¹².

Таким образом, правовая позиция выражается не только в конституционном толковании (истолковании), присутствующем, так или иначе, в мотивировочной технологии на уровне само собой разумеющегося. Предшествующие ему и следующие за ним соответственно вводные и промежуточные установки (суждения, выводы) Конституционного Суда также являются результатом технологии непосредственной конкретизации Конституции и имеют характер, несомненно, нормативно-интерпретационных суждений (установок), имманентно обосновывающих итоговый вывод Конституционного Суда. В то же время правовая позиция становится таковой лишь при той структурно-смысловой совокупности нормативно-правовых суждений (предписаний), которая обеспечивает ей выход на уровень качественно (предметно) завершённого ориентира. В этом как раз и успех подхода Н.В. Витрука, определившего правовую позицию как снимающую неопределённость в конкретных конституционно-правовых ситуациях [9. С. 95]. Иными словами, правовая позиция немислима, если не содержит хотя бы частного (предварительного или промежуточного) ответа по существу дела, проблематики. Поэтому правовая позиция должна быть положительно соотносена с существом дела и, в конечном

счёте, с итоговым по нему выводом Конституционного Суда. Этим же, кстати, правовая позиция и отличается от нормативно-правовых предписаний, содержащихся в решении Конституционного Суда на более элементарном уровне и не полно (не обязательно) выражающих предмет, т.е. конкретно разрешённую судом проблему.

Итак, правовые позиции не являются элементарной нормативной единицей решения, а представляют собой смысловое соединение нормативно-правовых предписаний, сформулированных в решениях Конституционного Суда. Но в отличие от этих предписаний правовая позиция, находясь также в структуре решения Конституционного Суда, в то же время не имеет жёстких предположно-текстуальных рамок, поскольку может выражаться как одним, так и несколькими предложениями либо вовсе находиться на пересечении нескольких решений. Проще говоря, правовая позиция выступает не столько структурной единицей решения Конституционного Суда, сколько активной формой существования нормативных предписаний, – впрочем их совокупное функционирование она и обеспечивает. Так или иначе её трудно вогнать в рамки чисто структурного восприятия, поскольку если нормативное предписание структурно и выступает результатом юрико-технического возделывания (размежевания) права, то правовая позиция концептуальна и может располагаться на поле целого дискретного множества нормативно-правовых предписаний.

Правовая позиция Конституционного Суда находится в системе правовых аргументов и в рамках определённого решения может служить доводом какого-то порядка, поскольку нельзя не учитывать мотивационного характера конституционно-контрольной деятельности. Правовые позиции в любом их мотивировочном расположении будут находиться в какой-то степени аргументационной приближенности к итоговому выводу Конституционного Суда, и останавливаться на их анализе как правовых аргументов нет, казалось бы, чего-то принципиального. Но это не во всём однозначно.

Правовой позиции не присуща как другим аргументам жёсткая структурная зависимость от конкретного итогового вывода Конституционного Суда, поскольку она может стать аргументом (основанием) любого другого его решения и в этом смысле несколько автономна от конкретной резолюции. Принципиально как раз то, что правовая позиция по своему характеру не является правовым аргументом или доводом вообще. В рамках любого решения Конституционного Суда она лишь функционально видится правовым аргументом, но от этого не становится таковым¹³. То есть необходимо различать вот этот, на наш взгляд, двойную аспектность правовых позиций для конкретного мотивационного случая. Можно возразить, конечно, что они не формулируются с заведомым расчётом на применение к последующим делам, а появляются именно как правовая аргументация, обоснование конкретной резолюции Конституционного Суда. Генетически это верно, но правовая позиция формулируется Конституционным Судом более

абстрактно или даже категорично – как ориентир для любых субъектов при разрешении аналогичных или тождественных вопросов, поскольку, имея характер собственно позиции, т.е. некоего правового устоя (основания), не стоит впредь ожидать, что он отклонится от неё, да ещё и при тех же конституционно-правовых условиях. Это впрочем не говорит о раздельном существовании решения и правовой позиции Конституционного Суда, они взаимосвязаны как форма и содержание. Автономность правовой позиции видится нам лишь в той части, в какой она освобождается от такой вспомогательной роли, как обоснование (аргументация, обслуживание) лишь конкретного итогового вывода.

Правовая позиция как именно позиция Конституционного Суда, содержащаяся в его решениях со всеми вытекающими отсюда юридическими свойствами и силой, становится общеобязательной и непреодолимой. Стало быть, более точно определение правовых позиций в качестве правовых положений, пригодных для обоснования итогового вывода как исходного, так и любого последующего решения Конституционного Суда с аналогичным предметом. Полную ясность в этот вопрос вносит и, по нашему мнению, ставит точку в нём ч. 1 ст. 47¹ Закона о Конституционном Суде, в которой законодатель официально признал право Конституционного Суда класть в основание рассмотрения и разрешения дел правовые позиции, содержащиеся в ранее принятых им постановлениях. Тем самым правовая позиция становится полноценным юридическим основанием и ставится в один ряд с такими правовыми основами судебного разрешения конституционных споров, как Конституция, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, общеправовые принципы.

В субъективно-объективном смысле правовая позиция и составляющие её предписания выражают отношение, правопонимание Конституционного Суда, становятся официальной системой его взглядов на те или иные процессы, явления, обретают характер некоего принципа, целого пласта своеобразной конституционно-контрольной политики данного органа. Поэтому правовая позиция – ещё и юридический инструмент, позволяющий Конституционному Суду распространять императивность своих постановлений, специфично выраженную во втором предложении ч. 2 ст. 79 Закона о Конституционном Суде, на определения Конституционного Суда как раз посредством фиксации в них данных позиций. Действительно, это уже и официальная доктрина и, по сути, часть конституционно-правового образа мышления, правосознания как минимум большинства судей Конституционного Суда, переломить которое возможно под весом только серьёзных объективных разумений и изменений.

Вместе с тем в круг правовых позиций нельзя включать те «моменты» решения, в которых Конституционный Суд попутно воспроизводит, скажем, законоположения, поскольку в таком случае это правовая позиция не Конституционного Суда, а законодателя. Но тогда, когда в той или иной части решение Консти-

туционного Суда не просто воспроизводит, а универсализирует положение, в частности, того же закона, то соответствующая часть судебного решения вполне может считаться правовой позицией или во всяком случае иной регулятивно значимой составляющей в силу уже того факта, что тем самым фиксируется конституционно-правовая значимость указанного законоположения, т.е. ему придаётся новый уровень или масштаб действия. Конституционный Суд, включая те или иные нормативные или даже научные установки в мотивационный «корпус» своего решения, не раз придавал им властно-ориентирующий характер, т.е. сообщал им конституционно-правовой вектор. Известен целый ряд решений Конституционного Суда, когда правило, юридически предписанное для одной сферы отношений, он распространял на другие, что и произошло, к примеру, с принципом презумпции невиновности, который Конституционный Суд, исходя из требования справедливости, посчитал применимым в отношении любой сферы публичной ответственности и универсализировал его как принцип виновной ответственности (абз. 6 п. 5 мотивировочной части Постановления от 15 июля 1999 г. № 11-П). Это не просто аналогия, технологически остающаяся в правоприменительном аспекте, а властно-волевая данность (установка), предписанная на перспективу всем органам и иным субъектам определённых правоотношений.

Итак, рассмотренные выше проявления и характеристики правопозиционирования в актах конституционного судоворения позволяют прийти к выводу, что правовая позиция Конституционного Суда – это содержащиеся в мотивировочной части решения Конституционного Суда и выявленные в результате толкования Конституции и / или соотносимого с ней иного объекта конституционного контроля правовые положения (установления) Конституционного Суда, которые носят характер конституционной (конституционно-правовой) интерпретации или имплицитно-волевого утверждения (умозаключения, суждения), отражают его конституционное правопонимание, официальную точку зрения по определённому правовому вопросу и служат правовым аргументом (основанием), пригодным в обоснование итогового вывода как исходного, так и любого последующего решений Конституционного Суда с аналогичным либо тождественным предметом.

Содержание правовых позиций обладает не структурно-логическим, как у других правовых положений, а структурно-смысловым (предметно-тематическим) единством, сами они выражают «дух» решения Конституционного Суда, основные его выводы, представляют собой сращение его аргументации (мотивации) и выводов. Правовая позиция Конституционного Суда наделяется далее теми же качествами, что и его решения, но не сама по себе, а в виду именно составляющей этих решений. В силу этого она обязательна для субъектов правотворчества и правоприменения, может и должна использоваться ими в обоснование их собственных решений. В структурно-логическом же смысле она остаётся совокупностью содержащихся в мотивировочной части решения Конституционного Суда нормативно-правовых предписаний, однород-

ность которых обусловлена единством предмета правовой аргументации, т.е. структурно-смысловой общностью и последовательностью.

Для сличения и различения положений, содержащихся в решении Конституционного Суда, в целях определения их нормативного потенциала, а говоря иначе, выявления в них признаков нового правового регулирования, да ещё и не обязательно в содержательном плане, однозначно требуются не просто эрудированное знание текущего законода-

тельства, но и высокие квалификация, профессионализм в области права. Эта весьма трудная задача отчасти может быть разрешена и разрешается посредством систематизации правовых позиций и иных положений решений Конституционного Суда с нормативным содержанием по отраслевому или иному признаку. Такая систематизация и составляет дальнейшую перспективу изучения и решения проблемы правовых позиций, как и решений Конституционного Суда в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее – Конституционный Суд.

² Этому подходу придерживаемся и мы [3. С. 17–18].

³ Так, постулируя наличие в решениях Конституционного Суда правовых позиций, некоторые исследователи пытаются объяснить между ними разницу за счёт сведения последних до уровня всего лишь правовой доктрины или доктринального толкования, теоретического разъяснения юристами правовых норм, поскольку признают значение источника права за самими указанными решениями [4. С. 27–29].

⁴ Н.Ф. Гуцан, в частности, называет такое свойство решений Конституционного Суда «правовой пропозициональностью» [5. С. 16–17].

⁵ Далее – Закон о Конституционном Суде.

⁶ Хотя первоначально автор отождествлял правовую позицию с правовыми аргументами [7. С. 9].

⁷ Далее – Конституция.

⁸ При этом функциональность этой части не нарушается её вычлениением из целого, т.е. из правовой позиции.

⁹ Поэтому необходимо различать также итоговое решение Конституционного Суда как правовой акт, целый документ и как лишь итоговый вывод, резолюцию Конституционного Суда по делу.

¹⁰ С лингвистической точки зрения это собственно уже позиция, идентифицируемая через свойства, координируемые соседними элементами текста или предложения [27. С. 51]. То что в нашем случае названо утверждением, имеет место при координации таких текстуально-смысловых частей решения, как конституционная интерпретация (толкование или истолкование) и промежуточный вывод. Причём эти элементы могут быть в различной последовательности, чередоваться и множиться в рамках одного пункта мотивировочной части.

¹¹ По сути, Конституционный Суд ввёл в правовой оборот обобщающее все случаи, с которыми Конституция связывают право на социальное обеспечение, определение, распространяя и повышая тем самым уровень гарантированности их правовой защиты вне зависимости от того, Конституцией или законом они установлены. Что касается рассматриваемого постановления, то в нём имелось в виду такое состояние социального риска, как безработица.

¹² Конституционный Суд в данном деле мог ограничиться выводами, что внесение конституционных поправок посредством существовавших тогда видов федеральных законов невозможно, и отдать решение этого вопроса на откуп законодателю. Но суд пошёл дальше простой интерпретации и не иначе как установил новый, доселе неизвестный вид федерального закона – Закон РФ о поправке к Конституции.

¹³ Это равносильно тому, чтобы использовать, например, норму закона в качестве обоснования и называть её лишь аргументом. Очевидно, что такая норма при использовании её в конкретном деле является аргументом лишь по применению, но сохраняет свои исходные качества как при этой, так и любой иной ситуации применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко, Н.П. Вовченко и др. М. : Зерцало-М, 2001. Т. 3. 528 с.
2. Кажлаев С.А. Генезис и способы универсализации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
3. Романов М.Л. К вопросу о юридической природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 2. С. 15–19.
4. Гаврюсов Ю.В. Правовая природа решений органов конституционной юстиции // Вестник Калининградского юридического института МВД. 2009. № 2. С. 24–30.
5. Гуцан Н. Акты конституционной юстиции в Российской Федерации // Право и жизнь. 2004. № 2. С. 15–34.
6. Аметистов Э.М. и др. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / отв. ред. Н.В. Витрук и др. М. : Юрид. лит., 1996. 352 с.
7. Лазарев Л.В. Конституционный Суд Российской Федерации и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3–13.
8. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Городец ; Формула права, 2003. 528 с.
9. Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : понятие, правовая природа, юридическая сила и значение // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 95–102.
10. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 656 с.
11. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в России : учеб. пособие. М. : Изд-во БЕК, 1998. 462 с.
12. Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 81–85.
13. Лучин В.О., Моисеенко М.Г. Формирование правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. М. : ИГП РАН, 2000. С. 54–73.
14. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие. М. : Юринформцентр, 2000. 393 с.
15. Петров А.А. Структура и юридическое значение мотивировочной части решения Конституционного Суда Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2007. № 2. С. 9–17.
16. Александрова З.К. и др. Конституционный судебный процесс : учеб. / отв. ред. М.С. Саликов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 352 с.
17. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М. : Городец, 1999. 768 с.
18. Страшун Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное правосудие. 2001–2002. № 4–1. С. 154–167.

19. Бондарева Е.А., Белоконь Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как интерпретационная категория и логико-языковая конструкция // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2. С. 23–28.
20. Абова Т.Е. и др. Процессуальное право : энциклопедический словарь / отв. ред. Т.Е. Абова и др. М. : НОРМА, 2003. 608 с.
21. Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84–87.
22. Петров А.А. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как предмет законодательной регламентации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21. С. 25–28.
23. Маврин С.П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6. С. 23–33.
24. Саликов М.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : понятие и система // Правоведение. 2004. № 5. С. 49–59.
25. Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 215 с.
26. Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель – налогоплательщик – государство: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : учеб. пособие. М. : ФБК ПРЕСС, 1998. 592 с.
27. Касимова О.П. Позиция, функция и валентность как системные понятия // II Международные Бодуновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.) : труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 49–51.
28. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июня 2018 г.

THE LEGAL NATURE AND ESSENCE OF LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 212–219.

DOI: 10.17223/15617793/434/30

Maksim L. Romanov, Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: lawcomtex@gmail.com

Keywords: decision of the Constitutional Court; legal position of the Constitutional Court; constitutional interpretation.

The aim and objectives of the research are to reveal the essential characteristics and the scientific and legal definition of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, to identify their place in the structure of court decisions, the features of their structural-content construction and logical and semantic expression. Based on the analysis of constitutional legislation, jurisprudence and scientific studies of other researchers, the use of primarily dialectical, system-structural and comparative-legal methods, an attempt was made to harmonize regulatorily significant aspects of legal positions and decisions of the RF Constitutional Court, to update the corresponding conceptual framework. A conclusion is drawn that a legal position contained only in the reasoning part of the decisions of the RF Constitutional Court is not a legal argument or argument in general by its nature; structurally, unlike other arguments, it depends on a particular final conclusion of the RF Constitutional Court and can become the basis (argument) for its any other decisions. From the analysis of Part 1 of Article 47 of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”, in which the legislator officially recognizes the right of the RF Constitutional Court to put legal positions in the basis of consideration and resolution of cases, it is assumed that they are placed on a par with such legal bases for judicial settlement of constitutional disputes as the Constitution, universally recognized principles and norms of international law, international treaties of the Russian Federation, general legal principles. Undoubtedly, as a result of the interpretation of the Constitution of the Russian Federation and (or) the object of normative control related to it, a legal position is legal provisions (regulations) which are implicitly volitional statements by nature, they reflect the constitutional interpretation of law, the official point of view of the RF Constitutional Court on a particular legal issue. It is also suggested that a legal position is not so much a structural unit of the decision of the RF Constitutional Court, but an active form of regulatory prescriptions; thus it ensures their systematic functioning. Therefore, the content of a legal position does not possess a structural logical unity of normative-interpretational and other authoritative provisions of the Constitutional Court, like other legal provisions, but a structural semantic (subject-thematic) one. A legal position itself expresses the “spirit” of the decision of the RF Constitutional Court, its main conclusions; it is a fusion of its argumentation (motivation) and conclusions.

REFERENCES

1. Marchenko, M.N. et al. (eds) (2001) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskii kurs: v 3 t.* [General theory of state and law: an academic course: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Zertsalo-M.
2. Kazhlaev, S.A. (2006) *Genezis i sposoby universalizatsii pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Genesis and methods of universalization of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
3. Romanov, M.L. (2006) K voprosu o yuridicheskoy prirode resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [On the issue of the legal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. 2. pp. 15–19.
4. Gavryusov, Yu.V. (2009) *Pravovaya priroda resheniy organov konstitutsionnoy yustitsii* [The legal nature of the decisions of the constitutional justice bodies]. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD*. 2. pp. 24–30.
5. Gutsan, N. (2004) *Akty konstitutsionnoy yustitsii v Rossiyskoy Federatsii* [Acts of constitutional justice in the Russian Federation]. *Pravo i zhizn'*. 2. pp. 15–34.
6. Ametistov, E.M. et al. (1996) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii”*. *Kommentariy* [Federal constitutional law “On the Constitutional Court of the Russian Federation.” A commentary]. Moscow: Yurid. lit.
7. Lazarev, L.V. (1997) *Konstitutsionny Sud Rossiyskoy Federatsii i razvitie konstitutsionnogo prava* [The Constitutional Court of the Russian Federation and the development of constitutional law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 3–13.
8. Lazarev, L.V. (2003) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow: Gorodets; Formula prava.
9. Vitruk, N. (1999) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, pravovaya priroda, yuridicheskaya sila i znachenie* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: concept, legal nature, legal force and significance]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3. pp. 95–102.
10. Ebzeev, B.S. (2015) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, the people, the state in the constitutional order of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.

11. Kryazhkov, V.A. & Lazarev, L.V. (1998) *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossii* [Constitutional justice in Russia]. Moscow: Izd-vo BEK.
12. Gadzhiev, G. (1999) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik konstitutsionnogo prava [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of constitutional law]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3. pp. 81–85.
13. Luchin, V.O. & Moiseenko, M.G. (2000) Formirovanie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii po problemam konstitutsionnogo prava [Formation of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the problems of constitutional law]. In: Khabrieva, T.Ya. (ed.) *Teoreticheskie problemy rossiyskogo konstitutsionalizma* [Theoretical problems of Russian constitutionalism]. Moscow: ISL RAS.
14. Tikhomirov, Yu.A. (2000) *Kollizionnoe pravo* [Conflict law]. Moscow: Yurinformsentr.
15. Petrov, A.A. (2007) Struktura i yuridicheskoe znachenie motivirovochnoy chasti resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [The structure and legal significance of the motivation part of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Akademicheskyy yuridicheskyy zhurnal*. 2. pp. 9–17.
16. Aleksandrova, Z.K. et al. (2014) *Konstitutsionnyy sudebnyy protsess* [The constitutional judicial process]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
17. Kryazhkov, V.A. (1999) *Konstitutsionnoe pravosudie v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii (pravovye osnovy i praktika)* [Constitutional justice in the subjects of the Russian Federation (legal framework and practice)]. Moscow: Gorodets.
18. Strashun, B. (2001–2002) Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik prava [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law]. *Konstitutsionnoe pravosudie*. 4–1. pp. 154–167.
19. Bondareva, E.A. & Belokon, N.V. (2014) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak interpretatsionnaya kategoriya i logiko-yazykovaya konstruktziya [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as an interpretative category and a logical-linguistic structure]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2. pp. 23–28.
20. Abova, T.E. et al. (2003) *Protsessual'noe pravo: entsiklopedicheskiy slovar'* [Procedural law: an encyclopedic dictionary]. Moscow: NORMA.
21. Romanova, O.V. (2001) K voprosu o ponyatii i pravovoy prirode pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF [On the concept and legal nature of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 84–87.
22. Petrov, A.A. (2008) Pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak predmet zakonodatel'noy reglamentatsii [The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation as a subject of legislative regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 21. pp. 25–28.
23. Mavrin, S.P. (2010) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: priroda i mesto v natsional'noy pravovoy sisteme [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: nature and place in the national legal system]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 6. pp. 23–33.
24. Salikov, M.S. (2004) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: ponyatie i sistema [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: the concept and system]. *Pravovedenie*. 5. pp. 49–59.
25. Kryazhkova, O.N. (2004) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: Voprosy teorii i praktiki* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Issues of theory and practice]. Law Cand. Dis. Moscow.
26. Gadzhiev, G.A. & Pepelyaev, S.G. (1998) *Predprinimatel' – nalogoplatel'shchik – gosudarstvo: Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Entrepreneur – taxpayer – state: Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow: FBK PRESS.
27. Kasymova, O.P. (2003) Pozitsiya, funktsiya i valentnost' kak sistemnye ponyatiya [Position, function and valency as system concepts]. In: Galiulina, K.R. & Nikolaeva, G.A. (eds) *II Mezhdunarodnye Baudouinovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost' (Kazan', 11–13 dekabrya 2003 g.): trudy i materialy: v 2 t.* [II International Baudouin Readings: Kazan Linguistic School: traditions and modernity (Kazan, December 11–13, 2003): works and materials: in 2 vols]. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 49–51.
28. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.

Received: 20 June 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВИЛОВ Роман Сергеевич – канд. ист. наук, и.о. ст. науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук; главный библиотекарь отдела научно-исследовательской и методической работы Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: avilov-1987@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – преподаватель кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

АХМЕДШИНА Наталия Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: dana74@mail.ru

БУРМИСТРОВ Андрей Денисович – магистрант кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: aburmistrov-fk17@stud.sfu-kras.ru

БУРУХИНА Елена Николаевна – канд. ист. наук, специалист Районного исполнительного комитета Санкт-Петербургского регионального отделения партии «Единая Россия». E-mail: lena.buruhina@yandex.ru

БУШУЕВА Людмила Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: sebeleva@yandex.ru

ВАН ГОХУН – аспирант кафедры отечественной истории, директор Института Конфуция Томского государственного университета. E-mail: wangguohong@mail.ru

ВЕДЕРНИКОВ Николай Трофимович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tsu-crime@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ВОЛКОВА Евгения Владимировна – магистрант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: evgeniavolkova@yandex.ru

ЖАВОРОНОК Анастасия Валерьевна – ассистент кафедры экономики Томского политехнического университета. E-mail: an.zhavoronok@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета. E-mail: snori76@mail.ru

ЗЕЛЕНЕВА Ирина Владимировна – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: irina_zeleneva@mail.ru

КАРАБАЕВА Юлия Станиславовна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: PalSysoich@yandex.ru

КИРИЛЛОВЫХ Андрей Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: kirillovykh2014@yandex.ru

КИРЬЯШ Наталья Сергеевна – аспирант кафедры теории и методики физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: natasha_240892@mail.ru

КОСТЯКОВ Артем Олегович – магистрант, лаборант-исследователь лаборатории онтологии и эпистемологии рациональности Новосибирского государственного университета. E-mail: mrdodger13@yandex.ru

КУРИЛО Светлана Алексеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета; менеджер отдела международного рекрутинга студентов Томского политехнического университета. E-mail: coureelosvetlana@gmail.com

ЛОБАНОВ Виктор Викторович – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: danvelur@rambler.ru

МАЗУР Екатерина Сергеевна – д-р мед. наук, зав. кафедрой уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: Si_An@mail.ru

МАНЖЕЛЕЙ Ирина Владимировна – д-р пед. наук, профессор кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: mangley60@mail.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: mna@tpu.ru

МОВШОВИЧ Алек Давыдович – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики фехтования, современного пятиборья, восточных боевых искусств Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (г. Москва). E-mail: alek-movshovich@yandex.ru

ПОМАРОЛЛИ Джорджа – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: giorgiapomarolli@hotmail.it

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

ПРОХОРОВ Александр Иванович – аспирант кафедры философии и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург). E-mail: eisensarg@mail.ru

РАДАЕВА Светлана Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: svetlanaradeva70@mail.ru

РЕПЬЕВ Артем Григорьевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: rep-ev-artem@yandex.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Михайловна – канд. экон. наук, ст. преподаватель кафедры экономики Томского политехнического университета. E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

РОМАНОВ Максим Леонидович – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Астраханского государственного технического университета. E-mail: lawcomtex@gmail.com

СЕЛИВАНОВ Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sde29study@yandex.ru

СЕРЕГИН Николай Николаевич – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

СУМЦОВА Ольга Витальевна – ст. преподаватель отделения иностранных языков Томского политехнического университета; аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: olgasumtsova0205@mail.ru

ТИШКИН Алексей Алексеевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. E-mail: tishkin210@mail.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: vfar@mail.ru

ФЕОКТИСТОВА Любовь Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: l.a.feoktistova@urfu.ru

ХОМЕНКО Денис Юрьевич – преподаватель Красноярского медицинского техникума; ст. преподаватель Центра довузовской подготовки Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева E-mail: khomenko_denis@mail.ru

ХУДИК Светлана Сергеевна – магистрант кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: Zigi136@ya.ru

ЦЕЛИЩЕВ Виталий Валентинович – д-р филос. наук, вед. науч. сотр. лаборатории онтологии и эпистемологии рациональности Новосибирского государственного университета. E-mail: leitval@gmail.com

ЧАЮН Данил Викторович – ассистент преподавателя кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: chayun2009@mail.ru

ЧЕРНЫШ Ольга Андреевна – аспирант отделения русского языка Томского политехнического университета.
E-mail: chernyshoa@tpu.ru

ЧИКУРОВ Александр Игнатович – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: AChikurov@sfu-kras.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк). E-mail: sofish@inbox.ru

ЮРЬЕВ Роман Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк).
E-mail: yuriev2003@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 434. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 сентября 2018 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 27,8. Усл. печ. л. 25,9. Тираж 50 экз.
Заказ № 3516. Цена свободная.

Дата выхода в свет 23 ноября 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru